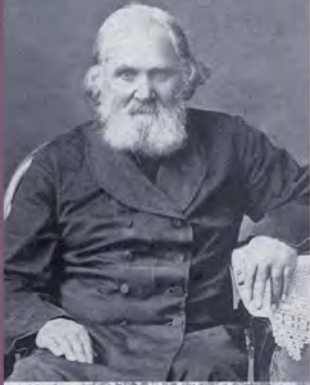

2021

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ИСТОРИИ БРЮКШЕННИКОВО

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ Ежегодник

2021

Институт российской истории РАН
Центр экономической истории ИРИ РАН
Научный совет РАН по экономической истории
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕЖЕГОДНИК 2021

Москва
2022

УДК 330.8; 94(47)
ББК 95,3; 63.3(2); 65
Э 40

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), Л.И. Бородкин (научный редактор), Н.М. Арсентьев, Е.Т. Артемов, С.А. Афонцев, А.А. Бессолицын (ответственный секретарь), С.В. Журавлев, В.Н. Захаров, В.В. Кондрашин, Г.Е. Корнилов, С.К. Лебедев, П.В. Лизунов, А.М. Маркевич, М.Ю. Мухин, С.А. Саломатина, А.К. Сорокин

Э 40 Экономическая история: Ежегодник. 2021. — М.: Институт российской истории РАН, 2022. — 496 с.

ISBN 978-5-8055-0408-3

В очередном выпуске Ежегодника публикуются результаты научных изысканий, посвященных таким проблемам, как дореволюционное фабричное производство Московской губернии России; формирование купеческой династии Стахеевых; деятельность крымских предпринимателей и совершенствование их коммерческой рекламы в XIX — начале XX в.

В рамках изучения экономической истории того же периода демонстрируются итоги работы регионального горного управления страны, анализируется развитие золотопромышленности и золотых ресурсов России/СССР в первой половине XX в.

История финансов представлена публикациями об экономических проектах и предложениях купечества Вятской губернии второй половины XVIII—XIX в., а также о финансово-экономических проблемах российско-украинских переговоров 1918 г.

В трех статьях по аграрной тематике показаны результаты изысканий по вопросам выработки соответствующей политики России в конце XIX — начале XX в., состоянии уральского села в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., а также медицинской сферы на селе в 1990-е гг.

Проблемы экономики предвоенных лет отражены в исследовании, посвященном подготовке советской промышленности к войне. Отдельно представлена малоизученная тема — меновая торговля и денежное обращение в лагерях советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны. В статьях по экономике переходного периода проанализированы хозяйственные преобразования 1980-х гг. в СССР и начало радикальных экономических реформ в России в 1992—1993 гг. В историографическом разделе Ежегодника — публикация, посвященная изучению формирования российской электротехнической отрасли на рубеже XIX—XX вв.

Завершает издание статья Т.М. Китаниной (1929—2020), подготовленная к печати В.В. Кондрашиным, с предисловием Ю.А. Петрова. Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кого интересует экономическая история.

ISBN 978-5-8055-0408-3

© Коллектив авторов, 2022

© Институт российской истории РАН, 2022

Предисловие

Очередной выпуск Ежегодника традиционно посвящен широкой проблематике научных изысканий в области экономической истории России дореволюционного, советского и постсоветского периодов и состоит из 16 статей, подготовленных учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Симферополя, Елабуги, Кирова, Магадана, а также Китайской Народной Республики (Цзилиньский университет, г. Чанчунь).

Издание открывает раздел **«История предпринимательства в России»**. В статье *Г.Н. Ульяновой* впервые освещена столетняя история одного из крупнейших в Российской империи текстильных предприятий — суконной фабрики братьев Бабкиных в Купавне Московской губ. Рассмотрены сюжеты поставок мундирного и шинельного сукна по заказам Военного министерства и торговли с Китаем через Кяхту.

Процесс формирования региональной бизнес-элиты в Российской империи в период 1900—1917 гг. представлен на примере предпринимательской деятельности елабужского купца Ивана Ивановича Стахеева в статье *И.В. Масловой*.

Вклад караимов в развитие промышленности Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. стал предметом изучения *Д.А. Прохорова*. Одной из составляющих коммерческого успеха предприятий различной специализации, которыми владели караимы, были маркетинговые кампании и рекламная продукция. Сделан вывод о том, что представители караимских общин внесли существенный вклад в развитие экономической жизни России в целом и Таврической губ. в частности.

В раздел **«История горнодобывающей промышленности России»** включены две статьи. *Е.Г. Неклюдов* на основе анализа законодательства, делопроизводственной документации, периодической печати и научной литературы проследил историю региональной компоненты горного управления в Российской империи в XIX — начале XX в. Новизна этого исследования заключается в том, что эта история рассмотрена в контексте двух крупных реформ организационных основ отечественной горнозаводской промышленности. Это помогает при интерпретации перемен, происходивших за более чем столетний период.

П.С. Гребенюк представил процесс развития золотопромышленности России и СССР в первой половине XX в., проанализировал широкий круг опубликованных и архивных данных о добыче золота и золотых ресурсах, а также показал значение золота как фактора государственной политики.

Раздел **«История финансов и банков»** представлен двумя статьями. *Ю.П. Голицын* осветил вопросы, которые обсуждались на российско-украинских переговорах. Они проходили в Киеве летом и осенью 1918 г. в соответствии с обязательствами, зафиксированными в Брест-Литовском мирном договоре 3 марта 1918 г. Автор показал варианты раздела финансовой системы Российской империи, включая наличные денежные средства, банковские активы, железные дороги, государственный долг и государственное имущество.

В статье *М.С. Судовикова* рассмотрены экономические проекты и предложения, выработанные представителями одной из региональных групп купеческого сословия России второй половины XVIII—XIX в. — купечеством Вятской

губ. и реализованные в полной мере или частично при тесном взаимодействии власти и бизнеса. Автор констатирует, что в изучаемый период купечество постепенно выходило за рамки сословных интересов; оно не отстранялось от решения сложных экономических вопросов и видело выгоду в устройстве новых дел не только для приумножения собственных капиталов, но и для роста хозяйственного благополучия предпринимательского сообщества и государства в целом.

В раздел, посвященный аграрной истории, включена статья китайского автора *Ч. Гуансяна*, в которой охарактеризована борьба между помещиками и правительством Российской империи за определение аграрной политики в конце XIX – начале XX в.

Г.Е. Корнилов провел анализ аграрного производства и форм его организации на Урале в условиях Великой Отечественной войны. Статья подготовлена на основе годовых отчетов главных производителей и поставщиков сельскохозяйственной продукции. Выявлены особенности аграрного развития в тыловом регионе, изменения в структуре его сельской экономики, соотношение форм организации сельскохозяйственного производства.

О.М. Вербицкая проанализировала основные итоги аграрной реформы 1990-х гг. в контексте ее влияния на здоровье сельского населения. В исследовании показаны сокращение сельской сети медицинских учреждений, ухудшение их технической оснащенности и т.п. Многочисленные людские потери села в период 1990-х гг. в основном объяснимы издержками аграрной политики государства, которое в эти годы существенно ослабило исполнение своих функций, включая контроль за реализацией прав граждан на медицинскую помощь.

Раздел «Экономика войны» представлен статьей *М.Ю. Мухина*, где рассмотрены основные аспекты проводившейся в 1921–1941 гг. подготовки промышленности Советского Союза к функционированию в условиях военного времени. Особое внимание уделено вопросам взаимодействия оборонных и гражданских отраслей промышленности.

В исследовании *М.Г. Николаева* предпринята попытка на основе текстов – материалов личного происхождения (воспоминаний и дневников) – выявить специфику меновой торговли и денежного обращения в лагерях советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны.

Изучению «экономики переходного периода» посвящены две статьи. *Р.Г. Пихоя* на достоверных и разнообразных источниках проанализировал радикальные экономические реформы в СССР в 1980-х гг. Автор делает вывод о закономерном характере крушения советского политического строя.

Ф.В. Малхозова продолжила тему радикальных экономических реформ в России в 1992–1993 гг. Автор рассмотрела небольшой, но важный период современной истории, который дал старт радикальным экономическим реформам, особенностью которых стало то, что они осуществлялись на фоне острого конфликта исполнительной и представительной ветвей власти, за что населению России пришлось заплатить высокую цену.

Историографический раздел представлен статьей *А.А. Бессолицына*, посвященной изучению истории отечественной электротехнической про-

мышленности. Акционерные электротехнические предприятия, выросшие в значительной степени из филиалов иностранных (в основном германских и бельгийских) компаний, получили развитие в России в период экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв. Автор проанализировал все основные этапы изучения проблемы становления и развития этой инновационной для дореволюционной России отрасли производства.

Завершает сборник **раздел, посвященный памяти Т.М. Китаниной** (1929–2020), в который вошла ее статья, характеризующая аграрный сектор экономики России и индустриализацию пореформенного периода. Эта работа подготовлена к печати *В.В. Кондрашиным*, предисловие написано *Ю.А. Петровым*.

Ю.А. Петров, Л.И. Бородкин, А.А. Бессолицын

История предпринимательства в России

Ульянова Г.Н.*

«Сукно для Кяхты, армии и внутренней торговли»: история фабрики братьев Бабкиных в Купавне Московской губернии. 1803–1900-е гг.

Аннотация. В статье впервые освещена столетняя история одного из крупнейших в Российской империи текстильных предприятий – суконной фабрики братьев Бабкиных в Купавне Московской губ. Рассмотрены сюжеты поставок мундирного и шинельного сукна по заказам Военного министерства и торговли с Китаем через Кяхту. С применением микроисторического подхода и на основе обширного комплекса таких архивных и опубликованных источников, как материалы промышленной и торговой статистики, ведомости купцов (1805–1910), обзоры мануфактурных выставок, дневники и мемуары, в статье представлена реконструкция деловой активности купцов Бабкиных. Хронологически исследование охватывает длительный период – с начала XIX до начала XX в., внутри которого протекал процесс российской индустриализации.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, промышленность, торговля, текстильные фабрики, Российская империя, Москва, Кяхта.

Данная статья посвящена истории одного из крупнейших российских предприятий – Купавинской суконной фабрики Бабкиных и продолжает мое многолетнее исследование функционирования фабрик и заводов Московской губ. в XIX в.

История текстильной промышленности сейчас вновь привлекает внимание исследователей¹. При этом важным представляется изучение семейных фирм и их деятельности на протяжении нескольких поколений².

Суконная фабрика братьев Бабкиных в Купавне Богородского уезда Московской губ. была одним из крупнейших текстильных предприятий Российской империи. Еще в XIX в. ведущие исследователи изучали эволюцию предприятия – о фабрике писали М.И. Туган-Барановский в труде «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898) и А.К. Корсак – в работе «Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем» (1857).

История фабрики довольно запутана и требует изучения. В статье впервые представлена общая картина истории предприятия по архивным и опубликованным источникам.

По сведениям, имеющимся в делах Московской купеческой управы и ведомости 1775 г. о мануфактурах (из Российского государственного архива древних актов), некий московский купец Григорий Яковлевич Бабкин в 1736 г. (при императрице Анне Иоанновне) получил с шестью купцами-партнерами привилегию на суконную фабрику³.

Уточнение этого эпизода ранней промышленной истории содержится в законоположении «Высочайшая привилегия, данная купцам Еремеевым и его товарищам на заведение в Москве суконной фабрики»⁴. Там сказано, что московские купцы Андрей Еремеев, Иван Васильков, Андрей Товаров, Андрей Носырев, Григорий Колобов, Роман Журавлев, Григорий Бабкин «всеподдан-

* Ульянова Галина Николаевна – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, galina.ulianova@gmail.com.

нейше били челом о заведении им в Москве вновь суконной фабрики», и было разрешено «суконную фабрику им Еремееву со товарищи завести».

Поскольку в то время стояла важная задача — выработки в России собственного хорошего армейского сукна (которое бы заменило импортируемое), предназначенного для поставок в мундирную канцелярию и в Адмиралтейство, то на заведение фабрики было дано из казны «заимно» (т.е. с возвратом) денег — 10 тыс. руб. «без процентов». Еще 30 тыс. руб. купцы-компанейщики должны были вложить сами. Также фабрике предоставили земельные владения: Кадашевский монетный двор (навечно), «плащильную мельницу» на Яузе, место на Царицынском лугу «для правки и сушки сукон и каразей», три мельницы в селе Тушине⁵.

Предприятие находилось в «старом Денежном Кадашевском дворе в каменных покоех», и в 1775 г. на нем числились 296 работников⁶. По другим данным, обнаруженным А.В. Ковальчуком в РГАДА, в 1761 г. на мануфактуре Бабкина и Еремеева состояли 177 рабочих (изготовлено 31 476 аршин сукна и 7 425 аршин каразей), и в 1770 г. — до 238 чел. (изготовлено 44 879 аршин сукна и 15 100 аршин каразей)⁷.

Бабкин умер в 1769 г., и дело перешло к его сыну, купцу 1-й гильдии Семену Григорьевичу. Позже хозяйкой фабрики стала вдова умершего в 1784 г. Семена — Наталья Лукинична. При ней фабрика упомянута в нескольких источниках. Во-первых, в сенатском указе («вследствие именного») 1791 г. «Об устройстве суконных фабрик и о правилах поставки сукон в Комиссариат для обмундирования армии» (у «купецкой жены Бабкиной» числился 21 безземельный работник)⁸. Во-вторых, в именном указе «О новом положении для суконных фабрик» 1803 г., где отмечено, что фабрика Бабкиной получила «от казны знатное вспоможение» и относится к 1-му классу фабрик⁹. И, в-третьих, в ведомости 1805 г. о московских фабриках («Ведомость, учиненная из поданных от частных приставов сведений о числе состоящих в здешней столице фабриках и заводах»), где было сказано, что фабрика в Пятницкой части произвела в год сукон до 1 300 аршин и каразей¹⁰ — 300 аршин¹¹. Ранее, в 1797 г., производство у Бабкиной при 16 рабочих составляло 4 180 аршин сукна и 1 365 аршин каразей¹².

Наталья Лукинична Бабкина, урожденная Долгова, в последней трети XVIII в. принадлежала к одной из наиболее влиятельных купеческих семей Москвы. Отец Натальи — Лука Иванович Долгов (1722–1789) был купцом 1-й гильдии, именитым гражданином и избирался президентом Московского магистрата¹³, оставил своим 14 или 15 детям (от трех браков) немалые богатства, например, в виде коммерческой недвижимости (лавок в Китай-городе).

Но уже в 1811 г. Наталья по ревизской сказке числилась в 3-й гильдии (по Большой Садовой слободе) и жила в собственном доме вместе с семьей сына — «купеческого сына» 2-й гильдии Петра Семеновича Бабкина, имевшего 26-летнюю жену Марью, на момент ревизии бездетного¹⁴.

Фабрика, находившаяся в Пятницкой части (в Замоскворечье), видимо, прекратила существование, а после 1815 г. династия выбыла из купечества, поскольку принадлежавшие к старой династии Бабкины с 1814 г. «не объявляли капитала» и к подаче ревизской сказки в 1815 г. не явились¹⁵.

Однако фамилия Бабкиных возникла вновь в совсем другой семье при следующих необычных обстоятельствах¹⁶. Бывший фабричный мастер «старых» Бабкиных, некто Семен Иванов, ушедший от хозяина и устроивший собственную суконную фабрику близ Даниловского монастыря, в 1791 г. поступил в 3-ю гильдию. Семен женился на Марье, вдове другого работника фабрики Бабкиных, но своих детей у них не было. Семен и Марья взяли в семью двоих малолетних детей своего соседа — московского мещанина Василия Яковлева после того, как у него умерла жена. Позже семилетний Петр и пятилетний Илья были усыновлены своим крестным отцом, бездетным купцом Семеном Ивановым и его женой. (Примечательно, что позже внук Петра Бабкина, Иван Матвеев, в 1871 г. считал, возможно, искренне, что он прямой потомок первых Бабкиных, хозяев его прадеда¹⁷).

По завещанию Семена Иванова, умершего в 1810 г. и еще бесфамильного, Петр и Илья унаследовали его фабрику в Москве. В 1811 г. купеческой управой 27-летнему Петру и 24-летнему Илье было дозволено называться фамилией Бабкиных¹⁸, по имени прежнего хозяина своего приемного отца, и «отчеством “Семеновыми”». Два брата стали сотрудничать с купцом Рыбниковым, и в 1814 г. их совместная фабрика в Даниловской слободе входила уже в тройку крупнейших в Москве (находясь на третьем месте по объему продукции). Там трудились 845 вольнонаемных рабочих, и выпускалось почти 90 тыс. аршин шерстяных тканей — сукна тонкого, сукна солдатского, фриз (толстой ворсистой шерстяной байки) и байки¹⁹. Продукция фабрики давала 8% всего объема производимых в Москве сукон.

Бабкины быстро разбогатели и перешли сначала во 2-ю, а затем (видимо в 1828—1829 гг.)²⁰ в 1-ю гильдию. В 1825 г. на фабрике, располагавшейся на Малой Даниловской улице (так в это время была переименована южная часть улицы Щипок), числились 300 работников, в том числе 200 совершеннолетних мужчин, 90 малолетних (подростков) и 10 женщин²¹.

В том же году был открыт торговый дом «И. Рыбников и П. и И. Бабкины»²². В справочнике «Список фабрикантам и заводчикам Российской империи» (1832) упомянуто, что фабрика мануфактур-советника Рыбникова и купцов 1-й гильдии Бабкиных производила «сукна тонкие, средние, суровые, драдедам²³ и одеяла»²⁴.

По раскладке Министерства финансов в 1832 г. эта фабрика входила в число 92 поставщиков казенных заказов и должна была поставить за год 20 тыс. аршин армейских сукон для Военного и Морского министерств²⁵.

Все эти сведения о статусе и опыте братьев Бабкиных важны для объяснения судьбы следующего поколения владелиц и прояснения вопроса о времени приобретения ими фабрики в Купавне и их статуса на тот момент.

Рассмотрим далее вопрос о начальном периоде существования фабрики в Купавне. Именно это предприятие на десятилетия стало основой благосостояния семьи Бабкиных и их потомков. По дате основания Купавинской фабрики встречаются варианты, например, 1797, 1800 и даже 1816 г., есть разночтения и по дате приобретения фабрики Бабкиными (1825, 1830 и 1833 г.). Наиболее убедительной представляется версия, высказанная М.И. Туган-Барановским в его знаменитой историко-экономической книге «Русская

фабрика в прошлом и настоящем»: «Основанная купцом Земским, она перешла затем к казне, передавшей ее в 1803 г. князю Юсупову»²⁶, ибо Туган-Барановский смотрел подлинники прошений князя Н.Б. Юсупова (министра и члена Государственного совета) о фабрике в архиве департамента торговли и мануфактур. Причем фабрика в начальный период была шелковой и лишь потом перешла на изготовление сукна, о чем и написал Туган-Барановский: «В 1833 г. Юсупов продал Купавинскую фабрику купцам Бабкиным. Бабкины переменяли производство на фабрике и обратили его (ее. — Г.У.) из шелковой в суконную»²⁷.

Итак, московские купцы 1-й гильдии братья Петр (1784–1840) и Илья (1787–1842) Бабкины²⁸ в 1830-х гг. владели сразу двумя фабриками — московской и купавинской. В 1833 г. (как упомянуто в архивном документе Московской купеческой управы — «Мануфактур-советники и награжденные орденами...») оба брата за заслуги на поприще промышленности получили по ордену Св. Анны²⁹, а в конце 1830-х гг. — почетные звания мануфактур-советников (в архиве сведения об этом пока найти не удалось, но с этими званиями они фигурировали на мануфактурной выставке 1839 г., а Илья Семенович также — в списке первостатейных и 1-й гильдии купцов г. Москвы, составленном в конце 1842 г.)³⁰. В 1843 г. Илья Семенович числился уже почетным гражданином и мануфактур-советником. Он проживал «у церкви Флора и Лавра» на Зацепе в собственном доме³¹.

Бабкины оказались весьма активны в области рекламирования своих товаров и регулярно участвовали во всех российских мануфактурных выставках. В 1829 г. на Первой выставке российских изделий они были отмечены большой серебряной медалью «за добротные и сходные в цене сукна», производимые на московской фабрике³². На выставке 1835 г. их ждал новый успех — мануфактур-советника Рыбникова и почетных граждан Бабкиных наградили правом употреблять на своих изделиях Государственный герб «за обширное производство мезерицких и масловых сукон для Кяхтинской торговли» на фабрике в Купавне³³. В обзоре выставки 1835 г. А. Башуцкий отмечал: «Эта фабрика заслуживает внимание значительностью и постоянством своего производства», добавляя, однако: «желательно, чтобы она снабдила себя новейшими аппаратами»³⁴, и тогда бы при усовершенствовании оборудования качество еще повысилось.

Впрочем, за год до очерка А. Башуцкого в «Журнале мануфактур и торговли» появилось описание поставленной на фабрике в Купавне сукнопромывальной машины. Это была установка, состоявшая из нескольких резервуаров (ступ), куда насосом подавалась вода для очистки сукна от жира и масла, и последующего отжима; машина приводилась в действие лошадьми³⁵.

Эксплуатация рабочих на Купавинском предприятии была нещадной, но что старый хозяин — Юсупов, что новые — Бабкины, держали заработную плату на минимальном уровне, причем жалование приписанных к фабрике посессионных людей было ниже, чем у вольнонаемных. М.И. Туган-Барановский в «Русской фабрике...» описывает волнения на Купавинском предприятии в 1830-х гг. В 1834 г. после неурожая повысилась цена хлеба, рабочие из Купавны подали жалобу министру финансов на недостаточность заработной платы

и просили сравнять ее с той, что получали вольнонаемные. Вскоре рабочие бросили работу. Одного рабочего арестовали, но он был освобожден своими товарищами. По распоряжению губернатора в Купавну было отправлено две роты солдат и 30 казаков. Они наказали пять рабочих плетью. Лично прибывший в Купавну губернатор Д.В. Голицын потребовал, чтобы остальные дали подписку о повиновении фабрикантам, но рабочие подписки не дали³⁶.

Фабрика Бабкиных в Купавне. Литография 1840-х гг.

На фабрике в Купавне изготавливались шерстяные ткани разных сортов и цветов: прежде всего черные, синие и пунцовые, а также сукна так называемые масляные и мезерицкие (также встречается написание «мизерицкие» — по названию места Мизерицы в Польше, где вначале производились такого качества сукна, которые очень нравились китайцам³⁷). Мезерицкие сукна делали из хорошей русской шерсти, чаще екатеринославской³⁸.

Бабкины заняли свою нишу рынка, не только торгуя по всей России своими добротными сукнами, но и отправляя их уже с 1830-х гг. в Китай через Кяхту. Эта торговля шла более 50 лет³⁹. Русские сукна были востребованы в северной части Китая, поскольку по своей плотности они более соответствовали суровому, особенно зимой, климату, чем тонкие английские и французские сукна.

Что касается производственного процесса и степени сложности технологии, а также сбыта, то считалось, что «в техническом и торговом отношении нет фабрикация многосложнее суконной»⁴⁰. От покупки шерсти и поступления сукна в продажу требовалось не менее шести месяцев на полный цикл обработки волокна, ткачества и окраски. Еще от 12 до 15 месяцев проходило, пока фабрикант вывозил ткань на продажу на ярмарку, отдавал ее оптовому покупателю в кредит, а потом получал деньги после продажи товара оптовиком чаще всего через год, на следующей ярмарке — «капитал не возвращается к фабриканту раньше 12 или 15 месяцев»⁴¹. Поэтому осуществляемые вначале братьями Бабкиными, а потом их наследниками регулярные крупные поставки в армию и Кяхту гарантировали стабильный доход. Фабрика Бабкиных подстраивалась под вкусы китайцев, производя ткани черные, красные, полосатые и того качества, которое было популярно у потребителя.

В Кяхте осуществлялась меновая торговля на паритетных условиях. Оборот ее, например, в 1843 г. с каждой стороны составил около 6,8 млн руб. При этом основным товаром, поставляемым русской стороной, были (по нашим подсчетам) сукна (49%), а китайской — чай (96%)⁴².

Деятельность Бабкиных шла успешно, о чем свидетельствовало приобретение ими в 1830-х гг. недвижимости в центре Москвы. Два огромных владения (стоимостью 51 428 руб. сер. и 12 857 руб. сер. по городской оценке 1842 г.)⁴³ находились на бойком месте — на площади Тверских ворот — и сдавались под конторы и торговые помещения, принося значительный доход. (Одно из них стояло на том месте, где сейчас расположен жилой дом с впервые появившимся в СССР «Макдональдсом» на первом этаже; другое — рядом, на месте нынешнего Новопушкинского сквера.) Общая же стоимость недвижимости — торговых и фабричных зданий, включая два изначальных владения (стоимостью 25 142 руб. сер. по городской оценке 1842 г.) в Серпуховской части — составляла 89 427 руб. сер. Завели Бабкины и два амбара в Гостином дворе для оптовой торговли⁴⁴.

Огромное семейное дело процветало при Петре и Илье Семеновичах. Однако в следующем поколении ни у кого из братьев не оказалось наследников мужского пола.

У Ильи в 1816 г. родился сын Иван, умерший в возрасте 17 лет, в 1821 г. — дочь Мария, у Петра было две дочери — Капитолина, родившаяся в 1816 г., и Авдотья, двумя годами моложе сестры.

В 1840 г. Петр Бабкин скончался. После смерти брата Илья Семенович подписал с дочерьми Петра — Капитолиной (в замужестве Бородиной) и Авдотьей (в замужестве Страховой) — договор, утвержденный в Московской городской думе. По договору 7 сентября 1842 г. дядей и двумя племянницами, пожелавшими «продолжать фабричные дела свои нераздельно, точно так, как при жизни покойного брата Петра Бабкина», сроком на четыре года учреждался торговый дом «Братья Бабкины» для торговли сукном и управления фабрикой.

В состав имущества семейной фирмы вошло движимое и недвижимое имущество трех совладельцев, стоимостью 716 тыс. руб. сер. (за исключением имущества, «составляющего принадлежность домашней жизни», к чему относились «святые иконы, платье, мебель, бриллианты, серебряные и другие дра-

гоценные вещи, лошади, экипажи, посуда и т.п.»⁴⁵). Причем вся масса была поделена между двумя ветвями семьи поровну — на долю Ильи приходилась половина — 358 тыс. руб., на долю племянниц — по четверти (по 179 тыс. руб.). Трем учредителям семейной фирмы полагались ежегодные выплаты: Илье Бабкину — 14 300, а Капитолине и Авдотье — по 7 150 руб.⁴⁶

Однако Капитолина и Авдотья не стали заниматься бизнесом, официально назначив поверенными в делах своих мужей, — Бородина и Страхова⁴⁷. В том же 1842 г. на арену предпринимательства вышла третья сестра — после того, как Илья Бабкин скончался, его единственной наследницей стала 21-летняя дочь Мария (в замужестве Матвеева), к которой перешло право отца на половину имущества. Таким образом, с 1842 г. фабрика находилась в руках трех сестер-совладелец, каждая из которых получала дивиденды от бесперебойно работавших двух предприятий — московского и купавинского. По совокупности выпускаемой продукции наследницы Бабкиных были крупнейшими производителями сукон в Московской губ.

В эту эпоху российская суконная промышленность уже достигла хорошего уровня. В статье о Третьей московской выставке российских изделий 1843 г., напечатанной в «Коммерческой газете», о качестве российских сукон говорилось следующее: «Суконное производство в России доведено до значительно высокой степени. Конечно, мы уступаем в нем другим государствам, где улучшение производилось столетиями. Фабрики наши, сколь они ни огромны, не могут похвалиться давностью основания, особенно фабрики нового, усовершенствованного, устройства. Однако ж мы ныне можем иметь сукно от 90 коп. до 7 руб. серебром и каждый сорт по цене весьма удовлетворительной доброты»⁴⁸.

Купавинская фабрика в 1843 г., по данным «Атласа промышленности Московской губернии», оставалась, как и тридцатью годами ранее, в числе трех крупнейших суконных предприятий губернии (наряду с фабриками Гучковых и Н. Осипова). В «Атласе...» было сказано, что она производит «сукно для армии и для Кяхты» на сумму почти полмиллиона руб. (466 250 руб.), а рабочих на ней — 1 265 чел. Фабрика была хорошо оборудована и частично механизирована — имелись три паровых привода (в 35, 12 и 8 лошадиных сил)⁴⁹.

Фабрика в Москве в 1847 г. изготавливала продукции на 96 600 руб. (число рабочих неизвестно). В качестве сырья использовалась русская и испанская шерсть⁵⁰. Фабрики продолжали работать по выгодным государственным контрактам, заключенным еще отцами владельцев, — они поставляли сукно не только в Кяхту, но и в «адмиралтейство для Балтийского и Черноморского флотов». Вероятно, выпускались и шерстяные платки, упомянутые, в частности, в романе А.И. Герцена «Кто виноват?» (1846), где одна из героинь подарила другой «купавинской фабрики платок».

Управляющим фабриками в это время работал муж Марии — Михаил Афанасьевич Матвеев. Брак Марии можно назвать династическим — ее супруг происходил из известной московской текстильной купеческой династии — был старшим сыном купчихи 2-й гильдии, владелицы существовавшей с 1800 г. бумагошерстоткацкой фабрики — Анны Матвеевой⁵¹.

В 1847 г. одна из трех сестер, Авдотья, умерла. После нее осталось четверо малолетних детей в возрасте от одного до шести лет, под опекой отца Нико-

лая Страхова. Дети и вдовец как наследники числились совладельцами фирмы и продолжали получать доход, причитавшийся ранее Авдотье Страховой.

Таким образом, еще 10 лет после смерти Ильи Бабкина все шло по накатанной — владелицы-женщины занимались преимущественно рождением и воспитанием детей, делегируя полномочия управляющих мужьям. У Марии Матвеевой детей было пятеро. Она родила их, находясь в возрасте от 20 до 28 лет.

Но после 12 лет благополучного брака Матвеевой пришлось резко изменить свою жизнь, когда внезапно скончался ее супруг. В 1852 г. 31-летняя Мария Матвеева овдовела, оставшись с пятью детьми в возрасте от трех до 11 лет, в том числе, двумя сыновьями — Иваном и Михаилом. Потеря мужа, видимо, заставила ее принять решительные меры по достижению определенности в отношении своих прав на фабрику Бабкиных. (Со стороны родственников покойного мужа ждать наследства или помощи не приходилось, поскольку ее свекровь назначила своим преемником по фабрике Матвеевых младшего сына.

В 1853 г. Мария договорилась с двоюродной сестрой Капитолиной о необходимости раздела с Страховым, чтобы у него и его детей не было притязаний на фабрику. Был подан иск в Московскую палату гражданского суда о так называемом миролюбивом разделе. Совместное имение Бабкиных оценили в 222 тыс. руб. сер. В составе этого имущества фабрика в Купавне была оценена в 135 тыс. руб. сер., а остальное — три дома и участок огородной земли в Москве, два торговых амбара в Китай-городе (в Гостином Дворе и Панском Ряду), земельное владение в Московской губ. — в совокупности в 87 тыс. руб. сер.

Поскольку Авдотья Страхова скончалась скоропостижно и не оставила завещания, то по закону Страхову в качестве наследника жены и детям причиталось из общего имущества 55,5 тыс. руб. сер. Мария и Капитолина страстно желали заполучить именно Купавинскую фабрику как источник постоянных высоких доходов и сделали все, чтобы добиться цели, предложив вдовцу очень выгодные условия раздела имущества.

Они договорились, что отдадут Страхову в результате «миролюбивого раздела», проведенного при посредничестве согласительной комиссии, всю имевшуюся московскую недвижимость семейства: три дома, оцененных в 60 тыс. руб. (два — у Тверской заставы, один — в Даниловской слободе, где раньше была московская фабрика), огородную землю у Даниловского монастыря в Москве (стоимостью 2 тыс. руб.) и имение Малахово в Бронницком уезде Московской губ. (10 тыс. руб.), два амбара в Гостином Дворе (15 тыс. руб.); всего на 87 тыс. руб. При сдаче этих домов и земель в аренду Страхов с детьми были бы постоянно обеспечены доходами.

Поскольку стоимость этого имущества превышала долю Страхова, то он вернул Матвеевой и Бородиной деньгами разницу в 32 тыс. руб. сер. В свою очередь эти деньги Матвеева и Бородина вложили в покупку у Страхова произведенного на фабрике Бабкиных сукна на сумму 44 625 руб. сер. — доли продукции, которая бы причиталась покойной Авдотье⁵².

Следует сказать об оборотах предприятия в это время — в 1853 г. на фабрике трудились 982 рабочих, и производилось товара в год на 419 144 руб. сер.⁵³

Продажа сукон шла успешно как в поставках Военному и Морскому министерствам, так и для торговли с китайцами в Кяхте («Сырые материалы покупаются в Москве и на Нижегородской ярмарке; сбываются же сукна преимущественно в Кяхту, солдатские же и гвардейские сукна сдаются в казну»⁵⁴). Две двоюродных сестры — Мария Матвеева и Капитолина Бородина — делили между собой все доходы родительской фирмы. А эти доходы постоянно росли. Например, в 1860 г. на фабрике было выработано 15 875 шт. сукна (около 650 тыс. м), на сумму 850 027 руб. Рабочих на фабрике числилось 1 278 человек, в том числе 720 мужчин, 200 женщин и 318 малолетних⁵⁵.

В этот период Матвееву всецело захватил азарт предпринимательской деятельности. Дети ее выросли, и она все свои силы стала отдавать бизнесу. После смерти Бородиной, произошедшей около 1860 г., Мария Матвеева выкупила долю у ее наследников и с 1861 г. стала единоличной владелицей фабрики, каковой оставалась до 1875 г.

Именно при Матвеевой фабрика стала лидирующим предприятием суконной отрасли. Наблюдался рост числа рабочих: 1861 г. — 1 278, 1865 г. — 1 550, 1868 г. — 1 402, 1870 г. — 1 490, 1879 г. — 1 808 чел. Постоянно росла годовая выработка продукции: 1865 г. — 1,5 млн руб. сер.; 1870 г. — 1,7 млн руб. сер.; 1879 г. — 3,4 млн руб. сер.⁵⁶ Предприятие было оснащено английскими и бельгийскими паровыми машинами (в 1872 г. совокупная мощность — 137 л.с.) с заводов «Джон Масгрейв и сыновья» («John Musgrave & Sons»), «Хик, Харгривз» («Hick, Hargreaves»), «Пеппо» («Perrot»), а также изготовленными на московском заводе Гоппера⁵⁷.

Механизация предприятия шла синхронно с усилением эксплуатации рабочих. На фабрике в 1870-е гг. существовала 24-часовая работа⁵⁸, которая была прекращена только после издания в 1880-х гг. закона о нормировке рабочего времени⁵⁹. По данным Н.П. Матисена (за 1868–1870 гг.), суконная фабрика «Братья Бабкины и Ко» оставалась в тройке лидеров шерстяной отрасли в Московской губ., производя в год товара на 1 390 тыс. руб. (в тот же период оборот фабрики Носовых составлял 1 831 тыс. руб., фабрики Анисима Тюляева — 1 579 тыс. руб., причем последний также работал «для Кяхты»)⁶⁰.

Большую часть сукон фабрики Бабкиных (достоинствами которых, по словам видного эксперта К. Скальковского, были «необыкновенная плотность и добротность»⁶¹) закупала казна для армии, другая часть экспортировалась в Китай. В Москве контора и склад фирмы «Братья Бабкины» находились в престижном Панском ряду в Китай-городе, где соседями Матвеевой по месту оптовой торговли были самые известные московские купцы: шелком торговали Сапожниковы, сапогами и башмаками — Королевы, шерстяными и хлопчатобумажными тканями — Четвериковы и Бутиковы⁶².

Большой успех имели сукна «Братьев Бабкиных» на мануфактурной выставке 1861 г. В обозрении выставки, на которой были представлены 1 008 экспонентов, видный эксперт по вопросам промышленного производства профессор М. Киттары, отмечал: «Но вот великолепная выставка сукон, как говорят г[оспод] Бабкиных, и как гласит каталог, почетных гражданок Марьи Матвеевой и Капитолины Петровны Бородиной. Фабрика их, производящая (сукна), известна под названием Купавинской, <...> и есть одна из самых ста-

рейших в России: ей считают более ста лет. <...> Купавинская фабрика представила мезерицкие и гвардейские сукна; первые из них превосходного достоинства и столь же превосходных цветов, пользуются давнишнею уже славою и стоят в первом разряде в кяхтинской торговле. Китаец, покупая и выменивая сукно, требует непременно *бабку* (выделено в тексте. — *Г.Н.*), то есть сукно фабрики Бабкиных — сукна других производителей он расценивает ниже»⁶³.

Во время своего путешествия по России в 1861 г. наследник цесаревич Николай Александрович побывал на Нижегородской ярмарке в лавке фабрики Бабкиных и там «рассматривал всех сортов мезерицкие сукна, назначенные для Китая»⁶⁴.

Была отмечена в числе лучших российских производителей фирма Бабкиных и на мануфактурной выставке 1865 г. В отчете о выставке говорилось: «Принимая во внимание, что фабрика эта, при огромном производстве и сбыте, выделяет превосходные изделия и, пользуясь с 1830 г. правом употребления Государственного герба, достойно поддерживает полученную ею известность, найдено вполне справедливым отличить владелицу фабрики, почетную гражданку Матвееву за похвальную заботливость ее о поддержании нашей торговли с Китаем при постоянно преуспевающем производстве, и ходатайствовать об испрошении ей почетной награды»⁶⁵.

Роль фирмы «Братья Бабкины» в торговле с Китаем и качество изделий Купавинской фабрики на этой выставке были оценены очень высоко. За отменное качество изделий и рациональную организацию производства указом министра финансов М.Х. Рейтерна (в ведении которого находились промышленность и торговля) фирме было вновь дано разрешение на использование в целях рекламы Государственного герба на вывесках и изделиях. Это — высший знак отличия, потому что с 1820 и до 1862 г. в Российской империи право изображения Государственного герба как знака высокого качества продукции на своих вывесках, изделиях и этикетках удостоились только 45 предпринимателей.

Была представлена продукция Купавинской мануфактуры и на Парижской всемирной выставке 1867 г. В экспозиции имелось «сукно мезерицкое: черное, синее, алое, палевое, зеленое и дикое»⁶⁶, (последнее было серого цвета с отливом в стальной оттенок).

Следует привести также отклик о продукции фабрики Бабкиных известного эксперта К. Скальковского из его обзора по итогам промышленной выставки 1870 г.: «Сукна мезерицкие, карновые, китайские и армейские огромной фабрики братьев Бабкиных, в с. Купавне (Богородского уезда, Московской губернии), весьма хороши; необходимо прибавить, что изделия этой фабрики, вместе с сукнами фабрики Тюляева, не имеют себе в мезерицких сукнах соперников в целом свете. Сукна эти отправляются теперь в Китай не только русскими, но и иностранцами, в большом количестве морем, через Лондон, и цены на эти товары на китайских рынках поднялись в течение восьми лет на 30%»⁶⁷.

Объем производства возрастал, доходы увеличивались. Но ситуация в экономике редко держится стабильной долгие годы. С интеграцией России в общемировое пространство, в последней трети XIX в. российская экономика

подверглась влиянию мировых кризисов. Это дало скачок цен на сырье и усложнило сбыт. Удерживать клиентуру с большими заказами становилось все труднее, особенно, если предприятие одну часть сукна выпускало по гарантированным государственным заказам, но другую — должно было продавать на свободном рынке.

В середине 1870-х гг. Россия пережила экономический кризис, вызвавший массовое разорение мелких и средних предприятий. Десятки фирм обанкротились — только в Московском коммерческом суде в 1874—1876 гг. были рассмотрены дела о несостоятельности 237 фирм⁶⁸. Экономисты отмечали среди причин, повлиявших на расширение, а затем на сжатие внутреннего рынка, мировой кризис 1873 г., два неурожайных года (1872, 1875), а также быстрое развитие железнодорожной сети (по данным П. Гэтрелла, «первый крупный бум железнодорожного строительства в России длился с 1868 по 1878 г., за это время общая протяженность путей увеличилась с 6800 до 22400 км»⁶⁹). Эпоха «учредительской горячки» (когда возникло, а потом лопнуло немалое число фирм) отрицательно отразилась и на старых предприятиях.

Можно предположить, что негативное воздействие кризиса испугало Матвееву и повлияло на ее дальнейшие шаги в области менеджмента фирмы. На глазах Матвеевой целый ряд московских предпринимателей впал в банкротство. Среди банкротов оказались, например, владелица механического завода Агния Ветчинкина, занимавшаяся продажей шелка Любовь Немировская, продававшая зеркала Мария Калашникова (дела об их несостоятельности рассматривались в Московском коммерческом суде)⁷⁰.

В этих условиях Матвеева мучительно искала выход из трудного положения, чтобы придать бизнесу устойчивость. И выход, как ей казалось, был найден, когда ее деловой партнер, поставщик мытой шерсти, московский купец 1-й гильдии Николай Козьмич Бакланов предложил создать товарищество на паях. Матвеева согласилась, надеясь на опыт и связи Бакланова — он считался одним из крупнейших в России поставщиков шерсти на фабрики, имея большие шерстомойки в Белгороде (Курская губ.), Чембаре (Пензенская губ.) и Григоровке (Харьковская губ.), а также купленное у князя А.С. Голицына огромное имение Узруй, площадью 17 тыс. дес. в Черниговской губ. (в Узруе выращивали 4 тыс. овец)⁷¹.

Товарищество было учреждено, и с февраля 1875 г. к нему перешла «фабрика со всеми принадлежащими к ней землями, лесами, фабричными и жилыми строениями, машинами и снарядами, складами товаров, материалами, конторами, торговыми помещениями и прочим имуществом»⁷². Основной капитал товарищества определялся в 500 тыс. руб., разделенных на 500 паев, позже был увеличен до 2 млн руб., заключенных в 2000 паев.

Учредителями были М.И. Матвеева, ее сын И.М. Матвеев и Н.К. Бакланов (они же стали тремя директорами товарищества). Однако Мария Ильинична Матвеева не располагала свободными средствами. Чтобы выкупить свою часть паев, ей пришлось в сентябре 1875 г. заложить в Московском городском кредитном обществе собственный двухэтажный каменный особняк с большим садом (размером около 0,2 га) на престижной улице Пречистенке, на углу с Хрущевским переулком (дом был приобретен в 1855 г. у дворянина

В.И. Чашникова). Матвеева получила ссуду в размере 53 500 руб. облигациями в рассрочку на 10 лет⁷³.

Вероятно, часть ссуды, кроме покупки паев, затратили на устройство в 1875–1876 гг. газового завода для освещения фабрики. Проводка газа была сделана по всем фабричным корпусам, в которых горело до 300 рожков⁷⁴. Это позволило с 1876 г. ввести на фабрике 24-часовую (круглосуточную) работу, прекращенную только через 21 год (когда законом 2 июня 1897 г. рабочий день был ограничен 11,5 часами и установлен обязательный воскресный отдых⁷⁵). Результатом максимальной эксплуатации рабочих на фабрике в Купавне стало достижение в 1879 г. объема годового производства в 3,4 млн руб. сер., что стало максимумом за весь период XIX в. На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве (1882) изделия фабрики «Братья Бабкины» еще раз были удостоены права изображения Государственного герба за качество⁷⁶.

Сукна фабрики Бабкиных весьма ценились потребителями. Во время коронации 1882 г. Московское Дворцовое управление заказало товариществу сукна разных сортов на крупную сумму – 17 038 руб., в том числе «алого китайского», шириной 39–40 вершков (172–178 см) и длиной 2240 м и «алого гвардейского» – 1900 м, а также малинового, зеленого и серого. Сукно использовали для застилки как пола в помещениях, так и уличного покрытия в местах торжественной церемонии и прохождения августейшей четы, а также для обивки мебели, изготовления драпировок⁷⁷.

Несмотря на популярность бренда, в последние десятилетия XIX в. наблюдался закат величия фабрики. Годовое производство стало уменьшаться: в 1884 г. оно снизилось до 2,4 млн руб. (при числе 1800 рабочих)⁷⁸. В 1900 г. упало до 1,5 млн руб. (годовое производство – 1 537 тыс. руб. при 1 320 рабочих)⁷⁹. Это было связано с потерей ряда выгодных контрактов, недобросовестным партнерством Н.К. Бакланова и личными обстоятельствами М.И. Матвеевой.

В начале 1880-х гг. возраст и нездоровье ослабили деловую хватку Матвеевой, и ее потеснили партнеры: Бакланов захватил все в свои руки и свел роль Матвеевой к владелице паев. Но Бакланов оказался не столь всемогущим, как казалось Матвеевой. Он преимущественно занимался собственными делами, т.е. повышением доходов своих шерстоек, а не делами Купавинской фабрики. Бакланов не смог удержать ценные контракты на поставку сукон в армию.

Эти контракты, заключенные на пять лет (1879–1883) попали в поле зрения Государственного контроля, который усмотрел нарушения при их заключении. Во-первых, при рассмотрении смет интендантского ведомства было обращено внимание на «высокие цены, платимые военным ведомством за сукна». Во-вторых, признали невыгодным то, что почти вся поставка сукон для военного ведомства – темно-зеленого неворсованного, черного гвардейского и цветных неворсованных (в количестве более 2,5 млн аршин ежегодно) – отдана двум московским фабрикам, а именно: Бабкиных и Ляпиных⁸⁰.

Государственный контролер, статс-секретарь Д.М. Сольский во всеподданнейшем докладе императору Александру III указал на чрезмерное расходование казенных средств на сукна, а также на «подавление других фабрик»

(«Прочие суконные фабриканты, не имея работы, оказались в крайне затруднительном положении и стали искать заказы по каким бы то ни было ценам, лишь бы не закрывать фабрики»⁸¹) и нежелательность зависимости самого военного ведомства от двух фабрикантов-монополистов. Сольский предложил уменьшить цены на закупки сукон путем проведения торгов, когда бы казна избирала поставщиков с наименьшими ценами за товар одинакового качества.

В результате система закупок была изменена. Военное министерство отказалось от последующего долгосрочного (на пять лет) контракта с Бабкиными и Ляпиными и стало заключать контракты с поставщиками сукон на основе открытых торгов (по-современному – тендера). Переход на новую систему уже на торгах в ноябре 1883 г., где участвовали много конкурирующих между собой фабрик, снизил цены на сукно на 30%. На этих торгах фирма «Братья Бабкины» получила контракт на поставку цветного и черного сукна, но гораздо менее выгодный, чем это было ранее. Объем контракта тоже сильно сократился по сравнению с прежними годами, а цены были установлены те, которые определились в ходе торгов, т.е. на 30% меньше. Это резко подрывало производство Купавинской фабрики⁸².

В 1885 г. Мария Ильинична для получения наличных средств перезаложила особняк на Пречистенке еще на 25 лет, но к концу 1880-х гг. все равно осталась не у дел. Ей пришлось свои паи частично продать и частично передать сыну Ивану, которому в 1897 г. принадлежало 20 паев (1%). В это время «Товарищество Купавинской суконной фабрики братьев Бабкиных» уже потеряло роль флагмана суконной промышленности. К 1891 г. оно было доведено директором-распорядителем Николаем Баклановым и его братом, также директором товарищества, Иваном Баклановым, до грани финансового краха из-за покупки активов фирмы «К.К. Бакланова сыновья». Из оборота Купавинской фабрики были выведены крупные средства.

В 1891 г. учредили конкурсное управление, и на время производство было прекращено, что представляло «громадное бедствие для безземельного местного населения»⁸³.

Местность, где располагалась мещанская слобода Купавна, была «низменная, болотистая, покатая с северо-запада на юго-восток», а сама слобода представляла собой «фабрично-торговое село более чем с 2 тыс. жителей из посессионных крестьян, приписанных к издавна существовавшей в Купавне казенной суконной фабрике»⁸⁴. (В 1850 г. эти посессионные люди были уволены в свободное состояние⁸⁵.)

Большинство населения работало на фабрике и совсем не занималось земледелием, да и не имело пахотной земли.

В 1892 г. последовали изменения в уставе, был разрешен выпуск новых паев и облигаций, фабрика продолжила работу, хотя и в меньшем объеме. В устав было внесено дополнение: товарищество не только «продолжает свое существование для содержания и распространения действий суконной фабрики» в Купавне, но и будет содержать и развивать торгово-промышленное предприятие, принадлежащее торговому дому «К.К. Бакланова сыновья», включив в свои активы шерстомойки, земельные владения (пастбища) в Черниговской, Курской, Пензенской губерниях⁸⁶.

Н.К. Бакланов же беззастенчиво выводил деньги из общего дела. Пользуясь своим положением председателя совета Московского Торгового банка, Н.К. Бакланов уговорил председателя правления банка Н.А. Найденова выделить кредит в 2 млн руб. (что, вопреки правилам, было сделано без проверки платежеспособности кредитуемой фирмы). Однако положение оказалось настолько шатким, что этот кредит не помог. Только решение Министерства финансов о выделении Госбанком ссуды в размере 900 тыс. руб. спасло от краха и фирму «Братья Бабкины», и Торговый банк⁸⁷.

В начале XX в. Баклановы фактически монополизировали «Товарищество братьев Бабкиных» — в 1904 г. их торговому дому «К. Бакланова сыновья» принадлежали 568, а восьми членам семьи — 215 паев, т.е. всего 783 из 2000 паев, в 1911 г. — 929 паев. В том же 1911 г. потомкам Бабкиных принадлежали все те же 20 паев: 17 — Ивану Матвееву и 3 — его племяннику Сергею. В это время находившаяся почти 30 лет не у дел 90-летняя Мария Матвеева была еще жива — решением правления товарищества ей выделили денежное пособие в размере 3000 руб.⁸⁸

Суммируя факты бизнес-карьеры Матвеевой, можно прийти к следующему заключению. Создание паевого товарищества не стало для бизнеса Матвеевой надежной институциональной и юридической конструкцией. Резерв этой стратегии не был долговременным и обеспечил стабильное существование фабрики «Товарищества братьев Бабкиных» только до конца 1870-х гг.

В 1880-е гг. старение самой Матвеевой (которой было за 60 лет) совпало с усложнением экономической ситуации, требовавшей от предпринимателей овладения новыми навыками менеджмента, сильного юридического сопровождения бизнеса и включенности в клиентские сети возникших в 1866–1872 гг. коммерческих банков. Матвеева оказалась к этому не готова (в частности, единственным источником свободных капиталов стала ссуда под заклад собственного особняка), чем воспользовались ее партнеры — Баклановы, в течение 10 лет полностью оттеснившие Матвееву от руководства фирмой и принятия решений.

Примечания

¹ См., напр.: *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010; *Пушкарева И.М., Бородкин Л.И., Глазунов С.В., Новиков А.В., Потолов С.И., Шильникова И.В.* Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2011; *Ковальчук А.В.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М., 1999; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004; *Балдин К.Е., Мокеев С.В.* Развитие текстильной промышленности Ивановского края в 60-е гг. XIX в. — начале XX в. Иваново, 2004; *Ульянова Г.Н.* К истории российской промышленности: Прохоровская Трехгорная мануфактура во время Первой мировой войны и революции (1914–1922 годы) // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М., 2019. С. 141–152; *Ульянова Г.Н.* Текстильные фабриканты Зимины и их семейные фирмы: производство и торговля. 1810–1918 годы // Экономическая история: ежегодник. 2020. М., 2021. С. 170–203; *Ульянова Г.Н.* Ранняя промышленная история династии купцов Гучковых. Первая половина XIX века // Путь и выбор историка: К 80-летию профессора В.В. Шелохаева / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2021. С. 232–243; *Барышников М.Н.* Создание текстильного треста

- в Петербурге в начале XX века // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9. № 2. С. 125–144; Сироткин А.С. Сбытовая политика текстильных фабрикантов Верхневолжья (2-я четверть XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005; Сизинцева Л.И. Костромская фабрика Третьяковых: маркетинговый подход к менеджменту по-русски // Павел Третьяков. Предшественники и последователи: частное музейное коллекционирование XVIII – начала XX века. Сб. материалов Междунар. науч. конференции. М., 2014. С. 76–89; Новиков А.В., Камышев Ю.В. Общественная и предпринимательская деятельность кинешемского фабриканта Ивана Александровича Миндовского во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 151–154.
- ² См.: Colli A. The History of Family Business, 1850–2000. Cambridge, 2003. P. 49–65; Барышников М.Н. Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 51–58; Ульянова Г.Н. Преемственность как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 107–115. О семейных фирмах уральских горнозаводчиков см.: Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.
- ³ Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в.: сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного. М., 1975. С. 251–252.
- ⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (ПСЗРИ-I). Т. IX. № 7060.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Индова Е.И. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. С. 251–252.
- ⁷ Ковальчук А.В. Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М., 1999. С. 195, 199.
- ⁸ ПСЗРИ-I. Т. XXIII. № 16998.
- ⁹ Там же. Т. XXVII. № 20805.
- ¹⁰ Аршин – русская мера длины, до начала XIX в. аршин был 72 см, примерно с 1810 г. равнялся 28 английским дюймам, т.е. составлял 71,12 см; каразея – «реденькая и грубая шерстяная ткань, с косой ниткой, на подкладку под сукно» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989. С. 90).
- ¹¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 105. Оп. 7. Д. 4588. Л. 2; Ульянова Г.Н. «По царству ископаемых, по царству животных, по царству прозябаемых, по царству произрастаемых». Ведомость о фабриках и заводах Москвы в 1805 году // Исторический архив. 2020. № 5. С. 154.
- ¹² Ковальчук А.В. Мануфактурная промышленность Москвы ... С. 203.
- ¹³ См.: Московский Некрополь. Т. I. СПб., 1907. С. 386; Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 110, 163–164.
- ¹⁴ Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки: в 9 т. Т. V. М., 1887. С. 96. Сказано, что 2-й гил. куп. сын Петр Семенов Бабкин, 41 год, брат Александр (по предыдущей ревизии 17 л.) умер в 1809 г., жит. Пятницкой части в приходе Николы на Пупышах «в доме матери его» Натальи Лукиной Бапкиной. Указано, что Наталья Лукиной, 3-й гил. купчихе 68 лет, а жене Петра, Марье Ивановой, 26 лет (Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки. Т. V. С. 87).
- ¹⁵ «2 гил. купец Петр Семенов Бабкин (41) с 1814 капитала не объявлял и к подаче ревизской сказки не явился; в 6 ревизию состоял при кап[итале] матери своей вд[овы] Натальи Лукиной Бапкиной». См.: Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки. Т. VI. С. 204.
- ¹⁶ Впервые о переходе фамильного прозвища от фабрикантов к бывшему работнику Бапкиных упомянул У.Г. Иваск в кратком генеалогическом исследовании. См.: Иваск У.Г. Суконные фабриканты Бапкины. Генеалогический этюд. М., 1910. С. 5. В 2020 г., пребывая в карантине, я, уже написав статью, обнаружила эту работу свежеоцифрованной на сайте РГБ, и была удовлетворена сходством выводов об отсутствии семейной преемственности между первой и последующей династиями.
- ¹⁷ Опись дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 2. 1863–1888. М., 1892. С. 242 (1871 год. О выдаче почетному гражданину Ивану Михайлову Матвееву свидетельства в том, что в 1771 г. Григорий Яковлевич Бабкин состоял в купечестве, потом был купцом сын его Семен и имел суконную фабрику, а дети его имели торговлю под фирмой «Братья Бапки-

- ны» — здесь отражено ложное утверждение, что Бабкины из мешан были потомками Бабкихных, купцов XVIII в.); Описание дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 1. Приложение. М., 1890. С. 91–92; Описание дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 1: 1787–1863 гг. М., 1888. С. 179.
- ¹⁸ Описание дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 1. Приложение. С. 315.
- ¹⁹ Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816. С. 12.
- ²⁰ Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. [б.м.], [б.г.]. 1 гильдия. № 134.
- ²¹ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 1. Д. 121. Л. 15.
- ²² Описание дел, хранящихся в архиве Московской купеческой управы. Т. 1. С. 45. (Об открытии купцами Иваном Назаровым Рыбниковым и Петром и Ильёю Семеновыми Бабкиными торгового дома под фирмою: «И. Рыбников и П. и И. Бабкины».)
- ²³ Драдедам — легкая шерстяная ткань с тканым орнаментом в полоску; от фр. «*drap des dames*» («дамское сукно»).
- ²⁴ Список фабрикантам и заводчикам Российской империи на 1832 год. Ч. 2. СПб., С. 307.
- ²⁵ Правила на раскладку поставки сукон для армии и флота // Журнал мануфактур и торговли. 1832. № 1. С. 127.
- ²⁶ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. 3-е изд. Т. 1: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1907. С. 193.
- ²⁷ Там же. С. 194.
- ²⁸ Они были детьми московского мещанина, как свидетельствуют ревизские сказки. См.: Материалы для истории московского купечества. Т. IV. М., 1886. С. 389, 406; Т. V. С. 195; Т. VI. С. 127; Т. VII. М., 1888. С. 160.
- ²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1260. Л. 10.
- ³⁰ *Башуцкий А.* Вторая московская выставка российских мануфактурных произведений в 1835 году. СПб., 1836. С. 91–92; Указатель выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С.-Петербурге в 1839 году. СПб., 1839. С. 147 («Сукно цветное разных сортов, от 3 р. 76 к. до 9 р. за аршин. Сукна обыкновенные разных цветов. Масловые разных цветов. Мезерицкие тож»); ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3154. Списки первостатейных 1-гильдии купцов г. Москвы на 1843 год. Л. 27.
- ³¹ ЦГА Москвы. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3154. Л. 27.
- ³² См.: Журнал мануфактур и торговли. 1829. № 6. С. 127.
- ³³ Награды, всемиловнейше пожалованные за последнюю выставку в Москве // Журнал мануфактур и торговли. 1836. № 1. С. 28.
- ³⁴ *Башуцкий А.* Вторая московская выставка российских мануфактурных произведений в 1835 году. С. 92.
- ³⁵ *Озерский А.* Описание сукнопромывальной машины, устроенной на фабрике гг. Бабкихных в Москве // Журнал мануфактур и торговли. 1834. № 1. С. 3–11.
- ³⁶ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем ... Т. 1. С. 156.
- ³⁷ Указатель выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С.-Петербурге в 1839 году. С. 147.
- ³⁸ *Корсаков А.К.* Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 211.
- ³⁹ Там же. С. 210–232.
- ⁴⁰ *Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845. С. 36.
- ⁴¹ Там же. С. 37.
- ⁴² Подсчитано по данным: Коммерческая газета. 1843. № 126. 26 октября. С. 502. Из других русских товаров на обмен хлопчатобумажные ткани составляли 14% экспорта, меха — 17%.
- ⁴³ *Нистрем К.М.* Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Т. 4: Алфавитный указатель домовладельцев с оценкой их домов. М., 1842. С. 15; *Хотев А.* Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы. М., 1852–1853. С. 86.
- ⁴⁴ *Рудольф М.* Указатель церквей, казенных и частных домов, лавок разных рядов и Гостиного двора лавок и прочих заведений в Кремле и Китае городе Городской части столичного города Москвы. М., 1846. С. 83.
- ⁴⁵ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 12336. Л. 14.
- ⁴⁶ Там же. Л. 8, 10.

- ⁴⁷ Подтверждение этому про Матвеева и Страхова см.: Указатель третьей в Москве выставки российских мануфактурных изделий 1843 года. М., 1843. Раздел II. № 311.
- ⁴⁸ Третья Московская выставка Российских изделий // Коммерческая газета. 1843. № 77. 3 июля.
- ⁴⁹ *Самойлов Л.* Атлас промышленности Московской губернии. С. 75.
- ⁵⁰ Отчет московского обер-полицейстера за 1847 г. М., 1848. Ведомость № 12. № 62.
- ⁵¹ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 24. Д. 3632. Л. 2, 10–15.
- ⁵² Там же. Ф. 50. Оп. 5. Д. 12336. Л. 1–6.
- ⁵³ *Тарасов С.* Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856. С. 171.
- ⁵⁴ Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, награжденных на мануфактурной выставке 1861 г. СПб., 1862. С. 11. № 26. Владелицы указаны так: Матвеева, Марья, и Бородин, Капитолина, почетные гражданки, торгующие под фирмою «Наследницы Бабкиных».
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Статистические сведения о фабриках и заводах экспонентов, награжденных на мануфактурной выставке 1861 г. С. 11; Указатель V Московской выставки русских мануфактурных изделий. 1865. М., 1865. С. 14; *Тарасов С.* Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. С. 171; *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 72–73, 8–9; Всероссийская мануфактурная выставка 1870 г. СПб., 1870. С. 120; Справочная книга о лицах, получивших на 1875 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям по г. Москве. М., 1875. С. 35; Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. 6. СПб., 1872. С. 212; *Орлов П.А.*: 1) Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим Княжеством Финляндским: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1881. С. 24; 2) Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 16.
- ⁵⁷ *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. С. 8–9, 12.
- ⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. 715. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.
- ⁵⁹ О фабричном законодательстве см.: *Пушкарева И.М., Бородин Л.И., Глазунов С.В., Новиков А.В., Потолов С.И., Шильникова И.В.* Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.; *Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России. 1882–1914 гг. М., 2009.
- ⁶⁰ *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. С. 70–75.
- ⁶¹ *Скальковский К.* Всероссийская мануфактурная выставка в промышленном отношении. СПб., 1870. С. 50.
- ⁶² См.: *Рудольф М.* Топографический купеческий рядский календарь к плану московских Рядов и Гостиных дворов. М., 1862. С. 83.
- ⁶³ *Киттары М.* Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. М., 1861. С. 121.
- ⁶⁴ Путешествие Государя Наследника Цесаревича в 1861 году. СПб., 1861. С. 46.
- ⁶⁵ О выставке русских мануфактурных произведений, бывшей в 1865 году, в Москве. М., 1867. С. 40. О времени присвоения права использования Государственного герба на вывесках и изделиях фабрики Бабкиных есть разночтения по дате – 1830 и 1835 г.
- ⁶⁶ Указатель Русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб., 1867. С. 75.
- ⁶⁷ *Скальковский К.* Всероссийская мануфактурная выставка в промышленном отношении. С. 50.
- ⁶⁸ *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем ... Т. 1. С. 328.
- ⁶⁹ *Gatrell P.* The Tsarist Economy, 1850–1917. London, 1986. P. 150.
- ⁷⁰ В делах Московского Коммерческого суда, в частности, обнаружены документы 1872–1874 гг. о несостоятельности купчих. См.: ЦГА Москвы. Ф. 78. Оп. 19. Д. 1971, 2681; Оп. 4. Д. 2449–2450; и др.
- ⁷¹ *Перепелкин А.П.* Материалы к исследованию скотоводства и овцеводства в России: Наблюдения из сельскохозяйственной практики, сделанные во время путешествий по России в 1873, 74, 80 и 83 годах А.П. Перепелкиным, секретарем Императорского Московского общества сельского хозяйства и Комитета скотоводства. М., 1884. С. 133–134; Исследование современного состояния овцеводства в России. Вып. IV. СПб., 1884. С. 14, 77–78, 134. Приложение. С. 38.
- ⁷² ПСЗРИ-II. Т. L. № 54405. Ст. 2.
- ⁷³ ЦГА Москвы. Ф. 117. Оп. 9. Д. 290. Л. 1–5.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 25. Д. 983. Л. 2–3; Ф. 715. Оп. 1. Д. 26. Л. 11.
- ⁷⁵ ПСЗРИ-III. Т. XVII. № 14231. Ст. 2.

- ⁷⁶ Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г. в Москве. СПб., 1882. С. 190.
- ⁷⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1239. Оп. 3. Д. 24728. Л. 15.
- ⁷⁸ Орлов П. А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. С. 16.
- ⁷⁹ Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. С. 57.
- ⁸⁰ См.: Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1883 год. СПб., 1884. С. 9–10; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1884 год. СПб., 1885. С. 9–12.
- ⁸¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1884 год. С. 9–10.
- ⁸² Там же. С. 12.
- ⁸³ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. Т. 3. Вып. 17: *Погожев А. В.* Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда. Ч. 4: Су-конное и пунцово-красильное производство. М., 1892. С. 8.
- ⁸⁴ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. Т. 6. Вып. 2: *Скибневский А. И.* Очерк движения населения Богородского уезда Московской губернии за десятилетие с 1885 г. по 1894 г. М., 1899. С. 26.
- ⁸⁵ Опись дел Архива Государственного совета. Т. 1: Дела Государственного совета с 1850 года по 1856 год. СПб., 1910. С. 44.
- ⁸⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1892. № 367.
- ⁸⁷ *Петров Ю. А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1998. С. 37; *Варенцов Н. А.* Слышанное. Передуманное. Виденное. Пережитое. М., 1999. С. 326–327.
- ⁸⁸ ЦГА Москвы. Ф. 715. Оп. 1. Д. 79. Л. 25; Д. 178. Л. 10, 24.

Библиография

- Colli A.* The History of Family Business, 1850–2000. Cambridge: Cambridge university press, 2003. 108 p.
- Gatrell P.* The Tsarist Economy, 1850–1917. London: V. T. Batsford Ltd, 1986. 288 p.
- Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988. 188 с.
- Балдин К. Е., Мокеев С. В.* Развитие текстильной промышленности Ивановского края в 60-е гг. XIX в. — начале XX в. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. 240 с.
- Барышников М. Н.* Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 4. С. 51–58.
- Барышников М. Н.* Создание текстильного треста в Петербурге в начале XX века // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9. № 2. С. 125–144.
- Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В.* «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 535 с.
- Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 848 с.
- Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб.: тип. Правительствующаго Сената, 1816. [2], XIII, [3], 457, [1] с.: табл.
- Володин А. Ю.* История фабричной инспекции в России. 1882–1914 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 207 с.
- Иваск У. Г.* Суконные фабриканты Бабкины. Генеалогический этюд. М.: тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. 6, [1] с.
- Индова Е. И.* О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XII — начало XX в.: Сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 251–252.
- Ковальчук А. В.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 430 с.
- Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки: в 9 т. Т. V. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К^о, 1887. 1286 с.
- Материалы для истории московского купечества. Ревизские сказки. Т. VI. М.: Типо-лит. И. Н. Кушнерев и К^о, 1887. 414 с.

- Московский некрополь / [В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский]; авт. предисл. и изд. вел. кн. Николай Михайлович. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. XIII, 517, [2] с.
- Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. 660 с.
- Новиков А.В., Катыхов Ю.В.* Общественная и предпринимательская деятельность кинешемского фабриканта Ивана Александровича Миндовского во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 1. С. 151–154.
- Отчет московского обер-полицмейстера за 1847 г. М.: [б.и.], 1848. 333 с.
- Перепелкин А.П.* Материалы к исследованию скотоводства и овцеводства в России: Наблюдения из сельскохозяйственной практики, сделанные во время путешествий по России в 1873, 74, 80 и 83 годах А.П. Перепелкиным, секретарем Императорского Московского общества сельского хозяйства и Комитета скотоводства. М.: Изд. автора, 1884. Разд. паг.
- Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М.: Русская книга, 1997. 196 с.
- Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. М.: РОССПЭН, 1998. 366 с.
- Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 2004. 384 с.
- Пушкарёва И.М., Бородкин Л.И., Глазунов С.В., Новиков А.В., Потолов С.И., Шильникова И.В.* Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2011. 477 с.
- Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарный. М.: изд. Московского губернского земства, 1877–1902 (Тип. М.Н. Лаврова). Разд. паг.
- Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г. в Москве. СПб.: [б.и.], 1882. Разд. паг.
- Список фабрикантам и заводчикам Российской империи на 1832 год / сост. в Деп. мануфактур и вн. торг. из ведомостей, от гг. гражд. губернаторов полученных. Ч. 2. СПб.: тип. Деп. внеш. торг., 1833. 295–844 с.
- Сизинцева Л.И.* Костромская фабрика Третьяковых: маркетинговый подход к менеджменту по-русски // Павел Третьяков. Предшественники и последователи: частное музейное коллекционирование XVIII – начала XX века. Сб. материалов Междунар. науч. конференции. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2014. С. 76–89.
- Сироткин А.С.* Сбытовая политика текстильных фабрикантов Верхневолжья (2-я четверть XIX – начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005. 23 с.
- Указатель Русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. СПб.: [б.и.], 1867. [2], 286, XIII с., 1 л. ил.
- Ульянова Г.Н.* «По царству ископаемых, по царству животных, по царству прозябаемых, по царству произрастаемых». Ведомость о фабриках и заводах Москвы в 1805 году // Исторический архив. 2020. № 5. С. 154.
- Ульянова Г.Н.* К истории российской промышленности: Прохоровская Трехгорная мануфактура во время Первой мировой войны и революции (1914–1922 годы) // Валерий Иванович Бovyкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 141–152.
- Ульянова Г.Н.* Преемственность как экономическое и моральное основание деятельности московских купеческих семейных фирм (XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 3(72). С. 107–115.
- Ульянова Г.Н.* Ранняя промышленная история династии купцов Гучковых. Первая половина XIX века // Путь и выбор историка: К 80-летию профессора В.В. Шелохаева / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 232–243.
- Ульянова Г.Н.* Текстильные фабриканты Зимины и их семейные фирмы: производство и торговля. 1810–1918 годы // Экономическая история: ежегодник. 2020. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. С. 170–203.

Маслова И.В.*

Иван Стахеев – представитель предреволюционной бизнес-элиты Российской империи

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования бизнес-элиты в Российской империи в период 1900–1917 гг. на примере предпринимательской деятельности елабужского купца Ивана Ивановича Стахеева. Выйдя из состава семейного торгового дома и встав на путь индивидуального предпринимательства, Иван Стахеев вступил в партнерские отношения с Прокопием Батолиным, выходцем из крестьянской среды, но человеком, наделенным блестящим предпринимательским талантом. Молодые предприниматели влились в процесс монополизации в России, учредили товарищество «И. Стахеев и К^о» и активно проникли в фондовый рынок страны. Для привлечения капиталов группа Стахеева наладила партнерство с главой Русско-Азиатского банка Алексеем Путиловым, в результате сформировался концерн Путилова – Стахеева – Батолина. К 1918 г. концерн захватил лидирующие позиции в ведущих отраслях промышленности, торговли и транспорта в России и вышел на зарубежные рынки.

Ключевые слова: предпринимательство, концерн Путилова – Стахеева – Батолина, товарищество «И. Стахеев и К^о», Иван Стахеев, Русско-Азиатский банк.

Проблемы взаимоотношения государства и предпринимательства были и остаются полем для полемики в среде экономистов, социологов, политологов. Вместе с тем исторический опыт Российской империи первых десятилетий XX в. показывает: несмотря на то, что власть была поглощена решением многочисленных социально-политических противоречий, в стране шел процесс налаживания взаимодействия бизнеса и власти. В этих условиях появился целый ряд фирм и персоналий, деятельность которых способствовала стабилизации экономического развития. Наиболее активной частью предпринимательского сообщества стало новое поколение российских бизнесменов, выходцев из купеческих семей, но ставших на путь самостоятельного крупного бизнеса в Российской империи начала XX в. Пример предпринимателя такого уровня – Иван Иванович Стахеев (1869–1919), учредитель концерна Путилова – Стахеева – Батолина.

В отечественной историографии в отношении Ивана Стахеева сложилась парадоксальная ситуация: в поле исторического исследования еще в 1960-е гг. попал концерн Стахеева, а не предпринимательская деятельность его основателя. Т.М. Китанина, например, изучила причины и экономические условия возникновения концерна, его структуру и этапы развития, коммерческие связи и логистику производства и продаж, систему взаимоотношений предприятий, входивших в состав концерна¹.

Но личность и предпринимательские качества И. Стахеева, а также история становления и развития его семейной фирмы, ставшие экономической основой и залогом его бизнес-успеха, в научных трудах не затрагивались.

Мы провели подробное исследование истории династии Стахеевых (монография «Купеческая династия Стахеевых»). Но, избрав в качестве предмета из-

* Маслова Инга Владимировна – доктор исторических наук, доцент, Елабужский институт Казанского Федерального университета, imaslovainga@gmail.com.

учения династию в целом, насчитывавшую к началу XX в. семь ветвей и пять поколений успешных коммерсантов, мы не смогли уделить каждому из них достаточного внимания².

Продолжение исследования судеб Стахеевых после 1917 г. и их деятельности в эмиграции позволили автору найти новые документальные свидетельства, дополняющие картину жизни и предпринимательства отдельных представителей семьи, в том числе И. Стахеева. В начале XXI в. в связи с культурно-антропологическим поворотом в российской исторической науке предметом научных изысканий становится человек в истории, изучаются его личность, внутренний мир, ментальные и поведенческие установки, но при взаимосвязи с эпохой и делом, которой эта личность себя посвятила. Именно в таком ключе мы построили исследование в этой научной статье.

Рассмотрим условия, в которых шел процесс формирования будущего представителя бизнес-элиты России. Отметим благоприятные «стартовые возможности». Иван родился в небольшом уездном городе Елабуге, в семье преуспевающего купца 1-й гильдии, миллионера Ивана Григорьевича Стахеева, который вел коммерцию с середины XIX в., а с 1865 г. учредил вместе с братом семейный торговый дом «Григория Стахеева сыновья – Елабужские купцы».

Коммерческий успех Ивана Григорьевича был подкреплён получением звания потомственных почетных граждан для всех членов семьи в 1889 г. и звания коммерции советника в 1890 г.³ Конечно, жизненный путь мальчика, рожденного в семье Ивана Григорьевича, был предопределен, ему была «уготована участь» предпринимателя. Отец с момента рождения сына Ивана обдумывал и налаживал выгодные партнерские связи, которые могли сыграть положительную роль в будущей предпринимательской деятельности наследника. При крещении сына в качестве крестного отца выбирали представителя купеческой среды. Так восприемником Ивана стал 1-й гильдии купеческий сын Константин Капитонович Ушков. Продукция химических заводов купцов-промышленников Ушковых была известна не только в России, но и за рубежом. Таким образом, родственно-деловые партнерства в среде предпринимателей строились не только при заключении браков (как правило, дочери купцов выдавались замуж за коммерческих партнеров, а сыновья брали в жены купеческих дочерей), но и при совершении религиозных обрядов. Учитывая огромную роль религии, это тоже было значимым свидетельством духовного родства. Ивана рано (в семь-восемь лет) начали приобщать к семейному коммерческому делу, что позволило ему приобрести богатый практический опыт и стало основой для развития предпринимательских способностей.

Но семейный бизнес одновременно являлся фактором, который во многом сдерживал коммерческую деятельность Ивана. Во-первых, он был пятым из десяти детей в семье, что, конечно, определяло его на долю в бизнесе как не очень значительную. Во-вторых, отец отличался властным характером и строго следовал семейным традициям предпринимательства.

Когда дети Ивана Григорьевича были уже достаточно взрослыми для ведения самостоятельной предпринимательской деятельности, он принял решение учредить семейную фирму, чтобы не дробить фамильные капиталы.

С 30 ноября 1904 г. два поколения семьи Стахеевых (Иван Григорьевич с супругой, пять сыновей и три дочери) получили доли в составе торгового дома «Иван Григорьевич Стахеев». На момент учреждения был объявлен капитал в 5 млн руб.⁴, но уже к 1913 г. оборотный капитал торгового дома составлял 4 млн руб., баланс — 9,3 млн руб.⁵

Торговый дом осуществлял хлебную торговлю в 23 городах Российской империи, где были выстроены хлебные магазины и лавки, складские помещения; оборудованы сыпные приемные пункты на пристанях⁶. Осуществляя промышленную деятельность, Стахеевы построили 10 мельниц и крупянок, 3 винокуренных завода и приобрели 11 земельных участков под сельскохозяйственные угодья. Торговый дом располагал внушительным буксирным пароводством в составе 7 буксиров, 35 хлебных и 20 нефтеналивных барж.

Вторым направлением деятельности торгового дома была торговля нефтью и нефтяными продуктами. С этой целью Стахеевы построили 28 нефтяных складов и 4 специализированных лавки, которые расположили на пути транспортировки нефти и нефтяных продуктов от пунктов их добычи и производства до мест продажи. Все склады были оснащены трубопроводами, а в Екатеринбурге, Уфе и Левшине складские помещения и пристани — связаны специализированной железнодорожной веткой, по которой нефть доставлялась в специально оборудованных вагонах-цистернах. Общая вместимость резервуаров превышала 3 245 тыс. пуд. нефти⁷.

Еще одним важным навыком, которым овладел Иван Стахеев, работая в семейной фирме, — это система менеджмента, включавшая, помимо управления финансовыми и товарными потоками, постановки стратегических целей и особые правила управления персоналом. Главная контора торгового дома располагалась в Елабуге на Спасской улице в специально выстроенной для этой цели двухэтажной усадьбе. Это был целый комплекс зданий, включавший удобные помещения под конторы (офисы), залы для переговоров, с необходимой инфраструктурой: электрическим освещением, водопроводом и телефоном, каретником, складами, двором для экипажей и даже парковой зоной для отдыха служащих. По всей территории Российской империи — от Петербурга до Тобольска — были размещены 5 контор и 41 отделение торгового дома, что позволяло отслеживать логистику продвижения товаров и грузов, вести детальный бухгалтерский учет. Отметим, что во главе контор и отделений стояли люди, зарекомендовавшие себя долгой и безупречной службой у И.Г. Стахеева. Как правило, это были елабужане, которых Иван Григорьевич отправлял работать в представительство своей фирмы, предоставляя при этом жилье и приличное жалованье. И.Г. Стахеев, направив в другой город управляющего или приказчика, брал на себя обязанности по оказанию социальной помощи его семье, оставшейся в Елабуге: разрешал брать продукты в долг в магазинах и лавках, оплачивал обучение детей в средних учебных заведениях города (женской гимназии и реальном училище) и т.д.

Работая в преуспевающей семейной фирме, Иван Иванович, приобрел практический опыт, коммерческие связи и капиталы, ставшие стартовой площадкой для выхода в число крупнейших представителей предреволюционной бизнес-элиты.

В России в начале XX в. активно продолжался процесс монополизации, одной из причин которого было желание многих фирм найти спасение от кризисных потрясений в монополистической практике. Важной характеристикой монополий этого периода являются создание концернов и выход крупных монополистов на международную арену не только в сфере торговли, но и непосредственно в производстве, организованном в виде филиалов и дочерних предприятий за рубежом.

Встав на дорогу самостоятельного предпринимательства, Иван Стахеев сделал ставку именно на участие в процессах монополизации в Российской империи. В 1912 г. он стал инициатором учреждения товарищества «И. Стахеев и К^о». Это был синдикат с характерными для него чертами: наличием центральной конторы, которая объединяла сбыт товаров и осуществляла общий контроль за деятельностью объединения. В числе учредителей были Иван Стахеев и его партнер – Прокопий Батолин (в прошлом приказчик, служивший в фирме его отца). В руках И. Стахеева было $\frac{2}{3}$ именных паев, П. Батолин располагал $\frac{1}{3}$ паев. Основной капитал на момент открытия товарищества составлял 2,5 млн руб.⁸ Отметим, что бизнес-партнерство сына первоогильдейского купца-миллионера и рядового приказчика, выходца из крестьянской семьи, показывает важную тенденцию, сложившуюся в среде предпринимательства в России в начале XX в. Традиционные, семейные приемы организации предпринимательской деятельности, когда купеческий сын принимал не себя дела фирмы, даже если не имел способностей или желания к коммерции, уступают место предпринимательскому таланту, коим могли обладать люди самых разных социальных слоев.

Следует подчеркнуть, что семейные деловые узы в среде российского купечества оказывались чрезвычайно прочными, особенно в XIX столетии. Поэтому выход Ивана Стахеева из семейного торгового дома и начало его самостоятельного бизнеса было явлением далеко не типичным для российской предпринимательской среды. Но в данном случае окончательного разрыва деловых связей не произошло. Причиной тому, с одной стороны, являлись крепкие семейные узы и желание Ивана Стахеева поддерживать бизнес братьев и сестер, но, с другой – предприниматель рассчитывал использовать авторитет фирмы И.Г. Стахеева и коммерческую инфраструктуру, заработанные отцом за долгие десятилетия успешной предпринимательской деятельности. Не сливаясь полностью и формально в единое коммерческое образование, обе фирмы фактически действовали в теснейшем контакте как одно целое.

Товарищество «И. Стахеев и К^о» по характеру деятельности принципиально отличалось от семейной фирмы «И.Г. Стахеева наследники» (так компания стала называться после смерти Ивана Григорьевича в 1907 г.). Торгово-промышленное товарищество Ивана Стахеева представляло собой столичную компанию, которая держала контрольные пакеты акций десятков разнородных торговых и промышленных предприятий. Однако для покупки акций требовались свободные финансовые средства. Тогда Стахеев «влился» в общероссийский процесс, активизировавшийся в начале XX в. и выражавшийся в слиянии капиталов – банковского с промышленным.

Налаживалось бизнес-партнерство между товариществом «И. Стахеев и К^о» и крупнейшим коммерческим банком России – Русско-Азиатским. Результатом сближения товарищества и банка стало формирование концерна Путилова – Стахеева – Батолина. В ходе развития концерна можно выделить два периода: 1912–1914 гг. (довоенный) и 1915–1918 гг. (военный).

В течение первого периода группа Стахеева при финансовой поддержке банка активно расширяла хлебную торговлю и осваивала нефтяные месторождения Урала. Военный период характеризовался усилением финансирования Русско-Азиатским банком подконтрольных группе Стахеева предприятий.

Учитывая, что предметом нашего исследования является эволюция Ивана Стахеева из предпринимателя, действовавшего в составе семейного торгового дома, в число представителей российской бизнес-элиты, мы выбрали для изучения те сферы его бизнеса, где рельефнее всего проявились его самостоятельные действия и предпринимательский талант.

Рассмотрим процесс проникновения товарищества И. Стахеева в сферу нефтяной промышленности. Комиссионная торговля нефтепродуктами осуществлялась И. Стахеевым еще в рамках семейного бизнеса, в составе торгового дома «И.Г. Стахеев». Но в товариществе «И. Стахеев и К^о» Иван Иванович не просто увеличил объемы торговых операций, он распространил свое влияние на нефтяное дело с момента добычи нефти до ее переработки и продажи нефтяных продуктов. Начало в этой сфере бизнеса было положено приобретением в 1912 г. керосинового предприятия торгового дома «А. Шитов». Новое предприятие стало собственностью в равных долях Стахеева и Русско-Азиатского банка⁹. Следующий шаг – учреждение совместно с банком в 1913 г. Камско-Сибирского нефтепромышленного общества, в состав которого было включено и вышеупомянутое керосиновое предприятие. Уставной капитал общества составлял 2 млн руб. Должность директора-распорядителя получил П.П. Батолин, представительство от банка поручили М.Э. Верстрату, который стал председателем правления.

Недвижимое имущество на сумму 1,5 млн руб. в виде нефтяных складов, расположенных в 28 городах, с нефтепроводами, подъездными железнодорожными путями, принадлежавшие ранее товариществу «И. Стахеев и К^о», передали Камско-Сибирскому нефтепромышленному обществу. Взамен Иван Иванович получил контрольный пакет акций общества¹⁰. Изначально Камско-Сибирское общество занималось исключительно торговлей, но в 1916 г. оно получило разрешение на покупку, аренду и разработку собственных месторождений.

Разработка новых месторождений нефти была проведена на территории Южного Урала. Двухлетние геолого-разведывательные работы увенчались успехом. Найденное месторождение нефти оказалось перспективным, и с целью его разработки было учреждено акционерное общество «Эмба» с капиталом в 6 млн руб. Обществу принадлежали нефтяные промыслы в Гурьевском уезде Уральской области¹¹. Бизнес-партнером группы Стахеева в разработке нефти стало товарищество «Бр. Нобель». Это товарищество и Иван Стахеев в нефтепромышленном и торговом обществе «Эмба» имели по 42,5% акций каждый, и 15% – находилось в руках товарищества «Нефть»¹².

Предпринимательство в нефтяной сфере привлекало внимание зарубежных экономистов и финансистов. В 1913 г. в газете «Французский экономист» была напечатана большая аналитическая статья о развитии и перспективах мирового нефтяного бизнеса. В числе крупнейших предпринимателей в этой сфере оказался И. Стахеев: «Русское общество нефти сотрудничало с компанией “Братья Нобель” и г-ном Стахеевым, основателями компании “Эмба”. Создали компанию для эксплуатации земель Севера и Каспийского моря. Мы знаем, что исследования, проводимые в течение многих лет в этом регионе, привели к разграничению 5 основных месторождений, которые в настоящее время постепенно вводятся в эксплуатацию. Компания “Эмба” имеет концессии в каждом из них. Она также имеет разрешение на исследования на гораздо большей территории. В настоящее время она концентрирует все свои усилия на Dos-Sohr, которая наиболее известна благодаря прорывам, полученным там компанией Урал Каспий, дочерней компанией Shell, и которая привлекла всеобщее внимание к этой стране»¹³. Заметим, что общество «Эмба» получало поддержку российского правительства – в виде освобождения от акцизных пошлин или установления льготных размеров акцизов.

В условиях острой конкуренции товарищество Стахеева сделало ставку на поиск и разработку новых месторождений. В 1915–1916 гг. в разработку месторождений Каратон и Карачунгуль общества «Эмба» и «Эмба-Каспий» вложили 752 тыс. руб.¹⁴ Но, несмотря на активные геологоразведочные работы, нефтяные компании товарищества «И. Стахеев и К^о» в Уральском нефтяном регионе не выдерживали конкуренции с ведущей нефтяной компанией страны – товариществом «Бр. Нобель». Вследствие этого последнее получило права, позволявшие поставить в зависимость уральские нефтяные общества группы Стахеева.

Концерну, как и большинству монополистических объединений подобного типа, был присущ многоотраслевой характер. Рассмотрим процесс формирования многоотраслевой структуры на основе анализа деятельности концерна в военный период в сфере мануфактурной торговли, которая была одним из трех основных направлений деятельности фирмы (наряду с хлебным и нефтяным). Для осуществления мануфактурной торговли концерн приобретал текстильные фабрики, а чтобы они могли работать самостоятельно, т.е. не зависеть от поставщиков сырья, были намечены пути создания собственных сырьевых баз по выращиванию хлопка. Следует отметить, что главным импортером хлопка в Россию были США. В XIX в. по уровню развития текстильной промышленности Российская империя занимала шестое место в ряду мировых потребителей хлопка. Иван Стахеев был убежден, что российская текстильная отрасль должна работать на отечественном сырье. Эта мысль отражена в комплексе долгосрочных задач и мер, записанных в «Программе деятельности торгово-промышленного товарищества “Иван Стахеев и К^о”», где предлагалось для выращивания хлопчатника использовать земельный фонд России, построив необходимые оросительные системы, что позволило бы производить хлопок высшего качества (лучше, чем американский) и даже экспортировать продукты хлопчатобумажной отрасли¹⁵. «Программа деятельности торгово-промышленного това-

рищества...» отличалась тем, что носила характер плана. К его выполнению Стахеев и Батолин приступили незамедлительно. Это оказалось еще одной чертой новой генерации предпринимателей начала XX в. Их проекты были практико-ориентированы: предлагая правительству комплекс мер по улучшению той или иной отрасли хозяйства, бизнесмены старались опробовать их в регионах.

В 1916 г. группа Стахеева приступила к активному освоению сырьевых баз в Средней Азии. При фоновой поддержке банка-партнера товарищество купило земли в Ферганской области, начало строить на них оросительные сооружения и культивировать хлопок на этих участках. Одновременно группа Стахеева наладила скупку хлопка в Ферганской области, учредив с этой целью «Русско-Азиатское хлопковое общество» с правлением в Москве.

В октябре 1916 г. фирма Стахеева, получив согласие бухарского правительства, начала осуществлять торгово-промышленную деятельность в сфере производства и продажи хлопка на территории Бухарского ханства, где приобрела 20 тыс. дес. земли¹⁶. Для осуществления широкомасштабной коммерческой деятельности в Бухарском ханстве было учреждено «Русско-Бухарское торгово-промышленное товарищество». Характеризуя цели его учреждения, организаторы товарищества – фирма «И. Стахеев и К^о» писала: «Для вывоза продуктов, производимых в Бухаре, и для ввоза товаров, необходимых ее населению, а также для сооружения всякого рода фабрик, мельниц и т.п. учреждается Русско-Бухарское торгово-промышленное общество»¹⁷. Деятельность концерна в Средней Азии позволила получить постоянный источник поступления хлопкового сырья.

Следующей составной частью деятельности концерна стало налаживание производств по переработке хлопка. Стартовой операцией в этой сфере явилась покупка у Петроградского частного коммерческого банка контрольного пакета акций Российской бумагопрядильни в Петрограде. Эта сделка показательна тем, что Иван Стахеев пошел на большой предпринимательский риск и стал скупать акции бумагопрядильни дороже их номинала. При стоимости одной акций в 75 руб. предприниматель скупал их по цене 135 руб. за штуку¹⁸. Выкупив контрольный пакет акций Российской бумагопрядильни, Стахеев от имени правления этого предприятия купил Триумфальную бумагопрядильню и часть акций общества «Фергана», учрежденного ранее концерном Путилова – Стахеева – Батолина. Число текстильных предприятий, приобретенных группой Стахеева в Центральной России, неуклонно росло, и 22 марта 1916 г. правлением Русско-Азиатского банка было одобрено предложение П.П. Батолина об учреждении совместно с товариществом Стахеева «Русско-Азиатского хлопкового товарищества на паях» в Москве. В создаваемом товариществе доля Русско-Азиатского банка оценивалась в 51% (т.е. в сумме 510 тыс. руб.), а товарищества Стахеева – 49% (490 тыс. руб.)¹⁹.

Согласно справочнику «Акционерно-паевые предприятия России» в Московском районе концерну принадлежали Старо-Горкинская, Шуйская и Истоминская мануфактуры²⁰. По данным газеты «Коммерсант», к 1917 г. концерн Стахеева владел 10 хлопчатобумажными предприятиями, общей численностью 10 тыс. ткацких станков²¹.

Отметим еще одну деталь предпринимательской деятельности группы Стахеева – желание получить максимальную прибыль толкало их представителей на внедрение сопутствующих производств и технологий, как бы сейчас сказали, безотходного производства. Отходы от переработки различных видов хлопчатника было решено использовать для производства хлопкового масла. С этой целью группа Стахеева начала скупать акции «Общества волжских маслобойных заводов» – «Салолин» и «Общества южных маслобойных и химических заводов» – «Саломас», которые являлись фактически единственными предприятиями, объединявшими заводы по выработке хлопкового масла из семян хлопчатника.

Общество «Салолин» было учреждено в 1910 г. с уставным капиталом в 7 млн руб., включало маслобойные заводы в Нижнем Новгороде, Петрограде и имело отделения в Москве, Андижане, Красноводске и на Нижегородской ярмарке²². При активном участии Русско-Азиатского банка к маю 1917 г. концерн Стахеева получил контрольный пакет акций в обществе «Салолин». Встав у руля маслобойной компании, концерн выпустил дополнительные акции, большую часть которых выкупил сам, упрочив таким образом свои позиции. Это позволило приступить к покупке акций общества «Саломас». В результате в составе концерна Путилова – Стахеева – Батолина произошло слияние «Салолина» и «Саломаса».

При огромных расстояниях между источниками сырья в Средней Азии и бумагопрядильными и ткацкими фабриками в Центре России обострилась транспортная проблема. Организаторы концерна нашли выход в сосредоточении в своих руках водных и железнодорожных перевозочных средств.

При финансовой поддержке Русско-Азиатского банка группа Стахеева скупала акции «Общества Семиреченской железной дороги» и установила контроль над Бухарской и Ферганской железными дорогами²³.

В марте 1917 г. был заключен договор между товариществом Стахеева и Русско-Азиатским банком о разделе акций «Общества Московско-Казанской железной дороги». Контрольный пакет акций транспортной магистрали перешел под контроль концерна. По договору банк получал 14,5 тыс. акций общества (46,8%), товарищество «И. Стахеев и К^о» – 16,5 тыс. акций (53,2%)²⁴.

Детально изучив сферу железнодорожного транспорта, организаторы концерна выявили ее плюсы и минусы и предложили правительству систему мер, направленных на ее модернизацию: часть металлургических заводов страны должны были работать «исключительно для нужд железных дорог и подъема интенсивности труда»²⁵.

Кроме того, Стахеев предложил ослабить контроль государства над железнодорожным строительством и «оживить» эту отрасль за счет притока частных капиталов и частных инициатив.

Следующая отрасль экономики, попавшая в поле зрения концерна, тоже была связана с производством и продажей мануфактурных товаров. Создаваемая на текстильных предприятиях продукция требовала упаковочных материалов, что привлекло внимание группы Стахеева к лесному делу. Заметим, что первые сделки по покупке лесных угодий Иван Стахеев заключал еще в соста-

ве семейного торгового дома, но только в рамках деятельности концерна лес рассматривался как источник прибыли.

Концерн купил лесные угодья около Петрограда и в Новгородской губ. Лес оттуда поставляли на приобретенные товариществом в столице лесопильный и фанерный заводы. Следующим этапом в освоении лесной промышленности стало приобретение товариществом концессии на строительство и переработку дерева на р. Мезени (север Европейской России)²⁶.

Одновременно с приобретением предприятий лесной промышленности концерн скупил акции и Российской писчебумажной фабрики Печаткина, что позволило начать проникновение в смежную — книгопечатную отрасль²⁷. Вслед за этим группа Стахеева попыталась сосредоточить в своих руках наиболее эффективные средства информации. В конце 1917 г. фирма при участии Русско-Азиатского банка приобрела акции общества «Печать», издававшего газету «Русская воля». Учитывая, что это издание носило общественно-политический характер, можно предположить, что оно должно было служить платформой для пропаганды программных экономических идей группы Стахеева. Приведенные выше цитаты из «Краткого очерка деятельности торгово-промышленного товарищества...» и «Программы деятельности торгово-промышленного товарищества...» свидетельствуют о том, что учредители концерна являлись сторонниками сотрудничества государственного сектора и частного бизнеса в сфере народного хозяйства и предлагали систему экономических преобразований, которые, по их мнению, привели бы к экономической стабилизации Российской империи.

Иван Стахеев был бизнесменом новой формации, смело брался за новые для страны предпринимательские проекты. Именно его фирма «И. Стахеев и К^о» стала в 1907 г. первым зарегистрированным дилером автомобилей «Ford» в России.

К 1917 г. общий баланс товарищества «И. Стахеев и К^о», которое стало главным обществом концерна Стахеева — Путилова — Батолина, превышал сумму в 300 млн руб., а если учитывать обороты всех предприятий, связанных с концерном, то, по мнению его организаторов, эта цифра «выражается уже в миллиардах»²⁸.

Переход на новый, более высокий уровень предпринимательской деятельности повлек за собой изменения не только в деловой практике, но и в образе жизни и ментальных установках Ивана Стахеева. Он решил окончательно перебраться в столичные города, причем, не сделав окончательного выбора между Москвой и Санкт-Петербургом. В Москве на имя супруги — Ольги Флегонтовны — он приобрел квартиру на Арбате²⁹. В Петербурге располагалась главная контора товарищества «И. Стахеев и К^о»³⁰. Скорее всего, именно Петербург вызывал у Ивана Ивановича больший интерес. Здесь, на углу Невского проспекта и Набережной Фонтанки (Дворец Белосельских-Белозерских), от имени товарищества в декабре 1917 г. он купил дворец великого князя Дмитрия Павловича³¹. Можно только предположить, для каких целей товарищество Стахеева приобрело столь величественное здание, но использовать его по назначению не смогло.

Между тем Иван Стахеев не забывал и родную Елабугу и вместе с супругой приезжал отдыхать на свою дачу, расположенную на левобережье Камы,

напротив Елабуги. Это было имение Святой Ключ – комфортабельная дача с оранжереей, фруктовым садом, богатым винным погребом, купальней, в которую подавалась чистая водопроводная вода. Супруга (теперь уже столичного) бизнесмена эпатировала местных жителей, катаясь на лыжах в спортивном трико (подобный элемент женского гардероба был в провинции в новинку). Именно с подачи Ивана Ивановича на даче его родного брата Григория появился автомобиль «Ford». Для автомобильных прогулок через густой сосновый бор проложили специальную дорогу. Непродолжительные визиты в Елабугу не позволяли Ивану Стахееву в полной мере проявлять гражданскую активность в городе, хотя общественная работа и благотворительность являлись неотъемлемой частью деятельности Стахеевых в родном городе. В 1909 г. в елабужскую уездную управу поступило заявление от Ивана Стахеева, в котором он писал, что «по делам торговым, проживая в Москве и Уфимской губернии, я не имею возможности исполнять обязанности гласного Елабужского земства и потому покорнейше прошу управу исключить меня из числа гласных»³².

С приходом к власти в России большевиков начался процесс национализации имущества торгового дома «И.Г. Стахеева наследники» в Елабуге. Одновременно местные власти приняли ряд мер с целью ограничения коммерческой деятельности фирм, принадлежавших Стахеевым в России. В июне 1918 г. в пользу РСФСР были национализированы текстильные и металлургические предприятия, хлопковые плантации и лесные угодья, шахты и нефтяные месторождения, магазины и склады, железнодорожные дороги, нефтеналивная и хлебная флотилии, огромные капиталы и другое имущество концерна Стахеева.

Революционные события вынудили Ивана Стахеева и Ольгу Флегонтовну переехать в 1918 г. в Крым. Потеряв в Советской России все имущество, капиталы, предприятия, Иван Иванович примкнул к Белому движению. В 1919 г. в харбинской газете «Заря» была опубликована небольшая заметка о том, что Иван Стахеев погиб от рук «красных убийц» на корабле, на котором он плыл вместе с генералом А.Н. Гришиным-Алмазовым³³. Иван Иванович входил в состав военной делегации, направленной генералом А.И. Деникиным к адмиралу А.В. Колчаку. Эту делегацию возглавлял генерал А.Н. Гришин-Алмазов, представлявший Добровольческую армию. В Каспийском море пароход «Лейла», на котором находилась делегация, сопровождал английский флагманский крейсер, но как только англичане, решив, что опасность миновала, покинули эскорт «Лейлы», корабль был перехвачен большевистским эсминцем «Карл Либкнехт». Эти трагические события произошли 5 мая 1919 г.

После смерти мужа Ольга Флегонтовна эмигрировала во Францию. Она ждала ребенка, о рождении которого Иван Иванович так и не узнал. Дочь, родившуюся в Париже 28 ноября 1919 г., назвали Ольгой. Вдвоем с ней Ольга Флегонтовна первое время жила на средства, вывезенные из России, а затем работала вышивальщицей в магазине готового платья. Ее дочь Ольга Ивановна получила среднее образование во Франции, знала русский, французский и английский языки и в 1935 г. вместе с матерью переехала на постоянное место жительства – Харбин, где служила экономкой, получая за свою работу 50 гоби в месяц³⁴.

Долгое время в среде русской эмиграции в Харбине ходили слухи об огромных капиталах, которые Ивану Стахееву удалось вывезти в Японию перед революцией. Мы находим опровержение этого в опубликованной переписке Григория Ивановича Стахеева, в письме от 9 августа 1931 г.: «От брата Сергея из Парижа получил письмо и фотокарточку. Он пишет, что о России там все забыли и уже не думают о близкой возможности возвращения. Относительно денег Ив. Ив. в Японии, которые якобы не может получить Кашин с Батолиным, он не верит и считает их мифическими, пущенными с целью престижа, т.к. дела Батолина окончательно провалились, и он, проживши изрядные суммы, всюду закрыл конторы и предприятия и занимался в последнее время самообразованием»³⁵. Кроме того, стесненные обстоятельства, в которых пребывала Ольга Флегонтовна, вдова предпринимателя, подтверждают отсутствие зарубежных капиталов Ивана Стахеева.

Таким образом, Иван Иванович прошел путь от сына провинциального купца-миллионера, действовавшего в составе семейного торгового дома, до преуспевающего предпринимателя, входившего в бизнес-элику предреволюционной России. Во второй половине XIX в. капитал в Российской империи еще не был персонифицирован, отсутствовали частнособственнические отношения, широко распространенные на Западе. Российские коммерсанты и промышленники вступали на путь крупного предпринимательства в составе семейных фирм. В предреволюционный период параллельно с персонификацией крупного капитала начались процессы монополизации.

На волне этих экономических явлений происходило формирование бизнес-элиты – людей, контролировавших значительные финансово-экономические структуры в стране. Став одним из основателей концерна, Иван Стахеев и его партнеры сумели к 1918 г. захватить лидирующие позиции в ведущих отраслях промышленности, торговли и транспорта в России и выйти на зарубежные рынки.

Стартовой площадкой для профессионального роста Ивана Стахеева стали семейные торгово-промышленные предприятия, коммерческие связи и деловой авторитет его отца. Избрав дорогу индивидуального предпринимательства, Иван Иванович вступил в партнерские отношения с Прокопием Батолиным, выходцем из крестьянской среды, но человеком, наделенным блестящим предпринимательским талантом. Молодые предприниматели, следуя веяниям времени влились в процесс монополизации в России, учредили товарищество «И. Стахеев и К^о» и активно проникли на российский фондовый рынок. Для привлечения капиталов группа Стахеева наладила партнерство с главой Русско-Азиатского банка – Алексеем Путиловым, в результате был сформирован концерн Путилова – Стахеева – Батолина.

Поднявшись на вершину российского бизнеса, Иван Стахеев приобрел богатый практический опыт деятельности в различных сферах экономики, видел их плюсы и минусы. Он понимал, что успех его фирмы во многом зависел от стабилизации экономики страны в целом, поэтому предложил меры по экономическому переустройству страны. Иван Иванович Стахеев – один из ярких представителей новой генерации бизнес-элиты предреволюционной России, которые прекрасно осознавали проблемы и преимущества пред-

принимательства в регионах, и готовы были инициировать общероссийские экономические проекты и принимать в них участие.

Примечания

- ¹ См.: Китанина Т.М.: 1) Из истории образования концерна Стахеева // Из истории империализма в России. М.; Л., 1959. С. 100–133; 2) Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969.
- ² Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007.
- ³ Государственный архив Кировской области. Ф. 582. Оп. 37а. Д. 389. Л. 7.
- ⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 595. Оп. 2. Д. 137. Л. 7.
- ⁵ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (Товариществах полных и на вере). Пг., 1915. С. 183.
- ⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 25. Д. 433. Л. 17 об.
- ⁷ Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. ... С. 23.
- ⁸ Там же. С. 30.
- ⁹ Китанина Т.М. Из истории образования концерна Стахеева. С. 107.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 1680. Л. 35, 62.
- ¹¹ Акционерно-паевые предприятия России / под общ. ред. В.В. Лаврова. М., 1917. С. 313.
- ¹² См.: Нефтяное дело. 1912. № 4. С. 15.
- ¹³ См.: Société le naphte Russe // L'Économistefrançais. 1913. 15 mars.
- ¹⁴ См.: Нефтяное дело. 1916. № 15–16. С. 34.
- ¹⁵ Программа деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о» // Исторический архив. 1957. № 3. С. 170.
- ¹⁶ См.: Коммерческий телеграф. 1917. 15 октября.
- ¹⁷ Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». Экономическое положение накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март–октябрь 1917 г. Ч. 1: Документы и материалы. М.; Л., 1957. С. 83.
- ¹⁸ Лаврычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 328.
- ¹⁹ Китанина Т.М. Из истории образования концерна Стахеева. С. 122.
- ²⁰ Акционерно-паевые предприятия России. С. 220.
- ²¹ Коммерсант. 1917. 28 июня, 28 сентября.
- ²² Акционерно-паевые предприятия России. С. 447.
- ²³ Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». С. 84.
- ²⁴ Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. ... С. 128.
- ²⁵ Программа деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». С. 172–173.
- ²⁶ Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о» ... Ч. 1. С. 83.
- ²⁷ Акционерно-паевые предприятия России. С. 112.
- ²⁸ Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о» ... Ч. 1. С. 87.
- ²⁹ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М., 1917. С. 470.
- ³⁰ Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб., 1917. С. 653.
- ³¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 780. Оп. 1. Д. 611.
- ³² XXXXIII очередное Елабужское уездное земское собрание, 30 сентября – 11 октября 1909 года и чрезвычайное 18 декабря 1909 года. Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и проч. Елабуга, 1910. С. 667.
- ³³ Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3196 (лист не пронумерован).
- ³⁴ Там же. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 45214. Стахеева Ольга Ивановна. Л. 19.
- ³⁵ Валеев Н.М., Валеева Н.Г. Елабуга, Харбин, Сидней... Казань, 2007. С. 130.

Библиография

- Société le naphte Russe // L'Économistefrançais. 1913. 15 mars.
- Акционерно-паевые предприятия России / под общ. ред. В. В. Лаврова. М.: Лавров, 1917. 613 с.
- Валеев Н. М., Валеева Н. Г.* Елабуга, Харбин, Сидней... Казань: Идель-Пресс, 2007. 280 с.
- Весь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга г. Петрограда. СПб.: Изд. т-ва А. С. Суворина, 1917. 930 с.
- Вся Москва. Адресная и справочная книга. М.: Гор. тип., 1917. 746 с.
- Китанина Т. М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л.: Наука, 1969. 180 с.
- Китанина Т. М.* Из истории образования концерна Стахеева // Из истории империализма в России. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 100–133.
- Коммерсант. 1917. 28 июня, 28 сентября.
- Коммерческий телеграф. 1917. 15 октября.
- Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о». Экономическое положение накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март–октябрь 1917 г. Ч. 1: Документы и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 81–87.
- Лаверычев В. Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М.: Наука, 1988. 336 с.
- Маслова И. В.* Купеческая династия Стахеевых. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2007. 144 с.
- Нефтяное дело. 1912. № 4. С. 15.
- Нефтяное дело. 1916. № 15–16. С. 34.
- Программа деятельности торгово-промышленного товарищества «Иван Стахеев и К^о» // Исторический архив. 1957. № 3. С. 169–173.
- Сборник сведений о действующих в России торговых домах (Товариществах полных и на вере). Пг.: Отд. торговли М-ва торговли и пром-сти, 1915. 354 с.
- XXXXIII очередное Елабужское уездное земское собрание, 30 сентября – 11 октября 1909 года и чрезвычайное 18 декабря 1909 года. Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и проч. Елабуга: Печатня И. Н. Кибардина, 1910. 727 с.

Прохоров Д.А.*

Предпринимательская деятельность караимов и коммерческая реклама их предприятий в Российской империи в XIX – начале XX в.

Аннотация: В статье рассмотрен вклад караимов в развитие промышленности Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Одной из составляющих коммерческого успеха предприятий различной специализации, которыми владели караимы, стали маркетинговые кампании и рекламная продукция. Сделан вывод о том, что представители караимских общин внесли существенный вклад в развитие экономической жизни России в целом и Таврической губ. в частности. Основными видами их деятельности стали отрасли, связанные с производством широкого круга бытовых и продовольственных товаров, табаководством и промышленным производством табачных изделий. Крупные предприятия этого профиля действовали в городах Таврической губ., а также в Москве, Санкт-Петербурге, Харькове, Одессе и других городах империи. Благодаря высокому качеству, продуманному маркетингу и красочной, информативной рекламе продукция фабрик караимских предпринимателей пользовалась заслуженной популярностью среди различных слоев населения. Помимо широкого представительства в продовольственном и промышленном секторе, многие караимы развивали курортное и бальнеологическое направления, во многом являясь их пионерами в России.

Ключевые слова: Крым, караимы, реклама, маркетинг, экономика, промышленность.

Введение

Крымские караимы – один из старожильческих народов Крыма. Проблема их появления на полуострове до сих пор остается одним из дискуссионных вопросов в исторической науке. Непосредственно сам термин *караим*, который был впервые упомянут в трудах одного из видных караимских законоучителей, теолога IX в. Биньямина бен Моше На Гавенди, имеет двойную дефиницию и обозначает как этнос, так и приверженца караимской веры. *Караимы* (с древнееврейского «карай» – «читающие», «бней Микра», «сыны Священного Писания») – возникшая в Багдаде в 762–767 гг. религиозная секта, доктрина которой основана на отрицании раввинистическо-талмудической традиции. Заключается она в почитании Ветхого Завета как единственного и прямого источника религиозной истины. Основателем секты считается Анан бен Давид, живший в Багдаде в начале VIII в. Первоначально проявление данного учения отражало протест против божественности еврейских Талмудов и непогрешимости религиозных авторитетов, однако позднее *караимизм* оформился в самостоятельную религиозную доктрину со своими догматами и обрядовостью. Обращение к Ветхому Завету как к единственному источнику веры и религиозного права выражено в установленном Ананом бен Давидом принципе: «Тщательно ищите в Торе и не опирайтесь на мое мнение».

* Прохоров Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», prohorov1da@yandex.ru.

В различных источниках встречается несколько форм экзоэтнонимов караимов. *Яхуди, яхудилер* — так именовали всех представителей иудейского населения в официальных документах Крымского ханства. *Евреи, еврей-караимы, еврей караимской секты, караиты, караимы* — эти определения появились уже после присоединения Крыма к России в конце XVIII в. Эндоэтнонимом является термин *караимы*. В современной академической литературе утвердилось мнение, что в Восточной Европе караимы появились уже в послехазарское время. Первые достоверные свидетельства об их пребывании на Крымском полуострове датируются второй половиной XIII в.

По другой версии, впервые выдвинутой российскими ориенталистами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым в середине XIX в. и которой сегодня придерживаются ригористично настроенные караимские национальные круги, современные караимы являются прямыми потомками хазар. Тем не менее данная концепция не имеет под собой достаточно веских оснований. В связи со стремлением избегать еврейской коннотации некоторыми современными караимскими лидерами используется искусственно созданный термин *караи-тюрки*.

Правовое и экономическое положение караимов и евреев в Российской империи в конце XVIII – начале XX в.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. караимы получили новый юридический статус. В отличие от российских евреев-раввинистов (которые должны были платить двойной промысловый налог и проживать в «черте оседлости») караимы пользовались различными льготами в сфере гражданского законодательства. Однако поначалу все караимское население Крыма было идентифицировано как еврейское. Местная администрация, не вникавшая в нюансы различий, существовавших между конфессиональными группами евреев и караимов, причислила последних к иудейско-раввинистическому компоненту населения полуострова. А 23 июня 1794 г. в соответствии с указом Екатерины II для евреев Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерний и Таврической области устанавливалась двойная норма налогообложения: «Позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их <...> записываться по городам в мещанство и купечество, повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таковым дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий»¹. Этот шаг правительства в целом крайне негативно отразился на экономическом положении евреев Российской империи. Вскоре, согласно указу от 21 января 1796 г., все еврейское население получило право на откуп (по 500 руб. за чел.) от обязанности предоставлять рекрутов для военной службы².

В то же время в соответствии с сенатским указом от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении

их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими именьями с распространением права сего на их наследников» крымским татарам даровали ряд льгот (прежде всего представителям мусульманского духовенства, кадиям, мурзам, ранее владевшим собственностью, — «землями, деревнями, садами и прочими угодьями»). Кроме того, подтвердили права и привилегии, данные их наследникам. Привлеченные возможностью получения налоговых льгот и социальных преференций и, предпринимая попытку дистанцироваться от евреев-раввинистов в глазах властей, представители верхушки крымской караимской общины направили в адрес высшей администрации несколько прошений. В частности, они выступили перед правителем Таврической области генерал-майором С.С. Жегулиным и правителем Новороссии и Бессарабии графом П.А. Зубовым с ходатайствами об освобождении их от уплаты двойного промыслового налога, т.к. для них это было «сколько тяготительно, столько и постыдно»³.

В 1795 г., чтобы лично передать это ходатайство, в Санкт-Петербург отправилась делегация, уполномоченная представлять интересы караимов. В ее состав вошли влиятельные члены караимской общины Крыма, которые пробыли в столице три месяца: Шломо «Чабак» Бабович, Биньямин бен Шмуэль Ага (управляющий финансами и заведующий монетным двором последнего крымского хана Шагин-Гирея), а также караимский гахам Чуфут-Кале Йицхак бен Шеломо⁴.

Их миссия завершилась успехом, и 8 июня 1795 г. в соответствии с рескриптом императрицы Екатерины II крымские караимы были освобождены от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя. Таким образом, караимов «изъяли от уплаты» дискриминационного налога, установленного для российских евреев. Более того, представителям караимской общины разрешалось приобретение земельной собственности.

Период конца XVIII — первой половины XIX в. ознаменовался для караимов, евреев-раввинистов и крымских татар существенными изменениями в их социально-экономическом статусе. Что касается юридической сферы, то основными были вопросы землевладения и землепользования. Определяющим фактором, вызвавшим массовую эмиграцию крымских татар в Турцию, стали возрастающее малоземелье и прямое обезземеливание крымских татар в результате недальновидной политики русских властей, проводивших бесконтрольную раздачу земли высшим сановникам, российским и иностранным вельможам, а также помещикам. (Специально сформированная в 1802 г. «Комиссия для разбора поземельных споров» в Крыму ничего существенного в деле урегулирования данного вопроса не сделала.) В то же время караимы, приобретая ранее брошенные и пустующие земельные участки, а также скупая их (иногда за бесценок) у крымских татар, смогли значительно укрепить свое материальное положение. Зажиточные члены караимской общины Крыма не только становились представителями привилегированного сословия, но и тем самым способствовали дальнейшему развитию на территории полуострова многих отраслей хозяйства (таких, как садоводство, виноградарство, табаководство и др.). Караимы постепенно вовлекались в развивающиеся торгово-экономические связи Крымского полуострова с городами юго-западных и центральных губерний России. В результате торговой деятельности уже в на-

чале XIX в. среди караимов появилось значительное число состоятельных землевладельцев, в распоряжении которых имелись обширные земельные участки и сады, приносявшие крупный доход.

Одновременно караимы стремились укреплять и свое правовое положение. Причем при составлении различных прошений и ходатайств во властные структуры караимские светские лидеры часто использовали аргументацию, которая демонстрировала властям отличие караимов от евреев-раввинистов, — очевидно, все это было направлено для получения новых экономических льгот и достижения правовых преференций. В этом им оказывало содействие и высшее начальство. Например, караимы, как отмечал министр внутренних дел граф Л.А. Перовский, «преданы престолу, трудолюбивы, ведут себя благопристойно, в общении человеколюбивые, не замечаются в преступлениях и вообще отличаются честностью»⁵. В некоторых региональных изданиях утверждалось, что караимы «народ бодрый, серьезный, честный, справедливый, веселый, миролюбивый, чистоплотный, разумный и деспот, чрезвычайно преданный своему хозяйству. Всех этих качеств нельзя найти в евреях»⁶. При этом подчеркивалось, что «в Новороссии и Литве все вообще Карайты более-менее зажиточны; Волынские — беднее других, но совершенно бедных, тем более нищих, между Карайтами вовсе нет; обедневший собрат, пока дела его не поправятся, получает вспомоществование и содержание от общины»⁷. В официальных правительственных документах также встречались подобные пассажи: «...караимы стремятся к оседлой жизни и сближению с обычаями местных жителей, занимаются охотно земледелием и известны своим трудолюбием и строгостью правил жизни <...> По сим уважениям правительство всегда их отличало [от евреев-раввинистов], а закон присвоил им некоторые преимущества»⁸. В целом общий негативный характер высказываний о евреях обуславливался антиеврейским законодательством и ксенофобскими настроениями в части российского общества.

В 1829 г. император Николай I объявил, что не служащие в армии евреи должны покинуть Севастополь и Николаев. Поскольку их пребывание там власти сочли «неудобным и вредным», «велено им было оттуда переселиться в другие города, где им пребывание дозволено» (из числа евреев оставаться в городе разрешалось находившимся на военной службе солдатам и матросам).

20 ноября 1829 г. правительство подготовило указ «О воспрещении не служащим евреям иметь постоянное пребывания в Севастополе и Николаеве»:

«1) Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, ни заведений для отправления обрядов их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам.

2) Евреи, имеющие ныне в Севастополе и Николаеве оседлость, или только приписанные к этим городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания»⁹.

Тем же указом оговаривались и права караимского населения: «Все сии меры не должны относиться до Евреев Караимов, коим отнюдь не запрещается жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежнем основании»¹⁰. 10 июня 1830 г. правительство указом «О мерах к переселению евреев из Севастополя и Николаева» подтвердило разрешение, данное караимам —

проживать в этих городах «на всех правах»¹¹. К 1832 г. все евреи, кроме семей служивших солдат и матросов, были из Севастополя выселены. Лишь в 1866 г. евреям вновь было разрешено постоянное жительство: в Николаеве — всем (закон от 24 марта 1866 г.), в Севастополе — лишь почетным гражданам, производившим торговлю «с запиской в гильдии», а также купцам обеих гильдий¹².

13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Согласно этому документу, в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах; в Малороссии — везде, кроме Киева и сел, принадлежавших государственной казне; в Новороссии — во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы («старопоселенцы»). Евреям запрещалось селиться вновь в 50-верстной пограничной полосе. Во внутренние губернии евреям разрешалось приезжать не более чем на срок в шесть недель по паспортам, выдаваемым губернаторами, и при обязательном условии ношения русской одежды. Был подтвержден запрет христианам работать в домах евреев. Что касается караимов, то их гражданские права оговаривались в § 21 гл. 1. «Положения»: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями»¹³. Караимам также удалось добиться изменения официального названия своей общины: теперь их именовали «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а позднее это название было сокращено до лаконичного — «караимы».

В марте 1837 г. правительство утвердило «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. Караимы продолжили укреплять свои позиции в сфере гражданского права, что привело к ряду изменений — как в географии их расселения, так и в трансформации традиционного уклада жизни их общин. На законодательном уровне принимались новые постановления, среди которых необходимо выделить несколько важных указов. Например, указ «О дозволении караимам принимать в услужение христиан, а приезжающим из-за границы вступать в Российское подданство» от 10 декабря 1839 г.¹⁴; указ «О возведении караимов в почетное гражданство на основе общих по сему предмету правил, без ограничения для евреев установленных» от 15 ноября 1843 г.¹⁵, а также «Положение о подчинении Евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением Еврейских кагалов» от 19 декабря 1844 г., по которому эти правила не распространялись на караимов¹⁶.

11 декабря 1850 г. вышло постановление «О нераспространении на караимов запрета жительствоваь по деревням и селениям и продажи горячих напитков»¹⁷, а уже 11 января караимское духовенство вместе с их семьями освободили от внесения в списки IX общегосударственной ревизии. (То же касалось и представителей караимского духовенства, занимавших должности гахама, газзанов, а также шамашей на момент проведения X переписи населения.)¹⁸

Власти также приняли решения: «О даровании местечку Чуфут-Кале льготы от городских и земских повинностей» (15 мая 1851 г.)¹⁹, «О дозволении Евреям Караимам свободно приезжать в столицы и другие внутренние города империи» (10 октября 1852 г.)²⁰, «О дозволении Евреям Караимам причислять-

ся к портовым городам северо-восточного берега Черного моря, жить и владеть в оных собственностью» (26 июля 1853 г.)²¹.

Наконец, 8 апреля 1863 г. было опубликовано «Высочайше утвержденное мнение Государственного совета “О постановлениях касательно прав караимов”». В соответствии с ним «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской империи», пользовались «всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит»²². Документ закреплял за караимами все права и свободы, предоставленные им ранее. Караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т.п. Подтверждалось ранее выданное право освобождения их домов, а также зданий синагог и училищ от постоя войск. Положения этого закона стали правовой основой для жизнедеятельности всех караимских общин Российской империи.

Что касается еврейского населения, то 16 марта 1859 г. российским правительством был опубликован указ, разрешавший евреям-купцам 1-й гильдии и купцам, банкирам, владельцам торговых домов (иностранным подданным из числа евреев) записываться в купечество 1-й гильдии и осуществлять торгово-промышленную деятельность во всех городах страны. В течение 10 лет после переселения они были обязаны состоять в гильдии и платить соответствующие пошлины, а в случае выхода из нее до истечения этого срока — вернуться в пределы «черты оседлости». Купцы-евреи могли переселяться во внутренние губернии вместе с семьями и брать с собой «служителей из своих единоверцев», но не более одного приказчика и четырех домашних слуг в провинции (в столицах число слуг определяли генерал-губернаторы)²³.

Запись в 1-ю гильдию за пределами «черты оседлости» давала купцам-евреям все права российского купечества. В последующие годы наблюдался процесс переселения состоятельных купцов-евреев и за пределы «черты оседлости». После того, как евреям-ремесленникам, лицам с высшим образованием и отставным солдатам законодательно разрешили проживать в любом месте страны, они становились членами городских сообществ в ее крупных промышленных центрах. Наибольшее число купцов-евреев было занято в торговле промышленными товарами, при этом многие из них являлись владельцами фабрик и заводов различной специализации. Евреи также занимались разными ремеслами и содержали мастерские. Например, только в Санкт-Петербурге в 1880 г. было 79 купцов-евреев (27 купцов 1-й гильдии и 52—2-й), а уже в 1898 г. — 207 купцов (58 купцов 1-й гильдии и 149—2-й). Содержание комиссионных и агентских контор, банковское дело тоже находились в числе приоритетных занятий у еврейского населения.

Наиболее распространенными сферами деятельности еврейских предпринимателей являлись: кожевенное, конфетно-кондитерское, шелковое, ватное производства; мукомольная, горная и горнозаводская промышленность (хотя их участие в добывающей промышленности, в частности, добыче нефти, было связано с многочисленными ограничениями в правах); чугунно-литейные заводы; производства — электрическое, стекольное, жестяных изделий; выделка бумаги; типографское дело; автомобильный извоз; парикмахерские; банкирские предприятия; дела — транспортное, комиссионное и строительное²⁴.

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала, что число евреев, занятых в ремесле и работавших в промышленности, составило 555 229 чел.²⁵ Вместе с тем во время проведения народных ревизий и переписей населения довольно часто фиксировались случаи умышленного уклонения представителей еврейского населения от внесения в готовившиеся списки.

Это происходило в большинстве случаев из-за введения «черты оседлости», двойного налогообложения, процентных норм поступления евреев в учебные учреждения и проч. Стремление евреев уклониться от официального подсчета было вызвано опасениями, что это может привести к увеличению дискриминационного налога, призыва в армию, а также желанием избежать возможных еврейских погромов (их волна прокатилась по Югу России в конце XIX – начале XX в.).

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. администрация проводила политику «очищения» внутренних губерний от евреев. Например, в 1893 г. из «черты оседлости» исключили Ялту как место отдыха императорской семьи. Здесь могли оставаться и вновь селиться только евреи, имевшие право повсеместного жительство, а также приписанные к различным городским обществам. (Тем не менее, женам тех евреев, кто имел право повсеместного жительство, приезжать на отдых в Ялту, равно как и приобретать там недвижимость, без мужей запрещалось.²⁶) В 1899 г. были утверждены «Московские временные правила», которые затрудняли вступление евреев в московское купеческое сообщество. В манифесте от 12 декабря 1904 г. правительство декларировало «пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права иностранцев и уроженцев отдельных местностей империи», однако с оговоркой, что будут сохранены те из ограничений, «которые вызываются насущными интересами и явной пользой русского народа»²⁷.

Некоторое ослабление антиеврейского законодательства намечилось после Русско-японской войны 1904–1905 гг., но вместе с тем оно носило локальный характер. По закону 11 августа 1904 г. право повсеместного жительство в империи получили советники коммерции и мануфактур, «беспорочно прослужившие» участники войны и члены их семей. В пределах «черты оседлости» (в сельской местности) разрешили проживать купцам 1-й гильдии и некоторым категориям ремесленников. Жены и дети евреев с высшим образованием получили право повсеместного жительство отдельно от главы семьи и приобретения недвижимости «всюду, где евреям это дозволено»²⁸.

Таким образом, предпринятые в конце XVIII – начале XIX в. караимскими светскими лидерами и религиозными авторитетами меры, направленные на официальное признание за караимами прав и привилегий, уравнивание их с правами христианского населения Российской империи, имели как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, караимы получили равные с русскими многочисленные права и свободы, с другой – усилились социальные противоречия между еврейской и караимской общинами, отдельные проявления и последствия которых имели место во второй половине XIX в.

При этом случаи прозелитизма были довольно редким явлением. По инициативе МВД проблему смешанных браков между представителями караим-

ской и еврейской общин обсудили на съезде еврейских раввинов, состоявшемся в Санкт-Петербурге летом 1910 г. Специально созданная для дискуссии по данному вопросу комиссия вынесла вердикт: «никакого ритуального порядка совершения подобного рода браков установлено быть не может», поскольку они запрещались еврейскими законами.

Делегаты съезда на вопросы И.Н. Платонникова — представителя МВД, действительного статского советника — о том, законны ли подобного рода браки, какой статус имеют дети, родившиеся в этих семьях (законнорожденных или внебрачных), ограничились лишь резолюцией, предписывавшей раввинам запрещать совершение бракосочетания между евреями и караимами; к тому же, если у последних будет отсутствовать разрешение караимского духовного правления на такой брак²⁹. В свою очередь, Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП) вынесло постановления: «О воспреещении недействительных браков караимов с евреями, совершаемых еврейскими раввинами» и «О недопустимости смешанных браков караимов с женщинами других исповеданий»³⁰.

Ситуация изменилась только после 1917 г. — тогда количество «смешанных» браков между евреями и караимами увеличилось одновременно с ростом численности прозелитов в караимской и еврейской общинах³¹.

Различие в правовом статусе между евреями и караимами сопровождалось углублением социально-экономических различий: в то время как еврей-раввинисты (крымчаки и ашкеназы) в Таврической губ. занимались преимущественно мелкой торговлей и ремесленным производством, крымские караимы являлись крупными земледельцами, владельцами табачных плантаций, складов и фабрик, фруктовых садов и соляных копий. Торговая экспансия караимских купцов в крупные промышленные центры Российской империи привела к созданию успешных, финансово независимых предприятий различной специализации, принадлежавших караимам в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове и других городах. Это подтверждает и тот факт, что среди караимских купцов и промышленников к началу XX в. насчитывалось 12 миллионеров (в их числе были представители таких фамилий, как Стамболи, Капон, Габай, Шапшал, Коген, Дуван, Катык, Пигит, Саатчи, Мангуби, Майкапар)³². В соотношении с общим процентом численности населения (в соответствии с данными Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в стране проживали 12894 караимов³³) по этому показателю караимы занимали первое место в России.

Основные занятия и коммерческие приоритеты караимов

В справочных изданиях начала XIX в. встречаются сведения о том, что крымские караимы занимались «внутреннюю и заграничную торговлю, имея постоянные связи с Константинополем и пользуясь там особенным приемом». Крупные земельные владения, «содержание ханов, промен монет и другие городские занятия» составляли основные источники благосостояния караимов. Еще во времена Крымского ханства придорожный постоялый двор, где оста-

навливались купцы и хранились товары, назывался «ханом». Это понятие иногда употреблялось в Крыму и в начале XIX в.: «На устроенных при них [ханах] кофейнях совершаются купли и продажи между Караимами, Татарами и Христианами, словом, ханы суть биржи в малом виде»³⁴.

Например, в первой четверти XIX в. только в Бахчисарае было 16 ханов, из которых тех, где находились «купеческие красные товары», — 11, а постоянных дворов — 5³⁵.

Что касается непосредственно коммерческих приоритетов, то по свидетельству путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII — начале XIX в., караимы занимались «торговлей, променом монеты, соляным промыслом» и «мелким торгашеством». Практически вся мелкая торговля в крымских городах была сосредоточена в руках караимских купцов. Кроме того, среди представителей караимских общин Симферополя, Феодосии и Карасубазара насчитывалось немало ростовщиков, которые, как утверждалось в некоторых изданиях, давали денежные ссуды под большие проценты «разоряющимся татарским мурзам и простым татарам и, приобретая от них потом за ничто их земли»³⁶. В соответствии с данными, собранными в «Окладной книге о числе душ по V ревизии» на 1 января 1800 г., в уездах Новороссийской губ. проживали 106 купцов — евреев и караимов (в 1804 г. — 111), причем наибольшее их число приходилось на Херсонский уезд — 39 чел. (в 1804 г. — 44). В 1801 г. купцы уплатили в казну налоговых сборов 2 134 руб. 71 коп.

Мещан насчитывалось 1 750 чел.: уплачено окладного сбора и подушной подати на сумму 7 875 руб. (из расчета двойного налогообложения евреев — по 4 руб. 50 коп. с чел.)³⁷. В соответствии с предоставленной по указам правительства 1795, 1796 и 1796 гг. 10-летней льготе в Новороссийской губ. не «положенных в оклад» числились 505 купцов, 1 341 мещанин и 297 евреев³⁸. После того, как 8 октября 1802 г. указом Сената Новороссийская губ. была разделена на Екатеринославскую, Николаевскую и Таврическую губернии (Херсонский уезд вошел в состав Николаевской губ.), налоговая статистика по региону выглядела следующим образом: в Херсонской губ. в 1805 г. насчитывались 43 купца (платили налог в сумме 1 236 руб.) и 1 153 мещанина из числа евреев и караимов (в ведомостях их вновь не разделили по этноконфессиональному признаку). В Таврической губ. проживали 29 купцов и 451 мещанин из евреев и караимов (при этом ревизия учитывала только мужское население)³⁹.

Во второй половине XIX в. внутренняя миграция караимов привела к росту их численности во многих городах материковых губерний Российской империи. Караимы-купцы покидали Крым и переселялись в крупные, экономически развитые регионы страны. К середине XIX в. эти купцы обосновались в Москве, Санкт-Петербурге и других промышленных центрах. Благодаря предпринимательскому таланту, деловой репутации и коммерческой хватке караимам удалось основать значительное число крупных и средних торговых и промышленных предприятий различной специализации, приносящих их хозяевам стабильно высокий доход.

В первой половине XIX в. часть караимов переехала из Крыма в перспективную в торговом отношении Одессу, где наблюдалась наибольшая концентрация представителей купеческого сословия по сравнению с другими

губернскими городами Юга Российской империи. Статус «порто-франко», присвоенный городу в 1819 г. (действовал он до 1859 г.), привлек значительное число купцов из внутренних губерний России, а также из стран Европы.

В тот период одним из способов привлечения внимания потенциальных покупателей к продукции торговых и промышленных предприятий различного назначения и специализации стало распространение целевой информации, в том числе и тиражной графики коммерческого характера. Именно из рекламных объявлений, размещенных как на страницах печатных изданий, так и в отдельно изданных тиражах образцов рекламной продукции, становится известно об основных занятиях караимских купцов и предпринимателей. Основной чертой различных видов коммерческой рекламы стала ее утилитарность.

Для рекламных изображений XVIII–XIX вв. характерна разработка системы социального этикета. При этом основы образного графического восприятия и интерпретации различных видов мануфактурной продукции закладывались еще в начале XVIII в. К середине XIX в. в рекламе впервые появился художественный плакат, благодаря чему рекламирование товаров вышло на новый уровень. В рекламных плакатах, которые уже к началу XX в. перешли из официального государственного делопроизводства в сферу искусства, присутствовали коммерческая целенаправленность, или, по заключению Э. Глинтерник, агитация к покупке конкретного товара, информация о нем, с применением художественной обработки этой информации.

В рекламных объявлениях, размещавшихся во второй половине XIX в. в печатных изданиях (адрес-календари, справочные и памятные книги и проч.), почти отсутствовали крикливость или же чрезмерная экспрессия. Рекламные же тексты были выдержаны в информативно-содержательном, деловом тоне (чего нельзя сказать о некоторых образцах рекламной плакатной графики более позднего периода)⁴⁰.

В свою очередь, караимские предприниматели одними из первых смогли оценить возможности рекламы для продвижения продукции своих предприятий. Следует отметить, что представители караимской общины играли заметную роль в экономическом и культурном развитии Одессы. Многие из них входили в состав административных учреждений и органов одесского городского самоуправления. Большинство караимов Одессы специализировались в торгово-промышленной сфере, а также занимались частным предпринимательством – преимущественно, мануфактурной и соляной торговлей⁴¹.

Из выполненных типолитографическим способом рекламных объявлений, размещенных на страницах всевозможных адрес-календарей и справочных изданий, известно, что торговые конторы крымских и одесских караимов – С. Бабаджана (ул. Приморская, д. 14), А. Гелеловича (ул. Привозная, д. 14), Г.М. Гелеловича (ул. Лесная, д. 7), М.С. Сарача (ул. Приморская, д. 10 и 14), Х. Луцкого (ул. Московская, д. 27–31), Ходжаша (переулок Газовый, д. 2) – специализировались на обработке и продаже соли и кристаллической соды.

Наследникам купца Кальфа принадлежали мастерские по пошиву одежды на ул. Дерibasовской; портновским делом заведовал С.Я. Телал. Караим А.Я. Топуз содержал мастерские по обработке мрамора на ул. Полицей-

ской, д. 30 и Еврейской, д. 4. Торговлю туалетным мылом осуществляла фирма караимского купца М. Сарача, проживавшего в собственном доме на ул. Троицкой, д. 52, а караим А.Е. Бабаджан занимался продажей угля и дров⁴².

Помимо внутриобщинной кооперации, караимы создавали совместные предприятия с представителями других этноконфессиональных групп населения Одессы. Например, торговый дом на ул. Бугаевской, д. 51 (паркетная фабрика, лесопильный и фанерный заводы) принадлежали еврею С.Г. Когану и караиму И.-М.Н. Луцкому. Продукция этой фирмы в 1901 г. удостоилась почетного диплома на выставке в Глазго, бронзовой медали на «Выставке домоустройства» 1895 г. в Одессе и золотой медали «Русского технического общества» на промышленной выставке, проходившей в Одессе в 1911 г.⁴³

Типография «Исакович Р. и Бейленсон М.» находилась в Одессе, на ул. Гаванной, д. 10; продажу халвы и топленого масла производили караим И. Нейман и грек С. Триархи⁴⁴. При торговом доме «Г.Н. Шифрес и К^о» в Одессе (ул. Ришельевская, д. 11) было представительство известной консервной фабрики симферопольских караимов, братьев М. и И. Шишманов, производивших «глазированные фрукты, цукаты, фруктовые и овощные консервы»⁴⁵.

Торговый дом «А. Топуз и Г. Девеки», располагавшийся на ул. Еврейской, д. 4, специализировался на производстве и торговле (оптовой и розничной) надгробными памятниками, а также бытовыми изделиями из мрамора и лабрадора. Торговый дом «С.А. Кальфа и К^о» предлагал российским и зарубежным фирмам свои посреднические услуги в торговых операциях⁴⁶.

Курортно-оздоровительные и санаторные учреждения как объекты предпринимательства

Проявляли караимы активность и в курортно-оздоровительной сфере. Она приобрела популярность в связи с возникшей модой на различные виды туризма (в том числе лечебный), путешествия и экскурсионную деятельность. Одним из наиболее прибыльных предприятий в Одессе стало гидропатическое заведение караима И.Ш. Исаковича. Он начал возведение дома на одном из двух приобретенных им земельных участков, а на втором решил построить баню (в 1867 г. она располагалась на ул. Преображенской, д. 41, в доме караима Абрама Эгиза). Выбор участка был продиктован тем, что на нем имелся водоносный источник «в 20 сажень глубины». Разработкой проекта и постройкой здания бани Исаковича руководил главный архитектор Одессы С.А. Ландесман. Впоследствии сын предприимчивого караима Самуил Исакович Исакович (1859–1910) продолжил семейное дело — он расширил банное заведение, установил новое в нем оборудование, приобретенное за границей, превратив баню в банно-лечебное учреждение. Для привлечения клиентов владелец в рекламных целях разместил информацию о своем предприятии во всех доступных печатных информационных изданиях Одессы. Услуги в банно-лечебном учреждении предлагались самые разнообразные, и, помимо всего прочего, были продиктованы модными веяниями в обществе. Например, в 1894 г. в справочнике «Одесса за 100 лет» об этой бане сообщалось

следующее: «Гидропатическое заведение Исаковича основано в 1867 году, а в 1892 году, по случаю исполнившегося 25-летия со дня основания, заново перестроено. Заведение в медицинском отношении поставлено на уровень лучших в Европе учреждений этого рода и снабжено всевозможными аппаратами и приспособлениями, необходимыми для успешного пользования водолечением. Постоянные врачи; для дам приглашена женщина-врач. Консультации врачей-специалистов. Души: Мантель, Шотландские, столбовые, циркулярные Филиформ и т.п. Бассейн. Паровые ящики. Ванны разных типов. Весы для взвешивания. Излечиваются болезни: катар желудка и кишок, невралгия, неврастения, страдания спинного и головного мозга, ревматизм, сифилис и многие другие <...> Бани, гидропатия, ванны, бассейн Исаковича. Десять самостоятельных отделений. Номер-ванна. Номера (с ванной и паром). Первоклассные общие бани (Русские бани). Души. Народные бани. Чистота и удобства! Плата от 10 коп. до 1 р. 25 коп. с особы»⁴⁷. Помимо прочего, в бане действовало отделение для военных чинов.

Банно-лечебное заведение Исаковича состояло из двух частей: в первой из них располагался большой зал, где размещались кабинеты для врачей и клиентов, подсобные помещения (весы, кладовая с бельем и проч.). Гидротехнический зал состоял из общих и сидячих ванн с различными приспособлениями для водолечения («души восходящие, нисходящие, спинные, подвижные, игольчатые»). «Сам зал высокий, светлый, с хорошей вентиляцией, — сообщалось в рекламном проспекте, — кабинеты для раздевания и отдыха, расположены в два ряда, также просторны и светлы». Тут же находился мраморный бассейн. Вода для купания использовалась из собственного источника с глубины в 20 сажений и температурой +8 С°. Бассейны с душами были открыты первоначально с 15 мая по 15 сентября, а затем заведение перешло на круглогодичный режим работы: мужчины могли посещать бани с 6 до 8 утра и с 15 до 18 ч вечера, а женщины — с 9.30 до 11 и с 16 до 20 ч⁴⁸. Остается добавить, что после революционных событий 1917 г. и окончания Гражданской войны водолечебное и гидропатическое заведение, а также дом и дача семьи Исаковичей были конфискованы советской властью⁴⁹.

Во второй половине XIX в. широкую популярность приобрел Южный берег Крыма в целом и Ялта в частности — город стал модным аристократическим курортом. Заметный рост численности ялтинского купечества пришелся на 1860–1870-е гг., когда в России была проведена городская реформа⁵⁰. Предметами торговли среди купцов Ялты являлись такие товары, как изюм, сладкий «ялтинский» лук, чеснок, лен, устрицы... и сосновый лес; сюда ввозились пшеница, шелковые турецкие ткани, соль и различные предметы обихода. Определенную часть населения города составляли купцы и мещане, среди которых было немало состоятельных караимов: Г.С. Майкапар, Ю.С. Рофе, Е.О. Майтоп, А. и И. Рофе, И.Я. Бараш, Д.Я. Пембек, Ю.И. Рофе, Б. Илик, А.М. Кушлю, Э.И. Зурна и др.

Ялтинский купец Исаак Рофе основал предприятие «Рофе и сыновья» и открыл ванно-лечебное заведение в центре Ялты⁵¹. В 1897 г. во дворе гостиницы «Франция» (архитектор Н.П. Краснов; ул. Набережная, д.4) были сооружены купальни, к зданию которых пристроили парадный портал в маври-

танском стиле из белого мрамора с цитатой из Корана: «Будь благословен, как вода». Холл оформили в марокканском стиле с лепниной из гипса, а в самих купальнях Рофе установили ванны с подогретой морской водой для «очистительного и общеукрепляющего лечебного эффекта». В предприятии «Рофе и сыновья» были задействованы также его жена Назлы, ялтинская купчиха 2-й гильдии, старший брат Абрам и средний – Овадя.

В 1870-е гг. члены семьи Рофе торговали медицинским оборудованием и содержали ванно-лечебное заведение, предметом гордости которого «являлся роскошный султанский номер, а также великолепное обслуживание для каждого посетителя»⁵².

Впоследствии ванно-лечебный комплекс Рофе перешел в собственность Ю.А. Пфейфера⁵³. Реклама этого заведения была рассчитана в основном на курортную публику и печаталась на страницах многочисленных путеводителей по Крыму. В наши дни дом Рофе, построенный для ванного заведения на набережной Ялты, реконструирован под отель «Вилла София».

Рис. 1. Парадный портал в ванно-лечебном заведении караима И. Рофе в Ялте (дореволюционное фото)

Не менее популярными среди жителей и гостей Крымского полуострова стали курортно-лечебные заведения Евпатории. Это объясняется таким стремительно развивавшимся в конце 1880-х – начале 1890-х гг. направлением, как грязелечение. Крымский полуостров привлекал многих нуждавшихся в лечении и реабилитации как бальнеологический курорт. Врачи-караимы М.И. Гелелович и С.А. Бобович в 1911 г. открыли построенный по проекту архитектора С.И. Минаша санаторий «Таласса». В его рекламных проспектах (печатались в путеводителях по Крыму и выходили отдельными брошюрами) сообщалось, что санаторий функционирует круглогодично и специализирует-

ся на лечении многих болезней: внутренних, нервных, женских, детских, двигательной системы, обмена веществ (сахарная болезнь или диабет, подагра, ожирение), крови и малярии.

Что касается санаторного контингента, то сюда также принимали лиц, нуждавшихся «в отдыхе и восстановлении сил». Как утверждалось в одном из проспектов, М.И. Гелелович и С.А. Бобович оборудовали санаторий по последнему слову медицины и техники: здесь проводилось водо-, электро- и светолечение, имелись углекислые, кисло-водные ванны, Цандеровский (для «механотерапии» пациентов с болезнями суставов) и ортопедический залы. Посетители могли принимать воздушные, солнечные, морские, рапные, песочные и грязевые ванны. В «Талассе» были пляж и купальня, отдыхающие могли играть в лаун-теннис, подвижные игры и проч. При лечебнице имелось 50 комнат (в каждой из них – прихожая, балкон или терраса), общая столовая, читальня, бильярдная и фотографическая комната. Что касается цен для пансионеров и полупансионеров, то они были вполне приемлемыми: от 40 до 70 руб. в неделю⁵⁴.

Рис. 2. Здание санатория «Таласса» в Евпатории (дореволюционная открытка)

По инициативе врачей С.И. Ходжаша и С.П. Цеценевского, взявших в 1885 г. в аренду на 40 лет Мойнакское озеро близ Евпатории, в 1886 г. по проекту одесского архитектора И.К. Бернардацци построили водо- и грязелечебницу, а вокруг нее разбили сад на тысячу деревьев. «Евпаторийско-Мойнакское лиманно-грязелечебное заведение» состояло из двух отделений – мужского и женского. В каждом отделении имелось помещение на 10 мест: 10 ванн в ванной комнате и 10 кроватей – в трансперационных комна-

тах («потельных»), где находились пациенты после грязевой процедуры. Были также устроены отдельные номера на двоих. Всего в грязелечебнице насчитывалось 30 ванн и 40 кроватей для потения. С увеличением числа больных площадь заведения постепенно расширялась, и к 1905 г. грязелечебница одновременно могла вмещать уже до 180 чел. В заведении, которое работало сезонно (с 20 мая по 31 августа, а курс лечения продолжался от трех до четырех недель) для удобства посетителей функционировали 50 меблированных номеров. Как сообщал известный крымский статистик В.Г. Пьянков, «врачи Цеценевский и Ходжаш не жалеют ни личного труда, ни денег, дабы их заведение было не хуже подобно существующих ему как в России, так равно и за границею в отношении их благоустройства»⁵⁵.

Рис. 3. Рекламное объявление санатория «Таласса» («Путеводитель “Крым”», 1914 г.)

Рис. 4. Здание Мойнакской грязелечебницы (дореволюционная открытка)

В Евпатории караимы являлись владельцами и соучредителями таких курортных и лечебных учреждений, как лечебница доктора С.И. Черкеса (с «физическими методами лечения»), пляжи — «Соляриум» (врачей С.И. Черкеса, В.Е. Перчихина, Л.Л. Лютровник) и «Санитас» (врачей Б.И. Казаса, Г.А. Галицкой). Во всех этих лечебно-профилактических учреждениях проводилось квалифицированное медицинское обслуживание пациентов с различными заболеваниями, а также им предоставлялись услуги курортного характера⁵⁶. Рекламировались эти учреждения в основном через региональную и столичную прессу, а также посредством объявлений и рекламных листовок в специализированных изданиях и путеводителях⁵⁷. Тем не менее высокая популярность среди жителей и гостей полуострова и успешная работа евпаторийских

лечебно-профилактических и курортных заведений вызывали подчас и критические отзывы. Так, в одном из путеводителей сообщалось, что, несмотря на чистоту и соленость воды, а также удобные пляжи, купальни в Евпатории плохи, в гостиницах мало удобств, а «жизнь не дешева и однообразна»⁵⁸.

Значительным толчком в развитии Евпатории как курорта стала постройка железной дороги. 21 декабря 1915 г. было открыто регулярное движение пассажирских и товарных поездов между Евпаторией и Симферополем, а с 1 мая 1916 г. — установлено беспересадочное сообщение Москва — Евпатория и Петроград — Евпатория⁵⁹.

Соледобыча и обработка соли

Что касается других сфер экономики, активно развивавшихся в Таврической губ., то одной из доходных отраслей, где были задействованы караимские предприниматели, стала соледобыча. К середине XIX в. большинство соляных источников полуострова принадлежало или находилось в аренде у представителей караимских общин губернии. Так, например, добычей и обработкой соли в ее уездах занимались караимские купцы: Д. Ага, И. Нейман, В. Тонгур, Я. Тонгур, С. Болек, И. Бабаджан, А. Шайтан, И. Шайтан, Ш. Эрак, М. Ходжаш, М. Айваз, Я. Айваз, М. Кальф, М. Сарач, Танагоз, братья Гелеловичи, братья Крым, а также представители семей — Кискачи, Ефетович, Шишман, Сараф и др. Добытая на Крымском полуострове соль пользовалась устойчивым спросом в Таврической губ. и за ее пределами⁶⁰.

Развитию соледобычи и торговли солью в значительной степени способствовала реклама, размещенная в региональных органах периодической печати (газетах, адрес-календарях, справочниках, памятных книжках и путеводителях), а также в печатавшихся типографским способом рекламных объявлениях. Например, Кучук-Таганашский соляной промысел № 1, находившийся в разработке у Ю.М. Сарача, К.К. Рабиновича и М.Л. Дуэля на станции Таганаш Перекопского уезда Южной железной дороги (ЮЖД), благодаря рекламным листовкам вскоре стал весьма доходным предприятием. Его арендаторы, расширяя сферу своей деятельности и принимая во внимание то обстоятельство, что Крым активно развивался как туристический центр и бальнеологический курорт, сообщали в рекламном проспекте, что на территории Кучук-Таганашского соляного промысла имеются «лечебные грязи и удобное место для устройства грязелечебницы», и приглашали для организации совместной деятельности всех заинтересованных предпринимателей.

Члены товарищества «А. Крым и М. Шакай», разрабатывавшего Крым-Элийские соляные промыслы, успешно торговали продукцией на внутреннем рынке. У товарищества имелась солемольная паровая мельница на Арабатской стрелке; покупателям со складов при самих промыслах, на станциях — Ак-Монайские каменоломни ЮЖД и Заречная, Владикавказской железной дороги — предлагалась самосадочная соль самого высокого качества. Конторы товарищества «А. Крым и М. Шакай» находились в Феодосии и Ростове-на-Дону (на ул. Соляной спуск)⁶¹.

Рис. 5. Рекламное объявление товарищества «А. Крым и М. Шакай» о продаже крымской соли. 1917 г.

Рис. 6. Рекламное объявление о продаже столовой соли фирмы «Кристалл», г. Рига, 1912 г.

Примечательно, что пищевая соль стала объектом коммерческих интересов караимов, проживавших и в западных губерниях Российской империи. При этом в рекламных целях использовался общеизвестный медицинский факт, что хлористый натрий является незаменимым веществом, необходимым для правильного функционирования организма человека. Например, караимский предприниматель И.И. Комен из Риги⁶², открывший продажу соли «Кристалл», сообщал в рекламном объявлении, что данный продукт «содержит вещества, необходимые для сохранения человеческого организма», и благодаря именно такому свойству «столовую соль “Кристалл” можно назвать не только полезным, но и необходимым средством». Использование научного подхода в рекламных целях стало одной из отличительных особенностей в коммерческом продвижении того или иного продукта. Так, И.И. Комен утверждал: «Благодаря веществам, способствующим лучшему пищеварению и развитию костей и мускулов, способом производства и упаковки, одобренным санитарным врачом», изготовленные его предприятием «закрышки оригинальных флаконов под влиянием атмосферы не окисдируют и в связи с солью не развивают ядовитых кислот, как-то никелевой кислоты и т.п.»⁶³.

Продовольственный сектор, бытовые товары и услуги

Во второй половине XIX в. большинство представителей караимских общин в городах Таврической губ. было занято в торгово-предпринимательской сфере. Например, среди симферопольского купечества следует назвать представителей таких семей, как Шишман, Черкез, Хаджи, Шайтан, Сарибан (Чапчакчи), Кефели, Койлю, Бурче, Рофе, Каракоз, Тепси, Аваш и др.⁶⁴ Феодосийские караимы специализировались в основном на торговле табаком и солью. Заметную роль в сфере предпринимательства и торговли играли члены феодосийских караимских семей: Крым, Стамболи, Капон, Хаджи, Карга, Арабаджи и проч. Но наибольшее число фабрикантов и купцов среди караимов зафиксировано в Евпатории, чья община являлась одной из самых многочисленных в Российской империи. В число состоятельных караимских купцов Евпатории с высокой деловой репутацией входили такие, как купцы 1-й гильдии Симха Бабович (первый караимский гахам) и его брат Бабакай Бабович, а также Давид Языджи, Шолом Гаммал, Лазарь Синани, Вениамин Шишман, Исаак Майкопар, Абрам Айваз, Гелель Кискачи, Юфуда Тришкан, Бераха Коган, Эзра Дуван и др.⁶⁵

Караимы занимали прочные позиции и в торгово-экономической инфраструктуре Севастополя (севастопольское градоначальство). Например, в 1862 г. в городе насчитывалось 85 лиц (вместе с детьми) купеческого сословия (39 муж. и 46 жен.), а мещан — 82 (40 муж. и 42 жен.) (при этом иногородних караимов проживало: купцов — 79 муж. и 88 жен., из них купеческого сословия — 2 муж.; мещан — 30 муж. и 20 жен.); в 1867 г. — 74 купца (34 муж. и 40 жен.), 81 мещанин (45 муж. и 36 жен.) (иногородних купцов и мещан: 39 муж. и 31 жен.); в 1876 г. — 34 купца (11 муж. и 23 жен.) и 224 мещанина (101 муж. и 123 жен.)⁶⁶.

Крымские караимы, владевшие на полуострове обширными садами и виноградниками, внесли весомый вклад в дело популяризации продуктов крымского виноделия. Так, продукция знаменитой винодельческой фирмы «Г.Н. Христофоров и К^о» (вина Южного Берега Крыма) продавались в Севастополе в магазинах и лавках, принадлежавших караимским купцам, братьям Сакизчи, Б.Б. Койчу, А.С. Мангуби и др.

В рекламных объявлениях конца XIX в. сообщалось, что, например, в севастопольском винно-гастрономическом магазине караимов М. Ичаджика и А. Кефели (Нахимовский проспект, д. 21) в январе 1914 г. можно было приобрести «сласти, закуски и шампанское от 75 коп. за бутылку»⁶⁷. Заслуживает упоминания и тот факт, что среди самих караимов насчитывалось немало известных специалистов по виноделию.

Например, депутат I и IV Государственных дум от Таврической губ., один из основателей Таврического университета и премьер-министр Крымского краевого правительства в 1919 г. — Соломон Самойлович Крым (1867–1936) вместе с другими караимами неоднократно участвовал в российских съездах виноградарей и виноделов. Он даже выступил с инициативой создания учебного заведения по виноградарству и виноделию для женщин⁶⁸, а также стал автором нескольких работ по виноградарству и садоводству⁶⁹.

В Москве торговлю российскими и зарубежными винами производила фирма «Арабаджи и К^о», принадлежавшая караимскому купцу А.И. Арабаджи. Контора предприятия (директора — А.Л. Катуар, Х.Х. Рооп, И.С. Андреев) находилась на ул. Тверской, в доме страхового общества «Россия». Магазины и склад продукции располагались на ул. Большой Никитской, д. 13, в Среднем Кисловском переулке и Петровском парке⁷⁰.

Красочные плакаты фирмы, рекламирующие широкий ассортимент вин, печатались в Москве, на ул. Большая Полянка в типографии братьев Вильгельма-Теодора и Германа-Юлиуса Менертов — саксонских подданных, получивших в России промысловые свидетельства «на торговлю и промышленные предприятия»⁷¹.

Помимо А.И. Арабаджи, в Москве крымскими винами через своего представителя (Я.З. Лемперт) торговал феодосийский караим Ския Абрамович Крым, а вся продукция реализовывалась через магазины (ул. Боровицкие ворота, д. 5; ул. Сретенские ворота, д. 1; Страстной бульвар, д. 6; Неглинный проезд, д. 16/18)⁷².

В Санкт-Петербурге торговлю виноградными винами осуществлял караим Дуван, владевший фирмой «Дуван и К^о». Контора этого предприятия (управляющий — Т.-М. Лиллеман) находилась на ул. Морской, д. 18, а склад готовой продукции — на Васильевском острове, близ Санкт-Петербургской биржи⁷³.

Рис. 7. Рекламный плакат фирмы «Арабаджи и К^о» (г. Москва)

Успешная торговля местными и «колониальными» товарами приносила прибыль, прежде всего за счет высокого качества продукции и ее ценовой доступности. Например, «Чайный японский магазин Ч.И. Кефели» в Севастополе (Нахимовский проспект, д. 17) посредством рекламных объявлений, размещенных в газете «Крымский вестник», предлагал своим потенциальным покупателям «громадный выбор сластей: конфекты “Реклама” от 24 коп. за 1 фунт, пастилу фруктовую от 28 коп. за 1 фунт, мармелад от 25 коп. за фунт, а также торты “Делис” и фруктовые», «финики в шоколаде, тянучку с коньяком, шоколад с ликерами» и прочий товар, объявив к тому же скидку в 25% на чай и кофе⁷⁴. Очевидно, что за счет грамотно выстроенной рекламной кампании и удачных маркетинговых решений дела у магазина Ч.И. Кефели процветали.

Из рекламных листовок и объявлений известно, что севастопольскому купцу Е.М. Ковшанлы принадлежали книжный и писчебумажный магазины, Б.И. Шишману – лампово-посудный, И.А. Максимаджи и М.И. Кальфа – обувной, а И.В. Бейму – мануфактурный, А.С. Казасу – галантерейный магазины. Широко были известны своей предпринимательской деятельностью в самом Севастополе и за его пределами караимские купцы М. Казас, Ю.И. Баккал, Ефим и Ефрем Семеновичи Кефели, И.Е. Прик и др.⁷⁵

В начале 1900-х гг. севастопольским караимским купцам братьям Кефели принадлежали «модно-мануфактурный» и галантерейный магазины, в которых, как сообщалось в рекламном объявлении, всегда имелись «в большом выборе все новости сезона». Кроме того, они владели типографией «Прогресс» на Нахимовском проспекте, где выполнялся самый широкий спектр заказов на печатную продукцию. При этом цены, как утверждали сами владельцы типографии, были «умеренными», а выполнение заказов – «изящное и срочное». Там же, в Севастополе, «громадный выбор всевозможной мужской и дамской обуви лучших заграничных и русских фабрик» предлагал клиентам магазин А.Я. Чауша⁷⁶.

Председатель Севастопольского караимского благотворительного общества караим Феликс Иосифович Харченко открыл мыловаренный завод по производству так называемого мыла кил⁷⁷ на ул. Очаковской (АО «Харченко и К^о»; 50 рабочих)⁷⁸. Интересно, что в рекламной листовке завода вновь была задействована научная аргументация. Известный российский химик В.А. Гемилиан сделал заключение о продукции фабрики: «Желая сделать более удобным применение лечебных свойств кила, И. Харченко готовит туалетное мыло, названное им мылом “Кил”, “Чудо Крыма”, в которое введена особым выработанным Харченко способом радиоактивность природного кила. Изготовление отличного туалетного мыла, не содержащего почти вовсе нерастворимых веществ и богатого радиоактивными свойствами, составляет важную заслугу Ф. Харченко»⁷⁹. В качестве предостережения в объявлении сообщалось, что потенциальным покупателям необходимо остерегаться «подделок и подражаний разных фабрик, в числе коих имеются однофамильцы Харченко». Конкурентом Ф.И. Харченко по изготовлению и продаже мыла кил считался севастопольский купец, гласный Севастопольской городской думы Д.Н. Неофит, красочная реклама продукции которого размещалась на плакатах, изготовленных в Киеве, в литографии К.Ш. Круглянского. Но при этом в рекламных плакатах указанной фабрики использовался контрприем: утверждалось, что «лучший друг семьи есть только настоящее мыло кил Д.Н. Неофита в Севастополе, содержащее крымский природный целебный продукт кил»⁸⁰.

В том же городе брат Феликса Харченко – Давид Иосифович – в 1882 г. открыл типографию (ул. Большая Морская, д. 21). В 1908 г. число ее служащих составляло 25, в 1912 г. – 16 чел. Типография была оснащена двумя электромоторами, двумя печатными машинами и четырьмя печатными станками⁸¹.

В 1913 г. на этом предприятии трудились 24 работника, а годовой оборот составил 22 тыс. руб.⁸² Помимо прочей печатной продукции, в типографии изготавливались рекламные объявления мыловаренного завода по производству мыла кил.

Рис. 8. Упаковка мыла «Кил Промбит» завода Ф.И. Харченко (г. Севастополь)

Рис. 9. Рекламный плакат мыла «Кил» фирмы Д.Н. Неофита (г. Севастополь)

Бакалейную и мануфактурную торговлю в Армянском Базаре вел караим М.В. Ага; там же имелся бакалейно-гастрономический и табачный магазины караимского купца Е.Б. Фуки.

В Евпатории караиму А.И. Шайтану принадлежал крупный оптовый склад, где был большой выбор «бакалейно-колониальных товаров»; керосина; бараньего сала; табака, сигар и папирос; красок; муки и различных сортов зерна; посуды; парфюмерных и москательных товаров. Винно-бакалейный, гастрономический, табачный и посудный магазин караима С.И. Кумыша располагался в том же городе, на ул. Базарной; там же производилась оптоворозничная продажа южнобережных вин. Прибыльной торговлей крымскими винами занимались евпаторийский мещанин И. Туршу (в доме купца Чирахова, на ул. Екатерининской) и бахчисарайский мещанин М. Пигит (в доме Топузова, ул. Тобчиановская). Мясную торговлю в губернской столице вели купцы 2-й гильдии С. и И. Каракоз, Ш.Ю. Шайтан, а также потомственный почетный гражданин И.С. Туршу.

Симферопольский купец 2-й гильдии Д.Е. Сарибан в 1894 г. подтвердил выданный ему патент — на ведение ренсковой торговли (позволявший продавать алкогольные напитки навывнос). Ренсковая торговля и продажа табачных изделий приносили этому купцу до 35 тыс. руб. ежегодной прибыли. При этом он обходился всего двумя приказчиками⁸³. Мучная лавка на симферопольском базаре с годовым оборотом до 5 тыс. руб. принадлежала караиму А.Е. Чапчак-

чи (Сарибану), а перекопские мещане А. и Я. Рофе торговали в Симферополе табаком и овсом⁸⁴.

Торговля «модной мануфактурой и купальными принадлежностями» осуществлялась в евпаторийском магазине «Я.В. Кискачи и Сын», существовавшем с 1857 г. «Бакалейная торговля Э.И. Эринчека» в Евпатории предлагала «большой выбор всевозможных бакалейных товаров лучшего качества»⁸⁵.

Торговлю галантерейными товарами и табачными изделиями в Симферополе вел херсонский мещанин М.И. Оксюз, а бакалейными товарами и мучными изделиями торговал перекопский мещанин С.С. Бурназ. Бахчисарайские мещане Б. Культе и А.В. Культе подвизались в сфере бытовых услуг — им принадлежали цирюльни в Симферополе⁸⁶.

Караимские предприниматели всегда интересовались новыми направлениями в развивающихся сферах — торговой и экономической. Это позволяло им своевременно реагировать на рост потребительского спроса. В числе торговых интересов караимских купцов была продажа мануфактурных товаров, строительных и отделочных материалов.

Например, «обширнейшими на Юге специальными складами красок и обоев» в Симферополе, как сообщалось в одном из рекламных листовок, владел караим Э.Б. Аваш, чья фирма существовала с 1889 г.⁸⁷ Его лакокрасочный магазин располагался в том же здании, что и магазин симферопольских купцов и фабрикантов, братьев Шишманов — Марка (1873—1918) и Исаака (1875—?) Яковлевичей⁸⁸.

Купец 2-й гильдии И.С. Аваш держал в Симферополе магазин красок и обоев, приносивший владельцу 15 тыс. руб. ежегодного дохода. Земледельческие орудия и велосипеды продавал в Симферополе купец 2-й гильдии Ш.М. Койлю, сельскохозяйственные плуги — перекопский мещанин С. Бурназ. «Модный магазин», принадлежавший потомственному почетному гражданину, купцу 1-й гильдии симферопольцу С.Е. Черкезу пользовался популярностью не только у жителей губернской столицы, но и у приезжих⁸⁹.

Товарищество «Крым», принадлежавшее представителям известной в Феодосии караимской семьи Крым, занималось торговлей строй- и пиломатериалами, а также автомобильными шинами знаменитой фирмы «Michelin»⁹⁰. Мебельно-столярная строительная и обойно-декоративная фабрика Б.М. Ефета в Евпатории проводила «прием всевозможных работ» по планировке комнат, контор, банковских помещений и магазинов. Предприятие располагало широким ассортиментом строительных материалов⁹¹.

Дальнейшее развитие садоводства и плодоводства в Таврической губ. привело к открытию нескольких крупных обрабатывающих предприятий по обработке фруктов и овощей. Одним из них стала симферопольская «Паровая фабрика овощных и фруктовых консервов, халвы и рахат-лукума братьев М. и И. Шишман», открытая караимскими купцами 1-й гильдии, братьями Шишманами (г. Симферополь, ул. Вокзальная, д.9, ныне — ул. Бульвар Ленина), им же принадлежали дом и магазин (ул. Екатерининская, ныне — К. Маркса, д.9). На ул. Вокзальной, д.9, находилась контора управляющего. На фабрике, оснащенной паровым двигателем, в 1913 г. трудились 92⁹², а в 1914 г. — уже 146 рабочих (53 муж. и 93 жен.). По состоянию на 1 января

1916 г. численность рабочих увеличилась до 435 чел. (134 муж. и 301 жен.)⁹³. Фонд месячной заработной платы для лиц, работавших на фабрике в июне 1914 г., составил 3041 руб. 30 коп.; в июне 1916 г. он доходил до 12720 руб. 40 коп.⁹⁴ В 1918 г. общая стоимость товаров, материалов и машинного инвентаря фабрики М. и И. Шишманов оценивалась в 967 279 руб. 78 коп.⁹⁵

Ассортимент их «Паровой фабрики...» отличался особым разнообразием: компоты из абрикосов, груш, персиков, вишни, черешни и других фруктов; компоты-смеси; пюре; овощные консервы (баклажаны по-гречески, а также в соусе; баклажанная икра; перец сладкий, горький, с рисом и фаршированный; помидоры фаршированные и с рисом; томатное пюре; кабачки и кабачковая икра; фасоль в соусе и проч.); специи (горчица); рахат-лукум; сиропы; гранаты; глазированные фрукты; цукаты (в их числе «ералаш» – ассорти из фруктов); паты фруктовые; повидло; кондитерские изделия и др. Одной только халвы изготовляли восемь сортов – обыкновенную, шоколадную, ореховую, фисташковую, миндальную, ванильную, сахарную, а также «сусамскую» или кунжутную⁹⁶.

Товары фабрики братьев Шишманов пользовались спросом не только в Таврической губ., но и за ее пределами. Среди покупателей крымских консервированных фруктов, овощей и кондитерских изделий были жители Москвы, Санкт-Петербурга, а также городов Московской и Санкт-Петербургской, Полтавской, Харьковской, Киевской и других губерний⁹⁷.

Продукция консервной фабрики братьев Шишманов неоднократно удостоивалась различных наград на престижных выставках в России и за рубежом. Например, на сельскохозяйственных выставках в Ростове-на-Дону за представленные образцы М. и И. Шишманы получили почетный диплом и две больших золотых медали, а на Всемирной выставке в Париже – гран-при. Кроме того, высокое качество продукции фабрики отмечено двумя большими и одной средней золотой медалью других престижных выставок⁹⁸.

Закупка ингредиентов для производства консервов (горчичное масло, сахар-песок и проч.) осуществлялась как на территории Таврической губ. и материковых губерний России (в частности, в Саратовской, Херсонской, Киевской и Елизаветградской⁹⁹), так и за границей. Например, из греческой Каифы через «Экспедиционную и комиссионную контору Т.Г. Стаматиу» поставлялись специи, апельсины и лимоны, а также семена для рассады; из итальянской Савоны производители компании «Чинотти» импортировали через Одессу в Крым для фабрики братьев Шишманов фрукты¹⁰⁰.

Отпускался товар в розницу и оптом, а торговлю за пределами губернии от имени фирмы осуществляли по выданным фабрикантами доверенностям евпаторийский мещанин И.И. Бебеш и личный почетный гражданин И.В. Дерезин¹⁰¹; представителем фабрики в Одессе по-прежнему оставалась фирма «Г.Н. Шифрес и К^о»¹⁰².

О том, что фабрика «Братьев Шишман» осуществляла широкомасштабную экономическую деятельность, можно судить по финансовым документам предприятия. Коммерческие операции велись с симферопольским отделением «Товарищества русско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производств “Проводник”», заводом «Каргесс-Хаммер»

(г. Брауншвейг, Германия), «Генеральным обществом французской ваксы», «Торгово-посреднической и агентурно-комиссионной конторой Юлиана Гая» и фабрикой жестяных изделий «Л. Бирман и Б. Франк» в Одессе¹⁰³, московским «Товариществом мануфактур Братьев Тарасовых». Все они поставляли для фабрики в Симферополь необходимые комплектующие, производственное оборудование и детали к нему¹⁰⁴.

Рис. 10. Расписка на бланке торговой фирмы «Братья М. и И. Шишман»
 Источник: ГА РК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.

Продукцию многих крымских предпринимателей рекламировали не только через рекламные листовки и объявления в периодической печати, но и посредством каталогов, созданных в типографиях¹⁰⁵.

Например, известный симферопольский садовод и помолог, член «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства» Абрам Исаакович Пастак (1861–1932), которого наградили золотыми медалями на садово-плодоводческих выставках в Симферополе (две медали), Нижнем Новгороде (1896), Париже (1900), Турине (1911), Москве (на выставке ак-

климатизации) и Санкт-Петербурге, на Всероссийской юбилейной выставке плодородства (1913), в 1917 г. издал каталог своего плодового питомника.

В каталоге перечислялись сорта выращенных груш («Бере-Александр», «Клержо», «Фердинанд», «Зимняя Диканка», «Торжество Жодуана»), яблук («Бельфлер», «Наполеон», «Золотое семечко», «Розмарин», «Ренет ананасовый»), а также абрикосов, персиков, слив, айвы, шелковицы, вишни и черешни. Также в питомнике разводили клубнику, землянику, малину, крыжовник, смородину. Кроме того, большой популярностью пользовались грецкий орех, миндаль, лещина, инжир, смоковница.

Помимо плодовых в хозяйстве А.И. Пастака культивировали значительное число декоративных деревьев (ель, дуб, тополь, клен, каштан, ольху, березу, акацию, макуру, сумах, иву, вербу и проч.); разнообразные вьющиеся растения (дикий виноград, жимолость) и много редких сортов цветов¹⁰⁶.

За наиболее востребованными семенами овощей (баклажанов, базилика, фасоли, гороха, свеклы, капусты, лука, салата, моркови, репы) и ягод (арбуз) к А.И. Пастаку приезжали не только из Крыма, но и из других российских регионов. В типографском каталоге питомника за 1917 г. сообщалось, что «все семена отсортированы наилучшим образом и проверены в их схожести». Всего же в каталоге числилось более 3,5 тыс. наименований разных насаждений¹⁰⁷.

В конце 1890-х гг. А.И. Пастак на паях с севастопольским промышленником и купцом, потомственным почетным гражданином Иосифом Семеновичем Кефели основали в Балаклаве совместное предприятие, предназначенное для консервирования готовой продукции (рыбы, мяса и овощей). Сам И.С. Кефели специализировался на производстве рыбных консервов — они пользовались спросом не только в России, но даже за ее пределами (фабрика по производству рыбных консервов Кефели существовала в Балаклаве с 1892 г.). Помимо приготовленной в масле скумбрии, особенно славились тон, цирус, султанка, кефаль, камбала, сардины, осетрина, лабан, белуга, стерлядь, бычки, глосы, анчоусы в маринаде и судак.

Для рекламы фабричной продукции владелец использовал возможности периодической печати. В отзыве о предприятии И.С. Кефели в одной из местных газет сообщалось: «Находясь в Крыму на самом берегу моря, фабрика изготавливает консервы только из живой рыбы, которая ловится тут же перед фабрикой и попадает из сетки прямо в руки работников».

Было также налажено производство консервов из овощей: томатов, баклажанов и баклажанной икры, перца и даже солянки по-московски. Всего фабрика производила 75 видов консервной продукции, но ее отличительной особенностью являлось приготовление по особому рецепту сардин высшего сорта на прованском масле, которое выписывалось непосредственно из Франции. Именно поэтому, по словам современников, приготовленные сардины напоминали французские, т.к. фабрика «поставила себе целью изготовлять свои консервы из материалов самого лучшего качества»¹⁰⁸. Поэтому продукция предприятия неоднократно удостоивалась различных наград на рыбопромышленных выставках. В рекламном плакате фабрики И.С. Кефели отмечалось, что на предприятии изготавливались консервы «осетрина в томате», «пюре-томат Иосифа Кефели», а также хинная вода (тоник) — бесцветный

искрящийся безалкогольный напиток горько-сладкого вкуса, применявшийся для смешивания с другими напитками (причем фабрикант распространял эту воду бесплатно). В 1912 г. годовой оборот фабрики, на которой трудились 53 рабочих, составил 157 500 руб.¹⁰⁹ Впоследствии предприятие перешло во владение братьев М.Я. и И.Я. Шишманов и Ефетович, которые планировали расширить консервно-овощное производство¹¹⁰.

Рис. 11. Рекламное объявление товарищества «Иосиф С. Кефели» (г. Севастополь)

Табачководство: изготовление и маркетинговое продвижение табачной продукции

Но наиболее распространенными и прибыльными видами предпринимательской деятельности среди караимов стали выращивание табака и производство табачных изделий. В соответствии с российским законодательством табачные фабрики могли создаваться «в столицах, портовых, губернских и уездных городах»; в других местах они могли быть учреждены «не иначе, как с особого разрешения министра финансов»¹¹¹. Мощный толчок в сфере производства таба-

ка на Крымском полуострове придало установление в 1877 г. золотой пошлины и увеличение таможенного обложения табака с 4 руб. 40 коп. до 14 руб. за пуд¹¹². По сведениям Таврического губернского статистического комитета (ТГСК), в 1880-х гг. на землях Южного берега Крыма разводили в основном сорта табака, завезенные из Малой Азии, и, в частности, из Турции (следует заметить, что тесные торговые контакты крымских караимов с турецкими партнерами в этой сфере насчитывали не одно столетие). Меньшее распространение получили американские табачные сорта. В 1914 г. 86,88% всей площади табачных плантаций приходилось на Ялтинский уезд¹¹³.

В Российской империи фабрики по производству табака и махорки в основном содержали евреи и караимы. Например, из 110 табачных фабрик, зарегистрированных в 1897 г. на территории «черты оседлости», 83 принадлежали евреям¹¹⁴. Что касается наиболее крупных по производимой продукции и обороту капитала в России, то перечислим следующие фабрики: «А.Н. Богданов и К^о» (Санкт-Петербург, основана в 1884 г.; 2000 рабочих; годовой оборот 7,8 млн руб.), «Товарищества “Лаферм”» (Санкт-Петербург, 1852 г.; 1500; 6 млн руб.), «Товарищества “Я.С. Кушнарев”» (Ростов-на-Дону, 1853 г.; 1500; 5 млн руб.), «Торгового дома “В.Н. Асмолов и К^о”» (Ростов-на-Дону, 1857 г.; 1100; 5 млн руб.)¹¹⁵. Тем не менее караимы могли успешно с ними соперничать, а некоторые принадлежавшие им фабрики – даже превосходить конкурентов по обороту продукции. У всех крупных табачных фабрикантов России были организованы в Крыму собственные склады листового табака (всего в Таврической губ. в этой отрасли действовали от 50 до 60 складов табака), откуда его отправляли в другие регионы страны¹¹⁶. Табачные фабрики, принадлежавшие караимам, занимали ведущие позиции на рынке. Например, фабрики «АО В.И. Стамболи», «Акционерного общества С.Е. Майтоп», А.И. Шишман, «Товарищества С. Крыма» в Феодосии имели устойчивую деловую репутацию у партнеров и славились качеством выпускаемой продукции¹¹⁷. В 1913 г. на фабрике «АО В.И. Стамболи» трудились 600 рабочих; годовой оборот ее составлял 3 млн руб.¹¹⁸ Для переработки табака на всех фабриках имелся 71 станок (49 ручных станков и 22 паровых и газовых); общее число рабочих, занятых на всех табачных фабриках губернии, составляло 1687 чел. (из них 691 муж. и 996 жен.). На всех крымских фабриках к 1 января 1913 г. оставалось табака в переработке более 2403 пуд., в приходе с остатком – более 186013 пуд.; из этого количества было изготовлено 181183 табачных изделий (85,87% – курительный табак и 14,13% – папиросы; причем производство папирос 3-го сорта, главным образом, в упаковках по 20 шт. и по цене 5 коп., в основном, благодаря их ценовой доступности, имели значительный спрос среди представителей рабочего класса). Львиная доля производимой продукции изготавливалась из местного, крымского табака. Например, на табачных фабриках А.И. Шишмана, «Товарищества С. Крыма» и «АО С.Е. Майтоп» импортный табак не использовался вовсе. Экспортировали продукцию крымских табачных фабрик (2685 пуд. курительного табака и 5140000 шт. папирос) в Маньчжурию, Монголию, Египет, США, Персию, Финляндию, Грецию, Швейцарию, Данию, Англию, Германию и Турцию. В 1913 г. в Таврической губ. функционировали 10 табачных фабрик, в 1914 г. – уже 9, а одну – «Акционер-

ного Общества С. Крыма» в Феодосии закрыли, и вместо нее была создана фабрика «Товарищества С. Крыма».

Непосредственно в губернии с табачными предприятиями караимов конкурировали фабрики, принадлежавшие представителям других национальностей: наследников К.И. Месаксуди (64 717 пуд. табака, причем именно на нее приходилось 98,20% импортированной продукции) в г. Керчи; братьев Д. и Б. Гофлиных (более 5 180 пуд.) и А.И. Ашкинази (4936 пуд., 27 фунт., 34 золотника) в Симферополе; «Товарищества Самсон» (И.А. Давыдов, Д.С. Димо и А.И. Марти) в Феодосии (более 2985 пуд.); наследников А.А. Фокерман (более 2626 пуд.) в Симферополе; П.В. Панаиотова в Ялте (более 136 пуд.)¹¹⁹.

Крупными в Российской империи стали и основанные караимами табачные фабрики – в Санкт-Петербурге (учредители и владельцы – братья А.М., С.М. и Ю.М. Шапшал, Д.Б. Саатчи и Б. Мангуби, Я.И. Эгиз), Киеве (братья С.А. и М.А. Коген), Харькове (братья Кальфа, И.Е. Туршу, М. Илик), Екатеринославе (И.Д. Джигит), Кременчуге (С.Б. Дурунча), Николаеве (Я.А. Ага), Полтаве (И.А. Сараф и Кальф), Вильно (Шишман и Дурунча) и Риге (А.С. Майкапар). Эти предприятия успешно функционировали наряду с гильзовыми фабриками А.И. Дувана и С.М. Каракоза – в Киеве, Э. Шоле, Я.С. Аваша, Я.М. Айваза и А.Б. Койлю – в Санкт-Петербурге. Широкой известностью пользовалась продукция московских табачных фабрик «Дукат» (основатели – караимы Дуван, И.Д. Пигит и А. Катък), «Ява» (С.И. Габай), гильзовой фабрики «Торгового дома Катък и К^о», санкт-петербургских табачных фабрик «Оттоман» (Я.И. Эгиз), «Габай и Мичри», «Саатчи и Мангуби», «Фумла Эгиз», «Эзра Эгиз» и др.

Особое внимание уделялось владельцами табачных фабрик рекламе, благодаря которой об их продукции узнавали не только в России, но и за ее пределами. Например, изделия табачной фабрики феодосийского караима С.Е. Майтопа, как следовало из рекламного объявления тех лет, отличались «высоким качеством, ароматом и мягкостью, благодаря специальной сортировке и тщательному подбору лучших листовых табаков». Большим спросом у покупателей пользовался табак марки «Кефе» (за 1 фунт в 1914 г. – от 1 руб. 84 коп. до 12 руб., в 1917 г. – от 5 до 20 руб.) и папиросы (за 1 тыс. шт. в 1914 г. – от 6 до 30 руб., в 1917 г. – от 12 до 40 руб.), производившиеся на этой фабрике¹²⁰. Художественное оформление бумажных упаковок табака и папирос отличалось простотой, и, вместе с тем, их дизайн был тщательно продуман. В годовых финансовых отчетах табачных фабрик можно встретить графу, в которой указаны суммы расходов на рекламирование готовой продукции. Так, в отчете «Товарищества табачной фабрики “Дукат”» за 1912 г. в списке общих расходов предприятия, составивших более 135 тыс. руб., присутствуют, помимо прочих затрат, и расходы на рекламу¹²¹.

Крупнейшим предприятием по производству табачных изделий в Таврической губ. являлась фабрика, принадлежавшая феодосийскому предпринимателю В.И. Стамболи (основана в 1861 г.). Как следовало из рекламного объявления, «АО табачной фабрики В.И. Стамболи» предлагало «высшие сорта табаку и папирос». На фабрике производился курительный табак (ежегодно на сумму 1 млн 304 тыс. руб.) и папиросы, а годовой оборот составлял 1 млн 584 тыс. 683 руб.¹²² Высокие цены на продукцию оправдывались ее качеством: например, пачка папирос «Сюрприз» фабрики Стамболи стоила 20 руб., «Рос-

кошь» – 15, «Ландыш», «Букет д'Амур» – 10, а марки «Фиалка», «Лира», «Кабинет» («Кабинетные») – по 6 руб.

Лидером среди табачных предприятий Санкт-Петербурга по праву считалась фабрика «Братья Шапшал». Ее главный магазин находился на Невском проспекте, д. 30; кроме того, у фирмы имелся табачный магазин по ул. Большой Морской, д. 36. История предприятия началась в 1873 г., когда Юфуда Моисеевич Шапшал (1837–1902) переехал в столицу из Киева, где он ранее совместно с фабрикантом С.А. Когеном занимался производством табачных изделий. Фабрикой изготавливались папиросы «Императорские», «Диана», «Купеческие», «Дагмара», «Концертные», «Заря», «Кадо», «Нева», «Экспресс»¹²³. После смерти владельца в мае 1902 г. отдел торговли Министерства финансов 6 марта 1904 г. разрешил учредить товарищество на паях под наименованием «Товарищество табачной фабрики “Братья Шапшал”». Яркие, запоминающиеся рекламные плакаты для этой фабрики изготавливал художник П.Н. Троянский¹²⁴. После 1917 г. фабрика продолжала работать под названием «4-я Государственная табачная фабрика Шапшал» (до 1924 г. – «Красная табачница»).

Рис. 12. Рекламный плакат торговой фирмы «Братья Шапшал» (г. Санкт-Петербург) в ориентальной стилистике

Рис. 13. Рекламный плакат торговой фирмы «Братья Шапшал» (г. Санкт-Петербург) в стиле «модерн»

Помимо этого, в Санкт-Петербурге существовало несколько предприятий, производивших сопутствующие товары и оборудование для табачных и гильзовых фабрик. Гильзовую фабрику «Э. Шоле и К^о» открыл в 1884 г. бахчисарайский мещанин Эзра Самойлович Шоле (1857–?). Труд на фабрике со дня ее основания был преимущественно ручным. Однако уже в начале XX в., как следовало из рекламного проспекта фирмы, гильзы для папирос изготавливались «исключительно при посредстве механизмов, без прикосновения к ним человеческих рук, что имеет громадное значение в гигиеническом отношении». Известность фабрике принесло производство мундштуков для папирос, снабженных специальной ватой «Антиникотин». В начале XX в. на оснащенном 20 машинами предприятии ежегодно выпускали до 35 тыс. ящиков гильз (в каждом ящике – по 10 тыс. шт.)¹²⁵.

Крупным предприятием в Киеве стала гильзовая фабрика караимского купца 2-й гильдии Абрама Исааковича Дувана (?–1925). Здание фабрики находилось на ул. Большой Васильковской, д. 84. С момента открытия предприятия спрос на его продукцию заметно вырос, и в 1900 г. заказчикам было отправлено более 3 тыс. бандеролей¹²⁶. Объем выпускаемой продукции в 1912 г. составил 478 928 руб. Фабрика была оснащена электрическим двигателем, 14 машинами, производившими до 1,5 млн гильз в день. Реклама тех лет сообщала, что «выделяются на гильзовой фабрике: “Реноме” – желтые и белые в замечательно изящных коробках, машинные без клея; “Дегтярные” – желтые машинные без клея; “Цыганка” – табачный цвет, клееные дегтярные, высший сорт» и др.¹²⁷

Для привлечения внимания к своей продукции А.И. Дуван вкладывал в коробки с гильзами миниатюрные книжные издания (7 x 5,5 см). На сегодняшний день выявлены 33 подобных миниатюры, изданные в 1895–1896 гг. под эгидой гильзовой фабрики А.И. Дувана. При этом 19 из них – это книги с произведениями А.С. Пушкина, девять – М.Ю. Лермонтова, а также по одному изданию – книг Н.Н. Гнедича, Н.М. Карамзина и И.И. Козлова; две книги представляли пьесы И.П. Котляревского. Например, оформление «книжки-раскладушки» с баснями И.А. Крылова выполнено в издательской иллюстрированной обложке: с одной стороны книжки напечатан текст, с другой – хромолитографированные иллюстрации. Помимо этого, был издан «Сборник анекдотов, исторических эпизодов, выдающихся стихотворений, изречений великих людей, побасенок и загадок». В конце каждой из таких миниатюрных книг напечатаны адреса магазинов в 65 городах России, где можно было приобрести папиросные гильзы фабрики А.И. Дувана. Подобные издания с произведениями классиков русской литературы в рекламных целях выпускала и табачная фабрика Иосифа Эгиза в Киеве¹²⁸.

В мае 1882 г. российское правительство приняло «Устав о табачном сборе» (вступил в силу с 1 января 1883 г.)¹²⁹. В соответствии с § 137 Устава и § 25 изданной Министерством финансов инструкции от 18 ноября 1882 г. табачным фабрикам предоставлялось право размещать на выпускаемых ими изделиях в свободных частях этикета собственные знаки или клейма. Кроме того, разрешалось иметь для этикеток, форма которых была утверждена Министерством финансов, один фабричный знак и там же «означать мелким шрифтом происхождение табаку»¹³⁰.

Рис. 14. Альбом басен И.А. Крылова. Ч. 2 (изд. табачной фабрики А.И. Дувана, г. Киев)

Одновременно с этим стремительно набирала обороты печатная реклама. В конце XIX в. многие рекламные коммуникации носили атмосферный характер, транслировали легко запоминавшиеся визуальные образы. Большинство рекламных плакатов продовольственных и табачных фабрик, принадлежавших караимам, были выполнены с использованием так называемого смешанного рационально-атмосферного подхода¹³¹. Эти образчики рекламы отличались ярким и изящным оформлением, а художественные решения того или иного рекламного плаката находились в русле вошедшего в моду в то время в России стиля «модерн». К работе над рекламными постерами и плакатами привлекали многих известных художников. Композиции иллюстраций должны были продемонстрировать, что изображенные на них персонажи вполне удовлетворены рекламируемым продуктом, а визуальные и вербальные решения — направлены на создание соответствующего образа¹³². Использовались различные способы привлечения публики в тексте рекламных объявлений. Типичными в его структуре стали такие призывы, как: «Новость!», «Вот!», «Стой!», «Сенсация!», «Распродажа!» и т.п.¹³³

Активно применялся в рекламной продукции табачных изделий и ориенталистский подход. «У табачных магазинов, — вспоминал известный российский юрист, государственный и общественный деятель XIX в. А.Ф. Кони, — непременно два больших изображения: на одном богато одетый турок курит кальян, на другом — негр или индеец, в поясе из цветных перьев и таком же обруче на голове, курит сигару»¹³⁴.

По мнению А.П. Солопова, во второй половине XIX в. для продвижения табачной продукции в Российской империи в целом была характерна специфика использования образов жителей мусульманского Востока. Однако автор неверно интерпретирует содержание рекламного плаката санкт-петербургской табачной фабрики «Оттоман» (принадлежавшей караиму Я.И. Эгизу), полагая, что на нем изображены «жители Османской империи в характерной национальной одежде». Однако в данном случае речь может идти скорее о представителях войска Запорожской Сечи¹³⁵.

Одними из первых рекламу с ориентальным контентом применили караимские табачные фабриканты Д.Б. Саатчи и Б.Б. Мангуби. Под потолком вагонов «конки» (конно-железной городской дороги) в Санкт-Петербурге они разместили изображение усатого турка, курящего самые популярные папиросы этой фирмы – «Султан» и «Люкс № 87»¹³⁶. Элементы ориенталистского подхода в дизайне (включавшего не только османский, но и «колониально-арабский» колорит) также присутствуют на рекламных плакатах других табачных фабрик караимов: московской – «Товарищества С. Габай», виленской – «Шишман и Дурунча», феодосийской – «АО В.И. Стамболи» и др.

Рис. 15. Рекламный плакат «Товарищества табачной фабрики С. Габай» (г. Москва)

Рис. 16. Рекламный плакат табачной фабрики «Шишман и Дурунча» (г. Вильно)

Русские исторические, псевдорусские, фольклорные и даже античные мотивы — в экземплярах рекламной продукции различных табачных предприятий караимов: «Саатчи и Мангуби», промышленной фирмы и механической фабрики по производству гильз «Койлю А. и К^о», харьковской фабрики папирос «Торгового дома “Братья Кальфа”», гильзовой фабрики Хаджи-оглу в Ярославле¹³⁷.

Использовались в рекламной продукции и приемы романтизации процесса курения, а создаваемые образы должны были свидетельствовать либо о материальной состоятельности и высоком статусе обладателей табачных изделий той или иной фирмы (рекламные плакаты папирос «Зоря» товарищества «Саатчи и Мангуби», продукции московской гильзовой фабрики «Фиркович и К^о»), либо о доступности папирос и табака любым категориям населения (реклама табачной фабрики И. Джигита в Екатеринославе, московской табачной фабрики «Дукат»). Помимо всего прочего, активно применялись в рекламной продукции псевдонаучность, авторитетные свидетельства, мнение «одного из нас», эффект чуда и т.п.¹³⁸ Наряду с вышеперечисленными образами в рекламе многих табачных изделий использовались геральдические и растительные (фитоморфные) сюжеты (в ряде случаев применялась орнаментальная композиция в виде листьев и цветков табака и с геральдическим изображением логотипа поставщика)¹³⁹.

Рис. 17. Рекламный плакат гильзовой фабрики «Хаджи-оглу» (г. Ярославль)

Плакаты-вывески для табачных магазинов московской табачной фабрики «Дукат» печатались на многослойном картоне в технике хромолитографии, и обычно их размещали на дверных ручках. Для наружной рекламы чаще всего использовалась цветная плакатная техника. Помимо этого, были задействованы рекламные площади в газетах и журналах, где объявления печатались монохромными. Изготовителями соответствующей продукции становились технически оснащенные предприятия с современным печатным оборудованием. Например, в начале XX в. рекламные плакаты для табачных фабрик караимов В.И. Стамболи, «Саатчи и Мангуби», «Шишман и Дурунча», предприятия Иосифа Джигита производились в столице, в типографии Э. Маркуса¹⁴⁰.

Плакаты для таких табачных фабрик, как «Оттоман» (г. Санкт-Петербург), «Братья Авах» (гильзовая) и «Братья Кальфа» (г. Харьков), «АО табачной фабрики С. Крыма», изготавливала одна из самых крупных и разносторонних в полиграфической промышленности типография – Теодора (Федора Федоровича) Киббеля¹⁴¹.

Принимали заказы на изготовление рекламных плакатов литография «К. Веферса и К^о» и печатня Р. Голике в Санкт-Петербурге¹⁴². Заказы на изготовление «табачной» рекламы московской фабрики «Товарищество С. Габай» выполняла литография В.Ф. Кудинова, а для предприятия С. Когена в Киеве – хромолитография «Прогресс»¹⁴³.

Нередко задействовали в рекламе табачных изделий и традиционный образ семьи, осуществлялись попытки продемонстрировать «преимущество» в вопросе выбора продукции. На этом поприще весьма активно, а иногда даже агрессивно, действовала табачная фирма и гильзовая фабрика «Торгового дома “А. Катък и К^о”». Образцы ее рекламной продукции стали самыми распространенными и изобретательными. Она размещалась как в столичной и региональной прессе, так и в магазинах, лавках, на доступных площадях городских зданий, в транспорте и у розничных торговцев¹⁴⁴. Вот лишь некоторые примеры «рекламных слоганов» этой гильзовой фабрики: «Жить не стоит! На свете нет ничего совершенного! Безумец! Остановитесь и вспомните, что есть гильзы Катыка» (объявление иллюстрировалось изображением готового покончить жизнь самоубийством мужчины)¹⁴⁵. Использовались в рекламе табачных изделий фабрики и женские образы, что способствовало распространению курения среди женской аудитории. «Гильзы Катыка важнее табака», – изрекала дама, изображенная в одном из многочисленных рекламных объявлений фирмы¹⁴⁶. Такое направление присутствовало и в рекламах многих других табачных фирм и предприятий¹⁴⁷. Все это делало табачную продукцию более доступной для зарождающегося слоя женщин – «эмансипэ»¹⁴⁸.

Несмотря на то, что уставами учебных среднеобразовательных заведений Российской империи строго запрещалось курение (вплоть до исключения замеченных за этим учащихся), табачная реклама пыталась обойти и этот запрет. «Если дети курят, и Вы их не можете отучить от этого ни просьбами, ни наказаниями, то посоветуйте им, по крайней мере, курить только гильзы Катыка. Помните, что гильзы Катыка фабрикуются без прикосновения рук, и что гильзы Катыка самые гигиеничные» (в рисунке, иллюстрирующем слоган, использовалось, судя по форменной фуражке, изображение гимназиста или же

учащегося профессионального училища). Не останавливал заказчиков и создателей рекламы возраст детей: «Даже дитя легко набивает чудные гильзы Катька. Вы это помните!» (сопровождалось это изречение изображением девочки с коробкой папиросных гильз в руках). И хотя такой принцип рекламной кампании не сочетается с общепринятыми сегодня моральными ценностями и представлениями о здоровом образе жизни, тем не менее, необходимо заметить, что на многих табачных фабриках Российской империи в XIX – начале XX в. применялся детский труд. А в 1909 г. газета «Руть» сообщила, что гильзовая фабрика «Торгового дома “А. Катък и К^о”» снимает производство табачной продукции на кинокамеру и бесплатно раздает «ленты-снимки в электрические театры, которые включают их в свои программы»¹⁴⁹. Вскоре это маркетинговое нововведение переняли и другие крупные фабрики табака и табачных изделий.

Рис. 18. Рекламный плакат «Товарищества табачной фабрики С. Габай» (г. Москва)

В 1913 г. Русско-Азиатский банк и «Товарищество табачных изделий “Лаферм”» создали табачный трест «Общество русских табачных фабрик под фирмой “Лаферм”». Его верхушку образовали три крупнейших концерна – непосредственно сама фирма «Лаферм» с подчиненными ей крупными табачными фабриками «А. Н. Богданова и К^о» (г. Санкт-Петербург) и «Дукат» (г. Москва). В январе 1913 г. за 340 тыс. руб. концерном была приобретена табачная фабрика общества «Оттоман» с основным капиталом в 5 млн руб. Два других кон-

церна представляли «Товарищество табачной фабрики А.Н. Шапошникова и К^о» с фабриками «С. Габай» и «Братья Шапшал» и «АО табачной фабрики В.И. Асмолов и К^о» с поглощенной им табачной фабрикой Я.С. Кушнарера. («Общество русских табачных фабрик под фирмой Лаферм» было официально зарегистрировано, однако, увеличения основного капитала до 15 млн руб. и объединения с «Дукатом» российское правительство не разрешило из-за опасения монополизации рынка.)¹⁵⁰ В состав табачного треста отказались входить: «Товарищество табачной фабрики “Колобов и Бобров”» (г. Санкт-Петербург) (на рекламных плакатах этого предприятия часто изображали генерала М.Д. Скобелева, прославившегося во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), «АО табачной фабрики В.И. Стамболи» и «АО табачных и спичечных фабрик наследников И.Н. Дунаева» (г. Ярославль). Приоритетными целями табачного треста были намечены табачные фабрики К.И. Месаксуди (г. Керчь), И.Л. Шерешевского (г. Гродно), табачные фабрики А.Г. Рутенберга и А.С. Майкапара (г. Рига), а также фабрика А.М. Попова (г. Одесса).

К началу Первой мировой войны товарищество «Общество русских табачных фабрик под фирмой “Лаферм”» представляло собой трест, объединивший 14 фабрик и контролировавший около двух третей производства табачных изделий империи¹⁵¹. Однако революционные события 1917 г. и начавшаяся вскоре Гражданская война перечеркнули эти планы. В 1918 г. в России все табачные фабрики национализировали, была установлена государственная монополия на производство и продажу табачных изделий.

Рис. 19. Образцы рекламы продукции фирмы «Торговый дом “А. Катък и К^о”» (г. Москва)

Выводы

Таким образом, на основании проанализированных материалов можно утверждать, что в середине XIX – начале XX в. караимы внесли существенный вклад в развитие экономики Российской империи в целом и Таврической губ. в частности. Видными представителями торгово-промышленного капитала являлись фабриканты В.И. Стамболи, братья Коген, И.Д. Пигит, А.И. Дуван, братья Шапшал и Шишман, Д.Б. Саатчи и Б. Мангуби, братья Кальфа, Ския Абрамович Крым, снабжавшие продукцией своих предприятий многие города страны. В соледобывающей и солеобрабатывающей отраслях Крыма широкий сегмент рынка занимали караимы Д. Ага, И. Нейман, братья Гелеловичи, Ходжаш, Шайтан, Туршу, Ефетович и др.

Во второй половине XIX в. представители караимских общин смогли занять лидирующие позиции в торгово-экономической инфраструктуре крупных промышленных городов России. Предприниматели-караимы активно осваивали такие сферы производства, как пищевая и обрабатывающая отрасли (среди лидеров – братья Шишман, А.И. Пастак, И.С. Кефели, А.И. Арабаджи). Однако наиболее успешно они реализовали свой потенциал в табачном производстве, добыче и продаже соли. Довольно перспективным развивающимся направлением деятельности стало также курортное дело (С.И. Исакович, И. Рофе, Б.И. Казас, М.И. Гелелович, С.А. Бобович, С.И. Черкес и др.). Развитие Крыма как туристического центра и бальнеологического курорта привлекало сюда отдыхающих из других регионов Российской империи.

Успешной работе многочисленных предприятий караимских купцов и фабрикантов в значительной степени способствовали рекламные кампании, в которых предприниматели старались использовать современные им достижения маркетинга и полиграфического дела. Основное содержание рекламных плакатов и объявлений составляли образцы табачной продукции и других отраслей производства, в том числе, связанные с продовольственным сектором, бытовыми товарами и услугами. Рекламные плакаты табачных и гильзовых фабрик караимских предпринимателей выгодно отличались красочностью и оригинальностью, а их содержательная часть была не только информативной, но и, в ряде случаев, в определенной степени провокативной. С точки зрения художественного оформления в рекламных целях использовались образы, связанные с ориенталистской тематикой, а также традиционные русские исторические, псевдорусские, фольклорные и даже античные мотивы. Зримая убедительность образов, использовавшихся в рекламных плакатах, изобразительные приемы и текстуальные новации способствовали не только популяризации различных товаров и услуг, но и дальнейшему художественному развитию печатной графики.

Примечания

- ¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-I). Т. 23. Отд. 1. СПб., 1830. С. 532.
- ² Там же. С. 857, 858.
- ³ Там же. С. 705, 706.
- ⁴ *Познанский С.* Бабович Симха бен-Соломон // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / ред. А.Я. Гаркави, Л. Каценельсон. Т. 3. СПб., [б.г.]. Стлб. 623, 624.
- ⁵ Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 77, 136.
- ⁶ *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Ч. 9. СПб., 1875. С. 7.
- ⁷ *Григорьев В.В.* Еврейские религиозные секты в России // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). Ч. XV. СПб., 1846. С. 47.
- ⁸ Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов [Предисл. сост. В. Смирнова; от издателя: З.А. Фиркович]. СПб., 1890. С. 157; ПСЗРИ-II. Т. 25. Отд. 2. СПб., 1851. С. 282, 283.
- ⁹ ПСЗРИ-II. Т. 4. СПб., 1830. С. 790.
- ¹⁰ Там же. С. 791.
- ¹¹ Там же. Т. 5. Отд. 1. СПб., 1831. С. 362.
- ¹² Там же. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 316–318.
- ¹³ Там же. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. С. 311.
- ¹⁴ Там же. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. С. 919.
- ¹⁵ Там же. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1844. С. 758, 759.
- ¹⁶ Там же. Т. 19. Отд. 1. СПб., 1845. С. 887.
- ¹⁷ Там же. Т. 25. Отд. 2. СПб., 1851. С. 282, 283.
- ¹⁸ Там же. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. С. 441.
- ¹⁹ Там же. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. С. 352, 353.
- ²⁰ Там же. Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. С. 564.
- ²¹ Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов. С. 147, 157–159, 161, 163–165, 167.
- ²² ПСЗРИ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. С. 302–306.
- ²³ Там же. Т. 34. Отд. 1. СПб., 1861. С. 206–207.
- ²⁴ *Федосьев Д.С.* Евреи в петербургском предпринимательстве во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы современной экономики. 2012. № 2(42). С. 441, 442.
- ²⁵ Экономика. Участие евреев в экономике Российской империи в 19 в. – начале 20 в. // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 2001. Т. 10: Ша’алвим – Я’эл. Библиографический указатель. Стлб. 543–548.
- ²⁶ *[Гимпельсон Я.И.]* Законы о евреях: Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего сената и центральных правительственных установлений: С постатейным, хрон. и алф.-предм. указ. / сост. пом. присяж. пов. Я.И. Гимпельсон / под ред. и с предисл. присяж. пов. Л.М. Брамсона. Ч. [1]–2. Ч. 1. СПб., 1914. С. 150–158, 160, 174, 175.
- ²⁷ ПСЗРИ-III. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. С. 1197, 1198.
- ²⁸ Там же. С. 871–873.
- ²⁹ Хроника: К вопросу о караимско-еврейских браках // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1. Июнь. С. 109.
- ³⁰ ГА РК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1–3; Д. 1163. Л. 1–3.
- ³¹ *Прохоров Д.А.* Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в XIX – начале XX века (по материалам фонда ТОКДП) // Историческое наследие Крыма. Симферополь. 2007. № 18. С. 134–143.
- ³² Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31523 фабриках и заводах. Киев, 1913. Стлб. 943–960.
- ³³ *Синани В.* К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1. Июнь. С. 30–37.
- ³⁴ *А.Ш.* О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса, 1838. С. 180. Примечание 1.

- ³⁵ ГА РК. Ф. 431. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2.
- ³⁶ *Караулов Г.* Чуфут-Кале и евреи караимы. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 13. Одесса, 1883. С. 101; *Лашков Ф.Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь. 1896. № 24. С. 132.
- ³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 72 об., 73.
- ³⁸ ПСЗРИ-1. Т. 23. СПб., 1830. С. 807–809; РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 1. Л. 73 об., 74; Д. 4. Л. 95 об.
- ³⁹ РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 5. Л. 84, 86 об.
- ⁴⁰ *Глинтерник Э.М.* Реклама в России XVIII – первой половины XX века: Опыт иллюстрированных очерков [худож. Е.П. Гаврилов]. СПб., 2007. С. 13, 14, 45, 97.
- ⁴¹ [*Коханский В.С.*] Одесса за 100 лет: Исторический очерк и иллюстрированный путеводитель на 1894 г. В. Коханского. Одесса, 1894. С. 107.
- ⁴² [*Лисянский Л.А.*] Вся Одесса. Адресная и справочная книга на 1906 г.; изд. Л.А. Лисянского. Одесса, 1904. С. 32.
- ⁴³ [*Моргулис И.Е.*] Вся торгово-промышленная Одесса. Адресно-справочная книга на 1914 г.; изд. И.Е. Моргулиса. Одесса, 1914. С. XVII.
- ⁴⁴ [*Фельдберг В.К.*] Вся Одесса. Иллюстрированная адресная и справочная книга. Одесса, 1900. С. 257–260, 262, 263.
- ⁴⁵ [*Моргулис И.Е.*] Вся торгово-промышленная Одесса ... С. XXXIX.
- ⁴⁶ *Асс А.* Россия в картинах: художественный и промышленный альбом. Одесса, 1902. С. 43, 373.
- ⁴⁷ [*Коханский В.С.*] Одесса за 100 лет ... С. 108.
- ⁴⁸ Там же. С. 309.
- ⁴⁹ *Прохоров Д.А.* Династия караимских благотворителей Исаковичей: К 150-летию со дня рождения Самуила Исаковича Исаковича (1859–1910 гг.) // Caraimica: Quarterly Review / International Institute of the Crimean Karaites. Vol. XII. Слипери-Рок; Симферополь, 2009. С. 18–28.
- ⁵⁰ *Фоменко И.* Купечество Ялты в XIX – начале XX века // История Южного берега Крыма: VIII Дмитриевские чтения (27–28 марта 2003 г.): сб. науч. трудов / Ялтинский историко-литературный музей. Симферополь, 2005. С. 21, 23.
- ⁵¹ *Прохоров Д.А.* История возникновения и формирования караимских общин в городах Южного берега Крыма (середина XIX – начало XX вв.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь. 2013. № 261. С. 61–66.
- ⁵² *Фоменко И.* Купечество Ялты в XIX – начале XX века. С. 21, 23, 24.
- ⁵³ Крым. Путеводитель / под ред. К.Ю. Бумбера, А.С. Вагина, Н.Н. Клепинина, В.В. Соколова; изд. КОЕИЛП. Симферополь, 1914. С. 474.
- ⁵⁴ Там же. С. 2 (рекл. объявл.).
- ⁵⁵ [*Пьянков В.Г.*] Майнакское лиманно-грязелечебное заведение и морские купанья в Евпатории / сост. и изд. В.Г. Пьянков. Евпатория, 1896. С. 43, 44.
- ⁵⁶ См.: Устав частной лечебницы «Соляриум» врачей С.И. Черкеса, В.Е. Перчихина и женщины врача Л.Л. Лютровник: утв. 10 мая 1912 г. Евпатория, 1912; Евпатория – Крым. Лечебница – пляж «Соляриум», 5-я поперечная линия. Евпатория, [б.г.].
- ⁵⁷ См.: Целительные силы курорта Евпатории: Сб. статей, сост. при участии проф. В.А. Гемилана, д-ра И.С. Ходжаша, бывш. гор. головы С.Э. Дувана, и др. / под общ. ред. д-ра А.М. Брамсона. СПб., 1912.
- ⁵⁸ *Бертенсон Л.Б.* Лечебные воды, грязи и морские купанья в России и за границей: классификация, хим. состав, действие и показания к употреблению: путеводитель по лечеб. местностям. 4-е изд., соверш. перераб. и знач. доп. СПб., 1901. С. 487.
- ⁵⁹ *Сенин А.П.* Евпатория и железнодорожные проекты начала XX в. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. Т. 24(63). № 1: спецвыпуск «История Украины». 2011. С. 153–162.
- ⁶⁰ *Прохоров Д.А.* Караимы и развитие соледобычи на Крымском полуострове в конце XV–XIX вв. // Крымское историческое обозрение. Казань – Бахчисарай. 2016. № 2. С. 71–86.
- ⁶¹ Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год; изд. Таврического Губернского Статистического комитета / под ред. Н.Г. Часовникова. Симферополь, 1917. Отд. объявлений. С. 58, 43.
- ⁶² Автор выражает свою признательность С. Шайтанову, который обнаружил этот источник.
- ⁶³ *Меттиг К.К.* По Риге и ее окрестностям: Ил. путеводитель / сост. по нем. изд. К. Меттига. 5-е изд., испр. Рига, 1912. С. 6 (рекл. объявл.).

- ⁶⁴ ГА РК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 280. Л. 40 об.–46; Д. 306. Л. 45 об.–50.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 755. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5; Ф. 681. Оп. 1. Д. 50. Л. 29–33.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 241. Оп. 1. Д. 53. Л. 10; Д. 108. Л. 6, 7; Д. 236. Л. 5.
- ⁶⁷ См.: Рекламные объявления // Крымский вестник. 1914. № 3(7979).
- ⁶⁸ Съезд виноградарей и виноделов // Салгир. 1902. № 41. С. 2; Летопись. Московский съезд [О съезде виноделов] // Салгир. 1902. № 42. С. 2.
- ⁶⁹ См.: *Крым С.* Виноградарство в Феодосийском уезде. [СПб.], 1893.
- ⁷⁰ Вся Москва: адресная и справочная книга на 1901 год: [8-й год изд.]. 30-й г. изд. М., 1901. Стлб. 1141; Вся Москва: адресная и справочная книга на 1916 год: 23-й год изд. (45-й г. изд.). М., 1916. Стлб. 97.
- ⁷¹ Товарищество Арабаджи и К°. [М.], 1900. [плакат].
- ⁷² Вся Москва: адресная и справочная книга на 1916 год. Стлб. 98; Вся Москва: адресная и справочная книга на 1914 год: 21-й год изд. (43-й г. изд.). М., 1914. Стлб. 121.
- ⁷³ Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга: Ежегод. изд. / под ред. А.П. Шашковского. СПб., 1913. С. 1151.
- ⁷⁴ См.: Рекламные объявления // Крымский вестник. 1914. № 3(7979). С. 1; 1915. № 168(8479). С. 1.
- ⁷⁵ *Дьяконова И.А.* Караимская община Севастополя (в XIX – начале XX века) // X Дмитровские чтения (16–17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма: сб. науч. статей. Ялтинский ист-лит. музей / сост. Л.В. Петренко. Симферополь, 2008. С. 19.
- ⁷⁶ Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по градоначальству (с приложением плана г. Севастополя и его окрестностей); изд. Севастопольского градоначальства. Севастополь, 1910. Объявления. [без пагинации].
- ⁷⁷ Кил – крымская бентонитовая глина; состоит преимущественно из монтмориллонита. Использовалась для осветления растительного масла, соков, вин, смягчения воды, очистки нефтепродуктов, а также при изготовлении мыла.
- ⁷⁸ ГА РК. Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.
- ⁷⁹ Крым. Путеводитель. С. 13 (рекл. объявл.).
- ⁸⁰ Лучший друг семьи есть только настоящее мыло Кил Д.Н. Неофита в Севастополе: Содержащее крымский природный целебный продукт Кил: [плакат]. Киев, [190-?].
- ⁸¹ ГА РК. Ф. 507. Оп. 1 Д. 1. Л. 30 об.; Д. 4. Л. 22–33; Д. 5. Л. 58.
- ⁸² Фабрики и заводы всей России ... Стлб. 1369.
- ⁸³ ГА РК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 329а. Л. 7 об., 19 об., 26 об., 27, 46 об., 47, 50 об., 51, 73 об., 74, 77 об., 78.
- ⁸⁴ Там же. Л. 41 об., 42, 88 об., 89, 110 об., 111.
- ⁸⁵ Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год. Отд. объявлений. С. 57, 68, 89, 96, 104.
- ⁸⁶ ГА РК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 329а. Л. 85 об., 86, 104 об., 105, 123 об., 124.
- ⁸⁷ Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год; изд. Таврического Губернского Статистического комитета / под ред. секр. Комитета Н.Г. Часовникова. Симферополь, 1914. Отд. объявлений. С. 6.
- ⁸⁸ См.: Хроника. Вчераше, 14 августа [О пожаре в магазине Аваша] // Крым. 1904. № 178. С. 2.
- ⁸⁹ ГА РК. Ф. 63. Оп. 1. Д. 329а. Л. 22 об., 23, 39 об., 40, 113 об., 114, 5 об.
- ⁹⁰ Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год ... Отд. объявлений. С. 80.
- ⁹¹ Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год ... С. 105.
- ⁹² Фабрики и заводы всей России ... Стлб. 1024.
- ⁹³ ГА РК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 8, 11, 16, 17.
- ⁹⁴ Там же. Л. 3, 6, 14, 15.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 376. Оп. 5. Д. 13965. Л. 12 об.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 367. Оп. 1. Д. 2. Л. 75.
- ⁹⁷ Там же. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 2, 12, 13, 17, 19, 23, 24, 36, 38, 42, 63; Д. 4. Л. 19, 20, 24, 30, 53; Д. 9. Л. 1–156.
- ⁹⁸ Там же. Д. 4. Л. 38.
- ⁹⁹ Там же. Л. 17, 18, 21, 21 об., 27, 27 об., 28, 29, 36, 65, 65 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 23, 26, 31, 32, 48, 49, 51, 58.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 1, 2, 9, 9 об., 10.
- ¹⁰² [Моргулис И.Е.] Вся торгово-промышленная Одесса ... С. 428, 429.
- ¹⁰³ ГА РК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 4. Л. 50, 50 об., 59, 62, 63, 67; [Моргулис И.Е.] Вся торгово-промышленная Одесса ... С. 372, 410, 412.

- ¹⁰⁴ ГА РК. Ф. 367. Оп. 1. Д. 4. Л. 12, 13, 21, 25, 37, 39, 42–44, 54, 61, 64; Ф. 376. Оп. 5. Д. 13965. Л. 12 об., 13.
- ¹⁰⁵ См.: Атлас плодов: Сто хромолитогр. табл. с изображением 110 лучших или наиболее распространен. в России пром. сортов яблок, груш и косточковых со 113 помологическим описаниями: в 4 вып. Вып. 1–4 / соч. сост. под общ. ред. А.С. Гребницкого; Имп. Рос. О-во плодоводства. СПб., 1906; *Полевичский Н.И.* Производство плодовых консервов на фабрике товарищества А.И. Абрикосова сыновей в Крыму; доб.: Завод табачного экстракта А.И. Пастака (близ г. Симферополя). СПб.: [скл. изд. у авт.], 1902.
- ¹⁰⁶ Каталог плодового питомника, семенного хозяйства, завода табачного экстракта А.И. Пастака в Симферополе. Симферополь, 1917. С. 4–8.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 19–28, 45.
- ¹⁰⁸ Летопись. Число фабрик в Симферополе [О фабрике Кефели] // Салгир. 1897. № 97. С. 3; Летопись. Открытая в Петербурге рыбопромышленная выставка // Там же. 1902. № 25. С. 2; Консервы Кефели // Там же. № 26. С. 2.
- ¹⁰⁹ Список фабрик и заводов Российской империи / под ред. В.Е. Варзара. СПб., 1912. С. 109.
- ¹¹⁰ Летопись. Мы слышали [О фабрике Кефели] // Салгир. 1902. № 102. С. 2.
- ¹¹¹ *[Иловайский С.И.]* Учебник финансового права / [соч.] С.И. Иловайского, и.д.э.-орд. проф. Новорос. ун-та. 4-е изд. Одесса, 1904. С. 365.
- ¹¹² *Зайцев И.В.* Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2. С. 26.
- ¹¹³ Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год; изд. Таврического Губернского Статистического комитета / под ред. секр. Комитета Н.Г. Часовникова. Ч. 2. Симферополь, 1915. С. 25.
- ¹¹⁴ Экономика. Участие евреев в экономике Российской империи в 19 в. – начале 20 в. Стлб. 543–548.
- ¹¹⁵ Фабрики и заводы всей России ... Стлб. 947, 953, 954.
- ¹¹⁶ Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год ... С. 26, 27.
- ¹¹⁷ *Прохоров Д.А.* Крымские караимы и развитие табачной промышленности в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Москва – Тюмень – Нижневартовск. 2018. № 10. С. 334–370.
- ¹¹⁸ Фабрики и заводы всей России ... Стлб. 956.
- ¹¹⁹ Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год ... С. 27, 28, 29.
- ¹²⁰ ГА РК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1703. Л. 59; Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год ... Рекл. объявл. С. 79; Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год ... Рекл. объявл. С. 38.
- ¹²¹ Отчет Товарищества табачной фабрики «Дукат» в Москве за 1912 год. М., [1913]. С. 3.
- ¹²² Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год ... С. 39; Список фабрик и заводов Российской империи. С. 243.
- ¹²³ Весь Петербург на 1913 год ... С. 1364.
- ¹²⁴ Петр Николаевич Троянский (?–1923) – офицер Генерального штаба, художник-карикатурист, сотрудник журналов «Русь», «Серый волк», «Сигнал».
- ¹²⁵ *[Шустов А.С.]* Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы: Ил. альм. Ч. II. СПб., 1903. С. 14.
- ¹²⁶ *Мирлес А.А.* Хозяин и работник: [О гильзовой ф-ке А.И. Дувана]. Варшава, 1901. С. 7.
- ¹²⁷ Список фабрик и заводов Российской империи. С. 109; *Мирлес А.А.* Хозяин и работник ... С. 10; *Бельский М.* Издания гильзовой фабрики Дувана // Тиква. Ор Самеах. Одесса. 2007. № 20(567). 16 мая. С. 12.
- ¹²⁸ См.: *Бельский М.* Издания гильзовой фабрики Дувана. С. 12; *Крылов И.* Басни. [Книжка-раскладушка]. Ч. 2. Киев, [1914–1916]; Литературный альбом табачной фабрики «Иосиф Эгиз» в Киеве. Одесса, 1903.
- ¹²⁹ ПСЗРИ-III. Т. 2. СПб., 1886. С. 222–244; Полный устав о табачном сборе, высочайше утвержденный 18 мая 1882 г., с Инструкцией, утвержденной г. Министром финансов 18 ноября 1882 года, и мерами наказаний по новому уставу / сост. пом. акциз. надзирателя 2-го Округа Воронеж. губ. Ф.А. Куманиным и фабричным контролером того же округа Н.Г. Татарчуковым. Острогжск, 1883.
- ¹³⁰ ПСЗРИ-III. Т. 2. СПб., 1886. С. 235; *Глинттерник Э.М.* Реклама в России XVIII – первой половины XX века ... С. 201.

- ¹³¹ *Очковская М.С.* Реклама в царской России во второй половине XIX – начале XX вв.: поиск национальной специфики // Реклама: теория и практика. 2014. № 1. С. 16.
- ¹³² Высшая марка! «C'est ça» Папиросы Се-са Т-во «Оттомань» С. Петербург. СПб., [190-?]; Табачн.[ая] фабрика Т-ва «Оттоман», С.-Петербург. СПб., 1906; «Оттоман». Табачная фабрика в С.-Петербурге: [плакат]. СПб., 1903; Папиросы «Гадалка» Фабрика торгового дома Бр. Кальфа в Харькове. С.-Петербург, [190-?]; Папиросы «Новость» Фабрики «Дукат» в Москве: 25 шт. 10 коп. ... СПб.: лит. Веферс и К°, [190-?]; Рекомендуются табак Кирь-Басма фабрики т-ва «Оттоман» С.-Петербург. СПб., [190-?]; Товарищество табачной фабрики Саатчи и Мангуби. С.-Петербург: [плакат]. СПб., 1904.
- ¹³³ *Глинтерник Э.М.* Реклама в России XVIII – первой половины XX века ... С. 97.
- ¹³⁴ *Богданов И.* Дым отечества, или краткая история табакокурения. М., 2007. С. 99, 100.
- ¹³⁵ *Солопов А.П.* Ориентализм в табачной рекламе Российской империи второй половины XIX века // Клио. 2020. № 12(168). С. 88, 89; «Оттоман» Табачная фабрика. С.-Петербург. Папиросы крученые «Царские», турецкий табак «Юбек империял»: [плакат]. СПб., [190-?].
- ¹³⁶ *Богданов И.* Дым отечества ... С. 131.
- ¹³⁷ Папиросы «Березка» Табачной фабрики т-ва «Оттоман», С.-Петербург: 20 шт. 6 коп. СПб., [190-?]; Гильзы «Бурлаки». Гильзовая фабрика «Хаджи-оглу». Наследники С.И. Танагоз: [плакат]. СПб., [190-?]; Высшего качества папиросы «Кадо» Т-ва табачной фабрики Бр. Шапшал, С.-Петербург. СПб., [190-?]; Рекомендуются высокого качества папиросы «Варяг» Т-во Саатчи и Мангуби, С.-Петербург. СПб., 1904; Рекомендуются высокого качества папиросы «Кадо» Торгового дома бр. Шапшал, С.-Петербург. СПб., 1903.
- ¹³⁸ *Глинтерник Э.М.* Реклама в России XVIII – первой половины XX века ... С. 97.
- ¹³⁹ Вот! Действительно превосходные папиросы «Зоря» Саатчи и Мангуби. С. Петербург. СПб., [190-?]; Папиросы «Студенческие» фабрики торгового дома Бр. Кальфа в Харькове. СПб., [190-?].
- ¹⁴⁰ См.: Фабрика турецкого табаку и папирос В.О. Стамболи. Феодосия: [плакат]. СПб., 1905; Товарищество табачной фабрики Саатчи и Мангуби. С.-Петербург. Рекомендуем вновь выпущенные папиросы «Дмитрий Донской»: [плакат]. СПб., [190-?]; Требуется папиросы марки фабрики Иосифа Джигит в Екатеринославле. СПб., 1904; Табачная фабрика торгового дома Шишман и Дурунча в Вильне. СПб., 1903.
- ¹⁴¹ Теперь все курят «Сафо» табачной фабрики т-ва «Оттоман»: [плакат]. СПб., [190-?]; Требуется только гильзы фабрики Бр. Авах в Харькове: «Гусарские», «Нега», «Прима», «Студенческие», «Согласие»: [плакат]. СПб., [190-?]; Папиросы «Гадалка» Фабрика торгового дома Бр. Кальфа в Харькове. СПб., [190-?]; Курите папиросы фабрики торгов. дома Бр. Кальфа в Харькове: «Тарас Бульба», «Ярмарочные», «Украинские», «Гадалка». СПб., [190-?]; Только папиросы «Бром» действуют успокоительно на нервы: Акционерн. общество табачн. фабрики С. Крыма. Феодосия (Юг Крыма). СПб., [190-?].
- ¹⁴² Гильзы «Победа» фабрики торгов. дома А. Катък и К°, Москва. СПб., [190-?]; Табачная фабрика Бр. Шапшал. С.-Петербург: [плакат]. СПб., 1904; Небылая новость! Машинные папиросы «Удача». Табачная фабрика Иосифа Джигит в Екатеринославле. СПб., 1899.
- ¹⁴³ Табачная фабрика товарищества С. Габай: [плакат]. М., [190-?]; Весь мир курит папиросы «Рента» Акц. О-ва «Соломон Коген». Киев: [плакат]. Киев, [190-?].
- ¹⁴⁴ Гильзы «Победа» фабрики торгов. дома А. Катък и К°, Москва. СПб., [190-?].
- ¹⁴⁵ Жить не стоит! [рекламное объявление «Торгового дома “А. Катък и К°”»] // Нива. 1910. № 13. С. 2.
- ¹⁴⁶ Покупая гильзы [рекламное объявление «Торгового дома “А. Катък и К°”»] // Караимская жизнь. М., 1910. Кн. 1. Июнь. С. 129.
- ¹⁴⁷ Папиросы крученые «Маскот» Товарищество табачной фабрики Саатчи и Мангуби. СПб., 1900; Табачная и папиросная фабрика «Дукат» в Москве: [плакат]. СПб., 1903.
- ¹⁴⁸ *Солопов А.П.* Ориентализм в табачной рекламе ... С. 88.
- ¹⁴⁹ Изобретательные предприниматели [о рекламной акции «Торгового дома “А. Катък и К°”»] // Руль. 1909. 28 сентября.
- ¹⁵⁰ *Богданов И.* Дым отечества ... С. 168–170.
- ¹⁵¹ Отчет Товарищества фабрик табачных изделий под фирмой «Лаферм» Петроград за 1915 год. [Пг.], 1916. С. 1–8; Протокол общего собрания владельцев паев Товарищества фабрик табачных изделий под фирмой «Лаферм», состоявшегося 14 апреля 1915 года в Петрограде. Пг., 1915. С. 1–4.

Библиография

- А.Ш. О караимах, преимущественно живущих в Евпатории // Новороссийский календарь на 1839 год. Одесса: гор. тип., 1838. С. 179–182.
- Адрес-календарь Севастопольского градоначальства и путеводитель по градоначальству (с приложением плана г. Севастополя и его окрестностей); изд. Севастопольского градоначальства. Севастополь: тип. Брун, 1910. 508 с.
- Асс А. Россия в картинах: художественный и промышленный альбом. Одесса: Тип. кн-ва Г.Н. Каранта, 1902. [4], 56 стлб., [2], 50 с.
- Атлас плодов: Сто хромолитогр. табл. с изображением 110 лучших или наиболее распространен. в России пром. сортов яблок, груш и косточковых со 113 помологическим описаниями: в 4 вып. Вып. 1–4 / соч. сост. под общ. ред. А.С. Гребницкого. СПб.: Имп. Рос. О-во плододводства, 1906. XXIII, 589 с., 100 ил.
- Бельский М. Издания гильзовой фабрики Дувана // Тиква. Ор Самеах. Одесса. 2007. № 20(567). 16 мая. С. 12.
- Бертенсон Л.Б. Лечебные воды, грязи и морские купанья в России и за границей: классификация, хим. состав, действие и показания к употреблению: путеводитель по лечеб. местностям. 4-е изд., соверш. перераб. и знач. доп. СПб.: К.Л. Риккер, 1901. XII, [2], 778 с., [15] л.
- Богданов И. Дым отечества, или краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 280 с.
- Весь мир курит папиросы «Рента» Акц. О-ва «Соломон Коген». Киев: [плакат]. Киев: хромолит. «Прогресс», [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 110,5 x 74 см.
- Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга: Ежегод. изд. / под ред. А.П. Шашковского. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1913. VI, 46, XIV, LX, 32, 1402, 751, 475 с.
- Вот! Действительно превосходные папиросы «Зоря» Саатчи и Мангуби. С.-Петербург. СПб.: хромо-лит. Р. Шварц, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 49 x 33,5 см.
- Вся Москва: адресная и справочная книга на 1901 год: [8-й год изд.]. 30-й г. изд. М.: Суворин «Новое время», 1901. 779 с., 1706 стлб.
- Вся Москва: адресная и справочная книга на 1914 год: 21-й год изд. (43-й г. изд.). М.: Суворин «Новое время», 1914. 1013 с., 2765 стлб.
- Вся Москва: адресная и справочная книга на 1916 год: 23-й год изд. (45-й г. изд.). М.: Суворин «Новое время», 1916. 737 с., 2583 стлб.
- Высшего качества папиросы «Кадо» Т-ва табачной фабрики Бр. Шапшал, С.-Петербург. СПб.: лит. Веферс и К°, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 54,5 x 35 см.
- Высшая марка! «C'est ça» Папиросы Се-са Т-во «Оттомань» С.-Петербург. СПб.: Т. Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 14 x 24 см.
- Гильзы «Бурлаки». Гильзовая фабрика «Хаджи-оглу». Наследники С.И. Танагоз: [плакат]. СПб.: Теодор Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 73 x 35 см.
- Гильзы «Победа» фабрики торгов. дома А. Катък и К°, Москва. СПб.: лит. Веферс и К°, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 47 x 24,2 см.
- [Гимпельсон Я.И.] Законы о евреях: Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего сената и центральных правительственных установлений: С постатейным, хрон. и алф.-предм. указ. / сост. пом. присяж. пов. Я.И. Гимпельсон; под ред. и с предисл. присяж. пов. Л.М. Брамсона. Ч. [1]–2. Ч. 1. XVI. СПб.: т-во «Юриспруденция», 1914. 440 с.
- Глинттерник Э.М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века: опыт иллюстрированных очерков [худож. Е.П. Гаврилов]. СПб.: Аврора, 2007. 359 с.
- Григорьев В.В. Еврейские религиозные секты в России // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). Ч. XV. СПб, 1846. С. 11–49.
- Дьяконова И.А. Караимская община Севастополя (в XIX – начале XX века) // X Дмитровские чтения (16–17 марта 2006 г.). История Южного берега Крыма: Сб. науч. статей / Ялтинский ист-лит. музей; сост. Л.В. Петренко. Симферополь: Антикава, 2008. С. 16–20.
- Евпатория – Крым. Лечебница – пляж «Соляриум», 5-я поперечная линия. Евпатория: тип. И.Ф. Райхельсона, [б.г.]. 14 с.
- Жить не стоит! [рекламное объявление «Торгового дома “А. Катък и К”»] // Нива. 1910. № 13. С. 2.

- Зайцев И. В.* Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2. С. 13–33.
- Изобретательные предприниматели // Руль. 1909. 28 сентября.
- [Иловайский С. И.]* Учебник финансового права / [соч.] С. И. Иловайского, и. д. э.-орд. проф. Новорос. ун-та. 4-е изд. Одесса: типо-хромолит. А. Ф. Соколовского, 1904. VIII. 383 с.
- Караулов Г.* Чуфут-Кале и евреи караимы. Примечания к поездке во внутренность Крыма академика Палласа // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 13. Одесса, 1883. С. 93–103.
- Каталог плодового питомника, семенного хозяйства, завода табачного экстракта А. И. Пастака в Симферополе. Симферополь: тип. Таврического губ. земства, 1917. 44 с.
- Кондарак В. Х.* Универсальное описание Крыма. Ч. 9. СПб.: Тип. Г. Веллинга, 1875. 106 с.
- Консервы Кефели // Салгир. 1902. № 26. С. 2.
- [Коханский В. С.]* Одесса за 100 лет: Исторический очерк и иллюстрированный путеводитель на 1894 г. [соч.] В. Коханского. Одесса: тип. П. Францова, 1894. [8], 134, 384, 192 с.
- Крылов И.* Басни. [Книжка-раскладушка]. Ч. 2. Киев: Изд. гильзовой фабрики Дувана, [1914–1916]. 8 л.
- Крым. Путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, А. С. Вагина, Н. Н. Клепинина, В. В. Соколова; изд. КОЕИЛП. Симферополь: Тип. Таврич. губ. земства, 1914. VIII, 688 с.
- Крым С.* Виноградарство в Феодосийском уезде. [СПб.]: Тип. Э. Гоппе, ценз., 1893. 24 с.
- Лашков Ф. Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической архивной ученой комиссии. Симферополь. 1896. № 24. С. 72–137.
- Летопись. Число фабрик в Симферополе [О фабрике Кефели] // Салгир. 1897. № 97. С. 3.
- Летопись. Открытая в Петербурге рыбопромышленная выставка // Салгир. 1902. № 25. С. 2.
- Летопись. Московский съезд [О съезде виноделов] // Салгир. 1902. № 42. С. 2.
- Летопись. Мы слышали [О фабрике Кефели] // Салгир. 1902. № 102. С. 2.
- [Лисянский Л. А.]* Вся Одесса. Адресная и справочная книга на 1906 г.; изд. Л. А. Лисянского. Ч. 1. Одесса: типо-литогр. и нотопечатня И. А. Копельмана, 1904. XIII, 124 с.
- Литературный альбом табачной фабрики «Иосиф Эгиз» в Киеве. Одесса: [б. и.], 1903. 8 с.
- Лучший друг семьи есть только настоящее мыло Кил Д. Н. Неофита в Севастополе: Содержащее крымский природный целебный продукт Кил. [плакат]. Киев: лит. К. Ш. Круглянского, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 74,5 x 48,5 см.
- Меттиг К. К.* По Риге и ее окрестностям: Ил. путеводитель / сост. по нем. изд. К. Меттига. 5-е изд., испр. Рига: Ионк и Полиевский, 1912. [4], 112 с., 5 ил.
- Мирлес А. А.* Хозяин и работник: [О гильзовой ф-ке А. И. Дуван]. Варшава: тип. Варш. акц. артист. изд. о-во, 1901. 15 с.
- [Моргулис И. Е.]* Вся одессо-промышленная Одесса. Адресно-справочная книга на 1914 г.; изд. И. Е. Моргулиса. Одесса: тип. Б. М. Сагала «Энергия», 1914. LXXII, 524, СС1 с.
- Небывалая новость! Машинные папиросы «Удача» Табачная фабрика Иосифа Джигит в Екатериславе. СПб.: Печатня Р. Голике, 1899. Л. 1: хромолитогр.; 55 x 35,5 см.
- «Оттоман» Табачная фабрика. С.-Петербург. Папиросы крученые «Царские», турецкий табак «Юбек империял»: [плакат]. СПб.: лит. Велферс и К°, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 89,5 x 59 см.
- «Оттоман». Табачная фабрика в С.-Петербурге: [плакат]. СПб.: лит. Велферс и К°, 1903. Л. 1: хромолитогр.; 75 x 52,5 см.
- Отчет Товарищества табачной фабрики «Дукат» в Москве за 1912 год. М., [1913]. [8] с.
- Отчет Товарищества фабрик табачных изделий под фирмой «Лаферм» Петроград за 1915 год. Пг., [1916]. [8] с.
- Очковская М. С.* Реклама в царской России во второй половине XIX – начале XX вв.: поиск национальной специфики // Реклама. Теория и практика. 2014. № 1. С. 2–22.
- Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год; изд. Таврического Губернского Статистического комитета / под ред. секр. Комитета Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1914. VIII, 71, 51, 64, 444, [76] л. рекл. объявл.
- Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год; изд. Таврического Губернского Статистического комитета / под ред. секр. Комитета Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1915. V, 65, 149, 17, 19, 71, 329 с., [3] л. ил., [22] л. рекл. объявл.
- Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год; изд. Таврического Губернского Статистического комитета / под ред. Н. Г. Часовникова. Симферополь: Таврическая губ. тип., 1917. 32, 275, [62] л. рекл. объявл.
- Папиросы «Березка» Табачной фабрики т-ва «Оттоман», С.-Петербург: 20 шт. 6 коп. СПб.: Теодор Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 30 x 42 см.

- Папиросы «Гадалка» Фабрика торгового дома Бр. Кальфа в Харькове. СПб.: Теодор Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 42 x 22 см.
- Папиросы «Гадалка» Фабрика торгового дома Бр. Кальфа в Харькове. СПб.: Теодор Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 78 x 35 см.
- Папиросы крученые «Маскот» Товарищество табачной фабрики Саатчи и Мангуби. СПб.: лит. Э.И. Маркус, 1900. Л. 1: хромолитогр.; 62 x 31,5 см.
- Папиросы «Новость» Фабрики «Дукат» в Москве: 25 шт. 10 коп. СПб.: лит. Веферс и К°, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 45 x 23,5 см.
- Папиросы «Студенческие» фабрики торгового дома Бр. Кальфа в Харькове. СПб.: лит. Т. Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 47 x 33,5 см.
- Познанский С. Бабович Симха бен-Соломон // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / ред. А.Я. Гаркави, Л. Каценельсон. Т. 3. СПб.: изд. Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз-Ефрон, [б.г.] Стлб. 623–624.*
- Покупая гильзы [рекламное объявление «Торгового дома “А. Катык и К”»] // Караимская жизнь. М., 1910. Кн. 1. Июнь. С. 129.
- Полевицкий Н.И.* Производство плодовых консервов на фабрике товарищества А.И. Абрикосова сыновей в Крыму; доб.: Завод табачного экстракта А.И. Пастака (близ г. Симферополя). СПб.: [скл. изд. у авт.], 1902. 50, 7 с.
- Протокол общего собрания владельцев паев Товарищества фабрик табачных изделий под фирмой «Лаферм», состоявшегося 14 апреля 1915 года в Петрограде. [Пг., 1915]. [4] с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗРИ-I). Т. 23. СПб., 1830. 974 с.
- ПСЗРИ-II. Т. 4. СПб., 1830. 1666 с.; Т. 5. Отд. 1. СПб., 1831. 1115 с.; Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. 917 с.; Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. 1180 с.; Т. 18. Отд. 1. СПб., 1844. 843 с.; Т. 25. Отд. 2. СПб., 1851. 712 с.; Т. 26. Отд. 1. СПб., 1852. 753 с.; Т. 27. Отд. 1. СПб., 1853. 802 с.; Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. 1067 с.; Т. 34. Отд. 1. СПб., 1861. 840 с.; Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. 942 с.; Т. 19. Отд. 1. СПб., 1845. 840 с.; Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. 1081 с.; ПСЗРИ-III. Т. 2. СПб., 1886. 1144 с.; Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. 1271 с.
- Полный устав о табачном сборе, высочайше утвержденный 18 мая 1882 г., с Инструкцией, утвержденной г. Министром финансов 18 ноября 1882 года, и мерами наказаний по новому уставу / изд. сост. пом. акциз. надзирателя 2-го Округа Воронеж. губ. Ф.А. Куманиным и фабричным контролером того же округа Н.Г. Татарчуковым. Острогжск: изд. Ф.А. Куманина, 1883. [4], X, 266 с.
- Прохоров Д.А.* Органы караимского конфессионального самоуправления и проблема прозелитизма, межконфессиональных и межэтнических браков в Таврической губернии в XIX – начале XX века (по материалам фонда ТОКДП) // Историческое наследие Крыма. Симферополь. 2007. № 18. С. 134–143.
- Прохоров Д.А.* Династия караимских благотворителей Исаковичей: К 150-летию со дня рождения Самуила Исаковича Исаковича (1859–1910 гг.) // Caraimica: Quarterly Review / International Institute of the Crimean Karaites. Слипери-Рок – Симферополь, 2009. Vol. XII. С. 18–28.
- Прохоров Д.А.* История возникновения и формирования караимских общин в городах Южного берега Крыма (середина XIX – начало XX вв.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь. 2013. № 261. С. 61–66.
- Прохоров Д.А.* Караимы и развитие соледобычи на Крымском полуострове в конце XV–XIX вв. // Крымское историческое обозрение. Казань – Бахчисарай. 2016. № 2. С. 71–86.
- Прохоров Д.А.* Крымские караимы и развитие табачной промышленности в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Москва – Тюмень – Нижневартовск. 2018. № 10. С. 334–370.
- [Пьянков В.]* Майнакское лимано-грязелечебное заведение и морские купанья в Евпатории / сост. и изд. В.Г. Пьянков. Евпатория: тип. М.Л. Мураванского, 1896. 58 с.
- Рекламные объявления // Крымский вестник. 1914. № 3(7979). 4 января. С. 1; 1915. № 168(8479). 1 июля. С. 1.
- Рекомендуются высокого качества папиросы «Варяг» Т-во Саатчи и Мангуби, С.-Петербург. СПб.: хромо-лит. Э.И. Маркус, 1904. Л. 1: хромолитогр.; 37 x 44 см.
- Рекомендуются высокого качества папиросы «Кадо» Торгового дома бр. Шапшал, С.-Петербург. СПб.: хр.-лит. Э.И. Маркус, 1903. Л. 1: хромолитогр.; 53,5 x 30,5 см.
- Рекомендуется табак Кирь-Басма фабрики т-ва «Оттоман» С.-Петербург. СПб.: Т. Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 29,5 x 51,5 см.
- Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов / [предисл. сост. В. Смирнова; от издателя: З.А. Фиркович] / изд. З.А. Фирковича. СПб.: паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1890. XXXVI, 223 с.

- Сенин А.П. Евпатория и железнодорожные проекты начала XX в. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. Т. 24(63). № 1: спецвыпуск «История Украины». 2011. С. 153–162.
- Синани В. К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1. Июнь. С. 30–37.
- Солопов А.П. Ориентализм в табачной рекламе Российской империи второй половины XIX века // Клио. 2020. № 12(168). С. 88–93.
- Список фабрик и заводов Российской империи / под ред. В.Е. Варзара. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 3, 312, 310, LXXXIX с.
- Съезд виноградарей и виноделов // Салгир. 1902. № 41. С. 2.
- Табачная фабрика товарищества С. Габай: [плакат]. М.: Литография В.Ф. Кудинова, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 91 x 35 см.
- Табачная и папиросная фабрика «Дукат» в Москве: [плакат]. СПб.: хромо-лит. Э.И. Маркус, 1903. Л. 1: хромолитогр.; 72,5 x 45,5 см.
- Табачн.[ая] фабрика Т-ва «Оттоман», С.-Петербург. СПб.: лит. Веферс и К°, 1906. Л. 1: хромолитогр.; 40 x 26 см.
- Табачная фабрика Бр. Шапшал. С.-Петербург: [плакат]. СПб.: лит. Веферс и К°, 1904. Л. 1: хромолитогр.; 84,5 x 45 см.
- Табачная фабрика торгового дома Шишман и Дурунча в Вильне. СПб.: хр.-лит. Э.И. Маркус, 1903. Л. 1: хромолитогр.; 52 x 67 см.
- Теперь все курят «Сафо» табачной фабрики т-ва «Оттоман»: [плакат]. СПб.: Теодор Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 110 x 78,5 см.
- Товарищество Арабаджи и К°. [М.]: тип. Братьев Менерт, 1900. Л. 1 [плакат]: хромолитогр.; 29,7 x 42 см.
- Товарищество табачной фабрики Саатчи и Мангуби. С.-Петербург. Рекомендуем вновь выпущенные папиросы «Дмитрий Донской»: [плакат]. СПб.: хр.-лит. Э.И. Маркус, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 127 x 83,5 см.
- Товарищество табачной фабрики Саатчи и Мангуби. С.-Петербург: [плакат]. СПб.: хр.-лит. Э.И. Маркус, 1904. Л. 1: хромолитогр.; 87 x 49,5 см.
- Требуите папиросы марки фабрики Иосифа Джигит в Екатеринославле. СПб.: хр.-лит. Э.И. Маркус, 1904. Л. 1: хромолитогр.; 48 x 34,5 см.
- Требуите только гильзы фабрики Бр. Авах в Харькове: «Гусарские», «Нега», «Прима», «Студенческие», «Согласие»: [плакат]. СПб.: Теодор Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 70 x 35,5 см.
- Только папиросы «Бром» действуют успокоительно на нервы: Акционерн. общество табачн. фабрики С. Крыма. Феодосия (Юг Крыма). СПб.: лит. Т. Киббель, [190-?]. Л. 1: хромолитогр.; 48,5 x 32 см.
- Устав частной лечебницы «Соляриум» врачей С.И. Черкеса, В.Е. Перчихина и женщины врача Л.Л. Лютровник: утв. 10 мая 1912 г. Евпатория: тип. И.Ф. Райхельсона, 1912. 8 с.
- Устав о табачном сборе: высочайше утвержденный 18 мая 1882 г. 2-е изд., доп. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1883. VIII, 167, [4] с.
- Фабрика турецкого табаку и папирос В.О. Стамболи. Феодосия: [плакат]. СПб.: хр.-лит. Э.И. Маркус, 1905. Л. 1: хромолитогр.; 79 x 38,5 см.
- Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31523 фабриках и заводах. Киев: изд-во тов. Л.М. Фиш, 1913. [2], 1687 стлб.
- Федосьев Д.С. Евреи в петербургском предпринимательстве во второй половине XIX – начале XX вв. // Проблемы современной экономики. 2012. № 2(42). С. 439–442.
- [Фельдберг В.К.] Вся Одесса. Иллюстрированная адресная и справочная книга. Одесса: тип. Южно-Русского О-ва Печатного дела, 1900. ХСVII, [2]; 265 с.
- Фоменко И. Купечество Ялты в XIX – начале XX века // История Южного берега Крыма: VIII Дмитриевские чтения (27–28 марта 2003 г.): сб. науч. трудов / Ялтинский историко-литературный музей. Симферополь: Магистр, 2005. С. 21–26.
- Хроника. Вчера, 14 августа [О пожаре в магазине Аваша] // Крым. 1904. № 178. 15 августа. С. 2.
- Хроника: К вопросу о караимско-еврейских браках // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1. Июнь. С. 109.
- Целительные силы курорта Евпатории: Сб. статей, сост. при участии проф. В.А. Гемелиана, д-ра И.С. Ходжаша, бывш. гор. головы С.Э. Дувана, и др. / под общ. ред. д-ра А.М. Брамсона. СПб.: Евпаторийское о-во курортного благоустройства, 1912. 136 с.
- [Шустов А.С.] Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы: Ил. альм. СПб.: тип. Министерства путей сообщения (Т-ва И.Н. Кушнарв и К°), 1903. 432 с.

История горнодобывающей промышленности России

Региональное горное управление в России: институциональная динамика XIX – начала XX в.

Аннотация. На основе анализа законодательства, делопроизводственной документации, периодической печати и научной литературы прослежена история региональной компоненты горного управления в Российской империи в XIX – начале XX в. Новизна исследования заключается в том, что эта история рассмотрена в контексте двух крупных реформ организационных основ отечественной горнозаводской промышленности. Это помогает при интерпретации перемен, происходивших за более чем столетний период. Установлено, что одна из этих реформ, осуществленная в первой половине XIX в., привела к созданию горного ведомства в составе Министерства финансов. Оно включало три уровня, основным из которых был региональный, представленный тремя учреждениями, курировавшими развитие промышленности в крупнейших металлургических регионах империи, – Уральском, Замосковном и Олонецком. Каждое из них имело свою специфику в структуре и характере координации с губернской властью, выполняя помимо своих профильных обязанностей социальные, полицейские и судебные функции. Горное ведомство того времени представляло собой «полный строй отдельного управления», что вполне соответствовало общественному устройству и protoиндустриальному уровню развития промышленности с характерным для него недостаточно развитым предпринимательством. Другая реформа, растянувшаяся с 1860-х гг. до начала XX в., упрочила роль горного ведомства, охватившего своими региональными инстанциями – восемью Горными управлениями и структурами горного надзора – почти всю территорию империи (исключая Финляндию и отчасти Среднюю Азию). При этом региональные органы были унифицированы по составу и специализированы по своим профильным обязанностям, не пересекаясь с функциями других ведомств. Но, как и прежде, они были отделены от губернской системы территориального управления и действовали в границах особых горно-административных областей и округов. Обновленное горное ведомство соответствовало новому – раннеиндустриальному – уровню развития промышленности с динамично развивавшимся предпринимательством, и было органично встроено в систему государственного управления.

Ключевые слова: Россия, XIX – начало XX в., горнозаводская промышленность, горное ведомство, горная реформа, региональные учреждения.

История горнозаводской промышленности России издавна привлекала внимание ученых, в первую очередь из-за значимости самого объекта исследования. Именно этой отрасли промышленности было суждено стать «локомотивом» модернизации – перехода от традиционного к индустриальному обществу. Неслучайно крупные шаги в этом направлении, сделанные на рубеже XVII и XVIII вв., сопровождались интенсивными поисками руд и строительством металлургических заводов¹. Особенное значение горнозаводской промышленности, от развития которой напрямую зависело не только общее состояние экономики страны, но и оборонная мощь государства, послужило причиной пристального внимания имперской власти к ее организации. Одним из ее векторов стало создание горного ведомства, в обязанности которого входили организация и управление этой комбинированной отраслью, включавшей добычу руд и их обработку на

* Неклюдов Евгений Георгиевич – доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), ntplant9@mail.ru.

металлургических заводах, требовавшей вложения значительных капиталов и применения специальных знаний.

Как показали предыдущие исследования, процесс формирования отраслевого управления не был прямолинейным и непрерывным². С переменным успехом он пробивал себе путь в течение всего XVIII в. в борьбе с тенденцией — «растворить» управление «горным промыслом» в общегосударственных учреждениях центрального или регионального уровня. Так, уже первый орган горного управления — Приказ рудокопных дел, созданный в 1700 г., в 1711 г. был ликвидирован. Его «рудосыские дела» «для ведома» разослали «по губерниям, дабы то дело каждой губернатор в своей губернии усматривал»³. В ходе коллежской реформы вместо восстановленного в 1715 г. приказа⁴ была учреждена в 1719 г. Берг-коллегия. До 1722 г. она действовала вместе с Мануфактур-коллегией, отвечавшей за другие отрасли российской промышленности⁵. В 1731 г. Берг-коллегию присоединили к Коммерц-коллегии в виде отдельной ее «экспедиции». Посредством этой коллегии «сделанное на горных заводах железо» надлежало «отпускать за море»⁶.

В 1736 г. «правление горных и рудокопных дел и заводов» было «отрешено» от Коммерц-коллегии и передано в Генерал-берг-директориум, «безпосредственно» зависевший «от высочайших повелений»⁷. Однако после провального управления директора К. Шемберга «для лучшего смотрения и доброго порядка» Берг-коллегию восстановили в 1742 г.⁸ После проведения губернской реформы она вновь была упразднена в 1784 г.

Управление же заводами поручили нескольким губернским казенным палатам, где создавались «экспедиции для горных и таможенных дел», подчинявшиеся «особливой Экспедиции для горных дел при Экспедиции о государственных доходах» в Санкт-Петербурге⁹. В 1796 г. Берг-коллегию в очередной раз восстановили (вместе с Мануфактур- и Коммерц-коллегией) ввиду выявившейся «крайней неудобности в раздроблении важных отделений государственной экономии <...> на столько частей разных, сколько находится губерний». Было решено, что «под одним особенным <...> управлением, к коему, стекаясь, все частные обстоятельства под общее соображение оных по всему Государству, несравненно более доставится чрез то способности видеть прямое их состояние, и по тому располагать нужные пособия и поправления»¹⁰.

Региональный уровень управления в начале XIX в. был представлен Московской берг-конторой, курировавшей частные заводы Центральной России, и несколькими «горными начальствами» на Урале — Екатеринбургским, Гороблагодатским и Пермским. Они управляли казенными предприятиями, а последнее «ведало» еще и всеми частными заводами в этом крупнейшем металлургическом районе. Златоустовские и Богословские заводы, тоже расположенные на Урале, находились в ведении Заемного банка, а Олонецкие и Луганский предприятия состояли «в дирекции» шотландского инженера К. Гаскойна «на особенном положении». Рассмотрим, как формировались и менялись региональные органы горного управления на новом этапе своего развития — в XIX — начале XX в. в контексте происходивших тогда реформ организационных основ российской горнозаводской промышленности.

Горная реформа начала XIX в.

Установка на специализированное горное ведомство была подтверждена в ходе министерской реформы (начало XIX в.), которая навсегда упразднила Берг-коллегию как самостоятельный орган центрального уровня. Созданный в 1807 г. при Министерстве финансов Горный департамент (во время второй министерской реформы в 1811 г. Горный и Монетный департаменты и Отделение о управлении соляных дел Министерства внутренних дел были объединены в Департамент горных и соляных дел)¹¹ стал восприемником коллегии как высшего отраслевого учреждения, хотя его административный статус был несколько понижен. Это соответствовало новому формату государственного управления, в котором за отдельным министерством закреплялось управление целой сферой деятельности. Тем не менее в структуре Министерства финансов, курировавшего всю российскую экономику, горная промышленность получила отдельное ведомство и сохранила свое особенное значение в отличие от остальных отраслей промышленности, оказавшихся в компетенции общего для них Департамента мануфактур и внутренней торговли.

Горный департамент включал тогда Горную экспедицию, отвечающую за «дела хозяйственные и исполнительные», во главе с «одним лицом» (управляющим, или директором), что требовалось для скорейшего решения этих дел; и коллегиальный Горный совет «для дел учредительных, законодательных, ученых, искусственных и художественных (т.е. технических. — *Е.Н.*)», которые, как утверждалось в предваряющем реформу докладе министра финансов А.И. Васильева, «лучше рассматриваются и решаются голосами целого сословия»¹².

Организовать горное управление на региональном уровне оказалось более сложным делом, потребовавшим координации с действующей в стране губернской территориально-административной системой. Члены созданных при Министерстве финансов комитета и комиссии (в их состав вошли крупнейшие горные деятели России — А.С. Ярцов, Г.С. Качка, А.Ф. Дерябин, А.М. Полторацкий и др.), предложившие несколько вариантов преобразований¹³, в итоге четырехлетней работы отказались от включения горных учреждений в структуру губернского управления. Они ориентировались на уже имевшийся подобный опыт, по их мнению, нанесший большой урон отрасли. Зональное (а не повсеместное) расположение горных предприятий предопределило выявление регионов развития промышленности, где и целесообразно было организовывать ведомственные органы. В упомянутом докладе министра были названы пять таких регионов, или «отделений», «сообразно местному положению заводов»: «заводы хребта Уральского <...> Замосковные <...> Олонецкие и Луганские <...> Грузинские и <...> Польские». Грузинские и польские заводы «еще не были приведены в известность, чтоб можно было в тамошнем краю утвердить ныне какое-либо горное начальство», а Олонецкие и Луганский заводы оставили в ведении К. Гаскойна. Поэтому новую организацию регионального горного управления предложили первоначально распространить только на уральское и замосковное «отделения»¹⁴.

Будучи убежденными сторонниками «горного начальства» (отдельного «от прочих гражданских и военных начальств»), участники обсуждения предложили вариант такого его устройства, которое не противоречило бы «главным чертам, или основаниям» местного управления, зафиксированным в «Учреждении о губерниях» 1775 г. «На одном и том же основании должны быть воздвигнуты здания узаконений для дел гражданских и для дел горных, но в разных видах и с разным расположением», — пояснял министр. При этом нужно было сделать так, чтобы даже «самые лучшие начальники по той и другой части» могли избежать «множества преград и помешательств» друг другу¹⁵.

Итоговый замысел реформаторов, подсказанный отечественным опытом и примером Австрии, Саксонии и «других иностранных краев», заключался в том, чтобы для управления горной отраслью создать особую административную структуру, параллельную гражданской. Под ее властью сосредоточились бы все отделенные от прочих «заводские селения», получавшие статус «горных городов» с «особенными начальствами, независимо от гражданского правительства». Как записано в докладе, «селения при заводах и рудниках казенных со стороны гражданского благоустройства <...> учреждались на основании городов», а те из них, где «пребывание свое имеют горные начальники» (так издавна назывались руководители зональных заводских комплексов, будущих казенных горнозаводских округов), считались «главными горными городами, в ведении которых состояли прочие заводы или горные города с их округами». Новые города должны были получить «все права, утвержденные «Городовым положением, выключая те, кои несовместны с правами и надобностями заводскими». Частные заводские селения при согласии владельцев тоже могли получить права города, но там горное начальство имело ограниченные полномочия, осуществляя лишь надзор за деятельностью заводоуправлений.

Создававшаяся отраслевая администрация на уровне губерний смыкалась с действовавшей гражданской властью в лице генерал-губернатора, который «уравнивал всех» и являлся «посредником» между двумя формами управления. При этом «по заводской части» он оставался «только как блюститель законов <...> и выгод высочайшей казны, но не заключал в себе исполнительной и распорядительной власти», всецело принадлежавшей горным начальникам. «По нынешней обширности и великому количеству заводских округ» признавалось целесообразным «распространить сие <...> на целую губернию, какова есть Пермская», куда в 1804 г. уже был назначен генерал-губернатор. «Таким распоряжением, — полагали авторы проекта, — главные основания высочайшего Учреждения о губерниях сохранятся по всем частям; вся целость сего Учреждения останется по гражданской части; все затруднения и споры между губернаторами и горными начальниками ежели не совсем пресекутся, то, по крайней мере, скоро будут разрешаться»¹⁶.

«На точном основании губернских правлений» создавалось новое «присутственное место» — Горное правление в городе Перми, который был удобен для этого, поскольку являлся не только местом пребывания генерал-губернатора, но и «лежал более в середине между заводами губерний Пермской и Вятской, а равно Оренбургской и Казанской». На эти губернии и распространялись расширенные полномочия пермского и вятского генерал-губернатора по «горной части».

В первом департаменте нового регионального органа под его надзором сосредоточивались «заведывание» всеми казенными предприятиями и «присмотр» за частными заводами. Во втором – «формальное судопроизводство по казенным и частным горным делам», которое, по мнению реформаторов, «всегда и во всех землях составляло <...> особенную, притом весьма обширную и в большей части случаев на наблюдениях и правилах горных наук основанную часть правоведения».

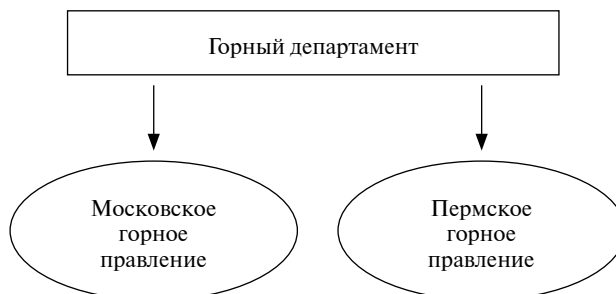
Берг-инспектор управлял обоими департаментами, а во втором был еще и председательствующим. Вместе с ним «заседали» советники, входившие в коллегиальное управление. Горные исправники на казенных заводах заведовали полицией, а заводские исправники на частных заводах дополнительно к тому контролировали сбор податей и исполнение «горных узаконений». Они же наблюдали за тем, чтобы «люди заводские не были <...> стеснены излишними работами и получали все положенное по узаконениям сполна и в свое время» и при этом «не выходили из пределов повиновения к начальству».

По своему статусу Горное правление приравнивалось к губернским учреждениям, а его глава – берг-инспектор в отношении частных заводов, как и «горные начальники по заводам казенным и их округам <...> поступали как губернаторы под ведением генерал-губернатора»¹⁷.

Наряду с Пермским правлением учреждалось и Московское. Но разница заключалась в том, что из-за отсутствия в его ведении казенных заводов и вследствие «рассеянности» частных предприятий по многим губерниям Центральной России «впредь до рассмотрения и приведения в надлежащую известность всех местных обстоятельств» заводские исправники не назначались, а «заведывание полицией» и судопроизводством «по делам горным» оставалось за земскими судами. Поэтому правление состояло всего из одного – хозяйственного – департамента, а его глава – берг-инспектор – подчинялся непосредственно Горному департаменту, минуя московского генерал-губернатора. Хотя в докладе министра и утверждалось, что проектируемые правила «по сходству предметов» приравнивались и к этим заводам, структура, компетенции и субординация Московского горного правления были особенными. Оно представляло собой несколько иной вариант координации формирующегося отраслевого ведомства с гражданской властью.

Схема 1

Центральный и региональные органы горного управления в России в 1807 г.

Доклад вместе с «Проектом положения для Горного департамента» и «Проектом горного положения для заводов хребта Уральского» (на его статьи в отношении частных заводов опиралось и Московское правление), а также штатами новых административных органов 13 июля 1806 г. были утверждены Александром I. Пермский и вятский генерал-губернатор К.Ф. Модерах открыл Уральское правление 1 апреля 1807 г., в Москве 2 мая то же предпринял берг-инспектор В.Ю. Соймонов¹⁸.

Горный департамент «в свое действие вступил» 16 июля. На следующий день Берг-коллегия «свое присутствие закрыла», сохранив лишь Департамент для решения старых дел, который из-за упомянутых выше перемен в структуре центрального органа закончил свою работу лишь в 1825 г., и был присоединен к Департаменту горных и соляных дел в качестве временного счетного отделения¹⁹.

Московское горное правление

Сопоставление двух вариантов первоначального «штата» Московского горного правления и устранение некоторой несогласованности между ними (происходившей из-за ошибок в публикации 1806 г.) показывают, что он состоял всего из 14 должностных лиц. Это были берг-инспектор, два советника, бухгалтер, секретарь, протоколист, регистратор, архивариус и казначей, а также два маркшейдера в чертежной и три пробирера в «пробирной палатке», предназначенной «для испытания и клеймения золота и серебра». На жалованье чиновникам назначалось 15 450 руб., а канцелярским служителям, количество которых определял сам берг-инспектор (исходя из отведенной на это суммы), и на прочие расходы назначалось 4 тыс. руб. в год. Впоследствии к этой сумме «прибавили» еще 17 282 руб. на содержание воинской команды, пробирной палатки, здания Правления и на дрова «для отопления квартир, занимаемых чиновниками», доведя общий бюджет до 36 732 руб.²⁰

К 1826 г., утверждалось в положении Комитета министров, «производство дел в сем правлении, по сравнению с прежним, увеличилось <...> от учреждения вновь по городам пробирных палаток, от казенного управления по разным случаям частными заводами и от усиления надзора за делом и продажей золотых и серебряных вещей к отвращению в том обмана». В результате количество служащих «соделалось несоразмерным, а некоторым из них понадобилось увеличить оклады жалованья, сколько по соразмерности их трудов, а не менее и в уравнение с исправляющими такие же должности по другим губернским местам». Изменения коснулись бухгалтерии, где появились два помощника бухгалтера, и «пробирной палатки», где сократили одного помощника обер-берг-пробирера; были введены также две новые должности столоначальника. В целом штат увеличился всего до 19 чел., общий бюджет правления — до 45 200 руб. При этом жалованья большинству служащих действительно повысили, доведя общую сумму до 21 950 руб. (рост — 42%)²¹.

В 1839 г. по причине «увеличения дел <...> от частой описи и оценки заводов» возникла необходимость дополнить штат чиновником особых поручений и двумя писцами²². Через пять лет, в 1844 г., вновь потребовалось внести изменения в «штатное расписание», как было кратко объяснено в указе, «по недостаточности изданного в 1826 г. штата». На этот раз перемены оказались более существенными. Количество должностных лиц увеличилось до 30 чел., причем еще 10 – вывели в отдельный штат Московской пробирной палаты, которая, получив в 1840 г. статус главной (наряду с Санкт-Петербургской), все-таки осталась в ведении Московского горного правления²³.

В структуре Правления появились три «отделения» во главе с советниками: искусственное и пробирное, распорядительное и счетное, а также судное. Последнее, видимо, создали вследствие предоставленного Московскому горному правлению еще в 1818 г. права ревизовать решения уездных судов по делам «о преступлениях людей, при частных горных заводах находящихся, какого бы звания они ни были». Хотя «горных членов», участвовавших в судебных заседаниях по этим делам на Урале, здесь не предусматривалось²⁴. Кроме того, Московскому горному правлению были переданы прежде отсутствовавшие у него горно-полицейские функции, что привело к появлению в штате четырех заводских исправников. В пояснении к акту говорилось, что исправников следовало «определять по мере действительной, опытом указанной необходимости». В расширенном штате оказались также новые должности – журналиста, экзекутора, контролера, чертежников, межевщика, чиновника особых поручений. Все это свидетельствовало не только о расширении масштабов работы Правления, его структуризации и специализации профессий, связанных с «горным промыслом», но и о дальнейшем обособлении Правления от полицейской и отчасти судебной губернской власти.

Общий бюджет увеличился тогда до 22913 руб. сер., или 80196 руб. асс. На пробирную палату дополнительно выделялись 3844 руб. сер., или 13454 руб. асс. При этом вновь было повышено жалование служащих, и впервые их должности «привязали» к «классам и разрядам» по Табелю о рангах. Так, берг-инспектор (его жалование выросло со времени первых штатов с 3 тыс. руб. асс. почти до 4,9 тыс. и дополнительно ему полагалась равнозначная сумма «на стол») должен был иметь чин статского советника (V класс), а советники Правления (их содержание с 1000–1200 руб. выросло до 1960 руб. и дополнительно полагалось около 1,5 тыс. руб. «столовых») – чин коллежского советника, или полковника (VI класс). Заводским исправником мог быть назначен титулярный советник, или капитан (IX класс) с окладом в 980 руб. асс. Расходы на «письмоводство», командировки и содержание зданий по новым штатам тоже выросли до 32690 руб., но их доля в общем бюджете сократилась до 41% (прежде она превышала половину бюджета)²⁵. В 1853 г. в связи с изменением штатов по Министерству финансов сократили одну должность – межевщика с окладом 735 руб. асс.²⁶ Таким образом, со времени основания штат Московского горного правления увеличился почти втрое, а расходы на его содержание возросли в пять раз.

Пермское (Уральское) горное правление

Несравнимо большим изначально предполагалось создать Пермское горное правление, расположенное в главном металлургическом регионе страны. По штату 1806 г. оно состояло из 77 должностных лиц, включая берг-инспектора, 13 служащих в первом департаменте и пять — во втором; семь чел. работали в чертежной и двое — в «пробирной палатке». Кроме того, имелись должности — казначея и архивариуса, доктора, или штаб-лекаря, архитектора и механика, а также шести их помощников и учеников. Заводскую полицию представляли 15 исправников и 15 письмоводителей; восемь «горных членов» заседали в уездных судах. Годовой бюджет составлял 58 тыс. руб. (вскоре к этой сумме добавили еще 13,4 тыс. руб., доведя бюджет до 71,4 тыс. руб.)²⁷.

Дальнейшие преобразования этого регионального органа не ограничились лишь количественными изменениями и затронули его основу, заложенную реформаторами в начале века. Они пытались на Урале непротиворечиво совместить губернскую и отраслевую формы управления, рассчитывая в течение пяти лет проверить на практике действие предложенного ими «Проекта горного положения 1806 г.». Реформаторы полагали: «Опыт докажет на самом деле, полезно ли будет оставить сие Положение во всех частях неизменным на будущее время, или сделать некоторые перемены, прибавить вновь нужные законоположения, уничтожить некоторые из прежних, сообразно времени, обстоятельствам заводов, требованию металлов <...> и многим другим учреждениям по общему государственному законоположению. В подобных делах опыт есть всегда наилучшее средство приводить оные к возможному совершенству»²⁸.

Не пять, а 20 лет потребовалось, чтобы внести коррективы в предложенную модель уральского горного управления. После отставки пермского и вятского генерал-губернатора К.Ф. Модераха в 1811 г. эта высшая в региональной горной и гражданской администрации должность оставалась вакантной, и вскоре была упразднена. Пермское горное правление осталось без своего высшего руководителя, «имевшего главный надзор и наблюдение за делами горными и гражданскими». В его отсутствие главой правления был берг-инспектор, но его статус, равный горным начальникам, позволял ему лишь контролировать их деятельность без решающего влияния на дела казенных заводов.

Для решения этой проблемы и других накопившихся вопросов в конце 1824 г. при Министерстве финансов был создан «Комитет об устройстве казенных горных заводов» («из опытных горных чиновников») под председательством управляющего Департамента горных и соляных дел Е.В. Карнеева²⁹.

Сам министр финансов Е.Ф. Канкрин, а также члены комитета, видимо, и предложили преобразования, последовавшие в 1826 г.³⁰ «В виде временной меры» тогда учредили новую должность — главного начальника горных заводов хребта Уральского «из военных генералов» и издали «Наставление». В соответствии с ним главному начальнику предписывалось «не отвлекаясь другими, особенно гражданскими, делами и находясь почасту лично на самих заводах <...> приведших в лучшее устройство», а также «сохранить единство

в управлении заводами и иметь необходимый ближайший местный надзор по всем частям горного устройства впредь до окончательного пересмотра Проекта горного положения». Для решения этих задач он хотя и объявлялся «главным командиром и <...> директором Пермского горного правления по обоим департаментам», но при этом сохранял относительно независимый надзорный статус, подобный положению упраздненного генерал-губернатора. Берг-инспектор стал вице-директором и помощником главного начальника, «особливо по искусственной и судной части»³¹.

Это нововведение придало вид вполне независимой региональной власти (отделенной от гражданской) горному управлению, замкнув его ведомственную «вертикаль»: у горного начальства на Урале вместо генерал-губернатора появился «собственный» генерал, непосредственно подчинявшийся министру финансов.

В следующем году утвердили новый штат Пермского горного правления, учитывавший произошедшие изменения. В соответствии с ним, до 32 увеличилось количество служащих двух департаментов за счет введения новых должностей – советников, чиновников для разных поручений и контролеров по казенным округам. Остались должности архитектора и механика, но количество их помощников и учеников не было зафиксировано, как в прежних штатах; за штат вывели и служащих пробирной палаты. Количество заводских исправников осталось прежним, хотя уже тогда «был в виду их недостаток». «Вместо увеличения числа их» было признано «полезнейшим» прибавить двух советников и четырех чиновников по особым поручениям «для посылки на следствия и для других подобных надобностей». Общее количество служащих возросло до 83, а сумма их содержания – до 112 тыс. руб.

В штате 1827 г. впервые указывались «класные требования» к должностям. Так, вице-директор, или берг-инспектор, должен был иметь чин IV класса (действительный статский советник), старшие советники правления – VI, советники – VII и VIII классов. Жалованье берг-инспектора за 20 прошедших лет не изменилось и составило 3 тыс. руб. (но дополнительно ему полагалась такая же сумма «на стол»). Жалованье старшего советника выросло с 1 500 до 2 400 руб., советников – с 1 000–1 200 до 1 500–1 800 руб. Должность заводского исправника соответствовала XII классу (губернский секретарь, или поручик), а жалованье возросло с 400 до 750 руб.³²

Введение должности главного начальника сопровождалось учреждением при нем канцелярии, имевшей отдельный штат. Новому руководителю назначалось жалованье в 6 тыс. руб. и 4 тыс. руб. дополнительно предоставлялись «на разъезды и чрезвычайные расходы». «Сверх того» ему давалась «казенная квартира с отоплением и освещением на счет горных сумм и денщики по положению». Расходы на канцелярию – семь служащих – составляли 9 тыс. руб.³³

В 1827–1829 гг. комитет подготовил и временные штаты для шести казенных горнозаводских округов (Пермского, Камско-Воткинского, Екатеринбургского, Гороблагодатского, Златоустовского и Богословского) во главе с горными начальниками, подчинявшимися главному начальнику. Центром местного – окружного – управления становилась Главная контора с общим присутствием, канцелярией и несколькими «столами» или «отделениями», за-

ведовавшими разными отраслями окружного хозяйства. Ей были подчинены небольшие «частные» конторы, организованные на отдельных предприятиях округа³⁴.

Недостаток заводских исправников заставил первого главного начальника А.А. Богуславского уже в 1829 г. просить об усилении заводской полиции и, в частности, увеличении должностей исправников до 22-х в соответствии с количеством частных горнозаводских округов на Урале. Предлагалось также ввести в штат 33 их помощника, 55 письмоводителей и 273 солдата, увеличив расход по Горному правлению еще на 50 тыс. руб.

Однако «Комитет об устройстве заводов» счел, что такое крупное усиление заводской полиции «едва ли принесет ожидаемую пользу, а наверно умножит, распространит и, может быть, еще более запутает делопроизводство, чего по возможности избегать должно». Учли также трудности комплектования такого расширенного штата «достойных чиновников». «Сверх того, — предположили члены комитета, — нельзя быть уверенными, чтобы и самые права частных заводчиков при сем не были нарушены». В то же время, приняв во внимание, «что обстоятельства заводов действительно изменились, и что в особенности золотые промыслы несравненно умножили против прежнего труды и занятия по надзору и наблюдению за оными», решили все-таки увеличить с 15 до 22 количество заводских исправников и письмоводителей³⁵.

Еще в наставлении главному начальнику предложили «рассмотреть, где признает он удобнейшим к лучшему за горными заводами надзору учредить постоянное пребывание как для себя, так и для Горного правления». В 1830 г. это решение было принято: император утвердил перенос Пермского правления в Екатеринбург. На переезд и «обзаведение» выделили 17,5 тыс. руб.³⁶ В связи с этим в следующем году правление переименовали в Уральское³⁷.

С этого времени горный город Екатеринбург стал центром регионального отраслевого управления. В 1851 г. главному начальнику была полностью подчинена и городская власть³⁸. Не только в Екатеринбурге, но и в других казенных заводских поселках содержание объектов социальной инфраструктуры (церквей, школ, богаделен и проч.) оставалось заботой горного начальства.

Однако «постановления о горных городах», включенные в «Проект горного положения 1806 г.», «не привились к жизни», несмотря на то, что эти постановления сохранялись во всех трех изданиях «Свода законов Российской империи» первой половины XIX в. В 1838 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин сообщал, что, кроме Екатеринбурга, «заводские поселения еще не переименованы в города, как по Проекту горного положения следовало»³⁹. Лишь в 1850 г. Дедюхин в Соликамском уезде Пермской губ. также был назван «горным», когда после пожара император утвердил его новый план⁴⁰. Вероятно, это произошло потому, что там располагалось Дедюхинское соляное правление, распространявшее свою власть не только на одноименный казенный солеваренный завод, но и на все соляные промыслы Пермской губ.

Остальные многочисленные «заводские поселки» (поселения вокруг завода) и «заводские деревни» (поселения без завода, но с обслуживавшим заводы населением) сохранили прежний статус «заводских селений». Ему более соответствовало подневольное положение горнозаводского населения как

казенных, так и частных округов. Неудача горной реформы в этом аспекте, тем не менее, не помешала горному начальству распространить свою власть на эти «селения» и фактически создать на Урале, как выражались современники, «полный строй отдельного управления», параллельный губернскому, во главе с главным начальником, заместившим «по горным делам» генерал-губернатора.

Структуризация Уральского горного правления была осуществлена в 1833 г., когда издали «Инструкцию о порядке производства дел по первому департаменту»⁴¹. В примечании к ней упоминалось, «производство дел» в правлении осуществлялось еще на основании «Генерального регламента 1720 г.». Это было удобно для второго департамента – судебного, но не для первого – хозяйственного, или распорядительного, поскольку этот порядок задерживал «скорое течение дел» и увеличивал «письмоводство».

Инструкция была подготовлена в самом Горном правлении под руководством главного начальника А.И. Дитерихса, ориентировалась на подобный же документ для казенных палат и, таким образом, унифицировала делопроизводство «по горным делам». Представляя инструкцию, министр финансов предлагал применить ее «по возможности к производству дел» и в Московском горном правлении, в котором действовал тот же «коллегиальный порядок». Этот порядок проявился в деятельности «общего присутствия» Правления, состоявшего из советников для совместного решения важных дел. Нововведением было создание пяти «отделений» первого департамента во главе с этими советниками, отвечавшими за отдельные участки работы. Был регламентирован и распорядок работы учреждения: служащие собирались в отделениях «в девятом часу утра», советники «занимались в оных до половины двенадцатого часа», когда начиналось общее присутствие, продолжавшееся до двух часов, «а по мере надобности и доле». Берг-инспектор прибывал «в девятом часу <...> для рассмотрения вступивших бумаг и принятия докладов советников». «В случае запусения дел или многого оных вдруг поступления», чиновники собирались «и для вечерних присутствий», а для «особенно нужных дел» созывались «экстренные вечерние заседания»⁴². Уточнялось, что в структуре государственной иерархии первому департаменту «присваивалась власть, должность и обязанность» губернского правления, а второй департамент действовал как палата гражданского и уголовного суда.

Штат обновленного «Главного управления уральских заводов», соответствовавший его новой структуре, был утвержден лишь через пять лет, в 1838 г., уже при знаменитом главном начальнике – В.А. Глинке⁴³.

Управление состояло из главного начальника с канцелярией (19 чел.) и собственно Уральского горного правления, в подразделениях которого (в том числе, в первом департаменте – 115, во втором – 20 чел.) были задействованы всего 251 чел., включая 86 писцов, количество которых в прежних штатах не указывалось. Появились новые должности – прокурора (с 1830 г.) и главного лесничего, что было связано с передачей «приграниченных» к казенным заводам лесов в ведение горного начальства «без участия губернского лесного управления»⁴⁴. Состав чертежной увеличился с 7 до 21 чел., включая землемеров и межешчиков. Комиссия военного суда из восьми чел., видимо,

вошла в состав правления после создания в стране Корпуса горных инженеров в 1834 г.⁴⁵, как бы отделившего отраслевых чиновников от гражданского ведомства и придавшего горной службе военизированный вид, что было характерно для того времени. В новых штатах сохранилось прежнее количество заводских исправников (22) с письмоводителями и «горных членов» (8) в уездных судах. Общий годовой бюджет «главного управления» увеличился до 254 340 руб.

По новым штатам берг-инспектору, помимо жалованья и «столовых», прибавили еще 1,5 тыс. руб. «квартирных», подняли «класные» требования к советникам (теперь они должны были иметь только чины VI и VII классов) и увеличили им жалованье до 2,5–3,5 тыс. руб. В связи с повышением требований и к заводским исправникам (теперь, как и в Московском правлении, эта должность соответствовала IX классу) им подняли жалованье до 1 тыс. руб. Писцам «из нижних горных чинов» трех разрядов назначалось от 180 до 300 руб.⁴⁶ В 1842 г. ввели должность окружного ревизора – «для ближайшего наблюдения» за частными золотыми промыслами в Оренбургской губ. Его содержание (вместе с «канцелярией» и деньгами «на разъезды») составляло 1 тыс. руб. сер. или 3,5 тыс. руб. асс.⁴⁷

В 1847 г. в связи с введением новых штатов для казенных заводов были скорректированы «по указаниям опыта» и штаты «Главного управления уральских горных заводов». Состав действовавших подразделений управления остался прежним, за несколькими небольшими дополнениями: в первый департамент включили горного ревизора с помощником, а в помощь «горным членам» уездных судов были приданы восемь писарей. В штаты вошли также вновь образованные типография (5 чел.), химическая лаборатория (10 чел.) и 6 штатных сотрудников Уральского горного училища, которое предполагалось организовать на основе Екатеринбургской горной школы (училище было открыто в 1853 г.).

Вместе с канцелярией главного начальника общий штат служащих составил 279 чел. (включая 137 урядников, или низших служащих, 97 исполнявших обязанности писарей, 10 межевщиков, 4 подлесничих и 4 уставщиков, 3≈переплетчика, 10 чертежников, 2 наборщика в типографии и 4 пробирщика в химической лаборатории). На их содержание выделялось 115 124 руб. сер. или 402 934 руб. асс. При этом жалованье уральского берг-инспектора осталось прежним, но его статус был понижен до V класса (как в Московском правлении). Без изменений остались требования к советникам и заводским исправникам. Несколько повысили жалованья низшим служащим – урядникам 1–3≈статьи (от 189 до 315 руб. асс.)⁴⁸.

В 1853 г. Правление дополнили «особым столом для производства дел, относящихся до частной золотопромышленности» в составе пяти служащих с «содержанием» 863 руб. сер. или 3022 руб. асс. в год. Оно было отнесено «на счет подати, взимаемой с золотопромышленников Оренбургской и Березовского округа Тобольской губернии»⁴⁹. Со времени основания штат «Уральского горного правления» увеличился, таким образом, почти в четыре раза (без писцов, которые не учитывались в первоначальных штатах) и в семь раз возросли расходы на его содержание.

Управление Олонецкими и Луганским заводами

В горном ведомстве состояли еще Луганский и Олонецкие казенные заводы. Они вместе с объединенными с ними Санкт-Петербургским и Кронштадтским литейными заводами были после кончины в 1806 г. директора К. Гаскойна «оставлены в казенном управлении», которое осуществляло местное заводское правление⁵⁰.

В 1824 г. Санкт-Петербургский завод, располагавшийся по Петергофской дороге, «весьма много пострадал» от наводнения. Его предложено было закрыть и построить новый завод «в другом удобнейшем месте» по Шлиссельбургской дороге на берегу Невы. Кронштадтский завод Николай I намеревался передать морскому ведомству. В 1827 г. оба предприятия отделили от Олонецкого округа, оставленного «впредь до преобразования <...> в настоящем положении»⁵¹.

Изменения произошли через 12 лет, когда в 1839 г. был утвержден штат управления Олонецких горных заводов, к тому времени, по-видимому, еще не сложившихся в органичную производственную структуру. Поэтому он предусматривал организацию не просто учреждения местного уровня, подобного шести действующим на Урале главным конторам казенных округов, а регионального органа, равнозначного по статусу Уральскому и Московскому правлениям с той разницей, что его руководителем становился окружной горный начальник с небольшой личной канцелярией (4 чел.).

Само Правление состояло из присутствия (4 чел.), канцелярии (11), горнозаводского (8) и счетного (9) отделений, отделения по управлению заводскими крестьянами (15), военного суда (2), чертежной, музея, лаборатории и заводской школы. Также оно включало смотрителей рудников, механика, лесничего, землемера, межевщиков, доктора и горных приставов «для присутствия в гражданских присутственных местах по делам заводским». Всего в штат вошло 81 должностное лицо, в том числе 32 писца «из горных нижних чинов». Ежегодные расходы на содержание Правления составляли 20 023 руб. сер. или 70 081 руб. асс. Руководитель нового учреждения в должности горного начальника (его чин не был указан) получал повышенное жалованье в 3 тыс. руб. и 3,5 тыс. руб. «столовых». (Для сравнения: по близким по времени издания штатам Пермских заводов 1827 г., их горный начальник – берг-гауптман VI класса – получал 2,4 тыс. руб. жалованья и 1,6 тыс. руб. «столовых»; по штатам 1847 г. уральский горный начальник в чине инженер-полковника – уже по 3 150 руб. соответственно⁵².) Жалованье каждого из трех советников Олонецкого правления (чиновники VII класса) составляло 2,1 тыс. руб., каждого из пяти столоначальников (XII класс) – 798 руб., каждого из 27 писцов «из горных нижних чинов» и шести чертежников – 221 руб. асс.⁵³

Одновременно были утверждены штаты служащих двух подведомственных заводов – Александровского пушечного (55 чел.) и Кончезерского чугуноплавильного (9 чел.), к которым в 1856 г. добавилось еще Управление Суоярвским именем (в Финляндии), включавшее заводскую и вотчинную конторы (23 чел.). На содержание заводских контор выделялось 22 955 руб.⁵⁴ В отличие от Уральского, Олонецкое горное правление не распространяло свою власть

на частный «горный промысел» в Олонекской и Архангельской губерниях. Промышленники должны были обращаться за разрешением на отвод напрямую в Департамент горных и соляных дел.

Решения по Луганскому заводу были приняты в 1828 г., когда Комитет об устройстве казенных горных заводов, рассмотрев предложения командированного туда обер-берг-гауптмана Е.П. Ковалевского и опираясь на высочайшее повеление «сделать проект нового устройства» для этого вполне перспективного казенного предприятия, предложил «примерный временный штат» завода. «На первый случай» ему назначалось «заниматься преимущественно отливкою из уральского чугуна снарядов для черноморского Адмиралтейства и изделий для частной промышленности», организовать разведку руд Донецкого края и «стараться усовершенствовать <...> проплавку посредством каменного угля железных руд, дабы иметь собственный свой чугун», для чего Луганский завод и был учрежден в 1796 г.⁵⁵

Созданная Главная контора по своей структуре напоминала окружные уральские органы, но подчинялась непосредственно Департаменту горных и соляных дел. Присутствие состояло из пяти членов во главе с горным начальником (обер-берг-гауптман V класса, с 3 тыс. руб. жалованья и 3 тыс. руб. «столовых»), канцелярии и семи «столов» — распорядительного, экономического, заводского и лесного, рудничного, полицейского и военно-судного, бухгалтерского, контрольного. Присутствие включало 51 штатную должность с содержанием 22050 руб. В штате завода был еще 91 служащий — на них «с канцелярскими припасами, с провиантом для канцелярских чинов» тратили 32462 руб.⁵⁶

Организация горного управления на Кавказе, в Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском

Последние два «отделения», или перспективные горные регионы, упомянутые в 1806 г. в докладе министра финансов А.И. Васильева — кавказский и польский, получили впоследствии собственные органы отраслевого управления, поскольку эти территории имели в границах Российской империи особый административный статус.

Еще в 1785 г., когда была образована Кавказская губ., генерал-губернатор Г.А. Потемкин получил предписание — «освидетельствовать» через «людей искусных в горной части <...> какие в горах Кавказских имеются металлы, или минералы, предостерегая всякое из того беспокойство или притеснение»⁵⁷.

В 1801 г. после присоединения Грузии член Берг-коллегии граф А.А. Мусин-Пушкин предложил меры к «учреждению» там горного производства и возглавил Экспедицию для устройства горного производства на Кавказе, в которой должно было участвовать 84 чел.⁵⁸ Скорее всего, именно ее незавершенную работу имел в виду министр, когда написал в своем докладе, что кавказские заводы «еще не были приведены в известность».

Условия для создания регионального органа отраслевого управления сложились там к 1816 г., когда «для управления горным производством и минеральными промыслами» при действовавшем тогда Верховном грузинском

правительстве была создана Горная экспедиция во главе с горным начальником. В нее вошли также маркшейдер, берг-пробирер, секретарь, переводчик, два столоначальника и «нужное число писцов». «Дабы иметь надлежащую удобность в отправлении дел между промышленниками разных азиатских народов Грузинского края», в состав экспедиции включили советника «из почетных грузин или армян». В Алавердском медеплавильном заводе разместилось горное казначейство под управлением берг-пробирера с переводчиком, двумя счетчиками и писарями. Новый административный орган должен был «употреблять все средства к распространению горного промысла» и «сверх горных и минеральных промыслов в Грузии» имел влияние «на окружные присоединенные к ней области и земли от Персии, равно на Имеретию и на прочие места, в том краю к России присоединенные». Кроме «грузинского правительства» он «делал представления» в Департамент горных и соляных дел в Санкт-Петербурге и расходовал в год 9,5 тыс. руб.⁵⁹

Однако в 1832 г. после сенаторской ревизии деятельность Горной экспедиции была признана бесполезной «по ограниченности горного производства в Грузии». Тем не менее «для исследования недр земных и в особенности золотоносных россыпей <...> и для производства дел вообще по горной части» министр финансов Е.Ф. Канкрин предложил вместо Экспедиции все-таки «образовать особое учреждение с меньшими издержками и иметь постоянно в том крае горных офицеров». Статус «горного органа» понизили до «отделения» при Казенной экспедиции. В его штат вошли советник, ассессор, два столоначальника и шесть канцелярских служителей, на содержание которых отводилось 3350 руб. К отделению «присовокупили» еще четырех «партейских чиновников» для геологической разведки с общим содержанием 1800 руб. в год. Тогда же «с прекращением деятельности тамошних серебряных заводов и горных разработок и по маловажности скупа серебра у частных людей» вместо Тифлисского монетного двора, учрежденного еще А.А. Мусиным-Пушкиным, создали «пробирную палатку»⁶⁰.

Следующее преобразование было связано с созданием Кавказского наместничества. В 1846 г. при Канцелярии наместника открыли Отделение по части сельского хозяйства и горного производства. В него вошли 14 чел., включая всего двух «партейских чиновников»⁶¹. В 1852 г. после введения в регионе «Правил производства частными лицами золотого промысла» надзор за их исполнением поручили новому должностному лицу – управляющему горной частью на Кавказе и за Кавказом, состоявшему при той же Канцелярии⁶².

Наконец, в 1856 г. Канцелярия кавказского наместника была преобразована в Главное управление и «все делопроизводство по управлению горной частью» сосредоточилось в «горном столе», вошедшем в состав Финансового департамента. Однако, «признавая неудобным дальнейшее существование такого порядка делопроизводства по горной части и находя необходимым отделить от Финансового департамента переписку, относящуюся собственно к ведению управляющего горной частью на Кавказе и для того преподать ему особые средства», наместник князь А.И. Барятинский в 1859 г. утвердил штат нового учреждения. Им стала Особая канцелярия управляющего горной частью – «в виде опыта» на два года. В нее вошли правитель дел, два помощника

управляющего и два «партейских чиновника» с общим содержанием 6040 руб. сер. или 21 149 руб. асс.⁶³ Когда в 1853 г. казна основала в Терской области Алагирский серебряноцинковый завод, он поступил в непосредственное заведование местного управляющего горной частью.

Прослеженные перемены в организации горного управления на Кавказе и в Закавказье, показывают, как с течением времени убывала надежда на динамичное развитие там «горного промысла», в результате чего понижался статус «горного органа» и вдвое сократился его штат, хотя расходы выросли более чем в два раза.

Не менее сложной оказалась и история формирования горного управления в польских землях, «обильно одаренных от природы подземными богатствами». Особенное внимание им было уделено после присоединения Царства Польского в 1815 г., получившего автономный статус в составе Российской империи. Для возобновления находившегося в упадке «горного промысла» государство озаботилось возведением там металлургических заводов и установило правила, которые должны были способствовать развитию частного предпринимательства⁶⁴. Как сообщал инженер А.И. Антипов, одно время возглавлявший местное горное управление, первоначально оно в Царстве было вверено особой Дирекции при Правительственной комиссии внутренних дел, затем, в 1825 г., «в видах распространения горных заводов и извлечения из них большей пользы, для чего требовались значительные издержки», «горная часть» была присоединена к Правительственной комиссии финансов. Это привело к тому, что «преобразования ускорились <...> вводились разные улучшения, но без должной бережливости в суммах», занимавшихся в Польском банке. В результате горное управление «не только не смогло уплатить своих долгов, но и лишилось возможности содержать себя из собственных доходов, так что казна <...> вынуждена была ежегодно выдавать на содержание ведомства по 60 тыс. руб. сер.».

В 1833 г. за долги горное хозяйство передали Польскому банку, который за десятилетие своего управления «сделал огромные и притом совершенно бесполезные расходы» и только увеличил долги. В 1843 г. управление возвратили Правительственной комиссии финансов, формально автономной от имперского Министерства финансов⁶⁵. В ее структуре горное ведомство было представлено Департаментом, располагавшимся в Варшаве. На территории Царства, где действовали казенные заводы, образовали два горно-административных (управленческих) округа — Западный (с центром в Домброве-Гурничей) и Восточный (с центром в Сухедневе), имевших горные правления с начальниками во главе⁶⁶.

Еще одна автономная часть империи — Великое княжество Финляндское — тоже получило собственную организацию горного начальства. В соответствии с изданным в 1858 г. Уставом, Горному управлению вверялось попечение о горнозаводской промышленности в Финляндии. Территорию княжества тогда разделили на два округа — Северный и Южный — во главе с бергмейстерами, имевшими надзорные функции. Самостоятельность этого органа определялась тем, что его начальник — интендант — назначался Хозяйственным департаментом финляндского Сената и не подчинялся Департаменту горных и соляных дел в Санкт-Петербурге⁶⁷.

Горное управление в Сибири и Земле Войска Донского

Когда в начале XIX в. министр финансов А.И. Васильев информировал императора о подготовке реформы горного управления, он совсем не упомянул о заводах, расположенных в Сибири. Это объясняется тем, что Колывано-Воскресенские (с 1834 г. – Алтайские) и Нерчинские заводы состояли тогда в ведении императорского Кабинета, поскольку находились «в частной собственности Государя императора»⁶⁸. Правда, в 1830 г. Николай I «признал нужным» передать их «в ведомство министра финансов <...> по части Департамента горных и соляных дел»⁶⁹. Предполагалось на Колывано-Воскресенские заводы распространить «устройство» уральских заводов с учетом действовавшего в Сибири с 1828 г. Учреждения об управлении.

В соответствии с этим актом в Барнауле работало Горное правление, которому подчинялись восемь контор на заводах и рудниках⁷⁰. При этом связь горной и губернской властей, фактически утраченная на Урале после назначения главного начальника, здесь отчасти сохранялась. Горный начальник Колывано-Воскресенских заводов по своему статусу и полномочиям «сравнивался» с горными начальниками уральских заводов, а томский гражданский губернатор «в виде главного начальника» осуществлял «высшее наблюдение и распоряжение». (Это совмещение двух должностей отменили только в 1863 г., вследствие «изъятия» населения «из ведомства горного начальства» и подчинения его «общему гражданскому управлению».)⁷¹

В 1849 г. были введены новые штаты «главного управления Алтайских горных заводов», руководителем которого считался главный начальник «из горных инженер-генерал-майоров» (одновременно он был и томским губернатором) с личной канцелярией (8 чел.). Входившее в структуру этого управления Алтайское горное правление в составе 182 высших и низших служащих по-прежнему возглавлял горный начальник.

При военных судах, в чертежной и лаборатории, во врачебной части, в окружном училище, церквях, богадельне, лесной страже и полиции, тоже относившихся к «главному управлению», числились еще 656 чел. Годовое содержание управления составляло 143 724 руб. сер. или 503 034 руб. асс., и было самым значительным из тех, что имели действовавшие при Министерстве финансов региональные горные учреждения⁷².

После передачи Нерчинских заводов в горное ведомство они «по отдаленности» остались «в главном местном управлении <...> на ответственности генерал-губернатора Восточной Сибири», который действовал «на правилах, преподанных главному начальнику горных заводов Хребта Уральского». Однако «в свое время» предполагалось и их администрацию «привести также в возможное единообразие с уральской»⁷³. Это случилось в 1838 г., когда Нерчинская горная экспедиция была переименована в Горное правление, а ее члены – в советники⁷⁴. Штаты нового органа составили, но так и не утвердили до возвращения заводов Кабинету (в 1855 г.).

По составленным в том году «Правилам о передаче Алтайских и Нерчинских заводов» «в прежней от Министерства финансов зависимости» в Алтай-

ском горном правлении осталось лишь Отделение золотых промыслов во главе с горным ревизором для надзора за динамично развивавшейся в Западной Сибири частной золотопромышленностью⁷⁵. В Восточной Сибири частный «горный промысел» по-прежнему курировал генерал-губернатор. Еще в 1842 г. в составе действовавшего при канцелярии генерал-губернатора Горного отделения, которое первоначально было учреждено «только для одних дел по казенным Нерчинским горным и Сибирским солеваренным заводам», организовали «особый временный стол, года на три, для производства дел собственно по частной золотопромышленности» в составе столоначальника, его помощника и трех писцов⁷⁶. Когда в 1845 г. намеченный срок истек, действие стола продлили, увеличив его штат⁷⁷.

В соответствии с принятыми в 1856 г. новыми штатами Главного управления Восточной Сибири его Горное отделение включило управляющего, трех столоначальников и их помощников, контролера с помощником, маркшейдера, журналиста и двух чиновников особых поручений с общим содержанием 13 327 руб. Из них большая часть «обращалась» в счет получаемой подати за золото⁷⁸.

В 1853 г. после постройки в Нижнеудинском округе казенного Николаевского завода «для снабжения жителей Иркутской и частью Енисейской губерний железом, чугунами и железными изделиями», там было организовано учреждение окружного уровня. «Состоя под высшим управлением министра финансов», оно «по отдаленности» завода было поручено «главному местному начальству» того же генерал-губернатора Восточной Сибири. Управляющий завода действовал «на правах горных начальников» «по правилам, изложенным в Горном уставе и по предписаниям генерал-губернатора»⁷⁹. Это положение сохранялось до 1864 г., когда Николаевский завод был признан нерентабельным и продан с торгов иркутскому купцу Н.К. Трапезникову.

Последним дореформенным актом в становлении горного управления в России стало учреждение особого горного органа в Земле Войска Донского – территории, находившейся в ведении Военного министерства. Именно оно в 1864 г. инициировало принятие «Положения о горном промысле в Земле Войска Донского», где в то время начались разработки каменного угля и антрацита. Под надзором наказного атамана создавалось Управление горной частью в Новочеркасске во главе с инженер-инспектором. Кроме него, в штат вошли еще пять его помощников, правитель канцелярии, смотритель минералогического музея и 10 горных учеников «для образования штейгеров». На их содержание отводилось 11 650 руб., включая 700 руб. на наем писарей и канцелярские расходы. Хотя инспектор и его помощники назначались из числа горных инженеров, Управление состояло не в горном ведомстве, а оставалось под началом Военного министерства⁸⁰.

* * *

Таким образом, горная реформа начала XIX в. реализовалась в своей административной части в создании центрального органа отраслевого управления – Департамента горных и соляных дел Министерства финансов – и трех региональных горных правлений – Пермского (затем Уральского), Москов-

ского и Олонецкого. Еще два подобных органа – Алтайское и Нерчинское горные правления – появились в этой структуре во время 25-летнего министерского управления императорскими заводами, но с 1855 г. они окончательно перешли в ведение Кабинета.

Управления Луганского и Николаевского заводов соответствовали местному, или окружному уровню, как и управления семи (в 1865 г. во владение казны ненадолго перешел еще Кирсинский, или Вятский, округ Д.Е. Бенардаки) уральских казенных горнозаводских округов. Заводские исправники, входившие в штат двух региональных органов, осуществляли горно-полицейский надзор над частными горнозаводскими округами, управления которых подчинялись своим владельцам.

Схема 2

Центральный и региональные органы горного управления в России в 1861 г.

Структура региональных органов со временем унифицировалась, хотя каждый из них отличался по своим количественным параметрам, зависящим от масштаба подведомственного региона, а также функционально: Уральский «заведовал» казенными и частными предприятиями, Московский – только частными, Олонецкий – только казенными. Рост количества служащих, особенно низших (и включение их в последние по времени издания штаты), были следствием не только специализации функций, но и усиления регламентации и бюрократизации управления в связи с приданием горному ведомству в 1834 г. военизированного характера. В соответствии со штатами региональных органов общее количество служащих достигало перед новой реформой 276 чел. (с учетом писцов – только в Уральском и Олонецком горных правлениях их было 129–405 чел.). На их содержание расходовалось в год около 569 тыс. руб. асс. или 162,5 тыс. руб. сер.

Почти шестикратное увеличение расходов на региональные отделения горного ведомства с 1807 г. было вызвано как трехкратным увеличением штатов (включая и создание одного нового правления), так и ростом жалованья служащих (оплата равнозначных должностей различалась по всем правлениям, и ее рост тоже был не одинаковым) и хозяйственных расходов (в полтора раза).

На Кавказе, Земле Войска Донского, в Западной и Восточной Сибири действовали особые горные учреждения, подчинявшиеся местному наместническому, военному или кабинетскому начальству. Независимые органы горного

управления имели автономные области империи – Царство Польское и Великое княжество Финляндское.

В 1832 г. произошел запланированный 26 лет назад пересмотр первого отечественного «Кодекса горного законодательства»: в седьмой том изданного тогда «Свода законов Российской империи» вошел «Горный устав». Он заменил «Проект Горного положения», который напрямую относился лишь к уральскими заводам.

Это был новый кодекс, имевший собственную структуру и вобравший в себя как многие положения проекта, так и законы, вышедшие после 1806 г.⁸¹ В Уставе «Учреждение горного уральского местного управления» составило всего лишь один из разделов (хотя и самый крупный), что свидетельствует об общероссийском значении этого кодекса. Другие его части относились к Алтайским и Нерчинским заводам, «горным промыслам» в Сибири, заводам замосковным, Олонецким, Луганскому и кавказским, где действовали особые органы отраслевого управления. В остальных перспективных для горного промысла регионах империи способствовать ему должны были местные органы гражданской или военной власти, в поддержку которым в случае необходимости министр финансов направлял горных специалистов. В 1842 г. и 1857 г. Устав переиздавался вместе со всем «Сводом законов», но структурно не пересматривался, а подвергался лишь редактированию, вбирая в себя в виде статей или примечаний к ним новые законоположения, вышедшие в истекший период.

Проекты горной реформы 1860-х гг. и первые преобразования

В представленном виде управление горнозаводской промышленностью подошло к новой реформе, которая была призвана адаптировать существующие порядки к новым социальным и экономическим условиям, возникшим после отмены крепостного права⁸². В 1861–1866 гг. разработкой проекта реформы занималась Комиссия по пересмотру «Горного устава» (кратко ее называли Горной комиссией), состоявшая из высших чинов Горного департамента (В.Е. Самарский-Быховец, В.К. Рашет, Ф.И. Рассели, Л.А. Соколовский, Н.И. Михайлов и др.). Предложенные ими преобразования затрагивали все «отделы» отраслевого управления, включая и устройство региональных органов.

Как и у реформаторов начала XIX в., базовой установкой членов Горной комиссии оставалось представление о том, что «своеобразные условия горного промысла» ставят его «в исключительное против других отраслей промышленности положение». Это, в свою очередь, определяло необходимость сохранять отдельное управление и его «сосредоточение» в ведении одного министерства и под руководством Горного департамента. (В 1863 г. в связи с временным переводом «соляной части» в другое ведомство Департамент горных и соляных дел переименовали в Горный департамент.)⁸³

Вместе с тем военный характер, социальные, судебные и полицейские функции, а также структура отраслевого управления, сложившаяся ко времени реформы, должны были измениться как «в видах большего единства администрации и экономии», так и в связи с переводом горнозаводского насе-

ления «под общее гражданское управление». «С уничтожением крепостного состояния, отношения горной администрации к горнозаводскому населению значительно изменились, — констатировали члены комиссии, — и на обязанность горной администрации остались только распоряжения по искусственной и хозяйственной части казенного горного промысла и наблюдение за частной горной промышленностью». Специализация управления должна была повести за собой и реформирование горного надзора, на местах осуществлявшегося исправниками, которые «выбирались исключительно из гражданских чиновников, недостаточно знакомых с искусственной частью горнозаводского производства». «Недостаточность заводских исправников для принесения существенной пользы горному делу по не специальности их в оном давно уже сознана на практике», — отметили члены комиссии, предложив заменить их образованными горными специалистами. Для удобства наблюдения предлагалось разделить «местности частной деятельности» на горно-административные округа, поставив во главе их подготовленных для этой работы горных инженеров. В качестве опыта в 1862 г. два таких инженера уже приступили к надзору над замосковскими заводами⁸⁴.

Эти намерения закономерно должны были привести к изменениям как на центральном уровне горного управления, так и на региональном, где следовало упразднить многочисленные судебные и полицейские должности в Уральском и Олонецком горных правлениях, а также ликвидировать Московское правление, заведовавшее лишь частными предприятиями. Не дожидаясь окончания работы подготовительной комиссии, министр финансов М.Х. Рейтерн уже предпринял шаги в намеченном направлении. По его «представлению» в 1863 г. последовали ликвидация штаба Корпуса горных инженеров и сосредоточение прежде переданных ему инспекторской, технической, учебной и военно-судной «частей» в Горном департаменте⁸⁵.

В 1867 г. Корпус горных инженеров был упразднен «с присвоением горным инженерам соответствующих гражданских чинов» («список росписания должностей по классам для горных инженеров» включил чиновников X–IV классов)⁸⁶. Еще в 1862 г. закрыли искусственное и пробирное отделение Московского горного правления⁸⁷, а в 1865 г. его упразднили «в полном составе, с находящимися при нем должностными лицами, в том числе и заводскими исправниками»⁸⁸.

Подведомственный регион, охватывавший Владимирскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Костромскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Пензенскую губернии, был поделен на два горно-административных округа под управлением окружных инженеров, которые подчинялись непосредственно Горному департаменту. По этому поводу будущий директор Департамента К.А. Скальковский писал в 1866 г.: «С прошлого года правительство заменило Московское горное правление, имевшее более 50 чиновников, сочинявших несколько тысяч бумаг в год, двумя окружными инженерами, которые, исполнив все законные требования правительства и заводчиков, ограничились, быть может, только двумястами бумаг в год». «То же самое, — прогнозировал он, — по всей вероятности, произойдет и в Сибири, и на Урале при сокращении излишней бюрократии»⁸⁹.

Одновременно с ликвидацией Московского правления на Урале сократили восемь должностей «по военному суду», 30 — в казенных округах и 77 служащих заводской полиции, включая шестерых исправников. В связи с введением новых судебных уставов следующим шагом в 1868 г. стало упразднение второго (судебного) департамента Уральского горного правления с передачей его дел «в общие судебные места гражданского ведомства для рассмотрения и решения на общем основании»⁹⁰.

Несколько позже горное ведомство освободили и от содержания православных церквей (в 1873 г.) и учебных заведений низшего звена (в 1879 г.) в казенных округах, а для социальной поддержки работников стали создавать там горнозаводские товарищества. Еще в 1863 г. горный город Екатеринбург утратил свой особенный статус, перейдя в подчинение к «губернскому начальству». С Дедюхиным это, видимо, произошло после ликвидации действовавшего там Соляного правления в 1865 г. Тогда же на Олонецких и Луганском заводах были ликвидированы военный суд и заводская полиция. В Олонецком горном правлении упразднили еще и должности советников и столоначальников, что было следствием решения Горной комиссии сохранить лишь окружную форму управления этими казенными заводами и подчинить горного начальника непосредственно Департаменту в Санкт-Петербурге, как это уже практиковалось в отношении Луганского округа⁹¹. На деле это означало ликвидацию и Олонецкого горного правления.

Однако по отношению к уральским заводам на столь же кардинальные меры реформаторы из Горной комиссии не решились. Обширность главного металлургического региона, отдаленность его от центра, необходимость координации деятельности многочисленных казенных заводов по выполнению оборонных заказов послужили причинами для сохранения должности главного начальника. Вместе с тем учли, что «по обширности и многосложности дел» нецелесообразно отдавать их в «единоличное управление», а «благонадежнее было предоставить постоянному учреждению, состоящему из нескольких лиц с правом голоса, чем одному лицу с состоящей при нем канцелярией». В этой связи предложили оставить и Уральское горное правление, ограничив его деятельность «только теми предметами, которые касались собственно казенного горнозаводского имущества и производства, а также некоторыми обязанностями по частному горному промыслу». Сохранив коллегиальный характер Горного правления, предлагалось в то же время упростить его состав и «устранить всякую излишнюю регламентацию». Главный начальник, прежде сохранявший относительную автономность, должен был председательствовать в «общем присутствии» Горного правления, где дела решались бы большинством голосов. Он же выступал и председателем в новом «временном совещательном учреждении» — Уральском горном совете (включавшем членов Горного правления и горных начальников), который рассматривал бы годовые отчеты и определял «круг заводских действий» в наступающем году⁹².

Таким образом, региональный уровень горного управления в ходе реформы сокращался всего до одного — уральского — органа и освобождался от непрофильных судебных и полицейских функций. Причем некоторые перемены были осуществлены одновременно с подготовкой нового Горного устава еще

до его обсуждения в следующей контрольной инстанции – Комиссии по пересмотру системы податей и сборов (Податной комиссии), действовавшей при Министерстве финансов в 1866–1868 гг. в расширенном составе за счет приглашенных горных специалистов, экономистов и горнозаводчиков.

Преобладание сторонников предпринимательской свободы в этой комиссии предопределило доминирование подхода к горнозаводской промышленности, противоположного тому, который прочно утвердился с начала XIX в. и безоговорочно поддерживался «горными деятелями». В соответствии с новым подходом, эту промышленность следовало поставить в равнозначное положение с другими отраслями и потому отменить присущие ей «исключительные правила». Это в первую очередь затрагивало организацию горного управления, которую предлагалось существенно упростить «как для пользы горного производства, страдавшего от излишних административных формальностей, так и для доставления больших выгод казне, несущей убытки от непроизводительных накладных расходов по управлению». С этой целью было предложено совсем устранить региональный уровень управления, ограничившись наличием местных начальств казенных горнозаводских округов, без посредников подчиненных центральному органу. Министр финансов, как «главноуправляющий горной частью», по-прежнему бы опирался на Горный департамент, состоявший лишь из «известного числа» инспекторов. Предполагалось, что они «посылались бы в округа, смотря по ходу дел, и <...> могли бы иметь весьма продолжительное пребывание в тех местах, где свойство промыслов требует более постоянного надзора», например на Урале. Здесь надзор инспектора соответствовал бы контролю главного начальника, но был бы «более подвижным, бдительным и беспристрастным уже потому, что инспектор не был бы причастен к делам управления». Отвергли и предложенное Горной комиссией преобразование надзора над частной промышленностью.

Предположив, что институт окружных инженеров с легкостью может «развиться в орудие произвола», большинство членов Податной комиссии проголосовали за передачу их обязанностей в отношении безопасности работ общей полиции, сбор податей – акцизным учреждениям, отвод площадей для горных разработок – под ответственность местных органов. В их ведении находились земли, а «правильное ведение горнозаводских и рудничных работ» оставили на усмотрение промышленников, сочтя, что они сами должны быть заинтересованы в этом.

Однако такое коренное преобразование, фактически устранявшее горное ведомство и раздроблявшее его функции между различными министерствами, не нашло поддержки специалистов как противоречившее «истинным потребностям горной промышленности» и не способствовавшее профилактике правонарушений. Неприятие ими отредактированного Податной комиссией проекта «Горного устава», видимо, и остановило М.Х. Рейтерна в продвижении этого варианта реформы. При отсутствии согласованного проекта он принял решение «изменять горные законоположения» не одновременно, а «по частям, по указанию опыта». Позиция влиятельного министра привела к тому, что совершенствование отраслевого управления осталось в компетенции самого горного ведомства, руководители которого, участвовавшие в Горной ко-

миссии, полагали, что подготовленный ими проект полностью исчерпывал потенциал реформы. Тем более что к 1868 г., когда было принято это решение, некоторые из предложенных ими и уже реализованных мер приблизили конструкцию управления к тому виду, который был заложен в проекте. Это, видимо, устроило горное начальство, решившееся в последующие годы лишь на некоторые ситуационные перемены.

Крупнейшим из этих изменений можно считать реформирование горного управления в Царстве Польском, осуществленное вследствие упразднения в 1867 г. автономной Финансовой комиссии и передачи ее полномочий в имперское Министерство финансов⁹³. В 1870 г. Горный департамент в Варшаве ликвидировали, а в составе Горного департамента в Санкт-Петербурге появилось Отделение польских горных заводов. «Местное заведывание казенными горными заводами» в Царстве оставили «на обязанности существующих управлений» Западного и Восточного горно-административных округов, которые были подведомственны Горному департаменту «на тех же основаниях, как подчинены ему подобные учреждения в прочих губерниях империи». Утвержденное на три года «Временное росписание числа и содержания должностных лиц» включало 63 таковых – в Западном округе и 71 – в Восточном (в том числе и небольшие заводоуправления). На их содержание ежегодно тратилось 70 233 руб.⁹⁴

Это можно назвать первым шагом в направлении консолидации управления горным промыслом в едином для всей империи отраслевом ведомстве. К этой же цели вело и утверждение в 1871 г. «дополнительного штата» Горного отделения Главного управления Восточной Сибири в составе столоначальника, его помощника и бухгалтера. Хотя отделение осталось в зоне ответственности губернской власти, его финансирование (4 200 руб.) включили (вместе с новым штатом из 11 служащих Иркутской золотосплавочной лаборатории, на содержание которых определялось 6 316 руб.) «в подлежащие подразделения сметы Горного департамента»⁹⁵.

Техническим шагом в отношении Уральского горного правления стало «росписание», «высочайше утвержденное» в том же 1871 г. и отразившее произошедшие в 1860-е гг. изменения. В штате остался главный начальник с канцелярией, состоявшей из 15 служащих (в том числе 8 писарей), и 55 служащих самого правления. Оно уже не делилось на департаменты, включая трех советников и двух чиновников особых поручений, бухгалтера с двумя помощниками и трех «счетных чиновников», секретаря, протоколиста, журналиста с помощником, четырех столоначальников с помощниками и 32 писарей.

Кроме того, в «росписании» были указаны суммы на химическую лабораторию, чертежную, библиотеку и горное училище (без указания количества служащих), на заводских исправников (их количество сократилось до 12) с письмоводителями, а также на содержание «особого стола» по золотопромышленности с восьмью чиновниками. Вместе с тем из штата исключили не только бывшие горно-судебные должности, но и берг-инспектора, главного лесничего с командой (заведование лесами временно передали в лесное ведомство) и главного механика, землемеров и межевщиков, служащих типографии и училища.

По сравнению с последними дореформенными штатами 1847 г. количество высших и низших служащих сократилось втрое, но «содержание» Уральско-го горного правления при этом снизилось всего на 5 тыс. руб. (до 110 515 руб. сер.), что было следствием существенного повышения жалованья служащим⁹⁶. Главному начальнику назначили 5 449 руб., советникам – от 1 700 до 1 800 руб. (по прежним штатам они получали от 857 до 1 000 руб.), двум горным ревизорам содержание увеличили в два раза – до 2 000 руб., у чиновников для особых поручений оно выросло с 286 (младший) и 429 (старший) руб. до 600 и 800 руб. соответственно, у бухгалтера – с 572 до 900, у пяти столоначальников – с 286 и 344 до 600 руб.; заводские исправники вместо 286 руб. стали получать по 350 руб. Жалованье писарей возросло в зависимости от разряда с 54, 72 и 90 руб. до 200 и 230 руб.⁹⁷

Как уже упоминалось, с Замосковского района началось распространение новой модели профессионального горного надзора, заимствованной из Франции, хотя там, в отличие от России, горно-надзорные районы совпадали с административными. Впоследствии должности окружных инженеров учреждались в новых районах развития частного «горного промысла».

В 1870 г. окружной инженер появился в Олонецкой и Архангельской губерниях «для отвода рудничных площадей» по заявкам горнопромышленников⁹⁸. На следующий год две таких же должности учредили для западной части Донецкого бассейна, не относившейся к Области Войска Донского⁹⁹. Упоминания в законах о том, что они вводились «до предстоящего преобразования по новому Уставу горного управления» или «впредь до издания общих штатов», свидетельствуют о том, что в то время горные власти находились в ожидании крупных перемен.

Однако намерения продолжить административные преобразования были, видимо, отложены после перевода в 1874 г. горного ведомства в Министерство государственных имуществ с оставлением «монетной и пробирной части» в Министерстве финансов. На первый план тогда вышли иные аспекты реформы, связанные с профилем этого министерства по эксплуатации казенных имуществ.

В «Историческом обозрении...» деятельности министерства отмечалось, что с переходом к нему горного ведомства «были выделены из проекта Горного устава вопросы об отмене горных податей с минералов, о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность владельцев <...> о частной горной промышленности на казенных землях, о горной промышленности на частных землях»¹⁰⁰. На них в основном и сконцентрировалось внимание министерства в 1870-е гг.

Создание унифицированного горного ведомства

Подготовка реформы управления возобновилась, видимо, с приходом к руководству Министерства государственных имуществ М.Н. Островского в 1881 г. вместе с новым поколением горных администраторов, стремившихся к укреплению позиций отраслевого ведомства. Во всеподданнейшем отчете мини-

стра за тот год констатировалось удручающее положение российской горной промышленности, отставшей в своем развитии от многих европейских стран. «Наше горное производство не уменьшилось с начала столетия, — писал министр, — напротив того, оно значительно возросло; но развитие его шло не такими быстрыми шагами, как на Западе, и потому численное соотношение продуктов стало ныне совсем иное». Одна из причин этого виделась в «не совсем верных административных воззрениях и приемах к законодательным постановлениям». Министр упомянул о якобы уже подготовленном проекте общего изменения регионального и местного горного управления, но полагал на время отложить его реализацию «по важности и сложности предложенных в нем мер», составив «проект временного положения» и ограничившись отменой «коллегиального порядка рассмотрения дел в Уральском горном правлении». Этот порядок стал рассматриваться уже не как гарантия от «произвола» главного начальника, а как причина «медленности в производстве дел» и частых «столкновений между главным начальником и местными на заводах начальствами».

Предложения Министерства государственных имуществ касались и горного управления в Сибири, где требовалось усилить казенный контроль развивавшейся частной золотопромышленности, и в Царстве Польском, где «без вреда для дела» следовало значительно сократить состав управления казенных заводов, введенный в 1870 г. всего на три года. В планах министерства значилось также в соответствии с «успехами казенного горного производства» увеличение жалованья служащих и с уровнем их образования, предоставление заводоуправлениям более широких прав «в делах внутреннего хозяйства и распоряжения личным составом», разработка более простых правил и форм отчетности и делопроизводства. Первостепенной задачей представлялось и совершенствование надзора над частными заводами и промыслами. Не стесняя предпринимателей, он должен был «надежно ограждать обильные, но истощимые природные ресурсы <...> от неблагоприятной или хищнической разработки»¹⁰¹.

Через пять лет, в 1886 г., планы начали реализовываться с перемен в организации Уральского горного правления, которые не ограничились лишь заявленной министром отменой коллегиальности. Формально этот региональный орган, действовавший без малого 80 лет, упразднился вместе «с состоящими при нем должностями и установлениями». «Все предметы ведомства» бывшего Горного правления передавались новому учреждению — Управлению горной частью на Урале.

Полномочия нового органа были определены «принятой к руководству» в том же году инструкцией. В соответствии с ней управление заведовало «всеми входящими в состав Уральской горной области (так по предложению Горной комиссии стали называться регионы, подведомственные новым органам горного управления. — *Е.Н.*) заводами, казенными и частными, с приписанными к ним рудниками и лесами, рудниками и копиями частных промышленников и частными золотыми промыслами». Профильные обязанности обновленного органа, таким образом, не менялись, но его главный начальник отвечал отныне за «все дела, к заводам и промыслам относящиеся, единолично»¹⁰².

Изменение статуса главного начальника и устранение коллегиальности выразились в ликвидации отдельной канцелярии и должностей советников. В штат Управления горной частью вошли помощник главного начальника, два делопроизводителя с шестью помощниками, два чиновника по особым поручениям, три маркшейдера (старший из них управлял чертежной), бухгалтер с двумя помощниками, казначей, юрисконсульт, журналист, архивариус, семь горных землемеров, управляющий химической и золотосплавочной лабораторией и лаборант (он же библиотекарь) с помощником. Для надзора частной промышленности Уральская область делилась на семь горно-административных округов (в 1890 г. их количество довели до восьми, в 1899 г. – до 12) во главе с окружными инженерами, заменившими заводских исправников и окружных ревизоров по частным золотым промыслам. На двух лесных ревизоров и шесть лесных кондукторов возложили обязанности по надзору за лесами посессионных заводов «на правах лесничих ведомства государственных имуществ». Многочисленных прежде «урядников» не включили в штат, заложив лишь суммы на жалованье писцов (6 тыс. руб.), чертежников и межевщиков (2 тыс. руб.). Предполагалось в рамках этих сумм нанимать необходимое количество низших служащих, что было шагом к сокращению регламентации, свойственной предреформенным штатам.

В целом штат управления включал 52 должности, на содержание которых ежегодно отводилось 111450 руб. В сравнении с «рописанием» 1871 г. количество сотрудников почти не изменилось, и расходы увеличились всего на 1 тыс. руб. И это при том, что вновь существенно было повышено содержание служащих в соответствии с важным изменением – усилением «классных» требований к ним, временно установленным еще в 1871 г.¹⁰³

Новая прибавка для штатных служащих произошла за счет сокращения дополнительных расходов на разъезды и командировки, наем писцов и сторожей, канцелярские расходы и содержание зданий (в 1871 г. эти расходы составляли 56%, в 1886 г. – 22% бюджета учреждения). Так, «содержание» главного начальника (чиновника IV класса) выросло до 6 тыс. руб. (включая 3,5 тыс. руб. жалованья и 2,5 тыс. «столовых»), на разъезды ему выдавалось еще 2 тыс. руб. Чиновнику для особых поручений полагались 1200 (младшему) и 2000 (старшему) руб. (выросло в 2 и 2,5 раза), бухгалтера – 1200 руб. (в 1,3 раза). Существенно возросла оплата служащих горного надзора: если заводский исправник (чиновник IX класса) получал прежде 350 руб., то заменивший его окружной инженер (на эту должность назначали уже чиновника VI класса) – 2600 руб. (включая 975 руб. жалованья, 975 руб. «столовых» и 650 руб. «квартирных»). Содержание письмоводителя при окружном инженере (в 1847 г. – урядник первой статьи, в 1886 г. – чиновник XII класса) достигало 700 руб. в год¹⁰⁴. Министерство государственных имуществ выполнило свое обещание в отношении роста содержания служащих. Но это содержание все-таки не зависело от «успехов казенного горного производства», а назначалось в соответствии с «классом и разрядом», т.е. с учетом образования и стажа работы.

В дальнейшем существенное повышение жалованья служащих Уральского горного управления произошло в 1903 г. Так, старший чиновник для особых поручений стал получать 2200 руб., бухгалтер – 2400 руб., содержание

окружных инженеров составляло от 2600 до 3600 руб. в зависимости от масштабов и производственной специфики подведомственных им округов. Тогда же были введены новые должности — главного техника, геолога и смотрителя зданий; увеличено количество помощников делопроизводителя, журналиста и архивариуса. Горный надзор усилили пятью должностями письмоводителей и к четырем землемерам-отводчикам, «перенесенным в эту часть штата», добавили еще семь. В 1895 г. на уральское горное начальство вновь было возложено управление казенными горнозаводскими лесами во главе с главным лесничим «на правах помощника главного начальника». Штат областного учреждения дополнился в этой связи 10 новыми должностями лесных ревизоров, землемера и делопроизводителя с помощником и общим содержанием 26 250 руб. Тогда же ввели в действие и новые штаты служащих на казенных заводах¹⁰⁵.

Отложенная же общероссийская реформа осуществилась лишь в 1892 г., когда было утверждено «Положение о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц и установлений местного горного управления». К тому времени отчетливо проявились быстрые темпы роста производства и перспективные районы развития промышленности, которые и определили обновленный формат регионального устройства отраслевого ведомства.

Предложенный Горной комиссией в 1866 г. вариант (одно учреждение на Урале, заведовавшее казенными и частными заводами в крупнейшем металлургическом районе, и окружные инженеры — в остальных регионах сосредоточения частной горной промышленности) был дополнен еще несколькими учреждениями. Они объединили управление казенными заводами и/или надзор над частными предприятиями в других крупных районах развития промышленности.

Новые административные органы получили единое название «Горные управления». Их предполагалось создавать в образуемых «по мере необходимости» горных областях, на которые в перспективе должна была разделиться вся территория империи. Границы этих ведомственных территориальных образований устанавливались в зависимости от районов сосредоточения промышленности и не всегда совпадали с границами губерний. Их учреждение как бы санкционировало организацию областных горных учреждений, по-прежнему обособленных (по кругу своего действия и функциям) от губернской власти.

Областные управления, указывалось в положении, «заведовали, в определенном каждому из них районе действия, всеми частными и казенными горными заводами и промыслами (к ним теперь относились самостоятельные рудный, каменноугольный, соляной, золотоплатиновый и нефтяной промыслы, а также «источники минеральных вод». — *Е.Н.*)». По уровню они, как и прежде, сравнивались с губернскими правлениями, казенными и контрольными палатами, а подчинялись министру государственных имуществ «по Горному департаменту». По образцу уральского органа, начальник Управления «заведовал единолично всеми делами», «имел общее наблюдение за действиями служащих» и лично осматривал «по мере представляющейся надобности» подведомственные предприятия. В тех горных областях, где имелись казенные заводы, управления поддерживали «правильное хозяйство и в возможно луч-

шей степени техническое производство», составляли годовые сметы и распределяли казенные наряды, а также надзирали за действиями горных начальников. В остальных областях их обязанности ограничивались «наблюдением за точным исполнением законов и распоряжений правительства по всем частям горного управления» и «попечением о развитии частной горной и горнозаводской промышленности».

В горно-административных, или надзорных, округах, на которые делились области, отвод площадей под разработку, контроль за поступлением горных податей и выполнением залоговых обязательств, наблюдение за безопасностью работ и соблюдение правил найма, составление статистических сведений и проч. обязанности возлагались на окружных инженеров, их помощников и казенных маркшейдеров, отвечавших за рудники. Они подчинялись начальнику местного Горного управления, но в отношении нескольких уже работавших в то время окружных инженеров было сделано исключение: они напрямую подчинялись Горному департаменту, минуя управления, которые не предусматривались в областях, незначительных по масштабу производства или близких к столице. Штатные должности в управлениях должны были замещаться «лицами благонадежными и достойными, отдавая предпочтение получившим высшее и среднее образование»¹⁰⁶. Как свидетельствовал директор Горного департамента Н.А. Иосса, при создании новых региональных органов правительство придерживалось «германского образца»¹⁰⁷.

Формирование региональной сети горного управления

Ко времени выхода «Положения» 1892 г. несколько горных управлений уже были организованы в отдельных областях. Так, вскоре после реформирования уральского органа создали Управление горной частью Кавказского края (в 1892 г. его, как и Уральское, переименовали в Кавказское горное управление). Еще в 1883 г. действовавшая там Горная канцелярия была передана из наместнического управления в ведение Министерства государственных имуществ. Новую структуру и штатное расписание Управление горной частью получило в 1887 г. Подведомственная территория Кавказской горной области (с центром в Тифлисе) разделялась на четыре округа во главе с окружными инженерами. Всего в штате числился 21 служащий, включая важных для развития края геолога, двух маркшейдеров, трех инженеров «для исследований и разведок» и четырех смотрителей соляных промыслов. Содержание управления обходилось в год в 66 704 руб.¹⁰⁸ В 1893 г. штат этого учреждения был скорректирован: исключили должность правителя канцелярии, до двух сократили количество инженеров, ввели должность чиновника особых поручений в качестве помощника начальника, добавили одного смотрителя соляных промыслов и одного помощника окружного инженера. В итоге штат вырос до 22 служащих, а бюджет – до 68 289 руб.¹⁰⁹

В 1887 г. появился окружной инженер в Северном округе с подконтрольными ему немногочисленными частными предприятиями в Олонецкой и Архангельской губерниях. (С присоединением к этому округу территории Петер-

бургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской губерний образовалась Северная горная область в составе двух округов.)¹¹⁰ Именно он, наряду с двумя окружными инженерами Замосковной области, подчинялся непосредственно Горному департаменту в Санкт-Петербурге.

В 1888 г. были созданы новые органы горного управления в Сибири. Тогда упразднили Отделение частных золотых промыслов при начальнике Алтайского кабинетского округа, а также Горный отдел, или отделение, при Управлении иркутского генерал-губернатора. Надзор вновь учрежденного в Западно-Сибирской области Томского горного управления охватывал Томскую, Тобольскую и Енисейскую губернии, а также Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области Степного генерал-губернаторства. Новое Иркутское горное управление в Восточно-Сибирской области контролировало Бирюсинскую золотоносную систему Енисейской губ., Иркутскую губ. и Якутскую область, а также все местности, входившие в состав Приамурского генерал-губернаторства. В те годы на огромной территории от Урала до Дальнего Востока активно развивалась золотопромышленность, «ведать» которую и были призваны новые органы горного управления. В их штаты вошли золотосплавочные лаборатории и горная полиция, состоявшая из 13 исправников, призванных надзирать за порядком на приисках. (В 1900 г. учредили горно-полицейскую стражу из урядников и стражников «из вольнонаемных лиц», состоявшую «под главным ведением губернаторов и генерал-губернаторов, в непосредственном распоряжении горных исправников»; на содержание стражи ассигновали 280,5 тыс. руб.; треть этой суммы взимали с золотопромышленников¹¹¹).

Штат Западно-Сибирского управления состоял из 43 служащих с содержанием 101 700 руб., а Восточно-Сибирского – 47 служащих с содержанием 122 400 руб. Каждая из подведомственных горных областей разделялась на шесть округов во главе с окружными инженерами, в помощь которым были даны по одному письмоводителю и отводчику¹¹².

В 1903 г. одновременно с изменением штатов Уральского управления внесли изменения и в штаты обоих сибирских органов за счет увеличения количества маркшейдеров, геологов и отводчиков. Существенно усилили горный надзор, введя новые должности окружных инженеров и их помощников (количество горно-административных округов в Западной Сибири в итоге увеличилось до 7, в Восточной Сибири – до 11), а горным исправникам придали письмоводителей. При этом существенно выросло содержание всех служащих (например, окружные инженеры стали здесь получать от 3 600 до 5 900 руб.). Ежегодный дополнительный расход по всем трем горным управлениям возрос тогда на 234 342 руб.¹¹³

Еще в 1883 г. горные промыслы, открывшиеся в Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Таврической, Херсонской и Бессарабской губерниях, оказались под контролем окружного инженера¹¹⁴. В 1891 г. «для заведывания горным и соляным промыслом» в тех же губерниях (с присоединением еще Екатеринославской и Харьковской) учредили Горное управление южной России с центром в Екатеринославе. В управлении состояли 20 служащих с содержанием, равным 54 650 руб. Подведомственные территории образовавшей-

ся Южной горной области разделили на четыре округа (к 1916 г. в результате динамичного развития промышленности их количество возрастет здесь до 11), руководство которыми осуществляли окружные инженеры. В штате управления состояли еще девять смотрителей соляных промыслов, располагавшихся на подведомственной территории¹¹⁵.

В 1894 г. к уже созданным семи горным областям прибавилась Волжская область, включившая территорию Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерний. Там было образовано два округа (позже с переводом Астраханской губ. в Юго-Восточную горную область останется один) во главе с окружными инженерами, непосредственно подчиненными Горному департаменту¹¹⁶.

В 1895 г. появилось еще две горные области. Западная область в составе семи (затем – восьми) округов образовалась из губерний Царства Польского. Действовавшие там окружные управления казенных заводов (значительная часть предприятий к тому времени была продана, сдана в аренду или закрыта) упразднились, вместо них «для заведывания казенными и частными заводами и промыслами» учреждалось Западное горное управление в Сухедреве Келецкой губ. Оно состояло всего из 14 служащих с содержанием 27 390 руб.¹¹⁷ В эту сумму не входили жалованья окружных инженеров, поскольку еще с 1892 г. они были напрямую подчинены Горному департаменту и руководствовались в своей деятельности особыми правилами, изданными для этой области (позже их подчинили областному Горному управлению). В 1903 г., после перевода учреждения в Варшаву, его усилили должностью техника по горной части и на 10 160 руб. увеличили ежегодные расходы на содержание служащих¹¹⁸.

В новую Северо-Западную горную область вошли Курляндская, Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Могилевская, Витебская, Смоленская и Псковская губернии. (Тверскую и часть Вологодской губ. тем же актом включили в Северную область.) Окружной инженер, осуществлявший надзор над частной горной промышленностью в границах всей области, тоже подчинялся Горному департаменту. В том же 1895 г. должности окружного инженера и его помощника были учреждены при генерал-губернаторе Туркестана в Ташкенте¹¹⁹. При начальнике Закаспийской области в Ашхабаде с 1890 г. состоял особый техник по горной части на правах окружного инженера.

В 1897 г. военный министр инициировал перевод подведомственной ему Области Войска Донского под действие «общих законоположений по горной части». До этого времени происходившие изменения в Управлении горной и соляной частями области инициировались и финансировались военным ведомством и в основном заключались в увеличении количества штейгеров «в видах содействия правильному развитию горного промысла»¹²⁰.

Переходный период завершился в 1900 г., когда на основе войсковой территории, а также смежных Воронежской, Саратовской и Астраханской губерний была образована Юго-Восточная горная область во главе с одноименным Горным управлением в Новочеркасске. Его штат состоял из 17 служащих с общим годовым содержанием в 48,5 тыс. руб. Область делилась на три округа (к 1916 г. их количество довели до шести), в каждом из которых действовали окружной инженер с помощником; имелось также пять смотрителей соля-

ных промыслов. В штате же правления Области Войска Донского сохранялась должность горного инженера и двух штейгеров, оплачиваемых из «общего войскового капитала» и занимавшихся отводом участков под разработку и сбором доходов в пользу войска¹²¹.

Для организации нефтяных промыслов на территории Терского казачьего войска решением Военного совета в 1916 г. было создано горное отделение в составе областного управления¹²².

В 1907 г. на Сахалине, где проводились разведки каменного угля и нефти, тоже был образован горный округ — во главе с окружным инженером, подчинявшимся Иркутскому горному управлению¹²³. До Русско-японской войны существовал Квантунский горный округ с центром в Порт-Артуре, который возглавлял техник «на правах окружного инженера»¹²⁴.

В 1909 г. директор Горного департамента Н.А. Иосса полагал, что следующими шагами станут «слияние двух управлений в южной России» (там сформировался крупнейший металлургический регион, потеснивший с лидирующей позиции Урал) и придание им «более совершенной организации». Дальнейшее же «развитие горной промышленности на восточной нашей окраине <...> поведет к учреждению еще одного горного управления в восточной Сибири»¹²⁵. Из этих двух предположений частично реализовалось последнее. Видимо, так до конца и незавершенным актом в процессе создания имперской системы регионального горного управления стало открытие в 1916 г. временного Приамурского горного управления, которое должно было стать центром одноименной горной области, созданной из нескольких округов, отделенных от Восточно-Сибирской области¹²⁶.

Как бы подводя итог административных преобразований, инженер К. Робук писал в 1916 г.: «Горных управлений, вместе с вновь учрежденным Приамурским управлением, имеется в России восемь, но круг ведения этих управлений распространяется далеко не на всю территорию России, а именно: как Закаспийская область, так и Туркестанский край в отношении горного дела выделены в особые единицы, находящиеся в ведении: первая — техника по горной части при начальнике области и вторая — окружного инженера Туркестанского горного округа; Финляндия подчинена надзору финляндского берг-интендента; наконец, весь север и северо-запад России, а также подмосковный и волжский районы подчинены непосредственно Горному департаменту». Автор полагал, что эти регионы «в совокупности равнозначащи с горнопромышленными районами, находящимися в ведении каждого из восьми имеющихся горных управлений», и в перспективе могут получить подобные же органы¹²⁷. Однако последующие политические события в стране не позволили реализоваться этой возможности.

* * *

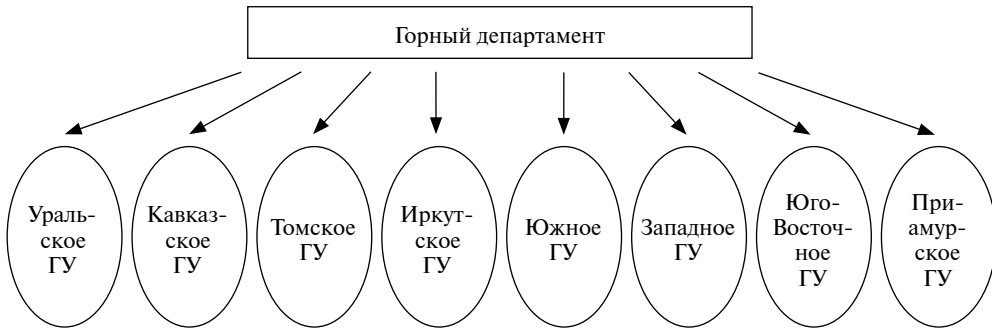
Таким образом, унификация системы регионального горного управления Российской империи, предпринятая в 1860–1910-е гг., завершилась созданием 12 горных областей (последняя — Приамурская — область находилась на стадии формирования), в восьми из которых действовали специальные учреждения — горные управления, а четыре — находились в непосредственном ведении

Горного департамента. Министру предоставлялось право менять количество и состав горно-административных округов, входивших в эти области, что и происходило до конца имперского периода. Наиболее крупным оставалось Уральское горное управление во главе с главным начальником, что определялось как большим количеством горнопромышленных предприятий, так и наличием крупнейших казенных заводов в Уральской области.

Затем шли Иркутское (из него выделилось временное Приамурское, данные о котором отсутствуют) и Томское управления, заведовавшие двумя крупнейшими по площади сибирским горными областями с бурно развивавшейся золотопромышленностью; небольшие – Кавказское, Южное, Юго-Восточное и Западное управления были примерно равными по количеству сотрудников, но не одинаковы по бюджету, что определялось различиями в номенклатуре должностей.

Схема 3

Центральный и региональные органы горного управления в России в 1917 г.

Если учитывать только суммы, выделенные на эти управления в момент их открытия, то содержание 214 служащих достигало 533 тыс. руб., что более чем в три раза превышало расходы на три региональных правления, находившихся в подчинении Департамента горных и соляных дел перед началом реформы. К этому следует прибавить содержание напрямую подчинявшихся Горному департаменту 15 (включая восемь польских) окружных инженеров с помощниками. Были и те инженеры, должности которых были учреждены уже после издания штатов (их число выросло с 37 до 58)¹²⁸. Общее количество служащих региональных органов могло достигать 300 чел., а расходы – примерно 800 тыс. руб.

Заметим, что в стоимостном выражении в 1913 г. добыча угля в России достигала 187,3 млн руб., нефти – 240,7; золота – 81,1; продукция черной металлургии оценивалась в 365,3 и цветной – 31,8 млн руб.¹²⁹ Общая сумма, таким образом, превышала 900 млн руб., на фоне которых расходы ведомства на деятельность своих региональных органов не выглядят столь уж значительными.

В 1893 г. произошло формальное закрепление происходивших преобразований в сфере горного управления. При очередном переиздании «Свода законов Российской империи» был введен в действие новый «Горный устав».

В отличие от предложенных в 1860-х гг. Горной и Податной комиссиями двух инновационных проектов, новый Устав лишь систематизировал в близкой к проектам форме действовавшее горное законодательство, включая и вышеописанные административные преобразования. Пополняясь текущими законами, которые фиксировались в нескольких «Продолжениях Свода...», он сохранял свое значение до конца имперского периода.

Выводы

Подведем общий итог рассмотренного нами процесса развития региональной компоненты горного управления в Российской империи в XIX – начале XX в. Этот период в отличие от XVIII в. выглядит более цельным с точки зрения самого существования горного ведомства. Как наглядно показывают приведенные выше схемы, возникнув в своем новом формате в начале XIX в., ведомство сохранило его до конца имперского периода, развиваясь в сторону увеличения количества своих региональных органов. Но с точки зрения изменений в составе, структуре и функциях этих учреждений отчетливо выделяются два периода, открывающиеся крупными реформами организационных основ российской горнозаводской промышленности.

Первая реформа, провозглашенная в 1806–1807 гг., создала горное ведомство в составе Министерства финансов, отвечавшего тогда за экономическое развитие страны. Ведомство состояло из специализированных учреждений трех уровней – центрального, регионального и местного, или окружного, с формирующейся вертикалью подчиненности. Региональные учреждения создавались с целью приближения государственного «заведования» к районам развития промышленности. Поэтому особенность этой структуры заключалась в зональном расположении региональных органов, полномочия которых распространялись всего на три «старинных» горнозаводских района (Уральский, Замосковный и Олонецкий), где было сосредоточено основное количество горнопромышленных предприятий. В других регионах (Западная и Восточная Сибирь, Кавказ, Земля Войска Донского, Царство Польское, Великое княжество Финляндское) действовали особые горные органы, входившие в структуру кабинетского, губернского, наместнического, военного или национального управлений.

Формирующемуся горному ведомству были свойственны частичное сочленение регионального и местного уровней управления, особенно проявившееся в отношении Олонецкого края и Луганского горнозаводского округа, а также изначальное отличие трех региональных инстанций по характеру координации с губернской властью с тенденцией ко все большему отделению от нее. Во многом эта обособленность горного управления вызывалась спецификой социальной организации промышленности, при которой горное ведомство вынуждено было выполнять не только свои профильные обязанности по организации производства и контролю над ним, но и заниматься жизнеобеспечением зависимого горнозаводского населения, прежде всего казенного, а также судопроизводством и полицейским надзором. Его региональные органы были

поэтому довольно громоздкими структурами со значительным бюрократическим аппаратом, особенно выросшим после придания ему военного статуса. С ростом количества служащих в первую очередь был связан и существенный рост расходов горного ведомства. Такое состояние ведомства соответствовало общественным устоям того времени и протоиндустриальному уровню развития горнозаводской промышленности с его недостаточно развитым предпринимательством и относительно низкими темпами роста.

По подсчетам специалистов, хотя выплавка чугуна за первую половину XIX в. увеличилась на 79%, но рост производства существенно отставал от западноевропейских стран, которые в итоге оттеснили Россию с лидирующего на седьмое место после Великобритании, Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов, Пруссии, Австрии и Бельгии¹³⁰.

Во многом темпоральное и технологическое отставание российской горнозаводской отрасли в совокупности с социальными переменами подтолкнули власти к необходимости совершенствования ее организационных основ.

Во время подготовки второй реформы в 1860-е гг. горное ведомство подверглось опасности расформирования, но сумело отстоять свое существование и предложило проект, который отвечал потребностям динамично развивавшейся «вширь» (на новые территории) и «вглубь» (появление новых отраслей) промышленности. Начавшиеся под воздействием Великих реформ преобразования, с одной стороны, стали продолжением предшествующего периода, сохранив прежнюю трехуровневую структуру ведомства, но, с другой – существенно изменили его функционал и облик, особенно на региональном уровне.

На первом этапе реформирования 1860-х гг. горное ведомство освободилось от своих прежних «непрофильных» – полицейских и судебных – обязанностей, передав их соответствующим губернским учреждениям, и вернуло себе гражданский статус. На втором этапе, в 1870–1910-е гг., вслед за развитием промышленности распространило свои полномочия почти на всю территорию империи, разделенную на 12 горных областей (исключение составили Финляндия и отчасти Средняя Азия).

Это сохранило обособленность горного управления от губернской системы территориального управления, привело к расширению региональной сети горно-административных учреждений, унифицированных по единому образцу. Как и в первой половине XIX в., горное ведомство действовало в рамках одного министерства, но в результате перевода в 1874 г. из Министерства финансов в Министерство государственных имуществ (с 1881 г. – земледелия и государственных имуществ) оно еще более обособилось от ведомства, отвечавшего за другие отрасли промышленности, и вновь соединилось с ним в созданном в 1905 г. новом Министерстве торговли и промышленности.

Увеличение же региональных органов не привело к значительному увеличению штатов по сравнению с дореформенными институтами, но при этом произошел рост квалификационных требований и содержания служащих, что подняло общий профессиональный уровень горного ведомства. Как и прежде, оно осуществляло управление казенными предприятиями, контроль над посессионными заводами и надзор частной промышленности. Функциональ-

но и структурно ведомство было сориентировано на западноевропейские образцы: областные горные управления напоминали германские учреждения, а горный надзор строился по примеру французского с учетом особенностей распространения промыслов по территории страны. Горное ведомство на этом этапе развития соответствовало раннеиндустриальному уровню промышленности с динамично развивавшимся предпринимательством, было довольно органично встроено в систему государственного управления, не совмещая функции других ведомств, как это было прежде.

По данным Л.Б. Кафенгауза, с 1887 г. по 1913 г. добыча каменного угля и антрацита (без Польши и Финляндии) выросла в 11,4 раза; нефти – в 4,8; золота – в 1,8; выплавка чугуна – в 7,9; меди – в 6,7 раза¹³¹. Горная промышленность динамично развивалась в это время и достигла индустриального уровня, что не могло не отразиться на позиции России в мировом производстве. Накануне Первой мировой войны по объему выплавки чугуна империя занимала пятое место после США, Германии, Великобритании и Франции, а темпы развития были одними из самых высоких в мире. «Смешно было бы утверждать, – размышлял в свое время К.А. Скальковский, – что подобное широкое промышленное движение могло быть вызвано единственно преобразованием горного законодательства и администрации; но нельзя не согласиться, что удачное исполнение этого будет весьма благоприятно влиять на наш промышленный прогресс»¹³².

Во второй половине XIX – начале XX в. параллельно прослеженным нами преобразованиям на региональном уровне происходили существенные изменения в сторону сокращения казенного сектора промышленности и рационализации управления им на местном, или окружном, уровне¹³³.

В начале XX в. остро встала и задача реформирования пока еще слабо затронутого переменами центрального Горного департамента, который ранее существенно расширился по мере появления новых отраслей промышленности и сфер деятельности. Одновременно высказывались предложения в целях упрощения структуры ведомства, устранения излишней бюрократизации и казенной регламентации упразднить областные горные управления, сохранив лишь окружных инженеров с небольшими канцеляриями¹³⁴. Они во многом совпадали с проектом Податной комиссии 1868 г., ставшим актуальным в это время. Горное ведомство подошло к новому витку реформирования, связанному со вступлением промышленности в развитую индустриальную стадию с ведущей ролью частного предпринимательства, которое уже не нуждалось в детальной опеке государства. Однако ни один из выдвинутых тогда проектов преобразований не успели осуществить до Октября 1917 г.

Примечания

¹ См.: Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 56–79.

² Подробную историографию темы см.: Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С. Территориально-экономическое управление в России в XVIII – начале XX в. Уральское горное управление. М., 2008; Штоф А.А. Горное право. Сравнительное изложение

горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896; *Иванов П.А.* Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900; *Лоранский А.М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. СПб., 1900; *Лавленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М., 1953; *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-е – начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985; *Ишутова О.Н.* Административные реформы 60–70-х гг. XIX в. в горном ведомстве России и их реализация на Южном Урале: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999; *Тулисов Е.С.*: 1) Организация управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII в. Екатеринбург, 1999; 2) История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX вв. Екатеринбург, 1999; *Корепанов Н.С.* Геннин на Урале. Екатеринбург, 2006; *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Винуус. М., 2007; *Арсентьев Н.М.* Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск, 2019.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е (ПСЗРИ-I). Т. 4. № 1812; № 2370.

⁴ Там же. Т. 5. № 2908.

⁵ Там же. № 3464.

⁶ Там же. Т. 8. № 5860.

⁷ Там же. Т. 9. № 7047.

⁸ Там же. Т. 11. № 8543.

⁹ Там же. Т. 21. № 15660.

¹⁰ Там же. Т. 24. № 17567.

¹¹ Там же. Т. 31. № 24927.

¹² Там же. Т. 29. № 22208.

¹³ *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России ... С. 232, 258; *Манин В.А.* Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения // *Российская история.* 2020. № 5. С. 54–55.

¹⁴ ПСЗРИ-I. Т. 29. № 22208.

¹⁵ Там же. Т. 28. № 21460.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Т. 29. № 22208. Гл. III.

¹⁸ Там же. № 22531.

¹⁹ Там же. № 22632; Т. 40. № 30239.

²⁰ Там же. Т. 29. № 22208. Приложение; ПСЗРИ-II. Т. 1. № 645.

²¹ ПСЗРИ-II. Т. 1. № 645.

²² Там же. Т. 14. № 12320.

²³ Там же. Т. 15. № 13997.

²⁴ Там же. Т. 35. № 27328

²⁵ Там же. Т. 19. № 17958.

²⁶ Там же. Т. 28. № 27636.

²⁷ ПСЗРИ-I. Т. 29. № 22208.

²⁸ Там же.

²⁹ ПСЗРИ-II. Т. 2. № 1022.

³⁰ Об инициативе министра см.: *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России ... С. 271.

³¹ ПСЗРИ-II. Т. 1. № 687.

³² Там же. Т. 2. № 1541.

³³ Там же. Т. 1. № 687.

³⁴ Там же. Т. 2. № 1022; Т. 3. № 1776; Т. 4. № 2889, 2890.

³⁵ Там же. Т. 4. № 2976.

³⁶ Там же. Т. 5. № 3760.

³⁷ Там же. Т. 6. № 4872.

³⁸ Там же. Т. 26. № 25753.

³⁹ Там же. Т. 14. № 12755.

⁴⁰ Там же. Т. 25. № 24416.

⁴¹ Там же. Т. 8. № 6543.

- ⁴² Там же. § 124–126.
- ⁴³ См.: Шкерин В.А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998.
- ⁴⁴ Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства ... С. 143.
- ⁴⁵ ПСЗРИ-II. Т. 9. № 6685.
- ⁴⁶ Там же. Т. 13. № 11724.
- ⁴⁷ Там же. Т. 17. № 16115.
- ⁴⁸ Там же. Т. 22. № 21203.
- ⁴⁹ Там же. Т. 28. № 27592.
- ⁵⁰ ПСЗРИ-I. Т. 29. № 22546; см.: Балагуров Я.А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958.
- ⁵¹ ПСЗРИ-II. Т. 2. № 860.
- ⁵² Там же. № 1022; Т. 22. № 21203.
- ⁵³ Там же. Т. 14. № 12920, 13014.
- ⁵⁴ Там же. Т. 31. № 30633.
- ⁵⁵ ПСЗРИ-I. Т. 24. № 17618; см.: Темник Ю.А. Столетнее горное гнездо. Луганский завод (1795–1887 гг.). Т. 1. Луганск, 2004.
- ⁵⁶ ПСЗРИ-II. Т. 3. № 2002.
- ⁵⁷ ПСЗРИ-I. Т. 22. № 16194.
- ⁵⁸ Там же. Т. 26. № 20055.
- ⁵⁹ Там же. Т. 33. № 26116.
- ⁶⁰ ПСЗРИ-II. Т. 7. № 5410.
- ⁶¹ Там же. Т. 21. № 20723.
- ⁶² Там же. Т. 27. 26744.
- ⁶³ Там же. Т. 34. № 34572.
- ⁶⁴ Неклюдов Е.Г. Эволюция правовых условий развития горной промышленности в Царстве Польском // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 136–148.
- ⁶⁵ Представление заведующего Горным департаментом Царства Польского горного инженера статского советника Антипова заведующему Финансовым управлением Царства от 22 октября 1867 г. // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13. Ч. 4. СПб., 1868. Приложение XII.
- ⁶⁶ Дорошин П.П. Перечень заводов и рудников Царства Польского // Горный журнал. 1858. № 4. С. 174–178; Иосса Г.А. О действии казенных горных заводов в Царстве Польском за 1959 г. // Там же. 1860. № 4. С. 132–147.
- ⁶⁷ Устав Горного управления в Великом княжестве Финляндском, высочайше утвержденный 10 февраля 1858 г. // Горный журнал. 1858. № 10. С. 1–26.
- ⁶⁸ См.: ПСЗРИ-I. Т. 26. № 19311, 19800; Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997; Контев А.В. История Алтайского края XVIII–XIX вв. Барнаул, 2017.
- ⁶⁹ ПСЗРИ-II. Т. 5. № 3604.
- ⁷⁰ Там же. Т. 3. № 1960.
- ⁷¹ Там же. Т. 38. № 39995.
- ⁷² Там же. Т. 24. № 23263.
- ⁷³ Там же. Т. 5. № 3605.
- ⁷⁴ Там же. Т. 13. № 11283.
- ⁷⁵ Там же. Т. 8. № 5977; Т. 30. № 29365.
- ⁷⁶ Там же. Т. 15. № 15879.
- ⁷⁷ Там же. Т. 20. № 19457.
- ⁷⁸ Там же. Т. 31. № 31222.
- ⁷⁹ Там же. Т. 28. № 27812.
- ⁸⁰ Там же. Т. 39. № 40666.
- ⁸¹ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 7: Устав Горный.
- ⁸² См.: Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018.
- ⁸³ ПСЗРИ-II. Т. 38. № 39487.
- ⁸⁴ Объяснительная записка // Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13. Ч. 3. СПб., 1868. С. 68–79.
- ⁸⁵ ПСЗРИ-II. Т. 38. № 39487.

- ⁸⁶ Там же. Т. 42. № 44487.
- ⁸⁷ Там же. Т. 37. № 38178.
- ⁸⁸ Там же. Т. 40. № 42108.
- ⁸⁹ *Скальковский К.А.* Что такое горная администрация и каков должен быть круг ее деятельности? // Горный журнал. 1866. № 9. С. 380.
- ⁹⁰ ПСЗРИ-П. Т. 43. № 45832.
- ⁹¹ Там же. Т. 40. № 42108.
- ⁹² Объяснительная записка // Труды Комиссии ... С. 29–37, 320–334.
- ⁹³ ПСЗРИ-П. Т. 42. № 44406.
- ⁹⁴ Там же. Т. 45. № 48322.
- ⁹⁵ Там же. Т. 46. № 49152.
- ⁹⁶ Здесь и далее суммы указываются в переводе на серебряную монету, как это было в источниках.
- ⁹⁷ *Иванов П.А.* Краткая история управления горной частью на Урале. С. 58–59. В Полном собрании законов этот источник отсутствует.
- ⁹⁸ ПСЗРИ-П. Т. 45. № 48001.
- ⁹⁹ Там же. Т. 46. № 49181.
- ¹⁰⁰ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 5: Горное дело. СПб., 1888. С. 154, 155.
- ¹⁰¹ Извлечение из всеподданнейшего отчета министра государственных имуществ по горной части за 1881 г. // Горный журнал. 1883. № 2. С. 351–369.
- ¹⁰² Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1886. № 6. С. I–XXVI; *Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России ... С. 294–298.
- ¹⁰³ ПСЗРИ-П. Т. 46. № 50132.
- ¹⁰⁴ ПСЗРИ-III. Т. 6. № 3569.
- ¹⁰⁵ Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1895. № 2. С. 32–48.
- ¹⁰⁶ ПСЗРИ-III. Т. 12. № 9182.
- ¹⁰⁷ *Иосса Н.А.* К вопросу о реорганизации горного ведомства // Горный журнал. 1909. № 4. С. 83.
- ¹⁰⁸ ПСЗРИ-III. Т. 3. № 1522; Т. 7. № 4214.
- ¹⁰⁹ Там же. Т. 13. № 9348.
- ¹¹⁰ Там же. Т. 7. № 4920.
- ¹¹¹ Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1900. № 9. С. 210–215.
- ¹¹² ПСЗРИ-III. Т. 8. № 4951.
- ¹¹³ Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1903. № 9. С. 210–219.
- ¹¹⁴ ПСЗРИ-III. Т. 3. № 1846.
- ¹¹⁵ Там же. Т. 11. № 7689.
- ¹¹⁶ Там же. Т. 14. № 10420.
- ¹¹⁷ Там же. Т. 15. № 11262.
- ¹¹⁸ Указания и распоряжения правительства // Горный журнал. 1903. № 9. С. 209–210.
- ¹¹⁹ ПСЗРИ-III. Т. 15. № 11262.
- ¹²⁰ ПСЗРИ-П. Т. 43. № 45807.
- ¹²¹ ПСЗРИ-III. Т. 17. № 13937; Т. 20. № 18117.
- ¹²² Постановления и указания правительства // Горный журнал. 1917. № 4–5. С. 59–60.
- ¹²³ Там же. Т. 27. № 29807.
- ¹²⁴ *Сапелкин В.В.* Горное дело в России: перечень и справочная адресная книга горнопромышленных предприятий Европейской и Азиатской России со статистическими сведениями за 1901 г. СПб., 1903. С. 17.
- ¹²⁵ *Иосса Н.А.* К вопросу о реорганизации горного ведомства. С. 83.
- ¹²⁶ Схематический проект реорганизации Приамурского горного управления и горных округов Приамурской горной области. Хабаровск, 1917.
- ¹²⁷ *Робук К.Е.* О статистических работах горного ведомства и о способах улучшения их постановки // Горный журнал. 1916. № 3. С. 215.
- ¹²⁸ *Неклюдов Е.Г.* Реформирование горного надзора в России во второй половине XIX – начале XX в.: проекты и их реализация // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2(198). С. 181–196. Общее количество окружающих инженеров достигло 65.
- ¹²⁹ Россия накануне великих потрясений. Социально-экономический атлас. 1906–1914 гг. М., 2017. С. 278–280.

- ¹³⁰ *Арсентьев Н.М.* Московское горное правление ... С. 12–15.
- ¹³¹ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). М., 1994.
- ¹³² *Скальковский К.А.* Что такое горная администрация ... С. 386.
- ¹³³ *Неклюдов Е.Г.* Горная реформа ... Гл. 2.
- ¹³⁴ *Иосса Н.А.* К вопросу о реорганизации горного ведомства. С. 77–83.

Библиография

- Арсентьев Н.М.* Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск: Изд. центр ИнСтИтут, 2019. 212 с.
- Балагуров Я.А.* Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1958. 211 с.
- Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С.* Территориально-экономическое управление в России в XVIII – начале XX в. Уральское горное управление. М.: Наука, 2008. 355 с.
- Иванов П.А.* Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург: Хромолитотипография К.К. Вурм, 1900. 71 с.
- Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 5: Горное дело. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. 304 с.
- Иосса Н.А.* К вопросу о реорганизации горного ведомства // Горный журнал. 1909. № 4. С. 77–83.
- Ишутова О.Н.* Административные реформы 60–70-х гг. XIX в. в горном ведомстве России и их реализация на Южном Урале: дис. ... канд. ист. наук. Уфа: [б.и.], 1999. 226 с.
- Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). М.: Эпифания, 1994. 848 с.
- Контев А.В.* История Алтайского края XVIII–XIX вв. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 232 с.
- Корепанов Н.С.* Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2006. 280 с.
- Кураев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005. 324 с.
- Лоранский А.М.* Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. СПб.: Тип. Г.А. Бернштейна, 1900. 204 с.
- Манин В.А.* Реформа горнозаводской промышленности Российской империи в начале XIX в.: особенности правового оформления и институционального обеспечения // Российская история. 2020. № 5. С. 45–58.
- Неклюдов Е.Г.* Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб.: Нестор-История, 2018. 576 с.
- Неклюдов Е.Г.* Реформирование горного надзора в России во второй половине XIX – начале XX в.: проекты и их реализация // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2(198). С. 181–196.
- Неклюдов Е.Г.* Эволюция правовых условий развития горной промышленности в Царстве Польском // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 136–148.
- Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.: Промышленная политика и управление. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 566 с.
- Робук К.Е.* О статистических работах горного ведомства и о способах улучшения их постановки // Горный журнал. 1916. № 3. С. 215.
- Россия накануне великих потрясений. Социально-экономический атлас. 1906–1914 гг. М.: Кучково поле, 2017. 672 с.
- Сапелкин В.В.* Горное дело в России: перечень и справочная адресная книга горнопромышленных предприятий Европейской и Азиатской России со статистическими сведениями за 1901 г. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1903. 1399 с.
- Соболева Т.Н., Разгон В.Н.* Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1997. 258 с.
- Схематический проект реорганизации Приамурского горного управления и горных округов Приамурской горной области. Хабаровск: [б.и], 1917. Разд. паг.

- Темник Ю.А.* Столетнее горное гнездо. Луганский завод (1795–1887 гг.). Т. 1: Выдающиеся деятели науки и техники XVIII–XIX вв. Луганск: Шико, 2004. 530 с.
- Тулисов Е.С.* История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX вв. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 1999. 365 с.
- Тулисов Е.С.* Организация управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII в. Екатеринбург: Банк культ. информ., 1999. 69 с.
- Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13: О горном промысле. Ч. 3: Проект Горного устава, составленный особой Комиссией. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. Разд. паг.
- Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. 13. Ч. 4: Проект Горного устава, составленный общим собранием Комиссии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. Разд. паг., 3 л. табл.
- Шкерин В.А.* Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 345 с.
- Штоф А.А.* Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 626 с.
- Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Вinius. М.: Наука, 2007. 558 с.
- Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-е – начале 30-х гг. XVIII в. М.: Наука, 1985. 367 с.

Гребенюк П. С.*

Золотопробышленность и золотые ресурсы России и СССР в первой половине XX в.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается история развития золотопробышленности России и СССР в первой половине XX в., анализируются опубликованные и архивные данные о добыче золота и золотых ресурсах, а также показывается значение золота как фактора государственной политики. Выделены этапы развития золотопробышленности России и СССР: 1901–1913 гг. характеризуются ежегодным увеличением золотодобычи, развитием механизации, ростом добычи рудного золота; во время Первой мировой войны в 1914–1917 гг. последовало снижение производства золота, а в условиях Гражданской войны 1918–1922 гг. – резкое падение золотодобычи; в 1923–1930 гг. были предоставлены исключительные льготы для предприятий отрасли и допуск частного капитала; в 1931–1945 гг. существовал ординарный и экстраординарный секторы золотопробышленности, которые выразились в деятельности двух крупнейших организаций – «Главзолота» и «Дальстрой»; в 1946–1953 гг. вся золотодобывающая промышленность страны функционировала в системе МВД СССР и основывалась на трудовой мобилизации заключенных. Показатели промышленной добычи химически чистого золота, по нашим расчетам, составили в 1901–1917 гг. – 682,5 т, в 1918–1922 гг. – 29,5 т, в 1923–1930 гг. – около 200 т, в 1931–1940 гг. – 1049 т, в 1941–1950 гг. – около 1200 т. Основную часть золота в 1931–1950 гг. поставили две организации: «Главзолото»/«Главспеццветмет» и «Дальстрой» добыли 2029,4 т золота, при этом добыча «Главзолота» составила 1116,2 т (около 55%), а на «Дальстрой» пришлось 913,2 т (около 45%). Золото было одним из немногих товаров, которые всегда востребованы на мировом рынке. Оно использовалось в чрезвычайных для государства ситуациях и критические периоды для корректировки внешнеторгового дефицита, гарантии иностранных кредитов и приобретения товаров, которые или было невозможно произвести самим, или которые при производстве в СССР обошлись бы крайне дорого. Развитие золотодобывающей промышленности СССР не следовало из прямой прогнозной калькуляции прибыли и убытков, а стало следствием решений, принятых руководством страны в конце 1920-х – начале 1930-х гг., продиктованных памятью об экономической блокаде периода Гражданской войны, опытом «Великой депрессии» и верой в абсолютное значение золота для функционирования экономики западных стран.

Ключевые слова: золото, золотопробышленность, советская золотодобыча, экспорт золота, золотой запас, Российская империя, СССР, «Главзолото», «Дальстрой», МВД СССР.

Исследователи неоднократно обращались к истории золотопробышленности России/СССР в первой половине XX в.¹, рассматривая роль золота и соответствующей государственной политики в рамках развития самой отрасли, а также реконструкции отдельных эпизодов советской истории, связанных с золотом².

Особый интерес ученые проявляют к вопросу экономической эффективности золотодобычи в СССР в 1930–1950-е гг., в том числе и в сравнении с другими источниками поступления драгоценного металла³.

Наиболее значимый вклад в исследование этой темы принадлежит Л.В. Сапоговской⁴, которая выявила и обработала большой комплекс источ-

* Гребенюк Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН (г. Магадан), grebenyuk.pavel@gmail.com.

ников, изучила развитие золотопромышленности и содержание золотопромышленной политики России и СССР, рассмотрела роль золота в государственной политике. Широкий круг вопросов отличает незавершенную монографию исследовательницы⁵, подготовленную к публикации ее коллегами. Л.В. Сапоговская отметила влияние золотодобычи на формирование социально-экономических моделей развития страны, монопольную роль государства в системе производственных взаимоотношений, а также значение пополнения золотых ресурсов в экономической системе страны.

Более подробно в публикациях автора отражены периоды: конца XIX — начала XX в., Гражданской войны и первых лет советской власти. В отдельной публикации Л.В. Сапоговская впервые рассмотрела развитие золотопромышленности СССР и роль золота в военно-экономическом противостоянии 1939—1945 гг.⁶ В работе был сделан акцент на реконструкции хронологии развития советской золотопромышленности в предвоенное время и в период войны, на использовании золота в отношениях с союзниками и в решении проблем жизнедеятельности страны. Исследовательница привела сведения по отдельным годам — о добыче золота, золотых резервах, экспорте золота, деятельности предприятий «Главзолото» и работы «Дальстроя» на Северо-Востоке СССР. «Дальстрой» и развитие золотодобывающего комплекса на Северо-Востоке рассматриваются в публикациях И.Д. Бацаева⁷, В.Г. Зеляка⁸, А.И. Широкова⁹. Усилиями этих ученых проведена детальная реконструкция истории развития золотодобычи в «Дальстрое», использования трудовых ресурсов, а также технических аспектов функционирования золотодобывающего комплекса на Северо-Востоке страны.

В целом в научной литературе отмечается, что проблема изучения истории золотопромышленности России/СССР еще не вышла из стадии накопления фактического материала, а общероссийские и региональные исследования не охватывают всего комплекса проблем данной тематики¹⁰.

Кроме того, анализ обобщающих работ выявляет изъяны в использовании понятийного аппарата, известную ограниченность источниковой базы, и как следствие, недостаток критического анализа источников, привлекаемых для реконструкции достижений золотой промышленности. До настоящего времени наблюдается источниковедческий «голод» по таким важным проблемам, как показатели золотодобычи и золотые резервы СССР, пополнение золотовалютных запасов, официальный экспорт золота, использование золотых ресурсов в разведывательных операциях¹¹. Если золотодобыча «Дальстроя» широко представлена в различных специальных и обобщающих исследованиях, то имеющиеся в публикациях данные «Главзолота» носят отрывочный характер. Это также связано с тем, что часть архивной информации остается неизвестной для ученых, между тем использование накопленных сегодня данных позволяет сделать некоторые выводы в контексте истории золотопромышленности и историко-экономических аспектов «золотой» политики государства.

Основное внимание в данной статье сконцентрировано на обобщении и источниковедческом анализе опубликованных и архивных данных о добыче золота и золотых ресурсах в России и СССР в первой половине XX в., а также о роли золота в государственной политике. Проблематика исследования заклю-

чается в установлении объемов промышленной добычи и поступлений золота из дополнительных источников, размеров золотого запаса и экспорта золота в указанный период. Ключевые вопросы исследования: была ли эффективна добыча золота по экономическим критериям; какое место в структуре добычи занимал экстраординарный сектор советской золотопромышленности, выразившийся в деятельности «Дальстроя», использовавшего принудительный труд заключенных; какую роль в экономическом планировании золотодобычи играли геополитический, природный и климатический факторы; как соотносится экономика — добычи золота в СССР и золотодобывающих предприятий западных стран с рыночным регулированием; каково значение золота в советской внешней торговле, какую роль играл директивно установленный валютный курс рубля?

С этой целью мною изучены архивные документы государственного института по проектированию предприятий золотоплатиновой промышленности — «Главзолота» Наркомата цветной металлургии («Гипрозолото»). Подготовленные в 1944 г. в виде «Сборника материалов по золотой промышленности. 1493—1943 гг.»¹², эти материалы содержат расчеты показателей добычи золота России/СССР до 1943 г., в том числе детальную технико-экономическую информацию о деятельности «Главзолота».

Российская золотопромышленность в 1901—1922 гг.

В России золотопромышленность развивалась как сфера частного предпринимательства, чему способствовала отмена всех сословных ограничений на право разработки золота, закрепленная в «Уставе о частной золотопромышленности 1870 г.»¹³. Большая часть золотоносных площадей предоставлялась золотопромышленникам на основе аренды, при этом государство оставляло за собой широкие права по регламентации и контролю добычи металла. Делами золотопромышленности ведали Министерство торговли и промышленности, Горный департамент, Горный совет, Горный ученый комитет, Совет по горнопромышленным делам, Геологический комитет, Горные управления.

Высочайшим установлением от 8 августа 1896 г. был фиксирован курс на золотую монету, а нарицательное достоинство золотой монеты приведено в соответствие с ее ценой. В 1897 г. определены основания выпуска кредитных билетов Государственного банка под обеспечение золотом, цена на золото повышена до 5 руб. 51 коп. за золотник. В 1898 г. сроком на 10 лет были отменены таможенные пошлины на машины и оборудование для золотопромышленности¹⁴.

С 1 марта 1902 г. вступил в силу Закон от 12 марта 1901 г. — о свободном обращении золота, отменивший обязательное представление золота в казну, а с 1 января 1902 г. на золотопромышленные компании были распространены положения о государственном промысловом налоге, смягчившие налоговую нагрузку на отрасль. Все эти факторы способствовали развитию золотодобычи, ускорению оборота капиталов и привлечению инвестиций.

Золотой запас, позволивший провести реформу 1895—1897 гг. был эквивалентен 13—14-годовым объемам предшествующих лет. Источниками накопле-

ния резервов стали собственная золотодобыча и покупка металла за границей, активный торговый баланс и доходный бюджет. К 1910 г. объем накопленных золотых резервов в стоимостном выражении превысил 1 млрд руб., а в физическом — около 900 т.¹⁵

В золотой промышленности России конце XIX — начале XX в. внедрялась разработка месторождений драгами, экскаваторами, гидравлическими установками, а также интенсивно — жильных месторождений золота крупными компаниями. К числу достижений этого периода следует отнести обработку эфелей, извлечение из них золота химическим путем и увеличение добычи попутного золота на медных и свинцово-плавильных заводах. Так, на заводах «Английского общества кыштымских горных заводов» оборудовали отделение для электролиза меди и извлечения золотосодержащих шламов, путем рафинирования которых в 1912 г. было получено 950 кг золота¹⁶. Русско-японская война и события 1905 г. не сильно отразились на золотопромышленной отрасли, после небольшого снижения до 33,6 т химически чистого золота в 1905 г., золотодобыча стабильно возрастала, достигнув в 1910 г. рекордной цифры, — 53,6 т химически чистого металла¹⁷. Эти результаты обуславливались активной разработкой приисков Восточной Сибири.

Всего перед началом Первой мировой войны под золотой промысел было отведено около 600 тыс. дес., однако фактическая разработка охватывала площадь в 150 тыс. дес.¹⁸ Резервы золотоносных земель с высоким содержанием металла позволяли золотопромышленникам продвигаться в восточные регионы страны, разрабатывая новые богатые участки. Истощение россыпных месторождений обусловило активную разработку рудных месторождений золота, в первую очередь на Урале, где к 1914 г. добывалось до 70% общей добычи рудного золота. Согласно расчетам, к началу Первой мировой войны добыча рудного золота составляла до 15% всей золотодобычи России, а россыпного — 85%.

В конце XIX — начале XX в. важным фактором развития золотой промышленности страны была разработка рудных месторождений на Урале и в Западной Сибири с применением химического способа извлечения золота. В предвоенные годы в системе российского горнозаводского хозяйства золотоплатиновая промышленность занимала четвертое место после производства угля, чугуна и нефти. Численность рабочих, занятых в отрасли превышала 85 тыс. чел., а стоимость продукции отрасли (производство золота и платины) к 1910 г. составила около 79 млн руб.¹⁹

Суровый климат, глубокое промерзание почвы, отдаленность, малая изученность золотоносных районов и бездорожье затрудняли промышленное освоение золотых месторождений. В первую очередь разрабатывались наиболее богатые и доступные участки, требующие наименьших затрат. Развитие отрасли шло экстенсивным путем за счет увеличения количества золотоносных площадей и разработки россыпных месторождений.

Добыча на россыпных месторождениях велась «золотничниками», уплачивавшими приисковому управлению арендную плату или установленное количество золота («положение») за право разработки золотоносного участка. Уплачиваемое ими золото принимали приисковые управления по понижен-

ной цене: 30–50% получаемой золотопромышленниками от государства. Все золото, добываемое «золотниками» сверх «положения», уже оплачивалось приисковыми управлениями по более высокой цене. «Золотничные» работы не требовали от предпринимателя затрат на постройку жилых помещений, проведения горно-подготовительных работ и разведки – все эти мероприятия выполняли сами «золотники». В 1911–1913 гг. «золотничные» работы приносили до 60% общей добычи россыпного золота в России²⁰. На участках с пониженным содержанием золота получили распространение «старательские» работы. Старателями являлись рабочие приисковых управлений, которые работали в свободное время с обязательной сдачей всего добытого золота приисковому управлению по сниженным ценам.

Способы разработки золотых россыпей включали разработку приисков открытыми или подземными работами при помощи мускульного труда рабочих и добычу песков механическим способом. Развитие отрасли требовало механизации производства как на россыпной, так и на рудной добыче. Для разработки площадей с пониженным содержанием золота внедрялись механические методы добычи – драгами, или экскаваторами и гидравлическим способом. В России горное оборудование практически не производилось, при этом высокие ввозные пошлины и накладные расходы увеличивали стоимость необходимых машин и материалов, а построенные на Невьянском и Путиловском заводах 32 драги не имели запасных частей и оказались непригодными к условиям работ на Урале и в Сибири.

Золотопромышленные предприятия в большинстве случаев переходили на механизированные работы лишь в случае убыточности ведения добычи мускульным способом, как это было в Енисейском округе. Здесь в 1901 г. появилась первая драга, установленная по образцам американских и новозеландских предприятий²¹. В 1914 г. там уже работали 32 драги, т.е. более половины дражного флота страны, дававшие 90% золотодобычи округа²².

Всего дражный флот России в 1911 г. включал 48 драг, отработавших за год 168 дней, переработавших 162 тыс. куб. м горной массы со средним содержанием золота 0,39 г/куб. м. Наибольшего развития добыча золота драгами получила в Восточной Сибири. Всего в 1913 г. в стране дражные разработки обеспечили добычу 3 326 кг золота, гидравлические разработки – 213 кг²³.

Рост себестоимости горных работ при фиксированной цене на золото ставил вопрос о рентабельности производства. Кроме того, оформление горного отвода в России занимало до двух лет, тогда как в США и Австралии – менее двух месяцев²⁴. Высокие сборы в казенных золотосплавочных лабораториях за аффинаж золота приводили к тому, что часть этого драгметалла поступала в частные лаборатории и затем уходила за рубеж. В 1911 г. объем золота, нелегально вывезенного за границу, определялся в 22,8 млн руб.²⁵

Всего в Российской империи к 1911 г. добычей золота занимались около 20 акционерных обществ, обязанных публичной отчетностью, вложивших в его разработку около 80 млн руб., и 596 предприятий, не обязанных публичной отчетностью. Согласно расчетам, в том же году прибыль всех золотопромышленных предприятий, добывших 3 178 пуд. золота, составила 4,6 млн руб. (около 4,7% доходности на вложенный капитал), а средние дивиденды 13 рос-

сийских доходных акционерных предприятий — 7,2%²⁶, при этом тот же показатель английских и американских акционерных обществ доходил до 15–19%²⁷. Иностранные капиталовложения в золотую промышленность России определялись в сумме около 25 млн руб. (около 2% общемировых). В предвоенное пятилетие империя с 9% в структуре мировой добычи занимала четвертое место, уступая Трансваалю (33%), США (20%) и Австралии (14%)²⁸.

Развитие российской золотодобывающей отрасли сдерживали: слабая геологическая изученность золотоносных районов, низкий уровень механизации производственных процессов, отдаленность золотоносных районов от населенных пунктов и дорожной сети, неразвитость транспортной инфраструктуры, сложный порядок оформления горных отводов, высокие таможенные пошлины на импортное горное оборудование, высокие налоги и сборы, отсутствие инструментов банковского кредитования под промышленные запасы.

Каковы были итоговые показатели золотой промышленности в начале XX в.? При оценке российской золотодобычи этого периода обращаются к двум основным источникам: 1) данные о количестве золота, зарегистрированного на приисках в шнуровых или золотозаписных книгах; 2) данные о количестве золота, поступившего в золотосплавочные лаборатории. Золотозаписные книги не отражали объемы действительной добычи — часть золота утаивали сами золотопромышленники и рабочие, и затем она поступала на сплав в лаборатории под видом «вольноприносительского». Однако данные лабораторий также не дают окончательных цифр реальной добычи, т.к. часть золота, добытого в течение года, поступала на сплав лишь в следующем, соответственно, часть золота, поступающего на сплав в текущем году, относилась к добычи предыдущего года. Кроме того, часть золота добываемого в Восточной Сибири, вывозилась за границу²⁹. Данные о добыче рудного (жильного) золота можно определить только по данным записных (шнуровых) книг, данные о добыче россыпного золота высчитывались из разности золота, поступившего в золотосплавочные лаборатории, и добычи жильного золота — по записям шнуровых книг.

Этим объясняются различия в сведениях о золотодобыче, имеющиеся в научной литературе. Так, в работе Л.В. Сапоговской приведены данные о динамике золотодобычи в России в 1870–1914 гг.: сведения начала XX в. вплоть до 1912 г. показаны на основе данных золотозаписных книг, а показатели 1912–1913 гг. — золотосплавочных лабораторий³⁰.

Сделанные В.Г. Лешковым расчеты объема производства российского золота в тот же период основаны на сведениях, имеющихся в золотозаписных книгах³¹.

Между тем учет металла по данным казенных и частных золотосплавочных лабораторий с 1904 г. представлял более высокие и более точные цифры добычи золота, т.к. отражал не только показатели из приисковых записных книг, но и данные по вольноприносительскому или старательскому золоту.

Л.Б. Кафенгауз рассчитал добычу этого драгметалла по сведениям золотосплавочных лабораторий. При этом показатели добычи рудного и химического золота приведены по данным записных книг, россыпного — из разности: золота, поступившего на сплав, и добычи — рудного³².

Однако золото, поступавшее в лаборатории на сплав, это шлиховое золото, и при использовании этих данных нужно иметь в виду, что речь идет о показателях шлихового золота, поступившего в лаборатории. Кроме того, оценка стоимости продукции и удельного веса золотопромышленности производится по стоимости химически чистого золота, полученного в лаборатории из шлихового золота. Это приводит к несоответствию между указанными показателями добычи золота, в действительности отражающими объемы поступившего в лаборатории шлихового золота, и стоимостью продукции золотодобычи, выраженной в стоимости химически чистого золота³³.

Согласно расчетам, в 1901–1913 гг. добыча золота, по данным золотозаписных книг, составила 455,3 т, поступившее в золотосплавочные лаборатории шлиховое золото – 640,3 т, полученное в тех же лабораториях химически чистое золото – 542,4 т (табл. 1). Разница показателей между количеством поступившего в лаборатории шлихового золота и количеством полученного в них же химически чистого золота за 1901–1913 гг. составила почти 100 т.

Таблица 1

Показатели золотой промышленности России в 1901–1913 гг.

Годы	Добыча золота по данным золотозаписных книг			Поступление и получение золота в золотосплавочных лабораториях		
	Всего, (кг)	Россыпное золото (кг)	Рудное золото (кг)	Поступление шлихового золота (т)	Получение химически чистого золота (т)	Стоимость химически чистого золота (млн руб.)
1901	39 134	35 335	3 799	39,3	34,2	44,2
1902	34 859	30 696	4 161	38,9	33,4	39,3
1903	34 712	29 699	5 012	41,8	36,3	39,3
1904	33 945	28 195	5 750	43,7	37	47,9
1905	30 486	24 701	5 784	39	33,6	43,4
1906	30 650	26 343	4 307	42,7	36,7	47,4
1907	30 701	26 128	4 573	44,6	37,7	48,7
1908	34 826	28 783	6 042	49,8	42,3	54,5
1909	38 808	31 220	7 587	56,7	48,7	62,8
1910	42 872	34 354	8 518	63,6	53,6	69,1
1911	39 825	31 717	8 107	61,2	52	67,1
1912	31 990	23 278	8 711	58,2	47,7	61,7
1913	32 515	24 426	8 088	60,8	49,2	63,6
1901–1913	455 323	374 875	80 439	640,3	542,4	627,9

Источники: Добыча золота по данным золотозаписных книг приводится согласно расчетам, подготовленным в 1944 г. в Государственном Институте по проектированию предприятий золотоплатиновой промышленности Главзолото НКЦМ («Гипрозолото»). Показатели добычи рудного золота включают жильное золото и золото, добытое химическим способом. См.: ГАМО. Ф. Р-23, Оп. 1. Д. 1542. Л. 17. Поступление и получение золота в золотосплавочных лабораториях рассчитано автором по: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 г., Пг., 1918. С. VI–VII; Общий обзор главных областей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915. С. 4.

Это меняет сложившиеся в историографии представления об объемах золотодобычи в России до 1917 г. Так, по расчетам института «Гипрозолото», основанным на данных золотосплавочных лабораторий, добыча золота в стране в 1901–1917 гг. составила 805,4 т.³⁴, по данным В.Г. Лешкова – 777,8 т.³⁵ Однако, согласно анализу показатели добычи в 1901–1917 гг., отраженные в источниках и литературе, – это объемы не химически чистого золота, а шлихового, поступившего на сплав в лаборатории³⁶.

По моим расчетам, документально подтвержденные показатели промышленной добычи химически чистого золота в 1901–1917 гг. составили 682,5 т. Думается, более точным будет выражение конечных результатов золотой промышленности в количестве химически чистого золота, полученного в золотосплавочных лабораториях, что вместе с учетом других производственных показателей позволяет получить подробное представление о развитии золотодобывающей отрасли.

Денежное обращение, основанное на золоте действовало до начала Первой мировой войны, свободный обмен банкнот на золото по фиксированному золотому содержанию был отменен за несколько дней до официального вступления России в войну согласно Закону, принятому Государственной думой 27 июля 1914 г.³⁷ Война отразилась на золотопромышленной отрасли, техническое оборудование и материалы для которой поставлялись из-за рубежа. Так, из Германии поступали локомотивы, паровые машины и химикаты, используемые для извлечения золота, из Англии и Америки поставлялись драги, обогатительное и горнозаводское оборудование, разведочные станки.

Сокращение поставок из-за границы, недостаток товаров на внутреннем рынке, переход рабочих золотых приисков в действующую армию и другие отрасли промышленности привели к удорожанию стоимости работ и заметному сокращению добычи золота. В 1914 г. ее объем составил 41,4 т, в 1915 г. – 41,5, в 1916 г. – 30,4, а в 1917 г. – 26,8 т чистого золота³⁸.

После революционных событий октября 1917 г. в стране был установлен государственный контроль над обращением драгоценных металлов, национализировано банковское золото, введена скупка всего производимого золота. Первые годы Советского государства ознаменовались смещением приоритетов в сторону изъятия драгоценных металлов и других ценностей у населения. Золотопромышленность в годы Гражданской войны находилась в состоянии разрухи, многие приисковые и рудничные разработки были остановлены, добыча золота составила в 1918 г. 14,1 т, в 1919 г. – 5,1, в 1920 г. – 2,3, в 1921 г. – 1,8, в 1922 г. – 6,2 т.³⁹

Развитие советской золотопромышленности в 1920-е гг.

Декрет СНК от 31 октября 1921 г. «О золотой и платиновой промышленности»⁴⁰ закрепил ряд принятых ранее важнейших положений, а также предоставил право всем гражданам РСФСР, кооперативам, артелям и прочим объединениям право производить поиски, разведку и добычу золота и платины на советских землях. Кроме того, стало возможным получать от государства для эксплуатации на договорных началах государственные золотоплатиновые предприятия и прииски. Положения этого декрета, сохраняя государственную монополию на продукцию, послужили толчком к увеличению добычи золота. Фактор последнего на внешнем рынке (в рамках намечавшегося перехода к новой экономической политике в сравнении с общими нормами советского горного права) обеспечил исключительные условия для золотой промышленности.

Окончание Гражданской войны, стабилизация ситуации в стране и систематизация законодательных норм, а также льготные условия для золотых разработок позволили уже в 1922 г. вдвое увеличить показатели добычи золота. Внимание государства к проблемам золотодобывающей отрасли нарастало по мере осознания роли собственной золотодобычи как главного источника поступления валютного металла. По мнению Л.В. Сапоговской, уже в это время обозначились зачатки специфики советской золотопромышленной политики, с ее особым статусом, специальной системой льгот, а также установкой на обречение золота «любой ценой»⁴¹.

В первой половине 1920-х гг. в отрасли создавались тресты, деятельность которых постепенно охватила большую часть районов золотодобычи. В данной отрасли допускались организация смешанных обществ и привлечение частного капитала, на территориях государственных трестов на условиях субаренды разрешалась организация старательских и частных арендных работ. Для частной золотопромышленности были предусмотрены коммерческие кредиты под обеспечение будущей добычей и приобретаемым оборудованием⁴².

Управление отраслью было сосредоточено в Главном комитете по делам золотоплатиновой промышленности ВСНХ («Главзолото»), которому постепенно были предоставлены расширенные полномочия по ведению хозяйственной деятельности, закупке оборудования, материалов и продовольствия, перевозке грузов, формированию собственных парков — водного и автомобильного, размещению заказов и льготному кредитованию.

Более того, в 1925 г. в СССР все золотопромышленные предприятия освободили от уплаты налогов, государственные предприятия — от арендной платы, а для частных предприятий установили предел арендной платы — 3%⁴³. С 1923 г. по 1924 г. объемы советской золотодобычи увеличились с 11 до 23,9 т, а в 1925 г. составили 29 т.⁴⁴

Рекомендации I Всесоюзного золотопромышленного съезда, созванного в апреле 1926 г., содержали комплекс конкретных мер по дальнейшему развитию отрасли, основанных на сочетании крупной механизированной добычи и старательского сектора, расширении налоговых и таможенных льгот, вне-

дрении геологоразведочных работ, развитии отечественного машиностроения и подготовке кадров для золотопромышленности⁴⁵.

Между тем кризисные явления в советской экономике, проявившиеся отрицательным сальдо внешней торговли и снижением биржевых котировок советского червонца, привели к распродаже золотого запаса, когда в 1926–1927 гг. за границу отправили 160 т золота на сумму 205 млн руб.⁴⁶ Указанные факторы, наряду с некоторым снижением в 1926–1928 гг. добычи металла в основном золотодобывающем регионе страны – Ленском районе, обусловили повышенное внимание к проблемам форсированного развития золотых разработок.

В 1927 г. путем создания Всесоюзного государственного акционерного общества «Союззолото» золотопромышленность СССР была реорганизована. Это Общество, находившееся в двойном подчинении ВСНХ и Госбанка СССР, сконцентрировало в своих руках активы крупнейших золотодобывающих структур (трестов и приисковых управлений). Централизация отрасли отвечала курсу на индустриальную модернизацию экономики, требовавшую импорта оборудования.

Возглавлял «Союззолото» А.П. Серебровский, бывший председатель треста «Азнефть», имевший управленческий опыт в осуществлении стратегии модернизации производства и показавший свои способности в привлечении иностранного капитала в нефтяную промышленность СССР⁴⁷.

В ноябре 1929 г. на базе «Союззолота» создали новую государственную организацию – Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины – «Цветметзолото» ВСНХ СССР.

В 1932 г. золотопромышленность страны перешла в ведение Наркомата тяжелой промышленности СССР⁴⁸. А.П. Серебровский стал заместителем наркома Г.К. Орджоникидзе и возглавил главное управление золотоплатиновой промышленностью – «Главзолото», где было сконцентрировано управление золотодобывающими трестами⁴⁹.

Деятельность «Главзолота»

После централизации производства основное внимание было сосредоточено на развитии государственной добычи золота. Ее рост в начале 1930-х гг. значительно обгонял старательскую золотодобычу, удельный вес которой снизился с 1930 по 1932 г. с 40 до 32,2%⁵⁰. Однако государство не могло самостоятельно охватить разработками большое количество мелких, но учтенных к началу 1930-х гг. месторождений. В этой связи правительство рядом законодательных изменений в 1932–1934 гг. закрепило правовой статус старателей, налоговые освобождения и полное социальное страхование, что вместе с введением неограниченного отоваривания сдаваемого старателями золота и предоставлением ряда особых льгот стимулировало естественный приток населения на старательские работы⁵¹.

Капитальные вложения в развитие золотодобычи в середине 1930-х гг. достигали рекордных показателей. Так, по «Главзолоту» в 1933 г. они составили 250 млн руб., в 1934 г. – 230, в 1935 г. – 225, в 1936 г. – 244, в 1937 г. –

223 млн руб⁵². С 1933 г. по 1938 г. количество гидравлических установок возросло до 179, фабрик с законченным циклом обработки — с 5 до 18, а число золотых драг — с 53 до 69⁵³. К 1937 г. на балансе «Главзолота» имелись 3 168 автомашин всех марок, 59 пароходов, 41 200 лошадей. Огромные вливания в золотодобывающую промышленность в период первых пятилетних планов, импорт иностранной техники, машин и оборудования, которые не были доступны в СССР, а также привлечение иностранных специалистов к разработке месторождений позволили достигнуть высоких показателей добычи.

Таблица 2

Показатели золотодобычи «Главзолота» в 1928–1937 гг.

Показатели/Годы	1928/ 1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Добыто золота, кг	20 715	24 072	28 267	31 399	40 036	54 947	67 781	85 512	82 959
Коммерческая себестоимость грамма химически чистого золота (руб. за гр.)	н/св	н/св	н/св	н/св	7,03	7,81	11,95	12,20	н/св
Из общей добычи рудное золото (кг)	4 923	7 311	10 231	12 459	15 329	21 387	29 578	40 419	37 420
Из общей добычи россыпное золото (кг)	15 792	16 761	18 036	18 940	24 707	33 560	38 203	45 093	45 539
Из общей добычи государственное золото (кг)	9 648	14 440	17 295	21 318	25 996	31 547	35 062	42 894	36 395
Из общей добычи старательское золото (кг)	11 067	9 632	10 972	10 081	14 040	23 400	32 719	42 618	46 564

Составлено автором по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 89–93, 163.

Показатели золотодобычи «Главзолота» в 1928–1937 гг. представлены в таблице 2. С 1932 по 1936 г. добыча выросла с 31,3 до 85,5 т золота⁵⁴. Общая численность рабочих золотой промышленности «Главзолота» достигла 273 тыс. чел. В 1937 г. добыли 82,9 т золота, из которых 36,3 т (43,9%) пришлось на государственную добычу, и 46,5 т (56,1%) поставили старатели. В 1936–1938 гг. последние давали более 70% россыпного золота, добываемого «Главзолотом», к 1938 г. численность его старателей составляла 98,3 тыс. Попытки преобразовать старательскую золотодобычу и лишить старателей льгот и привилегий привели к значительному сокращению их численности и снижению объемов золотодобычи в 1938–1939 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 апреля 1940 г. старателям были восстановлены все ранее действовавшие льготы, а также отмечены «неправильные и ошибочные установки», допущенные руководящими работниками отрасли⁵⁵.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. предприятия «Главзолота» располагались на территории свыше 4 млн кв. км и в основном были сосредоточены в районах Урала, Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. В тот период «Главзолото» разрабатывало около 200 рудных, 1 235 россыпных и 90 дружных объектов, не считая многочисленные гидравлические и мелко механические участки⁵⁶.

Месторождения рудного золота были локализованы на Урале (Березовского, Учалинское, Благодатное, Кочкарское, Джетыгаринское, Кумакское и др.), в Казахстане (Майкаинское, Сталинское, Бестюбинское, Джеламбатское, Степнякское и др.), Западной Сибири (Центральное, Берикульское, Артемовское, Советское и др.) и Восточной (Балейское, Дарасунское, Ключи и др.). Крупные россыпные месторождения располагались в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, дражные – на Урале и Енисее.

Таблица 3

Государственные капитальные вложения и технико-экономические показатели золотодобычи «Главзолота» в 1938–1943 гг.

Показатели/Годы	1938	1939	1940	1941	1942	1943	Итого 1938– 1943 гг.
Капитальные вложения (млн руб.)	158,6	180,5	175,6	146,5	75,8	57,1	794,1
Добыто золота (кг)	69028	63994	79488	83249	55756	37836	389351
Себестоимость грамма химически чистого золота (руб. за гр.)	15,23	15,78	16,63	16,25	17,30	19,61	–
Текущие затраты на добычу золота (млн руб.)	1051	1009	1321	1352	964	741	6438
Из общей добычи рудное золото (кг)	28356	28657	35550	36240	24208	16496	169507
Из общей добычи россыпное золото (кг)	40672	35337	43938	47009	31368	21340	219664
Общая численность рабочих (чел.)	173944	141388	156749	162137	126481	101970	–
Из общей добычи государственное золото (кг)	33554	37252	44795	42777	28477	17611	204466
Численность государственных рабочих (чел.)	75591	70854	72909	67146	52342	45578	–
Из общей добычи старательское золото (кг)	35474	26742	34693	40472	27099	26225	190705
Численность старателей (чел.)	98353	70534	83840	94991	74139	56392	–

Составлено автором по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 89–163.

Данные о капитальных вложениях и показателях золотодобычи «Главзолота» в 1938–1943 гг. представлены в таблице 3. Начиная с 1937 г. капитальные вложения в предприятия «Главзолота» постепенно сокращались и в 1941 г. составили 152 млн руб⁵⁷. Соответственно снизились и расходы на перспективные геологоразведочные работы. В годы войны добыча золота в СССР резко упала в связи с сокращением рабочей силы на предприятиях «Главзолота» и ухудшением его материально-технического снабжения. За период с 1941 г. по 1943 г. количество государственных рабочих сократилось на 32%, число старателей уменьшилось на 35%, а добыча золота по «Главзолоту» к 1944 г. опустилась до 37,8 т.⁵⁸

По данным таблицы, всего за период 1938–1943 гг. «Главзолото» поставило 389,3 т золота, в том числе 169,5 т – рудного и 219,6 т – россыпного. Государственная добыча составила 204,4 т золота, старатели поставили 190,7 т. Капитальные вложения за этот период составили 794,1 млн руб., а текущие затраты на добычу золота – 6,4 млрд руб.

«Дальстрой» и развитие советской золотопромышленности

Рост показателей золотодобывающей промышленности с конца 1920-х – начала 1930-х гг. определялся такими факторами, как осуществление программы государственных инвестиций, развитие старательской золотодобычи и повышение удельного веса рудной золотодобычи. Еще одним важнейшим фактором стали обнаружение богатых месторождений на р. Колыме на Крайнем Северо-Востоке страны и освоение этого района в 1930–1950-х гг. специализированным государственным институтом «Дальстрой». Его основная деятельность была связана с добычей золота.

«Дальстрой» был создан в 1931 г. как государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы. В 1938 г. трест передали в ведение НКВД СССР и преобразовали в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР. Структура организации включала Главное управление и производственные подразделения, среди которых был и Северо-восточный трудовой лагерь⁵⁹.

Главное управление «Дальстроя» располагалось в г. Магадане. В 1942 г. аппарат Главного управления состоял из более чем 20-ти подразделений⁶⁰. Главное управление осуществляло руководство производством через горнопромышленные управления: Северное, Западное, Чай-Урьинское, Южное, Тенькинское, Юго-Западное, Янское, Чаун-Чукотское (конец 1942 г.)⁶¹. Горнопромышленные управления охватывали основные горнодобывающие районы на обширной территории Северо-Востока СССР. Территориально-организационная структура горнопромышленных управлений постоянно изменялась в соответствии с производственными требованиями. В распоряжении начальника горнопромышленного управления для обеспечения рабочей силой находились ресурсы соответствующего лагеря – Севвостлага. Каждое горнопромышленное управление имело в подчинении целый комплекс необходимых предприятий, включая геологоразведочную службу, электростанции, ремонтно-механические мастерские, автобазы и дорожные отделы, связь, са-

нитарные учреждения, жилищно-коммунальное хозяйство, подсобные сельские и лесные хозяйства, строительные конторы и мастерские бытового обслуживания, предприятия торговли и общественного питания.

Руководство «Дальстроя» стремилось закрепить квалифицированных рабочих и специалистов, для чего по всему СССР располагались специальные отделения этого треста, а также уполномоченные, которые вербовали специалистов и заключали с ними трудовые договоры на трехлетний срок. Также кадровый состав пополняли за счет бывших заключенных. К концу 1945 г. в «Дальстрое» работали 204 150 чел., из них вольнонаемных — 104 730, заключенных — 65 453, специальный контингент (так в отчетных документах треста именовались послевоенные репатрианты — советские граждане, оказавшиеся по разным причинам в годы войны на вражеской территории; в эту группу включались командиры Красной армии из числа бывших военнопленных, а также лица, служившие рядовыми в немецкой армии, армии Власова, национальных легионах, полиции и т.д.⁶²) — 29 515 чел., а также 3 452 военнопленных. Среди вольнонаемного состава были 20 620 чел., прибывших по договорам и направлениям партийных и советских органов и членов их семей, 1 110 представителей коренных национальностей, при этом среди вольнонаемного состава насчитывалось 73 324 бывших заключенных⁶³.

География деятельности «Дальстроя» с самого его основания постоянно расширялась. К 1943 г. его территория охватывала площадь в 2 млн 266 тыс. кв. км, включая в себя северное побережье Охотского моря — от Удской до Пенжинской губы, полностью бассейны рек — Колымы, Индигирки, Яны, Восточной Хандыги и Чукотский полуостров⁶⁴. К 1953 г. «Дальстрой» действовал на огромной территории в 2,8 млн кв. км. За 25 сезонов организация проделала колоссальный объем работ — только геологоразведка охватила более 1,9 млн кв. км. Объем государственных капиталовложений в трест за период его деятельности с 1932 по 1956 г. составил 13,7 млрд руб. в сметных ценах⁶⁵. На Северо-Востоке страны были построены 4 500 км всех видов дорог, среди которых — Колымская трасса (более 1 тыс. км). К середине 1950-х «Дальстрой» имел собственный морской и речной флот, авиационный парк в полсотни самолетов, 30 аэропортов и посадочных площадок, 57 электростанций, 7 заводов, а списочный состав автотранспорта к 1954 г. включал более 10 тыс. единиц всех марок. На Северо-Востоке открыли более 100 школ, свыше 300 больниц и фельдшерских пунктов, около 250 клубов, домов культуры и библиотек. На берегу Охотского моря возник новый город — Магадан, ставший центром образованной в декабре 1953 г. Магаданской области.

В 1932–1956 гг. «Дальстрой» добыл 1187 т. химически чистого золота. Текущие затраты треста на добычу золота в 1932–1956 гг. составили 19 млрд руб., а его стоимость — более 1,3 млрд долл. США⁶⁶. Из общего количества государственной добычи золота (без старательской добычи) за 1932–1955 гг. «Дальстроем» было добыто 58% и 42% — «Главзолотом»⁶⁷, т.е. трест дал намного более половины государственной добычи золота. Наглядно государственные капиталовложения (во все сферы деятельности организации) и основные производственно-финансовые показатели золотодобычи «Дальстроя» в ценах соответствующих лет представлены в таблице 4.

Таблица 4

Государственные капиталовложения и производственно-финансовые показатели золотодобычи «Дальстроя» в 1932–1956 гг.

Показатели/Годы	1932–1940	1941–1945	1946–1952	1953–1956	1932–1956
Капиталовложения (млн руб.)	1 597	1 851	5 929,7	4 327	13 704
Текущие затраты на добычу золота (млн руб.)	1 740,2	3 544,5	9 478,6	4 418,2	19 181,5
Добыто золота (т)	314,5	360,1	336,7	175,7	1 187
Долларовый эквивалент добычи золота согласно цене Казначейства США (млн долл.)	353,2	405,1	378,5	197,5	1 335
Среднее соотношение долл./руб. по текущим затратам	1:4,9	1:8,7	1:25	1:22	1:14

Подсчитано автором по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5, 38–39; Д. 176. Л. 34.

Результаты «Дальстроя» основывались на разработке богатейших участков золотых россыпей и использовании труда заключенных. Согласно опубликованным данным, с 1932 по 1954 г. в лагеря, действовавшие на территории треста, поступили 859 911 заключенных, были освобождены – 445 171, умерли – 121 256, бежали – 7 800 чел.⁶⁸

Наиболее тяжелыми для заключенных северо-восточных лагерей «Дальстроя» и ГУЛАГа были военные годы⁶⁹. Руководство треста напрямую связывало количество добываемого металла с численностью заключенных. Старательское золото выходило дороже, а привлечение вольнонаемных кадров требовало немалых капиталовложений в обеспечение социальной инфраструктуры и повседневной жизнедеятельности людей, а также более высоких текущих затрат по вербовке и оплате труда вольнонаемных специалистов.

«Дальстрой» был частью экономической системы НКВД–МВД СССР, со всеми специфичными особенностями лагерной экономики⁷⁰. Известны планы «дальстроевского» руководства первой волны во главе с Э.П. Берзиным о постепенном переходе на вольнонаемное население. Однако после ареста главы в конце 1937 г. и передачи треста в НКВД СССР последовала большая чистка руководящих кадров, и впоследствии в официальных документах вопрос о «переходе...» не поднимался.

В первые годы деятельности «Дальстроя» значительный объем средств направлялся на развитие автодорожного, транспортного, сельского и промышленного хозяйств, а также в городское строительство. Удельный вес финансиру-

ния организации в 1932–1940 гг. составил около 15% от объема капитальных вложений в трест за весь период его работы. Почти 70% капитальных вложений пришлось на 1946–1956 гг. и около 30% – на 1931–1945 гг. На основе имеющихся архивных данных сложно в деталях выделить объемы финансовых вложений, направлявшихся непосредственно на развитие золотодобывающей промышленности за всю историю «Дальстроя».

Если говорить о геологоразведке, то непосредственно на разведку золота в 1932–1940 гг. направили 63% средств, в 1941–1945 гг. чуть больше – 40%, а в 1946–1952 гг. из общего объема в 2,5 млрд руб. (в сметных ценах) на золото выделили 1,3 млрд руб., т.е. почти половина капиталовложений была отпущена на разведку олова⁷¹. Согласно расчетам, за период существования «Дальстроя» из 6,2 млрд руб. капитальных вложений в геологоразведку (в ценах, действовавших с 1 июля 1950 г.) около 55–60% (до 3,7 млрд руб.) направили на разведку золота, и остальные 40–45% (до 2,7 млрд руб.) – олова и других металлов.

В конце 1930-х гг. результаты работы «Дальстроя» приблизились к показателям «Главзолота». Пик золотодобычи треста – 80 т золота – пришелся на 1940 г. Роль «Дальстроя» проявилась в период Великой Отечественной войны, когда при кратном падении добычи «Главзолота», трест ежегодно добывал около 70 т золота, а всего в 1941–1944 гг. поставил его государству в размере 290,7 т.

В условиях военного времени об особом значении «Дальстроя» свидетельствует посещение в мае 1944 г. г. Магадана и золотодобывающих предприятий треста вице-президентом США Генри Уоллесом⁷². Одной из целей его поездки было убедиться в золотодобывающих возможностях СССР и попытаться выяснить объемы добычи золота на его Северо-Востоке.

Осенью 1946 г. в условиях послевоенного восстановления экономики СССР его золотодобывающая промышленность была передана в систему союзного МВД. Ввиду значительного повышения себестоимости добываемого золота, преобразование бывшего «Главзолота» в «Главспеццветмет» МВД СССР было продиктовано попыткой кардинально оптимизировать экономику отрасли на основе трудовой мобилизации заключенных, централизации управления и технического переоснащения отрасли. В послевоенное время показатели «Дальстроя» резко снизились, а «Главзолото» в 1946–1949 гг. наращивал объемы добычи золота. Всего в 1940-е гг. «Дальстрою» удалось добыть 599 т золота, что было на 85,6 т больше, чем в системе «Главзолото»/«Главспеццветмет».

В СССР действовала система субсидий для золотодобывающих организаций, которая покрывала убытки предприятий. Однако уже в 1945 г. окончание войны и накопленный в стране значительный золотой запас привели руководство к корректировке политики добычи золота «любой ценой». Даже несмотря на падение покупательной силы золота за годы войны, подушка безопасности в виде накопленного золотого резерва позволяла СССР длительное время покрывать дефицит во внешней торговле, при этом показатели как рудной, так и россыпной золотодобычи в стране в целом оставались стабильными, наблюдался прирост за счет добычи попутного золота.

С конца 1940-х гг. в СССР из-за заниженной фиксированной мировой цены на золото, высокой себестоимости добычи и значительного размера накопленных резервов, большие государственные инвестиции и субсидии направлялись на развитие добычи вольфрама, кобальта, урана и олова, также ставшими важными товарами. Здесь снова проявилась роль «Дальстроя», особый статус которого подтверждался вниманием государства и первостепенным обеспечением поставок.

Удаленность и трудные условия работы на многих месторождениях, а также истощение богатейших из них повышали затраты на добычу золота. Средняя себестоимость «дальстроевского» золота повысилась: 1940 г. — 6,55, 1945 г. — 13,67 руб. за гр., 1947–1956 гг. — уже не опускалась ниже 25 руб. за гр.⁷³

Золотодобыча в «Дальстрое» снизилась с 52,4 (1949) до 44 т (1955). Кроме того, в 1953–1957 гг. в 2,5 раза уменьшилась добыча олова⁷⁴. Амнистия 1953 г. и обстановка в лагерном секторе «Дальстроя» отразились на производстве и на производительности труда⁷⁵.

После 1953 г. значительный удельный вес в формировании себестоимости золота уже имели расходы по заработной плате (в связи с переходом на вольнонаемный труд), а также — по доставке промышленных товаров и продовольствия на Северо-Восток.

В этот период в «Дальстрое» наряду с механизацией и автоматизацией работ, улучшением их организации технологии использовали различные источники и пути снижения общей себестоимости золота: ввод месторождений с дешевой себестоимостью, сокращение объемов работ по зимней вскрыше торфов и затрат по горно-подготовительным работам, увеличение удельного веса старательской добычи. Одной из важнейших для «Дальстроя» в начале 1950-х гг. стала проблема затрат на вербовку специалистов и использования рабочих в зимнее время.

В первой половине 1950-х гг. тресту не удалось удержать уровень добычи драгметалла. В 1954 г. его руководство объяснило это событиями 1953 г. и потерей большого числа квалифицированной рабочей силы⁷⁶. На фоне отработки многих крупных россыпных месторождений были закрыты прииски и рудники с высокой себестоимостью добычи золота. Общее число действовавших приисков сократилось с 69 в 1949 г. до 26 в 1956 г., рудников — с 7 до 2, обогатительных фабрик — с 6 до 2. Причинами кризиса золотодобычи «Дальстроя» с конца 1940-х гг. были многие факторы, в том числе снижение обеспеченности запасами россыпного золота, уменьшение среднего содержания золота в песках, дефицит квалифицированных кадров, а также проблемы организации принудительного труда. К обстоятельствам, повлиявшим на результаты золотодобывающей отрасли «Дальстроя» в рассматриваемый период, можно отнести и управленческие решения конца 1940-х — начала 1950-х гг., определившие сосредоточение поисковых работ на золото в основном в пределах Колымской золотоносной зоны и переориентацию «Дальстроя» преимущественно на разведку и добычу олова.

Все эти факторы многократно усилились после амнистии 1953 г. и последовавшей потери значительного количества заключенных — основной кате-

гории работников. Амнистия и образование Магаданской области запустили процесс трансформации экономической модели «Дальстроя» и сделали его неизбежным. Главной причиной кризиса золотодобычи «Дальстроя» в 1953–1957 гг. стал перевод всей производственной системы организации на свободный труд, сопровождавшийся ускоренными темпами механизации.

Для руководства области стало очевидным, что с механизацией и одновременным переходом на свободный труд прежние производственные результаты были получены при более чем двукратно меньшей численности работников и более низких текущих затратах.

Процесс трансформации экономической модели в 1953–1957 гг. сопровождался проблемами организации труда, высокой текучестью кадров, необходимостью подбора квалифицированного персонала для обслуживания бульдозеров, экскаваторов и промывочных приборов, размещения, благоустройства и создания условий для гражданских работников, в том числе бывших спецпоселенцев, а также обеспечения работы с заключенными на новых договорных условиях. В 1955 г. из 62 его действующих предприятий не выполнили плана 25⁷⁷, а в 1956 г. из 71 предприятия – 32⁷⁸. В 1957 г. «Дальстрой» был ликвидирован путем реорганизации в Совет народного хозяйства Магаданского экономического административного района.

Производительность труда на золотодобыче

Трудозатраты на добычу золота в «Дальстрое» в 1932–1956 гг. составили 186,1 млн чел./дней⁷⁹. На уровень производительности труда оказали сильное влияние природные факторы: среднее содержание металла в руде или песках, условия залегания руд и россыпей, длительность теплого периода года, наличие вечной мерзлоты. Россыпные месторождения на территории деятельности «Дальстроя» по некоторым этим условиям выгодно отличались от месторождений других районов СССР, прежде всего содержание золота в песках было более высокое, а глубина залегания значительно меньше. Однако при этом эксплуатационные условия на Крайнем Северо-Востоке были значительно хуже, чем в других районах. Эти условия характеризовались малой продолжительностью теплого периода года и соответственно более коротким сроком промывочного сезона, а также наличием вечной мерзлоты, что требовало предварительной оттайки при вскрытии торфов, в том числе и в летний период. Фактор сезонности, наряду с суровостью климатических условий и наличием весной мерзлоты оказывали существенное воздействие на производительность труда предприятий «Дальстроя», определяя неравномерное распределение добычи золота в течение года. Наиболее высокая производительность труда при разработке россыпей наблюдалась в третьем квартале года – в летние месяцы, при этом в первом и четвертом кварталах промывка песков вообще не производилась, а вскрыша торфов осуществлялась с очень низкой производительностью труда.

Кроме того, на уровень производительности труда влияла степень его механизации, квалификация рабочих, использование машин и оборудования,

организация труда, система отработки месторождений и другие факторы. Что касается специалистов, используемых на производстве, то на протяжении существования «Дальстроя» низкая квалификация рабочих была отрицательным фактором, влиявшим на величину производительности труда.

Согласно расчетам, в «Дальстрое» в 1932–1955 гг. объем переработки горной массы на 1 кг добытого россыпного золота возрос почти в 10 раз, а объем отработки руды в 1942–1955 гг. в расчете на 1 кг добытого рудного золота увеличился более чем в 6 раз. Это вызывало необходимость механизации процессов труда по всем видам горных работ, которая усиленными темпами проводилась и в годы войны, и в послевоенный период. В 1940 г. уровень механизации на вскрышных работах составил всего 18%, т.е. механизированным путем вскрывалось 2,5, а вручную – свыше 12 млн куб. м. Производительность труда составляла 4 куб. м на человека в день⁸⁰.

Как отмечает В.Г. Зеляк, индустриальный переход на золотодобыче в «Дальстрое» завершился только после 11–14 лет работы. Так, на вскрыше торфов механизированный труд превзошел ручной в 1943 г., а на промывке песков промышленные приборы с экскаваторной и бульдозерной подачей впервые опередили мускульный способ в 1946 г.⁸¹. Причем бульдозеры в «Дальстрое» появились только в 1944 г. – их было только три⁸². К середине 1950-х гг. в нем действовали сотни бульдозеров, экскаваторов, драги и другие механизмы. Производительность труда на вскрышных работах увеличилась с 1950 по 1956 г. почти в четыре, а на промывке песков – в три раза. В связи с механизацией труда при увеличении горных работ численность трудовых ресурсов горной промышленности с 1950 по 1958 г. сократилась более чем в полтора раза.

В конце 1950-х гг. производительность труда составляла уже 65 куб. м на человека в день⁸³. В 1940 г. на обычном дальстроевском разрезе работали 100–150 человек, которые грузили золотоносные пески в тачки и доставляли их на простейшие промывочные устройства. В начале 1950-х гг. уже были задействованы один или два бульдозера, транспортировавшие пески на ленточный конвейер и дальше – в скруббер металлического промывочного прибора. Внедрение новых промывочных устройств с небольшим штатом обслуживающего персонала, механизация разработки и транспортировки песков позволили поднять производительность труда на промывочных работах с 1 кубометра (1940) до 24 кубометров (1959) в день на человека⁸⁴.

При этом в «Дальстрое» в 1940 г. (год максимального объема золотодобычи в 80 т золота) совокупные расходы на одного заключенного, включая «расходы по содержанию и этапированию», составили 1732 руб. в год и были в 2,6 раза меньше, чем на одного вольнонаемного работника – 4585 руб. в год. Начисления по заработной плате на одного вольнонаемного рабочего в 1940 г. составили 4203 руб., начисления по премиальному вознаграждению на одного заключенного – в 15 раз меньше – 266 руб. в год. Всего на золотодобыче в 1940 г. работали 92,1 тыс. чел., из них 2,9 тыс. чел. вольнонаемного персонала и 89,2 тыс. чел. заключенных⁸⁵. В 1953 г. плановая среднегодовая заработная плата вольнонаемного рабочего в «Дальстрое» составляла 16677 руб. в год, заключенного – примерно в 2,5 раза меньше – 6673 руб.⁸⁶

По оценке экспертов ЦРУ, индивидуальная выработка советского работника золотодобывающей отрасли к началу 1950-х гг. составляла чуть более $\frac{1}{10}$ от выработки американского⁸⁷. Согласно нашим расчетам, эти оценки были близки к реальности, причем такой разрыв действителен для всего периода 1940–1950-х гг. В этой связи в золотодобывающей промышленности СССР «Дальстрой» являлся исключением. Производительность труда на его золотодобыче была примерно в два раза выше, чем в «Главзолоте», но при этом в среднем в четыре-шесть раз меньше, чем в США и Канаде (в том числе, если рассматривать исключительно добычу россыпного золота). В целом, если комплексно оценить все параметры, производительность труда при россыпной добыче золота в «Дальстрое» превышала производительность труда в большинстве других районов СССР, однако при этом основным фактором, определяющим как более высокую производительность труда, так и более низкую себестоимость добываемого золота, было повышенное содержание золота в песках. Себестоимость дальстроевского золота оказалась самой низкой в СССР, однако с 1943 г. содержание золота в россыпях стало падать, с каждым годом для достижения плана «Дальстрою» требовалось постоянное увеличение объема работ, для чего нужны были машины и оборудование.

Результаты добычи золота в СССР в 1923–1950 гг.

Достижения золотой промышленности с начала 1930-х гг. были связаны с деятельностью представлявших два разных сектора золотодобычи СССР – «Главзолота» (ординарный сектор) и «Дальстрою» (экстраординарный)⁸⁸. Организованные государством они действовали официально, при этом «Главзолото» находилось в подчинении Наркомата тяжелой промышленности, а с 1939 г. – Наркомата цветной металлургии (НКЦМ). В 1946 г. все организации и предприятия бывшего «Главзолота» Министерства цветной металлургии СССР были переданы в созданное в структуре МВД СССР Специальное главное управление «Главспеццветмет».

«Дальстрой» с момента своего создания непосредственно подчинялся ЦК ВКП(б) и СТО СССР, а в 1938 г. вошел на правах главка в НКВД СССР. В марте 1953 г. производственные структуры «Главспеццветмета» и «Дальстрою» из МВД СССР были переданы в Министерство металлургической промышленности СССР, а их лагерные подразделения – в Министерство юстиции СССР. Экстраординарный характер деятельности «Дальстрою» проявился в исключительном статусе организации в системе государственной власти СССР, специфической системе управления и широкомасштабном использовании труда заключенных.

За 20 сезонов в период с 1931 по 1950 гг. «Главзолотом» (с 1946 г. «Главспеццветметом») и «Дальстроем» были добыты 2029,4 т золота (табл. 5). При этом добыча «Главзолота» составила 1116,2 т (около 55%), а на «Дальстрой» пришлось 913,2 т (около 45%) – это внушительный показатель в сравнении с всесоюзным «Главзолотом».

**Добыча золота в «Главзолоте»/«Главспеццветмете» и «Дальстрой»
в 1931–1950 гг. (т)**

Годы	«Главзолото»	«Дальстрой»	Годы	«Главзолото»/ «Главспеццветмет»	«Дальстрой»
1931	28,2	–	1941	83,3	75,8
1932	31,3	0,5	1942	55,6	74,4
1933	40	0,8	1943	37,8	70,1
1934	54,9	5,5	1944	42,2	70,4
1935	67,8	14,5	1945	37,7	69,5
1936	85,5	33,3	1946	40,4	52,6
1937	82,9	51,4	1947	48,5	41,2
1938	69	61,9	1948	52,9	43,6
1939	63,9	66,3	1949	59,8	52,4
1940	79,3	80	1950	55,2	49
1931–1940	602,8	314,2	1941–1950	513,4	599

Источники: Данные золотодобычи «Главзолота» до 1943 г. приводятся по материалам Государственного института по проектированию предприятий золотоплатиновой промышленности «Главзолото» НКЦМ («Гипрозолото»). См.: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 89; добычу «Главзолота»/«Главспеццветмета» в 1944–1950 гг. см.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 792. Л. 17–40; Сталинские стройки ГУЛАГа ... С. 467; Золотодобыча «Дальстроя» приводится по данным первого отдела Главного управления «Дальстроя» (1955). См.: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 176. Л. 34.

Показатели «Главзолота» и «Дальстроя» составляли решающий процент в общем объеме производства золота в СССР, но были и другие источники поступления металла. Официальные данные по общей динамике производства золота в стране в конце 1920-х – начале 1950-х гг. до настоящего времени не известны исследователям. В литературе имеются различные данные за отдельные годы и периоды, а также приводятся показатели, высчитанные на основе процентных соотношений роста золотодобычи, указанных в отчетных документах организаций⁹⁰.

В публикации В.Г. Лешкова приводятся обобщающие данные золотодобычи СССР: 1931–1940 гг. – 1059 т, 1941–1950 гг. – 1390 т, 1951–1960 гг. – 1180 т⁹¹. Согласно архивным данным (расчетам, подготовленным в 1944 г. Государственным институтом по проектированию предприятий золотоплатиновой промышленности «Главзолото» НКЦМ («Гипрозолото»), всего за первые 20 лет существования Советского Союза добыли 1839,4 т золота (табл. 6).

Таблица 6

Добыча золота в СССР в 1923–1942 гг. (т)

Годы	Добыча золота СССР	Профильные организации и наркоматы*	Годы	Добыча золота СССР	Профильные организации и наркоматы
1923	20	—	1933	58,8	48,5
1924	25,3	—	1934	120	65
1925	25,1	—	1935	148,8	80,2
1926	35,6	—	1936	161,3	85,5**
1927	36,8	—	1937	175,8	91,1
1928	53,2	25,8	1938	133,1	80,2
1929	42,9	24	1939	159,3	76,2
1930	42,5	28,6	1940	172,7	92,4
1931	54,3	34,3	1941	174,6	98,8
1932	63,5	37,3	1942	135,8	61,4

* В документе указано «НКЦМ». Имеется в виду производство золота в системе Наркомата цветной металлургии СССР и других профильных организациях и наркоматах с 1928 г. («Союззолото», «Цветметзолото», «Главзолото», Наркомат тяжелой промышленности СССР).

** В документе указано «н/св». В отсутствие сведений о добыче золота по НКТП указан показатель добычи золота в 1936 г. в системе «Главзолото».

Источники: данные Государственного института по проектированию предприятий золотоплатиновой промышленности «Главзолото» НКЦМ («Гипрозолото»), 1944 г. См.: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 31.

При сравнении данных таблицы и сведений, имеющих в научной литературе, а также результатов «Главзолота» и «Дальстроя», показатели добычи золота, рассчитанные в «Гипрозолото», оказываются значительно выше⁹², при этом из источника не ясно, какова структура общесоюзной добычи золота (за исключением объема производства профильных организаций и наркоматов).

Из 1 696,6 т золота, добытых в 1928–1942 гг. только 929,3 т (около 55%) отражают показатели ординарного сектора золотодобычи — профильных организаций и наркоматов (НКТП, НКЦМ). Однако согласно подсчетам, «Главзолото» и его предшественники («Цветметзолото», «Союззолото») за этот период добыли 786,4 т⁹³.

Значит, оставшиеся 142,9 т были поставлены другими профильными организациями, а также подразделениями в системе Наркомата тяжелой промышленности в 1932–1939 гг. и Наркомата цветных металлов в 1939–1942 гг.

Сюда могут входить и показатели попутной добычи золота, а также переработки золотосодержащего сырья, руд, концентратов и шламов на предприятиях наркоматов.

Какова структура добычи остальных 767,3 т золота, составляющих около 45% общесоюзной добычи? Думается, основную часть составили результаты деятельности экстраординарного сектора золотодобычи – 464,4 т (около 27%) в 1932–1942 гг. были добыты «Дальстроем». Остается неясным происхождение оставшихся 302,9 т золота или около 18% добычи страны. Возможно, в сборнике материалов института «Гипрозолото» под «добычей СССР» понимались не только промышленная добыча и извлечение золота, но и другие источники поступления драгоценного металла в общесоюзную копилку. Большая часть этого золота могла быть получена в результате деятельности «Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами на территории СССР» – «Торгсина» (1930–1936), золотоскупка которого (лом и чекан) в 1932–1935 гг. составила 99 т чистого золота⁹⁴.

Среди других источников поступления золота в казну в 1920–1930-е гг. были скупки – Государственным банком СССР у населения золотых монет и весового золота (ювелирные изделия, бытовое золото, лом) и в районах добычи (в том числе у старателей и артелей), а также конфискации и изъятия ценностей церкви и частных лиц ОГПУ–НКВД СССР.

Золотой запас

Согласно опубликованным данным, золотые резервы Государственного банка Российской империи в 1900–1915 гг. увеличились с 661,1 до 1250 т золота⁹⁵. Однако в 1917–1922 гг. большая часть этого внушительного запаса потратили или вывезли из страны. По данным Л.В. Сапоговской, только в 1918–1922 гг. из РСФСР было вывезено около 630 т золота⁹⁶. По расчетам Е.А. Осокиной, золотой запас России к 1922 г. «растаял» до 217,9 млн зол. руб.⁹⁷

Вопрос золотых запасов СССР в 1930–1950-е гг. является проблемным для историков, т.к. данные об их размере и экспорте золота с начала 1930-х гг. являлись закрытыми и до настоящего времени остаются недоступными. В 1932 г. золотой резерв Госбанка СССР составлял 525 т⁹⁸. Его золотые резервы, согласно материалам, опубликованным в 1999 г. Т. Грином: 1925 г. – 141,3; 1930 г. – 375; 1935 г. – 626 т.⁹⁹

Рассекреченные и опубликованные балансы Государственного банка СССР за 1922–1990 гг., представленные в его годовых отчетах, фиксируют наличие драгоценных металлов: 1935 г. – 924,2; 1940 г. – 2226,7; 1950 г. – 2398,4 млн руб. (драгоценные металлы и иностранная валюта)¹⁰⁰. По своему назначению резервы Госбанка служили обеспечением наличных денег в обращении и гарантией выполнения Центральным банком международных обязательств. Однако, показатели Госбанка отражают реальное состояние золотых резервов СССР, по крайней мере, до 1936 г. Во второй половине 1930-х гг. часть золота была передана Наркомату финансов, кроме того, часть золота хранилась в НКВД¹⁰¹.

Резервы пополнялись за счет добычи золота, использования царских монет, конфискации, приема от населения («Торгсин»)¹⁰², а в предвоенные годы какая-то часть золота могла поступить из стран Прибалтики и Польши. После войны СССР имел возможность контролировать производство и получать золото в Восточной Европе, Китае, Северной Корее и Монголии.

В 1936 г. СССР принял на хранение часть золотого запаса Банка Испании объемом в 510 т золота. В 1937–1938 гг. в рамках действующих соглашений по распоряжениям испанской стороны золото обменивалось на иностранную валюту для осуществления военных поставок. Исследователи отмечают, что испанское золото было реализовано на международном рынке по заявкам испанской стороны, при этом часть закупок произвели в СССР¹⁰³. Советский Союз не являлся единственным государством, получившим некую долю золотого запаса Банка Испании, т.к. в начале гражданской войны в Испании часть золотых резервов ее Банка была передана Франции¹⁰⁴.

Оценки золотых запасов СССР в 1940-х – начале 1950-х гг. рознятся. В зарубежной литературе на основе приблизительных расчетов указывалась цифра – 2879 т¹⁰⁵. Однако большинство исследователей признают достоверными сведения за 1953 г., когда объем золотых резервов СССР составил 2049 т¹⁰⁶.

Согласно архивным данным, предоставленным автору В.П. Поповым, на 1 февраля 1948 г. в Государственном фонде драгоценных металлов СССР имелись в наличии 1471,7 т золота¹⁰⁷. Это единственное документальное свидетельство об объеме советских золотых резервов в середине 1930-х – 1953 гг., позволяющее оценить и объемы золотодобычи и экспорта золота Советского Союза.

Экспорт золота

Главная для СССР роль золота заключалась в использовании его как экспортного товара и уравновешивавшего фактора во внешней торговле страны. Он сыграл важнейшую роль в 1930-х гг., когда обороты внешней торговли значительно просели: 1930 г. – 9176,8 млн руб., 1935 г. – только 2666,5 млн руб., при этом в 1931 г. отрицательное сальдо баланса составило 1286,8 млн руб.¹⁰⁸

Росла внешнеторговая задолженность СССР, которая в 1931 г. равнялась 1400 млн руб.¹⁰⁹, долги нужно было платить, а для этого требовался положительный торговый баланс. С помощью экспорта золота руководство страны корректировало показатели внешнеторговой деятельности. Только во второй половине 1930-х гг. благодаря наращиванию добычи золота государство значительно улучшило валютное положение, и советские экспортные организации и банки смогли отказаться от использования иностранных экспортных кредитов.

Количество и цена золота, направляемого СССР на продажу, были важным фактором и частью экспортного плана. Согласно подсчетам ЦРУ, проведенным на материалах официальной статистики главных стран-импортеров золота (Швеция, Германия, Великобритания и США), СССР в течение 1920–1940 гг. экспортировал около 1415 т золота (45,5 млн унций), что в ценах 1955 г. составило 1,6 млрд долл. США¹¹⁰. По опубликованным данным из раз-

личных источников известно, что наиболее крупные партии золота на экспорт пришлось на 1920–1922 гг. (около 500 т), 1926–1928 гг. (около 200 т), 1931–1934 гг. (около 260 т), 1937 г. (около 170 т).¹¹¹.

Советский золотой экспорт в 1941–1954 гг. составил около 500 т или 557 млн долл., из которых 113 млн долл. пришлось на США, 410 млн долл. – на страны Западной Европы, 29 млн долл. – на Польшу, 5 млн долл. – на Финляндию¹¹². Согласно расчетам, экспорт золота в 1941–1945 гг. не превысил 200 т. В годы войны СССР не мог позволить направлять людей и оборудование для золотодобывающей промышленности, не имел возможности активно наращивать добычу, а импорт почти полностью состоял из товаров в рамках программы ленд-лиза и был ограничен возможностями действующих транспортных коридоров. Роль золотых ресурсов Советского Союза в обеспечении союзнических поставок была особенно важна на первом этапе войны¹¹³. До подписания договора о ленд-лизе США оказывали экономическую помощь СССР на коммерческой основе, и расчеты по «пре-ленд-лизу» были оплачены золотом.

В основном продажи советского золота в США были осуществлены в 1941–1948 гг. В 1949–1952 гг. официальные поставки из СССР зафиксированы не были, однако имеются неподтвержденные сообщения американских спецслужб о возможной продаже в 1949 г. советского золота на черном рынке на сумму 149 млн долл.

После смерти И.В. Сталина на рубеже 1953–1954 гг. существенный внешнеторговый дефицит также был покрыт золотом. Начало продаж больших объемов советского золота на Западе было зафиксировано с октября 1953 г. Затем по апрель 1954 г. СССР поставил в Великобританию, Нидерланды, Францию и Швейцарию около 311 т золота на сумму от 250 до 350 млн долл. США¹¹⁴. Кроме этого, Советский Союз осуществлял расчеты золотом с Финляндией (1954), Ираном (1955), а также предоставил золотые кредиты странам Восточной Европы (1947–1948).

Таким образом, с 1920 по 1954 гг. за границу было экспортировано около 2000 т российского золота. Наибольшие объемы золотого экспорта пришлось на 1920–1922 гг. и начальный период индустриализации; крупные партии золота на экспорт также были зафиксированы в 1937 и 1953–1954 гг.

Указанные объемы золотого экспорта основаны на официальных данных и не включают нелегальный экспорт, продажи по неофициальным каналам, которые, безусловно, имели место, но отсутствие информации не позволяет делать выводы об их объеме. Золото также использовалось государством для поддержки мирового коммунистического движения и для обеспечения проведения разведывательных операций за рубежом. В целом экспорт золота СССР в указанный период может быть выше на 10–15%.

Р.Г. Пихоя опубликовал сведения о золотом запасе СССР и экспорте золота в 1960–1980-е гг., согласно которым к 1965 г. золотой запас страны составлял 577,1 т¹¹⁵, т.е. за время, прошедшее после смерти И.В. Сталина, золотой запас уменьшился более чем в 3,5 раза. Известно, что только за 1963–1965 гг. были экспортированы 1339,6 т золота, в том числе не менее 707,5 т направлены на закупку продовольствия¹¹⁶. Государство приобретало за рубежом зерно, шерсть, масло, мясо и промышленные товары.

Золотое обеспечение рубля и валютный паритет

Декретом ВЦИК РСФСР от 11 октября 1922 г. паритет советской валюты был выражен в золоте, и курс рубля в отношении к доллару и другим иностранным валютам определялся на основе соотношения золотого содержания валют. При проведении денежной реформы 1922–1924 гг. золотое содержание рубля установили в том же размере, какое рубль имел до Первой мировой войны – 0,774234 гр. золота. Курсы иностранных валют, не имевших установленного законом содержания, определялись по их курсам в Лондоне, Нью-Йорке и Париже по отношению к фунту, доллару, франку. В тот период курс доллара США составлял 1 руб. 94,5 коп. В 1926 г. установили запрет вывоза за границу денежных знаков СССР и облигаций госзаймов в советской валюте, после чего была прекращена котировка червонца на иностранных биржах, а в 1928 г. последовал запрет ввоза валюты в СССР.

Когда в 1933–1934 гг. произвели девальвацию доллара, и его золотое содержание было понижено на 49%, курс доллара по отношению к рублю постепенно снизился до 1 руб. 14 коп. Расчеты по внешней торговле СССР проводились только в иностранной валюте. Фактический курс рубля значительно отошел от своей золотой основы, с 14 ноября 1935 г. расчетный паритет советской валюты был установлен сначала во французских франках, а с 19 июля 1937 г. – в американских долларах из расчета: 1 долл. равен 5 руб. 30 коп. При золотом содержании доллара в 0,888671 гр. указанному выше соотношению 5 руб. 30 коп. за 1 долл. соответствовало теоретическое золотое содержание рубля – 0,167674 гр. золота. Этот курс действовал до 1 марта 1950 г., когда советский рубль был переведен на золотую основу в соответствии с золотым содержанием рубля в 0,222168 гр. чистого золота. Исходя из золотого содержания рубля, был установлен новый курс: 4 руб. за 1 американский долл.

После нововведений 1950 г. руководство СССР всячески подчеркивало золотое содержание рубля, однако это был пропагандистский шаг, не оказывающий влияния на экономические реалии. СССР в этот период не публиковал данные о количестве денег, находившихся в обращении, что было связано с необходимостью одновременного опубликования размера золотого обеспечения советских денег. Согласно эмиссионному закону 1922 г. билеты Государственного банка СССР должны быть обеспечены на 25% золотом и устойчивой иностранной валютой. Однако, если применить это правило в отношении банковских билетов, находившихся в обращении на 1 января 1958 г. – 51,1 млрд руб., то для обеспечения этого количества банковских билетов необходимо было иметь золотой запас на сумму 12,7 млрд руб. или 2842 т золота¹⁷.

В той или иной степени валютный курс должен был отражать покупательную силу валют. В основе валютного паритета лежит соотношение рыночной ценности валюты в золоте. История показывает, что официальные валютные курсы могут быть фиксированы на уровне, длительно и значительно отклоняющемся и от фактического соотношения золотого содержания, и от покупательной силы валют. В СССР наряду с официальным паритетом действовал и фактический паритет, который более тесно был связан с изменением поку-

пательной силы рубля и ценой золота внутри страны — реальным золотым содержанием рубля. Это выражалось в предоставлении иностранцам права покупать товары внутри СССР по курсу во много раз ниже официального курса («Торгсин»), в установлении специальных курсов (для посольств и консульских учреждений)¹¹⁸, необходимости покрывать убытки организациям, экспортирующим продукцию.

В этом случае сумма выплаченных субсидий на покрытие убытков фактически представляла собой корректировку паритета валют так же, как и разница в изъятии сверхприбыли от импорта. Для «Дальстроя» и «Главзолота» реальный паритет проявлялся в установлении системы отоваривания по низким ценам, что на практике означало выплату более высокой цены в рублях в сравнении с официальной ценой на золото. При официальной цене золота в 5 руб. 91 коп. за гр. расчетная цена и себестоимость гр. золота в 1945 г. составляла соответственно: «Главзолото» — 19 руб. 76 коп. и 23 руб. 41 коп.; «Дальстрой» — 6 руб. 90 коп. и 14 руб. 40 коп.; старатели — 10 руб. 81 коп. и 22 руб. 39 коп.¹¹⁹

В 1946 г., по оценке советских экспертов, реальная стоимость 1 долл. достигала 20 руб., причем с точки зрения себестоимости золота обменный курс мог превышать эту сумму. По мнению А.И. Микояна, именно такой курс сделал бы реализацию товаров на внешнем рынке «нормально рентабельной». Эта цифра была представлена в записке А.И. Микояна, направленной И.В. Сталину в декабре 1946 г. В записке впервые в послевоенный период высказывалось предложение о необходимости отказаться от привязывания рубля к какой-либо иностранной валюте и о восстановлении соотношения рубля к золоту¹²⁰.

Актуальность вопроса для советского руководства была продиктована развитием международной системы организации денежных отношений, установленной в результате Бреттон-Вудской конференции 1944 г., и последующим отказом СССР участвовать в деятельности Международного валютного фонда.

Денежная реформа 1947 г. носила конфискационный характер, обмен денег из соотношения 10:1 свидетельствовал о том, в какой степени понизилась реальная покупательная способность рубля за годы войны. Известно, что в послевоенной Москве среди дипломатов и иностранцев 1 долл. стоил около 50 руб., при этом американское посольство меняло для своих сотрудников доллары на рубли по льготному курсу Госбанка СССР 1:12, а в странах Восточной Европы 1 долл. стоил уже 100 руб.

В послевоенный период — с 1945 по 1953 г. — продажа золота за границей была незначительной, поскольку И.В. Сталин считал, что мировая цена на этот драгметалл может повыситься. На Западе в силу закрытости СССР и отсутствия точной информации о добыче золота и накопленных резервах в конце 1940-х — начале 1950-х гг. обсуждали возможности СССР использовать в качестве экономического оружия золото путем снижения цены на него на международном рынке¹²¹.

Однако, руководство Советского Союза измеряло покупательную силу золота в товарах, которые могли бы быть приобретены на мировых рынках, и было заинтересовано в высоких ценах на золото на международном рынке, и цена в 35 долл. за унцию, установленная казначейством США, уже в первой половине 1940-х гг. считалась заниженной.

За пределами СССР существовал так называемый свободный или черный рынок золота, и если в США нелегальных операций практически не было, то в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Азии на открытых рынках действовали операции с золотом как в местных валютах, так и в долларах США. Цена часто колебалась в пределах чуть выше цены Казначейства США, но в отдельные периоды резко возрастала. Средняя цена золота на европейских рынках достигала 38–39 долл. Наиболее высокие пики на рынке золота наблюдались в 1949 г., когда цена на него достигала 55 долл. за унцию, что было связано с переоценкой многих валют, а также после начала Корейской войны. Так, в январе 1951 г. цена составляла 44 долл. США за унцию¹²².

Примерно такой же диапазон рыночной стоимости золота – 42–52 американских долл. использовался в СССР в расчетах комиссии 1949 г., готовившей доклад по вопросу об отказе от установленного курса рубля на базе доллара США и о переводе курса на золотую основу, а средняя фактическая мировая цена золота определялась в 45 долл. за унцию¹²³. Таким образом цена Казначейства США с начала 1940-х гг. отражала минимум рыночных цен на золото на международном рынке.

Часть добываемого золота использовалась на внутреннем рынке в промышленности и ювелирном производстве, как правило, это были небольшие объемы от общей добычи золота, от 3 до 7% в разные годы. Год от года удельный вес золота, направляемого на нужды промышленности, увеличивался. Золото продавалось государством на внутреннем рынке и в виде небольших слитков. Цены на золотые изделия, покупаемые государством у населения в 1946 г., составляли от 51 до 63 руб. за гр. чистого золота, а государственные цены по продаже золотых изделий населению – от 142 руб. до 170 руб. за гр.¹²⁴

Установленные на внутреннем рынке цены в несколько раз превышали затраты государства на производство. Кроме этого, в СССР существовал черный рынок золота, переживший подъем в годы войны и послевоенное время.

* * *

В данной статье в рамках истории развития золотопромышленности России и СССР в первой половине XX в. проанализированы опубликованные и архивные данные о добыче золота и золотых ресурсах, а также показано значение золота как фактора государственной политики.

В конце XIX – начале XX в. за счет ввода в эксплуатацию новых месторождений золота, расширения разработки коренных месторождений, механизации добычи россыпного золота произошел рост мировой добычи золота. Период 1901–1913 гг. характеризуется ежегодным увеличением золотодобычи, во время Первой мировой войны и в послевоенные годы (1914–1922) отмечается падение мировой золотодобычи. В 1923–1929 гг. мировая золотодобыча стабилизируется, достигнув уровня 550–560 т в год, в 1930-е гг. отмечается ее новый подъем, достигший пика в 1940–1941 гг. В первой половине XX в. открытие и разработка новых месторождений золота в Трансваале, Индии, на Аляске и советском Северо-Востоке обусловили увеличение мировой добычи золота. Рост производства с начала 1930-х гг. был связан с повышением цены золота на мировых рынках.

В России за подъемом показателей золотопромышленной отрасли в начале XX в. во время Первой мировой войны (1914–1917) последовало снижение производства золота, а в условиях Гражданской войны (1918–1922) государственная монополия на золото и национализация промышленности сопровождались резким падением золотодобычи, когда большинство золотодобывающих предприятий страны прекратили деятельность.

Период 1923–1930 гг. характеризуется предоставлением исключительных льгот для предприятий отрасли, а также допуском частного капитала (в том числе иностранного) при сохранении государственной монополии на продукцию. После стабилизации показателей золотодобычи последовала централизация управления, развитие золотопромышленной отрасли в 1931–1945 гг. было связано с существованием ординарного и экстраординарного секторов, выразившееся в деятельности двух крупнейших золотодобывающих организаций СССР – «Главзолота» и «Дальстроя». После преобразования «Главзолота» в «Главспеццветмет» МВД СССР в 1946–1953 гг. вся золотодобывающая промышленность страны функционировала в системе МВД СССР и основывалась на трудовой мобилизации заключенных. В марте 1953 г. производственные структуры «Главспеццветмета» и «Дальстроя» из МВД СССР были переданы в Министерство металлургической промышленности СССР, а их лагерные подразделения – в Министерство юстиции СССР, однако труд заключенных на предприятиях «Дальстроя» использовался вплоть до конца 1950-х гг. В 1930–1950-е гг. наряду с государственной добычей золота продолжала функционировать частная старательская золотодобыча, попытки реформирования которой в разные годы были связаны с желанием увеличить удельный вес государственной добычи или снизить затраты на добычу золота.

По архивным данным института «Гипрозолото» (1944) добыча золота в России и СССР в 1901–1940 гг. составила 2382,8 т: 1901–1917 гг. – 805,4 т¹²⁵; 1918–1922 гг. – 48,4; 1923–1930 гг. – 281,4; 1931–1940 гг. – 1247,6 т. Данные добычи золота советского периода, указанные в сборнике материалов «Гипрозолото», помимо объема добычи профильных организаций и наркоматов, включают результаты деятельности «Дальстроя» в 1930-е гг. и, возможно, другие источники поступления золота.

Согласно расчетам, показатели промышленной добычи химически чистого золота составили: 1901–1917 гг. – 682,5 т; 1918–1922 гг. – 29,5 т; 1923–1930 гг. – около 200; 1931–1940 гг. – 1049 т; 1941–1950 гг. – около 1200 т. Основная часть золота в 1931–1950 гг. была поставлена двумя организациями – «Главзолотом»/«Главспеццветметом» и «Дальстроем» были добыты 2029,4 т золота, при этом добыча «Главзолота» составила 1116,2 т (около 55%), а на «Дальстрой» пришлось 913,2 т (около 45%). Всего промышленная добыча золота в России и СССР в первой половине XX в. составила свыше 3,1 тыс. т химически чистого золота, однако общие поступления золота в казну из дополнительных источников могли достигать 3,6 тыс. т.

Вопрос экономической эффективности золотодобычи в СССР тесно связан с ролью денег в советской системе и проблемой валютного курса рубля. Затраты на добычу золота в СССР были высокими и в 1930-е гг., а в последующие периоды (1940–1950-е гг.) постоянно увеличивались. Одними из главных

причин высокой себестоимости золота на месторождениях Советского Союза были их удаленность от индустриальных центров, неразвитость транспортной сети и сложные климатические условия. Накладные расходы всегда составляли большой процент издержек. Другим фактором было истощение богатых россыпных месторождений в послевоенное время. В силу использования золота как экспортного товара, СССР принимал во внимание мировые цены на золото, и в этой связи в 1940–1950-х гг. в золотодобывающей промышленности было экономически невыгодно разрабатывать какие-либо месторождения, кроме крупных и богатых по содержанию объектов. В тот период имелись и новые факторы, повлиявшие на развитие золотодобычи, прежде всего, отметим возрастающую потребность в горных рабочих и специалистах в других, активно расширявшихся горнодобывающих направлениях, особенно на добыче урана и цветных металлов, а также рост попутной добычи золота.

После экономических потрясений Первой мировой войны большинство стран обратилось к золотому, либо золотовалютному стандарту. Золотой стандарт стал международным стандартом экономики, необходимым для торговли и сделок на мировых рынках – денежном и капитала¹²⁶.

Золото выступало деньгами торговли в мире, оборот по международным соглашениям, прибыли и убытки от этих сделок рассчитывались по ценам в золоте. Внутренняя структура цен в СССР была отделена от цен мирового рынка, но во внешней торговле золото использовалось как средство обмена. Советский Союз был вынужден осуществлять импорт таких ключевых товаров, как продукты питания, машины, оборудование и важнейшие виды сырья. Импорт этих товаров нельзя было сокращать ниже требуемого для государства уровня, кроме того, они импортировались вне зависимости от их стоимости. Для импорта требовалась иностранная валюта, которую часто невозможно было получить с помощью соответствующего объема экспорта, что влекло за собой возникновение внешнеторгового дефицита. В условиях рынка за этим неизбежно последовал бы рост валютного курса, но в СССР курс устанавливался директивно.

Когда в 1945 г. рассматривались варианты расчета нового валютного паритета рубля, один из ведущих советских специалистов, член бюро экспертов Правления Госбанка СССР З.В. Атлас отмечал в специальной записке, что этот вопрос надо решать в зависимости от того, на какие функции будет ориентирован пересмотр валютного курса. Выделялись следующие его главные функции: обмен валюты для иностранцев, трансграничные денежные переводы, расчеты Госбанка по экспорту и импорту с советскими организациями, сопоставление стоимости продукции в СССР и за границей¹²⁷.

В СССР все перечисленные функции действовали в экономических реалиях социалистической модели экономики в особом выражении, призванном в сколько-нибудь удовлетворительном виде обеспечить фактический паритет советского рубля. По мнению З.В. Атласа, реальный паритет может быть установлен на основе соотношения стоимости золота в СССР в рублях по сравнению со стоимостью в США в долларах, либо на соотношении покупательной силы валют. Если построить валютный курс непосредственно на базе паритета покупательной силы рубля и доллара, то в этом случае, учитывая, что уровень

производительности труда в СССР был в 2–2,5 раза ниже, чем в США, валютный курс должен отклоняться от этого паритета в 2–2,5 раза в сторону превышения уровня цен в Советском Союзе (в рублях) по отношению к уровню цен в США (в долларах). Чтобы найти паритет на основе соотношения стоимости золота, надо рассчитать средневзвешенную цену золота в СССР, зная цену золота в долларах (35 долл. за унцию), можно рассчитать курс, который более или менее будет близок к соотношению покупательной силы рубля и доллара.

Таким образом, для государства было выгодно держать имевшийся валютный курс и ежегодно пополнять советский бюджет на миллиарды рублей за счет наценок коммерческого импорта. Продажа за рубеж основных экспортных товаров (нефть, зерно, лес)¹²⁸ и золота позволяла получить иностранную валюту или необходимые товары и одновременно направить рублевые дотации экспортным предприятиям на производство новых товаров. Это означает, что СССР фактически был вынужден признавать рыночные курсы валют. Советская экономическая модель не обладала инструментами рыночной экономики, и производство драгоценных металлов, влиявшее на увеличение предложений кредитов на мировом рынке, стало важным ресурсом социалистической экономики. В связи с этим золотой потенциал СССР ограничивался лишь превратностями добычи золота – фактором, которым государство не могло управлять, и который определял внутренние цены социалистической экономики.

Согласно отчетным документам, советская золотодобывающая промышленность относилась к категории «планово-убыточной». Отпускные цены на золото к началу 1950-х гг. отражали отношение рубль – доллар больше чем 40 к 1, тогда как соотношение внутренних цен в СССР и мировых цен составляло около 20 к 1.

В принятии экономических решений сыграли роль природно-климатические факторы, на которые обратили внимание авторы исследования «Сибирское проклятие»¹²⁹. Когда речь идет о «цене холода», использование принудительного труда заключенных на золотодобыче и в других отраслях промышленности северных регионов СССР, среди прочего, обусловлено экономическим расчетом в сравнении с использованием «вольнонаемных» работников. Этот фактор играл ключевую роль в 1930–1940-е гг. На самой «холодной» территории деятельности «Дальстроя» зафиксированы самая низкая себестоимость золота и самая высокая производительность труда на добыче золота в СССР. Основными определяющими факторами явились принудительный труд заключенных и повышенное содержание золота в песках.

Признавая неблагоприятные условия Севера, известный советский экономист С.В. Славин, работавший в 1931–1934 гг. заместителем председателя Совета Севера Госплана СССР, считал, что деятельность «Дальстроя» дала для советского народного хозяйства крупную экономию средств по сравнению с использованием других месторождений золота в стране. В черновом варианте рукописи коллективной монографии «Проблемы развития производительных сил Магаданской области», подготовленной в 1959 г. Советом по изучению производительных сил при Президиуме АН СССР, С.В. Славин отмечал: «Исключительно высокое содержание золота в россыпных месторождениях верховьев Колымы и Индигирки и большие масштабы его добычи, обусловив-

шие низкую себестоимость металла, в конечном итоге, несмотря на неблагоприятные условия Севера, дали для народного хозяйства страны крупную экономию средств по сравнению с использованием других месторождений золота в СССР. В целом эта экономия покрыла все многомиллиардные капитальные затраты, произведенные до 1955 г. в геологические разведки, промышленное освоение месторождений золота и олова, строительство дорог, городов и рабочих поселков, многочисленных обслуживающих промышленных предприятий, совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий. Покрыты были также убытки, связанные с более высокой, чем в среднем по Союзу себестоимостью добычи олова. Не говоря уже о значении золота для страны, изложенное показывает высокую экономическую эффективность промышленного и транспортного освоения Магаданской области за прошедший период»¹³⁰. Эта точка зрения демонстрирует экспертный взгляд изнутри на экономическую эффективность в рамках социалистической модели экономики.

В результате деятельности «Дальстроя», поставившего в 1932–1956 гг. почти половину советского промышленного золота, среднее соотношение доллар – рубль по текущим затратам на добычу золота в соответствии с его средней фактической мировой ценой составило примерно 1 к 12. Это кратно превосходило показатели ординарного сектора золотодобычи («Главзолото»/«Главспеццветмет») и с учетом фактического паритета рубля продемонстрировало высокий уровень прибыльности. В конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. вместе с уменьшением объемов ручной работы, ростом механизации и автоматизации труд заключенных становился все более затратным и менее эффективным. Смена экономической модели «Дальстроя» в 1953–1957 гг., сопровождавшаяся ускоренными темпами механизации и переводом всей производственной системы на свободный труд, продемонстрировала, что прежний уровень производственных показателей был достигнут при более чем двукратно меньшей численности работников и более низких текущих затратах.

При оценке работы «Дальстроя» следует учитывать сроки выполнения поставленных задач, достижения в освоении территории Крайнего Северо-Востока и большой удельный вес капиталовложений в получение научной информации. В развитии отрасли и деятельности «Дальстроя» особую роль сыграл геополитический фактор отдаленных и приграничных территорий. И.В. Сталин был хорошо осведомлен о роли открытия золота в Калифорнии в развитии западной части США, и руководство СССР осознавало, что золотодобывающая промышленность даст мощный толчок развитию регионов Сибири и Дальнего Востока. Сибирский фактор в итоге существенно повлиял на процесс советской модернизации экономики¹³¹.

Ценность золота для руководства СССР и советской экономики стала абсолютна. Золото было всегда востребованным на мировом рынке и использовалось в чрезвычайных для государства ситуациях (1941) и в критические периоды (первая половина 1930-х гг.) для корректировки внешнеторгового дефицита. Также оно было необходимо в текущей экономической деятельности для обеспечения международных кредитов и приобретения товаров, которые или было невозможно произвести самим, или которые при производстве в СССР обошлись бы крайне дорого. Фактор золота заключался в том, что последнее

в условиях национализированной внешней торговли и валютного контроля являлось гарантией развития социалистической модели экономики. При этом развитие золотодобывающей промышленности СССР не следовало из прямой прогнозной калькуляции возможной прибыли и убытков, а было следствием решений, принятых руководством страны в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Среди прочего, эти решения были продиктованы памятью об экономической блокаде в период Гражданской войны, «золотой паникой», страхом перед повторением губительного падения и дефицита во внешней торговле (опыт «Великой депрессии») и одновременно верой в то, что золото лежит в основе нормального функционирования капиталистической экономики.

Примечания

- ¹ *Бацаев И.Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан, 2002; *Гутак О.Я.* Золотопромышленность юга Западной Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Томского ун-та. Сер. История, краеведение, этнология, археология. 2003. № 276. С. 147–153; *Зеляк В.Г.* Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск, 2015; *Лешков В.Г., Бельченко Е.Л., Гузман Б.В.* Золото российских недр. М., 2000; *Макарова В.Н.* Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX – 30-е гг. XX в.). Уфа, 2006; *Михалевский Ф.И.* Золото в период мировых войн. М., 1945; *Сапоговская Л.В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург, 1998; *Солдатов Л.К.* Золотопромышленность в системе народного и мирового хозяйства. М., 1929; *Хатылаев М.М.* Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири: 1917–1925 гг. Якутск, 1983; *Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск, 1990; *Широков А.И.* Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М., 2014.
- ² *Катасонов В.Ю.* Золото в экономике и политике России. М., 2009; *Кочегарова Е.Д.* Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917–1940 годы). Новосибирск, 2011; *Николаев М.Г.* Госбанк СССР и «золотая операция» 1928 г. // Экономическая история: ежегодник. М., 2014. С. 548–567; *Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: «Торгсин». М., 2009.
- ³ *Осокина Е.А.* Торгсин в советской экономической системе 1930-х гг. // Труды института Российской истории РАН. 2013. № 11. С. 206–226; *Пилясов А.Н.* Трест «Дальстрой» как суперорганизация (1932–1956 гг.) // Колыма. 1993. № 8. С. 34–37; № 9–10. С. 37–41; № 11. С. 28–33.
- ⁴ См.: *Сапоговская Л.В.*: 1) Золото в политике России (1917–1921) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 32–47; 2) Золотопромышленность Республики Советов – СССР – РФ: эволюция отрасли в альтернативных системах хозяйствования // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 266–308; 3) Золотые ресурсы СССР в военно-экономическом противостоянии 1939–1945 годов (постановка проблемы) // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 3–15.
- ⁵ *Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или нужно ли России золото? Екатеринбург, 2008.
- ⁶ *Сапоговская Л.В.* Золотые ресурсы СССР ... С. 3–15.
- ⁷ См.: *Бацаев И.Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России ...
- ⁸ См.: *Зеляк В.Г.*: 1) Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-х гг. XX в. Магадан, 2004; 2) Золото для Победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 55–62; 3) Валютный цех страны ...
- ⁹ См. *Широков А.И.* 1) Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск, 2009; 2) Дальстрой в социально-экономическом развитии ...
- ¹⁰ *Кочегарова Е.Д.* Российская золотопромышленная политика в трудах исследователей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4(30). С. 113.

- ¹¹ До недавнего времени это относилось и к статистике советского производства других цветных металлов, оставшейся неизвестной исследователям, пока не были выявлены архивные материалы ЦСУ СССР, позволившие провести анализ динамики производства цветных металлов (кроме золота), а также внешней торговли. См.: *Валетов Т.Я.* Цветные металлы в СССР. Производство и внешняя торговля в 1917–1966 гг. // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. Т. 6. Вып. 8(41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001265-0-1> (дата обращения: 18.10.2021).
- ¹² Сборник был составлен сектором проектов перспективного развития золото-платиновой промышленности Института «Гипрозолото» (руководитель работы – горный инженер В.П. Бакакин). Сборник состоит из введения, двух частей и приложений. История мировой добычи золота рассматривается с 1493 г. Первая часть сборника посвящена золотой промышленности России до 1917 г., вторая – золотой промышленности СССР, приложения содержат 82 табл., а также информационные справки о золотой промышленности США, Канады, Трансвааля. Для «Дальстроя» НКВД СССР в «Главзолоте» была подготовлена копия с рабочего экземпляра сборника – она и сохранилась. См.: Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542.
- ¹³ См.: Горный журнал. 1870. № 9. С. 58–107.
- ¹⁴ *Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв. ... С. 35–36.
- ¹⁵ Там же. С. 76–77.
- ¹⁶ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 136.
- ¹⁷ Подсчитано по: Общий обзор главных областей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915. С. 4.
- ¹⁸ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 16.
- ¹⁹ Там же. Л. 14.
- ²⁰ Общий обзор главных областей горной ... С. 19.
- ²¹ *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 84–85.
- ²² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 20 об.
- ²³ Там же. Л. 21–21 об.
- ²⁴ *Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика ... С. 31.
- ²⁵ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 20.
- ²⁶ Общий обзор главных областей горной ... С. 24.
- ²⁷ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 16 об.
- ²⁸ Общий обзор главных областей горной ... С. 26.
- ²⁹ Там же. С. 3–4.
- ³⁰ *Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика ... С. 34.
- ³¹ *Лешков В.Г.* Российское золото – государственная и старательская добыча (1719–2007). М., 2008. С. 67.
- ³² *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. С. 84, 138, 369–370.
- ³³ Там же. С. 479.
- ³⁴ Подсчитано по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 13 об.–14.
- ³⁵ *Лешков В.Г.* Российское золото – государственная и старательская добыча ... С. 99.
- ³⁶ Этот фактор следует учитывать и при анализе показателей золотодобычи России в период 1917–1922 гг. и в последующие годы.
- ³⁷ *Алмазова О.Л., Дубоносов Л.А.* Золото и валюта: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 27.
- ³⁸ Подсчитано по: *Мейстер А.К.* Обзор минеральных ресурсов СССР. Геологический ком. Вып. 18: Золото. Л., 1925. С. 5.
- ³⁹ Подсчитано по: *Мейстер А.К.* Обзор минеральных ресурсов СССР ... Вып. 18. С. 5; Архивные данные института «Гипрозолото» (1944 г.) несколько выше приведенных показателей: 1918 г. – 21,2 т, 1919 г. – 6,5; 1920 г. – 4,3; 1921 г. – 5,2; 1922 г. – 11,2 т. См.: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 31.
- ⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. Пг., 1921. № 74. Ст. 604.
- ⁴¹ *Сапоговская Л.В.* Золото в политике России (1917–1921). С. 44.
- ⁴² *Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика ... С. 98.
- ⁴³ Там же ... С. 103.
- ⁴⁴ Подсчитано по: *Мейстер А.К.* Обзор минеральных ресурсов СССР ... Вып. 18. С. 6; Золотопромышленность СССР (I Всесоюзный золотопромышленный съезд). М., 1927. С. 20.
- ⁴⁵ См.: Всесоюзный золотопромышленный съезд, 1-й. Москва. 1926 // Золотопромышленность СССР: доклады и резолюции. М., 1927.

- ⁴⁶ Сапоговская Л. В. Национальная золотопромышленная политика ... С. 112.
- ⁴⁷ См.: Косториченко В. Н. Деятельность А. П. Серебровского по модернизации отечественной нефтяной промышленности периода НЭПа: привлечение американского капитала // Вестник РУДН. История России. 2007. № 4. С. 64–71.
- ⁴⁸ Подробно об изменениях в системе управления золотоплатиновой промышленностью см.: Лысков В. М. Органы управления и контроля государственной и старательской золотопромышленностью в России/СССР (1917–1991 гг.) // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 1. С. 195–214.
- ⁴⁹ В 1932 г. в Главзолото входили тресты – «Амурзолото», «Ачерзолото», «Алтайзолото», «Балейзолото», «Баргузинзолото», «Башзолото», «Верхамурзолото», «Волгозолото», «Дарасунзолото», «Джетыгарзолото», «Енисейзолото», «Забайкалзолото», «Запсибзолото», «Миассзолото», «Лензолото», «Минусазолото», «Качкарзолото», «Таджикзолото», «Уралзолото», «Ормезд», «Приамурзолото», «Севкавзолото», «Холбонзолото» и «Якутзолото»; заводы – Красноярский и Иркутский машиностроительный, Московский афинажный; институты – «Гипрозолото», «Гинзолото», Нисзолотолaborатория, особые ведомства – Золотопреднаб, Золототехснаб, Золототранс, Золоторазведка. См.: Сапоговская Л. В. Национальная золотопромышленная политика ... С. 121.
- ⁵⁰ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 32.
- ⁵¹ Кочегарова Е. Д. Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917–1940 годы). Новосибирск, 2011. С. 38.
- ⁵² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 32.
- ⁵³ Там же. Л. 32 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 89.
- ⁵⁵ Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы: в 2 ч. Ч. II / отв. ред и сост. С. С. Храмов. М., 1999. С. 170–173.
- ⁵⁶ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 33.
- ⁵⁷ Там же. Л. 32 об.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей, 1918–1960. М., 2000. С. 248.
- ⁶⁰ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1348. Л. 50.
- ⁶¹ Там же. Л. 47.
- ⁶² См. Чернолуцкая Е. Н. Спецпоселенцы «власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945–1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2011. № 2. С. 106–113.
- ⁶³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1718. Л. 10.
- ⁶⁴ Там же. Д. 1348. Л. 4.
- ⁶⁵ Подсчитано автором по: Там же. Д. 3. Л. 4–5, 38–39; Д. 176. Л. 34.
- ⁶⁶ См.: Гребенюк П. С. Экономическая эффективность золотодобычи Дальстроя (1932–1956) // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 63.
- ⁶⁷ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 120. Л. 2.
- ⁶⁸ Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М., 2005. С. 538.
- ⁶⁹ См. Бородкин Л. И. Гулаг в годы войны // Россия и современный мир. 2016. № 1(90). С. 148–158; Сталинские стройки ГУЛАГа ... С. 411–412.
- ⁷⁰ См. Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 67–89.
- ⁷¹ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 38–39.
- ⁷² Сталинские стройки ГУЛАГа ... С. 464.
- ⁷³ ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–5; Д. 176. Л. 34.
- ⁷⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 13. Оп. 1. Д. 602. Л. 4.
- ⁷⁵ Бацаев И. Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан, 2007. С. 169.
- ⁷⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9022. Д. 286. Л. 1–7.
- ⁷⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 56. Д. 1858. Л. 26.
- ⁷⁸ РГАЭ. Ф. 9022. Оп. 29. Д. 415. Л. 3.
- ⁷⁹ Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996. С. 81.
- ⁸⁰ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 202. Л. 45–46.
- ⁸¹ Зеляк В. Г. Валютный цех страны ... С. 83–84.

- ⁸² ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 491. Л. 5.
- ⁸³ Там же. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 202. Л. 45–46.
- ⁸⁴ Там же. Л. 46.
- ⁸⁵ Подсчитано по: Там же. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 958. Л. 9.
- ⁸⁶ См. Сталинские стройки ГУЛАГа ... С. 411.
- ⁸⁷ Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954. CIA. 1955. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000496246.pdf (дата обращения: 18.10.2021). Р. 3.
- ⁸⁸ В научной литературе использовались различные наименования анализируемых секторов золотодобывающей промышленности СССР: официальный и «гулаговский» (Л.В. Сапоговская), свободный и принудительный или особый (Е.Д. Кочегарова), ординарный и экстраординарный (В.Г. Зеляк), гражданский и лагерный (Е.А. Осокина) и др.
- ⁸⁹ Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 2 сентября 1946 г. на базе Главного управления золотоплатиновой промышленности («Главзолото») Министерства цветной металлургии СССР было создано Специального главного управления «Главспеццветмет» (СГУ) МВД СССР.
- ⁹⁰ См.: Зеляк В.Г. Валютный цех страны ... С. 69–70; Катасонов В.Ю. Золото в экономике и политике России. С. 21–22; Осокина Е.А. Золото для индустриализации ... С. 527–528; Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика ... С. 118, 142, 153.
- ⁹¹ Лешков В.Г. Российское золото – государственная и старательская добыча ... С. 153.
- ⁹² Так, добыча золота в СССР в 1931–1940 гг., по данным «Гипрозолота», составила 1247,6 т против 1059 т, по данным В.Г. Лешкова. См.: Лешков В.Г. Российское золото – государственная и старательская добыча ... С. 153. См. также годовые показатели добычи 1920-х гг. по данным Е.А. Осокиной: Осокина Е.А. Золото для индустриализации ... С. 527–528.
- ⁹³ Подсчитано по: ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 89.
- ⁹⁴ Подсчитано по данным Е.А. Осокиной. См.: Осокина Е.А. Золото для индустриализации ... С. 528.
- ⁹⁵ Green T. Central Bank Gold Reserves: An Historical Perspective since 1845 // World Gold Council Research Study. 1999. № 23. Р. 17.
- ⁹⁶ По авторским оценкам золотой запас страны к концу 1922 г. не превышал 5 т золота. См.: Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика ... С. 198, 210.
- ⁹⁷ Данные на 1.02.1922 г. См.: Осокина Е.А. Золото для индустриализации ... С. 524.
- ⁹⁸ Сапоговская Л.В. Золотые ресурсы СССР ... С. 3.
- ⁹⁹ Green T. Op. cit. Р. 17.
- ¹⁰⁰ Балансы Государственного банка СССР (1922–1990 гг.). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 9. М., 2010. С. 52, 120.
- ¹⁰¹ Сапоговская Л.В. Золотые ресурсы СССР ... С. 3.
- ¹⁰² Кроме этого, запасы иностранной валюты пополнялись и из других источников. См.: Осокина Е.А. Антиквариат (об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 233–268.
- ¹⁰³ См.: Howson G. Armas para España. La historia no contada de la guerra civil española. Barcelona, 2000; Kowalsk D. La Unión Soviética y la guerra civil española: una revisión crítica. Barcelona, Crítica, 2003; Aceña M. El Oro de Moscú y el Oro de Berlín. Madrid, 2001; Viñas Á. El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona, 2007.
- ¹⁰⁴ Пучсек Ф.Ж. Историкографический миф «Кремль в Барселоне»: роль советского консульства во время Гражданской войны в Испании // Новая и Новейшая история. 2017. № 1. С. 56.
- ¹⁰⁵ См.: Godek L. The state of the Russian gold industry // Europe – Asia Studies. 1994. 46:5. Р. 766.
- ¹⁰⁶ Российское золото / ред. и сост. В.И. Калугин. Т. 3. М., 1994. С. 526.
- ¹⁰⁷ Данные проф. В.П. Попова. См.: Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 39. Д. 23. Л. 1.
- ¹⁰⁸ Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937 гг. Статистический справочник. М., 1939. С. 10.
- ¹⁰⁹ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. С. 205.
- ¹¹⁰ Soviet Gold production ... Р. 48.
- ¹¹¹ Осокина Е.А. Золото для индустриализации ... С. 71, 76–77; Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика ... С. 112; Soviet Gold production ... Р. 10.
- ¹¹² Soviet Gold production ... Р. 56.
- ¹¹³ Сапоговская Л.В. Золотые ресурсы СССР ... С. 9.
- ¹¹⁴ Soviet Gold production ... Р. 58.

- ¹¹⁵ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М., 2007. С. 608.
- ¹¹⁶ Подсчитано по: Там же.
- ¹¹⁷ Балансы государственного банка СССР (1922–1990 гг.). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 9. М., 2010. С. 93.
- ¹¹⁸ В 1941–1947 гг. действовал льготный курс 1 ам. долл. – 12 руб. при покупке рублей на валюту иностранными дипломатическими представительствами, с декабря 1947 г. 1 ам. долл. – 8 руб.
- ¹¹⁹ Данные проф. В.П. Попова. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 100. Л. 48–60.
- ¹²⁰ См.: *Попов В.П.* Сталинизм в человеческом измерении: работы разных лет. М., 2016. С. 178.
- ¹²¹ В пример приводился 1937 г., когда Советский Союз всего в течение нескольких месяцев продал на мировом рынке золота на 200 млн долл. США. См.: *Soviet Gold production ...* P. 10.
- ¹²² *Kriz M.A.* The price of gold // *Essays in international finance.* 1952. № 15. P. 3.
- ¹²³ Данные проф. В.П. Попова. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 100. Л. 72–78.
- ¹²⁴ Там же. Л. 48–60.
- ¹²⁵ Как было отмечено, показатель института «Гипрозолото» за 1901–1917 гг. основан на данных золотосплавочных лабораторий и отражает объемы не химически чистого золота, а шлихового, поступившего на сплав в лаборатории.
- ¹²⁶ *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005. С. 439–444.
- ¹²⁷ Из неопубликованного: Вопросы денежного обращения (1919–1982 годы) (ведомственные материалы). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 15. М., 2014. С. 67–68.
- ¹²⁸ *Кондрашин В.В.* Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // *Клио.* 2011. № 3. С. 112–115.
- ¹²⁹ См.: *Hill F., Clifford G.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington (DC), 2003.
- ¹³⁰ ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 714. Л. 22–23.
- ¹³¹ *Тимошенко А.И.* Сибирский фактор в формировании российской индустриальной цивилизации // *Экономическая история.* 2013. № 4(23). С. 23–33.

Библиография

- Hill F., Clifford G.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington (DC): Brookings Institution Press, 2003. 240 p.
- Green T.* Central Bank Gold Reserves: An Historical Perspective since 1845 // *World Gold Council Research Study.* 1999. № 23. 25 p.
- Howson G.* Armas para España. La historia no contada de la guerra civil española. Barcelona: Península, 2000. 464 p.
- Kowalsky D.* La Unión Soviética y la guerra civil española: una revisión crítica. Barcelona: Crítica, 2003. 504 p.
- Godek L.* The state of the Russian gold industry // *Europe-Asia Studies.* Vol. 46. 1994. Issue 5. P. 757–777.
- Aceña M.* El Oro de Moscú y el Oro de Berlín. Madrid: Taurus, 2001. 420 p.
- Kriz M.A.* The price of gold. *Essays in international finance.* Princeton (New Jersey): Princeton University Press. 1952. № 15. 29 p.
- Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954. CIA, 1955. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000496246.pdf (дата обращения: 18.10.2021). 123 p.
- Viñas A.* El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona: Crítica, 2007. 734 p.
- Алмазова О.Л., Дубоносов Л.А.* Золото и валюта: прошлое и настоящее. М.: Финансы и статистика, 1988. 162 с.
- Балансы государственного банка СССР (1922–1990 гг.). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 9. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2010. 164 с.
- Бацаев И.Д.* Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. 217 с.
- Бацаев И.Д.* Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 255 с.

- Бородкин Л.И.* Гулаг в годы войны // Россия и современный мир. 2016. № 1(90). С. 148–158.
- Валетов Т.Я.* Цветные металлы в СССР. Производство и внешняя торговля в 1917–1966 гг. // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. Т. 6. Вып. 8(41). URL: <http://history.jes.su/s207987840001265-0-1> (дата обращения: 18.10.2021).
- Внешняя торговля СССР за 20 лет. 1918–1937 гг. Статистический справочник / сост. С.Н. Бакулин и Д.Д. Мишустин. М.: Международная книга, 1939. 263 с.
- Всесоюзный золотопромышленный съезд, 1-й. Москва. 1926 // Золотопромышленность СССР: доклады и резолюции. М.: Промиздат, 1927. 137 с.
- Гребенюк П.С.* Экономическая эффективность золотодобычи Дальстроя (1932–1956) // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 48–65.
- Грибанова И.В.* Дальстрой: экономическое освоение Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2009 / отв. ред. Л.И. Бородкин. М.: РОССПЭН, 2009. С. 453–508.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960: [Документы] / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред.: В.Н. Шостаковский. М.: Фонд «Демократия», 2000. 888 с.
- Гутак О.Я.* Золотопромышленность юга Западной Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Томского ун-та. Сер. История, краеведение, этнология, археология. 2003. № 276. С. 147–153.
- Зеляк В.Г.* Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 466 с.
- Зеляк В.Г.* Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
- Зеляк В.Г.* Золото для Победы: горнодобывающая промышленность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 55–62.
- Золотопромышленность СССР: доклады и резолюции. М.: Промиздат, 1927. 137 с.
- Из неопубликованного: Вопросы денежного обращения (1919–1982 годы) (ведомственные материалы). По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 15. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2014. 224 с.
- Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы: в 2 ч. Ч. II / отв. ред и сост. С.С. Храмов. М.: ИРИ РАН, 1999. 304 с.
- Катасонов В.Ю.* Золото в экономике и политике России. М.: Анкил, 2009. 286 с.
- Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
- Колева Г.Ю.* Нефть в политике советского государства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 9(174). С. 43–50.
- Кондрашин В.В.* Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // Клио. 2011. № 3. С. 112–115.
- Косторниченко В.Н.* Деятельность А.П. Серебровского по модернизации отечественной нефтяной промышленности периода НЭПа: привлечение американского капитала // Вестник РУДН. История России. 2007. № 4. С. 64–71.
- Кочегарова Е.Д.* Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917–1940 годы). Новосибирск: СИБПРИНТ, 2011. 223 с.
- Кочегарова Е.Д.* Российская золотопромышленная политика в трудах исследователей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4(30). С. 111–115.
- Кузнецов В.Б.* История золотодобычи СССР в годы Великой Отечественной Войны // Горная промышленность. 2018. № 3(139). С. 102–106.
- Лешков В.Г.* Российское золото – государственная и старательская добыча (1719–2007). М.: Изд-во «Горная книга», 2008. 207 с.
- Лешков В.Г., Бельченко Е.Л., Гузман В.В.* Золото российских недр. М.: АО «ЭКОС», 2000. 628 с.
- Лысков В.М.* Органы управления и контроля государственной и старательской золотопромышленностью в России/СССР (1917–1991 гг.) // Историко-экономические исследования. 2014. Т. 15. № 1. С. 195–214.
- Макарова В.Н.* Золотодобывающая промышленность Башкортостана в период двух модернизаций (80-е гг. XIX – 30-е гг. XX в.). Уфа: XXI век, 2006. 320 с.
- Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 876 с.
- Михалевский Ф.И.* Золото в период мировых войн. М.: Госполитиздат, 1945. 238 с.
- Николаев М.Г.* Госбанк СССР и «золотая операция» 1928 г. // Экономическая история: ежегодник. 2013 / отв. ред. Л.И. Бородкин. М.: РОССПЭН, 2014. С. 548–567.

- Мейстер А.К.* Обзор минеральных ресурсов СССР. Геологический ком. Вып. 18: Золото. Л.: Типография гос. изд. им. Гутенберга, 1925. 48 с.
- Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг.: Типография И. Флейтмана, 1915. 366 с.
- Осокина Е.А.* Антиквариат (об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история: Ежегодник. 2002 / отв. ред. Л.И. Бородкин. М.: РОССПЭН, 2003. С. 233–268.
- Осокина Е.А.* Золото для индустриализации: «Торгсин». М.: РОССПЭН, 2009. 592 с.
- Осокина Е.А.* Торгсин в советской экономической системе 1930-х гг. // Труды института Российской истории РАН. 2013. № 11. С. 206–226.
- Пилясов А.Н.* Трест «Дальстрой» как суперорганизация (1932–1956 гг.) // Колыма. 1993. № 8. С. 34–37; № 9–10. С. 37–41; № 11. С. 28–33.
- Пилясов А.Н.* Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 145 с.
- Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. М.: АСТ, 2007. 716 с.
- Попов В.П.* Сталинизм в человеческом измерении: работы разных лет. М.: МПГУ, 2016. 308 с.
- Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 358 с.
- Пучек Ф.Ж.* Историографический миф «Кремль в Барселоне»: роль советского консульства во время Гражданской войны в Испании // Новая и Новейшая история. 2017. № 1. С. 56–68.
- Российское золото / ред. и сост. В.И. Калугин. Т. 3. М.: Московский писатель; Преображение, 1994. 574 с.
- Сапоговская Л.В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв.: Урал и Сибирь – модели развития. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 314 с.
- Сапоговская Л.В.* Золото в политике России (1917–1921) // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 32–47.
- Сапоговская Л.В.* Золотопромышленность Республики Советов – СССР – РФ: эволюция отрасли в альтернативных системах хозяйствования // Экономическая история. Ежегодник. 2003 / отв. ред. Л.И. Бородкин. М.: РОССПЭН, 2004. С. 266–308.
- Сапоговская Л.В.* Золотые ресурсы СССР в военно-экономическом противостоянии 1939–1945 годов (постановка проблемы) // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 3–15.
- Сапоговская Л.В.* Национальная золотопромышленная политика XVIII–XX вв., или нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.
- Солдатов Л.К.* Золотопромышленность в системе народного и мирового хозяйства. М.: Союззолото, 1929. 110 с.
- Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 г. Пг.: Пятая государственная типография, 1918. 620 с.
- Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М.: МФД: Материк, 2005. 568 с.
- Тимошенко А.И.* Сибирский фактор в формировании российской индустриальной цивилизации // Экономическая история. 2013. № 4(23). С. 23–33.
- Хатылаев М.М.* Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири: 1917–1925 гг. Якутск: Изд-во Якутского филиала СО АН СССР, 1983. 92 с.
- Хлевнюк О.В.* Экономика ОГПУ–НКВД–МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л.И. Бородкин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 67–89.
- Хроленок С.Ф.* Золотопромышленность Сибири (1832–1917): Историко-экономический очерк. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 307 с.
- Чернолуцкая Е.Н.* Спецпоселенцы «власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945–1955 гг.) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2011. № 2. С. 106–113.
- Широков А.И.* Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 654 с.
- Широков А.И.* Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 460 с.

История финансов и банков

Голицын Ю.П.*

Финансово-экономические проблемы российско-украинских отношений летом 1918 года

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, которые обсуждались на российско-украинских переговорах, проходивших в Киеве летом и осенью 1918 г. в соответствии с обязательствами, зафиксированными в Брест-Литовском мирном договоре 3 марта 1918 г. между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Предпринята попытка показать варианты раздела финансовой системы Российской империи, включая наличные денежные средства, банковские активы, государственный долг и государственное имущество, железные дороги, между двумя независимыми государствами с различным общественно-политическим и экономическим строем. В статье также описываются сложности переговоров о налаживании двустороннего взаимовыгодного товарообмена между РСФСР и Украинской державой из-за жесткого контроля со стороны Германии.

Ключевые слова: Советская Россия, Украинская держава, Брест-Литовский мирный договор, российско-украинские переговоры, денежная система, валюта, государственный долг, банки, железные дороги, государственное имущество, товарообмен.

Соблюдение условий Брест-Литовского мирного договора, заключенного 3 марта 1918 г. с Центральными (Четверными) державами (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией), было одним из основных направлений внешней политики Советской России (РСФСР) с марта по ноябрь 1918 г. В соответствии с зафиксированными в договоре условиями РСФСР была обязана признать Украинскую Народную Республику (УНР) и заключить с ней двусторонний мирный договор.

В данной статье предполагается рассмотреть некоторые аспекты финансово-экономических отношений Советской России и Украины, возникшие в ходе подготовки и деятельности мирных делегаций на переговорах в Киеве летом 1918 г.

В советской исторической литературе, несмотря на то, что огромное ее количество посвящено всевозможным аспектам Брест-Литовского мирного договора, о советско-украинских переговорах и деятельности советской делегации летом 1918 г. только упоминалось. В многотомных сборниках документов — «Документы внешней политики СССР» и «Декреты Советской власти» опубликованы лишь несколько материалов, касающихся переписки о начале переговоров весной и об их завершении осенью 1918 г.¹ Эти же сюжеты в своей книге кратко затронул И. К. Кобляков².

В 1960-х гг. на Украине появляются упоминания о ходе переговоров — в комментариях к изданию документов «Гражданская война на Украине. 1918—1920 гг.»³ и в монографиях А. Е. Карпенко и Н. И. Супруненко⁴.

Более подробно этот сюжет описан в статье В. Г. Тичины⁵. Позднее о советско-украинских переговорах в своих книгах писал Г. Л. Никольников, делая акцент на пограничных вопросах⁶.

* Голицын Юрий Петрович — кандидат исторических наук, руководитель направления по истории финансового рынка ПАО «Московская Биржа», golitsyn57@mail.ru.

Ситуация изменилась в конце XX в. В середине 1990-х гг. на Украине появились брошюры О.И. Лупандина и О.В. Филатова⁷. Работа Филатова — одна из немногих, где автор опирался на многочисленные архивные источники и ввел в научный оборот новые документы из Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. Достаточно подробно охарактеризовав ход работы конференции, О.В. Филатов пришел к выводу, что обе стороны сознательно затягивали ход переговоров, но, если украинская сторона делала это «в надежде добиться значительных уступок, ввиду поражения большевиков на театре военных действий», то российская делегация — надеясь на скорое «вхождение» Украины в состав РСФСР⁸.

Чуть позже вышли сборники документов, раскрывающие подробности переговорного процесса: российское издание содержит материалы из Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и, к сожалению, лишь некоторые из них касаются отношений РСФСР и Украины⁹; сборник, подготовленный украинскими и американскими специалистами, содержит протоколы и стенограммы пленарных заседаний мирных переговоров между Украинской державой и РСФСР¹⁰. При этом стенограмма записана на двух языках — украинском и русском, как это и было зафиксировано в условиях конференции.

В последние годы появилось несколько монографий, в которых рассматриваются различные аспекты (пограничные, дипломатические, военно-политические) советско-украинских переговоров лета 1918 г.¹¹. В 2007 г. в России была опубликована книга американского историка украинского происхождения О. Федюшина, в которой он, опираясь на германские и австро-венгерские архивные документы, описывает историю украинской революции. Коснулся автор и украинско-советских переговоров, обвинив в их затягивании, а затем и срыве российскую делегацию¹². Подобного подхода придерживаются и некоторые молодые украинские историки¹³.

Более объективны украинские исследователи старшего поколения: Г.И. Чернявский, М.Г. Станчев и М.В. Тортика (Лобанова) достаточно подробно рассказали о работе советской делегации в Киеве через деятельность ее руководителя Х. Раковского¹⁴; В.Ф. Солдатенко сосредоточил свое внимание на обсуждении на переговорах проблемы Крыма и Черноморского флота, что значительно сужает освещение интересующей нас темы¹⁵.

Наиболее подробно ход переговоров и затрагиваемые проблемы советско-украинской конференции в Киеве проанализированы А.С. Пученковым¹⁶ и Л.В. Ланником¹⁷. Первому из них удалось не только описать весь процесс переговоров, но и показать атмосферу заседаний, опираясь, главным образом, на советскую периодическую печать. Второй автор сделал упор на показе германской заинтересованности в проведении переговоров РСФСР и Украинской державы, столь необходимых для обеспечения «спокойного» вывоза с оккупированных Германией территорий продовольствия и промышленного сырья.

Однако финансовым и экономическим проблемам в советско-украинских отношениях в 1918 г. в перечисленных выше работах уделено недостаточно внимания. Лишь отдельные сюжеты, как например, вывоз наличных денег с территории Советской России на Украину, подробно и эмоционально описывались в мемуарах эмигрантов, а затем и в исторической литературе.

Вне интереса историков остались вопросы: раздел финансовой системы бывшей Российской империи (включая наличные денежные средства, государственный долг и банковские активы), а также государственного имущества и железных дорог между двумя независимыми государствами с различным общественно-политическим и экономическим строем. Такое положение можно объяснить тем, что, во-первых, главное внимание в исследованиях уделялось пленарным заседаниям мирной конференции, а на них рассматривались, прежде всего, военные, политические и территориальные проблемы; во-вторых, использованные в работах опубликованные и архивные документы просто не позволяли этого сделать.

При подготовке данной статьи, кроме опубликованных документов, использовались материалы РГАЭ, прежде всего – из фондов Наркомата финансов, Народного банка и коллекции документов по подготовке Генуэзской конференции. Также были рассмотрены документы из Архива внешней политики РФ, опубликованные на официальном сайте данного архива. Основной целью настоящего исследования является анализ комплекса сложных финансово-экономических проблем, возникших в период распада Российской империи, и которые необходимо было решить при образовании на части ее территории независимой Украины.

Противостояние между Украинской Радой и Советом народных комиссаров началось практически сразу после Октябрьской революции 1917 г. в России¹⁸. В январе 1918 г. в ходе Брест-Литовских переговоров с Германией и странами Четверного союза между российской делегацией и представителями Рады проходили совещания. Советские представители настаивали на совместных действиях обеих делегаций перед лицом германо-австрийского блока. Советские делегаты предлагали украинским в своих заявлениях избегать всего того, что могло бы дать возможность немцам играть на противоречиях двух делегаций. Однако украинская сторона вела себя уклончиво, обещая связаться с правительством в Киеве и т.д.¹⁹ Германия умело разыграла «украинскую карту». «Со стороны Украинской делегации <...> значительно отчетливее проявляется желание заключить мир», – констатировали немцы²⁰. В то же время германский статс-секретарь Р. Фон Кюльман (нем. Richard von Kühlmann) считал, что «украинцы хитры, скрытны и абсолютно не знают меры в своих требованиях. Если бы удалось достигнуть с ними более или менее удовлетворительного соглашения, то можно было бы перейти с большевиками на более резкий тон и пойти, в случае необходимости, даже на разрыв»²¹.

В результате в Брест-Литовске Украина и Советская Россия подписали с Четверными державами отдельные договоры. Первым – 9 февраля 1918 г. – был заключен мирный договор между Украиной и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией (укр. «Берестейський мир»). Символично начало договора: «Потому, что Украинский народ в протяжении современной мировой войны провозгласил себя независимым и выразил желание восстановить мирные отношения между Украинской Народной Республикой и государствами, которые находятся в войне с Россией»²².

3 марта свой Брестский (Брест-Литовский) договор с Центральными державами подписала Советская Россия. Характерно, что Украина не была обя-

зана заключать договор с Россией. А вот для советского правительства необходимость заключения мирного договора с Украиной была обязательной, ведь в ст. VI говорилось: «Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики»²³. Под правительством УНР понималась Центральная Рада, которая была восстановлена в результате немецкого наступления и последующей оккупации почти всей территории Украины.

Многие условия обоих договоров практически совпадали. Так, финансово-экономические отношения, в частности, между Германией и УНР должны были развиваться на основе немецко-российских договоров о сухопутной и морской торговле 1894–1904 гг.; сохранял силу и генеральный российский таможенный тариф 1903 г.

В то же время ни одна сторона не могла претендовать на преференции, которые другая предоставляет иной стране, связанной с ней таможенным союзом, и которая имеет с ней общие границы²⁴. Несколько позже прусский военный министр Г. фон Штейн (нем. Hermann Christlieb Matthäus Stein) писал, что необходимо предотвратить создание таможенного союза между Украиной и Центральной Россией; следует «отрезать Украину от Центра, привязать к Германии ту часть старой России, которая экономически более значительна и важна в деле снабжения Германии сырьевыми материалами». За Украиной при германской помощи должны быть закреплены следующие территории: «Не только значительная часть черноземного пояса, но и важные железорудные залежи Кривого Рога, угольные месторождения Донецкого бассейна и табачные плантации Кубани»²⁵.

Кроме того, по договору 9 февраля 1918 г. между Украиной и Центральными державами «незамедлительно» возобновлялся товарообмен, при этом расчеты между договаривающимися сторонами должны были производиться по довоенному паритету (1000 германских имперских марок равнялись 462 золотым рублям или 462 карбованцам, а 1000 австро-венгерских крон – 393,78 рублям или карбованцам). Стороны также обязались не чинить препятствий свободному торговому обороту, но были возможны и исключения по политическим или экономическим причинам, т.е. де-факто Украина могла получить из Германии только то, что последняя хотела вывезти. В результате экономическое соглашение на деле свелось к обязательствам Украины поставлять в Германию «излишки» продовольствия и сырья, получив в качестве оплаты бумажные марки и российские дореволюционные («царские») банкноты. Также Украина приняла на себя обязательство уплаты части государственных долгов Российской империи, получение германскими подданными всех долгов, накопившихся за время Первой мировой войны, а также возвращение им всех секвестированных предприятий и имущества²⁶.

Неслучайно 20 февраля 1918 г., выступая в рейхстаге, статс-секретарь (министр) иностранных дел Германской империи Рихард фон Кюльман (нем. Richard von Kühlmann) выразил надежду, что все другие мирные договоры,

которые Германии еще предстоит заключить, будут походить на германо-украинский. Этот первый договор, сказал он, является в известной степени прототипом для других договоров, он послужит «основой для восстановления правовых отношений с другими частями России»²⁷.

Отметим, что, по мнению некоторых исследователей, сепаратный договор, подписанный представителями Центральной Рады в Брест-Литовске, резко ослабил политическое и социально-экономическое, особенно продовольственное, положение Советской России. Он облегчил наступление Германии и во многом предопределил вынужденное подписание Советской Россией тяжелого и унижительного Брестского мира с державами Четверного союза²⁸.

В соответствии со ст. VI Брест-Литовского договора на протяжении весны 1918 г. происходил обмен радиограммами о начале советско-украинских переговоров. При этом обе стороны обвиняли друг друга в их затягивании, обращаясь к Германии как верховному арбитру. Но пока Украина и Россия спорили о том, где и когда начать мирные переговоры, Германия продолжала военное наступление²⁹. Генерал Э. Людендорф (нем. Erich Friedrich Wilhelm Ludendorff) позднее писал об этом по-военному прямо: «Мы, а еще больше Австрия и австро-венгерская армия нуждались в украинском хлебе; эту страну нужно было спасти от большевизма <...> Мы должны были укрепить Украину, чтобы иметь возможность ее использовать»³⁰.

Лишь 29 апреля, уже после того как Германия ликвидировала Раду, осуществив государственный переворот и сделав гетманом Украины бывшего царского генерала П. Скоропадского, мирные делегации прибыли в Курск для переговоров о немедленном прекращении боевых действий и установлении демаркационной линии. Но вскоре, по требованию украинской делегации, переговоры были перенесены в Киев, где и возобновились 23 мая. К тому времени германская армия заняла Харьков, утвердилась в Донецком бассейне, захватила Крым, Одессу, Ростов-на-Дону, Таганрог. Фактически к концу мая немцы захватили всю Украину, заняв также и южные уезды Курской губ.³¹

Председатель СНК РСФСР В.И. Ленин, делая доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г., отметил, что получена нота германского правительства «с предложением создания специальной комиссии для обсуждения всех правовых вопросов о нашем имуществе в Украине и Финляндии. <...> Германское Верховное командование заявляет, что никаких дальнейших продвижений больше не будет, роль Германии на Украине и Финляндии закончена, Германия согласна содействовать нашим мирным переговорам с Киевом и Гельсингфорсом и входит об этом в сношения с означенными правительствами»³².

В свою очередь, германский посол В. фон Мирбах (нем. Wilhelm von Mirbach) доносил в Берлин о встрече с В.И. Лениным 16 мая 1918 г.: «...Все его стремления и пожелания направлены, прежде всего, на то, чтобы как можно скорее внести ясность в положение на Севере и Юге, и в первую очередь мы должны принять меры и употребить свое влияние для заключения мира с Гельсингфорсом и Киевом». Правда, при этом он считал, что Россия «...ни в коем случае не согласится с идеей самостоятельности Украины и, во всяком случае, лишит нас экономических перспектив»³³.

Насколько серьезно в России относились к переговорам с Украиной, видно из письма В.И. Ленина от 24 мая 1918 г. советскому послу в Германии А.А. Иоффе и генеральному консулу в Берлине В.Р. Менжинскому. «Если можно помочь тому, чтобы получить мир с Финляндией, Украиной и Турцией (в этом гвоздь), надо всегда и все для этого сделать (конечно, без неких новых аннексий и даней этого не получить). За ускорение такого мира, — писал В.И. Ленин, — я бы много дал»³⁴.

Первоначальный состав советской делегации был утвержден еще 16 апреля 1918 г. По решению ВЦИК и СНК РСФСР в состав делегации для ведения переговоров с Центральной Радой вошли Х.Г. Раковский, Д.З. Мануильский, И.В. Сталин и М.П. Томский. При этом и Раковский, и Сталин получили одинаковые полномочия как руководителя делегации, что привело к конфликту между ними. Но в Киев Сталин не поехал, и руководителем советской делегации на протяжении всех переговоров был Х. Раковский, а его заместителем (формально также имевшим полномочия руководителя) — Д. Мануильский. В состав делегации входили также большое количество экспертов и специалистов.

Председателем украинской делегации стал генеральный судья С.П. Шелухин, заместителем — госсекретарь И.А. Кистяковский; членами делегации являлись также Х.А. Барановский (Министерство финансов), А.О. Свицин (Министерство торговли и промышленности), А.В. Сливинский (Военное министерство), Петров (Министерство дел продовольственных) и др.³⁵ Одним из экспертов украинской делегации был профессор Л.Н. Яснопольский (позднее известный советский экономист, специалист в области политической экономики и бюджетного права).

12 июня 1918 г. был заключен договор о перемирии между РСФСР и Украинской державой. В нем же содержались «предварительные, но не обязательные» условия для заключения мирного договора. Среди прочего, в нем значились следующие положения: «Правительства Р.С.Ф.С.Р. и Украинской Державы обязываются на основах взаимности не чинить препятствий и предоставить свободу и возможность гражданам того и другого государства по возможности без пересадки переехать в свое отечество — украинским гражданам в Украину, россиянам в Россию — с их имуществом, за исключением товаров с процентными бумагами и ценностями, а также с наличными деньгами в сумме не свыше 10.000 рублей на одно лицо и, кроме того, двух тысяч рублей на каждого члена семьи того лица, причем вся сумма наличных денег на одну семью не должна превышать 20.000 рублей». Перевозка же наличных денег свыше 20 тыс. руб. (но не более 100 тыс.) разрешалась лишь при условии, что украинский комиссар, установив, что данная наличность является результатом ликвидации имущества, поставит об этом «в известность» советскую власть. При этом каждой из договаривающихся сторон предоставлялось право «ограничивать и запрещать ввоз и вывоз иностранных валют»³⁶.

Именно вопрос о вывозе с территории России наличных денег и ценных бумаг вызвал очень активные и продолжительные споры в ходе советско-украинских переговоров. Российская сторона всячески старалась зафиксировать ограниченный объем наличных финансовых средств, которые могли быть

перемещены на Украину, вполне справедливо предполагая, что этим коридором в обход советских декретов захотят воспользоваться многие предприниматели и представители привилегированных классов. Следует отметить, что летом 1918 г. железнодорожные поезда достаточно активно курсировали между Россией и Украиной, доставляя в Киев множество лиц, обладавших большими капиталами. Беженцы старались любой ценой вывезти с советской территории хоть какие-то ценности, используя любые возможности — от взяток и подкупов работников различных советских ведомств до покупки в украинском консульстве свидетельств об украинском гражданстве.

На переговорах Раковский твердо отстаивал идею — лимитировать вывоз наличных денег, объясняя это необходимостью ограничения спекуляции. Украинская сторона, заинтересованная в поддержке своих граждан, занимала прямо противоположную позицию, не признавая никаких ограничений. Кистяковский и Барановский подчеркивали, что сумма в 20 тыс. руб. на семью при значительно выросших ценах не является достаточной даже для минимального существования. Вариант перевода денежных средств и ценных бумаг из России на Украину через банки, предложенный Раковским, также не был поддержан его оппонентами, по их мнению, украинские банки или откажутся, или будут брать очень большие комиссионные (25–50% от стоимости), т.к. «риск гибели бумаг феноменальный». Предлагавшаяся советской стороной регистрация ценных бумаг украинской делегацией тоже была отвергнута³⁷. Но в результате в договоре 12 июня 1918 г. все же зафиксировали норму, предложенную российской стороной.

В первой половине 1918 г. большевики не чинили особых препятствий перехода в украинское гражданство, если конечно не считать препятствием жесткий обыск на границе и отнятие всего ценного, что удавалось найти. В конце мая, в одном из интервью о ходе переговоров, Раковский отметил, что «если у нас и были до сих пор препятствия к отъезду украинских граждан, то эти препятствия вовсе не имели основной злое намерение Советской власти, но имели чисто-технический характер»³⁸. Но с лета решить этот вопрос становилось все труднее. Можно согласиться с мнением А.С. Пученкова, что во многом это было связано с ходом мирных переговоров между РСФСР и Украиной³⁹.

Так, 17 июля, отвечая на запрос Народного банка, в Наркомате иностранных дел отмечали, что «п. 2 договора о перемирии <...> обязывает Советскую власть не препятствовать возвращению украинских граждан на родину с их имуществом, за исключением (здесь и далее подчеркнуто в тексте. — Ю.Г.) товаров, процентных бумаг и ценностей». При этом НКВД особо отмечал, что «украинцам может быть разрешаема ликвидация процентных бумаг, хранящихся в банках только на равных основаниях с гражданами Р.С.Ф.С.Р.»⁴⁰, фактически это был запрет, т.к. обращение ценных бумаг в Советской России к тому времени уже было запрещено.

Надо отметить, что украинская делегация зачастую не располагала точными сведениями о происходившем в Советской России. Профессиональные экономисты не могли себе представить, что государство может целенаправленно разрушать финансовую систему страны, провоцируя инфляцию, национализируя частные банки, конфискуя частные сбережения из банков-

ских хранилищ, аннулируя государственные долги. Точка зрения украинской стороны на происходившие в Советской республике достаточно четко выражена в записке профессора Л. Яснопольского. Он считал, что «необходимо добиваться: 1. Отмены “национализации” банков вообще как затрагивающей интересы не только граждан России, но и других государств, с которыми банковские учреждения непрерывно связаны своими операциями. 2. Возмещения судом установленных убытков, причиненных отдельным клиентам банков, гражданам Украины той же национализацией. 3. Отмены права ревизии сейфов в отношении граждан Украины, где она еще не произведена, и возмещения имевших место убытков, по установлению их нормально действующим судом. 4. Если отмены упомянутых декретов не будет достигнуто, то необходимо добиваться урегулирования взаимной задолженности между банками, находящимися под властью большевистского правительства и украинскими. Насколько известно, большевистским правительством издан был декрет о конфискации акций частных банков. <...> Если такой “декрет” был действительно издан и сохраняет свою силу до настоящего времени, то в отношении украинских граждан он должен быть отменен»⁴¹.

После заключения перемирия 12 июня 1918 г. работа над текстом основного договора продолжилась. Главным вопросом, обсуждавшимся в ходе заседаний наиболее активно и подробно, конечно, был территориальный. Установление границ между соседними странами стало слишком болезненной темой для обеих делегаций. Но и проблемы финансово-экономического характера были очень актуальны.

Одной из важнейших в отношениях Украины и Советской России в этот период стала проблема денежного обращения. Еще в декабре 1917 г. Центральной Радой было принято решение о выпуске новых украинских банкнот — карбованцев (1 карбованец равнялся 1 рублю), а в марте 1918 г. к карбованцу добавилась гривна (1 гривна равнялась 50 коп.)⁴². В это же время директор Государственного казначейства М. Кривецкий в докладе правительству УНР «О финансово-экономических перспективах Украинской Республики» убеждал руководителей государства, что «для подъема курса украинских бумажных денег, прежде всего, необходимо отмежевать Украину от влияния российских денег, курс которых будет, несомненно, падать. Украина не будет в силах остановить падение рубля»⁴³. И хотя Центральная Рада, а позднее и гетман П. Скоропадский сохранили за российскими денежными знаками право свободного обращения на Украине, введение в денежный оборот карбованца и гривны фактически явилось первым шагом к появлению на Украине собственной денежной системы.

Позднее гетман Скоропадский вспоминал: «В первый период гетманства Ржепецкий (министр финансов. — Ю.Г.) и я старались как можно скорее отделаться от русских денег. Помню, это предполагалось произвести в середине июня. Операция эта была чрезвычайно сложная, так как требовалось накопить предварительно около миллиарда украинских денег для того, чтобы беспрепятственно произвести обмен русских денег на украинские. Министерство с первых же дней начало к этому готовиться»⁴⁴. Но проблема раздела единой денежной системы оказалась настолько серьезной, что не могла быть решена

быстро и в одностороннем порядке. В Советской России также неоднократно обсуждали эту тему.

Так, 23 июля 1918 г. специалисты Наркомата финансов РСФСР провели совещание. Во-первых, они констатировали, что установление на Украине самостоятельной денежной системы для России «крайне нежелательно», т.к. в результате значительно уменьшится район обращения рубля, увеличится «наплыв», вытесняемых из Украины рублей в Россию, и возрастет «возможность сосредоточения» в распоряжении украинского правительства значительного количества рублей. Все это, «несомненно», будет «весьма неблагоприятно отзываться» на курсе рубля и его покупательной способности на внутреннем рынке. Во-вторых, считали советские эксперты, украинская сторона при обсуждении этого вопроса будет указывать на неблагоприятное финансовое положение РСФСР в настоящее время при слабом поступлении налогов и «колоссальных» выпусках бумажных денег. Также укажет на низкий курс рубля за границей и возможность его дальнейшего падения и на то, что при установлении на Украине отдельной денежной системы для России гораздо будет легче регулировать выпуск бумажных денег. Данным соображениям советская делегация могла противопоставить следующие доводы: курс рубля сравнительно высок, несмотря на крайне тяжелое положение Государственного казначейства, что, несомненно, «свидетельствует о мощности хозяйственного организма России». Затруднения страны носят временный характер, «по устранению же их разъединение Украины с Россией в валютном отношении повлечет за собой значительный ущерб для Украины, превышающий временные выгоды, которые Украинская держава могла бы получить теперь от установления особой денежной системы».

В-третьих, если приведенные доводы окажутся для украинцев «недостаточно убедительными», то «в видах лучшего обеспечения наших интересов», российские представители на российско-украинской мирной конференции должны были приложить «все старания» к тому, чтобы проведение украинской денежной реформы осуществили как можно позже. Кроме того, невыгоды введения особой денежной системы на Украине могли быть ослаблены принятием украинским правительством на себя обязательства не выпускать находящиеся на Украине рубли к обращению и вывозу в РСФСР, а передавать Народному банку, с уменьшением на соответствующую сумму падавшей на Украину доли русского государственного долга⁴⁵.

В свою очередь, украинская финансовая комиссия имела свою точку зрения на эти проблемы. Еще до начала переговоров, ею были выработаны принципы раздела баланса и капиталов бывшего Государственного банка, Дворянского и Крестьянского земельных банков и государственных сберегательных касс. Были рассмотрены также вопросы относительно раздела резервных капиталов страховых акционерных товариществ, которые остались в российском Государственном банке. Украинская сторона считала, что внесенный правлениями этих товариществ в России дополнительный промышленный налог и гербовый сбор должны быть в соответствующих частях переданы в украинскую казну. К тому же необходимо было настаивать на возвращении украинскому казначейству всех сумм, которые поступили в российский бюджет от

имений, находившихся на Украине. Украинская сторона обработала и приняла к сведению результаты относительно урегулирования вопросов о выплате пенсий за счет казны лицам, которые получали ее по назначению бывшего российского правительства из казны Украины, попутно высказавшись о необходимости разделения различных пенсионных капиталов, которые до этого времени были общими для граждан Украины и России⁴⁶.

Обе стороны готовили свои варианты различных статей, связанных с денежным обращением и платежами. 14 июня 1918 г. в ходе российско-украинских переговоров была образована финансово-расчетная комиссия, на заседаниях которой должны были обсуждаться проблемы денежных расчетов, государственных имуществ и долгов⁴⁷.

В тот же день (14 июня) член советской делегации Кожин отправил из Киева в Москву начальнику 2-го отделения Особенной канцелярии по кредитной части Наркомфина С.К. Бельгарду телеграмму.

Среди прочего Кожин сообщал, что из частного источника узнал, что украинская финансовая комиссия наметила следующую позицию на переговорах по государственным платежам и гарантиям:

«1) все государственные долги, по которым не примет на себя ответственность Украинская держава, подлежат оплате на основаниях, существовавших в момент заключения займов прежними русскими правительствами,

2) по выдачам банков в качестве ссуд и авансов городам, земствам, продовольственным управам с гарантией русского правительства по всем таким платежам в части, которая придется на долг русского правительства, поскольку эти деньги пошли на общегосударственные нужды – возврат их должен быть обеспечен в мирном договоре,

3) по авансам, обеспеченным векселями, находящимися в портфелях банков и выданных для предприятий, находящихся не на территории Украины, платежи лежат на ответственности русского правительства,

4) русское правительство обязано ликвидировать ипотечные долги земельных банков Украины, возникшие по имуществам, лежащим на территории Великороссии,

5) ценные бумаги, находящиеся в портфелях украинских кредитных учреждений и предприятий фактически находящиеся в Великороссии, а также всякого рода вклады должны быть возвращены или должна быть возмещена в случае их утери действительная стоимость их. Это применимо к не выданным еще облигациям II-го объединенного железнодорожного займа, подписка на который была открыта в октябре 1917 года,

6) все убытки от ревизии сейфов должны быть возмещены,

7) в случае отказа от отмены декрета о национализации банков, необходимо выговорить в договоре особое по сему предмету соглашение при участии представительства банков,

8) регистрация акций разных акционерных обществ должна быть отменена, акционерам должно быть обозначено возмещение всех последовавших от сего убытков и главное возвращение капитала на началах нового положения о валюте (буде таковая окажется установленной)».

Кроме того, Кожин указал, что украинцы будут категорически настаивать на раздельности денежных систем, на запрете ввоза на Украину керенок и купонов по процентным бумагам, не находящимся на хранении в украинских банках, а также на запрещение вывоза из Украины в Великороссию немецкой валюты⁴⁸.

Для обсуждения в финансово-расчетной комиссии и внесения в текст мирного договора российской стороной был подготовлен проект статьи «Об имуществах разного рода, принадлежащих государству всероссийскому и о различных его обязательствах». В нем отмечалось, что «расчет по таким (государственным. — Ю.Г.) ценностям, суммам и требованиям будет подчинен правилам, установленным для распределения ответственности по государственному долгу, или по требованию иностранных держав, между обоими договаривающимися государствами». При необходимости для урегулирования обязательственных отношений будет образована особая Смешанная комиссия из представителей обеих договаривающихся сторон на паритетных началах, под председательством одного из членов Гаагского Международного трибунала, из подданных нейтрального в мировой войне государства, по выбору России и Украины.

Российская сторона считала, что к обсуждению «возбужденных» проектом вопросов следует приступить только после разрешения «несравненно более важного вопроса» — о принятии Украиной на себя возможно большей части общегосударственного долга. И что окончательное решение проблемы раздела государственных имуществ необходимо поставить в зависимость от решения вопроса о разделе государственного долга на международной мирной конференции. При этом предполагалось, что в основу «разверстания» государственного долга необходимо положить численность населения с поправками на большую платежеспособность украинского населения. Сроком, к которому должны были быть приурочены все расчеты, российская сторона называла, например, день ратификации мирного договора⁴⁹.

1 июля под председательством Главного комиссара Народного банка РСФСР состоялось совещание из представителей отделов Центрального управления, для обсуждения проекта статей мирного договора с Украиной, в части, касающейся Народного банка. Это совещание пришло к следующим заключениям:

1) Украина обязана принять на себя часть государственного долга России за русские кредитные билеты и имеющие хождение наравне с ними казначейские знаки, выпущенные в обращение до определенного срока; таким сроком «надлежит считать» день прекращения снабжения Народным банком украинских кредитных учреждений кредитными билетами, но, во всяком случае, «не раньше дня заключения Брестского договора»;

2) золотой запас Российской империи «подлежит пропорциональной разверстке между Украинской и Российской республиками, но не подлежит выдаче натурою»;

3) учреждения бывшего Государственного банка, оказавшиеся на территории Украины, могут быть переданы со всеми их активами и пас-

сивами Украинскому банку, с возмещением Народному банку РСФСР задолженности этих учреждений;

4) частные банки, правления которых расположены на Украине, «считаются поступившими в ведение» Украинской республики; частные банки, правления которых находятся на территории Российской республики, остаются в ведении последней;

5) расчеты за переходящие к Украине имущества всех видов, а также как за принимаемые ею на себя обязательства должны быть произведены по твердому курсу кредитного рубля, установленному советской властью для расценки золота или, в крайнем случае, по курсу, существовавшему в день, какой будет избран для расчетов по бумажно-денежному обращению.

В заключение участники совещания отметили, что «более детальная разработка» рассматриваемых вопросов потребует дополнительного обсуждения некоторых спорных вопросов в смешанных комиссиях, организуемых на паритетных началах с Украиной⁵⁰.

Украинская делегация в ходе переговоров настаивала на невозможности разделения государственных долгов и имуществ и соответственно на своем праве на определенную часть государственной собственности Российской империи. В связи с этим, исходя из принципов: а) территориального; б) по относительному количеству населения Украины и России; в) по степени участия Украины в доходном бюджете Российской империи, украинская сторона считала, что «наиболее целесообразным» было бы сочетание двух последних принципов. Соответственно участие в государственных долгах и имуществах украинская делегация определяла в 20%. Опираясь на эти принципы, украинцы просили предоставить им подробный список государственных имуществ, подлежащих разделу.

Со стороны российской делегации указывалось, что, исходя из общепризнанных норм международного права, в случае «отделения части от территории», отделяющаяся часть никоим образом не может требовать права участия в разделе имущества государства, от которого она отпадает: «Везде, где происходит расчленение государства, не может быть и речи о каком-либо наследстве и о дележе. Никакие внутренние изменения в форме правления, никакие территориальные изменения не допускают посягательства с чьей бы то ни было стороны на государственный суверенитет».

В результате принцип «одинакового участия» Украины в активе и пассиве Российской империи встретил с советской стороны «самые категорические» возражения. Российская делегация указывала, что долги, заключавшиеся до революционной Россией за границей, основывались не на «потенциальных богатствах» России, а исключительно на доверии кредиторов к платежеспособности населения: «Ввиду этого, размеры государственных долгов бывшей империи ни в коем случае не соответствовали количеству государственных имуществ и не находились от них в зависимости»⁵¹.

Однако украинская сторона считала, что, принимая на себя часть государственного долга, возникшего до 25 октября (7 ноября) 1917 г., она должна получить часть золотого запаса и государственного имущества Российской им-

перию. Кроме того, она требовала вернуть вывезенные с Украины в Россию культурно-исторические ценности⁵².

Состоялось пять совместных заседаний украинской и российской финансовых комиссий, на которых рассматривались вопросы относительно раздела обязательств России и ее государственного имущества. При этом предложенный украинской делегацией срок 7 ноября, до которого необходимо было произвести финансовый раздел между странами, не был принят российской комиссией, предложившей, со своей стороны, признать таким сроком день подписания в Бресте мирного договора между Россией и Центральными державами, т.е. 3 марта 1918 г.

Когда это предложение было отвергнуто украинской стороной, российская комиссия подняла вопрос о проведении международного арбитража в Гаагском трибунале по всем вопросам, по которым не будет достигнуто соглашения. Естественно, что это на долгое время отодвигало решение поставленных проблем.

С украинской стороны было подано заявление о полной недействительности на Украине постановления советского правительства, касавшегося аннулирования займов. На это председатель российской мирной делегации Х. Раковский заметил, что такого вопроса больше не существует, поскольку его правительство уже сделало уступку германскому руководству и отменило указанное постановление.

Окончательно работа в смешанной комиссии остановилась после того, как Украинская держава заявила о своем праве на соответствующую часть Российского золотого запаса⁵³.

Большое место на советско-украинских переговорах 1918 г. занимала тема раздела железных дорог. В договоре о перемирии 12 июня 1918 г. было записано:

1) «обе договаривающиеся стороны» обязались принять «все необходимые меры для восстановления взаимного пользования и обмена железнодорожным подвижным составом, на основаниях, предусмотренных действовавшими до 7-го ноября 1917 года на Российских железных дорогах соглашениями и правилами с теми в них изменениями, какие будут согласованы между ведомствами Путей сообщения обеих сторон»;

2) т.к. в период военных действий часть подвижного состава с дорог Украинской державы была перегнана «за линию фронта на дороги Советской Республики, последняя обязуется незамедлительно передать Украинской державе железнодорожный подвижной состав в количестве, в срок и на условиях, какие будут определены соглашением между ведомствами Путей сообщения». Для этого должна была быть создана «немедленно» Комиссия из представителей ведомств Путей сообщения обоих государств «для срочного рассмотрения и принятия мер к постепенной передаче на дороги Украинской державы подвижного состава»⁵⁴.

Принадлежность и использование подвижного железнодорожного состава было, конечно, очень актуальной и важной проблемой как для Советской России и Украины, так и для Германии и Австро-Венгрии, ведь только стабильная работа железных дорог могла обеспечить им получение из Украины значитель-

ного количества продовольствия и промышленного сырья. Больше того, началась работа по переводу украинских железных дорог на европейскую колею и включение их в железнодорожную систему Германии⁵⁵.

Но тема железных дорог активно обсуждалась на переговорах во многом еще и потому, что практически все российские железнодорожные компании до революции выпускали облигации, гарантированные правительством, т.е. данные займы фактически относились к государственному долгу. В решении этой проблемы Германия также была заинтересована, так как многие выпуски железнодорожных облигаций размещались немецкими банками, обращались на Берлинской бирже и находились у германских подданных. Российские эксперты подготовили свои предложения, касавшиеся такого рода обязательств, в материалах к проекту статьи мирного договора «О государственных долгах и обязательствах». Они считали, что «по перешедшим полностью или частью в собственность Украинской державы казенных железных дорог бывшего Государства российского» Украина должна принять на себя обязательство уплатить РСФСР «проценты интереса и погашения». Для определения размера платежей должна была приниматься во внимание «вся совокупность затрат, произведенных по отходящим к Украинской державе казенных железных дорог или их участкам». По капиталам частных железнодорожных предприятий «на Украинскую державу переходят все обязательства б. Государства российского», если эти предприятия всем своим составом окажутся на территории Украинской державы.

Для определения «обязательств Украинской державы по капиталам частных железнодорожных предприятий, которые будут разделены государственной границей и лишь частью окажутся на украинской территории, облигационные капиталы этих предприятий распределяются между частями – они будут на территории Украинской державы и останутся на территории РСФСР соответственно всей совокупности затрат, произведенных на каждой из этих частей ко времени производства раздела предприятий государственной границей».

Это же касалось и акционерных капиталов. Долги находившихся на территории Украины частных железнодорожных компаний, источником для покрытия которых должен был служить выпуск облигационных займов перед казной бывшей Российской империи, должны перейти к Украинскому государству, получавшему право на их взыскание при условии возмещения убытков российской стороне. Если железная дорога будет разделена государственной границей, то ее долги должны быть распределены пропорционально между обоими государствами⁵⁶.

Для понимания позиций украинской стороны по различным аспектам финансово-экономических отношений с Советской Россией вызывает определенный интерес «Доклад о размере участия Украины в составе бюджета России за 11 лет с 1906 года», подготовленный украинской Военно-морской комиссией, которая была односторонней, т.е. работала лишь при украинской делегации. Она провела семь заседаний. При рассмотрении данного доклада необходимо разделить его на два периода: 1) с 1906 по 1914 г. за мирное время и 2) с 1914 по 1917 г. включительно за период Первой мировой войны. В эти

периоды в доходах появляется большая разница. Взяв найденные проценты участия Украины в бюджете бывшей Российской империи, украинские эксперты посчитали, что за довоенный период средняя арифметическая составляет 15%, за годы войны — 8,5%.

На основе этих выкладок, а также учитывая численность и плотность населения, украинская Военно-морская комиссия пришла к выводу, что Украина имела право на $\frac{1}{5}$ всего военного и морского имущества России, т.е. всего имущества, которое осталось на территории Украинской державы, а также Румынии и Бессарабии⁵⁷.

По договору 12 июня 1918 г. оба государства установили «временный товарообмен для удовлетворения неотложных текущих потребностей». С этой целью была создана смешанная товарообменная комиссия из представителей сторон на паритетных началах. В ее ведение относились вопросы: «установления правильных взаимоотношений по обмену продуктами сельского хозяйства и продуктами добывающей промышленности»⁵⁸.

Украинскую сторону интересовали поставки нефти и нефтяных продуктов, смазочных масел, леса, бумаги и мануфактурных изделий, прежде всего, различных тканей. Российская сторона хотела получить уголь, хлеб, сахар и другие продукты. Но на запрос о хлебе был получен ответ, что «по этому вопросу украинская делегация не может дать ответа до получения сведений о положении в хлебном отношении самой Украины в связи с местным потреблением и обязательствами в отношении Центральных держав»⁵⁹.

В середине августа в Москве вышел небольшой сборник статей «Ближайшие перспективы торговых отношений России с Украиной». В первой статье один из руководителей ВСНХ А. Ломов (Г.И. Оппоков) проанализировал состояние российско-украинских экономических отношений и их влияние на ход мирных переговоров. Говоря о возможности переориентации Украины на Германию и ее союзников, Ломов отметил, что в последнее время «Германия смогла дать для Украины лишь немного силезского угля по ценам, в два-три раза превышавшим твердые украинские, да другие товары в гомеопатических дозах; Австро-Венгрия и Румыния дали в ничтожных размерах бензин и нефтепродукты. Тот, кто рассчитывает для данного момента на товарообмен Украины с Германией и Австро-Венгрией, странами, в которых товарный голод дошел до невероятных размеров, не может не вызвать улыбки. Товарообмену же с Россией мешает экономическая политика правительства Скоропадского, которое в угоду своим империалистическим покровителям — Германскому и Австро-Венгерскому командованию, запрещает вывоз в Россию хлеба, единственного продукта, на который Украина в обмен может получить необходимые ей до зарезу товары. <...> При первой, так называемой августовской сделке, которая в настоящее время обсуждается в Киеве, Украинское государство обязуется поставить уголь, кокс, чугун, рельсы и скрепления к ним (всего на сумму около 17–20 милл. руб.) Российской Республике, в обмен на поставляемые последней нефтепродукты, бумагу, лес, цемент, электротехнические принадлежности, одежду. <...> Если для России наибольшая необходимость заключалась в получении с юга хлеба, угля и чугуна, а для Украины в первую голову российской мануфактуры и нефтепродуктов, то

для настоящей правительницы Юга (Германии. — *Ю.Г.*) нет особого интереса дать кому бы то ни было хлеб, она желает получить его в первую голову себе, поэтому-то она и не допускает его к вывозу из Украины. Что же касается угля и чугуна, то запасы их на Украине сравнительно ничтожны, а производство или еле теплится (уголь) или прекратилось (выплавка чугуна)»⁶⁰.

Результат переговоров о товарообменной сделке подробно описан в статье еще одного члена ВСНХ В. Бажанова. Украина обязалась предоставить России уголь и кокс (по 2 млн пуд.), чугун передельный (450 тыс. пуд.), чугун литейный (300 тыс. пуд.), рельсы тяжелые (100 тыс. пуд.) и скрепления к рельсам (10 тыс. пуд.). В обмен Россия передавала Украине нефтяные продукты (182 тыс. пуд.), бумагу (100 тыс. пуд.), лес крепежный (16 млн пуд.), цемент (на 1 млн руб.), одежду и белье для горнорабочих (на 1,2 млн руб.) и электротехнические принадлежности (на 1 млн руб.). Общая стоимость товаров с каждой стороны составляла по 16 млн руб. По словам В. Бажанова, «не касаясь целого ряда весьма интересных вопросов, <...> следует указать лишь на ту, несколько ненормальную обстановку, в которой пришлось вести переговоры о товарообмене и заключать сделку. Общие основы экономического соглашения с Украиной еще не выработаны. <...> Каждая сторона хотела быть осторожнее и осмотрительнее в своих заключениях, пока еще не разрешены общие вопросы, чтобы своим заключением не создать нежелательного прецедента. Этим отчасти объясняется длительность переговоров о первой сделке, а также и последняя оттяжка с приступлением к фактическому выполнению сторонами принятых обязательств»⁶¹.

2 сентября 1918 г. нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин в своем докладе на заседании ВЦИК констатировал: «Одновременно ведутся в Киеве переговоры о товарообмене многочисленными представителями народных коммисариатов и разных продовольственных и закупочных организаций. Главная трудность заключается в тех внешних препятствиях, которые мешают Украине отдавать нам хлеб в обмен на столь нужную ей мануфактуру»⁶².

Говоря о внешних «препятствиях» Чичерин, конечно, имел в виду Германию. Надо отметить, что германское посольство в Киеве постоянно контролировало советско-украинские переговоры. Еще 1 июня оно направило украинскому правительству меморандум с изложением своих требований, которыми оно должно было руководствоваться при заключении мирного договора с РСФСР. В соответствии с ними Украина должна была, прежде всего, обеспечивать Центральные державы продовольствием и сырьем. Также гетманскому правительству вменялось при урегулировании с РСФСР вопроса о дореволюционных государственных долгах обеспечить интересы германских и австро-венгерских кредиторов и добиться возмещения потерь, понесенных ими во время войны по вине России⁶³.

Весной 1918 г. (после того как советское правительство аннулировало внешние и внутренние государственные долги в январе 1918 г., а также запретило операции с ценными бумагами) германские дипломаты стали активно пользоваться тем, что в Брестском договоре была оговорена компенсация для немецких владельцев российских фондов. По прямому указанию германского посла в Москве В. фон Мирбаха немецкие агенты дешево скупали у украин-

ских акционеров ценные бумаги, а затем предъявляли их в Советской России к оплате золотом по нарицательной стоимости. Весной 1918 г. ВЧК арестовала несколько человек, пытавшихся продать немцам акции Веселянских рудников на сумму 4,1 млн руб. и акции треста «Чистяково-антрацит» на 900 тыс. руб.⁶⁴

Характерно, что когда в конце июня 1918 г. в Москве проходили заседания Особого совещания по товарообмену между Россией, Украиной и Германией об обмене, от имени украинской стороны выступали представители германского командования. Именно они заблокировали предложение советской стороны — о поставке Украиной в РСФСР остро необходимого ей хлеба и угля⁶⁵.

В итоге непростых переговоров, по данным О.В. Филатова, и в результате работы смешанных комиссий и подкомиссий было достигнуто соглашение по обмену 2 млн пуд. угля на 200 тыс. пуд. нефти и нефтепродуктов; 2 млн пуд. кокса на 100 тыс. пуд. бумаги; 850 тыс. пуд. металла на 2 тыс. вагонов лесоматериалов⁶⁶. Но о какой-либо реализации данного соглашения ничего неизвестно.

В ходе переговоров советское правительство попыталось осуществить очень интересную комбинацию — убедить Германию, что той выгоднее получать хлеб не из Украины, а из России, но в обмен на Украину. 28 июня нарком Г.В. Чичерин отправил в Берлин советскому послу А.А. Иоффе очередной проект: «Если бы в Берлине были смелые политики, можно было бы предложить им хлеб за Украину, где даже в Киевской губернии сельские сходы принимают резолюции о желании присоединиться к нам, а мы поделимся с ними хлебом. Если для Украины это утопия, то это не утопия для Кубани. Последняя область целиком наша, реакционное Кубанское правительство существует только на бумаге, и по соглашениям с Кубанскими советами можно было бы отдать Германии часть хлеба за невмешательство. Если немцы придут на Кубань, все будет уничтожаться, и они ничего не получают»⁶⁷. Иоффе проникся этой идеей. В докладе в Комиссариат иностранных дел вскоре после убийства Мирбаха он писал: «Непременно разузнайте поскорее, можем ли мы получить украинский хлеб, т.е. осуществим ли план получения Германией хлеба из Украины через нас. Это особенно важно, ибо я все время убеждаю их, что без нас они с Украиной ничего не поделают»⁶⁸. Интересно, что такой известный германский политик, как Г. Штресман (нем. *Gustav Ernst Stresemann*), считал советское предложение «заслуживающим» серьезного рассмотрения⁶⁹.

Пока шли российско-украинские переговоры, Германия и Австро-Венгрия активно вывозили с Украины все, что могли. Неслучайно многие современники называли Берестейский договор «хлебным миром». По некоторым данным, с 1 мая по 1 декабря 1918 г. были вывезены 9 293 вагона хлеба, 23 195 вагонов продовольственных продуктов, 4 567 вагонов различного сырья; с 16 мая по 20 октября — 87 тыс. голов крупного рогатого скота, 55 550 ящиков яиц, 112 246 пуд. сала, 19 758 пуд. масла, 23 567 пуд. рыбы, 3,6 млн пуд. сахара, а также 449 тыс. пуд. разных металлов, до 145 тыс. пуд. руды, более 450 тыс. пуд. шерсти, 479 тыс. пуд. кожи и мехов, около 287 тыс. пуд. табака, более 78 тыс. пуд. льна и конопли, более 18 тыс. пуд. резины⁷⁰.

По другим подсчетам, с марта по ноябрь 1918 г. страны австро-германского блока получили с Украины около 1,5 млн т (т.е. около 90 млн пуд.) продо-

вольствия, вместе с зерновыми. Однако эта цифра включает также данные о продуктах, приобретаемых регулярно отдельными солдатами и торговцами, особенно австрийцами. Реквизированное и полученное в обмен на «помощь» Центральной раде продовольствие, отправлявшееся затем в Вену, Будапешт и Берлин, на самом деле не превышало 600 тыс. т (около 37 млн пуд.). По сравнению с первоначальными грандиозными планами, речь шла о явном провале, и действительно, он был признан как немцами, так и австро-венграми⁷¹. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин прямо писал, что «хотя мы и получили из Украины гораздо меньше того, на что рассчитывали, без этой поддержки мы и вовсе не могли бы продержаться до нового урожая»⁷².

Так как позиции сторон на советско-украинских переговорах 1918 г. были прямо противоположны, мирный договор подписан не был. В отсутствии каких-либо положительных результатов достаточно длительной работы стороны обвиняли друг друга. Украинская сторона обвиняла советскую делегацию в нежелании идти навстречу в вопросе о границах, в затягивании переговоров, ведении Красной армией боевых действий на территории Украины и активной революционной пропаганде. Большевикскими делегатами, как позднее вспоминал С. Шелухин, применялась тактика демагогии, искусственных придилок, проволочек, коварства⁷³. Мнение российской стороны кардинально отличалось. Выступая на одном из последних пленарных заседаний 3 октября 1918 г. Х. Раковский назвал два условия, при соблюдении которых переговоры могли бы закончиться быстро и успешно. Первым условием он назвал прекращение Украиной «наступательной политики», понимая под этим термином, прежде всего, ее претензии на Крым и заключение мирного договора с Всевеликим Войском Донским. Второе условие, названное Х. Раковским, заключалось в необходимости при определении границ не формального, а действительного признания украинским правительством «волеизъявления населения»⁷⁴. В ходе заседаний стороны неоднократно были готовы прекратить переговоры, и фактически главным заинтересованным лицом в их продолжении выступала Германия.

По воспоминаниям генерала Б. Стеллецкого (сменившего С. Шелухина в качестве руководителя делегации на последнем этапе), «в эту решительную минуту дипломатического разрыва выступала тучная фигура Мумма, и он настоятельно рекомендовал не делать этого рискованного шага, который может повести к открытию военных действий между Украиной и Советской Россией, к которой Украина не была подготовлена, а германские войска на Украине находятся ведь не для того, чтобы вести войну с Россией из-за самостоятельности Украины»⁷⁵.

Можно согласиться с мнением А.С. Пученкова, что советская делегация действительно на начальной стадии переговоров стремилась к подписанию мирного договора, но на не очень обременительных для России условиях, полагая, что Украина, в конечном счете, все равно останется союзным государством (в той или иной форме). В свою очередь, украинские дипломаты, рассчитывая на поддержку в этом вопросе Германии, всячески тормозили принятие каких-либо конкретных решений. Вероятно, они надеялись, что ситуа-

ция в России продолжит ухудшаться, и можно будет добиться от слабого, как им казалось, советского правительства определенных преимуществ⁷⁶.

Характерно, что некоторые современники прекрасно понимали суть событий, развернувшихся на Украине и вокруг Украины в 1918 г. Один из соратников гетмана П. Скоропадского министр вероисповеданий В. Зеньковский в 1931 г. писал: «...Украина должна считаться с тем, что Россия ни за что никому не уступит Украину — как бы ни складывались исторические обстоятельства, *какова ни была воля самой Украины. Даже против воли Украины* (выделено автором. — Ю.Г.) она должна быть в составе России — и это должны твердо и раз навсегда понять украинские политики, если они хотят понимать реальную историческую обстановку»⁷⁷.

Приложение

Записка Л.Н. Яснопольского*

Об урегулировании частно-финансовых отношений между Украиной и Великороссией

...Мы очертим здесь лишь круг вопросов так сказать частно-финансового характера, именно касающихся урегулирования:

- 1) Платежей по государственным обязательствам (займам, гарантиям), причитающихся в пользу лиц, живущих на территории Украины.
- 2) Отношений между здешними кредитными учреждениями и их центрами и другими кредитными учреждениями, находящимися вне территории Украины.
- 3) Отношений между теми акционерными предприятиями и их предприятиями, которые также разделены территориально.

* Яснопольский Леонид Николаевич (1 февраля 1873—23 мая 1957 гг.) — депутат I Государственной думы, позднее советский экономист, специалист в области политической экономики, бюджетного права, статистики и экономики угольной промышленности, действительный член Всеукраинской академии наук (ВУАН); в 1918—1921 гг. находился в Киеве, входил во всероссийский Главный комитет по сбору денежных и материальных средств на нужды Добровольческой армии и обеспечение инвалидов и семейств ее бойцов; в 1918 г. по поручению украинского правительства участвовал в качестве эксперта по финансовым вопросам в переговорах с большевиками; после 1921 г. занимался преподаванием в ряде украинских вузов, читал лекции в Киевском институте народного хозяйства и Киевском университете; с 1925 г. — действительный член ВУАН; во время разгрома последнего подвергся «чистке», после чего уехал в Москву. По одним сведениям, с 1931 до 1943 г. он работал в Москве, по другим — в 1937—1942 гг. по фальсифицированному обвинению был в заключении и ссылке. После окончания войны вернулся в Киев и работал до конца жизни в Институте экономики АН УССР, который возглавлял в 1952—1953 гг.; автор более 100 научных работ. Синтаксис и пунктуация представленного далее документа сохранены.

1. Платежи по государственным обязательствам

Согласно ст. 8 дополнительного мирного договора между Украиной и Центральными Державами, которая, вероятно, соответствует аналогичной статье и в договоре Центральных Держав с правительством большевиков:

«Обе стороны, заключающие договор, соглашаются на том, чтобы по ратификации мирного Договора они взяли на себя уплату поданным каждой стороны Государственных обязательств, в частности государственных долгов. В виду того, что Украинская Нар. Республика имеет целью распределить вместе с другими частями бывш. Российской империи имущество этой Империи, способ осуществления означенного в первом отделе постановления, предусматривается на дальнейшее время особым соглашением. При этом Украинская Нар. Республика во всяком случае принимает на себя те обязательства относительно немецких подданных, которые вытекают из выполнения общественных работ на Украине или были обеспечены имуществом, находящимся на Украине».

Как бы ни было урегулировано соглашение между Украиной и Россией, и в какой бы части ни приняла на себя Украина обязательства⁷⁸ по долгу России — будет ли это распределение общей суммы долга или выделение отдельных займов — во всяком случае, необходимо добиваться, чтобы интересы владельцев облигаций, живущих на территории Украины, как украинских, так и неукраинских подданных были ограждены. Согласно декрету большевистского Правительства «об аннулировании займов», платеж по купонам прекращен с 1 декабря 1917 г. Это относится к займам, обозначенным «в особо публикуемом списке». Этот список нам неизвестен. В него входят, по-видимому, все без исключения иностранные займы, а из внутренних — все, кроме серий и краткосрочных обязательств, по которым лишь прекращен платеж по купонам, сами же облигации циркулируют, как наличные деньги.

Сколько известно, Центральные Державы добились полной оплаты, как по до-декабрьским купонам (по которым платежи были приостановлены по военным мотивам), так и по дальнейшим, правительства же союзников и остальных держав заявили торжественный протест против нарушения основ международного права — преемственности признания государственных обязательств.

Наконец, по слухам, в Московских газетах от 20-го апреля напечатан новый декрет правительства Ленина «о регистрации акций, облигаций и прочих ценных бумаг» с заменой всех безыменных бумаг именными, где якобы упоминается, что регистрации подлежат бумаги аннулированные, владельцы коих в интересах справедливости также будут вознаграждены. По-видимому, в политике большевиков по этому вопросу происходит какой-то поворот и необходимо, чтобы вопрос был решен таким образом: все государственные долги, по которым не примет на себя ответственность правительство Украинской Республики в отношении граждан ее (а если мыслимо, то и всех лиц, живущих свыше известного срока (на ее территории) подлежат оплате на основаниях существовавших в момент заключения займов прежними русскими Правительствами.

Возможные льготы в пользу своих кредиторов государство⁷⁹ имеет право делать, но никакого нарушения принятых обязательств и никаких отягощающих условий оно не вправе применять, по крайней мере, к гражданам другого государства. Закон (напр., О регистрации акций) не может здесь иметь обратной силы. Лицам, не считающим для себя возможным подчиниться ему, должен быть выплачен капитал. То же относится и к гарантиям принятым на себя русским государством в лице своего правительства, именно: банки, находящиеся на территории Украины произвели значительные выдачи разного рода учреждениям: городам, земствам, продовольственным Управам и т.д. с гарантией русского Правительства в уплате.

Поскольку эти учреждения находятся на территории Украины, поскольку и затраты, произведенные ими за счет полученных средств, относятся к затратам местного характера, или пошли на удовлетворение тех нужд, какие Украинское правительство признает нуждами украинского Правительства и его граждан, по всем таким платежам ответственность по гарантиям должна быть принята на себя Украинским Правительством. Поскольку же деньги пошли на нужды общегосударственные, а в той части, какая придется на долю русского Правительства, возможные платежи по этим гарантиям должны быть обеспечены договорным порядком.

Далее, в портфеле кредитных учреждений Украины имеется значительное количество векселей по авансам, выданным сахарным заводам и каменноугольным предприятиям, жирированных «Центросахаром» и «Монотопом».

Поскольку эти предприятия находятся не на территории Украины или же на территории Украины, но причитающиеся им платежи, не поступление которых затрудняет выполнение их обязательств, лежат на ответственности русского правительства — эти обязательства должны быть им выполнены⁸⁰.

II. Урегулирование отношений между кредитными учреждениями

1) Ценные бумаги, принадлежащие гражданам Украины, находящиеся в портфеле украинских кредитных учреждений и обеспечивающие их активы, фактически, в натуре, в значительной степени находятся не здесь, а в Петрограде. При нормальных условиях это не представляло бы ничего тревожного. Но при условиях, когда банки в районе фактической власти большевистского правительства «национализированы», возникают опасения за сохранность этих ценностей. В виду этого необходимо достигнуть фактического перевода этих бумаг в здешние банки или обеспечить действительную неприкосновенность их иным путем.

2) В октябре 1917 г. был выпущен 2-й железнодорожный заем. Принимая подписку, здешние банки могли выдать подписчикам лишь временные квитанции. Необходимо отпечатывание и доставка для вручения им подлинных облигаций займа.

3) Взаимные отношения отделений банков, находящихся на территории Украины, и их центров характеризуется двумя чертами: а) благодаря сезонному характеру хлебной и сахарной кампаний, а также вообще всеобщему недостатку капитала на земледельческом Юге, местные банки часто оказываются задолженными их центрам, б) благодаря бо-

гатству Украины сбережения местного населения отчасти идут и за пределы Украины, и центры оказываются часто задолженными по отношению к местным их отделениям.

4) В виду этого, при ненормальном положении дел в Великороссии, необходимо добиться гарантий свободы для расчетов между центрами и их отделениями. Однако этот вопрос не может быть сведен к простой ликвидации задолженности центров отделениям и обратно. Это означало бы, что перерыв сношений между банками, ныне лишь временный, превращается в постоянный. Связи банковых учреждений между⁸¹ собою не ограничиваются и не могут ограничиваться пределами какой-либо одной государственной территории. Необходимо поэтому добиваться не ликвидации взаимной задолженности, а возможности нормальных и правильных сношений между банками России и Украины. А это мыслимо только при отмене «национализации банков».

Не отрицая в принципе государственного контроля над частными банками, надо признать, что та форма, в какой установлен этот контроль правительством большевиков, совершенно убивает банковое дело. Дело это слишком огромно, подвижно и разветвлено, чтобы оно могло быть монополизировано единственным бюрократическим государственным банком. Частным банкам поэтому должна быть предоставлена свобода действий и все отдельные действия банков по их операциям не должны тормозиться предварительным разрешением каких-либо комиссаров или иных агентов правительства. Контроль государства может быть только последующим и выражаться в праве государственной власти на ревизию банков и их операций, для каковой надобности все книги и счета банков, естественно, должны быть открыты для соответственных законом определенных органов этой власти, функции и полномочия которой также должны быть определены законом. «Предварительный» же контроль, предоставляющий фактически произвольные полномочия комиссарам, часто совершенно невежественным, есть по существу установление особой банковской полиции, только тормозящей дело и ведущей к развитию взяточничества.

Что касается сейфов, то «ревизиция» или вскрытие их могут допускаться лишь в отдельных определенных законом случаях, при основательном подозрении в злоупотреблении владельца сейфа его правами. Иначе дело хранения ценностей, высшую форму которой представляют сейфы, вернется к первобытному хранению дома или в кубышках⁸².

В виду сказанного необходимо добиваться:

1) Отмены «национализации» банков вообще, как затрагивающей интересы не только граждан России, но и других государств, с которыми банковские учреждения непрерывно связаны своими операциями.

2) Возмещение судом установленных убытков, причиненных отделениями клиентам банков, гражданам Украины той же национализацией.

3) Отмены права ревизии сейфов в отношении граждан Украины, где она еще не произведена, и возмещения имевших место убытков, по установлению их нормально действующим судом.

4) Если отмены упомянутых декретов не будет достигнуто, то необходимо добиваться урегулирования взаимной задолженности между банками, находящимися под властью Большевицкого Правительства и украинскими.

5) Насколько известно, большевистским Правительством издан был декрет о конфискации акций частных Банков⁸³.

...Если такой «декрет» был действительно издан и сохраняет свою силу до настоящего времени, то в отношении украинских граждан он должен быть отменен. Однако, такая отмена недостаточна. Из нее должны быть сделаны естественные Юридические Выводы. Или украинским акционерам должен быть выплачен их капитал, но тогда возникает вопрос о курсе, падение которого должно быть поставлено в значительной мере на счет деятельности большевистского Правительства. Или же украинские акционеры должны быть – при их согласии – признаны совладельцами «национализированных» банков, и тогда особо должны быть урегулированы отношения между ними и государством – владельцем акций. Или же, наконец, что самое правильное, одним из пунктов будущего «мирного» договора должно быть ультимативное условие о «денационализации» банков, как учреждений по самому существу своему – при современных условиях кредитного хозяйства – выходящих за пределы отдельных Государств и подлежащих, хотя бы частично, нормам международного права.

III. Урегулирование отношений акционерных обществ

До известной степени условия, аналогичные только что изложенным, создаются в отношении акционерных обществ вообще. Разница лишь в том, что акции и облигации промышленных обществ не конфискованы, а лишь согласно упомянутому выше декрету – подлежат «регистрации» и обращены в именные.

Кроме того, промышленные общества теснее связаны с определенной территорией. Лишь Правления их часто отделены от места нахождения самих предприятий, каковые также могут быть разбросаны в различных местах⁸⁴.

Что касается декрета о «регистрации акций, облигаций и прочих%% бумаг», то он пока известен нам лишь в частном изложении...

...Не входя в подробности в разборе этого, быть может, еще неизданного, быть может, и неточно переданного декрета, необходимо решительно протестовать против распространения силы его на граждан Украины и вообще на лиц, живущих на ее территории⁸⁵.

Во-первых, такого рода декрет идет в разрез с самими основами современной экономики, в частности, биржевого оборота и акционерного права. Если именные акции и распространены, например, во Франции, то это характерно именно для страны мелких рантье, где часть бумаг держится в крепких руках, но другая часть – материал для биржевых сделок и во Франции, конечно, не терпит такого прикрепления к личности временного владельца.

Во-вторых, в случае «национализации» предприятий, всем гражданам Украины безусловно должна быть возмещена капитальная сумма их акций и облигаций, совершенно независимо от того, зарегистрировали ли их владельцы и превратили ли свои бумаги в именные.

Быть может, возможно, было бы в неблагоприятном случае согласиться на наложение украинскими Властями особого штемпеля на бумагах в доказательство того, что они принадлежат лицам, живущим в Украине без превращения, однако, этих бумаг в именные.

В-третьих, при нынешней затруднительности сношений, во всяком случае, не только граждане Украины, но и все лица, живущие на ее территории, должны быть гарантированы от последствий, какими угрожает декрет в случае пропуска срока регистрации.

Но помимо вопроса о регистрации возникает еще ряд вопросов юридического и экономического характера в отношении акционерных предприятий. Надо признать, что концентрация Правлений многих из них в Петрограде представляла в значительной мере нездоровое явление, вызывавшееся общим режимом централизации экономической и политической. При старом строе России, когда Петроград был центром не только для всех коммерческих и финансовых связей, но и для отношений к центральным властям, связанных с системой административной опеки.

Этот режим должен ныне в значительной степени отмереть и крупные центры Украины, в особенности Киев⁸⁶, несомненно, станут наиболее удобными пунктами, куда будет полный расчет переключать правления обществ, руководящих нашей южной промышленностью.

Но если по каким бы то ни было основаниям такого переноса Правлений в отдельных случаях не произойдет, им должна быть гарантирована возможность нормального распоряжения их капиталами и их предприятиями, находящимися на территории Украины.

Если по официальному заявлению бывш. Украинского Министра Г. Ткаченко «правительством уже разработан ряд мероприятий к вытеснению русского капитала с украинского рынка»^{***}, то можно выразить полную уверенность, что с новейшей переменой режима на Украине, подобные замыслы отойдут в область преданий.

С другой стороны, необходимо, чтобы и сами члены Правлений акционерных обществ, связанных с предприятиями украинской промышленности, и все действия правлений, поскольку они касаются этих предприятий, были гарантированы от каких бы то ни было произвольных действий государственной и административной власти или от хотя бы юридических и закономерных распоряжений этих властей, но стоящих в противоречии или ограничивающих свободу действий, гарантированную законно утвержденными в свое время уставами упомянутых акционерных обществ.

Эти основные пункты урегулирования частно-финансовых отношений должны быть дополнены еще рядом юридических соображений.

Кроме того каждый из них подлежит дальнейшей разработке, детализации и конкретизации в ряде отдельных соглашений на основе и в духе изложенных выше начал⁸⁷

^{***} Протокол совещания 6 марта (21 февраля) 1918 г. Министерства финансов и юстиции с представителями банков, торговли и промышленности, созданным министром в помещении Комитета банков (ссылка автора. — Ю.Г.).

Примечания

- ¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М., 1957. С. 332–333, 352, 471, 503–504, 521–523; Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 237, 240, 244, 586.
- ² *Кобляков И.К.* От Бреста до Рапалло. М., 1954. С. 29.
- ³ Гражданская война на Украине. 1918–1920 гг.: Сб. документов и материалов. Т. 1. Киев, 1967. С. 769.
- ⁴ *Карпенко О.Ю.* Імперіалістична інтервенція на Україні (1918–1920). Львів, 1964. С. 255; *Супруненко Н.И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине. М., 1966. С. 445.
- ⁵ *Тичина В.С.* До питання про зовнішньо-політичний курс гетьманату під час переговорів про укладення мирного договору з РРФСР у травні-червні 1918 року // Віст. Харк. Ун-ту. 1969. № 35. Іст. сер. Вип. 3. С. 3–11.
- ⁶ *Никольников Г.Л.:* 1) Выдающаяся победа Ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва). М., 1968. С. 109–111; 2) Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 115–120.
- ⁷ *Лупандін О.І.* Українсько-російські мирні переговори 1918 р. // Історичні зошити. Київ, 1994; *Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция 1918 г. Полтава, 1995.
- ⁸ Там же. С. 111.
- ⁹ Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922. Документы и материалы. М., 1996.
- ¹⁰ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія, 1999.
- ¹¹ *Грицкевич А.П.* Борьба за Украину, 1917–1921. Минск, 2011; *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013; *Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европейизм и большевизм: неоконченная дуэль. М., 2014; *Солдатенко В.Ф.* Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М., 2018; *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровь умытая. М., 2019; *Беляков С.С.* Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. М., 2020.
- ¹² *Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918 / пер. с англ. М., 2007. С. 202.
- ¹³ *Гай-Нижник П.П.:* 1) Финансові аспекти Берестейського договору 1918 р. для УНР // Формування та діяльність українських національних урядів періоду Української революції 1917–1921 рр.: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Кам'янець-Подільський, 6–7 грудня 2007 р. Кам'янець-Подільський, 2008. С. 200–213; 2) Фінансова політика уряду Української Держави Гетьмана Павла Скоропадського (29 квітня – 14 грудня 1918 р.). Київ, 2004.
- ¹⁴ См.: *Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского ...
- ¹⁵ *Солдатенко В.Ф.* Россия – Крым – Украина ...
- ¹⁶ *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года ... С. 58–67.
- ¹⁷ *Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 309–317.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Михутина И.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.
- ¹⁹ *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964. С. 127.
- ²⁰ Советско-германские отношения ... С. 227.
- ²¹ Там же. С. 228.
- ²² Цит. по: *Филатов О.В.* Украинско-Российская конференция ... С. 11.
- ²³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 122.
- ²⁴ Советско-германские отношения ... С. 300–307.
- ²⁵ Цит. по: *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2001. С. 479.
- ²⁶ Брест-Литовская конференция. Заседания экономической и правовой комиссий / под ред. Б.Е. Штейна. М., 1923. С. 12–13; *Неманов Л.М.* Финансовая политика Украины (7 ноября 1917–4 февраля 1919 г.). М., 1919. С. 11–12.

- ²⁷ Цит. по: *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 213.
- ²⁸ *Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012. С. 52.
- ²⁹ Подробнее см.: *Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. С. 109–121.
- ³⁰ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.; Минск, 2005. С. 633–634.
- ³¹ *Иоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской республики в 1918–1920 гг. М.; Л., 1930. С. 31–32.
- ³² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1969. С. 345.
- ³³ Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 124–125.
- ³⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1970. С. 80.
- ³⁵ *Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция ... С. 26.
- ³⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 3а. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 1–2.
- ³⁷ Подробнее см.: Мирні переговори між Українською державою та РСФСР 1918 р. ... С. 129–143.
- ³⁸ Известия ВЦИК. 1918. 29 мая.
- ³⁹ *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года ... С. 58.
- ⁴⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 1. Д. 226. Л. 19.
- ⁴¹ Там же. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 128. Л. 61–62.
- ⁴² Подробнее см.: Гроші в Україні: Факти і документи / НАН України. Ін-т історії України; Національний банк України; ЦДАВО України; авт. кол.: М.Ф. Дмитрієнко (кер.), В.М. Литвин, В.А. Ющенко, Л.В. Яковлева. Київ, 1998. С. 23–27.
- ⁴³ Цит. по: *Гай-Ниженик П.П.* Вихід України з російської рубльової зони у 1918–1919 рр. (державний, громадсько-політичний і фінансово-економічний аспекти реформи) // Київська старовина. 2005. № 2. С. 134.
- ⁴⁴ *Скоропадский П.П.* Воспоминания гетмана. М., 2019. С. 199–200.
- ⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 128. Л. 8–10.
- ⁴⁶ *Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция ... С. 68.
- ⁴⁷ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. ... С. 151–152.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 2305. Оп. 1. Д. 391. Л. 153–154.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7029. Л. 52–56.
- ⁵⁰ Там же. Д. 128. Л. 6.
- ⁵¹ Там же. Д. 7029. Л. 56 об.–57.
- ⁵² Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. ... С. 24.
- ⁵³ *Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция ... С. 68–69.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 3а. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 1–2 об.
- ⁵⁵ *Уткин А.И.* Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М., 2004. С. 87.
- ⁵⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 128. Л. 2–5.
- ⁵⁷ *Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция ... С. 60–62.
- ⁵⁸ Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками ... С. 326.
- ⁵⁹ *Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. С. 118–119.
- ⁶⁰ *Ломов А.* Товарообмен с Украиной и экономическое положение // Ближайшие перспективы торговых отношений России с Украиной. М., 1918. С. 8, 10–11.
- ⁶¹ *Бажанов В.* Товарообмен с Украиной // Ближайшие перспективы торговых отношений России с Украиной ... С. 55.
- ⁶² Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Стенографический отчет. Москва, 1918 г. М., 1918. С. 93.
- ⁶³ Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году / под ред. И.И. Минца и Е.Н. Городецкого. М., 1942. С. 97–98.
- ⁶⁴ *Софинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 41.
- ⁶⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 47. Л. 15–16.
- ⁶⁶ *Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция ... С. 63.
- ⁶⁷ Цит. по: *Томас Л.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 99–100.
- ⁶⁸ Адольф Иоффе: Дипломат революции. Cambridge, 1998. С. 90.
- ⁶⁹ *Федюшин О.* Украинская революция ... С. 214–215.
- ⁷⁰ См.: Вестник народного хозяйства. 1919. № 1. С. 10.

- ⁷¹ *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине. 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997. С. 65.
- ⁷² *Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 265.
- ⁷³ *Гай-Нижник П.П.* Фінансова політика уряду Української Держави Гетьмана Павла Скоропадського (29 квітня – 14 грудня 1918 р.). Київ, 2004. С. 87.
- ⁷⁴ Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. ... С. 259.
- ⁷⁵ Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сб. документов. М., 2014. С. 751.
- ⁷⁶ *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года ... С. 66–67.
- ⁷⁷ Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе ... С. 401.
- ⁷⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 128. Л. 56.
- ⁷⁹ Там же. Л. 57.
- ⁸⁰ Там же. Л. 58.
- ⁸¹ Там же. Л. 59.
- ⁸² Там же. Л. 60.
- ⁸³ Там же. Л. 61.
- ⁸⁴ Там же. Л. 62.
- ⁸⁵ Там же. Л. 63.
- ⁸⁶ Там же. Л. 64.
- ⁸⁷ Там же. Л. 65.

Библиография

- Адольф Иоффе: Дипломат революции. Cambridge: Iskra Research, 1998. 450 с.
- Беляков С.С.* Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. М.: АСТ, 2020. 749 с.
- Ближайшие перспективы торговых отношений России с Украиной: Сб. статей В. Бажанова, С. Гецова и А. Ломова. М.: ВСНХ. Ком-т хоз-ной политики, 1918. 66 с.
- Гай-Нижник П.П.* Финансові аспекти Берестейського договору 1918 р. для УНР // Формування та діяльність українських національних урядів періоду Української революції 1917–1921 рр.: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Кам'янець-Подільський, 6–7 грудня 2007 р. Кам'янець-Подільський: Оіом, 2008. С. 200–213.
- Гай-Нижник П.П.* Фінансова політика уряду Української Держави Гетьмана Павла Скоропадського (29 квітня – 14 грудня 1918 р.). Київ: Друкарня СПД Щербенок С.Г., 2004. 430 с.
- Гай-Нижник П.* Україна: фінанси і політика (1917–1922 рр.). Київ: Саміт-книга, 2021. 808 с.
- Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год: Сб. документов / отв. ред и отв. сост. О.К. Иванцова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1087 с.
- Голдин В.И.* Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012. 333 с.
- Гражданская война на Украине. 1918–1920 гг. Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1: Освободительная война украинского народа против немецко-австрийских оккупантов. Разгром буржуазно-националистической директории / под ред. И.К. Рыбалки. Киев: Наукова думка, 1967. 875 с.
- Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине. 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М.: АИРО-XX, 1997. 200 с.
- Грицкевич А.П.* Борьба за Украину. 1917–1921. Минск: Современная школа, 2011. 528 с.
- Гроші в Україні: Факти і документи / НАН України. Ін-т історії України; Національний банк України; ЦДАВО України; авт. кол.: М.Ф. Дмитрієнко (кер.), В.М. Литвин, В.А. Ющенко, Л.В. Яковлева. Київ: ARC-Ukraine, 1998. 456 с.
- Декреты Советской власти. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1959. 685 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 772 с.
- Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы истории. 1971. № 9. С. 120–129.
- Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году / под ред. И.И. Минца и Е.Н. Городецкого. М.: Госполитиздат, 1942. 240 с.

- Иоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской республики в 1918–1920 гг. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1930. 167 с.
- Карпенко О.Ю.* Імперіалістична інтервенція на Україні (1918–1920). Львів: Львов. ун-т, 1964. 254 с.
- Кобляков И.К.* От Бреста дл Рапалло. М.: Госполитиздат, 1954. 252 с.
- Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. 742 с.
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М.: Политиздат, 1970.
- Лупандін О.І.* Українсько-російські мирні переговори 1918 р. // Історичні зошити. Київ: Інститут історії України, 1994. 39 с.
- Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 800 с.
- Мирні переговори між Українською державою та РСФРР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів / упор. О.І. Лупандін, І.В. Ралле, Л.В. Яковлева. Київ; Нью-Йорк; Філадельфія: Видавництво М.П. Коць, 1999. 380 с.
- Михутина И.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М.: Европа, 2007. 288 с.
- Неманов Л.М.* Финансовая политика Украины (7 ноября 1917–4 февраля 1919 г.). М.: Кооп. изд-во, 1919. 212 с.
- Никольников Г.Л.* Выдающаяся победа Ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва). М.: Мысль, 1968. 374 с.
- Никольников Г.Л.* Брестский мир и Украина. Киев: Наукова думка, 1981. 176 с.
- Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М.: Госполитиздат, 1947. 239 с.
- Ознобишин Д.В.* От Бреста до Юрьева. Из истории внешней политики Советской власти. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1966. 328 с.
- Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.
- Скоропадский П.П.* Воспоминания гетмана. М.: Вече, 2019. 400 с.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. Т. 1 (1917–1918 гг.). М.: Политиздат, 1968. 758 с.
- Солдатенко В.Ф.* Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 167 с.
- Соффинов П.Г.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1960. 247 с.
- Супруненко Н.И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М.: Наука, 1966. 456 с.
- Тичина В.С.* До питання про зовнішньо-політичний курс гетьманату під час переговорів про укладення мирного договору з РРФСР у травні-червні 1918 року // Віст. Харк. ун-ту. 1969. № 35. Іст. сер. Вып. 3. С. 3–11.
- Томас Л.Я.* Жизнь Г.В. Чичерина. М.: Собрание, 2010. 280с.
- Уткин А.И.* Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 590 с.
- Уткин А.И.* Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. 619, [1] с.
- Федюшин О.* Украинская революция. 1917–1918 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. 334 с.
- Филатов О.В.* Украинско-Российская мирная конференция 1918 г. Полтава: Препринт, 1995. 126 с.
- Чернин О.* В дни мировой войны: мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 517, [3] с., [1] л. портр.
- Чернявский Г.И., Станчев М.Г., Тортика (Лобанова) М.В.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2014. 557 с.
- Чубарьян А.О.* Брестский мир. М.: Наука, 1964. 2467 с.
- Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровь умытая. М.: Академический проект, 2019. 598 с.
- Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922. Документы и материалы / сост. М.И. Кулькова, Н.И. Трушина, Е.В. Хандурина. М.: Восточная литература, 1996. 384 с.

Экономические проекты и предложения купечества Вятской губернии второй половины XVIII–XIX в.: торговля, банки, налоги

Аннотация. В статье рассматриваются экономические проекты и предложения, выработанные представителями одной из региональных групп купеческого сословия России второй половины XVIII–XIX в. – купечеством Вятской губ. и реализованные в полной мере или частично при тесном взаимодействии власти и бизнеса. Автор анализирует указы провинциального купечества в Уложенную комиссию Екатерины II, в которых содержались конкретные предложения по реформированию экономического положения этого слоя населения, что, в свою очередь, свидетельствовало о возрастании роли торговцев и промышленников в хозяйственной жизни страны и о росте их самосознания. В статье отмечается, что крупные капиталы представителей делового мира северо-востока Европейской России складывались преимущественно на основе оптовой торговли сельскохозяйственной продукцией через Архангельский порт. Исследуются профессиональные занятия купца I-й гильдии Ксенофонта Алексеевича Анфилатова (1761–1820), расцвет деловой активности которого пришелся на период правления Александра I. На вызовы своей эпохи – не прекращавшиеся наполеоновские войны, установление континентальной блокады Англии, оккупацию Бонапартом Голландии и т.д. – он отвечал смелыми предложениями по организации торговли с новыми экономическими партнерами на другом континенте – в Северной Америке. Отражаются также шаги К.А. Анфилатова, связанные с открытием одного из первых в России городских общественных банков с целью финансовой поддержки делового сообщества русской провинции. В статье рассматриваются предложения купцов Якова Алексеевича Прозорова (1816–1881) и Александра Назаровича Кузнецова (1831–1895) относительно обустройства дорог для провоза товаров в Архангельск, прозвучавшие на страницах «Трудов Императорского Вольного экономического общества» в эпоху великих реформ Александра II. Освещается деятельность купца Константина Игнатьевича Клепикова (1821–1907), который в 1862 г. высказался за обложение акцизом «фосфорных зажигательных спичек». Автор констатирует, что в изучаемый период купечество постепенно выходило за рамки сословных интересов; оно не отстранялось от решения сложных экономических вопросов и видело выгоду в устройстве новых дел не только для приумножения собственных капиталов, но и для роста хозяйственного благополучия предпринимательского сообщества и государства в целом. Купцы демонстрировали склонность к диалогу с властями и умение найти рациональные подходы к решению существовавших проблем.

Ключевые слова: купечество, Уложенная комиссия Екатерины II, Вятская губерния, Архангельский порт, торговля, городские общественные банки, К.А. Анфилатов, Я.А. Прозоров, А.Н. Кузнецов, К.И. Клепиков.

Набравшая силу в XVIII столетии тенденция, связанная с укреплением экономического и правового положения купечества, необратимо обозначилась в годы правления Екатерины II (1762–1796). Экономические преобразования 1750-х гг. – таможенные реформы, учреждение Государственного заемного банка для поддержки дворянства и купечества при Петербургском порту¹, проведенные по инициативе сподвижника Елизаветы

* Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, научно-исследовательский Центр регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А.И. Герцена, факультет истории, политических наук и культурологии Вятского государственного университета, sudovikov70@mail.ru.

Петровны П.И. Шувалова (сторонника меркантилизма и идеи единства интересов сословий и государства²), несколько расширили экономические возможности купечества. Екатерининские же реформы завершили растянувшийся процесс оформления гильдейского купечества в России.

В тот период наблюдался и рост купеческого самосознания, проявлявшийся в желании крупных предпринимателей вместе с укреплением собственных экономических позиций возвысить и свой социальный статус. Это особенно ярко выражено в их наказах депутатам Уложенной комиссии, созванной Екатериной II в 1767 г. Эти наказы отражали нужды и самые насущные требования деловой элиты страны, являясь своего рода и экономическими документами. Рассмотрим их на примере северо-востока Европейской России с его обширным регионом – Вятской провинцией, впоследствии, в 1780 г., преобразованной в Вятское наместничество с 13 округами (уездами)³, а с 1796 г. – в Вятскую губ.⁴ Истории становления купечества на этой территории посвящены работы как дореволюционных, так и современных исследователей⁵.

В наказе «Вятской провинции города Хлынова⁶ от купечества», состоявшем из шести пунктов⁷, представители торгово-промышленных кругов жаловались, прежде всего, на необходимость несения ими выборной службы, особенно в отдаленных местах. В сибирских, поволжских, уральских и вятских городах эти представители выполняли обязанности выборных голов, ларечных, целовальников, счетчиков, занимались казенным приемом и продажей вина, соли, сбором конских и других пошлин. При этом купцам нужно было отвечать за убытки и недоимки своим имуществом, что нередко вело к разорению⁸. Торговые люди вынуждены были подолгу отсутствовать в родном городе в ущерб собственным предпринимательским занятиям, что также вызывало с их стороны недовольство общественными службами.

Хлыновские купцы выступали за ограничения крестьянской торговли. В наказе говорилось, что после отмены таможен эта торговля возросла, сельские жители «вешним и осенним временем, наподобие купцов, отпускают в судах водяным и сухим путем в разные города» хлебные и другие товары. Более того, крестьяне в уездах продавали их иногородним купцам и, выручив деньги, ездили за товаром в разные города.

Купечество беспокоил тот факт, что немалое число крестьян, «оставя прежние свои жилища, где они по ревизии написаны», поселились в городе и «за земляным валом в слободах домами» вели торговлю. Они занимались ремеслом «и так размножились, что подмастерьев и работников у себя держат и не хотят быть под магистратским ведомством и обще с купечеством и протчими мастерами, в цехи не записываются и никакой от них купечеству ни в податях, ни в гражданских и отдаленных службах, ни в мостовых по городу Хлынову общих исправлениях помощи нет». В числе тех, кто незаконно, по мнению хлыновских купцов, занимался торговлей, были и «Слободского уезда каринские татары, бесермяне и новокрещенные из отяков»⁹. Имея конкурентов в лице крестьян, решение вопроса купцы видели в своей монополизации местного рынка.

Они высказывались также за получение права приобретать у дворян крепостных крестьян. Мотивация этого пункта заключалась в желании иметь собственных, а не вольнонаемных людей при осуществлении торговых поставок,

т.к. свободные крестьяне, получив деньги в качестве задатка, часто не выполняли возложенных на них обязанностей, а нередко и вовсе сбегали.

Купцы Хлынова тяготились также разного рода денежными сборами, строительными работами, выполнением повинностей, им не нравились притеснения «здешней полиции», о чем тоже не забыли упомянуть в наказе. Представителям купечества приходилось пускать «без платы» в свои дворы на жительство воеводского товарища и прокурора или содержать в исправности земские колодцы и мосты. Тогда как «протчих градских жителей в складство полиция к тому не принуждает, и купечество несет излишние убытки и отягощения»¹⁰ или платит налоги и осуществляет повинности за умерших, беглых и выбывших половников, проживавших в купеческих владениях, и т.д. Вместе с тем те же половники, «ежели в оных деревнях жить не пожелают, в таком случае волю имеют», могли «по даче общих доношений с позволения тех канцелярий, где они ведомы, выходить во крестьянство и за других владельцев»¹¹.

Являясь владельцами деревень, сенных покосов, мучных и пильных мельниц, купцы были обеспокоены тем, что в силу «инструкции о размежевании земель, состоявшейся прошлого 1766 году мая 25-го числа, выше объявленные недвижимыя имения до будущаго рассмотрения никому как посторонним, так и между собою, продавать и закладывать не дозволено»¹².

Местные же купцы хотели распоряжаться этими владениями по своему усмотрению. Небезынтересно, что они ссылались на петровский «Регламент Главного магистрата», по которому «купечество, яко разсыпанную храмину, собирать и в наилуччей порядок приводить велено»¹³. В.П. Юрьев отмечал, что «в хлыновском наказе городское общество в лице купечества ратовало исключительно только о своих собственных, сословных интересах»¹⁴.

В составлении этого наказа, скрепленного впоследствии подписями более ста человек, участвовали шесть купцов во главе с городским головой — Яковом Васильевичем Машковцевым. Среди подписавших документ находим фамилии практически всей деловой элиты Хлынова того периода: Вяземские, Злыгостевы, Калинины, Репины, Рязанцевы, Толмачевы и др. В Уложенной комиссии интересы местного купечества представлял избранный от них депутат — Петр Романович Злыгостев¹⁵.

Похожие наказания поступили и от торговых людей других российских городов¹⁶. Так, рязанское купечество тоже высказывало просьбу о запрещении ведения торговли представителям других сословий, включая дворян, о желании купцов приобретать у помещиков дворовых людей и крестьян¹⁷. Общероссийская тенденция заключалась в следующем: «В это время купечество выдвигает уже конкретные предложения по защите своего сословия от “разного звания людей”»¹⁸.

Особо отметим, что несколько отличался от других наказ архангельского купечества. В этом объемном документе, состоявшем из 62 параграфов и являвшемся, по сути, программой развития экономики края, речь шла и о плачевном положении начальных школ, отсутствии учебных заведений для купечества, о недостатке учителей¹⁹.

Купеческие наказания из разных городов свидетельствовали о складывании в России сословной корпорации, объединенной профессиональными

занятиями и общностью интересов. И хотя Уложенная комиссия была распущена, в дальнейшем жалобы и требования купечества учитывались при создании нового городского законодательства, закреплявшего права торгово-промышленного населения страны²⁰.

По данным переписных материалов, к началу XIX столетия в Вятской губ. проживали 322 купеческих семьи, принадлежавших к трем гильдиям²¹. Купцы 1-й и 2-й гильдий жили в городах: Вятке, Слободском, Глазове, Нолинске, Малмыже, Елабуге, Орлове, Царевосанчурске. В третью гильдию, помимо названных выше городов, записались торговцы и промышленники Уржума, Сарапула, Котельнича и Яранска. В основном это были купцы «средней руки», т.к. состоявших в первой гильдии насчитывалось всего 7 семей, а во второй — 32²².

Купечество Вятской гильдии в то время использовало различные формы накопления капиталов — вело оптовую и розничную торговлю, выполняло казенные подряды, занималось промышленной деятельностью, но особую роль в деле складывания крупных денежных накоплений играла для них, прежде всего вывозная торговля сельскохозяйственной продукцией. Когда в осенне-зимний период традиционно устанавливались невысокие цены на зерно, муку, крупы, лен, льняное семя, сало, кожи и т.д., купцы 1-й и 2-й гильдий скупали эти товары для дальнейшей отправки за пределы губернии. «География» торговых поставок вятских оптовиков была обширной — от Архангельска до Астрахани и от Риги и Петербурга до уральских и сибирских городов, но особенно большие партии товаров вывозились по системе северных рек в Архангельск, а оттуда поступали на европейский рынок.

Получив привилегии в торговле и промышленности по Манифесту «О Высочайше дарованных разным сословиям милостям по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою» от 17 марта 1775 г. и по «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г.²³, в дальнейшем в своей профессиональной деятельности купцы сталкивались со многими трудностями, ограничивавшими их возможности в извлечении прибыли. Кроме того, представители этого сословия нередко стояли у опасной черты: в случае неудавшихся по каким-либо объективным или субъективным причинам торговых операций в условиях сохранявшегося длительное время слабого развития кредита в стране, потеряв возможность объявления на следующий год капитала, они лишались своего гильдейского статуса, который в России, как известно, не наследовался.

Сложности в развитии российского купеческого предпринимательства обуславливались существовавшей в государстве продолжительный период системой крепостного права (заметно сужала рынок свободной рабочей силы), спецификой устройства государственной власти (с ее всеобъемлющей экспансией в экономическую жизнь), неблагоприятными природно-климатическими условиями (холодные и долгие зимы, короткое лето, неравномерные осадки). Все это заставляло купечество искать новые пути в развитии своих профессиональных занятий — создавать необходимые условия для ведения прибыльных предпринимательских дел, выходить на разные уровни взаимодействия с государственной властью, предлагать новаторские проекты развития экономических процессов.

Период XIX столетия, особенно второй его половины, связанный с бурным становлением и развитием капиталистических отношений в стране, стал временем предпринимательского поиска новых форм деятельности. Среди купцов I-й гильдии Вятской губ., обращавшихся к властям с экономическими предложениями, выделялся Ксенофонт Алексеевич Анфилатов (1761–1820) – личность незаурядная и во многом, на наш взгляд, знаковая в экономической истории России конца XVIII – начала XIX в.

Анфилатов происходил из семьи государственных крестьян, представители которой сначала перешли в цеховые города Слободского, а затем, с 1773 г. – в купеческое сословие. Однако, несмотря на устойчивость купеческого статуса этого семейства, в документах более позднего времени напротив фамилии К.А. Анфилатова по-прежнему часто указывалось, что он – «записавшийся из крестьян» или «из крестьян»²⁴.

Участвуя сначала в торговых делах отца и дяди, связанных с поставками товаров к Архангельскому порту, Ксенофонт набрался предпринимательского опыта, и с 1797 г., после смерти Луки Ивановича Анфилатова (дяди), стал полновластным главой семейного бизнеса. В 1800 г. объявленный им капитал составлял 16 200, в 1805 г. – 17 200, в 1812 г. – 50 000 руб.²⁵ Вместе с экономическим влиянием укреплялся и социальный статус Анфилатова. После введения по Манифесту от 1 января 1807 г. звания первостатейного купца²⁶ его получил и Ксенофонт Алексеевич.

Важным в торгово-предпринимательской деятельности К.А. Анфилатова было то обстоятельство, что в 1790 г. он приобрел корабль с двумя мачтами, «грузу понести могущее семьдесят местов», названное им «Доброе товарищество»²⁷. С покупкой судна Анфилатов получил возможность вести самостоятельную, без посредников (стремившихся покупать русские товары по заниженным ценам) торговлю с государствами Европы. Утверждаться на европейском рынке молодому и целеустремленному купцу было непросто.

По воспоминаниям современников Анфилатова, этот купец, известный «государыне Екатерине II», «отправлял на своих кораблях товары и даже сжег корабль свой с пенькою в виду англичан, когда они за товар этот (тогда для них очень нужный) давали ему очень низкую цену, и хотели тем отучить русских вести торговые дела непосредственно, а не через них, англичан»²⁸.

Более того, имея в Архангельске свою контору, для того чтобы прибыльно торговать в Англии, вместе с вологодскими купцами – Николаем и Степаном Митрополовыми Ксенофонт Алексеевич решил учредить такую же контору и в Лондоне. Эту идею поддержали на самом высоком уровне. В рескрипте Александра I от 25 марта 1802 г. на имя министра коммерции Николая Петровича Румянцева отмечалось: «...я готов им доставлять все зависящие от правительства пособия и покровительство»²⁹. Вскоре в Лондоне была открыта «Российская купеческая контора».

К.А. Анфилатов торговал без иностранных посредников и через Санкт-Петербург. В литературе отмечается, что в конце XVIII – начале XIX в. в России было всего около 20 подобных отечественных предпринимателей³⁰. Весной 1805 г. Анфилатов получил разрешение на прибытие своих кораблей с товарами из северной столицы в Константинополь³¹.

Кроме того, Ксенофонт Алексеевич вместе со своим тестем — крупным архангельским предпринимателем Алексеем Ивановичем Поповым — в 1803 г. создали Беломорскую компанию (с правлением в столице), которая уже в 1804-м начала свою работу³².

Беломорская компания создавалась для китобойного и рыболовного промыслов и, несмотря на государственную поддержку, просуществовала лишь до 1813 г. В историографии деятельность компании характеризуется как неудачная «с самого начала»³³, но сам факт ее открытия стал заявкой, причем одной из первых, акционерной формы организации крупного бизнеса в стране. Добавим, что до 1807 г. в России действовало всего пять акционерных компаний³⁴.

Внешнеторговая деятельность К.А. Анфилатова протекала в сложных условиях: не прекращавшихся наполеоновских войн, установления континентальной блокады Англии, оккупации Бонапартом Голландии. Эти события привели к падению внешнеторгового оборота России: если в 1801–1805 гг. он составлял 127,87 млн руб., то в 1806–1808 гг. — только 74,98 млн руб.³⁵ В данной ситуации энергичный купец из Вятской губ. занялся поиском новых деловых партнеров, и они были найдены. «Мое желание, — писал Анфилатов в декабре 1805 г. Н.П. Румянцеву, — стремиться начать торговлю непосредственно в Северо-Американские области и доставлять туда наши продукты и товары, а напротив того привозить оттоле тамошние произведения на собственных российских кораблях»³⁶.

Нельзя не отметить, что без заинтересованности и поддержки со стороны правительства К.А. Анфилатову вряд ли удалось бы в короткий срок организовать и осуществить столь значимую экспедицию. Дело заключалось не только в дальности и опасности пути, но и в отсутствии в России дипломатического корпуса молодого Северо-Американского государства. «Граф Николай Петрович, усматривая из поданного вам письма от слободского купца Ксенофонта Анфилатова <...> что *сей купец первый* [выделено мной. — М.С.] предпринял отправить на своих кораблях российские товары в порты Американских Соединенных Штатов, я поручаю вам объявить ему мое благоволение и принять меры, чтобы первые три корабля, в России построенные и ему, Анфилатову, принадлежащие и отправленные от него из здешнего или Архангельского порта с российскими товарами в Соединенные Штаты, отпущены были без взимания тарифных пошлин, и, равным образом, коль скоро упомянутые три корабля с американскими товарами придут в которые-либо порты наши, пошлин с привозимых на тех кораблях товаров не брать», — отмечалось в отправленном Н.П. Румянцеву именном указе Александра I от 29 декабря 1805 г.³⁷

Как видим, с позволения Александра I корабли К.А. Анфилатова освобождались от уплаты таможенных сборов. Кроме того, для осуществления плаванья купец получил из государственной казны пособие в размере 200 тыс. руб.

Торговая экспедиция в Северную Америку была отправлена Анфилатовым в навигацию 1806 г.: из Архангельска в Нью-Йорк вышел корабль «Иоаннес Баптист», а из Петербурга в Бостон — «Эрц-Энгель Михаель». Прошел год, и осенью 1807 г. сначала вернулся корабль «Иоаннес Баптист» с американ-

скими товарами на борту, а со вторым кораблем возникли проблемы: он неоднократно садился на мель, попал в шторм, в результате часть товара была отгружена и отправлена на хранение в Швецию. Только в ноябре 1807 г. «Эрц-Энгель Михаэль» вернулся в Россию. И тут Анфилатову пришлось объясняться по поводу ввоза «запрещенных товаров». 12 октября 1807 г. Н.П. Румянцев получил от него письмо, в котором сообщалось, что на корабль «Эрц-Энгель Михаэль» вместе с другими товарами погружено 3 600 бутылок ликера³⁸.

«Сие без сомнения тамошними корреспондентами учинено по неведению запрещения на привоз в Россию оных товаров», – писал Ксенофонт Алексеевич. Он просил ему это «в вину не поставить и у Всемилостивейшего Государя <...> исходатайствовать Высокомонаршее благоволение из уважения к первому опыту отправления оттуда сюда прямо товаров за российский шет означенные ликеры по прибытии корабля повелеть пропустить»³⁹.

Правительство пошло навстречу просьбам купца, и проблема была решена. Чтобы вернуть оставшийся в Швеции товар, Анфилатов отправил туда свой корабль «Граф Карл Ливен», но в 1808 г. началась Русско-шведская война. Полностью американский товар он смог получить только летом 1809 г.

В результате первой анфилатовской торговой экспедиции в Америку с далекого континента были доставлены сахарный песок, кофе, какао, шоколад, мускатный орех, гвоздичная головка, перец, сандал, ром, ликер, краска и другие товары⁴⁰. Россия открывала для себя нового, перспективного экономического партнера. Получив прибыль и чувствуя заинтересованность правительства в торговле с Северной Америкой, в 1809 г. Ксенофонт Алексеевич отправил в Соединенные Штаты новый торговый караван.

В тот же период он серьезно задумывается еще над одним проектом, который, как мыслил Анфилатов, был бы полезен для регионального купечества. Ксенофонт Алексеевич видел, что развитие промышленности и торговли в стране сдерживается из-за отсутствия доступного кредита, и он подал ходатайство об учреждении в г. Слободском Вятской губ. общественного банка. «Для меня яко гражданина тамошняго, – писал Анфилатов, – весьма бы утешительно видеть было первоначальныя пользы от оногo заведения в сем самом городе». И этот проект вновь поддержало правительство⁴¹.

На учреждение банка Анфилатов пожертвовал 25 тыс. руб., еще 3 тыс. внесли «некоторые из слободского городского общества»⁴². Самим купцом был разработан и Устав нового банка, опубликованный в Полном собрании законов Российской империи. Юридическую силу Устав приобрел 29 октября 1809 г.⁴³

Банк в уездном центре Слободском стал одним из первых в России городских общественных банков (ранее, в 1789 г., приступил к работе городской общественный банк в Вологде), причем открытым по Уставу, наделенному силой закона. «Высочайшей грамоте на учреждение банка» от 18 декабря 1809 г. указывалось: «Приемля с благоволением таковой ваш подвиг, Мы дозволяем вам учредить в городе Слободском тот банк под собственным вашим начальством и попечением, и повелеваем быть директором оногo»⁴⁴. Он, согласно документам, «как ныне, так и впредь навсегда», должен был именоваться «Банк Анфилатова»⁴⁵.

По причине длительных подготовительных работ, связанных с выяснением всех обстоятельств деятельности, открытие Слободского банка несколько затянулось и состоялось только через год, 31 декабря 1810 г. После литургии, прочтения «Высочайшего указа Правительствующему Сенату» и царской Грамоты, торжественных речей, обеда у городского головы началась история банка длиной более чем в 100 лет.

По Уставу полагалось, что «капитал банковый должен быть на первой случай из добровольных в денежных суммах складок, сколько кто из граждан, по любви и усердию к общему благу, внести пожелает безвозвратно, и сии суммы должны обращаться в банке навсегда»⁴⁶.

Денежно-кредитное учреждение осуществляло прием вкладов под проценты и выдачу ссуд под залог недвижимого и движимого имущества и под учет векселей; процент по вкладам и ссудам равнялся шести. В Уставе оговаривалось, что банк мог принимать вклады «от людей всякого состояния, кто бы свой капитал внести ни похотел», а ссуды выдавались «единственно купцам того города всех трех гильдий, мещанам и цеховым»⁴⁷.

Открытие банка повлияло на развитие банковской системы в масштабах государства в целом, т.к. устав Анфилатовского банка служил образцом для открытия подобных учреждений и в других городах. В Уставе констатировалось, что городской банк «не может иметь законной своей силы и действия, иначе, как подтверждением оного Высочайшею Его Императорского Величества властью»⁴⁸. Особенно много (более 200) городских общественных банков появилось в период с 1862 г., когда приняли новый Устав городских банков, упрощавший порядок их учреждения⁴⁹, по начало 1880-х гг.

По данным 1911 г. в России существовали 286 общественных банков, 46 из них работали в губернских, а 240 – в уездных городах⁵⁰. О.М. Жирнов вполне справедливо отметил, что «появление такой массы кредитных учреждений не прошло бесследно для торгово-промышленной деятельности провинции и значительно оживило ее»⁵¹.

В декабре 1910 г., когда отмечалось 100-летие Слободского банка, на его юбилей откликнулись многие учреждения и управленцы, в том числе пришла телеграмма от российского премьер-министра П.А. Столыпина: «Желаю банку дальнейшего процветания и успеха в его полезной торгово-промышленной деятельности»⁵².

Как работал банк в г. Слободском, свидетельствуют слова его головы И.И. Рыбакова, произнесенные на юбилейных мероприятиях: «На протяжении целого столетия общественный банк работал на пользу развития торговли и промышленности в нашем городе <...> Я не буду утруждать Вашего внимания и лишь кратко сообщу, что деятельность и польза общественного банка выражается не только в доставлении доступного кредита, но вместе с тем значительная часть прибылей банка поступает на просветительные и общепользные учреждения в нашем городе. Участие банка в городских расходах ныне достигает свыше 10 тыс. руб. и составляет 20% годового городского бюджета»⁵³.

По поводу общероссийского уровня отметим, что на свои нужды губернские города, в которых были открыты общественные банки, получали от них в среднем по 32945 руб. 87 коп., а уездные – по 6432 руб. 91 коп.⁵⁴

Г.Н. Ульянова пишет, что когда в 1914 г. отмечалось 50-летие Нижегородского городского общественного банка, «то подчеркивалось, что на первоначальный капитал в 25 тыс. руб., внесенный [купцом 1-й гильдии Федором Андреевичем] Блиновым, банк заработал почти 3,5 млн руб. чистой прибыли, и более 2,2 млн руб. были переданы городской думе и городской управе на содержание муниципальных благотворительных, лечебных, учебных заведений»⁵⁵.

Что же касается К.А. Анфилатова, то в дальнейшем ему пришлось столкнуться с такими испытаниями, как бесследное исчезновение третьего корабля, отправленного в Америку в навигацию 1809 г., и обвинение в нарушении правил торговли английскими товарами (позже оно было снято). Кроме того, Анфилатова постигло банкротство «по причинам разных политических и других непредвиденных перемен и обстоятельств коммерческих». В итоге в ноябре 1815 г. специальная конкурсная комиссия, работавшая в Архангельске, признала его не банкротом, а «упавшим», т.к. было установлено, что в действиях купца не имелось обмана и умысла⁵⁶.

В конце жизни К.А. Анфилатов перешел в мещанское сословие. Живя в Архангельске и Петербурге и не имея прежних торговых оборотов, он продолжал оставаться директором учрежденного им банка в г. Слободском. Ксенофонту Алексеевичу высылались не только годовые отчеты банка, но и ведомости о текущем состоянии его дел, и Анфилатов откликался на деятельность своего денежно-кредитного учреждения новыми предложениями. Так, в письме от 20 февраля 1819 г. он давал рекомендации по вопросу о том, как «скорее может капитал банковской умножиться для вящей городской пользы». Обратив внимание на небольшую сумму добровольных пожертвований, директор посоветовал учитывать опыт Государственного коммерческого банка. В частности К.А. Анфилатов рекомендовал «господам банка приклонять граждан вносить с занимаемых капиталов сверх 6-ти по 2 процента, а при взносе записывать оныя в приход не в числе процентов, а в числе пожертвованных в пользу банка, таким образом, без отягощения занимаателей»⁵⁷.

В том же письме Ксенофонт Алексеевич сообщал о том, что купцом Савиным получено разрешение на открытие по Уставу Слободского банка общественного банка в городе Осташкове Тверской губ. Городское же общество, со своей стороны, согласилось «для приумножения капитала вносить, сверх интересов, еще по 4 процента», а также по возможности присоединять к банковскому капиталу выморочные имения, на что было получено одобрение государя⁵⁸. Соответственно, Анфилатов предлагал Слободскому банку воспользоваться и этой возможностью, полученной банком в Осташкове.

Деловой настрой этот купец проявлял до последних дней жизни. Он умер в апреле 1820 г., в 59 лет, и был похоронен в Архангельске на городском кладбище. Управление банком перешло «в полное распоряжение» Слободской городской думы, а должность директора — «градскому голове»⁵⁹.

В начале 1860-х гг. на могиле Ксенофонта Анфилатова по случаю 50-летия открытого им городского общественного банка был сооружен памятник в виде мраморной четырехгранной колонны темно-красного цвета «с крестом наверху» и с надписью «Основателю в память от Слободского Анфилатовского Банка»⁶⁰.

Масштабные инициативы и профессиональная деятельность этого купца показали пример плодотворного взаимодействия властей и бизнеса, возможности экономической деятельности в условиях международных санкций. Правительство Александра I, что видно на конкретных фактах, демонстрировало заинтересованное отношение к проектам, полезным для развития экономики государства. К.А. Анфилатов шел по пути расширения круга своих профессиональных занятий, зорко наблюдая за общей экономической и политической ситуацией как в России, так и за ее пределами и, видя перспективу в удержании стабильного развития купечества, прежде всего в поиске новых направлений международной торговли и организации доступного для российского делового сообщества кредита.

Дальнейшее становление экономики; подъем деловой активности и самосознания российского купечества; расширение в стране транспортных коммуникаций и появление паровозного сообщения и железных дорог; рост торговой конкуренции со стороны самой большой по численности группы населения – крестьянства; конкуренция внутри предпринимательского сообщества (особенно заметным было увеличение числа купцов в реформенные 1860-е гг.) – все это заставляло купечество искать новые подходы к организации своей торгово-предпринимательской деятельности. Новые проекты и предложения, разработанные предпринимателями, отражали как их деловые интересы, так и экономические потребности времени.

Во второй половине XIX в. основным источником накопления купеческих капиталов в Вятской губ. оставалась торговля. Спрос на производившуюся в регионе сельскохозяйственную продукцию продолжал определять приоритетные направления профессиональной деятельности местного делового сообщества, и крупные партии зерна, муки, льняного семени, льна, кудели отправлялись, прежде всего, в северном направлении – в Архангельск, Рыбинск, Санкт-Петербург. В 1867 г. крупные купцы-оптовики Вятской губ. Яков Алексеевич Прозоров (1816–1881) и Александр Назарович Кузнецов (1831–1895) на страницах «Трудов Императорского Вольного экономического общества» высказали свое мнение по вопросу улучшения путей сообщения из Вятской губ. в Архангельский порт⁶¹.

Дело в том, что вятские купцы отправляли товары по весьма сложному пути: сначала, как правило, по зимней лесной дороге к пристаням на реке Лузе (Ношульской или Вымско-Быковской, располагавшихся в Вологодской губ.), а затем на барках «водяною коммуникацией» по извилистой системе малых северных рек и Северной Двине в Архангельск.

В длинном, неудобном и опасном пути товары часто тонули или терялись, отчего купцы терпели убытки. «Нельзя не заметить, что дорога в Ношульскую пристань от непрерывного следования обозов, особенно при большом количестве снегов, до того избивается, что делается иногда едва проезжаю», – сообщают документы⁶². «Половодье р. Лузы, протекающей в крутых берегах, – писал племянник Я.А. Прозорова, юрист Александр Александрович Прозоров, – продолжалось лишь несколько дней, а барок набиралось слишком много, отчего они теснили одна другую и нередко, сталкиваясь, разбивались. Счастливы были те, коим посчастливилось выплыть первыми. Позд-

нейшие часто обсыхали на месте, или их постигала та же участь, если они попадали на мель, что оказывалось всегда большим убытком, а для малоимущих и разорением»⁶³.

Торговавший с Англией, Голландией, Германией, Бельгией и другими европейскими государствами купец 1-й гильдии Яков Алексеевич Прозоров на тот момент считал, что надо привести в хорошее состояние летние дороги («так как от исправления летней дороги зависит и состояние зимних дорог»), а не строить «от Вятки мимо Быковской пристани до реки Вычегды железную или железно-конную дорогу», как хотели некоторые купцы. По его предположению, тогда снизилась бы перевозная плата и, следовательно, впоследствии должна была уменьшиться отпускная цена на товар, что повлекло бы за собой привлекательность архангельского рынка в сравнении с петербургским⁶⁴.

Точка зрения купца А.Н. Кузнецова выводила в приоритет создание новой транспортной инфраструктуры. «Радикальным уничтожением важных неудобств по извозу было бы устройство железной дороги или, по крайней мере, хорошо содержимой летней и зимней железно-конной, но уж, во всяком случае, не до пристаней, а далее, до устья реки Вычегды, т.е. прямым путем через Вымско-Быковскую пристань, примерно, на протяжении трехсот верст», — писал он⁶⁵. «Остается желать единственно возможного и крайне нужного для развития родных друг другу промышленности, торговли и земледелия, это — устройства железно-конной дороги <...> от поминаемых торговых городов Вятки или Орлова чрез Быковскую пристань Устюжского уезда до селения Котласа на устье р. Вычегды, при впадении ее в Двину. Такого рода путь более доступен по сравнительной дешевизне против железной дороги, и хотя не имеет всех удобств последней, но зато представляет большое преимущество против невообразимо дурного существующего», — заключал Кузнецов⁶⁶.

Немаловажно отметить, что в статьях и Прозорова, и Кузнецова звучали слова: «для государственной пользы», «в пользу развития государственных сил» и т.п.⁶⁷

Позже обсуждались и предложения, согласно которым одна железнодорожная ветка должна была соединить Вятскую губ. с Северной Двиной для торговли с Архангельском, а другая — с Пермью и Костромой, что позволило бы открыть новые торговые пути и для местных предпринимателей, и для купечества Поволжья, Урала и Сибири. Эти идеи частично нашли воплощение, когда в 1899 г. началось движение поездов по Пермь-Котласской дороге, а в 1906 г. — по Северной, на Петербург. Уже в 1900 г. по Пермь-Котласской железной дороге из Вятской губ. был отправлен 2349 091 пуд хлебного груза⁶⁸. «Хлебная торговля, как только открылось эксплуатационное движение по новому рельсовому пути, сразу же переместилась к станциям железной дороги», — отмечал современник⁶⁹.

В 1890-е гг. купечество хорошо осознавало перспективы развития северного региона в связи с железнодорожным строительством. Не случайно депутаты деятелей местного самоуправления искали поддержку в высших эшелонах власти своих предложений о проведении северной железнодорожной ветки именно через Вятскую губ.⁷⁰. Представители Вятской городской думы в министерских кабинетах, в свою очередь, отстаивали точку зрения по по-

воду устройства железнодорожной станции в г. Вятке, а не в четырех верстах от города, как планировалось по проекту. Прямо в Петербурге председатель железнодорожной комиссии Вятской городской думы А.К. Иванов составил записку «Железнодорожная линия Пермь — Котлас в отношении г. Вятки», и, убедившись в экономической целесообразности устройства станции в губернском центре, министр финансов С.Ю. Витте пообещал свое содействие в решении важного вопроса⁷¹. Тогда же, в начале 1895 г., были встречи с министром путей сообщения М.И. Хилковым, сенатором А.Н. Куломзиним и, как результат, железнодорожную линию проложили через Вятку.

Большое влияние железной дороги на экономическое развитие северо-востока Европейской России отметил в своих воспоминаниях купец Константин Игнатьевич Клепиков (1821–1907): «Благодаря Пермь-Котласской железной дороге граждане города Вятки, имея в виду расширение торговых дел, построили вновь дома, для приезжающих — номера, магазины и лавки — для торговцев»⁷².

Как и многие российские купцы, К.И. Клепиков имел крестьянское происхождение. Почти 20 лет он служил у купцов 1-й гильдии г. Вятки Репиных, был их доверенным лицом в торговых делах. По службе Константин Игнатьевич выезжал во многие города, особенно часто ему приходилось бывать в Архангельской, Казанской, Нижегородской, Вологодской, Ярославской губерниях, в Москве и Петербурге. Постепенно он скопил собственный капитал и записался во вторую купеческую гильдию. Клепиков проявлял активность и в общественных делах — служил в словесном суде, избирался заседателем в Вятский городской магистрат, в годы Крымской войны помогал в работе комитету по обмундированию ратников, был церковным старостой.

Деятельность этого купца примечательна и тем, что он составил предложение о введении акциза на производство «фосфорных зажигательных спичек». Еще в 1862 г., в эпоху реформ Александра II, Клепиков отправил свое предложение на рассмотрение в Министерство финансов. Несмотря на, казалось бы, государственную выгоду, поддержки в столице тогда это предложение не нашло — «сбор по сему предмету признан неудобным». Однако позже, в конце века, по реформам С.Ю. Витте были введены налоги на товары массового спроса, в том числе и на спички. В своей «Автобиографии», изданной в 1902 г., Константин Игнатьевич, описывая свой жизненный путь и вспоминая о своем предложении, указывал, что «акциз со спичек дает казне, никому не в тягостное, большой доход»⁷³. В итоге внутренне купец был доволен тем, что его давнее предложение имело для государства экономическую целесообразность. Небезынтересно, что внуком Клепикова являлся Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) — известный экономист-аграрник, социолог и писатель. В семье Константина Игнатьевича было 4 сына, 8 дочерей, 17 внуков и 14 внучек⁷⁴.

В этой статье мы остановились на некоторых, наиболее ярких экономических проектах и предложениях местного купечества, имевших общегосударственное значение. Их авторы демонстрировали склонность к диалогу с властями и умение найти рациональные подходы к решению существовавших проблем. Купечество не отстранялось от решения экономических вопросов и видело выгоду в устройстве новых дел не только для приумножения соб-

ственных капиталов, но и для роста хозяйственного благополучия предпринимательского сообщества и государства в целом.

Разработки подобного рода проектов и предложений, их реализация постепенно выводили купечество за рамки сословных интересов и свидетельствовали о формировании в России во второй половине XVIII–XIX столетии слоя населения, готового адекватно реагировать на вызовы времени.

Примечания

- ¹ *Ананьич Б.В., Беляев С.Г.* Санкт-Петербург – банковский центр Российской империи (XIX – начало XX в.) // Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914 / под ред. У. Брумфилда, Б. Ананьича, Ю. Петрова. М., 2002. С. 15.
- ² *Андриаинен С.В., Каменский А.Б.* Петр Иванович и Иван Иванович Шуваловы // *Шувалов П.И., Шувалов И.И.* Избранные труды. М., 2010. С. 28–30.
- ³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ-I). Т. 20. № 15058; в состав Вятского наместничества входили Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Кайгородский, Глазовский, Нолинский, Яранский, Царевосанчурский, Уржумский, Малмыжский, Елабужский и Сарапульский уезды.
- ⁴ Там же. Т. 24. № 17634.
- ⁵ *Спицын А.А.* История рода Рязанцевых. Вятка, 1884; Купечество вятское: из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост. М.С. Судовиков, Т.К. Николаева. Киров, 1999; *Лигенко Н.П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск, 2001; *Судовиков М.С.* Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года. 2-е изд., перераб. и доп. Киров, 2018; и др.
- ⁶ Хлынов – центр Вятской провинции; с образованием наместничества переименован в г. Вятку.
- ⁷ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 98–105; Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова // Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1907. Вып. II (Отд. III). Вятка, 1908. С. 52–60.
- ⁸ Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова. С. 52–53.
- ⁹ Там же. С. 54.
- ¹⁰ Там же. С. 57–58.
- ¹¹ Там же. С. 59.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 60.
- ¹⁴ *Юрьев В.П.* Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 35.
- ¹⁵ ЦГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 88–94, 96–96 об.; в Уложенной комиссии он работал с сентября до начала декабря 1767 г., затем его заменил подьячий Яранской воеводской канцелярии П.И. Карякин.
- ¹⁶ *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 77–89.
- ¹⁷ *Соколов Н.Г.* Наказы рязанского купечества депутатам Уложенной комиссии (1767–1768 гг.) / отв. ред. А.В. Семенова // Российское купечество от средних веков к новому времени: тезисы докладов науч. конф. М., 1993. С. 68–71.
- ¹⁸ История предпринимательства в России. Книга первая: От средневековья до середины XIX века / отв. ред. А.В. Семенова. М., 2000. С. 215.
- ¹⁹ *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 50–59.
- ²⁰ ПСЗРИ-I. Т. 20. № 14275; Т. 22. № 16188.
- ²¹ ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 204–254 об.
- ²² Там же.
- ²³ ПСЗРИ-I. Т. 20. № 14275; Т. 22. № 16188.
- ²⁴ ЦГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 5. Л. 53 об.–54; Д. 15. Л. 3; Д. 24. Л. 2 об., 27 об. – 28.
- ²⁵ Там же. Ф. 582. Оп. 2-к. Д. 381. Л. 100; Оп. 6. Д. 60. Л. 14; Д. 978. Л. 24; Ф. 864. Оп. 1. Д. 24. Л. 27 об. – 28.

- ²⁶ ПСЗРИ-I. Т. 29. № 22418.
- ²⁷ *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов. Очерк его жизни и деятельности. К столетию Слободского общественного Анфилового банка. 1810–1910. СПб., 1910. С. 34–35.
- ²⁸ ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 72. Л. 19–19 об.
- ²⁹ *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов ... С. 64.
- ³⁰ *Миронов Б.Н.* К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII – начале XIX в. // История СССР. 1973. № 6. С. 132.
- ³¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 276. Оп. 2. Д. 925. Л. 1–6; в тот период у К.А. Анфилова было пять кораблей (ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 206. Л. 3).
- ³² *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 23.
- ³³ *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов ... С. 67–72; *Марков А.А.* Купец Анфилов // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4: История / сост. В.А. Бердинских. Киров, 1995. С. 135.
- ³⁴ *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. С. 23.
- ³⁵ *Ионищев Н.П.* Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М., 2001. С. 180.
- ³⁶ Цит. по: *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов ... С. 227.
- ³⁷ Цит. по: Россия и США: становление отношений. 1765–1815 / под ред. С.Л. Тихвинского [и др.]. М., 1980. С. 277.
- ³⁸ ЦГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 206. Л. 4 об.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 4 об.–5.
- ⁴¹ *Замятин Г.А.*: 1) Ксенофонт Алексеевич Анфилов ... С. 100–136; 2) Исторический очерк возникновения в гор. Слободском Общественного Анфилового банка (по поводу столетнего юбилея Банка) // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 г. (Отд. II). Вятка, 1909. С. 1–30.
- ⁴² ПСЗРИ-I. Т. 30. № 23942.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Грамота на учреждение в г. Слободском общественного Анфилового Банка / сообщ. Г.А. Замятин // Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1907. Вып. 1 (Отд. II). Вятка, 1907. С. 68–70.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ПСЗРИ-I. Т. 30. № 23942.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Речь идет о Высочайше утвержденном Положении о городских общественных банках от 6 февраля 1862 г. См.: ПСЗРИ-II. Т. 37. № 37950.
- ⁵⁰ *Жирнов О.М.* Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк. Обзор деятельности банка за 50 лет (1862–1911). Вятка, 1913. С. 10.
- ⁵¹ Там же. С. 2.
- ⁵² ЦГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1530. Л. 47 об.
- ⁵³ Там же. Д. 1529. Л. 508 об. – 509.
- ⁵⁴ *Жирнов О.М.* Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк ... С. 11.
- ⁵⁵ *Ульянова Г.Н.* Предприниматели и благотворительность в Нижнем Новгороде (XIX – начало XX в.) // Предпринимательство и городская культура в России ... С. 128.
- ⁵⁶ *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов ... С. 202.
- ⁵⁷ Там же. С. 274.
- ⁵⁸ Там же. С. 274–275.
- ⁵⁹ ЦГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 175. Л. 172.
- ⁶⁰ *Замятин Г.А.* Ксенофонт Алексеевич Анфилов ... С. 220.
- ⁶¹ *Прозоров Я.А.* О хлебной торговле Архангельского порта // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. СПб., 1867. С. 572–578; *Кузнецов А.Н.* О торговле Вятской губернии с Архангельском // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. С. 578–585. Эти статьи были написаны по предложению Архангельского статистического комитета.
- ⁶² ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 13. Л. 51.
- ⁶³ *Прозоров А.А.* Город Вятка и его обыватели / под ред. М.С. Судовикова, Е.И. Пакиной. Киров, 2010. С. 8–9.
- ⁶⁴ *Прозоров Я.А.* О хлебной торговле Архангельского порта ... С. 575.

- ⁶⁵ Кузнецов А.Н. О торговле Вятской губернии с Архангельском. С. 582–583.
⁶⁶ Там же. С. 584–585.
⁶⁷ Там же. С. 572–585.
⁶⁸ Эргин А.А. Значение Пермь-Котласской железной дороги для Вятского края // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1902 г. (Отд. II). Вятка, 1901. С. 134–137.
⁶⁹ Наумов П.И. Материалы для истории торговли Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1903 г. (Отд. II). Вятка, 1902. С. 146.
⁷⁰ Рафиков А.М. Сергей Юльевич Витте // Почетные граждане города Вятки: Исторические портреты. Киров, 2015. С. 298–304.
⁷¹ Судовиков М.С. Михаил Иванович Хилков // Почетные граждане города Вятки ... С. 371–372.
⁷² Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. Вятка, 1900. С. 3.
⁷³ Автобиография Константина Игнатьевича Клепикова. Вятка, 1902. С. 1–6. Источник со-общен автору статьи потомком К.И. Клепикова – Ниной Владимировной Обнорской (г. Ярославль).
⁷⁴ Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. С. 8.

Библиография

- Автобиография Константина Игнатьевича Клепикова. Вятка: Тип. и хромофотогр. Маишеевой, 1902. 6 с.
- Ананьич Б.В., Беляев С.Г. Санкт-Петербург – банковский центр Российской империи (XIX – начало XX в.) // Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914 / под ред. У. Брумфилда, Б. Ананьича, Ю. Петрова. М.: Три квадрата, 2002. С. 15–29.
- Андрейнин С.В., Каменский А.Б. Петр Иванович и Иван Иванович Шуваловы: [вступ. ст.] // Шувалов П.И., Шувалов И.И. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–42.
- Грамота на учреждение в г. Слободском общественного Анфилатова Банка / сообщ. Г.А. Замятин // Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1907. Вып. I (Отд. II). Вятка: Тип. П.Д. Харитоновой, 1907. С. 68–70.
- Жирнов О.М. Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк. Обзор деятельности банка за 50 лет (1862–1911). Вятка: Тип. и хромофотогр. Шкляевой, 1913. 235 с.
- Замятин Г.А. Исторический очерк возникновения в гор. Слободском Общественного Анфилатова банка (по поводу столетнего юбилея Банка) // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1910 г. (Отд. II). Вятка: Губ. тип., 1909. С. 1–57.
- Замятин Г.А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности. К столетию Слободского общественного Анфилатова банка. 1810–1910. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 275 с.
- Ионичев Н.П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX в.). М.: Аспект Пресс, 2001. 399 с.
- История предпринимательства в России. Книга первая: От средневековья до середины XIX века / отв. ред. А.В. Семенова. М.: РОССПЭН, 2000. 480 с.
- Клепиков К.И. Заметки и впечатления старожила. Вятка: Тип. и хромофотогр. Маишеева, 1900. 14 с.
- Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М.: Наука, 1967. 335 с.
- Кузнецов А.Н. О торговле Вятской губернии с Архангельском // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. С. 578–585.
- Купечество вятское: из истории торговли, предпринимательства и благотворительности / ред.-сост.: М.С. Судовиков, Т.К. Николаева. Киров: КОГУП «Кировская областная типография», 1999. 204 с.
- Лиценко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 432 с.
- Марков А.А. Купец Анфилатов // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4: История / сост. В.А. Бердинских; Киров. обл. писательская организация [и др.]. Киров, 1995. С. 133–138.
- Миронов Б.Н. К вопросу о роли русского купечества во внешней торговле Петербурга и Архангельска во второй половине XVIII – начале XIX в. // История СССР. 1973. № 6. С. 129–140.

- Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. II. (Отд. III). Вятка: Тип. П.Д. Харитонова, 1908. С. 52–60.
- Наумов П.И.* Материалы для истории торговли Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1903 год. (Отд. II). Вятка: Губ. тип., 1902. С. 126–160.
- Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск: Архконсалт, 2000. 528 с.
- Прозоров Я.А.* О хлебной торговле Архангельского порта // Труды Императорского Вольного экономического общества. Т. 1. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. С. 572–578.
- Рафиков А.М.* Сергей Юльевич Витте // Почетные граждане города Вятки: Исторические портреты. Киров: НКО «Золотой фонд Вятки», КОУНБ им. А.И. Герцена, 2015. С. 297–314.
- Россия и США: становление отношений. 1765–1815 / под ред. С.Л. Тихвинского [и др.]. М.: Наука, 1980. 752 с.
- Соколов Н.Г.* Наказы рязанского купечества депутатам Уложенной комиссии (1767–1768 гг.) // Российское купечество от средних веков к новому времени: тезисы докладов науч. конф. / отв. ред. А.В. Семенова. М: Институт российской истории РАН, 1993. С. 68–71.
- Спицын А.А.* История рода Рязанцевых. Вятка: Губ. тип., 1884. 45 с.
- Судовиков М.С.* Купечество Вятского края: от истоков до 1917 года. 2-е изд., перераб. и доп. Киров: ИД «Герценка», 2018. 468 с.
- Судовиков М.С.* Михаил Иванович Хилков // Почетные граждане города Вятки: Исторические портреты. Киров: НКО «Золотой фонд Вятки», КОУНБ им. А.И. Герцена, 2015. С. 367–383.
- Ульянова Г.Н.* Предприниматели и благотворительность в Нижнем Новгороде (XIX – начало XX в.) // Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. С. 119–138.
- Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. Л.: Наука, 1973. 348 с.
- Эргин А.А.* Значение Пермь-Котласской железной дороги для Вятского края // Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1902 год. (Отд. II). Вятка: Губ. тип., 1901. С. 125–184.
- Юрьев В.П.* Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. Очерк из истории городского общественного управления. Вятка: Губ. тип., 1885. 175 с.

Аграрная история

Россия на перепутье: дискуссии о направлениях аграрной политики в конце XIX – начале XX в.

Аннотация. После поражения в Крымской войне Россия постепенно определила курс на развитие промышленности. Однако серьезные проблемы земельных отношений, особенно проблема «оскудения дворянства» Центра заставили государство сделать выбор между промышленностью и сельским хозяйством. В конце XIX – начале XX в. в России шла острая дискуссия об аграрной политике между помещиками, Министерством финансов, Министерством внутренних дел и Министерством государственных имуществ (Министерство земледелия и государственных имуществ с 1894 г.). Предпринятые Министерством финансов меры по поддержке сельского хозяйства (организация сельскохозяйственного кредита и др.) не дали должного результата, что выявило слабость механизма действия и принятия решений самодержавием. Как бы ни спорила правящая верхушка, глядя на проблему глазами крестьян и помещиков, дворянство и крестьянство были оторваны от политики правительства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, сельскохозяйственный кредит в конце XIX – начале XX в.

После поражения в Крымской войне 1853–1856 г. Российская империя начала активно развивать национальную промышленность. Из-за глубокого внешнего кризиса и ограниченных финансовых возможностей России ее Министерство финансов, которое со второй половины XIX в. отвечало за промышленные и торговые дела, приложило все усилия для реализации плана индустриализации. Считая малоэффективными прямые вложения в сельское хозяйство, министр финансов С.Ю. Витте предпочитал воздействовать на него через общее экономическое развитие страны (главным рычагом которого оставалось железнодорожное строительство) и сельскохозяйственный кредит. У Министерства финансов, Министерства внутренних дел и Министерства государственных имуществ (МЗиГИ с 1894 г.) возникли существенные расхождения по поводу аграрной политики, что еще более усложнило аграрные проблемы. Спор о форме и размере сельскохозяйственных кредитов отражал отсутствие в империи единого подхода к экономической политике, особенно сельскохозяйственной. Проблемы сельского хозяйства и крестьянства оставались одними из самых сложных в России в конце XIX – начале XX в.¹

В центре внимания настоящей статьи – дискуссии в царском правительстве о направлениях аграрной политики в конце XIX – начале XX в. Ее источниковую базу составляют труды российских историков, внесших огромный вклад в изучении проблемы, научное наследие которых сохраняет значимость и до настоящего времени. В данной статье предпринята попытка аргументировать это заключение.

Историками России показано, что изучение механизма выработки аграрной политики в конце XIX – начале XX в. имеет большое значение для по-

* Чжан Гуансян – доктор исторических наук, профессор Института по проблемам Северо-Восточной Азии и Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (Чанчунь, КНР), zgxlcc2002@aliyun.com.

нимания истории развития сельского хозяйства России, проблем деревни, а также взаимосвязи между развитием сельского хозяйства и промышленностью. Исследователи уделяли основное внимание конкретным аспектам проблемы. Процесс выработки общего аграрного курса изучался менее активно и по-прежнему нуждается в дальнейшем исследовании. Например, Ю.Б. Соловьев², Л.Е. Шепелев³ и В.С. Дякин⁴ в своих работах указали на факт формирования дворянско-крепостнического аграрного курса. Б.В. Ананьич и Н. Брукс утверждали, что механизм принятия решений самодержавием был тесно связан с личными отношениями между императором и министрами. Последних хорошо знали члены императорской семьи. Также министры использовали деятелей науки и предпринимателей, чтобы их политика могла быть реализована⁵. Ю.Б. Соловьев отмечал, что для правящей верхушки укрепление дворянства рассматривалось в качестве перво-степенной и наиболее важной задачи государственной жизни. При этом перед правительством стояла чрезвычайно сложная проблема: как указывал, Л.Е. Шепелев, многочисленные крепостнические пережитки в экономике и политическом строе России задерживали и затрудняли капиталистическую эволюцию.

В.С. Дякин считал, что Россия была вынуждена встать на путь индустриализации и развивать промышленность за счет ущемления потребления и интересов частного сектора экономики⁶. М.С. Симонова отмечала, что формы и методы дворянско-крепостнической политики оказывались неэффективными, т.к. с их помощью пытались помешать развитию капитализма или затормозить его развитие в интересах крепостнического дворянства⁷.

Положение пореформенного дворянства и крестьянства является проблемой, которую невозможно обойти при анализе темы статьи. Перемены в экономическом статусе дворянства оказывали большое влияние на аграрную политику самодержавия. Об экономическом упадке помещичьего хозяйства в пореформенный период говорится в работах М.С. Симоновой и А.П. Корелина⁸.

Сельское хозяйство не могло успешно развиваться без денег. В.С. Дякин в статье «Деньги для сельского хозяйства...» поставил следующие вопросы: каких затрат требовало осуществление аграрной реформы, и было ли царское правительство в состоянии изыскать эти средства? В монографии Н.А. Проскуряковой исследованы формирование и деятельность Земельных банков Российской империи в конце XIX – начале XX в., в том числе и вопросы о земельном кредите и буржуазно-аграрной эволюции России в целом⁹. В монографии А.П. Корелина охарактеризованы виды сельскохозяйственных кредитов: мелиоративного, краткосрочного и т.д.¹⁰ Проблемы мелкого и краткосрочного кредитов также рассмотрены В.С. Дякиным¹¹.

Министр финансов С.Ю. Витте – ключевая фигура для понимания рассматриваемой проблемы, поэтому анализ его деятельности очень важен для ее осмысления. С.Д. Мартынов изучил влияние экономической, финансово-бюджетной и денежно-кредитной политики министра на сельское хозяйство России¹². В работе Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина дана общая оценка экономической политики С.Ю. Витте, ее значения для судеб страны¹³.

Важным источником для понимания проблемы являются биографические документы и материалы о С.Ю. Витте. Политическая и экономическая деятельность министра с 1 мая 1870 г. до его смерти в 1915 г. подробно охарактеризована Л.Е. Шепелевым¹⁴. В этом же ряду книга «Судьбы России»¹⁵ и «Собрание сочинений и документальных материалов» министра¹⁶, которые использованы в данной статье (например, доклады С.Ю. Витте Николаю II и др.).

Воспоминания Витте — важная основа для изучения его экономической политики, политической и экономической ситуации в империи¹⁷. Однако, учитывая специфику подобного источника, при его использовании в данной статье мы занимаем весьма осторожную позицию.

Механизм действия и принятия решений самодержавия

До революции Россия оставалась абсолютной монархией. От воли императора зависели направление и характер как внутренней, так и внешней политики¹⁸. Но отсутствие у императора Николая II единой и достаточно четкой внутривластной программы дезориентировало работу государственного аппарата. В конце 1890-х гг. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин открыто жаловался главе военного ведомства министру А.Н. Куропаткину на «внутреннюю неурядицу», обвиняя в ней, прежде всего самого царя. Министр финансов С.Ю. Витте отзывался о царе, как о человеке «без твердой еще воли», мало подготовленном, решавшем все «сплеча», не осмыслив «значения подготовительной работы к тому или иному решению». Великий князь Михаил Николаевич наставлял в декабре 1897 г. А.Н. Куропаткина, что «надо все дела улаживать, не доводя до решения государя»¹⁹.

В этих условиях осуществление аграрной политики в значительной степени зависело от того, будет ли сильным влияние на императора министров. У многих из них была особая тактика общения с ним — в зависимости от его характера и даже настроения²⁰. Такая ситуация вынуждала министров использовать личное влияние и разного рода обходные пути, такие, как «испрошение» отдельных повелений царя, частные соглашения друг с другом и т.п.²¹

В системе управления дореволюционной России играли важную роль и личности министров. Они пользовались огромной властью в своих ведомствах. Во второй половине XIX в. в большинстве своем это были активные деятели, реально влиявшие на различные направления политики государства²².

Таким образом, в Российской империи политический курс выработывался не «объединенным правительством», а в ходе соперничества министров. Общие направления политики правительства определялись в первую очередь двумя министерствами — финансов и внутренних дел, как наиболее влиятельных и обеспечивавших экономическое развитие и внутреннюю безопасность страны.

Одним из самых влиятельных ведомств являлось Министерство финансов. В конце XIX — начале XX в. его министр С.Ю. Витте играл активную роль в политической жизни страны. В компетенцию возглавляемого им ведомства входило развитие финансов и промышленности²³. Но по мере активизации

деятельности С.Ю. Витте Министерство финансов фактически превращалось в экономическое ведомство, влиявшее на политику правительства в целом²⁴. При этом программы С.Ю. Витте не могли действовать без его частных соглашений с другими министерствами.

МВД традиционно пользовалось в России особым влиянием, т.к. выполняло не только административно-полицейские, но и административно-хозяйственные функции²⁵. И если в 1890-х гг. большое влияние на общее направление не только внутренней, но и внешней политики оказывал министр финансов С.Ю. Витте, то с 1902 г. эта роль перешла к главе МВД В.К. фон Плеве²⁶. Оба были яркие и деятельные личности, склонные к конфликтам относительно решения конкретных проблем.

На данный факт указал в своих работах Л.Е. Шепелев²⁷. Важнейшая особенность правительственного аппарата в России, по мнению автора, заключалась в том, что деятельность ведомства, ответственного за выработку и реализацию торгово-промышленной политики, не согласовывалась с работой других ведомств²⁸.

Государственный деятель XIX в. П.А. Валуев в 1869 г. записал в своем дневнике: «Органически действующего правительства в точном смысле слова у нас нет. Ни внешней солидарности, ни внутреннего согласия между разными правительственными частями не существует. Идея единства сосредоточена исключительно в лице самодержца. Но правительственная деятельность есть деятельность непрерывная, между тем как верховая доля этой деятельности, принадлежащая самодержцу, может проявляться только отрывочно». Также П.А. Валуев отметил, что в России «политические судьбы одного министра совершенно независимы от политических судеб других министров». Их «солидарность невозможна при существенном различии коренных взглядов, руководящих начал и преследуемых целей»²⁹. В этой связи, как указывал Л.Е. Шепелев, на практике отсутствовало единство в деятельности правительства в целом, существовала относительная автономность отдельных ведомств и возможность для них действовать независимо и даже вопреки политической линии других министерств³⁰.

Причина такой разобщенности заключалась в том, что установки ведомственных аппаратов накладывались друг на друга. При этом в России управление даже некоторыми похожими по функциям отраслями было децентрализовано и очень часто находилось в компетенции разных конкурирующих друг с другом ведомств. В частности, управление промышленностью, торговлей и другими отраслями хозяйства (транспорт, государственные имущества, сельскохозяйственные промыслы и т.п.) было децентрализовано и находилось в компетенции разных конкурирующих друг с другом министерств³¹.

Наиболее велико было количество учреждений, являвшихся структурными частями Министерства внутренних дел. Сфера компетенции данного ведомства распространялась на многие стороны и государственного управления, и экономики. В то же время до 1905 г. управление торговлей и промышленностью находилось в ведении Министерства финансов³². Такая ситуация не способствовала выработке единообразной торгово-промышленной политики.

Итак, самодержец не имел твердой и четкой программы управления, и сам был крайне уязвим перед мнениями влиятельных министров. Деятельность ведомств в России в большинстве случаев оказывалась не согласованной. За управление промышленными и торговыми делами отвечали и Министерство финансов, и Министерство внутренних дел, и конфликт между ними становился неизбежным. Все эти факторы негативно повлияли на выработку и реализацию торгово-промышленной политики империи в конце XIX – начале XX в.

Проблема «оскудения земледельческого центра» 1890-х гг.

В 1880-х гг. под влиянием мирового аграрного кризиса началось падение цен на хлеб, затянувшееся почти до конца 1890-х гг.³³ Подавляющее большинство российского крестьянства оказалось не способно остановить падение доходности своих хозяйств. В результате к середине 1890-х гг. перед царским правительством со всей остротой встала проблема так называемого «оскудения» Центра – экономического упадка и разорения крестьянских хозяйств центральных земледельческих губерний³⁴.

Эта проблема стала одной из самых острых для самодержавия. Она имела глубокие корни. Ее объективной основой являлся тяжелый кризис полукрепостнического аграрного строя, неизбежно обострившийся в условиях прогрессирующего капиталистического развития страны. В старом земледельческом центре, с наиболее сильными пережитками крепостничества, проявления кризиса были особенно яркими. Более того, экономический спад затронул не только крестьянские хозяйства, но и дворянство.

Причина кризиса крестьянского хозяйства заключалась в недостатке земли у крестьян. Земля – самая острая их потребность. До революции 1917 г. земельная проблема оставалась основной в Российской империи³⁵: при огромной территории значительная часть земель была непригодна для земледелия, и отсутствие земельных участков сельскохозяйственного назначения обостряло ситуацию.

Как известно, после реформы 1861 г. спрос крестьян на землю не был полностью удовлетворен. По подсчетам А.А. Кауфмана и Л.В. Ходского, около 28% крестьян получили недостаточное количество земли³⁶. По данным обследования землевладения в 1905 г., особенно остро «земельный голод» испытывали крестьяне Европейской России. Здесь находились 440 млн дес. земли (22,5%), а сельского населения проживало более 80%. Из 400 млн дес. 138,7 млн было отведено крестьянам в наделы, и 101,8 млн дес. находились в частной собственности. Эти земли в основном были освоены. Остальными 154,7 млн дес. владели казна и госучреждения. Значительную часть земли на севере было трудно использовать для сельского хозяйства, т.к. ее занимали леса, тундра, болота, горы³⁷. Из частнособственнических земель 15,8 млн дес. принадлежали различным обществам и товариществам. Остальные 85,9 млн дес. составляли личную собственность, в том числе 53,2 млн дес. принадлежали дворянам, 13,2 млн дес. – крестьянам, 12,9 млн дес. – купцам и почетным гражданам. Характерной особенностью частного землевладения

была его беспрецедентная концентрация. Во владении 28 тыс. лиц ($\frac{2}{3}$ из них — дворяне), располагавших имениями свыше 500 дес., находилось 62 млн дес. (72,2% всей земли личного владения — свыше 2,2 тыс. дес. на каждого владельца), а 12,3 млн крестьян — 138,7 млн дес. земли.

Уже с начала 1870-х гг. многочисленные ведомственные обследования констатировали все более ухудшавшееся положение крестьян, в первую очередь тех, кто страдал от малоземелья. В то время экономисты и агрономы думали, что грань между понятиями «абсолютное» и «относительное» малоземелье у крестьян почти невозможно провести: относительное — это неумелое использование имевшегося земельного фонда, а абсолютное — объективная невозможность прокормиться с данного надела. Абсолютным считали малоземелье дворов и общин, где значительное улучшение агротехники уже не могло обеспечить прожиточный минимум семей, а относительное — можно было ликвидировать улучшением системы хозяйств и увеличением удобрения. Недостаток земли испытывали крестьяне при относительном малоземелье, но абсолютное — лишало их стимулов поднять хозяйство, отнимало всякую надежду на достижение маломальского улучшения жизни. Единственное спасение виделось в прирезе земли, уходе в город или на окраину.

Что же касается того, сколько нужно было земли для прожиточного минимума, то его размеры пытались определить разные ученые, но так и не пришли к единому мнению. Количество земли варьировалось от 8 дес., в то время как на двор в черноземной полосе приходилось до 30 дес. Минимальный прожиточный надел, считал В.Г. Тюкавкин, определялся по черноземной зоне — примерно в 8,5, а по нечерноземной — в 9–9,5 дес.³⁸

По официальным данным, с 1861 по 1900 г. подушные наделы крестьян Европейской России уменьшились с 4,8 до 2,6 дес., из которых подушные наделы в центральных губерниях уменьшились с 4,1 до 2,2 дес., в юго-западных — с 3 до 1,7 дес.³⁹ У общинников того же региона 1,9 млн дворов (26,3%) имели наделы размером менее 6 дес. на двор⁴⁰.

В конце XIX — начале XX в. в России в затруднительном положении находилось и дворянское землевладение. К этому времени был устранен ряд юридических препятствий, тормозивших процесс превращения земель дворян в товар. Землю, принадлежавшую дворянству, свободно покупали и продавали. На земельном рынке владельческие земли переходили из рук в руки, независимо от сословной принадлежности их владельцев. Между тем, поскольку правительство изменило налоговую политику, дворяне, ранее освобождавшиеся от прямых налогов, начали такие налоги платить. С 1860-х гг. российская налоговая система стала переходить с подушного принципа взимания на подоходный, в результате тяжесть налогового бремени перемещалась с бедных на зажиточные слои населения⁴¹. Большинство дворян были вынуждены продавать земли, чтобы получить деньги. В 1863–1915 гг. дворянство потеряло половину своих земель, почти 45 млн дес. были переданы другим сословиям. В начале XX в. дворяне и купцы составляли $\frac{2}{3}$ продавцов земли. В 1911–1914 гг. дворяне продали 9,8 млн дес., а купцы купили 5,5 млн дес. земли. В то время, когда земли дворян сокращались, купеческие владения увеличивались, что свидетельствовало о разорении помещиков, не приспособившихся к новым условиям хозяйствования.

Дворяне теряли землю и это ослабляло их особые привилегии⁴². Ведь земля — основа социально-экономического статуса дворянского сословия. Во второй половине XIX столетия ускорился процесс имущественной дифференциации поместного дворянства. С 1877 по 1905 г. в общей массе дворян-землевладельцев возрастал процент (с 50,2 до 58,9%) мелкопоместных дворян и сокращался (с 29,8 до 25,3%) — среднепоместных. Обедневшие и разорвавшиеся помещики превращались в простых хлебопашцев, попадали в разряд среднего и мелкого чиновничества, опускаясь иногда до положения дворян-пролетариев. К 1905 г. в 44 губерниях Европейской России было 59 748 мелкопоместных владений размером до 100 дес., в том числе 33 205 владельцев имели земельные участки размером менее 20 дес. и реально уже не представляли класс помещиков. До 1898 г. по мобилизации земли дворянство занимало первое место. Дворянское землевладение (без Архангельской, Астраханской и прибалтийских губерний) с 87 169 тыс. дес. в 1862 г. сократилось до 77 040 тыс. дес. к 1877 г. и до 51 248 тыс. дес. — к 1905 г. За 43 года оно уменьшилось на 41%⁴³. К началу XX в. землей, являвшейся ранее основой экономического и политического могущества дворянства, было обеспечено 30–40% всего сословия. Только среди потомственных дворян был несколько выше удельный вес землевладельцев — около 55%. В это время источником доходов большей части сословия становились государственная служба, рантье́рство и различные сферы предпринимательства⁴⁴.

Таким образом, налицо был факт: в пореформенный период по причине экономических затруднений дворянство теряло землю.

После реформы 1861 г. из-за недостатка земли, ее сокращения у дворянства, влияния капиталистических факторов крестьянское хозяйство в Центральном и Северном регионах было не способно успешно адаптироваться к новым экономическим условиям. Как уже отмечалось, в период с 1881 по 1896 г. из-за мирового аграрного кризиса на $\frac{1}{3}$ упали цены на хлеб. При этом такие факторы, как изменение уровня жизни, рост объема промышленных потребительских товаров в деревне, повышение прямых и косвенных налогов вынуждали крестьян продавать все больше хлеба на рынке, нередко за счет сокращения собственного потребления.

После реформы 1861 г. правительство считало, что полученные помещиками выкупные платежи позволят им приспособиться к новым экономическим условиям, а положение крестьян будет улучшаться по мере того, как они станут меньше зависеть от помещиков. Вначале правительство через частные поземельные банки кредитовало помещиков, но последние часто использовали платежи и кредиты на непроизводительные цели. В 1890-е гг. стремительное развитие промышленности ставило сельское хозяйство в затруднительное положение. В этой ситуации помещики, с трудом приспособившись к условиям капиталистического хозяйствования, начали требовать от правительства замедлить или даже остановить развитие промышленности. Дворянство, хотя и осознавало необратимость капитализации России, все же ожидало от правительства защиты своих интересов. И в правительстве России начались дебаты о ее будущем хозяйственном развитии. Некоторые дальновидные помещики были обеспокоены не только своей судьбой, но и тяжелым положением крестьян.

Дискуссии на тему определения направления будущего экономического развития

Поражение Российской империи в Крымской войне привело к дискуссии о направлении экономического развития страны. Для сохранения своего могущества и влияния в Европе русское самодержавие взяло курс на ускоренное развитие отечественной промышленности. Это определило общий характер экономической политики правительства в пореформенный период⁴⁵. Тем не менее до 1913 г. Россия все еще оставалась аграрно-индустриальной страной⁴⁶, а сельское хозяйство — основным источником ее доходов.

К середине XIX в. самодержавие оказалось перед выбором: либо приспособиться к неумолимо развивавшимся капиталистическим отношениям, либо утратить возможность иметь господствующие позиции на мировом рынке⁴⁷.

В начале XX в. несоответствие между высоко развитой промышленностью и полуфеодальным сельским хозяйством стало очевидным. Капиталистическая модернизация деревни была чрезвычайно необходима как для обеспечения дальнейшего индустриального прогресса, так и для вывода сельского хозяйства на уровень развития, близкий к тому, который был достигнут промышленностью⁴⁸. Однако это понимание приняли не все слои общества. Возникли споры о будущем направлении развития экономики страны.

Как уже отмечалось, после реформы 1861 г. в условиях возникновения проблемы «оскудения» Центра дворянское сословие теряло земли, а помещичье хозяйство испытывало большие трудности. Столкнувшись с экономическими потерями, дворяне посчитали правительство главным виновником своих бед. На их взгляд, именно серия мер, принятых властью, привела к упадку помещичьего хозяйства. Потеря земли приводила не только к сокращению средств на поддержание роскошного образа жизни, но и, что более важно, подрывала привилегии дворянства, поскольку возможность пользоваться сословными преимуществами находилась в прямой зависимости от материального благосостояния дворян⁴⁹.

Предводители дворянства заявляли о своем единодушном несогласии с содержанием в докладе С.Ю. Витте, как главного выразителя проводимой в стране финансово-экономической политики, утверждением, что «благосостояние деревенской России быстро шагает вперед». В их записке на эту тему отмечалось, что оно, наоборот, «несомненно, падает»: «помещики, крестьяне, хлебные торговцы разоряются и беднеют». Происходило это не только по естественным причинам (из-за увеличения населения, сельскохозяйственного кризиса и т.д.), но и потому, что нуждами дворян пренебрегли, поскольку промышленность и железные дороги стали единственными предметами правительственной заботы. Предводители дворянства предлагали добиться от правительства признания ошибочным этого курса и побудить верховную власть пойти по пути уже ничем не ограниченной поддержки сословия.

С.Ю. Витте действительно отдавал приоритет развитию промышленно-сти, которая должна была сыграть роль локомотива в ускорении экономического развития страны. Решение же вопросов сельского хозяйства было для

него долгосрочной задачей. Он полагал, что серьезным реформам в аграрной сфере экономики России сначала должно предшествовать форсированное развитие национальной промышленности. Только после развития промышленности могли быть решены основные проблемы сельского хозяйства. При этом С.Ю. Витте понимал важность сельского хозяйства для экономики России, поскольку основной массой населения страны было крестьянство. Составлявшее 80% населения, оно было главным производителем сельхозпродукции, налогоплательщиком и потребителем.

По мнению С.Ю. Витте, решение проблем сельской экономики наталкивалось на три трудности: климатические условия России, «отсутствие путей сообщения» и архаичные социальные отношения в деревне. «Труд русского народа, – указывал он, – крайне слабый и непроизводительный. Этому во многом содействуют климатические условия. Десятки миллионов населения по этой причине в течение нескольких месяцев в году бездействуют»⁵⁰.

Признавая важность аграрного сектора народного хозяйства, С.Ю. Витте выступал против прямого государственного вмешательства в эту отрасль. Государство, считал он, должно содействовать сельскому хозяйству не прямыми капиталовложениями, а созданием благоприятных условий для его развития: строительством железных дорог, системой транспортных тарифов, организацией кредита, упорядочением внешней и внутренней торговли, но главное – интенсивным развитием промышленности. Именно она должна была обеспечить расширение внутреннего рынка, повышение культуры земледелия своими требованиями к ассортименту и качеству продукции и снабжением его необходимыми машинами, орудиями и удобрениями, содействием оттоку излишнего населения из деревни и обеспечению его заработками. По мнению С.Ю. Витте, правильным был следующий порядок экономического развития: сначала – промышленность, затем – сельское хозяйство; промышленное развитие в перспективе приведет к реформированию аграрных отношений в деревне, простимулирует повышение образовательного уровня населения и демократизацию общества⁵¹.

На состоявшемся 17–29 марта 1899 г. совещании министров С.Ю. Витте представил всеподданнейший доклад «О необходимости установить, и затем неуклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи», в котором подробно изложил свои взгляды на перспективы экономического развития России⁵². Он утверждал, что страна нуждалась в том, чтобы «торгово-промышленная политика проводилась по определенному плану, со строгой последовательностью и систематичностью». Именно в результате такой политики будет решена «коренная не только экономическая, но и политическая задача» – создание своей собственной национальной промышленности, развивающейся «на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда». Что касается самого существа этой политики, то С.Ю. Витте сосредоточил внимание на двух важнейших ее сторонах: протекционизме и привлечении иностранного капитала⁵³.

В историографии показано, что политика С.Ю. Витте была конкретной и целенаправленной. Она предусматривала в течение 10 лет догнать более развитые в промышленном отношении страны Европы, занять прочные позиции

на рынках стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное промышленное развитие России министр рассчитывал обеспечить за счет: 1) привлечения иностранного капитала в виде займов и инвестиций; 2) накопления внутренних ресурсов с помощью казенной винной монополии и усиления косвенного налогообложения; 3) таможенной защиты русской промышленности от западных конкурентов и поощрения русского вывоза⁵⁴.

Политика С.Ю. Витте значительно повлияла на развитие отечественной промышленности в 1890-е гг. В финансовой области для России начала XX в. был характерен быстрый рост государственного бюджета. В 1867 г. обыкновенные доходы составляли всего 115 млн руб. Через 30 лет они увеличились на 1 млрд руб.⁵⁵ Объем промышленного производства в стране в 1890-е гг. увеличился вдвое, а численность рабочих — наполовину (в 0,5 раза). К началу XX в. Российская империя по важнейшим экономическим показателям приблизилась к крупнейшим капиталистическим странам и заняла пятое место в мировом промышленном производстве. Чрезвычайно быстро развивалась тяжелая промышленность, составив 40% от общего объема промышленного производства. Медленнее развивалась легкая промышленность, но по показателям с тенденцией роста⁵⁶. Особенно в годы промышленного подъема увеличились темпы строительства железных дорог. В 1895—1899 г. в России вводилось рекордное количество новых линий — в среднем около 3064 км ежегодно⁵⁷. Железнодорожное строительство способствовало росту и расширению сельскохозяйственного производства.

В середине 1890-х гг. на созванном по указанию Николая II Особом совещании по делам дворянского сословия С.Ю. Витте выразил свои взгляды на перспективы развития России и судьбу дворянского сословия. Он указал, что империя находится в процессе перехода к капиталистической системе, а дворянство, представлявшее собой средневековое служение и землевладение, ожидает неизбежный конец, если оно не станет заниматься промышленностью, торговлей и банками. Вероятно, это было первое публичное признание чиновником самодержавия высшего ранга капиталистического этапа развития России и сопутствовавших ему социально-экономических последствий⁵⁸.

Дворянство противостояло политике С.Ю. Витте. Оно унаследовало от феодальной эпохи значительную часть своей старой материальной базы, сословных привилегий и главное — сохранило господствующие политические позиции, удержав в своих руках власть⁵⁹. Это позволяло ему занять особое место и в социально-политической структуре пореформенной России. Будучи основной частью господствовавшей политической системы, дворянство являлось оплотом сохранения самодержавного режима со всеми сопутствовавшими ему полуфеодальными институтами⁶⁰. Все высшее чиновничество принадлежало к дворянству, поэтому для него правительство делало все что было в его интересах⁶¹.

Хотя крепостное право не существовало с 19 февраля 1861 г., дворяне считали, что необходимо продолжить политику преимущественной поддержки помещичьего хозяйства⁶². И здесь их желание наталкивалось на объективную реальность. Создание крупной промышленности во второй половине XIX в. было для России исторической необходимостью. Оно требовалось не толь-

ко для сохранения международного положения Российского государства, но и отвечало непосредственным национальным интересам страны⁶³. Империя не могла развивать только сельское хозяйство — оно должно было окрепнуть на основе роста промышленности. Именно поэтому С.Ю. Витте предлагал активизировать развитие промышленного производства, изменить правовое положение крестьянства, устранить пережитки, оставшиеся после отмены крепостного права.

В обществе развернулась активная полемика по поводу такой политики. 29 января 1897 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» вышла статья доктора государственного права Московского университета Б.Н. Чичерина. Его симпатии целиком были на стороне дворянства, именно с ним автор связывал надежды на развитие страны, ее преобразование в государство западноевропейского типа. В России, считал ученый, только дворянство могло стать тем состоятельным и вместе с тем независимым элементом, который и определит форму правления, как в странах Западной Европы, поставив государственную власть в определенные рамки и став основой и главным регулятором существующего порядка. Сохранение и укрепление дворянства как независимой и влиятельной силы было для Б.Н. Чичерина обязательным условием развития в России. Придерживаясь этой точки зрения, юрист порицал политику правительства в дворянском вопросе в царствование Александра III, ибо она ограничила независимость дворянства, а затем ему был нанесен сильнейший удар в сфере экономики⁶⁴.

С.Ю. Витте был убежден, что экономическая поддержка, которую требовало дворянское сословие, не могло сработать на государственном уровне. Вместо нее он ставил задачу развития национальной экономики в качестве движущей силы преобразования помещичьего хозяйства. Программа министра, хотя и не затрагивала полукрепостнический аграрный строй, призывала помещиков к постепенной адаптации к потребностям капитализма. С.Ю. Витте выступал за привлечение иностранных инвестиций, покровительственную внутреннюю таможенную пошлину, субсидии на строительство железных дорог и развитие крупной промышленности.

Но эта программа противоречила требованиям дворянства, поскольку не была направлена непосредственно на спасение помещичьего хозяйства, а предлагаемые правительством меры в этом вопросе были недостаточны. Тот же Б.Н. Чичерин называл мероприятия правительства с целью поддержания помещиков грошовыми подачками, несколько не уравнивавшими ущерба от покровительства промышленности. В частности, по его мнению, созданный для дворян Дворянский банк наносил сословию только вред «разорительным соблазном дешевого кредита»⁶⁵.

Доказывая, что «разорение дворянского землевладения есть, прежде всего, политическое несчастье России», дворянские идеологи обвиняли С.Ю. Витте в искусственном насаждении промышленности и капитализма в стране в ущерб ее «исторически-национальному» земледельческому промыслу. При этом рассуждениями о сельском хозяйстве они прикрывали стремление сохранить привилегированное положение дворянства в экономической и политической сферах, не понимая тем самым закономерности перехода российской экономики на капиталистические рельсы.

В отличие от дворянских идеологов, веривших, что «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй», а потому избежит капитализма, С.Ю. Витте не только выступал за «напряженное развитие промышленности в короткий срок», но и подчеркивал, что к такому развитию страну принуждает «мировой непреложный закон» перехода к капиталистическому строю. При этом министр настаивал на неизбежности принесения в жертву промышленному прогрессу потребительских и частных хозяйственных интересов.

Политика С.Ю. Витте оказалась результативной. В докладе о бюджете на 1897 г. он утверждал, что годовая производительность горной и обрабатывающей промышленности превзошла в стоимостном выражении все сельскохозяйственное производство. Хотя промышленное производство в России увеличилось почти в четыре раза⁶⁶, с 1899 г. империя оказалась в условиях начала мирового экономического кризиса. С 15 октября 1899 г. по 15 октября 1901 г. фонды 98 французских и бельгийских компаний на русской бирже упали с 1,316 млрд до 536 млн франков, т.е. на 59%. Среди них объем сделок металлургических компаний упал с 862 млн до 298 млн франков, т.е. на 65%. Потеря 8 млн франков на бирже угрожала Российской империи потерей французского финансового рынка. Поэтому в 1901 г. Министерство финансов было вынуждено принять меры по увеличению государственного заказа⁶⁷. В 1902 г. для развития металлургии и добычи металлов был создан Комитет по распределению между заводами заказов на подвижной состав, рельсы и скрепления. Однако с 1903 по 1905 г. из-за ограничения своих функций (исходивших от С.Ю. Витте и министра земледелия и государственных имуществ России А.С. Ермолова) комитет не смог в полной мере исполнять предназначенную ему роль.

Промышленный кризис дал новые аргументы противникам экономической политики министра финансов. Они заявляли, что нарастающее противоречие между промышленным развитием и сельским хозяйством привело к потере потенциала внутреннего промышленного рынка, что экономическая политика С.Ю. Витте была ошибочна, и государство теперь должно поддерживать сельское хозяйство, которое будет основой преобразования экономики России. Например, управляющий земским отделом Министерства внутренних дел В.И. Гурко указал, что искусственное развитие промышленности только отстранило крестьян от земли и в итоге ограничило покупательную способность жителей⁶⁸.

Споры о приоритетах экономической политики обострились после того, как в 1902 г. С.Ю. Витте опубликовал «Финансовый отчет», в котором резюмировал свои «достижения». Он сравнил суммы долга государственной казны и государственной собственности с января 1892 г. по январь 1902 г. и пришел к выводу, что за десятилетие государственный долг сократился на 1,8 млрд руб. Признав существование промышленного кризиса, министр финансов назвал его временным. Он полагал, что дальнейшее строительство железных дорог сыграет важную роль в обеспечении промышленного развития страны.

В вышеупомянутом отчете С.Ю. Витте отметил, что из-за низких урожаев сельскохозяйственные доходы Российской империи за последние пять лет составили менее 1 млрд руб. Но в урожайные годы ее экономика была здоровой, значит, считал министр, его политика содействовала экономическому

развитию России, и необходимо было перейти от развития сельского хозяйства экстенсивного (натурального) к интенсивному. Этот процесс будет сопровождаться «перетоком» собственности от одной группы к другой. С.Ю. Витте пообещал позаботиться о неблагополучных группах, которые могли пострадать от этого «перетока», заявляя при этом, что будет «неправильно рассматривать экономические трудности определенных социальных групп как кризис страны»⁶⁹.

Многие представители дворянства не соглашались с такой точкой зрения министра, обрисовавшего мрачную перспективу для дворян. Например, П.А. Бадмаев считал, что политика С.Ю. Витте нарушала развитие национальной аграрной экономики; из-за введения золотого монометаллизма произошли падение цены на хлеб и повышение на промышленную продукцию за счет политики защитных тарифов независимо от спроса на внутреннем рынке. В результате, по заключению Г.В. Бутми, – упадок сельского хозяйства и нищета помещиков. Для строительства железных дорог, считал Г.В. Бутми, С.Ю. Витте использовал сокращение доходов крестьян и увеличение прямых налогов, что дало ему 1 млрд руб., которые следовало вернуть народу. Об этом же 4 февраля 1902 г. утверждалось на заседании Частного совещания о нуждах российской машиностроительной промышленности. Тогда же в газетах появились критические замечания в адрес С.Ю. Витте, стала продвигаться идея о том, что направление проводившейся им политики должны именно определять помещики⁷⁰.

Таким образом, неприятие дворянством экономической политики министра финансов было постоянным, и спор о будущем ее направлении не затихал. Помещики опасались, что упадок сельского хозяйства приведет к потере их собственных привилегий.

В конце 1890-х гг. некоторые чиновники высокого ранга выражали сомнения относительно программы С.Ю. Витте, полагая, что ее реализация приведет к чрезмерным темпам промышленного развития и породит кризис в сельском хозяйстве. В частности, если в 1899 г. государственный контролер П.Л. Лобко выступал за снижение тарифов для ускорения отечественной промышленности, то в 1901 г. он уже заявлял, что промышленное развитие несовместимо с покупательной способностью отечественного рынка. Чиновник утверждал, что, используя защитные тарифы, госзаказы и иностранные капиталовложения, удалось искусственно ускорить развитие промышленности. Правительство России приняло эффективные меры в этом направлении, но они были приняты в ущерб интересам сельского хозяйства. П.Л. Лобко признавал, что реальная ситуация вынуждала предпринимать быстрые шаги по приоритетному развитию отдельных направлений экономики. Но он также считал, что решение этих проблем выходило за рамки возможностей современного поколения. Поэтому, по его мнению, политика ускоренного развития промышленности должна быть остановлена. В 1903 г., критикуя политику С.Ю. Витте, П.Л. Лобко придерживался мнения, что активизация развития промышленности должна быть построена на основе преобразований в области сельскохозяйственной отрасли. Он считал, что государство должно прекратить оказывать помощь предприятиям, пострадавшим от кризиса.

Похожее мнение высказал крупный чиновник и государственный деятель П.Х. Шванебах. Он раскритиковал инициированные бывшим министром финансов И.А. Вышнеградским (1882–1889) и унаследованные С.Ю. Витте усиленные монетарные реформы и последовавшую за ними политику усиленного налогообложения крестьян и массового вывоза зерна. П.Х. Шванебах указал, что экономический упадок крестьян Черноземья и Поволжья напрямую связан с монетарными реформами, и что государство не должно обременять крестьян после голода 1891 г. Он утверждал, что до 1890-х гг. помещики придерживались гуманитарного подхода к экономическому развитию, но под влиянием роста экспорта хлеба они стали сдавать землю в аренду крестьянам. Хотя П.Х. Шванебах соглашался с тем, что принятые С.Ю. Витте меры по установлению стабильного внутреннего потребления и развитию промышленности являлись лучшим способом решения аграрных проблем России, он указывал, что в деревнях Центральной и Восточной России по-прежнему преобладала естественная экономика. Если же «заставить» ее выйти на уровень западноевропейских стран, она неизбежно приведет к конфликтам и росту бедности в сельских районах⁷¹. П.Х. Шванебах считал, что эволюция промышленности России займет от 25 до 30 лет. В этой ситуации сельскохозяйственным регионам, особенно центральным, была необходима передышка, поскольку их продолжавшееся оскудение ставило под угрозу финансовое положение страны в целом. Чиновник не возражал против привлечения иностранного капитала, но оно должно было осуществляться под контролем Российского государства. В то же время он выразил сомнение в том, что золотой монометаллизм и экспорт продуктов питания выгодны сельскому хозяйству, заключая, что золотой монометаллизм может быть в какой-то степени введен для стимулирования сельского хозяйства, но в любом случае, его поддержание должно стать опорной точкой государственной политики.

Таким образом, даже в Министерстве финансов не было единодушия по поводу содержания экономической политики С.Ю. Витте, высказывалось мнение, что будущее экономического развития Российской империи – в «сельскохозяйственном» направлении.

Как надо развивать сельское хозяйство

В 1890-е гг. в правительственных кругах шли дискуссии на тему аграрной политики в России, поскольку общей программы развития сельского хозяйства не существовало: велись дебаты о хлебной торговле, строительстве железных дорог, сельскохозяйственном кредите, а также о задаче и собственности Крестьянского и Дворянского поземельного банков.

С весны 1902 г. обсуждение вопросов экономической политики перешло к Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Как отмечал С.Ю. Витте, на совещании обсуждались темы «хлебной торговли», «строительства железных дорог», «сельскохозяйственного кредита» и т.д. Министр предложил два варианта решения проблем сельского хозяйства⁷²: первый – создать комитет, чтобы улучшить экономическое положение крестьян,

второй – помимо создания комитета, провести Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. С.Ю. Витте вновь заявил, что его политика оказывает медленное воздействие на развитие сельского хозяйства и не может быть поспешной. По его мнению, Особое совещание было призвано не ускорить развитие сельского хозяйства, а лишь обсудить основные меры по решению соответствующих проблем и устранить жалобы на то, что правительство не уделяет достаточного внимания этой отрасли⁷³.

«Одним из важнейших вопросов нашей программы» С.Ю. Витте назвал проблему организации хлебной торговли. Уже в 1880–1890-х гг. помещики требовали активного государственного вмешательства в хлебную торговлю, которое обеспечило бы им стабильно высокие цены на зерно. Учитывая это, С.Ю. Витте поручил М.М. Федорову (в тот момент редактору «Вестника финансов») составить от имени ведомства записку на данную тему. Она получила название «Значение правильной организации хлебной торговли, условия, которым она должна удовлетворять, и меры к постепенному введению в России организованной хлебной торговли»⁷⁴.

Характеризуя условия международной хлебной торговли, к которым России нужно было приспособиться, М.М. Федоров в данной записке отметил длительное понижение цен на зерно (лишь смягчившееся в последние годы) и их все большую нивелировку. Он не считал начавшийся подъем цен прочным и подчеркивал благотворность низких цен для народного хозяйства. Притязания сельских хозяев на обеспечение высоких цен с самого начала отклонялись, поскольку целью упорядочения хлебной торговли было ее удешевление, приспособление к низким ценам. Выражая позицию Министерства финансов, М.М. Федоров называл требование ввести государственную монополию хлебной торговли роковым заблуждением, настаивая, что она «может быть исключительно делом лишь частной предприимчивости». Одновременно в записке отвергалась популярная в помещичьей среде идея выхода на рынок самих производителей зерна. Редактор «Вестника финансов» неоднократно подчеркивал, что такой выход чреват неизбежной неудачей из-за отсутствия у помещиков специальных знаний, а производство хлеба и торговля им – это разные функции, и не следует нарушать принцип разделения труда. В то же время Министерство финансов опасалось господства хлеботорговцев. М.М. Федоров писал о нежелательности повторить в России опыт США, где «крайне капиталистическое начало, стремление к колоссальным организациям» привело к подчинению фермеров хлеботорговым монополиям.

Из всего этого вытекал рисуемый в записке идеал: создание объединений каждой из заинтересованных в хлебном деле групп – производителей, владельцев элеваторов, транспортных обществ, кредитных учреждений и торговых ассоциаций (бирж, мукомолов, экспортеров и т.п.) и их совместное участие в единой хлеботорговой организации, которая предлагалась в форме областных и всероссийских съездов биржевых деятелей и сельскохозяйственных союзов. Задачами объединений производителей (сельскохозяйственные союзы и их кооперация) в записке объявлялись организация хранения хлеба на местах и устройство кредита под него. При этом М.М. Федоров отвергал как «очевидное заблуждение» мысль, будто хранение хлеба и образование его

обширных запасов составляют задачу государства. Автор выступал вообще против долговременного хранения помещичьего хлеба в элеваторах, поскольку тем самым в торговлю вводился бы «чрезвычайно опасный элемент крупных партий сложенного в зернохранилищах, обремененного ссудным процентом и расходами хранения зерна, которое может только понижательно давить на рынок». В записке проводилось разграничение между элеваторами, обеспечивавшими нужды хлебной торговли, и зернохранилищами на местах, выдававшими ссуды под хлеб лишь в крайних случаях для предотвращения его немедленной продажи. Союзам сельских хозяев рекомендовалось заняться устройством именно таких местных хранилищ (запасы, которые трудно поддавались бы учету и потому не давили бы на рынок), причем на эти цели Министерство финансов обещало казенные субсидии или содействие получению займов. Что же касается крупных торговых элеваторов, то М.М. Федоров, продолжая прежнюю линию министерства, отказывался рассматривать их как «единственную основу правильной организации хлебной торговли» и доказывал, что, напротив, сначала должна быть создана хлеботорговая организация, а затем элеваторы «стали бы возникать на частные средства»⁷⁵.

В записке указывалось, что самоустранения государства от хлеботоргового дела Министерство финансов не провозглашало (это противоречило бы всем принципам С.Ю. Витте и природе российской бюрократии). Оно хотело возложить на правительство лишь заботы об условиях хлебной торговли (развитие почтово-телеграфного дела, транспорта, статистики) и обеспечить возможность административного вмешательства во всех случаях, когда это будет сочтено необходимым.

Однако министерство не собиралось перекладывать на государство ответственность за саму хлебную торговлю, и в записке М.М. Федорова подчеркивалось, что дело центральной власти – лишь помочь всем заинтересованным в этой торговле группам организовать и установить прочную связь между собой⁷⁶.

Таким образом, если Министерство финансов исходило из необходимости свободного развития капиталистических отношений в хлебной торговле как условия ее приспособления к мировому рынку, то помещное дворянство продолжало добиваться прямых казенных пожертвований в свою пользу и государственной защиты от капиталистически функционировавшей торговли. Путь к «упорядочению» хлебной торговли помещики видели в создании союзов сельских хозяев, которые через свои объединения, земства или специальную правительственную организацию взяли бы в свои руки и внутреннюю, и внешнюю торговлю зерном. Естественно, помещное дворянство выступило против допуска частного капитала в элеваторное дело, поскольку это привело бы к усилению позиций хлеботорговцев. Ряд сельскохозяйственных обществ Черноземного центра развивали идею изоляции внутреннего и внешнего рынков, считая возможным в таком случае установить на внутреннем рынке цены, не связанные с мировыми. Авторы составленного в Министерстве финансов свода отзывов на записку М.М. Федорова констатировали, что все эти меры исходили из желания обеспечить землевладельцам определенный доход вне мировых условий спроса и предложения, причем планировалось создание раз-

личных организаций, действующих в интересах помещиков, за счет собираемых с крестьян налогов.

По этой программе в местных комитетах (о нуждах сельскохозяйственной промышленности) обсуждалась идея земских хлебных банков. Они вели бы комиссионную торговлю хлебом и за свой счет создавали бы хлебохранилища и выдавали бы варранты (ценные бумаги, дающие держателю право покупать пропорциональное количество акций по оговоренной цене в течение определенного промежутка времени), учитываемые затем коммерческими банками. Создание подобных банков было возможно только при содействии казны.

Наиболее грандиозным стал проект российского экономиста, издателя и редактора, доктора финансового права, профессора Харьковского и Петербургского университетов П.П. Мигулина, предлагавшего создать смешанный государственно-частный Сельскохозяйственный банк с капиталом в 100 млн руб. и правом выпуска непогашенных облигаций типа рентных бумаг. Банк должен был действовать в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ, а не Министерства финансов) и заниматься мелiorативным кредитом и хлебной торговлей, причем экономист рассчитывал, войдя в соглашение с американскими экспортёрами, диктовать мировые цены⁷⁷.

Скорее всего, уже в это время П.П. Мигулин был связан с определенными бюрократическими кругами, потому С.Ю. Витте счел нужным подготовить материалы, опровергавшие проект, присланный профессором в Особое совещание.

В записке С.И. Тимашева (товарища управляющего Государственным банком) подчеркивалась переполненность денежного рынка ипотечными обязательствами, вследствие чего бумаги Сельскохозяйственного банка не могли бы найти спроса и «осели» бы в портфеле сберегательных касс (это признавал и П.П. Мигулин). Значит, произошел бы не прилив в сельское хозяйство новых средств, а началось бы лишь их перераспределение между старыми ипотечными банками и «мигулинским детищем». Также, отмечая тщетность надежд П.П. Мигулина привлечь к своему банку новые капиталы, член Совета министра финансов И.И. Кауфман высмеивал намерение профессора «укротить торговлю, подчинив ее некоторого рода монгольскому игу»⁷⁸.

Записка Министерства финансов вызвала возражения ведомства земледелия (МЗиГИ). Собственной экономической программы оно не имело, а мнения его главы А.С. Ермолова было недостаточно. Тем не менее МЗиГИ не преминуло отметить, что Министерство финансов предлагает в основном меры по созданию общих благоприятных условий для хлебной торговли, которые уже составляют «программу деятельности целых ведомств», и никакое «торжественное подтверждение» этой программы не обеспечит дополнительного финансирования при чрезвычайно напряженном бюджете. Реальными, следовательно, остались только соображения Министерства финансов об организации «самодетельности среди лиц, прикосновенных к хлебной торговле». Здесь авторы записки МЗиГИ были абсолютно правы. В числе причин, в силу которых С.Ю. Витте выступал против участия казны в хлеботорговых операциях, не последнее место занимало отсутствие необходимых для этого средств.

Но МЗиГИ, всегда объявлявшее краеугольным камнем своей политики опору на общественную самодеятельность, вынуждено было признать, что пока оно таковой не располагает. В силу «свойств наших сельских хозяев» кооперативные начала в помещичьей среде слабо распространялись, и для их внедрения в жизнь нужны были налоговые и кредитные льготы и прочие «воспособления» от казны.

На заседаниях Особого совещания помещичьи притязания были поддержаны министром внутренних дел В.К. фон Плеве. «На первом месте, — заявил он сразу после начала прений о хлебной торговле 8 февраля 1903 г., — должны быть поставлены интересы именно производителей, увлекаться же заботами об удобствах и увеличении прибылей хлебо-торгового класса я считал бы неправильным». В.К. фон Плеве прямо призывал «принести в жертву интересам производителей интересы существующих ныне между ними и рынками промежуточных посредников». «Смазывая» различие интересов помещиков и крестьян, министр говорил о необходимости попечительной заботы правительства о деятельности земледельческого класса в целом. С.Ю. Витте немедленно выступил с возражениями. Признав распространенность в России высказанных В.К. фон Плеве идей, он, заявил, что «ни учение политической экономии, ни опыт иностранных государств» не дают ответа на вопрос, как поставить «на первый план интересы производителя», передав в его руки прибыли торговцев. В ответ товарищ министра внутренних дел А.С. Стишинский и член Государственного совета Н.Н. Герард предложили шире использовать для регулирования цен казенные закупки, как это уже практиковалось в 1890-х гг.

В.К. фон Плеве напомнил и о разработанном в его комиссии 1888 г. плане элеваторной сети, которая давала бы производителям обширного района возможность принять непосредственное (без торговцев) участие в хлебном экспорте⁷⁹.

Против первой идеи выступил не только С.Ю. Витте, но и А.С. Ермолов, успевший к тому времени понять, что скупка хлеба в урожайные годы ради сохранения высоких цен может в дальнейшем лишь усилить тенденции их понижения. Эта точка зрения нашла отражение и в журнале Совещания, где отмечалось, что «покупка хлеба за счет казны для нормировки <...> цен может только внести расстройство» в торговлю. В элеваторном вопросе С.Ю. Витте признавал сооружение их в портах (на что соглашался ассигновать 20–25 млн руб.) и отчасти при железных дорогах, но по-прежнему считал преждевременным создание «правильной сети элеваторов от пунктов первоначальной погрузки хлеба на железные дороги до вывозных портов» и добился включения этой формулировки в журнал Совещания. Такое решение вопроса удовлетворяло в первую очередь интересы хлеботорговцев. Центральный для помещиков вопрос о ссудах под неподвижный хлеб был фактически скомкан Совещанием, лишь подтвердившим старую установку Государственного банка, отказывавшего в кредите под зерно в амбаре заемщика⁸⁰.

Не поддержав требования российских аграриев усилить роль государства в хлебной торговле, Совещание с настороженностью отнеслось и к проектам развития «общественной самодеятельности», даже когда речь шла о чисто экономических интересах помещиков и купечества. Вопрос о создании коопера-

ции сельскохозяйственных союзов был передан на усмотрение Сельскохозяйственного совета МЗиГИ, а о созыве съездов биржевых деятелей – в особую комиссию. Подобный исход не устраивал Министерство финансов, считавшее именно объединение хлеботорговцев наиболее достижимым и желательным результатом обсуждения хлеботоргового дела.

Уже в ноябре 1903 г. при министерстве было создано Всероссийское совещание биржевых комитетов, а в 1904 г. создано их временное бюро «для обсуждения и разработки вопросов, касающихся нужд и пользы биржевой торговли как внутренней, так и внешней, в частности же хлебной и другими сельскохозяйственными продуктами».

30 мая 1905 г. Николай II утвердил «Положение о съездах представителей биржевой торговли и сельского хозяйства». Однако в изменившихся после революции 1905–1907 гг. условиях деятельность этих съездов значительно отличалась от той, которую планировало для них Министерство финансов в 1902 г.

Считая малоэффективными прямые вложения в сельское хозяйство, С.Ю. Витте, как и раньше, предпочитал воздействовать на последнее через общее экономическое развитие страны (главным рычагом которого оставалось железнодорожное строительство) и организацию хлебной торговли. Как известно, министр активно участвовал в разработке и реализации железнодорожной политики еще до того, как вышел на политическую арену. После поступления на службу в Министерство финансов он использовал тарифы для приведения в соответствие и для удовлетворения потребностей сельхозпроизводителей, потребителей и экспортеров. В 1893 г. им была введена новая система налога на зерно, транспортируемое по железной дороге с той целью, чтобы поступление хлеба в центральных сельскохозяйственных районах удовлетворяло внутренние потребности страны, а хлеб в ее отдаленных районах шел на экспорт. Кроме этого, министр часто менял фрахтовые ставки, даже делая их ниже стоимости перевозки, что являлось тайной субсидией производителям и продавцам. Для обеспечения занятости в промышленности и сельском хозяйстве и стимулирования миграции на Восток России в 1894 г. Витте резко снизил тарифы на III и IV вагоны, что привело к росту пассажиропотока и значительно стимулировало перемещение населения.

Железнодорожная политика С.Ю. Витте подвергалась критике со стороны его противников из аграрного лагеря, а бюджетное перенапряжение делало невозможным продолжение казенного строительства в прежних размерах. Поэтому для министра было важно, чтобы и Совещание поддержало его установку на дальнейшее расширение железнодорожной сети, которое он аргументировал, в частности, заботой о повышении земельной ренты. С.Ю. Витте предложил увеличить арендную плату, но в этом вопросе его оппонентами выступили председатель Московского общества сельского хозяйства А.Г. Щербатов (сетовавший, что железные дороги уничтожают натуральный строй хозяйства) и государственный секретарь В.Н. Коковцов (обеспокоенный трудностями финансового обеспечения строительства). В результате на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности признали, что решение соответствующей проблемы не имело ничего общего с транспортом, поэтому С.Ю. Витте был вынужден временно приостановить строительство железной дороги.

После того, как возникли трудности с созданием государственных железных дорог, С.Ю. Витте попытался увеличить в них вложения частного капитала, но это потребовало изменений существующих условий железнодорожного строительства. Министр надеялся способствовать развитию металлургической промышленности за счет ускорения строительства железных дорог, а затем — избавиться от промышленного кризиса. Эта идея играла важную роль в политике строительства местных железных дорог. Сама по себе идея сооружения дешевых железных дорог местного значения была выдвинута С.Ю. Витте еще в 1894 г. В тогдашней записке Министерства финансов справедливо отмечалось отрицательное влияние бездорожья на состояние сельского хозяйства. Из трех видов местных путей — гужевых, водных и железнодорожных — последний представлялся министру наиболее перспективным для быстрого решения проблемы, причем имелось в виду строительство дорог облегченного типа (примерно в три раза дешевле магистральных). Таким образом, для С.Ю. Витте ликвидация бездорожья означала не обеспечение крестьян удобными путями сообщения, а лишь соединение с основными транспортными магистралями внутренних центров торговли.

Уже тогда строительство местных дорог рассматривалось министром не только как формирование рынка для тяжелой индустрии, в этой связи он предлагал не допускать ввоза из-за границы рельсов и подвижного состава. Государственный совет согласился с его соображениями и решил выделить 10 млн руб. на строительство магистральных путей. Отчасти это объяснялось сложностью организации строительства сети местных дорог, отчасти тем, что магистральные пути представляли собой наиболее удобный рынок для металлургических заводов, не требующий переоборудования ради проката рельсов облегченного профиля и т.п.⁸¹

В 1902 г. подготовленный по инициативе С.Ю. Витте устав второстепенных дорог был рассмотрен в комиссии под председательством главы инженерного совета Министерства путей сообщения (МПС) В.В. Салова и в мае 1903 г. вынесен на Совецание. Однако сразу же выяснились глубокие разногласия среди его участников. Все члены Совещания признавали важность развития местной дорожной сети для сельского хозяйства. «Каждый поступательный шаг хозяина по пути сельскохозяйственного прогресса, — говорилось в журнале Совещания, причем слово «хозяин» выдавало преимущественную заботу о помещике, — оказывается в прямой зависимости <...> прежде всего <...> от состояния путей сообщения». Но С.Ю. Витте и В.В. Салов при этом понимали под путями сообщения главным образом железные дороги, а В.К. фон Плеве, А.С. Ермолов и представители МПС — гужевые дороги. «Железнодорожный путь, построенный исключительно в расчете на земледельческие грузы, будет всегда убыточен», — говорил товарищ министра путей сообщения В.А. Мясоедов-Иванов, а С.А. Ермолов доказывал, что для сельского хозяйства требуются либо магистральные линии на большие расстояния, либо короткие подъездные гужевые пути.

Возражения А.С. Ермолова, В.К. фон Плеве и других имели под собой основания. Комиссия В.В. Салова, на самом деле, сомневалась в фискальных резервах России. Был предложен план, осуществимость которого вызывала

сомнения с организационной и финансовой сторон. Предполагалось строить в год по 2 тыс. верст облегченных железных дорог, причем ответственность за это возлагалась на земства. 50% стоимости дорог безвозвратно оплачивала земствам казна, еще 25% она же им ссужала, а 25% должны были внести частные предприниматели, которым земство сдавало работы в концессию. Если земство бралось за сооружение дороги само, эту часть капитала ему тоже ссужала казна. Земства опыта подобного предпринимательства не имели, а частные капиталы можно было привлечь только гарантией устойчивой доходности, которую сезонные перевозки зерна не обеспечивали. Если же строительство все же пошло бы, оно потребовало бы от казны ежегодного расхода в 60–70 млн руб. С этой стороны неразумно было тратить большую часть денег на строительство железной дороги. Но С.Ю. Витте и рассчитывал на то, что местные железные дороги будут строиться не только земствами, а с учетом притока и хлебных, и промышленных грузов. Министру нужны были железные дороги, и он, считавший копейки, когда речь шла о мелиорации, здесь был демонстративно щедрым. Он откровенно разъяснял, что лучше тратить деньги на такое полезное дело, как сооружение местных дорог, чем на что-либо другое.

Чтобы создать железную дорогу, С.Ю. Витте, однако, пришлось замаскировать расход на ее строительство. Для этого ему было удобно использовать земство как ширму, и потому он так упорно противился стремлению МПС сохранить местные дороги в своем ведении. Земства в глазах помещиков и бюрократии выглядели бы «единственными предпринимателями, способными осуществлять сооружение железных дорог местного значения в интересах сельского хозяйства». На деле дороги прокладывались бы и с учетом потребностей промышленности. Ассигнования на «земские» дороги шли бы по смете МВД, отдельно от общих железнодорожных расходов, их труднее было бы сократить, а С.Ю. Витте на основании собственного опыта уже знал, что средства, не переданные формально в руки местных властей, всегда могут быть перенесены в государственном бюджете на другие цели. С большим трудом С.Ю. Витте удалось склонить большинство членов Совещания в пользу предоставления земствам права самим строить железные дороги или привлекать к этому частных концессионеров и в пользу передачи построенных дорог в ведение МВД. Это мнение большинства С.Ю. Витте сумел подкрепить и резолюцией Николая II. Одновременно в журнале Совещания предусматривалось право железнодорожных компаний строить местные рельсовые пути и независимо от земств. Здесь министр открывал дорогу частному капиталу, если тот сочтет дело выгодным⁸².

В 1902 г. на Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности начали дискуссию МВД и Министерство финансов о задачах и собственности Крестьянского и Дворянского банков. В 1900 г. операции Крестьянского банка по покупке земли за свой счет, продленные на 10 лет, все больше втягивали его в переселенческую политику. Это вызвало объективную необходимость согласования деятельности банка и Переселенческого управления МВД. При этом С.Ю. Витте рассчитывал увеличить роль банка в «аграрной политике государства», а В.К. фон Плеве – подчинить его деятельность целям своего ведомства. Министр внутренних дел считал необходимым пре-

кратить помощь банка при покупке крестьянами помещичьих земель в пределах великорусских и малороссийских губерний и использовать тягу крестьян к земле в целях русификаторской политики в районах польского землевладения и в Закавказье, а также для освоения слабо населенных районов Заволжья. Кроме того, В.К. фон Плеве видел задачу Крестьянского банка не в содействии развитию крестьянского хозяйства, неизбежно связанном с выделением зажиточной верхушки, а в предотвращении полного разорения бедноты⁸³. Это практически означало отказ от коммерческих принципов деятельности банка и превращение его в землеустроительно-попечительное учреждение, требующее постоянных казенных дотаций. Одновременно обострился конфликт С.Ю. Витте и В.К. фон Плеве из-за Дворянского банка, в ходе которого министр финансов категорически отрицал возможность новых льгот его заемщикам и предлагал ориентировать банк на кредитование средних и мелких помещиков. В этих условиях В.К. фон Плеве предпринял попытку вообще перевести Крестьянский и Дворянский банки в ведение МВД. Министерство финансов, вынужденное согласиться на большее участие МВД в определении политики Крестьянского банка, отказывалось возложить на банк непосредственные землеустроительные функции, доказывая, что он в таком случае неизбежно утратит твердую почву в финансовых расчетах. Это привело к искусственному разделению функций банков, которые должны были быть объединены во многих местах. Это значительно ограничило фактические функции Крестьянского и Дворянского банков.

В 1894 г. в целях усиления модернизации сельскохозяйственного производства в России Министерство государственных имуществ (МГИ) было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Хотя у данного министерства нет полного видения развития сельского хозяйства, оно пыталось определить все дела, связанные с этой отраслью. Конфликты между Министерством финансов и МЗиГИ были неизбежны.

В этот период МГИ (затем МЗиГИ) заведовал А.С. Ермолов. Он осознал взаимосвязь между промышленностью и сельским хозяйством, т.е. последнее может развиваться только при условии развития всех отраслей экономики. Но министр не сформулировал конкретный план содействия развитию сельского хозяйства. Это происходило не только из-за неспособности на это А.С. Ермолова, но из-за невнимания самодержавия к проблеме развития сельхозотрасли в целом.

А.С. Ермолов согласился со стратегией С.Ю. Витте о развитии, прежде всего промышленности. Но в отличие от этой стратегии, отдававшей приоритет развитию горнодобывающей и металлургической промышленности, А.С. Ермолов считал, что нужно начинать с кустарничества и мелкого производства. Кроме того, он полагал, что пострадавшая от мирового аграрного кризиса Россия должна стать «могучим защитником» сельского хозяйства. Что касается конкретных мер, А.С. Ермолов сначала взял на себя обязательство по улучшению почвы на государственных и частных землях, а затем сформулировал идею мелиоративного кредита, гарантированного и финансируемого государством. Он считал, что такая политика действительно сможет принести пользу фермерам.

Но С.Ю. Витте придерживался противоположного мнения. Во-первых, он сомневался в существовании так называемого мирового аграрного кризиса, считая, что тот кроется в слабой продаже сельскохозяйственной продукции, а развитие промышленности будет открывать внутренний рынок. Во-вторых, министр выступал против прямых инвестиций в сельское хозяйство. Он считал, что правительство должно создавать сельскохозяйственные кредиты, строить железные дороги и, что наиболее важно, расширять внутренний рынок за счет развития промышленности, чтобы медленно и постепенно реализовывать сельскохозяйственные инновации. Кроме того, С.Ю. Витте думал, что инвестиции в эту отрасль должны быть сконцентрированы в сфере производства, а мелиоративный и краткосрочный кредиты помещикам, очевидно, не попадали в эту категорию. Он даже указал, что предоставление таких кредитов помещикам совершенно бессмысленно – лишняя трата денег.

С.Ю. Витте был убежден, что «укрепление производства продуктов больше не имеет смысла». Он также отметил, что любые инвестиции и кредиты для сельскохозяйственного производства не помогут, а основным виновником снижения цен на хлеб является российская система землеустройства. Придерживаясь этой точки зрения, министр финансов отклонил серию запросов на выделение средств, поданных МГИ. Например, в 1893 г. МГИ подало заявку на проведение орошения к югу от линии Самара – Воронеж – Барт, для чего обратилось в Министерство финансов за стартовым финансированием в размере 200 тыс. руб. Сумма была относительно невелика. Витте не возражал против этого плана. Государственный совет также поддержал его план, но одновременно посчитал, что МГИ «не имеет общего плана с точки зрения улучшения почвы и благосостояния России». В том же году А.С. Ермолов представил план исследования верховьев Волги, Западной Двины, Днепра, Дона и других рек в центральном районе Европейской части России, чтобы восполнить это упущение. Он изучал статус различных рек и предлагал сажать деревья, чтобы сохранить воду и почву и улучшить способность рек вверх по течению противостоять весенним паводкам. Но с тратами на реализацию этого плана (даже если МГИ и установит ежегодное финансирование обследования в размере 40 тыс. руб.⁸⁴) Министерство финансов не согласилось.

В конце 1896 г. А.С. Ермолов подал еще одну заявку, надеясь осуществить план улучшения почвы в южной и юго-восточной Европейской части России, чтобы собрать весенние паводки и дождевую воду для орошения земель. МЗиГИ была известна основная позиция Министерства финансов по вопросу государственных расходов. Поэтому МЗиГИ, подчеркивая свою ответственность относительно доходов от государственной земли, заявило, что намерено использовать гидрологические станции в Самаре, Херсоне и подало заявку на 1,4 млн руб. на пятилетний период. Что касается помощи помещикам и крестьянам, то МЗиГИ решило предоставлять только технологии, а связанные с этим расходы должны были нести сами помещики и крестьяне. Однако С.Ю. Витте выразил сомнение в способности данного министерства осуществить эту систему. Государственный совет не поддерживал

безразличную позицию Министерства финансов в отношении сельского хозяйства и надеялся, что МЗиГИ подаст пример помещикам и будет продвигать экономические культуры на землях в Европейской части России. Таким образом, Госсовет утвердил финансирование МЗиГИ в размере 200 тыс. руб. в 1897 и 1898 гг., но не гарантировал продолжать финансирование в будущем⁸⁵. Однако из-за слабой работы МЗиГИ еще к 1900 г. ассигнования 1898 г. не были использованы. Начатые проекты оказались дорогими и некачественными. С 1900 г. из-за конфликта между Японией и Россией, последняя была вынуждена урезать бюджетные расходы. В 1902 г. Государственный совет посчитал, что при орошении в Европейской части страны следует рассчитывать не на государство, а на помещиков, т.е. они должны были сами собирать средства.

Из-за того, что Министерство финансов последовательно отклоняло несколько заявлений МЗиГИ, члены аграрного сообщества обвинили С.Ю. Витте в том, что он не заботится о жизни крестьян. В 1899 г. министр ответил, что, если МЗиГИ разработает план помощи крестьянам в Центральном регионе, Министерство финансов предоставит необходимую финансовую поддержку. Но МЗиГИ не смогло сформулировать такой план, и при попустительстве А.С. Ермолова помещики контролировали работу Сельскохозяйственной конференции при МЗиГИ. На конференции не предоставили такого плана, в итоге С.Ю. Витте отказался выделить средства.

Столкновением интересов МВД и Министерства финансов закончилось разрешение проблемы сельскохозяйственного кредита. МЗиГИ после поражения проекта «орошения» больше не ожидало, что напрямую будет получать деньги для сельского хозяйства, и возложило основные надежды на мелиоративный кредит. В то же время, поскольку количество крестьян, добровольно покидавших деревню, постепенно увеличивалось, С.Ю. Витте предложил отложить рассмотрение правовых отношений их собственности. Он предсказал, что кредитные агентства будут медленно развиваться в сельской местности, поэтому был готов поддерживать такие кредиты в ограниченном диапазоне. Но В.К. фон Плеве предупредил, что мелкий кредит нужно распределять очень осторожно. Он считал, что задача такого кредита — не только защита «крестьян на грани разорения», но и поддержка богатых. Таким образом, форма кредитного учреждения также имела двойственные характеристики: кредитные сберегательные кассы и кредитные кооперативы существуют и находятся в ведении Министерства финансов и МВД соответственно⁸⁶. Вследствие классового характера кредитной сберегательной кассы в результате большому количеству простых людей негде было брать ссуды. В результате они были вынуждены обращаться к кредитным кооперативам, что снизило эффективность проводимой политики⁸⁷.

В.С. Дякин отмечал, что мелиоративный кредит, выданный МЗиГИ, предназначался «для пользы фермерам», но на самом деле «пользу уже давно забрали помещики». Что же касается краткосрочного кредита, то МЗиГИ хотя и надеялось спасти крестьян, на самом деле защищало интересы помещиков. Формально меры по подъему сельского хозяйства, о которых говорилось в МЗиГИ, подчеркнул В.С. Дякин, должны были распространяться и на кре-

стьян, но реальную выгоду от них в условиях конца XIX в. могли получить преимущественно помещики⁸⁸.

Но в это время Министерство финансов перешло от разовой государственной помощи крестьянам к активной (для преодоления ими трудностей) и главное – стимулировало их инициативу. С 1894 г. правительство пыталось облегчить переселение крестьян в отдаленные районы. Это совпадало с переселенческим планом С.Ю. Витте. Также он активно участвовал в пересмотре новых паспортных правил для облегчения свободного передвижения крестьян. В положении Крестьянского банка 1895 г. министр зафиксировал пункты, позволявшие банкам приобретать земельные участки помещиков за свои собственные счета и перепродавать их крестьянам.

1 июня 1895 г. было обнаружено «Положение о мелком кредите», предусматривавшее создание сберегательно-ссудных учреждений и создание банковских отделений для предоставления ссуд мелким производителям. Хотя вышеупомянутые меры все еще являлись восстановлением прежней сельскохозяйственной политики, они не касались землевладения в деревне. Но С.Ю. Витте признал, что «весь хаос в деревне» коренился в бесправии крестьян⁸⁹. В 1897 г. министр финансов в отчете о государственном бюджете подчеркнул, что неуместно игнорировать неудобств законов и экономической жизни у крестьян. Он считал, что именно такая ситуация ограничивала инициативу и независимость, не позволяя им в полной мере использовать ссуды, что в итоге замедляло подъем сельского хозяйства. С.Ю. Витте понял, что самодержавие было одержимо консервативной политикой и не могло прямо и публично критиковать деревенскую общину. Поэтому министр только косвенно выражал недовольство общиной.

Оказавшись в августе 1903 г. в опале и получив отставку с поста министра финансов, С.Ю. Витте на некоторое время утратил возможность активного воздействия на правительственную политику. Но после убийства в июле 1904 г. В.К. фон Плеве, на волне общественного возбуждения, последовавшей после ряда поражений в Русско-японской войне и повлекшей перегруппировку сил в правительстве, Сергей Юльевич вновь оказался в эпицентре политических событий.

Указ от 12 декабря 1904 г. обещал продолжение курса на преобразования. В частности, он поставил задачу «привести законы о крестьянах к объединению с общим законодательством империи» с целью превращения крестьян в «полноправных сельских обывателей». Тем самым, во-первых, специально подчеркивалась роль Особого совещания как центра разработки программы преобразования деревни, во-вторых, санкционировалась реорганизация возглавлявшегося С.Ю. Витте Комитета министров, который из безвластного совещательного органа должен был превратиться в едва ли не главный руководящий центр по выработке политических реформ.

Таким образом, к 1905 г. у правительства было два варианта аграрной реформы. Однако ни один из них не был реализован, хотя был накоплен огромный фактический материал, имелся большой опыт подготовки и проработки законодательных проектов. На самом деле проблемы сельского хозяйства были отложены, с конца века аграрный кризис становился все более ощутимым⁹⁰.

Деньги для сельского хозяйства

Из-за нехватки средств у большинства дворян и крестьян дебаты среди представителей российской правящей элиты относительно будущего направления экономического развития страны превратились в дискуссию о выделении денег для сельского хозяйства. Однако на эти цели государство напрямую не выделяло средств. Поэтому необходимо было создать сельскохозяйственный кредит. С.Ю. Витте очень гордился своим решением развивать кредитное дело: «Надеюсь, что финансовая история признает <...> никогда кредит России на международных и отечественных денежных рынках не стоял так высоко, как он стоял, когда я был министром финансов»⁹¹. Благодаря его усилиям, Россия, чтобы изыскать необходимые средства, выдавала сельскохозяйственные кредиты одной стране за другой.

Мелиоративный кредит

А.С. Ермолов, возглавляющий МЗиГИ, поддерживал позицию С.Ю. Витте, что должно развивать горнодобывающую и металлургическую промышленность, и для этого нужно было привлечь иностранный капитал. Одновременно он считал, что в условиях долгосрочной «искусственной поддержки перерабатывающей отрасли» экономика не может долго процветать, поэтому России требовалось защитить свое сельское хозяйство. А.С. Ермолов полагал, что работу по улучшению почвы нужно было организовать сначала на государственных и частных землях, затем учредить мелиоративный кредит, а средства получить через государственный заем⁹².

Однако из-за отставания в научных исследованиях, связанных с улучшением почвы, по причине отсутствия специалистов и слабой организации задуманного дела в программе МЗиГИ оказалось много слабых мест. Поэтому С.Ю. Витте легко ее опроверг и выделил минимальные деньги. Принятый в 1896 г. закон о ссуде для улучшения сельского хозяйства не действовал, не было нужно помещикам и орошение.

Серьезные разногласия между Министерством финансов и МЗиГИ возникли относительно мелиоративного кредита. В отличие от подтоварного, мелиоративный кредит представлял собой особую форму, предназначенную для улучшения условий производства сельского хозяйства. В середине XIX в. из-за воздействия мирового сельскохозяйственного кризиса западноевропейские страны срочно нуждались в улучшении технологий и интенсивности аграрного производства. Эти страны взяли на себя инициативу в продвижении мелиоративного кредита. В тот же период и в России признали необходимость создания мелиоративного кредита. В середине XIX в. комиссии председателя Комитета министров В.А. Валуева выступали за полное продвижение мелиоративного кредита, но государственные деятели по-разному понимали его значение. Представители аграрного лагеря стремились распространить этот кредит на все сельскохозяйственное производство, а Министерство финансов пыталось ограничить его.

Летом 1892 г. МЗиГИ планировало реализовать первый проект по улучшению сельскохозяйственных кредитов, но дело застопорилось: соответству-

ющие стороны пообещали, что Государственный банк будет отвечать за данные кредиты, однако в 1894 г. он имел право использовать его, покупая только сельскохозяйственные инструменты. Такая ситуация, конечно, не удовлетворяла А.С. Ермолова, который 17 февраля 1895 г. предложил новый проект мелиоративного кредита. В данном проекте автор подчеркнул вклад сельского хозяйства в развитие страны и заметил, что переход от экстенсивного производства к интенсивному требует больших кредитов. МЗиГИ признало, что полученные помещиками выкупы и подтоварный кредит не были использованы на нужды сельского хозяйства. А.С. Ермолов советовал добавить специальный мелиоративный кредит.

Перед тем как этот план был внесен в Государственный совет, С.Ю. Витте в частном порядке заявил А.С. Ермолову, что он лично не разрешал использовать мелиоративный кредит в качестве спасения помещичьего хозяйства. Министр финансов настаивал: к мелиоративному кредиту относятся деньги, направленные на орошение, деревонасаждение, устройство садов и виноградников, но не на покупку сельскохозяйственных инструментов, виноделие, сельскохозяйственные постройки и улучшение производственных организаций. Госсовет полностью согласился с заявлением С.Ю. Витте, призвав сократить сферу мелиоративного кредита и вкладывать деньги на две отрасли – орошение и деревонасаждение. В 1896 г. был принят Временный указ об улучшении ссуд для сельского хозяйства. Государство ежегодно инвестировало в специальный фонд на осушение, орошение, укрепление берегов рек, виноделие и т.д. Верхний предел кредита составляет 75% стоимости проекта, срок возвращения денег – от 7 до 30 лет при 4% в год⁹³. Закон предусматривал, что кредит был доступен всему сословию. Если заемщик использовал в качестве залога недвижимость, доход и т.д., можно было получить кредит в размере 1 тыс. руб.

Кредитный проект 1896 г. очень разочаровал дворян: сфера мелиоративного кредита была слишком «узкой» и трудно получаемой. С 1897 по 1900 г. данный кредит выдали на общую сумму 349 тыс. руб.⁹⁴

Благодаря неустанным усилиям А.С. Ермолова 29 мая 1900 г. был издан новый указ. Теперь можно было получить кредиты по остальным проектам (помимо прежних кредитных) – для улучшения помещичьего хозяйства, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и закупки племенного животного. Также стал доступен кредит для посадки кормовых трав и приобретения производственных инструментов. Однако хотя сферу кредитов расширили, его сумм не увеличили. Полученная МЗиГИ с 1895 по 1896 г. сумма мелиоративного кредита составляла 1 млн руб. И когда деньги на проект разошлись, С.Ю. Витте обещал, что будет ежегодно добавлять еще 500 тыс. руб.⁹⁵ К концу 1914 г. сумма этого вида кредита составила 4,9 млн руб., что было слишком мало и не могло существенно повлиять на развитие сельского хозяйства.

Подтоварный кредит

Подтоварный кредит – ипотека на недвижимость (в основном на землю), сыгравшая важную роль в возникновении и развитии капитализма в сельском хозяйстве во всех странах. Как правило, подтоварный кредит не является сельскохозяйственным, т.е. это не ссудный капитал, непосредственно использу-

емый для развития сельскохозяйственного производства. Еще до реформы помещики начали широко использовать подтоварный кредит, который в то время носил, в основном общенациональный характер. До отмены крепостного права задолженность дворян перед государственными ипотечными учреждениями составляла 425 млн руб. (1 млрд руб. по курсу рубля на конец XIX в.).

Главные ипотечные учреждения до реформы 1861 г. были упразднены, а долг помещиков вычли из выкупа. После реформы дворяне начали внедрять новые методы ведения бизнеса. Основу системы подтоварного кредита составляли Акционерный коммерческий и Государственный аграрный банки. С 1871 по 1873 г. сфера деятельности первых сельскохозяйственных банков покрывала территорию всех губерний Европейской России. К началу 1890-х гг. в стране было 10 акционерных банков, каждый из которых имел свою сферу деятельности. Банки предоставляли кредиты на срок от 10 до 66 лет, по которым можно было закладывать недвижимость в деревне или городе. Сумма кредита составляла 60% стоимости залога. Согласно Уставу банка, подтоварный кредит носил общеиерархический характер, но на самом деле он предназначался в основном для крупных и средних помещиков.

Государственный Дворянский поземельный банк был основан в 1885 г. для «поддержки имений сословия поместного дворянства». Этот банк предоставлял долгосрочный кредит в размере 60–75% стоимости имения, а процентная ставка была ниже рыночной. В сферу деятельности Дворянского банка не входили Финляндия, Польша, Прибалтика, а также Закавказье. Банк не обслуживал польских помещиков в западных и юго-западных губерниях. Кроме того, он не принимал ипотечных кредитов, по поводу добычи недр и земли, т.к. эти кредиты носили в основном промышленный характер.

Целью Государственного Крестьянского поземельного банка, созданного в 1883 г., являлась «помощь крестьянам в покупке земли». Срок кредита составлял от 13 лет до 51 года и 9 месяцев. Сумма кредита составляла от 80 до 90% суммы купленной земли. В отличие от других кредитных учреждений, кредит использовался только для покупки частной земли. Бизнес Крестьянского банка привел к росту цен на землю, что в основном отражало интересы дворян. Правда, некоторые помещики осуждали банк за то, что он способствовал сокращению их недвижимости.

С 1895 по 1915 г. масштабы подтоварного кредита продолжали расширяться. Общий объем заложенного имущества составил 553 тыс. руб. (6 млрд руб. по курсу рубля на конец XIX в.). С 1895 по 1914 г. объем ипотечного имущества увеличился в четыре раза. Такой быстрый рост зависел от крестьянской покупки земли у Крестьянского банка. К концу 1914 г. заложенная крестьянами земля составляла $\frac{3}{4}$ заложенной собственности. Большая часть земли была заложена во время проведения Столыпинской реформы. С 1906 по 1914 г. крестьяне приобрели через Крестьянский банк 9 млн дес. земли. С момента основания банка до начала Первой мировой войны крестьяне приобрели 17,7 млн дес. земли.

Однако значительная часть кредита, полученного заемщиком, по-прежнему использовалась на непроизводственные расходы или совсем не на сельское хозяйство, а на потребление. «Паразитизм» бывших крепостников и их не-

компетентность в новых условиях заставляли их «тратить» полученные кредиты. Многие помещики только что выплатили свои старые (до реформ) долги и вскоре оказались в ловушке новых. Историк А.В. Хрулев считал, что половина кредитов в 1870–1880-х гг. ушла на погашение частных долгов. По мнению других исследователей, $\frac{3}{4}$ кредитов в 1890-х гг. было использовано для погашения долгов помещиков. Такая ситуация заставила правительство принять ряд мер, чтобы помочь должникам и гарантировать выплаты. По случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 г. был учрежден фонд «Романовский» в размере 10 млн руб. для укрепления капитала Дворянского банка. Так, используя подтоварный кредит, помещики продолжали существовать.

Некоторые из них использовали средства, полученные от заложенной земли, для промышленной и коммерческой деятельности. Если помещики обычно участвовали в строительстве железных дорог в 1860–1870-х гг., то с конца XIX до начала XX в. уже вкладывали больше средств в покупку различных ценных бумаг и строительство новых предприятий. С развитием фондовых бирж помещики участвовали в сделках с ценными бумагами и получали приличную прибыль.

Подтоварный кредит повлиял на развитие сельского хозяйства России. По подсчетам А.В. Хрулева, к концу XIX в. 70% всех помещиков использовали эти средства для «улучшения» собственной экономики или для инвестиций в промышленность, торговлю и финансы. Значение подтоварного кредита заключалось в увязке земельной собственности с банковским капиталом, в итоге кредит способствовал обобществлению земли. Во-первых, владение землей у ипотечных кредитных учреждений фактически приводило к концентрации земли. До Первой мировой войны они контролировали 60% частной земли в России. Среди них существовали и кредитные учреждения, и государственные, и частные. Занятие земли государственным кредитным учреждением означало контроль со стороны полуфеодального самодержавия, а занятие частным кредитным учреждением доказывало, что банки и фискальный капитал достаточно глубоко проникли в сельское хозяйство. Также это доказывало, что сельское хозяйство включено в национальную экономическую систему. Во-вторых, подтоварный кредит освобождал нового землевладельца от необходимости беспокоиться о больших суммах денег для покупки необходимых средств производства. Они теперь могли использовать кредит для организации и расширения сельхозпроизводства. Однако подтоварный кредит предназначался в основном для покупки земли, поэтому он по-прежнему не являлся продуктивным вложением средств. Причины этого, по мнению И.Д. Ковальченко, следующие: полуфеодальный характер помещичьей и крестьянской собственности на землю; отсутствие ее у крестьян; преобладание на земельном рынке помещичьей недвижимости; узость русского земельного рынка. В этом случае Дворянский и Крестьянский банки стимулировали цену помещичьей земли, задерживали освоение их земель и выводили большую часть средств, используемых в сельском хозяйстве, из производства.

Итак, подтоварный кредит способствовал капиталистическому освоению земель и концентрации земли в России, ускорил процесс капиталистической трансформации сельского хозяйства.

Краткосрочный кредит

Выдача краткосрочного кредита на пополнение оборотных средств была наиболее актуальна для помещиков, особенно в условиях аграрного кризиса. Перед урожаем помещикам требовались деньги для оплаты сельскохозяйственных работ и других дел. В этих случаях они не имели расчетных коммерческих бумаг, поскольку сделка не состоялась. Кредиты нужны были и крестьянам (чтобы избежать ущерба от низких цен на хлеб), но им банки обычно денег не давали.

28 января 1884 г. Министерство финансов было вынуждено предоставить помещикам соло-вексельные кредиты сроком на девять месяцев. Поскольку помещики имели большую задолженность, министерство обеспокоилось тем, что соло-вексельный кредит «используется не для пополнения оборотного капитала, а для погашения задолженности». Так и происходило: некоторые люди превратили краткосрочные кредиты в долгосрочные. Согласно статистике кредитных организаций, к 1893 г. только 30% заемщиков использовали соло-вексельный кредит для пополнения оборотного капитала, в то время как 70% — имели большую задолженность и не могли выплатить свои долги. Эта ситуация продолжалась. В 1894 г. срок соло-вексельного кредита продлили до 12 месяцев, а процедуры его получения упростили. В результате годовая сумма кредита увеличилась: в 1893 и 1895 г. размер составлял 20 и 42,3 млн руб. соответственно⁹⁶. С 1893 по 1895 г., чтобы поддержать помещиков, Министерство финансов обязывалось предоставить этот кредит, но поскольку Россия готовилась к переходу на золотой монометаллизм, Государственный банк должен был сократить долгосрочный долг. 19 сентября 1896 г. С.Ю. Витте сократил объем данного кредита и принял решение о том, что банки должны отклонять выпуск соло-вексельных кредитов, несовместимых с характером выдачи. В отношении оборотного капитала банки также должны были решительно противодействовать задержке арендодателем погашения долгов. Все эти факторы усугубили тенденцию превращения соло-вексельного кредита в долгосрочные ссуды, что привело к усилению давления на фонды со стороны Госбанка.

В 1898 г. С.Ю. Витте попытался найти способ удовлетворить потребности помещиков в краткосрочном кредите, не нанося ущерба интересам правительства. Министерство финансов советовало разрешить частным коммерческим банкам выпускать соло-вексельные кредиты с землей в качестве гарантии, а Государственный банк перерегистрировал землю в течение шести месяцев до срока погашения. Значение этого вида бизнеса состоит в том, что частные банки более серьезно относятся к получению долгов. Проблема помещичьих долгов очень обеспокоила некоторых дворян на Государственном совете. 11 мая 1898 г. Николай II утвердил закон о соло-вексельном кредите коммерческого банка. Первоначально этот бизнес не был активен, увеличился он только в период Третьеиюньской монархии.

Однако Государственный банк попытался сократить выдачу соло-вексельных кредитов, побудив помещиков искать другие пути получения денежных средств. Наиболее показательным явилось предложение сенатора П.Н. Дурново в 1897 г.: соло-вексельный кредит будет предоставлен Дворянскому банку и превращен в долгосрочные специальные задачи⁹⁷. Это оказывалось очень

выгодным для заемщика, но банку было трудно получить долг. С.Ю. Вите признал, что сельское хозяйство, помещики и крестьянство нуждаются в крупных краткосрочных кредитах, но для этого необходимо найти источники финансирования. Именно один из таких — это подтоварный кредит. В 1880-х г. помещики обратили внимание на элеваторы и хранилища, полагая, что они могут способствовать быстрому улучшению экспорта продуктов питания, повышению цен на продукты и доходы от сельского хозяйства. Помещики настоятельно призывали государство к широкому вмешательству в дело торговли хлебом. Они советовали построить элеваторы и хранилища в районе производства хлеба, и крестьянам не нужно будет его продавать осенью по низким ценам. Для этого от государства требовалась выдача подтоварных кредитов.

На основе «Правил» от 14 июня 1888 г. в качестве «посредников» использовались железные дороги, выдававшие ссуды под хлебные грузы, сложенные в железнодорожных складах. Мнением Государственного совета от 24 января 1889 г. дорогам разрешалось выдавать такие ссуды из собственных эксплуатационных средств или при посредстве частных банков. К началу 1898 г. дороги располагали уже 77 элеваторами и 222 хранилищами общей емкостью 34, 5 млн пуд. Годовой оборот хлеба в них превысил 53 млн пуд.⁹⁸ Министерство финансов признало, что предоставленного кредита было недостаточно для покрытия стоимости хлеба и расходов на перевозку. Поэтому помещики отказались от кредита и продали хлеб по цене, ниже весенней, а покупатель получил прибыль от кредита. В этой связи члены комиссии В.К. фон Плеве особо отметили, что элеваторы и хранилища нужно строить в центрах производства хлеба, и они должны были иметь право заниматься консигнационной торговлей.

В 1893 г. Министерство финансов продолжило заниматься торговлей хлебом, особенно связанной с зерновой ипотекой. При условиях урожая и тарифной войны с Германией требовалось принять особые меры для поддержания цен на хлеб и для предотвращения попадания его на рынок. В августе 1893 г. прямые кредиты Госбанка были восстановлены, и это было продолжено в 1894 г. В том же году Госбанк принял ипотеку в размере 145 млн пуд. хлеба, из которых помещики, крестьяне и купцы заложили соответственно 7810, 3160 и 35,3 млн пуд.⁹⁹ Таким образом, 1/3 экспортируемой пшеницы и ржи была возвращена с рынка, что снизило давление на осенние цены на хлеб. Следует отметить, что подобного объема позже не было, его получили только в 1909 г. Кроме того, в 1894 г. государство закупило 14,4 млн пуд. хлеба и муки¹⁰⁰. В этой связи А.С. Ермолов предложил увеличить масштаб таких закупок для создания национального резерва.

Чтобы подготовиться к валютной реформе и максимально использовать не окупаемые средства, Министерство финансов начало улучшать условия выдачи подтоварного кредита. Правила, принятые 2 августа 1896 г., настоятельно рекомендовали местным банковским учреждениям с особой осторожностью относиться к оставлению залогов у заемщиков. Срок кредита вновь сокращался до шести месяцев, а допускаемые отсрочки не должны были выходить за пределы ежегодной хлебной кампании¹⁰¹. Изменение условия выдачи подто-

варного кредита вызвало новые жалобы со стороны помещиков. А С. Ю. Витте не уступал в этом вопросе. Он был против отсрочки погашения кредита и снижения процентных ставок, подчеркивая, что «коммерческие кредиты требуют уплаты среднерыночных процентов, которые не зависят от экономических условий тех, кто нуждается в ссуде».

Итак, вопрос краткосрочных сельскохозяйственных кредитов все еще оставался не решенным. Министр финансов настаивал на том, что обращение банкнот могло стимулировать национальную экономику. Однако начиная с 1896 г. С. Ю. Витте не мог гарантировать, что помещики больше не будут пытаться превратить соло-вексельные кредиты в долгосрочные. Он не мог позволить контролировать соло-вексельный кредит Государственному банку, поэтому его позиция изменилась. Министерство финансов стало возлагать надежды на развитие ипотечного кредита через железные дороги. Следует отметить, что цель выдачи соло-вексельных кредитов — главным образом обеспечение оборотных средств помещикам. В принципе крестьяне могли получить такие кредиты, однако на самом деле это происходило только с 1893 по 1894 г.

Мелкий кредит

Центральный вопрос подъема сельского хозяйства в целом был связан с развитием крестьянского хозяйства, а одной из его действительно важнейших проблем стал мелкий кредит, тесно связанный с положением крестьянства в стране.

Голод 1891 г. и снижение хлебной цены с 1893 по 1895 г. заставили Россию принять «Положение об учреждениях мелкого кредита». Согласно этому документу, создали новый тип заведения — кредитное товарищество. Основной капитал таких заведений образовывался из ссуд Госбанка. Эта форма в принципе была «живая» и в будущем оказалась результативной¹⁰². Однако законодательные ограничения для крестьян и урезание Госбанком выделяемых средств ограничили популяризацию кредитных товариществ.

До второй половины 1890-х гг. в области мелкого кредита не было достигнуто существенного прогресса. Падение уровня жизни большинства крестьян влекло за собой политические и финансовые последствия, что вызывало беспокойство у правительства и помещиков. Однако они не ожидали выделения земли крестьянам путем переселения или покупки через Крестьянский банк (это было доступно только нескольким людям). Кроме того, еще оставалась проблема крестьянской общины. Предложения о том, как улучшить экономическое положение крестьян в основном были сосредоточены на изменении методов ведения хозяйства, популяризации сельскохозяйственных инструментов и модернизации на землях крестьян. При этом вновь возник вопрос о мелком кредите.

В качестве основного возможного источника такого кредита назывались капиталы сберегательных касс, но им предъявлялось и обвинение в перекачивании народных накоплений в государственный кредит. С. Ю. Витте действительно ставил перед сберегательными кассами задачу аккумуляции мелких вкладов для решения государственных задач, прежде всего — для помещения

государственных процентных бумаг, гарантированных государством. Министр финансов явно брал за образец французскую систему сберкасс, средства которых в конце XIX в. полностью направлялись на размещение ренты, тогда как германские кассы большую часть вкладов использовали на ипотечные (мелиоративные) ссуды. Уже в конце XIX в. С.Ю. Витте пришлось отбиваться от упреков, что сберегательные кассы причиняют вред народному хозяйству, сокращая его оборотные средства. В годы экономического кризиса эти упреки приняли более настойчивый характер.

В феврале 1901 г. при обсуждении отчета сберегательных касс за 1894–1899 гг. сенатор П.А. Сабуров выразил в Государственном совете недовольство тем, что «значительные народные средства» помещаются сберкассами в ценные бумаги «вместо того, чтобы получать более производительное для народного хозяйства употребление». В ноябре того же года к этой критике подключился государственный контролер П.Л. Лобко. В заключении по отчету сберкасс за 1899 г. он заявил, что капиталы касс следует размещать, руководствуясь не только соображениями их собственной выгоды, но и так, чтобы это «удовлетворяло бы нуждам мелкой народной производительности в различных ее видах при помощи развития и поддержки мелкого народного кредита».

Заключение П.Л. Лобко словно подало сигнал к резким нападкам на сберегательные кассы. 3 апреля 1902 г. А.С. Ермолов переслал в Особое совещание постановление съезда по кустарной промышленности, проходившего, как отмечалось, под покровительством великого князя Александра Михайловича. В постановлении утверждалось, что сберегательные кассы «являются как бы своего рода насосом, вытягивающим из страны мелкие сбережения», которые в результате «предназначаются не на удовлетворение местных потребностей в кредите, а на поддержание кредита государственного». В апреле теми же словами критиковал деятельность сберкасс близкий к Александру Михайловичу адмирал Н.М. Чихачев в своей записке о мелком кредите, где ссылаясь также на заключение П.Л. Лобко. В декабре в МВД, обосновывая свой проект реформы волостных ссудо-сберегательных касс, тоже отметили, что государственные сберкассы «искусственно извлекают деньги из местного обращения» и следствием этого «является почти повсеместно наблюдаемая в настоящее время недостаточность денежных средств для местного хозяйственного оборота». В 1903 г. с сетованиями на то, что средства, собранные сберегательными кассами, не обращаются на удовлетворение кредитных нужд местного населения, а уходят на поддержание государственного кредита, выступили представители земств в комиссии по оскудению Центра и члены местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Что касается принадлежности мелкого кредита, в записке МВД тоже утверждалось, что удовлетворение нужды крестьян в оборотных средствах «в сколько-нибудь короткий срок совершенно неосуществимо». В.К. фон Плеве категорически возражал против создания сети местных органов заведования мелким кредитом (считая достаточным устроить их на губернском уровне) и участия земств в Центральном управлении. В желании финансово-

го и сельскохозяйственного ведомств опереться на земства, главным мотивом было даже не стремление уступить что-нибудь непринципиальное земским либералам, а признание отсутствия у них достаточного аппарата на местах. Со своей стороны глава МВД откровенно заявлял, что для него учреждения, заведующие мелким кредитом, имеют второстепенное значение, а основная его забота — «не создавать чего-либо такого, что было бы трудно приспособить к существующему порядку». Дальнейшая борьба была перенесена в подготовительную комиссию во главе с Ф.Г. Тернером, причем в качестве предварительного компромиссного решения было предусмотрено создать Центральное управление при Министерстве финансов и передать попечения над кредитными кооперативами земствам при сохранении сословных касс в ведении МВД.

В комиссии наибольшие разногласия вызвал подготовленный МВД проект ссудо-сберегательных касс, которые должны были заменить старые сельские и волостные банки. Во-первых, МВД явно хотело сделать такие кассы (находившиеся «под ближайшим наблюдением» земских начальников) основной формой учреждений мелкого кредита, препятствуя развитию кооперативных товариществ. Во-вторых, это министерство ставило перед кассами в качестве главной задачи не развитие крестьянских хозяйств, а поддержание «крестьян, близких к разорению». Соответственно оно стремилось основать на предположенных к отпуску 10 млн руб. побольше касс с небольшим капиталом и ограничить размер выдаваемых ими ссуд — не более 50 руб. в личную ссуду, залог — не более 50 пуд. зерна на домохозяина. Не надеясь на возврат даже этих денег, МВД предусматривало круговую поруку крестьян при выплате долгов волостным кассам. Речь, таким образом, шла о перенесении на мелкий кредит принципов «попечительства». Представители Министерства финансов, напротив, возражали против круговой поруки, которая приведет-де к насилию большинства над «экономически лучшим элементом», и потому выступали против волостных касс, включавших в себя все население волости или общины, и поддерживали кредитную кооперацию. В итоге комиссия высказалась за оба типа учреждений мелкого кредита.

С.Ю. Витте сразу пошел в контратаку. По его поручению управляющий Государственным банком Э.Д. Плеске, уже подписав журнал комиссии, представил новую записку, в которой настаивал, чтобы кредитные инспектора Управления мелкого кредита подчинялись Государственному банку. Он ссылаясь при этом на то, что кроме основных капиталов, образуемых из фонда, выделенного казначейством, учреждениям мелкого кредита понадобятся оборотные средства, а Госбанк сможет ссужать их, только контролируя их использование. Это в значительной части уменьшало влияние губернских присутствий. В апреле 1903 г., когда Особое совещание занялось проектами подготовительной комиссии, С.Ю. Витте и сам категорически потребовал, чтобы все Управление мелкого кредита было организовано непосредственно при Государственном банке, прямо подчеркивая, что тот не сможет выдавать ссуды на основании заключений «какой-либо посторонней банку коллегии, как бы последняя ни была поставлена». В.К. фон Плеве пытался настоять, чтобы кредит Государственного банка предоставлялся не на основе его Устава, а на более

льготных условиях, и чтобы представители МВД и МЗиГИ могли опротестовать отказы в кредитах. Но С.Ю. Витте соглашался лишь учитывать мнение губернских присутствий при распределении основного капитала, требуя, чтобы Госбанк имел последнее слово при ссудах на оборотный капитал (без которого учреждения мелкого кредита не могли существовать), в том числе и для сословных касс.

Главе МВД пришлось уступить. В журнале Совещания было записано, что Центральное управление мелкого кредита создается при Государственном банке, коллегиальность действий трех министров распространяется лишь на ассигнование основных капиталов, а снабжение кредитных товариществ и касс оборотными средствами будет определяться Уставом Государственного банка, получавшего право ревизии и сословных касс МВД.

Хотя у В.К. фон Плеве и С.Ю. Витте были разные мнения о собственности мелкого кредита, они проявили единодушие в предупреждениях о необходимости осторожно и постепенно отпускать средства на мелкий кредит и не возлагать на него больших надежд. Свои соображения против «быстрого и насильственного» насаждения мелкого кредита высказывал и Э.Д. Плеске в беседе с членом Госсовета А.А. Половцовым. Вместо 10 млн руб., о которых говорилось в записке Министерства финансов, и 3–4 млн, упоминавшихся С.Ю. Витте годом раньше, теперь предполагалось просить Государственный совет отпустить из казны на 1904 г. всего 2 млн руб., а государственный секретарь В.Н. Коковцов считал, что и эти деньги просить рано, ибо в 1904 г. новый закон о мелком кредите еще не будет действовать. Сословные ссудосберегательные кассы решено было начать создавать пока только в восьми губерниях, преимущественно в Черноземном центре.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что начиная с Крестьянской реформы 1861 г., в результате постоянных дискуссий и даже в ряде случаев раздоров между государством и дворянством, а также между разными ведомствами, в Российской империи оказалось невозможным найти консенсус и договориться о выработке и реализации единой политики сельского хозяйства. К 1910-м гг. старые и новые проблемы переплелись, и Россия столкнулась с серьезными кризисами.

Уроки поражения в Крымской и Русско-турецкой войнах заставили самодержавие ради сохранения своего могущества и влияния в Европе взять курс на ускоренное развитие транспортной системы и отечественной промышленности. Некоторые дальновидные политики осознали разрыв между Россией и Западом и надеялись его восполнить, развивая промышленность и транспорт. Но их оппоненты из аграрного лагеря и большинство дворянства выступали за сохранение традиционной модели развития сельского хозяйства. С.Ю. Витте в значительной степени находился в изолированном положении, и создаваемая им социально-экономическая система не имела достаточной поддержки в правящем дворянском сословии.

Повышение уровня развития сельского хозяйства требовало, с одной стороны, изменения аграрных отношений и правового статуса крестьян, с другой — совершенствования технологий и значительного увеличения инвестиций в аграрной сфере. С 1870-х по 1890-е гг. мировой экономический

кризис вызвал резкое снижение доходов от обширного российского сельскохозяйственного производства. В этой ситуации и без того ограниченные государственные финансы были в основном направлены на поддержку промышленности.

В 1890-х гг. диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством в России привела к активной дискуссии о будущем направлении экономического развития страны. Обсуждались следующие аспекты: реформа денежного обращения; проблема введения золотого монометаллизма; протекционистская пошлина; иностранные инвестиции; цель и скорость строительства железных дорог и др.¹⁰³ Министерство финансов осознанно уделяло недостаточно внимания ассигнованиям на сельское хозяйство. Хотя и были учреждены Дворянский и Крестьянский поземельные банки, ставшие выдавать сельскохозяйственные кредиты (мелиоративный, подтоварный, краткосрочный, мелкий и др.), средств, выделявшихся на аграрный сектор экономики, постоянно не хватало.

В начале XX в. промышленный кризис привел к новой дискуссии об общем направлении экономической политики страны. Оппоненты «системы Витте» снова выдвинули требование преимущественного развития сельского хозяйства. Они утверждали, что промышленный кризис был вызван противоречием между растущей промышленностью и слабым рынком из-за отсталости сельского хозяйства. Чтобы преодолеть ее, по их убеждению, следовало развить аграрную экономику до уровня развития промышленности. В данном контексте заслуживает внимания заключение Б.В. Ананьича о том, что экономическая политика С.Ю. Витте была глубоко противоречива в своей основе, ибо для капиталистического развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России системы государственного управления¹⁰⁴.

Российская империя – абсолютистское монархическое государство. Если министры теряли доверие и поддержку императора, то ничего не могло быть ими достигнуто. Поддержка же государя в подавляющем большинстве случаев гарантировала, что намечаемые министром меры будут поддержаны Комитетом министров, Государственным советом и Комитетом финансов. С другой стороны, направление политики и степень ее реализации зависели от деятельности самого императора. Но, к сожалению, Николай II не имел собственного видения решения проблем в аграрном секторе экономики и не прислушивался к мнению компетентных в этом вопросе министров. В результате сельскохозяйственная политика в России в рассматриваемый период не была четко определена.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. проблемы сельского хозяйства и крестьянства так и не были решены в стране. Интенсификацию сельскохозяйственного производства ограничивали следующие факторы: сословный эгоизм, консерватизм и социальный паразитизм дворянства; отсутствие политического видения буржуазии, общий недостаточный культурный уровень русского народа. В частности, крестьянство было привязано к устаревшим, традиционным способам сельскохозяйственного производства и общественной жизни.

Примечания

- ¹ Кондрашин В.В. Аграрная политика в России во второй половине XIX–XX веке. Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Оренбург, 2007. С. 133.
- ² Соловьев Ю.Б.: 1) Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973; 2) Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990.
- ³ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
- ⁴ Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 г. Л., 1978.
- ⁵ Ананьич Б.В. Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX веков: к истории развития производительных сил // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. М., 2003. С. 13–25; Брукс Н.Д.И. Менделеев как экономический советник Российского правительства // Власть и наука ... С. 26–40.
- ⁶ Дякин В.С.: 1) Из истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С. 197–209; 2) Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX в.) // Реформы или революция? Россия 1861–1917 г. М., 1992. С. 188–199.
- ⁷ Симонова М.С. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. // История СССР. 1963. № 1. С. 65–82.
- ⁸ См.: Симонова М.С. Проблема «оскудения» центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей: К 85-летию со дня рождения акад. Н.М. Дружинина / отв. ред. Л.М. Иванов. М., 1971. С. 236–263; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861–1904: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
- ⁹ Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.
- ¹⁰ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988.
- ¹¹ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997.
- ¹² Мартынов С.Д. Государство и экономика. Система Витте. СПб., 2002.
- ¹³ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- ¹⁴ Сергей Юльевич Витте: Хроника. Документы. Воспоминания / подг. Л.Е. Шепелев. СПб., 1999.
- ¹⁵ Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв.: документы и мемуары государственных деятелей / подг. Л.Е. Шепелев. СПб., 2007.
- ¹⁶ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М., 2002–2007.
- ¹⁷ Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М., 1960.
- ¹⁸ Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / отв. ред. В.С. Дякин. Л., 1984. С. 20.
- ¹⁹ Там же. С. 28–29.
- ²⁰ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М., 1961. С. 413–414.
- ²¹ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 15.
- ²² Там же. С. 17.
- ²³ Сергей Юльевич Витте. Хроника ... С. 9.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. С. 20.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См., напр.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 15.
- ²⁸ Там же. С. 13.
- ²⁹ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева ... Т. 2. С. 439.
- ³⁰ Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 14.
- ³¹ Там же. С. 15.
- ³² Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: в 4 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 5.
- ³³ Егиазарова Н.А. Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 162, 165.
- ³⁴ Симонова М.С. Проблема «оскудения» центра ... С. 236–263.
- ³⁵ Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург, 2012. С. 144.

- ³⁶ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Ч. I: Земельные отношения и земельная политика. М., 1908. С. 53; *Ходский Л.В.* Земля и земледелец: Экономические и статистические исследования Л.В. Ходского, доц. Политической экономии и статистики в С.-Петербур. лесном ин-те: в 2 т. Т. 2. СПб., 1891. С. 243.
- ³⁷ *Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 61.
- ³⁸ Там же. С. 69.
- ³⁹ *Корелин А.П.* С.Ю. Витте и аграрной вопрос в России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. Сб. статей. М., 2001. С. 241; Сергей Юльевич Витте. Хроника ... С. 56.
- ⁴⁰ *Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство ... С. 79–80.
- ⁴¹ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 266.
- ⁴² *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 ... С. 286.
- ⁴³ Там же. С. 54.
- ⁴⁴ Там же. С. 286.
- ⁴⁵ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. С. 30.
- ⁴⁶ Этот термин ранее использовался В.И. Бовыкин. См.: Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: А. Нобель, А. Ротштейн, Г. Спитцер, Р. Дизель: [сб. арх. док. / пер. рукоп. с нем. рукоп. готики, фр., англ. и швед., сост., введ. ст., коммент. и имен. указ. И.А. Дьяконовой; под. общ. ред. и с предисл., с. 3–23, В.И. Бовыкина]. М., 1996. С. 8; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века / [В.Н. Захаров, А.К. Сорокин, В.И. Бовыкин и др.; ред. А.К. Сорокин]. М., 1997. С. 127. И с этим согласились другие исследователи. См.: *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004; *Корелин А.П.* Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) // Российская история. № 1. 2011. С. 42; *Ушаков Н.М.* Концептуальные проблемы аграрных отношений пореформенной России в современной историографии. Астрахань, 1999. С. 3.
- ⁴⁷ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 ... С. 3.
- ⁴⁸ *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 259.
- ⁴⁹ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 ... С. 286.
- ⁵⁰ Сергей Юльевич Витте. Хроника ... С. 8.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Кризис самодержавия в России, 1895–1917. С. 36.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 41.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 113, 121.
- ⁵⁷ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. С. 41.
- ⁵⁸ *Корелин А.П.* С.Ю. Витте и аграрной вопрос в России в конце XIX – начале XX в. ... С. 530.
- ⁵⁹ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 ... С. 285.
- ⁶⁰ Там же. С. 290.
- ⁶¹ Там же. С. 9.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века ... С. 254.
- ⁶⁴ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. С. 253.
- ⁶⁵ Там же. С. 254.
- ⁶⁶ Сергей Юльевич Витте. Хроника ... С. 9.
- ⁶⁷ *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. ... С. 97.
- ⁶⁸ Там же. С. 98.
- ⁶⁹ Там же. С. 99.
- ⁷⁰ Там же. С. 100.
- ⁷¹ Там же. С. 103.
- ⁷² Там же. 112.
- ⁷³ Там же. С. 113.
- ⁷⁴ Там же. С. 121.
- ⁷⁵ Там же. С. 122.
- ⁷⁶ Там же. С. 123.
- ⁷⁷ Там же. С. 124.

- ⁷⁸ Там же. С. 125.
⁷⁹ Там же. С. 126.
⁸⁰ Там же. С. 127.
⁸¹ Там же. С. 117.
⁸² Там же. С. 119.
⁸³ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. С. 63.
⁸⁴ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. ... С. 36–37.
⁸⁵ Там же. С. 38–40.
⁸⁶ Там же. С. 152–154.
⁸⁷ Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. С. 456.
⁸⁸ Дякин В.С. Из истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX – начале XX в. С. 199.
⁸⁹ Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX в. ... С. 531; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство ... С. 138.
⁹⁰ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 ... С. 288.
⁹¹ Сергей Юльевич Витте. Хроника ... С. 9.
⁹² Там же. С. 139.
⁹³ Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – в начале XX. ... С. 35.
⁹⁴ Там же. С. 40.
⁹⁵ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. ... С. 49.
⁹⁶ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. С. 47.
⁹⁷ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. С. 352–356.
⁹⁸ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. С. 61.
⁹⁹ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. ... С. 62.
¹⁰⁰ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики) / под ред. С.И. Потолова. Л., 1981. С. 208.
¹⁰¹ Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. С. 63.
¹⁰² Там же. С. 104–109.
¹⁰³ Дякин В.С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг. ... С. 14.
¹⁰⁴ Кризис самодержавия в России, 1895–1917. С. 43.

Библиография

- Ананьич Б.В. Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX веков: к истории развития производительных сил // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы междунар. науч. colloквиума / [редкол.: Н.Н. Смирнов; отв. ред., Ф. Вчисло и др.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 13–25.
- Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 430 с.
- Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской соц. революции / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1988. 151, [2] с.
- Брукс Н. Д.И. Менделеев как экономический советник Российского правительства // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 26–40.
- Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 586, [2] с.
- Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Соцгиз, 1960.
- Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М., 2002–2007.
- Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917: в 4 т. / [отв. сост. Д.И. Раскин]. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. 301 с., [14] л. ил.
- Дякин В.С.: 1) Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 г. / под ред. Р.Ш. Ганелина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 246 с.; 2) Из истории сельскохозяйственной политики царизма в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России / под ред. А.А. Фурсенко. М.: Наука, 1991. С. 197–209; 3) Выбор пути экономического развития России (конец XIX – начало XX в.) // Реформы или революция?: Россия 1861–1917 г.: Материалы междунар. colloквиума историков [4–7 июня 1990 г.]. СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992. С. 188–199; 4) Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг.: Аграрный кредит

- в экономической политике царизма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. XIV, 354 с., [1] с.: портр.
- Егиазарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 192 с., граф.
- Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Ч. I: Земельные отношения и земельная политика. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. 20 с.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики) / под ред. С.И. Потолова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 287 с.
- Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX века. М.: РОССПЭН, 2004. 503 с., [1] л. портр.: ил., табл.
- Кондрашин В.В.* Аграрная политика в России во второй половине XIX–XX веке // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / [гл. ред. Г.Е. Корнилов]. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 133–139.
- Корелин А.П.*: 1) Дворянство в пореформенной России: 1861–1904: состав, численность, корпоративная организация. М.: Изд-во «Наука», 1979. 304 с.; 2) Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. / отв. ред. В.И. Бовыкин. М.: Наука, 1988. 259, [2] с.; 3) С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. Сб. статей. М.: РОССПЭН, 2001. 622, [1] с.: табл.; 4) Аграрный сектор в народнохозяйственной системе пореформенной России (1861–1914 гг.) // Российская история. № 1. 2011. С. 42–55.
- Кризис самодержавия в России, 1895–1917 / отв. ред. В.С. Дякин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 664 с.
- Мазур Л.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. 471 с., [1] л. цв. ил., ил., табл.
- Мартынов С.Д.* Государство и экономика. Система Витте. СПб.: Наука, 2002. 402, [3] с.: ил.
- Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь Мир, 2012. 844 с.
- Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века / [В.Н. Захаров, А.К. Сорокин, В.И. Бовыкин и др.; ред. А.К. Сорокин]. М.: Росспэн, 1997. 351 с., [36] л. ил.
- Проскуракова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М.: РОССПЭН, 2002. 517, [1] с., [12] л. ил., портр., табл.
- Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: А. Нобель, А. Ротштейн, Г. Спитцер, Р. Дизель: [сб. арх. док. / пер. рукоп. с нем. рукоп. готики, фр., англ. и швед., сост., введ. ст., коммент. и имен. указ. И.А. Дьяконовой; под. общ. ред. и с предисл., с. 3–23, В.И. Бовыкина]. М.: Росспэн, 1996. 311, [1] с., ил.
- Сергей Юльевич Витте: Хроника. Документы. Воспоминания / подг. Л.Е. Шепелев. СПб.: Лики России, 1999. 287 с., ил.
- Симонова М.С.*: 1) Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. // История СССР. 1963. № 1. С. 65–82; 2) Проблема «оскудения» центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей: К 85-летию со дня рождения акад. Н.М. Дружинина / отв. ред. Л.М. Иванов. М.: Наука, 1971. С. 236–263.
- Соловьев Ю.Б.*: 1) Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 383 с.; 2) Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 267, [2] с.
- Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX – начале XX вв.: документы и мемуары государственных деятелей / подг. Л.Е. Шепелев. СПб.: Спас; Лики России, 2007. 414, [1] с., портр., табл.
- Тюкавкин В.Г.* Великолукское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 302, [2] с., табл.
- Ушаков Н.М.* Концептуальные проблемы аграрных отношений пореформенной России в современной историографии. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. 111 с.
- Ходский Л.В.* Земля и земледельц: Экономические и статистические исследования Л.В. Ходского, доц. политической экономии и статистики в С.-Петерб. лесном ин-те: в 2 т. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891.
- Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торговой-промышленной политики. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 275 с.

Уральское село и война: аграрное развитие

Аннотация. История сельского хозяйства и колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны имеет обширную историографию. Однако некоторые проблемы требуют глубокого и всестороннего исследования, особенно в связи с появлением статей о практическом развале колхозной системы, ее неэффективности и неспособности обеспечить продовольствием население. Целью статьи является анализ аграрного производства и форм его организации на Урале, выявление особенностей их развития в условиях войны. Статья подготовлена на основе годовых отчетов основных производителей и поставщиков сельскохозяйственной продукции в годы войны (колхозов, совхозов, МТС, подсобных хозяйств промышленных предприятий, личных хозяйств граждан). Выявлены особенности и аграрного развития в тыловом регионе, изменения в структуре сельской экономики региона, соотношение форм организации сельскохозяйственного производства. Автор доказывает, что промышленный Урал в годы войны превратился в одну из важных продовольственных баз воюющей страны. Сельская экономика региона выстояла в тяжелых условиях войны, однако оказалась существенно ослабленной.

Ключевые слова: аграрная экономика, уральская деревня, Великая Отечественная война, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, земледелие, животноводство, заготовки сельскохозяйственной продукции.

В условиях Великой Отечественной войны в сельском хозяйстве СССР активно применялись, как и в других отраслях народного хозяйства, методы государственной регламентации и регулирования, что являлось неотъемлемой частью мобилизационной экономики. Аграрная политика в период войны не претерпела существенных изменений в сравнении с довоенным периодом, была призвана повысить эффективность сельскохозяйственного производства, но при этом держать под контролем государства земельные отношения, материально-техническое снабжение, финансовую и налоговую системы, распределение рабочей силы. В условиях войны Советское государство было не только монопольным потребителем сельскохозяйственной продукции, но и присваивало себе большую часть национального дохода, производимого в аграрной сфере¹.

Учитывая современное состояние российской историографии и собственные наработки, в статье акцентируется внимание на проблеме цены победы, которую заплатили труженики уральской деревни. В исторической литературе встречается мнение, что в результате войны колхозы оказались на грани развала, в производственном отношении они были еще менее эффективны, чем до войны. Что сельская экономика, и в первую очередь, сельскохозяйственные артели стали фактором слабости страны в условиях войны, что это была для них Пиррова победа². Анализ исторических источников, прежде всего статистики сельского хозяйства Урала (отчеты колхозов, МТС, совхозов, заготовительных органов; ежегодные учеты о числе скота в колхозах, совхозах и других государственных и кооперативных хозяйствах; сведения о личном подворье городского и сельского населения; статистика налоговых и заготовительных

* Корнилов Геннадий Егорович – доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, genakorn@mail.ru.

органов), не позволяет так однозначно оценивать роль колхозной системы в годы Великой Отечественной войны.

Организационно-хозяйственная основа аграрного строя, сложившаяся в довоенный период, включала производственно-кооперативные и государственные организации: колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции (МТС), подсобные хозяйства промышленных предприятий и учреждений, а также индивидуальные хозяйства населения.

В производстве хлеба и продукции животноводства Уральский регион (включавший пять областей и две автономные республики) занимал заметное место в стране. Его удельный вес в посевных площадях страны составлял в 1940 г. 9,65%, по крупному рогатому скоту – 7,56, по мелкому – 8,29, по свиньям – 7,7, по лошадям – 7,94%. На долю Урала приходилось 7,59% колхозов страны и 8,95% – машинно-тракторных станций. Доля тракторов в МТС региона составляла 9,58% от тракторного парка МТС страны (по мощности – 10,7%), а комбайнов – 13,7%. Приведенные данные свидетельствуют о значительном удельном весе в стране сельскохозяйственного производства региона. Больше всех сельхозпродукции в регионе производилось в Башкирской АССР. Сельскохозяйственное производство здесь было сосредоточено в 17,8 тыс. колхозах и 330 совхозах. Основным поставщиком продуктов сельского хозяйства были колхозы. Им принадлежало 85,8% всех посевных площадей региона, до 39% – численности крупного и мелкого скота, до 60% – свиней. Они производили 64% всей продукции сельского хозяйства Урала (в ценах 1926/27 г.)³.

С началом войны жизнь и труд сельских жителей коренным образом изменились. Общий земельный фонд на Урале и распределение по землепользователям не изменились, иной стала его структура. Основными землепользователями в регионе оставались колхозы и совхозы (более 50%), особенно велик был их удельный вес в пахотных землях (четыре пятых). В годы войны значительное сокращение земельного фонда произошло в совхозах в связи с передачей их промышленным наркоматам для организации подсобных хозяйств. В общем фонде земель за годы войны уменьшились площади пашен, лугов, пастбищ и выгонов, возросла доля несельскохозяйственных угодий, перелогов и залежей. Это было связано не только с тем, что на Урале шло интенсивное индустриальное освоение. Условия ведения аграрного производства привели к тому, что использовать здесь имевшиеся земельные угодья не было возможности, тысячи гектаров земли вышли из обработки, были запущены. В первую очередь это произошло в колхозах. В структуре посевных площадей региона за 1941–1945 гг. доля колхозов снизилась с 87 до 82%. В то же время вырос удельный вес государственных хозяйств (с 11,5 до 13,5%), приусадебных участков колхозников (с 1,4 до 2,5%), рабочих и служащих (с 0,1 до 0,8%) и единоличников (с 0,02 до 0,04%)⁴.

Это привело к изменению соотношения между категориями хозяйств. Если до войны самым крупным сельхозпроизводителем являлись колхозы, в 1941 г. их удельный вес в валовой продукции сельского хозяйства составлял по региону 70,6%, в 1945 г. он сократился до 53,1%. В промышленно развитых областях региона с преобладанием городского населения (Свердловской, Челябинской) их доля составляла к концу войны уже менее половины. Сокращение производ-

ства в совхозах компенсировалось интенсивным созданием подсобных хозяйств промышленных предприятий, организаций и учреждений. Число последних резко возросло. В 1942 г. в Свердловской области посевы имели 4000 предприятий и организаций, в 1943 г. — уже 55288. В 1942 г. их количество в Башкирии достигло 2123 с земельной площадью 114,2 тыс. га, в 1943 г. — 2736 с посевной площадью в 188,5 тыс. га. В них насчитывалось 11053 головы крупного и 11409 мелкого рогатого скота, 20362 свиньи, 12648 птиц и 2465 пчелосемей. В это же время резко выросло количество участников коллективных огородов: 50013 — в 1942 г. (засеяно 1980 га земли), 98344 — в 1943 г. (3984,9 га), на них выращивались в основном картофель и овощи. Подсобные хозяйства даже крупных заводов были небольшими и маломощными. В среднем на одно хозяйство приходилось 41 га в 1942 г. и 134 га — в 1945 г. Все работы в основном выполнялись вручную. Урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства были крайне низкими. Тем не менее в военных условиях они сыграли заметную положительную роль в решении продовольственной проблемы, в организации дополнительного питания⁵.

В военные годы уральское село обезлюдело: количество населения сократилось на 26,7%. Деформировалась и возрастная структура: увеличилась доля детей и подростков, а также престарелых. В Башкирии сельское население сократилось с января 1941 по январь 1945 г. на 18,1% (в целом по Уралу — 19,4%), городское, наоборот, выросло на 17,8% (по Уралу — 20,2%). Наличное население в башкирских колхозах за годы войны сократилось на 16,3%.

Однако количество трудоспособных колхозников сократилось на 33,7%, причем мужчин в возрасте 16–60 лет — на 76,4%, а женщин в возрасте 16–55 лет — на 12,8%. Подростков 12–16 лет стало больше на 1,6%, а престарелых и нетрудоспособных (данные с конца 1941 по конец 1945 г.), принимавших участие в работах колхозов, — меньше на 60,2%.

Среди уральских сельскохозяйственных артелей удельный вес колхозов Башкирской АССР составлял в 1941 г. 22,3%, а в 1945 г. — 23,6%, по количеству колхозных дворов доля республики была больше: в 1941 г. — 29,4, а в 1945 г. — 32,8%, т.е. колхозы по людности здесь были крупнее⁶.

Проблема трудовых ресурсов оставалась острой на протяжении всего периода войны, особенно в 1943 г. — в Свердловской области. В этот год область должна была направить в промышленность, школы ФЗО и ремесленные училища за счет сельского населения 83 тыс., из них на постоянную работу — 51,4 тыс. и на временную (лесозаготовки) — 31,6 тыс. чел. Секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Андрианов писал в ЦК партии, что по состоянию на 5 декабря 1943 г. было мобилизовано 40,6 тыс. на постоянную работу и 13,6 тыс. чел. — на сезонную.

По данным Нархозучета на 1 июля 1943 г., в области числилось в колхозах мужчин от 15 до 55 лет и женщин от 15 до 50 лет 173,6 тыс. чел., кроме того, в возрасте от 12 до 15 лет — 59,8 тыс., а всего — 233,4 тыс. чел. При этом имелись 20,4 тыс. мобилизованных мужчин и женщин, инвалидов и нетрудоспособных. Таким образом, осталось трудоспособного сельского населения с учетом детей от 12 до 15 лет 213,4 тыс. чел. Между тем на проведение весеннего сева требовалось 175 тыс. чел.

«Выполнение нарядов на мобилизацию рабочей силы в промышленность при таком крайне остром положении с рабочей силой на селе невозможно, создаются исключительные трудности в сельском хозяйстве», — констатировал секретарь обкома.

Только 4 мая 1944 г. ГКО принял постановление, по которому прекращалась мобилизация рабочей силы из колхозов для постоянной работы в промышленности и строительстве в Свердловской, Молотовской, Челябинской и Курганской областях. Исключением стал призыв сельской молодежи в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища⁷.

В условиях войны, особенно при резком сокращении сельского населения, первостепенную роль в развитии аграрного производства играло материально-техническое состояние сельского хозяйства, обеспеченность его машинами, удобрениями и семенами. Основная часть сельхозтехники Урала (тракторы, комбайны, грузовые автомобили) была сосредоточена в МТС (81% от общего количества) и совхозах (18%), в колхозах — менее 1%. От работы МТС в значительной степени зависело колхозное производство: они обслуживали более 80% сельхозартелей. На одну МТС в регионе приходилось 28–29 колхозов. Относительно высокой была механизация полевых работ: на Южном Урале (Оренбургская область) одна МТС обслуживала 13–18 колхозов. Однако механизация касалась только отдельных видов работ, и в основном зернового производства (обработка почвы, сев и уборка). Работы в животноводстве, картофелеводстве, овощеводстве, льноводстве практически полностью производились вручную (кошение и уборка сена, посадка и копка картофеля, уход за техническими культурами, вывозка навоза на поля и др.).

В годы войны главной тенденцией, характеризующей использование техники в сельском хозяйстве, являлись высокая изношенность и быстрый выход из строя машин. Мобилизации на фронт квалифицированных кадров, механизаторов, сокращение ремонтной базы вели к быстрой амортизации сельхозтехники. Тракторов в сельском хозяйстве региона стало меньше на 16%, комбайнов — на 2%, грузовых автомобилей — на 67%. Тракторы, особенно гусеничные, и грузовые автомашины передавались в РККА, в 1943–1945 гг. — в освобожденные от врага районы. Но даже оставшиеся машины в деревне не могли использоваться по назначению из-за нехватки горючего и запасных частей. Парк тракторов и комбайнов в годы войны не пополнялся. В МТС Свердловской области на начало 1945 г. было исправных тракторов только 37,5%, остальные требовали текущего, капитального и восстановительного ремонтов. Вполне исправных комбайнов на момент учета в феврале 1945 г. оказалось 4,1%, требовавших текущего ремонта — 56,7%, капитального — 29,8%, восстановительного — 9,4%.

В Башкирии к концу войны в 125 МТС количество тракторов уменьшилось на 13,1% (в переводе на условные — на 22,3%), комбайнов — на 4%, грузовых автомашин — на 63,5%, количество других сельскохозяйственных машин и инвентаря (молотилки, культиваторы, тракторные плуги, зерновые сеялки) — на 26,1%⁸.

Годовой объем работ с молотью МТС Башкирии уже в 1941 г. сократился на 30%, в 1942 г. — на 44,3%, в 1943 г. — на 66,6% по сравнению с 1940 г. Резко упала выработка на один условный трактор — с 419 га в 1940 г. до 164 га

в 1943 г., а на один комбайн — с 207 га до 38 га⁹. Механизация сельхозработ в 1942 г. снизилась на 50%. В 1942 г. комбайнами было убрано только 20% площадей под колосовыми. Автомашин из деревни полностью выбыли, сообщалось в докладной Башкирского обкома ВКП(б) в ЦК. Ситуация несколько выправилась в 1945 г., когда объем тракторных работ, произведенных МТС в колхозах республики, вырос на 45,6% по сравнению с 1943 г.¹⁰

Ухудшение технического обслуживания, острая нехватка запасных частей, отсутствие капитального ремонта — все это вело к быстрому износу сельхозтехники. Сокращение машин и орудий, как зафиксировано в годовых отчетах сельхозартелей, привело к тому, что в среднем на одну уральскую сельхозартель в 1945 г. приходилось 14 конных плугов, 2 сенокосилки, 3 жатки, 0,2 сложных и 1,1 простых молотилки, 4,7 косы. На фронт была послана большая часть лошадей — основная тягловая сила деревни. В этих условиях повсеместно на полевых работах использовался домашний скот, простейшие орудия. Пришлось восстанавливать и использовать ранее выбракованные уборочные машины, оставшиеся в хозяйствах косы, серпы, грабли, вилы и сбрую¹¹.

Амортизационный износ техники, слабая обеспеченность горюче-смазочными материалами привели к резкому падению технического потенциала аграрного производства и его энергетического уровня. Сокращение объемов работ, производимых МТС, фактически приводили к срыву сельскохозяйственных работ в колхозах. В 1943 г. объем тракторных работ МТС сократился по сравнению с 1940 г. в 2,5 раза, комбайновая уборка зерновых — в 2,9 раза¹². В связи с этим заметно увеличился объем работ, производившихся на живом тягле и вручную.

Фронт поглотил огромное количество лошадей — основную тягловую силу деревни. За три с половиной года войны (к июню 1944 г.) в колхозах Свердловской области конепоголовье сократилось на 33%, что резко увеличило нагрузку на рабочих лошадей, создало напряженность в выполнении сельскохозяйственных и транспортных работ. За 1944 г. количество лошадей уменьшилось на 15,9 тыс. голов. В феврале 1945 г. нарком земледелия СССР А.А. Андреев направил в Свердловскую область телеграмму, в которой отмечал крайнее неблагополучие с коневодством в колхозах и явно угрожающем состоянии с обеспечением живым тяглом сельскохозяйственных работ¹³.

Особенно много лошадей поставила для фронта Башкирская АССР. Только за три военных года (до лета 1944 г.) из республики в армию были переданы 72,5 тыс. лошадей. Кроме того, колхозы поставляли их для предприятий промышленности и транспорта. В порядке трудовой гужевой повинности колхозы постоянно направляли лошадей с возчиками на лесозаготовки и строительство промышленных объектов. Только зимой 1942/43 г. были привлечены 16 709 пеших колхозников и 19 225 подвод с возчиками. На заготовку и вывозку угля, дров, торфа для республиканской и областной промышленности Башкирской АССР привлекли 5 700 колхозников и 9 470 возчиков с лошадьми, Наркомлесу РСФСР и БАССР на подготовку к сплаву леса направили еще 7 834 пеших и 8 054 конных. Зимой 1944—1945 гг. было мобилизовано из колхозов 24 292 пеших и 17 425 возчиков с лошадьми. В целом по автономной республике поголовье лошадей сократилось на 36%¹⁴.

Важным фактором сельхозпроизводства, показателем его интенсификации является применение удобрений. Естественное плодородие почв в регионе было сравнительно низким. Ухудшение обработки полей, эрозия почв и другие обстоятельства военного времени вызвали большую потребность в удобрениях. Но фактически было свернуто производство минеральных удобрений, а сокращение поголовья скота вело к уменьшению — органических.

Обострилась в годы войны и проблема семян. Колхозы сами должны были хранить семенной материал, но из-за недородов 1942 и 1943 гг. семенные фонды сдавались в счет государственных заготовок, и к очередной посевной колхозы оставались без семян. В докладной записке Свердловского областного земельного отдела сообщалось, что засыпка семян колхозами на весенний сев 1943 г. и в страховой фонд проходила в последнюю очередь: засыпано зерновых и зернобобовых только 27,4% от необходимого, клевера — 3,1%, льна — 5,5%, конопли — 5,5%¹⁵.

Сельхозартелю вынуждены были постоянно обращаться к государству за ссудой (предоставлялась под 10% из урожая следующего года), обменивать некондиционные по всхожести семена. Сортовые посева были ликвидированы или резко сокращены.

В условиях войны не удалось обеспечить удовлетворение даже минимальных потребностей аграрного производства в машинах, инвентаре, удобрениях и семенах. Следствием этого стали ухудшение агротехники и убывание плодородия почв. Повсеместно были нарушены севообороты, а в ряде мест перешли на трехпольный севооборот. Уменьшился объем таких агротехнических мероприятий, как подъем паров и зяби, междурядная обработка, прополка. Суровые холодные зимы приводили к гибели посевов озимых. Погода 1942 г. была крайне неблагоприятной — холодная весна, дождливое лето, раннее выпадение снега. План хлебазаготовок по Башкирской АССР был выполнен на 35,8%, зерновые оказались не обмолоченными с площади 62,9 тыс. га в колхозах и 7,9 тыс. га — в совхозах. К весне в колхозах было засыпано 34,6% семян зерновых, 51,9% — семенного картофеля. Семенной материал пришлось собирать у колхозников, получать в порядке межколхозной взаимопомощи, покупать в Чкаловской области (69,4 тыс. ц — зерновых, 1,7 тыс. ц — технических и 90,3 тыс. ц — картофеля)¹⁶. Весенний сев продолжался 60 дней — до июля, посевные площади сократились по сравнению с предыдущим годом на 699,3 тыс. га. В 1943 г. посева зерновых на юге региона почти повсеместно выгорели от засухи, а в северных районах — пострадали от летних заморозков и ливней с градом, погибло зернобобовых культур около 200 тыс. га, или 10,4% уборочной площади. В Башкирии в 25 районах колхозы оказались в тяжелейшем положении. Башкирский обком партии сообщал в ЦК ВКП(б), что в этих районах уже несколько лет собирали зерна — до 3 ц, а в 1943 г. — от 1,4 до 3 ц с га. Большая часть засеянных площадей пострадала от засухи, и только в августе, после прошедших дождей, часть посевов дали рост. Из-за низкого урожая в колхозах этих районов образовались огромные недоимки. Многие колхозы вынуждены были сдавать скот в счет хлебопоставок, на это пошло 185 тыс. голов скота. Обком партии вынужден был просить исключения из обложения по обязательным поставкам сельхозпродуктов 123,4 тыс. га земель¹⁷. Ситуация

в 1944 г. не улучшилась, посевные площади сократились на 320,6 тыс. га, особенно пшеницы, овса; весенние посевные работы затянулись на 45 дней. В результате запоздания с посевом, погибли от заморозков 208,5 тыс. га зерновых и 57,8 тыс. га технических культур. Несколько возросли посевы проса, гречихи, гороха, масличных культур, однако 22,2% засеянной площади яровых погибло из-за зарастания полей сорняками. Четверть колхозов не освоила правильные севообороты, посев многолетних трав сократился в четыре раза.

К началу уборки только наполовину были отремонтированы комбайны, конные жатки и молотилки¹⁸. Весна 1945 г. оказалась затяжной, полевые работы начались позже на 12 дней. В мае снегопады, частые и обильные дожди задержали посев и выполнение плановых работ. Колхозы получили от государства семенную ссуду – 441,5 тыс. ц зерновых, 10,3 тыс. ц технических культур и 37,9 тыс. ц картофеля, чтобы обеспечить весенний сев. МТС выполнили 368,5 тыс. га тракторных работ вместо 560 тыс. га – необходимых¹⁹.

Ухудшение технического оснащения, резкое сокращение трудовых ресурсов села и отсутствие квалифицированных специалистов сельского хозяйства во время войны привели к ломке структуры посевных площадей и ухудшению агротехники. Сокращение посевов в регионе произошло по всем категориям хозяйств на 30,5%, а в колхозах – на 33,2%, что было больше, чем в среднем по стране. Посевные площади на Урале уменьшились до уровня 1928 г., посевы зернобобовых оказались меньше, чем в 1913 г. на 10%, технических культур – на 19%. Одновременно на 43% выросли посадки овощей и картофеля²⁰.

Главное внимание уделялось производству зерна. Рост удельного веса зерновых шел за счет озимой ржи, посевы яровой пшеницы сокращались (их доля в 1941 г. составляла 41,0%, в 1945 г. она сократилась до 36,9%). Структура хлебного поля значительно ухудшилась. На Урале в 1941 г. «серые хлеба» (рожь, ячмень, овес) составляли 49% всех зерновых посевов, в 1945 г. ими были заняты более 61,9% посевов. Сократилось выращивание технических культур, имевших давнюю традицию: льна (в Пермской области и Удмуртии), конопли (в Башкирии), подсолнечника (в Башкирии и Оренбуржье). Продовольственные трудности заставили население региона существенно расширить площади под картофелем и овощами, особенно в промышленных районах Свердловской, Пермской и Челябинской областях. Существенно уменьшились посевы кормовых культур, особенно однолетних трав, клевера, что отрицательно влияло на кормовую базу животноводства.

Показателем, характеризующим состояние аграрного производства, является урожайность. В ней концентрируются главные факторы земледелия: энергетическое обеспечение, состояние почв, агротехнические методы, организация труда и т.д. Урожайность всех сельскохозяйственных культур на Урале падала до 1944 г. В 1942 г. она в колхозах упала до 3,5 ц, в 1943 г. – до 3,4 ц с га, в совхозах – еще больше: соответственно до 3,0 и 2,5 ц с га. В основном земледельческом районе Урала (Башкирия, Чкаловская область) урожайность зерновых культур сократилась в три – четыре раза по сравнению с 1941 г. (здесь собирали меньше, чем посадили). В заключительный период войны удалось несколько повысить сборы, но они были ниже довоенных. Падение зернового производства продолжалось вплоть до 1944 г. Если валовые сборы в 1940 г.

на Урале принять за 100%, то сбор зернобобовых в колхозах составил в 1941 г. 89,6%; в 1942 г. — 46,6; в 1943 г. — 33,8; в 1944 г. — 40,7; в 1945 г. — 49,5%.

Посевы зерна в регионе сократились на треть, валовые сборы — наполнили. В то же время посадки картофеля и овощей за военные годы возросли в колхозах на 3,8%, валовые сборы уменьшились: картофеля — на 28, а овощей — на 12%²¹.

Сокращение производства зерна повлекло ослабление кормовой базы, картофель шел на продовольственные нужды, резко сократились фуражные фонды в колхозах, не обеспечивала потребности общественного животноводства заготовка сочных кормов и сена. А их нехватка и отсутствие комбикормов вели к снижению продуктивности животноводства. В результате поголовье скота, особенно лошадей, занятых в течение зимы на лесозаготовках, истощалось и имело большой падеж. Сократилось маточное поголовье, уменьшился приплод молодняка. В то же время ухудшилось, а порой и просто отсутствовало зоотехническое и ветеринарное обслуживание. Эти факторы привели к сокращению поголовья животных по всем категориям хозяйств региона: свиней — на 56%, лошадей — на 45, овец и коз — на 34, крупного рогатого скота — на 4%. Расход стада увеличивался и в связи с тем, что колхозы и совхозы стали сдавать государству большое количество скота низкой упитанности. Рост заготовок отражал не улучшение, а, наоборот, ухудшение положения в отрасли. Из-за нехватки кормов приходилось забивать скот, чтобы не допустить падежа. Особо тяжелым оказался 1943 г. В Башкирии почти во всех районах переболело заразными болезнями 708 тыс. голов скота, из которых 119 тыс. пало. Катастрофически не хватало ветеринарных работников: в зооветучастках вместо 98 специалистов имелось 14, в зооветпунктах — соответственно: 138 и 7; особенно невозможно было оказывать помощь в борьбе с заразными болезнями скота²².

В военные годы в производстве полеводческой продукции господствующее положение занимали колхозы и совхозы (кроме картофеля). Удельный вес общественного животноводства на Урале значительно сократился, причем в больших размерах, чем это произошло по стране в целом. Доля колхозного скота в общем поголовье всех категорий хозяйств сократилась, одновременно вырос удельный вес поголовья скота, имевшегося у колхозников, рабочих и служащих. Только в Башкирской АССР за годы войны поголовье лошадей сократилось во всех категориях хозяйств на 56,6%, а в колхозах — на 58,3%; крупного рогатого скота — соответственно: на 1,1 и 41,8%, овец и коз — на 40,5 и 46,9%, свиней — на 55,0 и 70,1%²³.

Война отбросила животноводство региона далеко назад. Была запущена племенная работа, особенно в колхозах; бонитировка скота проводилась редко. Эти процессы в животноводстве шли на фоне уменьшения его продуктивности.

В условиях катастрофического падения сельскохозяйственного производства на Урале проявилась разбалансированность между отраслями сельского хозяйства. Осуществлялась не всегда оправдывающая себя чрезмерно узкая специализация на зерновое производство, на которое тратились значительные средства и основные трудовые усилия крестьянства. Основную же часть де-

нежных доходов давало животноводство. В годы войны изменилось и соотношение форм организации аграрного производства на Урале, связанное с большей выживаемостью одних и разрушением других.

Колхозы, сохраняя ведущее положение в зерновом производстве, уступали лидерство индивидуальным хозяйствам колхозников, рабочих и служащих в выращивании картофеля и овощей. Даже в валовых сборах зернобобовых доля колхозов сократилась в 1945 г., по сравнению с 1940 г., с 90 до 86%, совхозов — с 9 до 7%.

В сборах картофеля наблюдалось увеличение доли хозяйств колхозников, рабочих и служащих с 61 до 67%, доля государственных хозяйств выросла с 2 до 6%, а удельный вес колхозов сократился с 37 до 28%.

Особенностью сельского хозяйства на Урале в годы войны стали широкое развитие индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих, а также создание на базе совхозов широкой сети подсобных сельскохозяйственных предприятий заводов, фабрик, шахт, строительных организаций, транспорта, учреждений и организаций (школ, больниц, институтов).

Уже в первый период войны наблюдалось сокращение доли колхозов в производстве сельхозпродукции, а к концу войны доля упала до 57,5% против 63,7% в 1939 г. (в стоимостном выражении). На втором месте оставались хозяйства колхозников — 17,9% в 1945 г. против 19,8% в 1939 г. Заметно возросла доля государственных хозяйств (с 8,5 до 13,4%) и хозяйств рабочих и служащих (с 7,3 до 10,9%)²⁴. В промышленно развитых районах произошла экономическая перегруппировка между различными формами организации сельскохозяйственного производства.

Несмотря на жесткие ограничения производственной деятельности и большие людские потери, важную роль в экономике играли индивидуальные крестьянские хозяйства. Они оказались более устойчивыми к разрушающему влиянию войны, что связано с сохранением традиционных черт: многоотраслевой структуры, использования трудового потенциала семьи, полунатурального характера, применения простейших орудий труда. Личные хозяйства играли решающую роль в обеспечении крестьянства, но, несмотря на стремление колхозников их сохранить, шел процесс постепенного разрушения двора. Семейное крестьянское хозяйство позволило колхозникам выжить в тяжелое военное время.

В едином аппарате военно-экономической мобилизации сельского хозяйства заметную роль играли заготовительные органы. В деревне действовала разветвленная сеть заготовительных организаций, которая свидетельствовала о том, что опека над непосредственным производителем была доведена до предела. Эта система, опираясь на органы милиции, позволяла в годы войны изымать из деревни большую часть произведенной продукции. Государство было ее единоличным обладателем и распорядителем. Заготовительным работам придавалось прямое военно-оборонное значение («Хлеб — это победа!»), в их осуществлении применялись всевозможные меры для изъятия продукции (сдача семенного материала, маточного поголовья, сокращение и невыдача продуктов по трудодням). Заготовительные цены на сельхозпродукцию оставались такими же мизерными, как и до войны.

Хлебозаготовки проходили крайне трудно, сочетать уборку, молотьбу и вывоз зерна на заготовительные пункты было для колхозов чрезвычайно сложно, не хватало людей, тягла, отсутствовал автотранспорт. Хлеб не только не успевали обмолачивать, но и убирать.

Справиться с установленными планами поставок колхозы и совхозы не могли. В то же время понимания объективно сложившегося положения у властей не наблюдалось. Более того, они организовывали походы по выколачиванию зерна и других продуктов из деревни, используя уже известные методы: посылку уполномоченных в деревню, постоянную смену руководителей, репрессивные меры к «саботажникам хлебозаготовок». Увеличению обложения способствовали погектарный порядок начисления обязательных поставок, видовая оценка урожая. Предпринимались попытки расширения посевов с целью увеличения урожая хлеба (осенью 1941 и весной 1942 г.), организовывалось социалистическое соревнование колхозов и совхозов, районов, областей и республик по досрочному выполнению поставок сельскохозяйственной продукции государству.

В итоге колхозы Урала сдали ведущему войну государству зерна: 1941 г. — 45,3% валового сбора, 1942 г. — 48,7; 1943 г. — 49,8; 1944 г. — 51,4; 1945 г. — 50,8%. В расчет включались: обязательные поставки государству; натуроплата МТС; сдача в фонд обороны и фонд Красной армии (с 1942 г.); возврат семенных ссуд; продажа государственным заготовителям и кооперации, а также на колхозном рынке (последние две формы не превышали 0,5% валового сбора).

Неуклонно рос удельный вес поставок животноводческой продукции: колхозы сдавали полученного молока до 58%, масла — до 74; шерсти — до 75; яиц — до 82%²⁵. Курс на расширение поставок государству привел к резкому уменьшению оплаты по трудодням, сокращению стада животных, семенных, фуражных, продовольственных фондов. Установленные планы поставок по всем видам колхозы и совхозы на Урале не выполняли. К 1944 г. сельхозпроизводители накопили огромные недоимки. Жесткие военно-административные рычаги в 1941–1943 гг. и мобилизационные возможности колхозно-совхозного строя не смогли остановить падения сельскохозяйственного производства.

В исторической литературе отмечается, что 1943 год — самый трудный для сельского хозяйства страны в годы войны. Ограничиваться этим утверждением было бы не совсем точно. Крайне низкие показатели сельхозпроизводства 1943 г., да и предыдущего 1942 г., вызвали катастрофическую ситуацию с продовольствием. Население уральской деревни провело полуголодную зиму 1943 г., весну и лето 1944 г.

Сложившееся положение (особенно огромные задолженности по поставкам зерна) вынудило уральские областные комитеты ВКП(б) в конце 1943 г. обратиться в ЦК с предложением о создании вокруг индустриальных центров собственной продовольственной базы. В основе концепции лежала идея о переориентации колхозов и совхозов на производство картофеля и овощей, мяса, молока, яиц. Требовалось значительное расширение коллективного и индивидуального огородничества и животноводства, дальнейшее развитие и укрепление подсобных хозяйств предприятий. Для осуществления этих мер необходимы были финансовые средства, материально-техническая помощь, снижение налоговых и заготовительных обложений.

24 марта 1944 г. ГКО впервые за военные годы принял постановление «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области». Затем, на основе отчетов обкомов партии, были приняты постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в которых намечалась программа выхода сельского хозяйства каждой области и автономной республики из критического состояния. Впервые местным органам разрешалось изменять структуру посевов; были уменьшены площади, облагаемые поставками; списывались частично недоимки; несколько увеличивалось снабжение деревни техникой, инвентарем, семенами; хозяйствам пригородной зоны разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна; в индустриально развитых областях региона запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность. В дальнейшем правительство приняло подобные решения по другим областям и республикам Урала²⁶.

Основное внимание местных властей было сосредоточено на ликвидации катастрофических последствий в сельском хозяйстве 1942–1943 гг., на восстановлении посевных площадей, повышении урожайности, развитии животноводства, пчеловодства и других отраслей. Так, Башкирский обком партии и СНК автономной республики провели работу по определению специализации сельского хозяйства каждого района и колхоза с учетом экономических и природных ресурсов. Особое внимание при этом обращалось на левобережные районы реки Белой, которые периодически подвергались засухе и эрозии почв; в горнолесных районах – на развитие животноводства и необходимость подбора морозоустойчивых сортов сельскохозяйственных культур; ставилась задача рационального использования трудовых ресурсов, расширения механизации работ. В целом разрабатываемые меры нацелены были на интенсивное развитие сельского хозяйства республики²⁷. Принятие и осуществление комплекса этих мер свидетельствовали об известном повороте в аграрной политике в регионе. Корректировка аграрной политики партии и государства была непосредственно связана с приближением окончания войны, освобождением значительной части оккупированных территорий.

Изменения в аграрной политике, а также благоприятные погодные условия в короткие сроки дали в регионе ощутимые положительные результаты. Кризисная ситуация в сельском хозяйстве стала преодолеваться. Однако, несмотря на некоторый подъем, к концу войны колхозы и совхозы Урала подошли в крайней степени ослабленными и обессиленными – с разрушенными производительными силами, запущенной землей и «отброшенным назад» животноводством.

Утверждения И.В. Сталина, что колхозы и совхозы с честью выдержали испытания и вышли из войны окрепшими, были пропагандистской уловкой и откровенным обманом. Этого не могло произойти, т.к. колхозы и совхозы не только не могли вести расширенного воспроизводства, но даже и простого, поскольку большая часть произведенной продукции из деревни забиралась. Тем не менее, встречающиеся в современной исторической литературе утверждения о том, что колхозы к концу войны оказались на грани развала, не подтверждаются историческими источниками. Для аграрного развития военного времени были характерны усиленная концентрация ресурсов, направ-

ленная на обеспечение воюющей армии и городского населения сельскохозяйственной продукцией, активизация деятельности сельских тружеников, жесткий административный прессинг на колхозную деревню. Крестьянство не теряло надежды, что враг будет разгромлен. Деревня работала на износ, и это была цена, которую заплатило крестьянство Урала за Победу в войне. Война нанесла большой урон аграрной экономике тылового Урала; все отрасли сельского хозяйства вышли из нее с большими издержками. Были потеряны те достижения, которые свидетельствовали об интенсификации производства. Деревня изменилась, приспособилась к военным условиям, что проявилось в трансформации структуры, перегруппировке организационных форм сельскохозяйственного производства.

Трудом на пределе человеческих возможностей, величайшим самопожертвованием колхозному крестьянству удалось снабдить страну минимумом продовольствия и сырья, спасти население от массового голода. Дорогой ценой достались колхозникам Урала поставленные стране 10,5 млн т зерна, 1,4 млн т картофеля, 0,7 млн т овощей, 1,2 млн т молока. Уральские совхозы поставили 1 млн т зерна, 0,3 млн т молока и другую сельскохозяйственную продукцию. Доля региона в заготовках зерна страны возросла с 11,8% (1938–1940) до 12,3% (1941–1945), а в 1941 г. она поднялась до 14,7; в 1942 г. – до 15,1; в 1943 г. – до 13%²⁸. Уральский вклад в Победу – это восьмая часть всего заготовленного в стране хлеба за годы Великой Отечественной войны.

Примечания

- ¹ *Корнилов Г.Е.*: 1) Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации // *Российская история*. 2018. № 4. С. 17–23; 2) Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2014. № 1. С. 394–405.
- ² *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945: Пиррова победа. М., 1995. URL: <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/auditorium-n-f-bugaj-20-50-e-gody-pereseleniya-i-deportacii-evrejskogo-naseleniya-v-sssr/vylcan-ma-krestyanstvo-rossii-v-gody-bolshoj-vojny-1941-1945-pirrova-pobeda/>; *Кондрашин В.В.* Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2005. Т. 7. № 2. С. 190.
- ³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 82. Д. 41. Л. 22; Оп. 326. Д. 723. Л. 6, 9, 80, 92; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 43, 51, 75; Численность скота в СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 11, 26, 34, 56, 98, 112, 119; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 392, 417, 432.
- ⁴ *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 69, 70.
- ⁵ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-122. Оп. 23. Д. 577. Л. 1, 186, 193; *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны ... С. 79.
- ⁶ Рассчитано по: *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 22, 38–39.
- ⁷ *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953* / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М., 2006. С. 402–403.
- ⁸ Там же. С. 587, 588.
- ⁹ НА РБ. Ф. И-394. Оп. 3. Д. 1013. Л. 124.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-122. Оп. 23. Д. 6. Л. 9.
- ¹¹ *Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны ... С. 25.
- ¹² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 839. Л. 6.

- ¹³ Колхозная жизнь на Урале ... С. 583–585.
- ¹⁴ НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 22. Д. 430. Л. 49; Ф. И-933. Оп. 1. Д. 3508. Л. 5, 6; Д. 4498. Л. 15.
- ¹⁵ Колхозная жизнь на Урале ... С. 360–361.
- ¹⁶ НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 23. Д. 90. Л. 2–4; Д. 566. Л. 82; Оп. 24. Д. 76. Л. 3, 8; Д. 223. Л. 6 об.
- ¹⁷ Там же. Оп. 23. Д. 6. Л. 3–5.
- ¹⁸ Там же. Оп. 24. Д. 83. Л. 1, 1 об., 2; Оп. 25. Д. 49. Л. 2, 2 об.
- ¹⁹ Там же. Оп. 25. Д. 56. Л. 1, 1 об., 2, 4, 5.
- ²⁰ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 326. Д. 8. Л. 1, 9, 37, 45, 58, 66, 71; Д. 14. Л. 11, 37, 81, 85, 89, 110, 121; Д. 723. Л. 6, 56, 59, 62, 80, 92, 155.
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3475. Л. 30–32, 54–56; 24; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство ... С. 430–431.
- ²² НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 23. Д. 6. Л. 37, 66.
- ²³ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны ... С. 75.
- ²⁴ Мотревич В.П. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Препринт. Свердловск, 1991. С. 8.
- ²⁵ Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3443. Л. 28, 29; Д. 3450. Л. 18–20; Д. 3457. Л. 15–17; Д. 3468. Л. 21–23; Д. 3475. Л. 58–60.
- ²⁶ Материалы по выполнению постановления Государственного Комитета Обороны «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области». Свердловск, 1944; Сборник указов, постановлений, распоряжений: 1941–1945. Челябинск, 1945; О мероприятиях по подъему сельского хозяйства в колхозах Башкирской АССР. Уфа, 1945.
- ²⁷ НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 24. Д. 224. Л. 2–19; Оп. 25. Д. 47. Л. 1, 2.
- ²⁸ Корнилов Г.Е. Уральская деревня ... С. 118.

Библиография

- Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.
- Вылцан М.А. Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945: Пиррова победа. М., 1995.
- Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.
- Кондрашин В.В. Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7. № 2. С. 289–300.
- Корнилов Г.Е. Заготовки сельскохозяйственной продукции в уральской деревне в условиях Великой Отечественной войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 394–405.
- Корнилов Г.Е. Особенности аграрной политики сталинизма: колхозная жизнь после коллективизации // Российская история. 2018. № 4. С. 17–23;
- Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 223 с.
- Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Проблема демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 174 с.
- Материалы по выполнению постановления Государственного Комитета Обороны «О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области». Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1944. 113 с.
- Мотревич В.П. Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.). Препринт. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 72 с.
- О мероприятиях по подъему сельского хозяйства в колхозах Башкирской АССР. Уфа: Башгосиздат, 1945. 39 с.
- Сборник указов, постановлений, распоряжений: 1941–1945. Челябинск: Изд. обл. упр. изд-во и полиграфии, 1945. 563 с.
- Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. 666 с.
- Численность скота в СССР. Стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. 619 с.

Вербицкая О.М.*

Медицинская сфера в 1990-е гг. и здоровье жителей российского села

Аннотация. Проанализированы итоги аграрной реформы 1990-х гг. в контексте ее влияния на здоровье сельского населения; показано сокращение сельской сети медицинских учреждений, ухудшение их технической оснащенности и т.п. Вывод: резкое ухудшение состояния сельских медучреждений и обострение в них кадровой проблемы — прежде всего, следствие недостаточного их финансирования. Другая сторона проблемы — состояние здоровья и смертности сельских жителей. Изучены основные тенденции, доказано значительное ухудшение их относительно предыдущего периода; выделены общие и особенные черты в городском и сельском населении. Структура заболеваемости — во многом одинакова; в причинах смертности — заметные отличия. Подчеркнута губительная роль высокой алкоголизации села, прежде всего, мужчин трудоспособного возраста; что делало их среднюю продолжительность жизни заметно короче, чем у женщин-селянок. В мирный период 1990-х гг. высокие людские потери села — еще и результат многочисленных ошибок как в стратегии аграрной реформы, так и в ее проведении. Государство в эти годы тоже существенно ослабило исполнение своих функций, особенно в социальной сфере села, практически не контролируя реализацию законных прав граждан на медицинскую помощь.

Ключевые слова: аграрная реформа, медицинские объекты села, техническая оснащенность, государственное финансирование, состояние здоровья, уровень заболеваемости и смертности, «социальные» болезни, профессиональные заболевания, производственный травматизм, уровень алкоголизма, средняя продолжительность жизни.

Аграрная реформа 1990-х гг. существенно обострила не только развитие неблагоприятных тенденций в экономической сфере, но и общую социально-психологическую обстановку на селе. Большинство его жителей особенно были недовольны политикой «шоковой терапии», разорением колхозов и совхозов, быстрым ростом безработицы и бедности, а также общими мрачными перспективами. Затяжной стресс от проходивших реформ серьезно осложнял им жизнь.

На фоне негативных перемен постоянно ухудшалось материальное положение сельского населения, быстро снижались его доходы и качество питания. Известно, что в сельской местности практически все жители имели свои приусадебные хозяйства, в которых выращивали в основном овощи и картофель, а некоторые — еще и держали домашний скот и птицу. Однако по мере углубления экономических преобразований, в том числе, развала колхозов и совхозов, которые переводились на статус частных предприятий, прекратилась и экономическая поддержка ими подсобных хозяйств своих работников (в виде безвозмездного предоставления семян, кормов, частично — молодняка скота и других ресурсов из общественного хозяйства). Естественно, это еще больше усилило проблему кормов для личного скота, и заставило многих владельцев личных подсобных хозяйств отказаться от личного животноводства.

* Вербицкая Ольга Михайловна — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, verb-olga@yandex.ru.

Данное обстоятельство незамедлительно отразилось на пищевом рационе сельских семей, за счет снижения ими потребления ценных продуктов животного происхождения. В 1994–2001 гг. в сельском населении России потребление мяса и мясопродуктов уменьшилось в среднем более чем на 20%, молока — на 37%; и даже картофеля стало потребляться почти на $\frac{1}{4}$ меньше, чем ранее. Для восполнения образовавшегося недостатка общей калорийности питания жители села стали потреблять на 25% больше углеводов, т.е. хлеба, сухарей и прочих мучных изделий¹.

Кроме ухудшения структуры питания общее неблагополучие сельской жизни дополнялось и тяжелой экологической обстановкой по целому ряду российских регионов, в частности, еще большим загрязнением открытых водоемов, из которых сельские жители набирали воду. Водопроводные сети там, где они были, и по которым поступала питьевая вода, и в прежние времена уже находились в неудовлетворительном состоянии, а в кризисных условиях 1990-х гг. практически прекратили свою работу. Опасным фактором для здоровья людей становилось и усиление промышленного загрязнения местных водоемов токсичными веществами. Из-за нехватки финансовых средств в сельских поселениях практически прекратились работы по очистке почв от вредных металлов и других примесей, что способствовало еще большему накоплению этих концентраций. К тому же, происходившее в стране радикальное реформирование экономики, сопровождалось небывалым падением производства, поэтому госбюджет ощущал огромный дефицит финансов, и работы по устранению последствий загрязнения окружающей среды производились исключительно лишь в аварийных и острых ситуациях, когда требовалось немедленное реагирование. Систематическая забота о среде обитания явно отошла на второй план².

В стрессовый период 1990-х гг. экономические проблемы дополнялись и демографическими: в сельской местности быстро падала рождаемость при одновременно серьезно возросшем уровне заболеваемости и смертности населения. Но российское здравоохранение, как и другие гуманитарные сферы, тоже пребывало в глубоком кризисе, и его реальные возможности не позволяли в должной мере противодействовать различным негативным факторам, влиявшим на здоровье людей. Повсеместно происходил развал учреждений социальной сферы, сфера здравоохранения неумолимо разрушалась.

И если до рыночных реформ в стране несколько десятилетий действовала налаженная система диспансерного обслуживания и систематического флюорографического наблюдения, в том числе и за сельским населением, то в 1990-е гг. об этом пришлось забыть. Прежде всего, в сельской местности постепенно прекращали работу медицинские учреждения, хотя до начала реформ там было сконцентрировано не менее половины общего числа амбулаторно-поликлинических учреждений в РСФСР (21 701 ед. — в 1990 г.). От этого количества всего через пять лет осталось уже менее половины — 9217 ед. медучреждений (1995 г.), а еще через 10 лет даже то, что оставалось, сократилось еще на 20% (2005 г.).

Иными словами, за эти 15 лет в сельской местности осталось лишь 7495 объектов здравоохранения, или около $\frac{1}{3}$ того, что работало на селе до

«рыночной модернизации» села. В период с 1990 — начала 2000-х гг. в сельской местности России медучреждения подверглись практически полному разрушению, и обычной картиной в них становился общий недостаток не только медперсонала, но и лекарственных препаратов и даже перевязочного материала, которые поступали крайне редко, а иногда вообще этого не происходило. Что касается общей технической оснащенности тех сельских медпунктов и больниц, которые уцелели и еще как-то работали, то за время рыночных преобразований их отставание от современного уровня медицины измерялось не одним десятком лет³.

Ввиду отсутствия государственного финансирования нормальная деятельность сельских медицинских учреждений зачастую полностью прекращалась. В целом более всего пострадало основное звено сельского здравоохранения — фельдшерско-акушерские пункты (ФАПы), которые в прежнее время имелись практически в каждом более или менее крупном сельском поселении. В еще действовавшие ФАПы выстраивались длинные очереди из селян, но общий недостаток врачей и другого медперсонала, а также отсутствие в них минимально необходимой аппаратуры и проч., по существу, означало, что сельские жители в 1990-е гг. фактически лишились возможности получить медицинскую помощь.

Исследования российского центра «РОМИР» подтвердили, что около ½ российских граждан в этот период испытывали серьезные затруднения с получением медицинской помощи. А ¼ их, проживавших в основном в сельской местности, были вынуждены, если не всегда, то очень часто, обходиться вообще без такой помощи⁴. В данной ситуации им ничего не оставалось, кроме как перестать заботиться о своем здоровье, или же, в лучшем случае, обращаться к оставшимся в глухих деревнях «бабкам» или знахарям.

Дело в том, что традиционное отношение к сельскому здравоохранению как второстепенной сфере во многом сформировалось еще при советской системе финансирования, которая действовала по «остаточному» принципу. В соответствии с ним государство на цели народного здоровья выделяло минимум средств, лишь в объеме, весьма далеком от реальной потребности. С годами сложилась практика, когда на нужды села и развитие его медицины средства из госбюджета поступали в самую последнюю очередь, лишь после того, как были полностью профинансированы приоритетные отрасли, прежде всего Военно-промышленный комплекс и тяжелая промышленность. И только окончательный остаток средств мог быть направлен в учреждения социальной сферы, включая и сельские.

Новая Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г. при Президенте Б.Н. Ельцине, естественно, формально тоже декларировала положения о законном праве граждан на бесплатную медицинскую помощь, бесплатное образование и другие основные права. Однако в действительности бесплатная медпомощь гражданам России в постсоветский период сразу же стала превращаться в исчезающую услугу — как вследствие фактического прекращения ее деятельности, так и по причине все более уверенного ее перехода на платную основу.

К тому же, в 1992 г., в самом начале рыночных реформ, правительство РФ приняло вполне однозначное решение — о передаче учреждений сельской со-

циальной сферы, включая и медицинские, из общегосударственного ведомства в сферу ответственности муниципальных органов власти⁵. На деле это означало одно: государство отказывалось от дальнейшего содержания этих учреждений села.

Никаких альтернативных источников для их финансирования, по сути, уже не оставалось. Хотя в советский период в сельской местности имелась практика, когда наряду с государством, обеспечивавшим основной объем ассигнований медицинских учреждений, часть расходов по их содержанию брали на себя еще колхозы и совхозы, также перечислявшие определенную часть своих средств в пользу сельской социальной сферы. Однако, как известно, в ходе реализации рыночных реформ подавляющее большинство коллективных сельхозпредприятий советского типа было расформировано, а возникшие вместо них предприятия коммерческого типа сразу же отrekliсь от столь обременительных затрат, ссылаясь на собственные финансовые проблемы. Само же государство в годы кризиса и реформ все более последовательно проявляло стремление к сокращению доли своего участия – не только в развитии сельскохозяйственного производства, но и социальной сферы села, в лучшем случае, временами направляя на эти сферы незначительные суммы⁶.

Параллельно, с 1970-х гг., во многих развитых странах мира появлялись и в законодательном порядке закреплялись новые государственные приоритеты, в соответствии с которыми доля военных исследований повсеместно сокращалась. Но при этом постепенно возрастали объемы инвестирования фундаментальных наук, связанных с совершенствованием, в том числе и системы здравоохранения, за которой, безусловно, стоит главное качество человеческого потенциала – здоровье, во всем богатстве и многообразии его проявления⁷.

В России, где, безусловно, в 1990-е гг. тоже происходило осмысление и понимание важности национального здоровья как одного из важнейших составляющих человеческого потенциала страны, однако, до перераспределения приоритетов в его пользу было еще далеко. Отсутствие в госбюджете средств на социальные потребности села привело к тому, что там фактически было заблокировано не только новое строительство учреждений здравоохранения, но и, по существу, прекращена любая финансовая поддержка даже тех немногочисленных медицинских учреждений, которые еще как-то работали. Состояние их материально-технической базы при таких условиях, естественно, все больше деградировало, вплоть до стадии полной изношенности. Достаточно отметить, что около 50% диагностического и лечебного оборудования в сельских лечебных учреждениях было полностью морально и физически устаревшим. Отсутствие в них необходимых для развития средств приводило к уродливым последствиям. Так, большая часть пациентов сельских стационаров, как правило, должна была за собственный счет приобретать необходимые лекарства, приносить из дома постельные принадлежности и проч. Более того, в силу крайней скудости больничного питания больные обычно просили родных и о дополнительном питании⁸.

Все это иллюстрирует то крайне плачевное состояние, в котором оказались сельские объекты здравоохранения по причине очередного реформационного

порыва новой российской власти «модернизировать» не только сельское хозяйство, но и социальную сферу, на деле посадив ее на голодный паек.

Еще одним негативным фактором, невероятно осложнявшим своевременное получение медицинской помощи жителями села, на практике становилось катастрофическое состояние местных дорог, особенно в период весенне-осенней распутицы, при общей нехватке машин и горючего. Состояние имевшегося медицинского транспорта уже демонстрировало его полную изношенность и острую необходимость в обновлении. Кроме того, порой буквально роковым для жизни больных становилось и отсутствие телефонной связи со многими сельскими поселениями. О крайне тяжелом положении сельского здравоохранения, и о том, как в действительности осуществлялось медицинское обслуживание жителей сельской глубинки, свидетельствуют живые примеры по Верхнекетскому району Томской области. В этом сельском районе в конце 1990-х гг. существовал один-единственный пункт оказания медицинской помощи, еще действовавший, размещавшийся в центральном поселке Белый Яр, с которым у нескольких самых удаленных поселков (Катайга, Степановка, Дружный и др.) по полгода и более (с апреля по октябрь) фактически не было никакой связи. В тот период и в данном направлении, кроме авиационных перевозок, не существовало никакого сообщения. Естественно, что специальные вылеты сельской авиации «по санзаданию» осуществлялись лишь в самых крайних случаях, когда речь буквально шла о жизни или смерти. И обходились они весьма не дешево и по этой причине часто срывались, когда не находилось денежных средств⁹.

Но в тех сельских поселениях, где еще работали пункты медицинского обслуживания, объемы их работы тоже вынужденно сокращались, именно потому, что в кризисные 1990-е гг. на селе, как, впрочем, и в городах, действовала негласная установка правительства на постепенное сокращение расходов на здравоохранение. Похоже, власти исходили из того, что в условиях радикальных реформ, которые не приносили должных результатов, сохранение (тем более в сельской местности) учреждений медицинского обслуживания обходилось слишком дорого, и поэтому его следовало минимизировать¹⁰.

Более всего от свертывания сети лечебных учреждений страдали сельские фельдшерско-акушерские пункты, которые до начала рыночных преобразований служили надежными пунктами медицинской помощи практически во всех населенных пунктах села. Еще в 1990 г. в сельской местности России их насчитывалось 46,6 тыс., но уже спустя пару лет после начала аграрной реформы это число уменьшилось почти на 2 тыс. пунктов. За этим сокращением последовало снижение количества и других медицинских объектов — находившихся в сельской местности амбулаторий и различных стационаров (см. табл. 1). Это был серьезный удар по сельскому здравоохранению, особенно если учесть, что общее количество медицинских объектов и в прежние, более благополучные, времена не было достаточным для нормальной организации обслуживания населения. Но сельские объекты медицины в период «перехода к рынку» подлежали сокращению в числе первых, поэтому жителям села, даже при крайней необходимости, медицинской помощи дожидаться было неоткуда.

Таблица 1

**Учреждения здравоохранения и медицинская помощь
населению в сельской местности РФ**

Показатель/Годы	1990	1998	1999	2002
Число врачебных больничных учреждений, всего (ед.), в том числе:	...	4776	4521	4181
– центр. районных	602	653	677	682
– районных	178	125	114	115
– участковых	4813	3540	3451	3105
Число больничных коек в них, тыс.	...	245,1	234,3	220,4
Число амбулаторно-поликлинич. учреждений (ед.)	...	8677	8513	8283
Число ФАПов	46609	44777	44708	43913
Числ-ть врачей, (тыс. чел.)	...	52,7	52,4	50,5
Числ-ть сред. мед. персонала, (тыс. чел.)	...	256,4	255,7	241,0

Источник: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее урегулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. 2000 г. (2-й вып.). М., 2001. С. 102; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее урегулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (5-й вып.). М., 2003. С. 65.

Из таблицы 1 видно, как проходил реальный процесс свертывания учреждений сельского здравоохранения, официально именовавшийся «реструктуризацией». Действительно, с 1998 по 2002 г. общее число амбулаторно-поликлинических учреждений в сельской местности по России уменьшалось, главным образом, за счет закрытия почти 400 участковых больничных учреждений (а если сравнивать с 1990 г., то – и на 1700). Это привело к соответствующему снижению общего числа больничных коек в сельской местности (в районных, участковых и других больницах) – сразу на 25,3 тыс. Естественно, от такой реструктуризации в итоге страдали сельские жители, общие возможности которых получать медицинскую помощь от этого еще больше сокращались. Картину общей деградации сельской медицины в те годы дополняло и закрытие только за 1998–2002 гг. почти 900 фельдшерско-акушерских пунктов, а если сравнивать с дореформенным 1990 г., то – уже 2,7 тыс.

Единственной же инстанцией здравоохранения, которая более или менее регулярно продолжала еще обслуживать сельское население, оставались центральные районные больницы, число которых не только не уменьшилось, но даже, наоборот, выросло относительно 1990 г. (см. табл. 1). Однако их общее состояние было тоже удручающим, поскольку в действительности подобные медучреждения имелись лишь в половине сельских населенных пунктов

России. При этом, примерно, каждое восьмое здание сельских амбулаторий и участковых больниц находилось в аварийном состоянии; еще $\frac{1}{4}$ зданий медицинского профиля требовала срочного капитального ремонта; более 75% было лишено канализации, 72% — водопровода, 66,4% — центрального отопления; а 2% сельских врачебных амбулаторий не имело даже собственного телефонного номера, в почти 15% — и своего транспорта¹¹.

В рассматриваемые годы в сельской местности практически не велось нового строительства больниц. Оно возобновилось (в небольших масштабах) лишь в начале 2000-х гг. В 2002 г., например, построили и ввели в эксплуатацию всего несколько новых больниц, общей вместимостью в 1 тыс. коек. Это было в пять раз меньше, чем в 1990 г., и на 40% меньше, чем в 2001 г. Особенно резко снизился общий объем строительства и введения в эксплуатацию медицинских учреждений в сельской местности Урала, Сибири, хотя в Приволжском федеральном округе (ФО) отмечался заметный прирост¹².

Общая обеспеченность села медицинским персоналом в 1990-х гг. оставалась в высшей степени неудовлетворительной. На каждые 10 тыс. сельских жителей по Российской Федерации приходилось всего по 5–6 врачей (!) и 53–54 представителя среднего медицинского персонала, в то время как в городах эти показатели были выше: соответственно в пять-шесть (33–34 чел.) и два (127–128 чел.) раза¹³.

Согласно проведенному в начале 2000-х гг. ВЦИОМ репрезентативному опросу сельского населения, почти $\frac{1}{4}$ (23%) опрошенных россиян жаловались на отсутствие в их селах полноценного медицинского обслуживания¹⁴.

Учитывая сокращение на селе общего количества лечебных учреждений и медицинских кадров, сельским врачам приходилось работать с огромной перегрузкой. Результаты мониторинга состояния сельской трудовой сферы РФ показывали, что в сельских медицинских учреждениях Сибири доктора были вынуждены за смену в среднем принимать по 160, а в районах Центрального ФО — по 105 пациентов. Приведенные цифры подтверждали невероятную профессиональную загруженность и общую интенсивность рабочей смены врача в сельской местности. Что касается сельской службы скорой помощи, то работавшие в ней медики, несмотря на крайне сложные условия, все же продолжали обслуживать больных и выполнять свою работу (как амбулаторную, так и на выезде) по оказанию срочной медицинской помощи значительному числу пациентов, причем в объеме, вполне сопоставимом с городскими службами¹⁵.

На протяжении всего периода реформ оказание медицинской помощи сельским жителям было весьма затруднено — они на себе ощущали все болезненные для них последствия сокращения общего числа врачей и медсестер. Но особенно тяжелое положение сложилось в сельской «глубинке», где фактически вообще не было условий для получения врачебной помощи. И все же сельские медики, хотя и осознавали масштаб заболеваемости в депрессивных поселках, не соглашались оставаться там работать. Происходило это, прежде всего из-за полного отсутствия реальной перспективы развития деревень, обреченных на вымирание¹⁶.

Учитывая невероятные условия, в которых в период проведения реформ функционировали сельские объекты медицины, не удивительно, что в них ох-

рана здоровья населения, по существу, была пущена на самотек. Общий уровень изношенности в стране медицинского оборудования (фактически не обновлявшегося и даже не пополнявшегося все 10 лет реформ) достиг к концу 1990-х гг. 64%, но на селе он был еще выше. Например, в сельских пунктах оказания медицинской помощи этот уровень приближался к 80%, а основная часть приборов и аппаратов в них эксплуатировалась по 15–20 и более лет, успев неоднократно выработать свой ресурс¹⁷. Столь ветхие медицинские приборы не могли гарантировать не только качество обследований и эффективность лечения, но и его безопасность. Органы сельского здравоохранения постоянно ощущали огромный недостаток в финансах, не имея возможности приобретать даже самое необходимое специальное оборудование, медикаменты и расходные материалы. Поэтому больным часто рекомендовалось на прием к врачу являться со своими лекарствами, одноразовыми шприцами, бинтами и т.п. Это — подтверждение тому, что государство фактически игнорировало выполнение своих обязанностей перед жителями села, а многолетнее отсутствие поставок медицинского оборудования и лекарств в больничные учреждения села свидетельствовало еще и о стремлении сэкономить на здоровье людей. В итоге подавляющее большинство сельских больных, которые остро нуждались в медицинской помощи, часто погибали, не дождавшись ее получения в полноценном виде. К сожалению, многие объекты здравоохранения на селе, фактически не имея никаких возможностей для оказания помощи больным, ежегодно закрывались, вынужденно прекращая работу, в основном, по причине отсутствия медицинских кадров и лекарств.

О своем отношении к «рыночным» переменам, в том числе и в сельских объектах здравоохранения, селяне рассказывали ученым во время социологических исследований. Например, Татьяна, 56 лет (Краснодарский край) отмечала: «В нашу сельскую больничку стало страшно заходить, а ведь когда-то это была наша гордость, и приезжавшие на лето дачники старались лечиться у нас, всегда говорили: “Вот бы нам в городе такую больницу и таких врачей”. Но это теперь уже из далекого прошлого. Сейчас туда страшно зайти: ступени обвалились, пол прогнил, оборудования, можно сказать, нет никакого, что купили 40 лет назад, все так и осталось, а поредевшие ряды обслуживающего персонала — сильно “сдали”, и уже не могут в силу возраста качественно делать свою работу. Живешь и думаешь — только бы ничего с тобой не случилось! Ведь на помощь рассчитывать не приходится. Если хочешь выжить, выход один — уезжать»¹⁸.

Положение с кадровым потенциалом сельских медучреждений в годы рыночных реформ находилось под особой угрозой: из-за отсутствия пополнения новыми специалистами во многих клиниках и больницах вообще не осталось дипломированных врачей. Нехватка медсестер и врачей в сельских медицинских учреждениях произошла, главным образом, из-за тяжелых условий работы, крайней бедности материальной базы больниц и поликлиник. Однако сами медики главными негативными факторами все же считали свои крайне низкие и нерегулярные зарплаты, а также общую бытовую неустроенность и отсутствие перспектив для профессионального роста. Это и объясняло, почему в муниципальных медицинских учреждениях, в основном работали

специалисты пред- и пенсионного возраста, в то время как молодежь предпочитала коммерческую деятельность в городах¹⁹.

Недостаточное укомплектование сельских поликлиник и больниц квалифицированными врачебными кадрами, как и отсутствие необходимого оборудования, лекарств, транспорта и средств связи, тоже в основном — результат издержек порочной практики слабого финансирования сельской системы здравоохранения, а зачастую — полного его отсутствия. Государство, ранее обещавшее посредством рыночных реформ привести село к обеспеченной жизни, на деле фактически ничего для этого не предприняло, и в итоге лишило его жителей даже последнего, что еще оставалось от наследия СССР. Исследования российского центра «РОМИР», показывали, что около ½ российских граждан имели серьезные трудности с получением медицинской помощи. Почти ¼ опрошенных сельских жителей признавалась, что они вынуждены, если и не всегда, то слишком часто, обходиться вообще без такой помощи²⁰.

К концу 1990-х гг. кризисная ситуация в сельском здравоохранении распространилась и на службу скорой помощи. Сельские медпункты уже не в состоянии были оказывать ее в нужном объеме — без регулярной поставки медикаментов и необходимого медицинского оборудования. В 1999 г. по всей сельской территории огромной России реально действующими оставались лишь 713 отделений скорой медицинской помощи, хотя даже в таких экстремальных условиях в течение года они успевали обслужить 5,9 млн вызовов, оказать квалифицированную помощь 7,1 млн чел., несмотря на то, что реальный запрос, определенно, был еще больше. За период кризиса и реформ и ранее имевшийся разрыв между городом и селом в качестве медицинского обслуживания населения значительно обострился. В результате далеко не все сельские жители, в срочном порядке нуждавшиеся в медицинской помощи, могли ее получить.

В целом реальные возможности службы «скорой помощи» в сельской местности существенно уступали уровню обслуживания в городах. Например, в 2002 г. в расчете на 1 тыс. горожан было совершено 398 выездов бригад медиков «скорой помощи», на селе — всего 158, т.е. почти в 2,5 раза меньше²¹. И это притом что «скорая» в сельской местности далеко не всегда имела в своем распоряжении необходимые препараты для спасения человеческих жизней.

Такой отрыв в качестве полученной медицинской помощи между городом и селом в последующие годы еще более возрос, что, естественно, губительно сказалось на состоянии здоровья жителей села. Таким образом, критическое состояние медицинских учреждений села зачастую становилось непосредственной причиной не только резкого ухудшения здоровья его жителей, но и существенного возрастания общего уровня их смертности.

Известно, что важной составляющей здоровья человека служат систематически проводимые профилактические меры, позволяющие выявлять заболевания на ранних стадиях. Но в период радикальных общественно-экономических трансформаций 1990-х гг. почти все дорогостоящие медицинские осмотры сельского населения, ранее периодически проводившиеся, прекратились. В сочетании с многократным подорожанием медикаментов и практически недоступной врачебной помощью это, несомненно, озна-

чало одно: государство своей политикой реформ и «шоковой терапии» еще больше обрекало жителей села на практически не контролируемый рост заболеваемости²².

Естественно, это понимали и сами жители села, единодушно и крайне негативно оценивавшие изменения, которые происходили в сфере медицинского обслуживания. Их оценки работы медучреждений в стране, а также своих реальных, резко ухудшившихся шансов на получение на селе медицинской помощи, в значительной степени совпадали. К примеру, более ¼ опрошенных отмечали, что за время реформ медобслуживание сильно ухудшилось.

Даже те немногие жители села, которые имели сравнительно высокий уровень материальной обеспеченности, при отсутствии на местах медучреждений, тоже не могли постоянно получать надежную и качественную (в том числе и на платной основе) медицинскую помощь²³. Более всего лишений претерпевали жители отдаленных сельских поселков. Для этих людей визит к врачу приобрел масштабы огромной и трудно разрешимой проблемы. Невозможность получить квалифицированную врачебную помощь практически полностью убивала в них любую надежду на выздоровление, губила здоровье, приводя к перерастанию болезней в запущенные, хронические формы и т.д.

В числе основных факторов постоянно ухудшавшегося здоровья селян, кроме катастрофического положения сельской медицины, бесспорно, следует назвать и продолжавшееся общее падение уровня жизни подавляющего большинства селян, вызванное, прежде всего, шоковыми последствиями рыночных преобразований. Общий рост заболеваемости, высокий уровень производственного травматизма в сельском хозяйстве в сочетании с невозможностью получения квалифицированной помощи медиков на местах вынуждал жителей сел терять время и обращаться в областные и центральные специализированные медицинские учреждения, расположенные в городах. Однако полные и достоверные данные о таких обращениях за период 1990-х гг. отсутствуют, хотя, как видно из других источников, общее число госпитализированных селян в областные, краевые и республиканские больницы было значительным: в 2002 г. из сельской местности поступили еще на 15,2 тыс. больше пациентов, чем годом ранее; в детские областные, краевые и республиканские больницы – на 10 тыс., в центральные районные – почти на 88 тыс.; в районные – на 38 тыс. чел. больше. Это может быть истолковано двояко: или у больниц появились новые возможности, или число заболевших возросло, но подтвердить это невозможно – нет комментариев по поводу этих цифр. Одновременно в начале 2000-х гг. участковые больницы – первичное звено сельских лечебных учреждений – смогли принять почти на 16 тыс. больных меньше²⁴.

Судя по конкретным фактам состояния сельской медицины, можно заключить, что ее материальная база, которая и ранее была уже сильно устаревшей и изношенной, к концу 1990-х гг., при фактическом прекращении финансирования из госбюджета, уже окончательно «развалилась». По-прежнему многие из медпунктов села ютились в плохо приспособленных и сильно обветшавших помещениях, не располагая даже элементарными коммунальными удобствами. Диагностическое и лечебное оборудование в них физически и мо-

рально устарело практически на 80%, а заменить его было нечем. Постепенно это заставляло сельских пациентов значительно реже обращаться в свои сельские лечебные учреждения.

К примеру, в 1999 г. число лиц, получивших медицинскую помощь в амбулаторном порядке и на выезде, по сравнению с предыдущим пятилетием, снизилось на 178,3 тыс. чел.²⁵ Можно не сомневаться, что за это время они здоровее не стали. Возможно, свою роль сыграла еще и очень высокая естественная убыль сельского населения, происходившая и вследствие общего катастрофического состояния здравоохранения в сельской местности.

Уже с начала 1990-х гг. ситуация на селе осложнялась вспышками заболеваемости, в том числе и уже порядком забытыми, так называемыми социальными болезнями. Давно замечено, что в период общественных катаклизмов эти болезни, как правило, особенно бурно себя проявляют. Происходит существенный прирост острой инфекционной заболеваемости – туберкулеза, сифилиса и других болезней, которые усиливаются вследствие еще большего обострения материальных лишений, моральных страданий и стрессового состояния. На фоне массового обнищания людей, недостаточного питания, а также из-за серьезного ухудшения санитарно-гигиенической обстановки в стране, произошла активизация вспышки инфекционных заболеваний. Характерно, что в исследуемый период, в том числе и среди сельских жителей, угрожающие масштабы приняла и заболеваемость инфекциями, передаваемыми половым путем. За 1991–1998 гг. общее число болевших сифилисом и гонореей (с впервые установленным диагнозом) возросло в 4,3 раза, достигнув показателя в 10,6 чел. на каждые 10 тыс. населения. Это было очень близко к показателям городов (около 70%), но все-таки темпы прироста общего числа венерических больных в сельской местности были в два раза ниже²⁶.

Среди причин кризиса, связанного с венерической заболеваемостью, наряду с общим падением морали, коммерциализацией половой жизни и проч., специалисты особо выделяли и негативный фактор активных межтерриториальных перемещений населения. Среди заболевших людей особенно много было молодежи. Характерно, что в 1997 г., когда данная заболеваемость достигла своего пика, ее прирост по сравнению с 1989 г. выражался невероятно высокими цифрами – в 64,5 раза! И все же с 1998 г. данный вид заболеваемости стал постепенно снижаться²⁷.

Уже отмечалось, что резкое ухудшение качества питания, невозможность полноценного потребления витаминов и ценных микроэлементов на фоне общего ухудшения бытовых условий и совершенно недостаточного оказания медицинской помощи ослабляли иммунитет жителей российского села. Это формировало оптимальные условия для возрождения и таких забытых болезней, как туберкулез. Уже с 1992 г. заболеваемость им стала быстро расти – как по всей стране, так и на селе, причем в очень тяжелой форме. «У чахотки – социальные корни. Она там, где нищета, голод, разруха. Эта болезнь – неотъемлемая черта того, что нынче сделали с народом», – писала по этому поводу газета «Крестьянская Россия». Возрождение ранее забытых болезней резко контрастировало с положением в СССР, где туберкулез уже был практически побежден. Но в условиях новой, «демократической России» ранее действовав-

шая в стране эффективная система борьбы с туберкулезом была разрушена, и власти ничего не предпринимали для погашения массовых рецидивов этой страшной болезни²⁸.

Заметный «вклад» в общий всплеск «социальных» болезней, включая туберкулез, вносили и мигранты, прибывавшие в Россию из бывших республик СССР. После 1991 г. миграционная ситуация в РФ вообще поменялась — и не только за счет внешнего фактора, но еще и потому, что в села из городов в массовом порядке потянулись лица без определенного места жительства и занятий (бомжи), хотевшие пережить в деревнях особенно трудный период. Пришлое население, по разным причинам долго не имевшее постоянного пристанища, создавало опасную санитарную ситуацию, особенно в районах непосредственного прибытия. Среди мигрантов немало было и тех, кто уже болел туберкулезом: по имеющейся статистике, от 459 до 700 случаев в расчете на каждые 100 тыс. данного контингента. Например, в 1995 г. только в одну Республику Дагестан прибыли 138,6 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, среди которых 568 человек уже болели туберкулезом, и еще более $\frac{1}{3}$ — нуждались в срочной госпитализации. В районы Западной и Восточной Сибири поступали многочисленные мигранты из Казахстана и Средней Азии, среди которых тоже было немало инфекционных больных. Неудивительно поэтому, что следом за Северным Кавказом, Сибирь тоже стала своеобразным «лидером» по заболеваемости туберкулезом (примерно 65–70 случаев на 100 тыс. чел.), что на 70% превышало средний уровень, например, в северных областях Европейской России, мало затронутых миграцией. Наряду с этим, как и прежде, максимально высокой заболеваемость туберкулезом оставалась среди коренного населения (особенно детей) Севера. В целом по стране с 1991 по 1999 г. число лиц, болевших разными формами туберкулеза, увеличилось в 2,5 раза, и только после этого произошла его стабилизация, правда, на довольно высоком уровне. На селе она уже приобрела статус чрезвычайной медико-социальной проблемы ввиду особенного числа больных²⁹. Значительная часть болевших туберкулезом имела крайне запущенную форму, на грани инвалидности и даже преждевременной летальности. Показатели смертности от туберкулеза были очень высоки: в среднем по стране, например, в 1998 г. от него скончались 15,4 чел. в расчете на каждые 100 тыс. чел. населения, а в 1999 г. — 20,0 чел. Иными словами, лишь за пару лет число смертей от туберкулеза возросло сразу на 25%³⁰.

Не менее примечательной чертой переходного периода 1990-х гг. были и другие виды инфекционной заболеваемости. Ее показатели быстро росли, давая ежегодный прирост в 40–42%, и только со второй половины 1990-х гг. стали снижаться. Что же касается других видов опасной инфекции (брюшной тиф и паратифы, коклюш, сальмонеллез, коклюш и особенно корь), которые буквально «свирепствовали» в рассматриваемые годы, то их уровень (если сравнивать с пиком заболеваемости в 1991–1992 гг.) также снизился до 40–50%.

Постепенно снижалась и заболеваемость острыми кишечными инфекциями, гриппом, скарлатиной, ветряной оспой, инфекциями верхних дыхательных путей. Опасные тенденции в заболеваемости дифтерией, вспышки кото-

рой отмечались в России уже в самом начале 1990-х гг., удалось переломить лишь к 1995 г. Уровень ее заболеваемости, хотя и снизился в 10 раз относительно самого тяжелого — 1994 г., продолжал оставаться высоким³¹.

Сельское население России весьма болезненно переживало последствия политики «шоковой терапии» и либерализации цен, которые вызвали тяжелую инфляцию, буквально разорившую миллионы семей. В 1990-е гг. при стремительном ухудшении основных показателей общественного здоровья многие наиболее уязвимые в экономическом и психологическом плане группы россиян своими силами уже не могли справляться с грузом влиявших на их жизнь проблем. Не случайно начало осуществления рыночного реформирования экономики совпало со значительным приростом общего числа сердечно-сосудистых заболеваний. Во второй половине 1990-х гг. эти заболевания среди жителей РФ существенно возросли (до 25%). Особую тревогу внушало их распространение среди детей (на 70%) и подростков (более 60%); общее же число россиян, страдавших сердечно-сосудистыми заболеваниями, доходило до 16,7 млн чел.³²

Одновременно постоянно испытываемый серьезный психологический стресс от реформы и ее негативных результатов на общем фоне тяжелого, буквально изнурительного, труда на семейных приусадебных участках усиливал еще большее распространение в сельской среде «возрастных» заболеваний. Старшее поколение особенно угнетали мысли по поводу катастрофического падения уровня жизни, неуверенности в завтрашнем дне и тревоги за судьбу детей. К этому постоянно добавлялись и переживания относительно собственного здоровья, заботиться и поддерживать которое становилось все труднее при полной разрухе в сельском здравоохранении. Но, поскольку в сельской местности удельный вес пожилых людей (старше 60 лет) был особенно высок, то и распространенность сердечно-сосудистых заболеваний, равно как и повышенная смертность от них, там фиксировались гораздо чаще. В то же время известно, что диагнозы — «гипертоническая болезнь», «сердечная недостаточность», «атеросклероз» и другие ставились уже не только лицам пенсионных возрастов, но и 40–50-летним. Однако, несмотря на то, что к концу XX в. современная медицина уже накопила немалый опыт успешного медикаментозного лечения, ситуация среди сельского населения с лечением гипертонии оставалась тяжелой ввиду не только дороговизны лекарств, но и зачастую оттого что даже обычная аптека имела далеко не в каждом селе. Низким оставался там и общий уровень санитарно-просветительной работы, селяне мало знали о причинах, ранних проявлениях и последствиях сердечно-сосудистых заболеваний. В общей структуре причин смертности доля гипертонии достигала высокого уровня — 55%, а инвалидизации — 48%. Особенно драматично складывалось положение со смертностью мужчин в трудоспособных возрастных группах, которые умирали от заболеваний сердечно-сосудистой системы в 2–4,5 раза чаще женщин той же возрастной группы. Кроме высокой доли гипертонии в причинах смертности лидировала и ишемическая болезнь сердца, от которой в 1999 г., например, скончалась почти половина (46,8%) россиян³³.

Наиболее опасной разновидностью заболеваний, характерных для населения старшего возраста, хотя и не только их, становилась онкология. В данный

период отмечался рост числа установленных диагнозов злокачественных новообразований, что тоже следует расценивать как своеобразную реакцию людей на затянувшийся психологический стресс. Среди особенно распространенных диагнозов данного класса лидировали опухоли трахеи бронхов, легкого, желудка, молочной железы. В конце 1999 г. на учете в онкологических учреждениях России состояло свыше 2 млн больных или 1,4% общей численности ее населения. При сравнении данных онкологической смертности, например, в 1980 и 1996 гг., следует отметить, что в 1990-е гг. общее число умерших от рака в России увеличилось на 30%. Наиболее неблагоприятными в данном отношении территориями являлись Северо-Западный и Центральный экономический районы, где среди сельского населения доля пожилых была максимальной относительно других регионов. Характерно, что к началу 2000-х гг. смертность от онкологии среди мужчин уже снижалась, а среди женщин, наоборот, заметно поднялась³⁴.

И все же исключительно зловещую роль в быстром подъеме уровня смертности россиян в 1990-е гг. сыграли алкоголь и его некачественные суррогаты, применение которых усиливалось еще и тяжелой морально-психологической обстановкой в стране. Известно, что эпидемия алкоголизма не обошла российскую деревню. В ее современной истории единственным «резвым» периодом была лишь эпоха «перестройки» (вторая половина 1980-х гг.), когда благодаря активной борьбе государства с пьянством, население вынужденно понизило потребление спиртных напитков. Тогда же произошло и документально подтвержденное сокращение числа первичных обращений сельского населения к врачам по поводу алкоголизма (до 103 случаев на каждые 100 тыс.). Но в целом борьба с пьянством, как известно, необходимой поддержки у населения СССР не получила. При президенте Б.Н. Ельцине, придерживавшегося принципиально иных взглядов на эту проблему, уже в 1991 г. с борьбой «за трезвость» было покончено. Антиалкогольная кампания в стране закончилась или «провалилась», как считают некоторые исследователи³⁵.

Среди причин, усиливавших непреодолимую тягу к спиртному, по мнению специалистов, наиболее детально изучавших данное явление, лидировали социальная и бытовая неустроенность людей. Например, отсутствие семейного благополучия, интересной работы, повсеместно происходившие нарушения принципов социальной справедливости подталкивали слабых людей — с неустойчивой психикой — «снимать стресс» исключительно с помощью алкоголя и других, не менее опасных средств³⁶.

В 1992 г., т.е. уже в условиях новой, постсоветской России, когда спиртные напитки, особенно водка, в том числе и «паленая», продавались везде и абсолютно бесконтрольно, очень быстро произошел невероятный подъем пьянства. С этого времени в российской деревне число пьющих людей с каждым годом увеличивалось, и диагнозом «алкогольный психоз» к 1995 г. страдало уже в два-три раза больше населения, чем в 1990 г. Соответственно уровень смертности от алкоголизма и отравления некачественными спиртными напитками тоже повысился — в три-четыре раза³⁷.

Представители сельской интеллигенции, пытаясь привлечь внимание общественности к происходящему, буквально взывали к российскому обществу,

откровенно признавая нависшую над российским селом реальную угрозу сплошной алкоголизации³⁸. Общее число больных алкоголизмом уже к 1994 г. там поднялось на 56% по сравнению с предыдущим годом; кроме того, неожиданным и оттого еще более тревожным симптомом становилось быстрое распространение женского алкоголизма: всего за четыре года (1991–1994) — прирост почти на 50%³⁹.

В 1999 г. специалисты из Минсельхоза России впервые провели исследование современного села и были поражены угрожающими масштабами распространения пьянства. Хотя отдельной статистики алкоголизма и пьянства по селу не велось, но в целом по РФ годовое учетное потребление спиртных напитков (в пересчете на абсолютный алкоголь) в 1998 г. составило 7,3 л, хотя еще в 1990 г. было лишь 5,6 л, т.е. на $\frac{1}{4}$ меньше. Причин широкомасштабного пьянства на селе много, но главной из них (о ней упомянуло 68% непосредственных участников обследования) стало возраставшее ощущение безысходности: «люди не знают, как можно изменить свою жизнь к лучшему». Вторая по значимости причина: «распушенность, лень, нежелание работать» (61%). Способствовали пьянству и такие явления, как возможность свободно купить дешевую поддельную водку (50%), а также самогонование (48%) и др.⁴⁰

В реальной жизни лица, злоупотреблявшие спиртным, в первую очередь теряли рабочие места, и после этого им уже оставалось перебиваться лишь случайными заработками, а на постоянную работу их не брали. Все это значительно осложнило общую криминогенную обстановку на селе. По данным МВД РФ, в те годы до 30% всех преступлений совершалось лицами в состоянии алкогольного опьянения, и более $\frac{1}{2}$ — не имевшими постоянных источников дохода⁴¹.

Среди прямых последствий резкого подъема пьянства в сельской среде следует назвать и рост сопутствующих криминальных явлений — убийств, самоубийств, а также смертей от психических расстройств. За пять лет (1994–1999) число смертельных случаев от криминальных причин в целом по РФ возросло в 4,6 раза; при этом значительно поднялась и смертность от сердечнососудистых заболеваний (сразу на 40%). Академик РАМН Б. Величковский считал, что в росте смертности российского населения в 1990-е гг. немаловажную роль сыграло не столько само пьянство, сколько тот факт, что алкоголь стал наиболее доступным способом «решения» всех житейских проблем. Академик-медик подчеркивал значимость и психологического фактора: «Я связываю эпидемию пьянства и даже суицидов не с самими реформами, а со стратегией их проведения, результатами так называемой шоковой терапии»⁴².

В излишнее увлечение села алкоголизмом немалый вклад внесла и молодежь, которой в условиях безработицы и резкого сокращения рабочих мест в аграрном секторе еще труднее было найти работу, даже временную. В условиях «безвременья» 1990-х гг. значительная часть сельских молодых людей, в отличие от предыдущих лет, уезжать в город не стремилась, опасаясь высокой конкуренции за рабочие места (как среди самих горожан, так и «понаехавших» мигрантов), поэтому оставалась дома. Однако при этом многие молодые жители сел и деревень, не найдя себе там занятия, не проявляли особого

стремления и к учебе, демонстрируя лишь стабильную склонность к спиртному. К сожалению, пьянство в конце XX в. превратилось в наиболее характерный атрибут повседневной жизни российского села, о чем говорили и сами его жители.

В 1990-е гг. новая волна пьянства буквально накрыла всю страну; газеты писали, что среди российских алкоголиков больше всего подростков; на втором месте — бизнесмены и рэкетеры; на третьем — рабочий класс, тоже являющийся бесспорным чемпионом по «литрболу». Череду российских алкоголиков замыкала творческая интеллигенция страны⁴³.

По мнению участвовавших в социологическом опросе 75% сельских жителей, «пьянство на селе за последние 10–12 лет [1992–2004 гг. — О.В.], несомненно, увеличилось»; 58% — уточняло: «очень сильно выросло». Более 60% респондентов высказали мнение, что алкоголизация — самая серьезная проблема современного села. Некоторые сельские респонденты отмечали, что к пьяницам население деревни изменило свое отношение: оно стало более лояльным (отметило 23%); люди уже не осуждали, как ранее, пьяниц и не закрывали перед ними дверей своих домов. Не обошли стороной село и наркотики: 53% опрошенных опасались, что их дети и внуки тоже могут стать алкоголиками, а 48% — что наркоманами⁴⁴.

Благодаря ежегодным мониторингам села, исследователи получили возможность приблизительно оценить «масштабы бедствия», т.е. установить примерное число сельских алкоголиков. В частности, по данным за 2001 г., на диспансерном учете в наркологических учреждениях и их отделениях состояли свыше 0,5 млн (564 тыс.) больных хроническим алкоголизмом сельских жителей. И эта цифра была явно не полной, т.к., скорее всего, включала лишь часть сельских алкоголиков⁴⁵.

Чрезмерное увлечение сельских жителей спиртными напитками со всей неизбежностью угрожало вывести уже развивавшееся вырождение деревни на новый генетический уровень. Такой вывод был основан на фактах, повсеместно зафиксированных при мониторинговании села. Оказалось, что в 1999 г. число больных олигофренией (заболевание, выражающееся наличием психических дефектов, умственной отсталости и патологий головного мозга) на селе в расчете на каждые 10 тыс. его жителей было в два раза выше, чем в городе⁴⁶.

Кроме того, к 2001 г. в расчете на 10 тыс. сельского населения количество лиц с психическими заболеваниями увеличилось на 29%, в том числе на 6,4% — за счет впервые поставленных диагнозов. Таким образом, по общей доле больных и умственно отсталых село держало печальное первенство, опережая город почти в три раза⁴⁷.

Негативные тенденции сельской жизни особенно тяжело отражались на здоровье сельских женщин, что тоже объяснялось материальными факторами, а также общим ослаблением их социальных позиций на рынке труда и занятости. И все же главное — то, что в переходный период в сельском хозяйстве происходило катастрофическое снижение уровня механизации труда, который вследствие этого еще меньше соответствовал стандартам того времени, становясь физически все более тяжелым. Особенно трудоемкой отраслью оставалось животноводство, где традиционно велика доля ручного труда. У жен-

щин, работавших с продуктивным скотом на фермах, нагрузка оказывалась настолько интенсивной, что им зачастую некогда было даже поесть (отметило 49,1%), они также испытывали высокое нервно-психическое (44,5%) и физическое (23,8%) напряжение. Эти факторы вызывали тяжелые профессиональные заболевания, а специальные исследования показывали, что заболеваемость женщин-животноводов более чем в два раза превышала аналогичные показатели по всем группам женщин, занятых в аграрной сфере, а распространенность среди них хронической патологии увеличилась в четыре раза⁴⁸.

В рассматриваемый период профессиональная заболеваемость фиксировалась среди жителей села все чаще, в основном из-за вредного воздействия используемых в производстве ядохимикатов, от шума, вибрации, пыли и т.п. На протяжении 1990-х гг. ежегодно практически 60 тыс. работников АПК выбывало из строя по причине частичной или полной утраты трудоспособности; и большинство их уже к 30–49 годам имели определенную группу инвалидности. В 1990-е гг. на селе чаще (примерно на 20% по сравнению с городом) отмечался и первичный выход на инвалидность⁴⁹.

Анализ накопленной социологической эмпирики показывает, что большинство причин, по которым многие женщины, занятые в сельскохозяйственном производстве, получали профессиональные заболевания, травмы или подвергались различным отравлениям, являлись следствием нарушения техники безопасности и общим пренебрежением средствами индивидуальной защиты. Однако сама специфика труда в сельском хозяйстве, где работавшие женщины постоянно имели дело с неисправными механизмами, вынуждала их прилагать огромные физические усилия, которые и вызывали профессиональные болезни и инвалидность. В 1992–1997 гг. доля женщин с такими диагнозами поднялась с 27% до 35% от общего числа работников сельского хозяйства. В структуре их профзаболеваний преобладали болезни опорно-двигательного аппарата (52,4%), бруцеллез (28,2%), заболевания органов дыхания (7,2%) и др.⁵⁰

В животноводстве при крайне низком уровне механизации труда производственный травматизм среди женщин-работниц получил особое распространение. Ежегодно свыше 30 тыс. женщин получали производственные травмы, и это составляло примерно $\frac{1}{4}$ от общего числа работников, их получивших. Например, из-за отсутствия или бездействия специальных механизмов для подъема и перемещения грузов, женщинам приходилось самостоятельно двигать тяжелые бидоны с молоком и другие грузы, весом свыше 15 кг. По имеющимся данным, в 1991 г. общий уровень травматизма женщин в сельском хозяйстве составлял 8,5 пострадавших в расчете на каждую 1 тыс. работавших, что было ощутимо выше соответствующих показателей по всей экономике (6,5 чел.)⁵¹.

На рубеже XX–XXI вв. относительно уровня заболеваемости и смертности сельских женщин, наконец, наметились позитивные тенденции, правда, они развивались значительно медленнее, чем в городах. Так, у сельских трудоспособного возраста за 2000–2002 гг. показатели смертности снизились всего на 0,7%, а по той же группе женщин-горожанок – на 2,5%. По-прежнему на первом месте среди причин смертности сельских женщин трудоспособного воз-

раста лидировали разного рода несчастные случаи, отравления и травмы; на втором — болезни системы кровообращения. По этим причинам смертность на селе была значительно выше соответствующих показателей в городе⁵².

Крайнее неблагополучие физического здоровья сельских женщин подтверждалось и высокой материнской смертностью. Так, в расчете на каждые 100 тыс. женщин, родивших живого ребенка, уровень материнской смертности на селе составлял 25,7 чел., а в городе — 22,5 чел.

Переживаемые невзгоды, материальные проблемы наряду с тяжелейшим трудом на производстве и в семейном хозяйстве отнимали у женщин-матерей, жен и хозяек не только силы и здоровье, но нередко — и саму жизнь.

Село значительно уступало городу и по общим показателям детского здоровья: его состояние у этой самой младшей возрастной группы тоже объективно было значительно хуже. У них за годы кризиса и реформ существенно снизилась физическая активность, ведь на селе уже оставалось гораздо меньше возможностей для занятий физкультурой. Повсеместная деградация социальной сферы села выражалась и в закрытии многих спортивных сооружений и кружков, которые в прежние годы были вполне доступны сельским детям. В условиях нарождавшегося рынка такие учреждения постепенно переходили на платную основу, и занятия в них для многих уже становились почти недоступными. На состоянии детей негативно отзывалось и ухудшение питания, жилищных условий, медицинского обслуживания и т.д. Газеты тех лет писали и о голодных обмороках сельских детей, что, в общем-то, не было тогда большой редкостью. Так, сельский учитель Б.К. Антонов (с. Воскресенское Лежневского района Ивановской обл.) писал в редакцию «Крестьянской России»: «Село сидит без зарплаты <...> Дети механизаторов в школе в обморок падают от голода. А мы, педагоги, получаем меньше столичных дворников»⁵³.

Здоровье сельских детей внушало особенную тревогу, тем более что из-за фактического развала системы сельского здравоохранения значительная часть их тоже выпала из поля зрения медицины. Постепенно они, как и взрослые селяне, все больше отеснялись от возможности получения квалифицированной врачебной помощи, стремительно уходившей из деревни. Быстрый переход отечественной медицины на платную основу незамедлительно сопровождался еще большим ослаблением здоровья сельских детей. Из данных, полученных в ходе Всероссийской диспансеризации детей (2002), известно, что более 50% обследованных детей к этому времени уже имели функциональные отклонения или факторы риска заболеваний, у 16% — имелись хронические болезни, и лишь 27% — были практически здоровы. Подчеркнем, что в целом более слабое здоровье наблюдалось у сельских, а не городских детей. Доля здоровых детей в среднем по городу составляла примерно 37%, а по селу — лишь 29%.

У сельских детей был выше и показатель впервые выявленной патологии. Степень их заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями, анемией, болезнью щитовидной железы и органов пищеварения значительно превосходила соответствующие показатели у городских детей. Например, в сельских районах Урала случаев заболевания детей анемией было зафиксировано в три раза больше, чем в городе. У сельских детей чаще, чем у город-

ских, встречались и онкологические заболевания: например, на Урале и Дальнем Востоке число имевших данный диагноз было в четыре раза выше. К тому же, сельским детям был присущ скорее общий дефицит массы тела, что в данном случае подтверждало их нездоровье, тогда как в городе, наоборот, чаще встречались дети с избыточной массой тела и низким ростом. Особенно много детей с недостатком веса выявили в сельских поселениях Северо-Запада и Урала. При этом общее число поставленных на диспансерный учет детей на селе было почти в два раза меньше, чем в городе. Это лишний раз подтверждало практическую недоступность детям села медицинской помощи⁵⁴.

Сельские дети, особенно подростки, часто становились невольными заложниками пьянства родителей. Подростковый алкоголизм в годы кризиса и перехода к рынку превратился на селе в острейшую медико-социальную проблему. Медики, обследовавшие сельских детей и подростков, заявляли об их очень раннем приобщении к спиртному: так, свыше половины их попробовали вино или водку уже до 14 лет, в том числе 4% — до 7 лет. Распространение алкоголя среди сельских детей и подростков впоследствии становилось главной причиной их ослабленного здоровья. Подобные предпочтения постепенно приводили к тому, что в начале 2000-х гг. диагноз «хронический алкоголизм» уже был поставлен почти половине (47%) обследованных сельских подростков 15–17 лет. Это — чрезвычайно тревожный симптом, тоже подтверждавший «начало деградации генофонда деревни»⁵⁵.

Село опережало город и по такому тяжелому диагнозу, как психические расстройства у детей 15–17 лет, что обычно напрямую было связано с алкоголизмом родителей: и на селе он на 21% обгонял соответствующие показатели в городах. Продолжало расти на селе и общее число умственно отсталых детей в возрасте до 14 лет: всего за три года (2001–2004) — на 12,6%⁵⁶.

Кроме того, среди сельского населения значительно более высокой, по сравнению с городом, оставалась и младенческая смертность. В структуре ее причин до 70% приходилось на состояния перинатального периода и врожденные аномалии. Практически столь же высоким был и уровень материнской смертности на селе — 56,4 случая на каждые 100 тыс. живорожденных детей, в то время как в городе — всего 38,8 случая⁵⁷.

Таким образом, на протяжении 1990-х гг. уровень смертности среди сельского населения стабильно превышал аналогичные показатели горожан. Например, от инфекционных заболеваний (своеобразный индикатор общего социального неблагополучия) смертность на селе была выше на 15–20%. В общей структуре ее причин примерно ½ занимали болезни системы кровообращения, около 20% — внешние причины (несчастные случаи, травмы, отравления, насильственные причины). В конце 1990-х гг. и уровень травматизма в аграрном производстве уже в два раза превышал соответствующий уровень по всему народному хозяйству⁵⁸.

Уровень смертности сельского населения РФ имел заметные региональные отличия: максимум показателей фиксировался в сельских районах Центрального и Северо-Западного ФО, где доля пожилых людей была самой высокой. Например, в селах Калининской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской областей уровень общей смертности почти на ¼ превышал средние пока-

затели по России (17–18 чел. в расчете на каждую 1 тыс. населения), а в Новгородской и Псковской областях – вообще «зашкаливал» (до 20–24 чел.).

Не намного спокойнее эти показатели оставались и среди сельского населения других областей Нечерноземной зоны. В то же время, в сельских районах Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока – с их относительно более молодым возрастным составом – фиксировались минимальные по России коэффициенты смертности⁵⁹. Сравнительная динамика изменений в смертности населения города и деревни представлена в таблице 2.

Таблица 2

Коэффициенты смертности населения в РФ

Годы	Число умерших на 1 тыс. чел.		
	Село	Город	Село в % к городу
1990	13,3	10,4	127,9
1999	16,6	14,0	118,6
2000	17,0	14,7	115,6
2001	17,2	15,1	113,9
2001 г. к 1990 г. (%)	129,3	145,2	–

Источник: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2002 г. М., 2003. С. 15.

Данные таблицы 2 подтверждают заметно повышенный на селе уровень смертности – он почти на 30% превосходил его в городе в 1990 г. Но к началу 2000-х гг. эта разница нивелировалась за счет более резкого подъема смертности среди городского населения. И если с 1990 по 2001 г. общие темпы роста смертности на селе составляли около 30%, то в городе – уже 45,2%.

В целом существенный прирост смертности сельского населения в 1990-е гг. свидетельствовал о том, что основной вектор демографических процессов в России заметно отклонился от общемирового сценария. В эти годы во всех экономически развитых и даже в некоторых развивающихся странах уже происходил устойчивый прирост средней продолжительности жизни. Но в России, переживавшей в это время чрезвычайно болезненный для населения переход от плановой социалистической экономики к ее рыночной модели, и где проходили крайне непопулярные у населения реформы, наоборот, общий уровень смертности еще продолжал расти. Соответствующим образом это влияло на показатель ожидаемой продолжительности жизни (при рождении), серьезно его понижая.

В данном отношении у жителей сельской местности отмечались существенные гендерные различия: так, для мужчин был характерен в 3,7 раза более высокий уровень смертности, чем у женщин, а по отдельным причинам, различия в смертности были и выше. Так, смертность от инфекционных и па-

разитарных болезней в расчете на каждые 100 тыс. сельских мужчин в 5,8 раза превосходила аналогичные показатели у женщин, от болезней органов дыхания — в 5,3 раза, от несчастных случаев, отравлений и травм — в 4,9 раза⁶⁰.

Особый трагизм общей картине смертности сельского населения этого периода придавал ее экстремальный прирост по группам наиболее активных возрастных групп — с 30 до 49 лет. Отдельной проблемой стала чрезмерно высокая смертность молодых мужчин 30–39 лет, главным образом, от несчастных случаев, отравлений и травм. В целом нарастающая динамика смертности сельских мужчин в молодом возрасте отличалась стабильно очень высоким удельным весом. Например, в 2001 г. доля мужчин от 30 до 49 лет в общем составе умерших на селе достигла 25,4%, а всего через год (2002) — уже 25,9%. Бесспорно, быстрый прирост доли умерших мужчин по данной возрастной группе объяснялся, прежде всего, их чрезмерной алкоголизацией. С другой стороны, такой уровень смертности мужчин в активном трудоспособном возрасте настоятельно требовал и экстренных мер контроля за охраной труда в аграрном секторе.

Таблица 3

**Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти,
на 100 тыс. чел.**

	Село (чел.)		Город (чел.)		Село в % к городу	
	2000	2001	2000	2001	2000	2001
Смерть от всех причин в том числе:	1 703,5	1 720,5	1 473,5	1 507,5	115,6	1 14,1
от некот. инфекц. и паразитар. болезней	25,0	24,1	25,0	24,6	100	98
новообразований	190,2	187,4	211,1	210,1	90,1	89,2
болезней системы кровообращения	965,2	982,1	807,1	828,3	119,6	118,6
болезней органов дыхания	96,2	87,4	61,0	58,0	157,7	150,7
болезней органов пищеварения	39,7	41,8	46,4	50,5	85,6	82,8
несчастных случаев, отравлений и травм	233,2	245,7	215,0	224,4	108,5	109,5

Источник: Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. (5-й вып.). С. 15.

При сравнении уровня смертности в сельском и городском населении (см. табл. 3), можно увидеть в них немало общего. В частности, лидирующее место в общих причинах смерти (с большим отрывом) в обоих случаях занимали болезни системы кровообращения, вследствие которых в рассматриваемые годы жертвами стало около ½ умерших; затем — несчастные случаи, от-

равления и травмы. Существенный вклад в общую картину смертности внесла и онкология, от которой на селе, кстати, умирало все же меньше, чем в городе. Доля смертей от инфекционных и паразитарных болезней распределялась примерно поровну; меньше на селе умирало лишь от болезней органов пищеварения. В то же время в сельской местности доля умерших от болезней системы кровообращения и органов дыхания была выше, чем в городе. Имеющиеся данные о главных причинах смертности в трудоспособном возрасте (без болезней системы кровообращения) по-прежнему подтверждают, что причиной, от которой были максимальные потери, становились несчастные случаи, отравления и травмы (41,4%); болезни органов кровообращения (27,8%); новообразования (16,3%)⁶¹.

В целом ситуация с заболеваемостью и смертностью на селе в кризисные 1990-е гг. оставалась очень тяжелой, что непосредственно отразилось и на общем снижении такого обобщенного показателя, как ожидаемая продолжительность жизни. Уже отмечалось, что смертность сельских мужчин, особенно в трудоспособном возрасте, все эти годы была значительно выше, чем у сельских женщин того же возраста. Основная причина — чрезвычайно высокий уровень смертности от алкоголизма и сопутствовавших ему травматизма, отравлений, убийств и самоубийств. В результате и без того чрезмерно высокий уровень смертности сельского населения с начала 1990-х гг. поднялся еще больше. Всего же с 1992 по 2000 г. среди сельских мужчин трудоспособного возраста (16–60 лет) смертность в расчете на каждую 1 тыс. чел. повысилась на 20% (с 9,1 до 11,5 чел.). Характерно, что динамика изменений в смертности сельских женщин, хотя ее показатели и были значительно ниже, тоже повысилась: соответственно — с 2,3‰ (1992) до 3,0‰ (2000). Но, поскольку женщины, по мнению медиков и психологов, как правило, обладают более развитым инстинктом самосохранения, имеют значительно меньше вредных привычек, общий коэффициент женской смертности в итоге изначально в три-четыре раза ниже, чем у мужчин.

Вследствие имевшихся гендерных различий в самосохранительном поведении на протяжении 1990-х гг. постоянно нарастал и без того имевшийся серьезный разрыв в общей величине ожидаемой продолжительности жизни. В итоге сельские мужчины в этот период проживали в среднем почти на 14 лет более короткую жизнь, чем женщины. По этой причине большая часть мужчин до выхода на пенсию (тогда — в 60 лет) просто не доживала. В итоге к началу XXI в. индекс средней продолжительности жизни мужчин села упал до рекордно низкой отметки, зафиксированной лишь в годы Великой Отечественной войны.

Сами сельские жители прекрасно осознавали, что ситуация с их здоровьем и смертностью складывается очень мрачная, но реального выхода для себя не видели. Не случайно, в 1999 г., отвечая специалистам из Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ, 48,2% сельских респондентов отмечало, что общее состояние здоровья вызывает у них большое беспокойство; и почти $\frac{1}{4}$ — объясняли это плохим медицинским обслуживанием⁶².

В целом по России, включая ее сельскую местность, в конце XX в. очень высокой оставалась и материнская смертность, средний уровень которой был

в 8–10 раз выше, чем в развитых странах Европы. Причем, по данным Минздрава России, в это время более $\frac{1}{3}$ материнских смертей происходило в медицинских учреждениях, которые в итоге оказались не в состоянии обеспечить даже профилактическое наблюдение за беременными и при необходимости оказать им должную специализированную помощь⁶³. Серьезным фактором высокой материнской смертности в России по-прежнему оставались аборт, которые в конце XX в. все еще служили практически единственным «эффективным» средством регулирования рождаемости. Другие, менее радикальные, но зато более современные, методы предохранения от нежелательной беременности вследствие их малодоступности и высокой стоимости в те годы были еще практически неизвестны основной массе сельского населения.

В целом приходится констатировать, что в рассматриваемый период жителям российского села пришлось пройти через суровые испытания, чем для них, по сути, обернулись рыночные реформы. Большинству селян они уже с самого начала принесли безработицу, потерю стабильного заработка и, соответственно, резкое снижение общего уровня жизни. Естественно, итоги таких перемен ими воспринимались крайне негативно, в том числе и для себя лично. На таком неблагоприятном фоне формировалась тяжелая эмоционально-психологическая атмосфера, которая затянулась в российском селе на достаточно продолжительный период: люди были постоянно подавлены, растеряны, напуганы происходящим и мрачными перспективами будущего. Они пребывали в состоянии постоянного стресса, их иммунитет находился на низком уровне. Не удивительно, что на всем протяжении 1990-х гг. среди сельского населения фиксировался существенный рост уровня заболеваемости и смертности.

С точки зрения экономической и политической, многочисленные потери в людях, понесенные российским селом, во многом объяснялись издержками аграрной политики государства. Как и ранее, но особенно в 1990-е гг., эта политика «без ложного стеснения» по-прежнему придерживалась принципа возможной экономии на аграрной сфере, в том числе и на сельском здравоохранении, вследствие чего из госбюджета на их развитие поступали мизерные средства. Закономерным следствием такой политики (с учетом происходившей общей разрухи на селе по мере реформирования) становилось полное обнищание не только большинства сельских жителей, но и органов здравоохранения, расположенных на селе, в которых зачастую отсутствовали даже самые необходимые средства для спасения здоровья и жизни людей, что еще больше усугубляло общую величину потерь.

Итак, к началу XXI в. общее состояние сети сельских медицинских учреждений и их кадрового потенциала (точнее того, что от всего этого осталось после 10 лет непрерывного разрушения) в действительности отражало неизбежные последствия длительного попрания законных прав жителей села на получение медицинской помощи.

Это право граждан Российской Федерации, закрепленное в Конституции РФ (1993 г.), на этапе реформ слабо подкреплялось практическими делами, из-за чего, по сути, превратилось в пустую фразу. В эти нелегкие годы государство вообще существенно ослабило выполнение своих законных функций, в их

числе — контроль за реализацией прав граждан на получение медицинской помощи. В итоге ситуация в сельском здравоохранении в 1990-е гг. уже представляла собой прямую угрозу не только деревне, но и стране в целом. Обстановка на огромной сельской территории РФ, где проживали почти 38 млн российских граждан, год от года становилась все более тревожной, в том числе и под углом зрения национальной безопасности государства. Здоровье людей — человеческого капитала России — на протяжении длительного периода находилось в критической фазе. Такой путь привел не только к реальной деградации человеческого потенциала села, но и к ускоренной убыли всего российского населения.

Примечания

- ¹ Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–1992 гг. М.: СПб., 2017. С. 354.
- ² Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2000 г. М., 2001. С. 164.
- ³ Симолян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х гг. и их последствия для России. М., 2010. С. 138.
- ⁴ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 1999 г. М., 1999. С. 71.
- ⁵ См.: Социальное развитие села: проблемы и тенденции (экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 1998. № 2. С. 27.
- ⁶ Концепция социального развития села. М., 1996. С. 3.
- ⁷ Римашевская Н.М. Развитие человеческого потенциала в России // Перемены в сельской России 1991–2003 гг.: оценки, подходы, методы. Петрозаводск, 2005. С. 24.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2447. Л. 39; Краткие итоги российских аграрных «реформ» в 1991–1994 гг. // АПК: экономика, управление. 1995. № 12. С. 10–11; Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М., 2011. С. 319.
- ⁹ Гурьянова М.П. Письма из российской глубинки о том, как подвижники от педагогики обустроивали социальную жизнь селян конца 90-х гг. XX в. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 1997. М., 1997. С. 320.
- ¹⁰ См.: ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2447. Л. 39.
- ¹¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее урегулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (5-й вып.). М., 2003. С. 65.
- ¹² Там же. С. 64.
- ¹³ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (2-й вып.). С. 103, 104.
- ¹⁴ Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Общественный разлом и рождение новой социологии. 20 лет мониторинга. М., 2008. С. 200.
- ¹⁵ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (2-й вып.). С. 104; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (5-й вып.). С. 65.
- ¹⁶ Гурьянова М.П. Письма из российской глубинки ... С. 320.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2447. Л. 6; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (2-й вып.). С. 104.
- ¹⁸ Доклад «О повышении доступности и качества медицинской помощи» / Президиум Государственного Совета РФ. Рабочая группа по вопросу повышения доступности и качества медицинской помощи. М., 2005. С. 50.
- ¹⁹ Латышев Н., Исакова С. Социальные проблемы села Центрального Черноземья // АПК: экономика, управление. 2004. № 8. С. 21–22.
- ²⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 1999 г. С. 71.
- ²¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (5-й вып.). С. 66; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (2-й вып.). С. 103, 104.
- ²² Крестьянская Россия. 1998. № 16. 16 апреля – 3 мая.

- ²³ *Алилуев В.Н.* Аграрные преобразования: отношение к ним сельских жителей Российского Черноземья. М., 1999. С. 22.
- ²⁴ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (5-й вып.). С. 66.
- ²⁵ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (2-й вып.). С. 104.
- ²⁶ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... 1999 г. М., 2000. С. 132.
- ²⁷ *Прохоров Б.Б.* Здоровье населения России в XX веке. М., 2001. С. 180.
- ²⁸ Крестьянская Россия. 1998. № 10. 16–22 марта.
- ²⁹ Здоровье женщин России. Аналитический доклад. М., 1998. С. 39.
- ³⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 1999 г. С. 87; Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г. М., 2000. С. 20.
- ³¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 1999 г. С. 71.
- ³² Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г. С. 14.
- ³³ Там же. С. 14, 16.
- ³⁴ Там же. С. 17–18; *Прохоров Б.Б.* Здоровье населения России ... С. 178.
- ³⁵ *Казарезов А.А.* Самые знаменитые реформаторы России. М., 2002. С. 432.
- ³⁶ *Блюдина У.* Борьба с наркоманией в современной России: взгляд социолога права. Ульяновск, 2006. С. 95.
- ³⁷ Крестьянская Россия. 1995. № 21. 5–11 июня.
- ³⁸ См.: *Силласте Г.Г.* Социальное развитие села: проблемы и тенденции // Экономист. 2000. № 2; *Холостова Е.И., Черняк Е.И., Чупина Г.Н.* Сельская семья и социальная работа. М., 2005. С. 143.
- ³⁹ Здоровье женщин России: Аналитический доклад. С. 39.
- ⁴⁰ *Бондаренко Л.В.* Сельская Россия в начале XXI в. (социальный аспект) // Социологические Исследования. 2005. № 11. С. 76.
- ⁴¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... 1999 г. С. 132.
- ⁴² Медицинская газета. 2001. 31 января.
- ⁴³ Крестьянская Россия. 1995. № 21. 5–11 июля.
- ⁴⁴ *Бондаренко Л.В.* Социально-психологический климат в российской деревне // АПК: экономика, управление. 2005. № 11. С. 38.
- ⁴⁵ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (2-й вып.). С. 20.
- ⁴⁶ *Бондаренко Л.В.* Общие проблемы социально-трудовой сферы села // Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. М., 2002. С. 14.
- ⁴⁷ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (2-й вып.). С. 19.
- ⁴⁸ *Бондаренко Л.В.* Социально-трудовая сфера российского села, год 2004 // Состояние социально-трудовой сферы российского села: проблемы и пути их решения. М., 2006. С. 16, 17.
- ⁴⁹ *Киселева Е.С.* Здоровье сельского населения // Никоновские чтения – 2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М., 2002. С. 430.
- ⁵⁰ Здоровье женщин России. Аналитический доклад. С. 39.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 2447. Л. 39, 54.
- ⁵² Там же. Л. 54–55.
- ⁵³ См.: Крестьянская Россия. 1995. № 12.
- ⁵⁴ *Вербицкая О.М.* Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций ... С. 227–228; Положение детей в Российской Федерации: Доклад Совета Федерации. М., 2005. С. 20.
- ⁵⁵ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (1999 г.). С. 27–28; *Вербицкая О.М.* Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций ... С. 230–231.
- ⁵⁶ *Бондаренко Л.В.* Социально-трудовая сфера российского села, год 2004. С. 17.
- ⁵⁷ *Киселева Е.С.* Здоровье сельского населения. С. 430.
- ⁵⁸ Там же. С. 429.
- ⁵⁹ *Вербицкая О.М.* Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций ... С. 150.
- ⁶⁰ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... (5-й вып.). С. 11–12.
- ⁶¹ Там же. С. 16.
- ⁶² Состояние социально-трудовой сферы села и предложения ... 1999 г. С. 141.
- ⁶³ Здоровье женщин России. С. 39.

Библиография

- Алилуев В.Н. Аграрные преобразования: отношение к ним сельских жителей Российского Черноземья. М.: ЦСП и М., 1999. 32 с.
- Блюдина У. Борьба с наркоманией в современной России: взгляд социолога права. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2006. 295 с.
- Бондаренко Л.В. Общие проблемы социально-трудовой сферы села // Социально-трудовая сфера села: региональный опыт исследования. М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2002.
- Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI в. (социальный аспект) // Социологические Исследования. 2005. № 11. С. 69–77.
- Бондаренко Л.В. Социально-психологический климат в российской деревне // АПК: экономика, управление. 2005. № 11. С. 35–44.
- Бондаренко Л.В. Социально-трудовая сфера российского села, год 2004 // Состояние социально-трудовой сферы российского села: проблемы и пути их решения. М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2006. С. 15–27.
- Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–1992 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных перспектив, 2017. 404 с.
- Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 г.: М.: ГЭОТАРМЕД, 2000. 103 с.
- Государственный доклад «Положение детей в Российской Федерации». М.: Ваш дом, 2005. 107 с.
- Гудков Л., Дубин Б. Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Общественный разлом и рождение новой социологии. 20 лет мониторинга / Аналит. центр Ю. Левады. М.: Новое изд-во, 2008. С. 195–201.
- Гурьянова М.П. Письма из российской глубинки о том, как подвижники от педагогики обустроили социальную жизнь селян конца 90-х гг. XX в. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 1997. М.: Интерцентр, 1997. С. 317–346.
- Денисова Л.Н. Русская крестьянка в советской и постсоветской России. М.: Новый хронограф, 2011. 527 с.
- Доклад «О повышении доступности и качества медицинской помощи» / Президиум Государственного Совета РФ // Рабочая группа по вопросу повышения доступности и качества медицинской помощи. М.: [б. и.], 2005. 115 с.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 1999 г. М.: Права человека, 1999. 192 с.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2000 г. М.: Академия, 2001. 99 с.
- Здоровье женщин России. Аналитический доклад / Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. М.: Междунар. Фонд охраны здоровья, 1998. 84 с.
- Казарезов А.А. Самые знаменитые реформаторы России. М.: Вече, 2002. 478 с.
- Киселева Е.С. Здоровье сельского населения // Никоновские чтения – 2002. Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. М.: Энциклопедия русских деревень, 2002.
- Концепция социального развития села. М.: РАСХН, 1996. 28 с.
- Краткие итоги российских аграрных «реформ» в 1991–1994 гг. // АПК: экономика, управление. 1995. № 12. С. 23–30.
- Латышев Н., Исакова С. Социальные проблемы села Центрального Черноземья // АПК: экономика, управление. 2004. № 8. С. 21–22.
- Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в XX веке. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 275 с.
- Римашевская Н.М. Развитие человеческого потенциала в России // Перемены в сельской России 1991–2003 гг.: оценки, подходы, методы / Карел. НП. Петрозаводск: [б. и.], 2005. 280 с.
- Силласте Г.Г. Социальное развитие села: проблемы и тенденции // Экономист. 2000. № 2. С. 12–20.
- Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия. Экономические реформы 1990-х гг. и их последствия для России. М.: Экономика, 2016. 253 с.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 1999 г. М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2000. 159 с.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (2-й вып.). М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2001. 163 с.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга (5-й вып.). М.: ВНИИ ЭСХ РАСХН, 2003. 121 с.
- Социальное развитие села: проблемы и тенденции (экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 1998. № 2. С. 8–12.
- Холостова Е.И., Черняк Е.И., Чупина Г.Н. Сельская семья и социальная работа. М.: Дашков и К°, 2005. 240 с.

ЭКОНОМИКА ВОЙНЫ

Мухин М.Ю.:

Подготовка советской промышленности к войне в межвоенный период (Военные производства и мобилизационная подготовка гражданской индустрии.)**

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты подготовки промышленности Советского Союза к функционированию в условиях военного времени, проводившейся в 1921–1941 гг. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия оборонных и гражданских отраслей промышленности. На основе изученных материалов автор приходит к выводу, что хотя поставленные перед советской промышленностью задачи и не были решены в полной мере, тем не менее, меры по мобилизационной подготовке сыграли огромную роль в существенном повышении обороноспособности СССР, что, в итоге, предопределило победу СССР в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: мобилизационная подготовка, индустриализация, оборонная промышленность, история сталинизма, история экономики, межвоенный период, Великая Отечественная война, танковая промышленность, авиапромышленность, металлургия.

Опыт Первой мировой войны наглядно продемонстрировал, что победа на фронте в случае полномасштабного военного конфликта возможна только и исключительно за счет экономического превосходства. Способность промышленности поставлять на фронт все новые и новые эшелоны с вооружениями и боеприпасами стала практически ключевым моментом для планирования военных операций. Наблюдались случаи, когда даже успешные наступательные действия приходилось сворачивать из-за недостатка боеприпасов. Реалии Гражданской войны еще более наглядно показали советскому руководству важность концентрации всех производительных сил на выполнении оборонных заказов. Однако оборонная экономика являлась лишь вершиной технологической пирамиды. Скажем, для выпуска артиллерийских снарядов требовалась слаженная работа десятков горнодобывающих, металлургических, химических и горно-химических предприятий. Поэтому практически сразу после окончания Гражданской войны руководство СССР начало рассматривать вопрос о заблаговременной подготовке экономики страны к «переводу на военные рельсы», т.е. к функционированию в условиях военного времени.

Комплекс мероприятий, разрабатываемый в рамках этой проблематики, получил название «мобилизационная подготовка экономики», сокращенно — мобподготовка. Для ее осуществления требовалось решить ряд весьма сложных задач. Следовало создать значительные мобрезервы: запасы стратегически важных изделий, полуфабрикатов и сырья. Особенно важным это выглядело

* Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, mukhin@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

ввиду того обстоятельства, что существенная часть такого сырья Советским Союзом импортировалась, а в случае войны, по мнению советского руководства, «первое в мире государство рабочих и крестьян» неминуемо столкнулось бы с полномасштабной экономической блокадой со стороны «капиталистического окружения». Одновременно требовалось разработать план промышленного производства на случай войны — мобплан экономики¹. Он должен был предусматривать детальные задания конкретным заводам и фабрикам по производству той или иной оборонной продукции и обеспечивать крупномасштабную конверсию — выпуск вооружений и боеприпасов, в том числе и на заводах гражданской промышленности. А значит, на «гражданских» предприятиях требовалось заблаговременно создавать цеха и производственные участки, приспособленные для выпуска оборонной продукции, обеспеченные соответствующим оборудованием и инструментом. Помимо этого, следовало предусмотреть «перевод на военные рельсы» транспортной системы (ведь нагрузка на железнодорожную сеть должна была резко возрасти), сельского хозяйства (с учетом мобилизации в действующую армию тракторов, автомобилей и тяглового скота) и даже сферы трудовых отношений (ведь промышленность требовала обеспечения трудовыми ресурсами и после проведения мобилизации армии).

Таким образом, мобплан действительно охватывал практически все аспекты экономики страны. Дополнительную сложность мобподготовке придавало то обстоятельство, что в дореволюционной России аналогичные мероприятия практически не осуществлялись, поэтому весь комплекс вопросов мобилизационной подготовки экономики советскому руководству приходилось решать самостоятельно, без обращения к опыту предшественников.

Военная промышленность и мобподготовка в 1920-е гг.

Впервые проблема полноценного мобпланирования экономики в Советской России была рассмотрена осенью 1921 г. Тогда военное ведомство поставило вопрос о создании перспективной (или, как тогда говорили, «максимальной») программы промышленной модернизации. Она предусматривала использование не только уже имевшихся в распоряжении Совнаркома в текущий момент ресурсов, но и тех, что планировали получить в результате экономического роста².

Уже тогда советское руководство приняло принципиальное решение, которое определило основной вектор мобилизационной подготовки страны на долгие годы вперед: основной упор делался не на накопление военных запасов на складах, а именно на подготовку экономики к функционированию в военное время. Предполагалось резервировать не запасы ресурсов, а промышленные мощности для производства этих ресурсов в случае необходимости. Однако от осознания проблемы до ее решения дистанция была очень велика.

В 1921 г. Главное управление военной промышленности (ГУВП) ВСНХ уточнило, что для практического осуществления мобплана экономике обя-

зательно потребуются не только резервные индустриальные мощности, но и мобзапасы в натуральном виде (сырье, полуфабрикаты и т.п. ресурсы). Без их резервирования промышленность в случае войны начнет испытывать серьезные затруднения и, безусловно, не сможет обеспечить армию всем необходимым. Причем на 1922 г. ГУВП полагало, что отечественное производство сможет обеспечить мобзапасов на 23 млн руб., а еще для мобрезервов следует приобрести на 24 млн руб. ресурсов за рубежом, т.е. свыше половины мобрезервов пришлось бы на импорт. Изыскать такие средства не удалось, что, собственно, и поставило крест на разработке первой советской программы мобподготовки. Как видим, уже в начале 1920-х гг. советское руководство достаточно адекватно подходило к проблеме мобилизационной подготовки, но вопрос упирался в финансы, а вернее – в их постоянную нехватку³.

Следует учитывать, что в 1922–1927 гг. советская экономика развивалась в рамках доктрины нэпа. В этот период крупная государственная промышленность была объединена в хозрасчетные тресты и синдикаты, функционировавшие на основах самокупаемости. Каждое такое объединение должно было не только обеспечивать собственное самофинансирование и выплачивать положенные налоги, но еще и приносить государству прибыль. В этих условиях курс на мобподготовку вступал в очевидное противоречие с логикой нэпа. С точки зрения моборганов, отвечавших за организацию мобподготовки промышленности, резервирование индустриальных мощностей и материальных ресурсов являлось важнейшим элементом подготовки промышленности к будущей войне. Однако с точки зрения руководства треста или синдиката, от которого требовали такого резервирования, это означало, в первую очередь «омертвление основного капитала», который вместо того, чтобы приносить прибыль «здесь и сейчас», выводился из оборота под предлогом того, что «когда-нибудь в будущем, возможно, будет война, и вот тогда <...>». Хозяйственные руководители вполне обоснованно жаловались в вышестоящие инстанции и требовали, раз уж перед ними поставлен курс на самокупаемость и хозрасчет, освободить их от мероприятий по мобподготовке, которые представлялись им ненужной и бессмысленной обузой. Военные пытались протестовать, но, как показывает практика, как правило, точка зрения хозяйственников в те годы одерживала верх. Раз за разом в Совете Труда и Оборона (СТО) повторялась одна и та же коллизия. Тот или иной хозяйственный орган предлагал «в виде исключения» разбронировать для него запас дефицитных ресурсов, заложенных в мобрезервы, обещая за счет этой акции решить конкретную экономическую проблему, – освоить выпуск новой продукции, повысить производительность труда или обеспечить резкий прирост выпуска. Военные горячо возражали, но СТО, как правило, разрешал разбронирование. Разумеется, каждая такая резолюция сопровождалась жесткими требованиями непременно в следующем году восполнить разбронированные мобрезервы, но... в следующем году ситуация повторялась. Было очевидно, что речь идет не о каких-то личных или ведомственных конфликтах, а об органических чертах нэповской экономики, плохо приспособленной к решению задач мобподготовки.

Еще хуже дела в период нэпа обстояли с собственно оборонной промышленностью. В 1924 г. вся военная промышленность СССР была объединена в рамках ГУВП ВСНХ, которому были подчинены следующие заводы:

- оружейные: Тульский и Ижевский;
- пулеметный: Ковровский;
- патронные: Тульский, Луганский, Подольский, Симбирский;
- трубочные: Ленинградский № 2, Самарский и Пензенский;
- орудийные: «Большевик» (Обухово), Пермский, Московский им. Калинина (располагался в Мытищах);
- механические: Ленинградский, Брянский, Киевский;
- снаряжательные и взрывчатых веществ: Самарский, Троицкий, Богородский, Нижегородский;
- пороховые: Казанский, Рошальский, Ульяновский, Тамбовский, Охтенский;
- оптические: Подольский, Ленинградский и Изюмский;
- морские минные: Торпедо и Русский Уайтхед;
- авиационные: № 1 «Дукс», № 2 «Икар» (Москва); № 3 «Красный летчик» (Ленинград); № 4 «Мотор», № 5, № 6 «Рено», № 8 «Пропеллер» (Москва); № 9 (Запорожье), ГАЗ № 10 (Таганрог), ГАЗ № 16 (Москва), Авиа-мастерская № 7 (Одесса).

Кроме того, временно в ведение ГУВП были переданы: Сестрорецкий оружейный — до перенесения производства лекал и инструмента на Тульский оружейный завод; Бежецкий оружейный — до окончания текущего наряда на ремонт винтовок; Ленинградский трубочный завод № 2 — до объединения с Ленинградским трубочным заводом № 1; Царицынский орудийный — до включения его в металлургическое объединение ВСНХ; Московская мастерская тяжелой артиллерии — до создания специальной базы по ремонту артиллерии; Пороховой Шлиссельбургский — до разрешения вопроса об «общей увязке пороховой программы»⁴.

Впрочем, уже в декабре 1925 г. ГУВП было разделено на четыре треста (оружейно-арсенальный, патронно-трубочный, военно-химический и ружейно-пулеметный). Если тресты и синдикаты гражданской промышленности работали на широкий рынок, то у «оборонки» был единственный потребитель — военное ведомство. С учетом того, что РККА в ходе военной реформы 1924—1925 гг. была сокращена до почти 600 тыс. чел., а финансирование военного ведомства существенно сократилось, было очевидно, что оборонная промышленность обречена на полуголодное существование⁵.

При этом если в традиционных отраслях военной промышленности (производство стрелкового и артиллерийского оружия, выпуск боеприпасов и военно-химические производства) ситуация была «просто плохой», то в относительно новых отраслях (по тем временам они относились к, как сказали бы сейчас, группе высоких технологий) положение было еще хуже. Авиапромышленность явно деградировала⁶, а что касается танкостроения, то до 1927 г. его, фактически, не было вовсе⁷. В результате в декабре 1926 г. Штаб РККА направил в Политбюро ЦК ВКП(б) доклад, в котором констатировалось: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»⁸.

Военная промышленность и мобподготовка в первой половине 1930-х гг.

Ситуация кардинально изменилась в конце 1920-х гг. Резкое обострение советско-английских отношений, получившее в историографии название «военная тревога 1927 г.», вызвало соответствующий рост внимания советского руководства к оборонной сфере. В частности К.Е. Ворошилов по этому поводу утверждал: «Я считаю необходимым отметить, что вопросам подготовки государства к обороне мы стали придавать актуальное значение только с весны текущего [1927 г. — М.М.] года, именно — когда активная политика империалистов, Англии в первую очередь, стала явно угрожать СССР, когда СССР должен был усилить военную подготовку для защиты своей политики мира»⁹.

Действительно, с конца 1920-х гг. начался резкий рост оборонных производств. В 1928 г. в рамках ВСНХ было создано Главное военно-промышленное управление (ГВПУ), в рамках которого были объединены все отрасли оборонной промышленности. На 1929 г. ГВПУ имело следующий состав¹⁰: Патрубрест — 8 предприятий; Оружпултрест — 5; Военхимтрест — 11; Орударс — 13; Авиатрест — 15; итого — 52 предприятия¹¹.

Надо отметить, что хотя основной поток капиталовложений на рубеже 1920–1930-х гг. шел в авиастроение, наибольший рост валовой продукции в тот период был характерен для военно-химических производств.

В 1930 г. все тресты оборонной промышленности, кроме Авиатреста, были слиты в два хозрасчетных производственных объединения: Всесоюзное объединение орудийно-оружейно-пулеметных производств (Оружобъединение), в которое вошли предприятия бывших орудийно-арсенального и ружейно-пулеметного трестов; Всесоюзное объединение патронно-трубочного и взрывательного производств (Патрубвзрыв), созданное на базе патронно-трубочного треста.

С первых лет десятилетия началось интенсивное строительство новых оборонных предприятий. В 1930 г. стартовало сооружение авиазаводов в Воронеже и Нижнем Новгороде, в 1932 г. — аналогичного предприятия в Казани, в 1931 г. — авиамоторного завода в Перми. В 1932 г. был основан артиллерийский завод «Новое Сормово» в Нижнем Новгороде, а в Комсомольске-на-Амуре — судостроительный завод. Разумеется, мы не можем в статье перечислить все оборонные предприятия, заложенные в тот период, но очевидно, что со стартом индустриализации «оборонка» приступила к стремительному наращиванию производственных мощностей. Одновременно ряд оборонных предприятий прошли комплексную модернизацию, а некоторые предприятия гражданского профиля сменили специализацию и переключились на выпуск военной продукции. Скажем, Харьковский паровозный завод стал одним из крупнейших производителей бронетанковой техники в СССР. С другой стороны, не следует упускать из вида и то обстоятельство, что оборонная промышленность в те годы была загружена выпуском как военной, так и гражданской продукции, причем с вполне сопоставимым суммарным объемом каждой из них.

Таблица 1

Продукция оборонной промышленности в ценах 1926/27 г. (млн руб.)

Виды продукции	1930 г.	1933 г.	Прирост (%)
Валовая	817	2091	156
В том числе: военная	384	1289	235
гражданская	296	617	108
ширпотреб	13	124	857

Источник: История создания и развития Оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы / под ред. А.А. Кольтюкова. Т. III. Ч. 2. М., 2011. С. 204.

5 января 1932 г. ВСНХ был разделен на наркоматы – тяжелой, легкой и лесной промышленности. С созданием наркомата тяжелой промышленности (НКТП), руководство всей оборонной индустрией было сосредоточено в Главном военно-мобилизационном управлении (ГВМУ) НКТП. К 1933 г. структура ГВМУ имела следующий вид¹²: Авиатрест – 41 предприятие; Орударс – 16; Ружпультрест – 4; Патрубзрыв – 17; Военхимтрест – 13; Снарядный трест – 14; Спецмаштрест¹³ – 4; ВИВ¹⁴ – 14 предприятий; Бензоскладстрой – 4 базы; итого – 127 предприятий.

Однако при этом следует учитывать, что все эти предприятия для выпуска оборонной продукции постоянно нуждались в тесном взаимодействии и производственной кооперации с заводами и фабриками, формально в систему «оборонки» не входившими. В качестве иллюстрации мы позволим себе привести схему кооперативных поставок для выпуска в 1932 г. танков Т-26:

1. завод им. Ворошилова – собирал собственно танки из полуфабрикатов, полученных с нижеследующих заводов;
2. завод «Большевик» – корпуса и башни;
3. Ижорский завод – корпуса и башни;
4. завод «Красный Октябрь» – коробки передач;
5. завод «Красный Путиловец» производил ходовую часть танка;
6. Люберецкий завод отпускал ковкий чугун как «Красному Путиловцу», так и заводу им. Ворошилова;
7. завод им. Лепсе поставлял ковкий чугун «Красному Путиловцу», «Красному Октябрю» и заводу им. Ворошилова;
8. завод им. Кирова обеспечивал рессорами «Красный Путиловец»;
9. Шинный завод производил катки для «Красного Путиловца»;
10. Кулебакский завод изготовлял подбашенные погоны;
11. завод № 29 производил радиаторы и котельно-слесарные работы для завода им. Ворошилова;
12. завод «Красный гвоздь» поставлял крепеж и калибровочный материал заводам им. Ворошилова, Ижорскому, «Красный Октябрь», «Красный Путиловец» и № 29;

13. Асбестовый завод обеспечивал завод «Красный гвоздь» феррадо;
14. завод «Серп и Молот» изготавливал холодный листовой прокат для завода № 29;
15. завод им. Либкнехта поставлял заводу им. Ворошилова цельнотянутые трубы;
16. Аккумуляторный завод им. лейтенанта Шмидта производил аккумуляторы и отправлял их на завод им. Ворошилова;
17. завод № 4 «Знамя труда» поставлял заводу им. Ворошилова карбюраторы;
18. Нижегородский цепной завод отправлял на завод им. Ворошилова цепи;
19. завод им. Воскова производил для завода им. Ворошилова инструмент;
20. завод «Красный инструмент» также производил для завода им. Ворошилова инструмент;
21. ВЭО¹⁵ обеспечивало завод им. Ворошилова электрооборудованием;
22. завод Керге производил перетяжку труб для завода им. Ворошилова;
23. Лендомзак изготавливал инструмент для завода «Красный Путиловец»¹⁶.

Столь широкая производственная кооперация, которая неизбежно должна была многократно усилиться в случае войны, вновь поставила на повестку дня вопрос об организации мобподготовки экономики СССР. Судя по всему, первым принятым в СССР мобилизационным планом в современном значении этого слова стал план литеры «А», утвержденный в конце 1927 г. и основанный, по преимуществу, на заявке военного ведомства от 1925 г. Этот документ уже предусматривал как расширение собственно военных производств и соответствующее наращивание индустриальных мощностей заводов-смежников, так и подготовку выпуска военной продукции на гражданских предприятиях в случае войны.

В частности в отчете о выполнении работ отмечались «сооружение нового пулеметного цеха на Тульском заводе, форсированный темп строительства Ковровского завода¹⁷ <...> начало форсированного строительства завода Баррикады¹⁸ <...> развертывание строительства на 26-м моторостроительном заводе, постройка нового цеха на заводе Большевик^{19»}²⁰.

В целом этот план ставил во главу угла производство стрелкового оружия, винтовочных патронов, взрывателей и дистанционных трубок, пороха, взрывчатки и артиллерийских орудий.

Тут следует сделать важную оговорку. Как правило, требования военных по производству вооружений и боеприпасов «на год войны» существенно превышали возможности промышленности. Поэтому выполнение мобилизационного плана предусматривало, в первую очередь, наращивание индустриальных мощностей до такого уровня, чтобы заявка военного ведомства могла быть выполнена в реальности. Разумеется, фактический «перевод экономики на военные рельсы» производился в СССР лишь однажды — в 1941 г., однако работы по приведению промышленного потенциала в соответствии с запросами военных велись постоянно. Именно такие работы и составляли суть выполнения того или иного мобплана промышленности.

Между тем план лит. «А» выполнялся с большим трудом, поэтому весной 1928 г. предприятия получили указания рассчитывать производительность своего оборудования, исходя не из 288, а 330 рабочих дней в году. По крайней мере, теоретически, это давало возможность резко повысить объем продукции, которую можно было бы выпускать в случае войны, а значит — «по отчетности» степень выполнения плана по мобподготовке возросла. Однако вскоре было решено от выполнения этого плана отказаться. Взамен был разработан новый мобплан — литеры «С», который в большей степени соответствовал интересам военных. Своеобразным стержнем, вокруг которого строился данный мобплан, стало требование военных обеспечить поставку 24 млн артиллерийских выстрелов. Ввиду этого наибольшая масса капиталовложений должна была быть направлена на строительство новых: порохового завода, снаряжательного завода и фабрики селитрянно-угольных добавок. Планировалось соорудить еще одного самолетостроительного завода. В то же время в ВСНХ признавали, что мобплан литеры «С» практически не рассматривал проблемы автомобилестроения. Однако ключевым отличием плана литеры «С» от предыдущего была ставка на возможно более широкое использование гражданской промышленности. Причем речь шла не столько о том, что удельный вес ассигнований на мобподготовку предприятий, не входивших в сферу «оборонки», существенно возрос, сколько о налаживании производств, до того считавшихся характерными исключительно для оборонной промышленности, на гражданских заводах и фабриках. Флагманом этого движения стал Сормовский завод, на котором было развернуто оружейное производство. Синхронно на гражданских химических заводах начались работы по формированию индустриальных мощностей для производства взрывчатых и боевых отравляющих веществ. Именно на предприятия, не входившие в число оборонных, планировалось передать производство большинства противогазов. Большое внимание в плане уделялось работе по кооперированию оборонной и гражданской частей индустрии. Например, Тульский оружейный завод должен был кооперироваться с Подольским заводом «Госшвеймашины».

При попытке выполнения мобплана литеры «А» советские хозяйственники столкнулись с тем, что, планируя рост производства какого-то вида вооружений или боеприпасов, как правило, не предусматривалось соответствующего наращивания выпуска сырья и полуфабрикатов, имевших ключевое значение для изготовления этого вида военной продукции. Мобплан литеры «С» был лишен этого изъяна. В данном мобплане рост патронного производства тесно увязывался с объемами производства патронной латуни, а ожидаемый рост выпуска пороха дополнялся пропорциональным наращиванием производства в важнейших отраслях основной химии. В определенных случаях разработать такой план «соответствующего роста» было достаточно затруднительно — особенно запутанными оказались вопросы производства различных сложных установок, состоявших из ряда самостоятельных устройств и агрегатов. Характерный пример — производство радиостанций, каждую из которых требовалось дополнительно укомплектовать аккумуляторами и дизель-генераторами. Для разрешения этой проблемы при разработке мобплана

литеры «С» решили создать систему «кустов» предприятий, объединявших заводы и фабрики, задействованных для производства сложных изделий. Однако эта мера была отнесена уже на план 1929/30 г.

Изначально мобплан литеры «С» предполагалось завершить за один хозяйственный год — с 1 октября 1928 по 1 октября 1929 г. К сожалению, вскоре выяснилось, что осуществление большинства запланированных работ зависело, в первую очередь, от поставок импортного оборудования и сырья. Достаточно упомянуть, что, например, отечественной выплавки алюминия в СССР на тот момент не было вообще, поэтому все поставки «крылатого металла», имевшего критически-важное значение для авиастроения, основывались или на импорте, или на раскопках заводских свалок²¹.

Поэтому уже в январе 1929 г. было решено, что план литеры «С» будет выполняться не четыре, а пять кварталов — до 1 января 1930 г. При этом поступление валюты (значит, и импортных поставок) постоянно сокращалось, а требования военных — синхронно росли. В конце концов, на базе мобплана литеры «С» была разработана трехлетняя программа подготовки к войне как военной, так и гражданской сфер индустрии. Так как формально эта программа все еще исходила из требований, изложенных в заявке НКВМ от 1927 г., новая редакция мобплана, рассчитанная на три года, получила обозначение «С-30»²².

В этом мобплане выделялись следующие важнейшие направления: стрелковое оружие, артиллерия, производство винтовочных патронов. Во главу угла была поставлена так называемая концепция единого выстрела, которая предусматривала комплексное развитие всех отраслей промышленности, участвовавших в производстве артиллерийского выстрела: черная (производство корпусов снарядов) и цветная (производство гильз) металлургия; химическая промышленность (выпуск пороха и взрывчатки) и машиностроение (изготовление взрывателей). Принятое решение о развитии цельнометаллического самолетостроения естественным образом выводило план «С-30» на проблематику создания алюминиевой промышленности и индустрии легких сплавов²³. Решать все эти вопросы предполагалось на путях максимального развития кооперации, стандартизации и унификации производства.

Неожиданно проблема трудовых кадров стала одной из наиболее острых при выполнении плана «С-30». Безусловно, численность рабочего класса в СССР в период индустриализации возрастала год от года. В то же время, качество такой рабочей силы было невысоким. Между тем предприятия, получавшие производственные задания в рамках плана «С-30», испытывали нехватку именно квалифицированного персонала даже в мирное время, и было очевидно, что в случае войны, с учетом планируемого наращивания производства военной продукции и мобилизации определенной части кадровых рабочих в ряды РККА, этот дефицит квалифицированной рабочей силы еще более обострится.

В поисках решения этой проблемы, советские мобработники подготовили несколько вариантов приписывания рабочих и специалистов к военным заводам в случае войны. Одновременно был составлен план бронирования рабочей силы на случай мобилизации вооруженных сил. В частности предпо-

лагалось забронировать 67% военнообязанных в угольной, 55 — в нефтяной, 50 — в металлообрабатывающей, 48 — в оборонной, 47 — в электротехнической, 39 — в химической и 27% — в текстильной промышленности²⁴.

В октябре 1930 г. уже стало возможным подвести хотя бы предварительные итоги по степени выполнения заданий плана «С-30». Госплан направил И.В. Сталину доклад, в котором отмечалось, что выполнение этого плана систематически срывается. При этом ситуация с мобпланированием критиковалась сразу с двух направлений. С одной стороны, утверждалось, что план «С-30» вообще нереален (т.е. промышленность его никогда не сможет выполнить), с другой — подчеркивалось, что он не соответствует текущим задачам модернизации вооруженных сил. И с этим трудно было поспорить, т.к. в 1929–1930 гг. среди советского руководства шла постоянная борьба по поводу степени «военизации» пятилетки — переориентирования пятилетнего плана развития экономики на все более возрастающий удельный вес производства оборонной продукции²⁵. И, надо признать, в этой борьбе военные постоянно одерживали верх. Скажем, в декабре 1929 г. было принято решение о развертывании танковой программы²⁶, а с учетом того, что основные контуры плана «С-30» к тому моменту уже были сверстаны, приоритеты мобпланирования потребовалось корректировать «на ходу». Не вызывает сомнений, что данный план, нацеленный, в первую очередь, на выпуск артиллерии, боеприпасов и самолетостроение, уже не отвечал задачам форсированной моторизации армии. Ведь эти задачи были сформулированы спустя несколько месяцев после утверждения плана «С-30». И хотя мобработников в данном упущении упрекать было бы несправедливо, объективно проблема была и требовала решения. Однако надо признать, это было отнюдь не самое главное затруднение, с которым столкнулось исполнение плана «С-30». Требования военного ведомства постоянно возрастали, вследствие чего в план пятилетки неоднократно вносились те или иные изменения, нацеленные на увеличение производства военной продукции. Но так как рост выпуска военной техники, вооружений, боеприпасов требовал соответствующего наращивания объемов металлургии, машиностроения, химической индустрии, по сути, речь шла о поэтапной перестройке всего плана пятилетки. В нем удельный вес производства средств потребления неуклонно снижался, а производство средств производства постоянно росло. Поэтому одним из ключевых факторов торможения выполнения плана «С-30» стало молчаливое сопротивление ВСНХ, который пытался отстоять пятилетний план, но вынужден был его постоянно переделывать под напором руководства вооруженных сил. Разумеется, в условиях постоянной перекройки плана всей экономики в целом, методичное выполнение плана ее мобподготовки было немыслимо.

В сентябре 1930 г. ввиду истечения срока действия плана «С-30» был разработан новый мобплан — «МВ-10», учитывавший проблемы выполнения «танковой программы». Однако на практике распределение производственных заданий по заводам в рамках плана «МВ-10» столкнулось с массой организационных трудностей. В результате к весне 1933 г. данный мобплан так и не был выполнен в полном объеме. Наиболее иллюстративной в этом отношении является ситуация с артиллерийскими боеприпасами.

Таблица 2

**Мобготовность СССР по основным видам артиллерийских выстрелов
на весну 1933 г. (тыс. шт.)**

Тип выстрела	Задание по мобплану МВ-10	Ожидаемая поставка в случае войны	% удовлетворения
Малокалиберные	8 850	7 955	89,9
76-мм	15 150	15 910	105
122-мм гаубичные	7 600	8 685	114,3
107-мм пушечные	1 745	890	51
152-мм гаубичные	4 425	2 504	58,8
Крупнокалиберные	165	11	5,67
Всего	37 935	36 066	94,8

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 312. Л. 90 об.

Особенно угрожающей оказалась ситуация с малокалиберными выстрелами. Изначально на вооружение РККА была принята 37-мм противотанковая пушка. Однако вскоре решили совместить в одной модели противотанковую и батальонную пушки, для чего на базе 37-мм противотанковой пушки было сконструировано новое орудие калибра 45 миллиметров. По плану «МВ-10» предполагалась подача 4550 тыс. выстрелов калибра 37 миллиметров и 4330 тыс. — калибра 45 миллиметров. К сожалению, промышленность (уже освоившая выпуск малокалиберных снарядов и решительно не поспевавшая за изменениями требований военного ведомства, теперь требовавшего единую пушку батальонного звена на все случаи жизни) была готова выпустить в первый год войны только 1530 тыс. выстрелов для «сорокопятки», зато 6425 тыс. — для 37-мм пушек. В результате, констатировали в Госплане, в случае войны могла сложиться абсурдная ситуация: на фронт была бы отправлена масса выстрелов, которыми не из чего будет стрелять (ведь выпуск 37-мм противотанковой пушки сворачивался!), зато в войсках в изобилии будет 45-мм батальонных и противотанковых пушек, совершенно не обеспеченных боеприпасами. При этом вопрос о качестве снарядов вообще выводился за скобки. Скажем, в апреле 1932 г. ОГПУ докладывало, что опытные работы по разработке бронебойных снарядов велись на заводе «Большевик» совместно с Ленинградским институтом металлов с 1928 по 1932 г., но на момент составления документа успеха не принесли — все испытанные снаряды неизменно раскалывались о броневую плиту²⁷.

Следующим после «МВ-10» мобпланом должен был стать план «МВ-12», но его разработка столкнулась с серьезными затруднениями. Составляя план на следующую пятилетку, НКВМ настоял на принятии крайне амбициозной программы развития оборонных производств. По мобилизационному

развертыванию к 1937 г. промышленность в случае войны должна была быть готова выпускать ежегодно 32 тыс. самолетов, 40 тыс. танков, 20 тыс. танкеток, 100 тыс. тракторов, 500 тыс. грузовиков, 84 500 артиллерийских орудий, 75 млн снарядов, 3 850 тыс. винтовок, 338 тыс. пулеметов и 400 тыс. авиабомб²⁸. Это намного превышало возможности промышленности, даже исходя из самых оптимистичных вариантов выполнения пятилетнего плана. Так и не доведя до стадии раздачи производственных заданий заводам «МВ-12», ГВМУ НКТП разработало новый мобплан — «МП-3», который исходил уже не из требований военных, а ориентировался на реальные возможности роста промышленности.

Во второй половине 1934 г. Комиссия советского контроля (КСК) провела проверку мобилизационной готовности НКТП. Принимая во внимание, что основная масса предприятий, обеспечивающих прямо или косвенно выпуск военной продукции, была сосредоточена именно в Наркомате тяжелого машиностроения, данный документ можно рассматривать как своеобразный итог всей мобподготовки советской экономики в первой половине 1930-х гг. Следует признать, итог оказался неутешительным — КСК охарактеризовала работу ГВМУ НКТП как совершенно неудовлетворительную. Промышленность была явно не готова к обеспечению действующей армии вооружениями и боеприпасами в первый военный год. Хотя ГВМУ рапортовало о безусловной готовности выполнить военные заказы в случае начала войны, фактически, по отзывам сотрудников КСК, незавершенность строительства ряда важнейших цехов и проблемы с финансированием оборонных работ делали такие рапорты совершенно беспочвенными. Например, Харьковскому паровозному заводу, выпускавшему танки БТ, следовало по мобзаданию резко увеличить производство этой продукции. Для этого требовалось отпустить на капитальное строительство еще 26,5 млн руб., в то время как фактически в 1934 г. было выделено всего 8 млн руб. Мобзаявка военных предусматривала поставку армии в первый год войны 8 тыс. гусеничных тракторов типа «Коминтерн» или «Сталинец», а также 70 тыс. автомобилей. Но производственные задания тракторным и автомобильным заводам вообще не были выданы, поэтому в первый год войны РККА не получила бы ни тягачей для тяжелой артиллерии, ни грузовиков для подвоза боеприпасов. В авиастроении наблюдалась постоянная нехватка производственных мощностей, поэтому план выполнялся за счет работы в три, а то и в четыре смены. Разумеется, при такой организации производства ожидать существенного прироста авиавыпуска в случае войны не приходилось.

Мобилизационные задания, выданные наркоматам, содержали в себе массу «узких мест» в отношении ключевых ресурсов. Например, по металлопрокату мобзаявка НКПС была обеспечена на 70%, НКО — на 60%, а мобилизационные программы прочих наркоматов — еще меньше. Особенно тяжелая ситуация сложилась с рядом цветных металлов, дефицит которых грозил сорвать вообще весь мобплан в целом. Так, мобзаявка по меди была обеспечена на 87%, по олову — на 62%, по алюминию — на 41%, по никелю — на 20%.

Еще одним существенным изъяном мобподготовки Советского Союза на тот момент была сосредоточенность сугубо на военной проблематике. Прак-

тически вся мобилизационная подготовка страны велась в плане обеспечения армии той или иной оборонной продукцией. Разумеется, в случае войны снабжение вооруженных сил всем необходимым действительно носило бы решающее значение. С другой стороны, обращали внимание инспекторы КСК, при таком подходе полностью игнорировалась степень готовности экономики в условиях военного времени обеспечивать важнейшие народнохозяйственные нужды: производить вагоны и локомотивы для железных дорог, трактора и автомобили — для сельского хозяйства и промышленности; обеспечивать сельское хозяйство удобрениями и различными сельхозмашинами, производить станки и оборудование как для тяжелой промышленности, так и для промышленности легкой и пищевой; выпускать новые агрегаты для электростанций и коммунального хозяйства; обеспечивать население ширпотребом. Между тем было очевидно, что срыв всех вышеперечисленных задач достаточно быстро сделал бы невозможным выпуск оборонной продукции.

Из вышеприведенного перечисления неувязок, ошибок и проблем может сложиться впечатление, что вся история мобпланирования в первой половине 1930-х гг. — это какая-то бесконечная череда ошибок и упущений. На самом деле, надо признать, что первая половина 1930-х гг. стала периодом неуклонного роста степени мобготовности страны. Безусловно, в осуществлении каждого мобплана можно было найти множество недочетов, но они имелись на фоне активно ведущейся работы, и отрицать ее позитивные результаты было бы в корне неверно. СССР получал в рамках работ по мобподготовке результаты, меньше желаемых, но каждый год степень мобготовности страны поднималась все выше. Специалисты Госплана отмечали, что при составлении мобпланов конца 1920-х гг. вынуждены были исходить из разрывывания мобилизуемой промышленности практически полностью на основе индустриальных объектов, которые еще только планировалось построить. Очевидно, что любые проволочки в исполнении плана капитального строительства (в период индустриализации такие проблемы были делом обыденным и повседневным) автоматически обесценивали все расчеты по мобилизации экономики.

В мобплане по литере «С» окончанием планируемых индустриальных объектов обеспечивалось лишь «до 50% подачи по стрелковому оружию, 85% подачи по 76-мм артсистемам, 70% подачи по 152-мм гаубицам, 55% подачи по выстрелу (в среднем)»²⁹.

В 1932 г. советские экономисты, составлявшие «МВ-12», уже позволили себе исходить из того, что практически по всем важнейшим видам продукции (за исключением пороха) этот план будет выполняться заводами и фабриками, построенными к 1933 г.

По сравнению с 1927–1928 гг. к середине 1930-х гг. Советский Союз располагал куда более мощной экономической базой, кардинально снизил зависимость от импорта и столь же резко повысил численность подготовленной рабочей силы. Наиболее иллюстративным в этом смысле представляется положение дел с развитием мобготовности СССР по производству пороха.

Динамика мобмощностей по пороху в СССР в годы первой пятилетки

Дата	Готовность выпустить в год войны (тыс. т)
1 октября 1928 г.	14,5
1 октября 1929 г.	19
1 января 1931 г.	21
1 января 1932 г.	30
1 января 1933 г.	45

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 312. Л. 89 об.

Практически на каждую дату в этой таблице Госплан фиксировал существенное отставание от заданных текущим мобпланом темпов роста – производство пороха вообще считалось вечным «большим вопросом» оборонной промышленности СССР. Однако несомненно, что только на протяжении первой пятилетки мобпотенциал Советского Союза по пороху утроился. Сравнимыми темпами в первую пятилетку росла выплавка цветных металлов, являвшаяся одним из главных ограничивающих факторов практически каждого мобплана тех лет. К 1931 г. производство меди по сравнению с 1928/29 хозяйственным годом возросло на 45%, цинка и свинца – втрое. В 1932 г. была пущена первая очередь Волховского алюминиевого комбината, и достраивался Днепровский алюминиевый комбинат – в Советском государстве была фактически создана новая отрасль цветной металлургии!

Еще одним постоянным «узким местом» мобподготовки СССР в эти годы являлась химическая индустрия. Если металлургическое производство на 1933 г., теоретически, позволяло рассчитывать на ежегодный выпуск 60 млн артиллерийских выстрелов, то химическая промышленность гарантировала не более 40 млн. Даже к весне 1933 г. планировалось, что в случае войны ради обеспечения оборонных предприятий аммиаком (сам факт того, что его хватит хотя бы на «оборонку», рассматривался как огромное достижение) придется полностью прекратить отпуск этого химиката гражданской промышленности. Но при этом следует помнить, что за годы первой пятилетки производство хлора в СССР выросло в 6, а азота – в 10 раз. В стране практически «с ровного места» создавались производства аммиака, азотной кислоты, аммиачной селитры, олеума, хлора, анилина, бертолетовой соли, фосфора – в Российской империи эти химикаты или вообще не выпускались, или производились в ничтожных объемах. Между тем именно рост «гражданской» химической промышленности (в частности, наращивание производства азотной кислоты) являлся фактором, определявшим вышеописанное наращивание мобвозможностей по пороховому производству. Располагая такой ресурсной базой, уже действительно можно было планировать расширение производства в случае войны, а не перетасовывать между столбцами мобплана скудные запасы импортных ресурсов.

Называя вещи своими именами, главным итогом первой половины 1930-х гг. в отношении мобподготовки было то, что ее система в СССР стала объективным фактом. Эта система не всегда работала с должной степенью эффективности, в ней было полно упущений и просчетов, ее вполне заслуженно критиковали, но она все-таки функционировала. Именно в это пятилетие подготовка экономики Советского Союза к будущей войне перешла из области теоретических рассуждений в фазу практических работ.

Военная промышленность и мобподготовка во второй половине 1930-х гг.

В 1936 г. ГВМУ НКТП было упразднено, а его главки перешли в Наркомат оборонной промышленности (НКОП). Впрочем, в рамках НКОП приоритеты советской «оборонки» существенно не изменились – как и прежде, наибольшим вниманием советского руководства среди всех элементов оборонной промышленности пользовалось авиастроение.

Таблица 4

Удельный вес капиталовложений и валовой продукции важнейших главных управлений (ГУ) НКОП в 1937 г. (%)

Главное управление	Капиталовложения	Валовая продукция
I (Авиастроение)	36	36
III (Артиллерийское производство)	9	21
IV (Выпуск боеприпасов)	15	21
VI (Химическое производство)	29	6
VII (Броневое производство)	7	6
VIII (Танкостроение)	4	10

Источник: Мухин М.Ю. Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.

Просуществовав около двух лет, указом Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 11 января 1939 г. НКОП был разделен на:

1. Наркомат авиационной промышленности (НКАП)
2. Наркомат судостроительной промышленности
3. Наркомат боеприпасов (НКБ)
4. Наркомат вооружений (НКВ).

Танкостроительные предприятия были выделены в Спецмаштрест, переданный в структуру Наркомата среднего машиностроения (НКСМ).

Впрочем, авиастроение вполне сохранило свои лидирующие позиции, по сравнению с прочими сегментами оборонного комплекса. В 1939 г. в совокуп-

ном объеме валовой продукции трех базовых наркоматов оборонки — НКАП, НКВ и НКБ — в ценах 1926/27 г. на авиастроение приходилось 44%.

Вторая половина 1930-х гг. стала временем интенсивного развития оборонной промышленности СССР. Крупнейшей оборонной новостройкой тех лет был судостроительный завод № 402 (Молотовск, ныне — Северодвинск), первая очередь которого была введена в строй в конце 1939 г.³⁰ Кроме того, строилось множество менее крупных военно-химических, авиационных предприятий и заводов по выпуску боеприпасов. Следует учитывать, что значительное количество заводов и фабрик, заложенных в годы первой пятилетки, фактически вступили в строй только во второй половине 1930-х гг. Более того, в конце 1930-х наметился процесс полной переориентации тех или иных гражданских предприятий на выпуск сугубо оборонной продукции с передачей этих индустриальных объектов в сферу «оборонки». Так, например, Саратовский комбайновый завод был перепрофилирован на авиавыпуск, а Новочеркасский паровозостроительный — на производство артиллерийских орудий. Ширились и процессы ассимиляции — организации выпуска оборонной продукции на гражданских заводах уже в мирное время. Например, Уральский завод тяжелого машиностроения еще в довоенный период стал (формально оставаясь предприятием гражданским) крупным производителем артиллерийского вооружения.

На третью пятилетку изначально было намечено строительство 84 предприятий общей сметной стоимостью около 3,2 млрд руб. Более 8 млрд руб. планировалось направить на реконструкцию и расширение действующих военных заводов. Однако затем программа оборонного строительства была пересмотрена в июле 1939 г., и общий объем капитальных вложений в оборонную промышленность в третьей пятилетке повысился до 20,3 млрд руб. Для усиления обороноспособности страны большая часть капиталовложений направлялась в ведомства, связанные с обороной. Расходы на военные нужды возросли с 11% бюджета в 1935 г. до 32,5% в 1940 г. Многие, формально гражданские, отрасли промышленности стали работать в большей мере именно на оборонные нужды³¹.

Началось создание военно-экономической базы-дублера на востоке страны — в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке. В мае 1939 г. в Поволжье полным ходом шло строительство 23 промышленных объектов, на Урале — 26, в Сибири — 35, на Дальнем Востоке — 13³².

Наконец, очень широко практиковалось создание «спец-цехов» и «спец-участков», которые должны были в случае войны обеспечить форсированное развертывание выпуска оборонной продукции гражданскими предприятиями. Скажем, на Челябинском и Сталинградском тракторных заводах заблаговременно готовилось оборудование для производства бронетанковой техники. С другой стороны, надо признать, что в сфере мобподготовки советской экономики во второй половине 1930-х гг. возникли определенные проблемы.

Уже 3 октября 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А.И. Егоров в докладной записке председателю Совета народных комиссаров В.М. Молотову отметил, что ситуация с исполнением текущего мобили-

зационного плана вызывает опасения. В частности, отмечал он, «за истекшие три года количественно и качественно устарели мобилизационные задания; с производства снят целый ряд предусмотренных в плане «МП-3» предметов вооружения и боевой техники, которые заменены новыми образцами; многие мобилизуемые предприятия получили другую специализацию; изменились производственные мощности»³³.

Между тем требования военного ведомства постоянно росли. Например, несколько позже А.И. Егоров уточнял, что согласованные в 1935 г. нормы расходования боеприпасов для винтовок (13 млрд) и артиллерийских орудий (150 млн), рассчитанные на год ведения войны, уже тогда обеспечивали только 60–65% потребности военных, однако ввиду возрастания степени оснащенности РККА, теперь эти нормы расходования не обеспечивали действующую армию в течение года войны даже «по голодной норме». Ввиду этого А.И. Егоров настаивал на новых лимитах по боеприпасам: по снарядам – 200 млн, патронам для винтовок – 17,5 млрд. Из-за роста требований военных бюджет оборонной промышленности так же возрастал год от года. Если в 1934 г. планировалось выделение 5 млрд 801 млн руб., то в 1937 г. – уже 20 млрд 39 млн руб.³⁴ Большая часть средств направлялась на строительство новых предприятий. Несмотря на увеличение финансирования, планы по производству вооружений и боеприпасов выполнены не были. Так, по патронам в 1934 г. плановое задание выполнили на 38,8%, а в 1937 г. – на 73,9%. Хотя в целом темпы роста военной продукции были впечатляющими, невыполнение плановых показателей, по мнению А.К. Соколова, являлось типичной особенностью и первого, и второго пятилетнего планов развития военных производств³⁵.

В 1936 г. приняли новый мобплан – «МП-4». Однако так как требования военного ведомства на поставку вооружений и боеприпасов в первый год войны менялись едва ли не ежеквартально, разверстка производственных заданий по заводам в рамках этого плана была проведена только в 1937–1938 гг., да и то – не в полной мере. В результате на 1939–1940 гг. часть предприятий все еще продолжала сохранять мобзадания по плану «МП-3», а часть – уже по плану «МП-4». Дополнительно ситуацию усугубляло то обстоятельство, что ряд предприятий, формально получив по одному из этих мобпланов мобзадание, фактически в случае войны его выполнить заведомо бы не смогли. В 1937 г., обследовав ряд предприятий с точки зрения мобготовности, НКВД докладывал в Совнарком: «Охтинский комбинат по мобплану должен обеспечить поставку 800 т высококачественных коллоксилинов типа “Триплекс” и “Киноплечный”. Комбинат до настоящего времени такого типа коллоксилинов не производит, технический процесс не освоен, и оборудование завода в этих целях не приспособлено. Завод “Севкабель” (Ленинград) по мобплану должен изготавливать высоковольтные провода в панцире для магнето напряжением 20 тыс. вольт. Такой провод завод не изготавливает и не имеет для этого оборудования. Завод “Красный профинтерн” из 7 типов артиллерийских снарядов, намеченных к производству мобпланом, полностью освоил только один тип – 152-м снаряд “Кане”»³⁶. Таким образом, производственные задания на заводе формально были, но проку от них в случае войны не было бы никакого.

Впрочем, руководство страны считало оба эти плана («МП-3» и «МП-4») устаревшими и не соответствовавшими требованиям текущей ситуации, поэтому в 1937 г. была начата разработка нового мобплана — «МП-38», но его вообще не удалось довести до стадии раздачи заданий на заводы. В 1938 г. приступили к разработке моблана «МП-10». Для обеспечения выпуска оборонной продукции в случае войны, согласно этому документу, требовалось вложить 6487 800 тыс. руб. Средства предполагалось расходовать как на строительство новых заводов и фабрик, так и на расширение и модернизацию уже существующих. Всего планировалось заложить и расширить 140 предприятий: 102 из них относились к Наркомату оборонной промышленности, 20 — к Наркомату машиностроения и 18 — к Наркомату тяжелой промышленности³⁷. И... снова работы были сорваны, с одной стороны, постоянными изменениями требований военных, с другой — стремительным расширением промышленности. Довести план до стадии раздачи производственных заданий на заводы не удалось. Наконец, в 1939 г. разработали новый мобплан — «МП-1», который должен был заменить уже устаревшие «МП-3» и «МП-4».

Характерно, что успешная разработка нового плана стала возможна, прежде всего, за счет изменения методологии — теперь планирование исходило не из желаний военных (которые все равно постоянно менялись), а из возможностей промышленности, которая дала четко понять, что текущие требования НКО для нее непосильны³⁸. Скажем, только заявку НКВМФ в итоге сократили на четверть. В наибольшей степени было сокращено задание по танкам — 51% от первоначального плана. В целом, сокращения коснулись в основном артиллерийских орудий мелкого и среднего калибра и недавно привлеченных к изготовлению орудий заводов (Воткинский, Новочеркасский и др.). Однако масштабы производства по самолетам, стрелковому вооружению, военной химии остались высокими. Количество заводов и фабрик, задействованных в выполнении плана, было сокращено на 45% от исходных значений. Надо признать, что план «МП-1» даже после сокращений оставался крайне рискованным в смысле возможности его осуществления на практике. Согласно действовавшему на 1938 г. народнохозяйственному плану наркоматы — оборонной промышленности, тяжелой промышленности и машиностроения должны были выпустить валовой продукции в фактических оптовых ценах на 67 млрд руб., в том числе военной продукции — на 10,57 млрд руб. В то же время, согласно «МП-1» именно НКОП, НКТП и НКМаш являлись основными исполнителями мобзаявки Наркомата обороны, и в случае перевода экономики на военные рельсы им надлежало произвести оборонной продукции приблизительно на 60 млрд руб.³⁹ Таким образом, было очевидно, что при практическом осуществлении плана «МП-1» около 90% продукции машиностроения будет поглощаться действующей армией, что ставило гражданские отрасли промышленности в неприемлемые условия. В то же время, нельзя забывать, что реальный уровень мобилизации машиностроительных мощностей в годы Великой Отечественной войны не слишком отличался от вышеприведенных значений, поэтому в целом базовые положения плана «МП-1» были вполне осмысленны.

Неизменно, как и в первую половину десятилетия, «большим вопросом» всего мобпланирования оставалась проблема производственной кооперации.

По плану на весну 1939 г. в рамках производственной кооперации выпускались элементы артиллерийского выстрела (гильзы, корпуса снарядов, взрыватели, запальные стаканы и т.п.), поковки для различных деталей самолетов, корпуса авиабомб и разные агрегаты (манометры, прицелы, часовые механизмы для мин и т.п.). К сожалению, на самом деле положение дел оказалось очень далеко от идеала. 25 апреля 1939 г. для советского правительства была подготовлена справка «О состоянии производственной кооперации по производству средств вооружения и боевой техники», в которой сообщалось, что «Производственная кооперация в настоящее время не продумана, построена бессистемно. Главки и наркоматы этому вопросу внимания не уделяют. Заводы действуют по своей инициативе: ищут предприятия, уговаривают принять заказ и всяческими путями стараются удержать их. Предприятия, привлекаемые к производству в порядке кооперации, назначают ничем не обоснованные расценки, пытаясь за счет этих заказов улучшить свои финансовые дела. Это приводит к тому, что основной завод не прекращает производства деталей, предназначенных к поставкам по кооперации»⁴⁰. Проиллюстрируем сложность организации производственной кооперации при производстве оборонной продукции в конце 1930-х гг. двумя примерами.

Одним из важных элементов мобплана «МП-1» было увеличение поставки «штамповки» с заводов Наркомата среднего машиностроения до 38 млн штук (за полтора года начиная с июня 1940 г.). Под «штамповкой» в данном случае подразумевалось изготовление доньев и колец к железным свертным гаубичным гильзам, кружков для железных цельнотянутых гильз, авиационных бомб, мин, бронебойных снарядов, осколочных снарядов, свинцовых пуль⁴¹.

Основное производство «штамповки» базировалось на заводах НКСМ: Сталинградском тракторном, Харьковском тракторном, им. газеты «Правда» (Каменское, Кременчугская область), Орджоникидзеградском сталелитейном (Бежица, Брянская область). Однако поставкой «штамповки» занимались и другие наркоматы – боеприпасов, вооружения, тяжелого машиностроения, общего машиностроения, черной металлургии, угольной промышленности, нефтяной промышленности, предприятий строительных материалов.

В их подчинении находились получившие соответствующее задание заводы: металлургические (Кузнецкий, Магнитогорский, Добрянский, Запорожский, «Красный Октябрь» (Сталинград), Нижнетагильский им. Куйбышева, им. Дзержинского (Пермь), Макеевский им. Кирова), чугунолитейный им. Войкова (Москва), Ворошиловградский паровозостроительный, машиностроительные (Торецкий им. Ворошилова, Новокраматорский, Харцизский, Горловский им. Кирова, «Красный Аксай» (Ростов-на-Дону), им. Колющенко (Челябинск), Ростсельмаш, Криворожский горнорудного оборудования им. газеты «Коммунист», «Станкопатрон» им. Орджоникидзе станкостроительный (Муром), Фитинговский (Москва), Первоуральский новотрубный, Уральский старотрубный, электрооборудования для авиации им. Лепсе (Киров), цементный им. Воровского, механический им. К. Либкнехта (Ленинград), аккумуляторный им. лейтенанта Шмидта (Ленинград), номерные – № 58, 63, 73, 78, 92, 172⁴². Деятельность этих предприятий требовала согласования усилий по выполнению мобплана со стороны целого комплекса наркоматов.

Другим примером, дающим представление о масштабности проблемы производственной кооперации в работе по выполнению плана мобподготовки, может служить проблема производства взрывчатых веществ.

26 апреля 1940 г. начальник Мобилизационного отдела Госплана при СНК В. Цуканов представил председателю Госплана Н.А. Вознесенскому обзор производства взрывчатых веществ в СССР: тротила, пикриновой кислоты, ксилсила, тетрила и др. В обзоре были изложены следующие предложения по годовому производству: Наркомнефтью освоить выпуск синтетического толуола по методу, разработанному под управлением академика Зелинского, 3–4 тыс. т; Наркоматом химической промышленности довести выпуск пикриновой кислоты до 35–40 т, динитронафталина — до 25–30 т; освоить выпуск ацетальдегида и формальдегида в промышленных масштабах; Наркоматом боеприпасов увеличить производство тетрила с 1,26 тыс. до 4,5 тыс. т, также проводить работы по удешевлению производства гексогена (выпуск этой взрывчатки только начали осваивать на заводе № 80); кроме того, необходимо было продолжать разработки по массовому производству пентрина (тэна); наряду с этим указывалось на необходимость разработки плана ускоренного строительства заводов нитроглицериновых порохов, установок по получению из этилена этилового спирта, а также агрегатов для получения коксовых газов и газов пиролиза нефти, необходимого для производства порохов и взрывчатых веществ⁴³.

Однако вышеприведенным перечнем наркоматов список ведомств, привлекаемых к кооперации при производстве взрывчатки, отнюдь не исчерпывался. Большое значение для производства взрывчатых веществ имела фабрикация глицерина, поэтому НКБ постоянно требовал увеличения выпуска этого химиката, в том числе — и от достаточно далеких от проблем «оборонки» ведомств. Вопрос о критической ситуации с постоянным дефицитом глицерина был поставлен руководством РККА еще в 1934 г.⁴⁴, однако за истекший период положение дел кардинально не улучшилось. Поэтому на рубеже 1930–1940-х гг. этот вопрос вновь возник в повестке дня. В частности, 20 ноября 1940 г. нарком пищевой промышленности СССР В.П. Зотов направил записку в Наркомат боеприпасов, в которой сообщал: «Глицерин в системе Наркомпищепрома получается, в основном, как побочный продукт мыловаренного производства. Рост выработки глицерина неизбежно связан с ростом выработки мыла, производство которого, в свою очередь, зависит от количества растительного масла, выделяемого Правительством на производства мыла». Далее он сообщал нормы выработки глицерина на 1941–1943 гг. (в среднем по 20 тыс. т ежегодно) силами следующих главков: Главрасжирмасло, Главмаргарин, Главпарфюмер, Главсахар (производил глицерин из мелассы). При соответствующей обработке из этого сырья можно было произвести динамитный глицерин на мылозаводах тех же главков в количестве 9, 6, 11, 11 т соответственно.

«В 1941 году, — отмечал В.П. Зотов, — потребность Наркомата боеприпасов в динамитном глицерине покрывается с излишком, в 1942 г. покрывается при условии снятия со снабжения всех других потребителей динамитного глицерина и в 1943 г. не покрывается более чем на 15 тыс. т. Учитывая, что как для Наркомата боеприпасов СССР, так и для других потребителей потребуется

поставка технического глицерина, остальное количество динамитного глицерина может быть произведено при условии развития производства растительного глицерина на базе отходов сахарной промышленности из мелассы. Для этого потребуются построить на площадках сахарных заводов 5 глицериновых заводов общей производительностью 12 тыс. т динамитного глицерина в год по типу Эртильского завода Т-2. Строительство пяти заводов потребует затрат 110 млн руб.». Эти предприятия планировалось построить в 1941–1943 гг.⁴⁵

Однако наладить кооперативные поставки было только полдела – как только удавалось, с теми или иными издержками, наладить межзаводскую и межведомственную кооперацию, сразу вставал вопрос необоснованных дальних перевозок. Например, авиазавод № 22 (Фили, Московская область) заказывал заготовки поковок в Днепропетровске. Для окончательной обработки эти заготовки везли в Челябинск, а уж оттуда готовые поковки – в Москву. Таким образом, суммарный пробег каждой поковки до поступления в сборочный цех составлял около 7 тыс. км, хотя, если бы заготовки обрабатывались бы не в Челябинске, а на аналогичном заводе в Харькове, вполне можно было бы уложиться в пробег в тысячу км⁴⁶.

Впрочем, хотя этот план и был официально утвержден, разверстывание производственных заданий по заводам в его рамках было фактически сорвано началом Второй мировой войны. 2 сентября 1939 г. СНК СССР принял постановление «О составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Согласно постановлению, увеличивалось количество стрелковых дивизий – с 51 до 173. По расчетам Наркомата обороны, для вооружения новых формирований по стрелковым войскам и автополкам требовалось дополнительное вооружение: танки (Т-37 и Т-38) – 684 шт., бронемшины – 684, автомашины легкие – 2541, тракторы гусеничные – 7317, прицепы общего назначения – 6385, мотоциклы – 9640 шт.

В 1940 г. было принято новое штатное расписание РККА, согласно которому в случае войны она должна была достигнуть численности 8,9 млн чел. личного состава; на вооружении должна была иметь 32628 самолетов (из них 22171 – боевых), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10678 броневедомителей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей⁴⁷.

Разумеется, это потребовало от моборганов разработки нового мобплана, так как «МП-1» явно не был рассчитан на обеспечение столь многочисленных вооруженных сил. Однако решить эту задачу до начала Великой Отечественной войны уже не удалось.

Называя вещи своими именами, детального работоспособного плана экономической мобилизации в СССР к началу Великой Отечественной войны не было. Анализируя результаты пробных мобилизаций промышленности, проведенных в конце 1939 г., советские экономисты отмечали: «Была в Комитете обороны толстая книга, где было записано, какой завод сколько и какие элементы боеприпасов или вооружения делает. Из этой книги были посланы выписки наркоматам, а последние послали заводам. На этом вся мобилизационная подготовка страны и заканчивалась»⁴⁸.

При попытке действовать в соответствии с этими выписками при пробной мобилизации выяснилось, что заводы, получившие соответствующие задания,

не имели представления о технологии производства порученной ими продукции, не знали, какое сырье им для ее выпуска потребуется, и кто его будет поставлять. Также они не имели необходимого оборудования и не располагали надлежащей документацией о соответствующей технологии. Таким образом, на начало 1940 г. «МП-1» представлял собой совершенно неработоспособный документ, использовать который по назначению было решительно невозможно. К сожалению, приходится признать, что и в дальнейшем ситуация кардинально не улучшилась.

Тем не менее, очевидно, что при всех издержках и ошибках советская система мобподготовки промышленности все же смогла подготовить экономику Советского Союза к будущей войне. Разумеется, было сделано куда меньше запланированного, а «перевод экономики на военные рельсы» в годы Великой Отечественной войны пришлось осуществлять в значительной мере экспромтом, не имея на руках детального мобплана. Однако усилия по накоплению мобрезервов и наработке опыта мобмероприятий не пропали втуне. Нет сомнений, что без этого опыта адаптации советской индустрии к функционированию в условиях военного времени либо провели бы в куда более продолжительные сроки, либо не провели бы вовсе.

Примечания

- ¹ В дальнейшем в данной работе мы будем ограничиваться термином «мобплан», подразумевая именно мобилизационный план экономики. Читателю следует учитывать, что свои мобилизационные планы имели также армия и флот, но в этой статье они не рассматриваются.
- ² Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923. Сб. документов / отв. сост. В. М. Михалева, М., 2000. С. 233–236, 247, 250–251.
- ³ Подробнее см.: *Мухин М. Ю.* Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург, 2019. С. 415–420.
- ⁴ Подробнее см.: *Мухин М. Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- ⁵ Подробнее см.: *Соколов А. К.* От Военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917–1941 гг. М., 2012. С. 34–38.
- ⁶ См., напр.: *Мухин М. Ю.* Советская авиапромышленность в годы НЭПа: «гадкий утенок» «оборонки» // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 202–223.
- ⁷ *Ермолов А. Ю.* Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб., 2012. С. 60.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 395–396.
- ⁹ XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1928. С. 874.
- ¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1039. Л. 74–76.
- ¹¹ Следует учитывать, что в данном случае речь идет о любых предприятиях — как о заводах и фабриках, так и о складах, пристрелочных станциях, а в некоторых случаях — даже о важнейших электростанциях, подведомственных тому или иному тресту.
- ¹² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 108. Л. 83; Д. 183. Л. 54; Д. 85. Л. 318–352.
- ¹³ Занимался выпуском бронетехники.
- ¹⁴ Всесоюзный трест искусственного волокна. Выполнял производственное задание по изготовлению компонентов взрывчатки и пороха.
- ¹⁵ Всесоюзное электрообъединение.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 41. Д. 25. Л. 53.

- ¹⁷ Выпускал пулеметы.
¹⁸ Орудийный завод.
¹⁹ Цех предназначался для танкового производства.
²⁰ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д. 9. Л. 30.
²¹ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С. 144.
²² Соколов А.К. От Военпрома к ВПК ... С. 84.
²³ Подробнее см.: Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность легких сплавов в 1930-х – первой половине 1940-х годов // Труды ИРИ РАН. Вып. 13. М., 2015. С. 258–276.
²⁴ Соколов А.К. От Военпрома к ВПК ... С. 85.
²⁵ Подробнее см.: Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 – середина 1930-х гг. СПб., 2002. С. 138–140.
²⁶ Соколов А.К. От Военпрома к ВПК ... С. 120.
²⁷ Там же. С. 184.
²⁸ Российский государственный военный архив. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 301. Л. 191.
²⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 312. Л. 91 об.
³⁰ История отечественного судостроения / под ред. И.Д. Спасского. Т. IV. СПб., 1996. С. 266.
³¹ Соколов А.К. От Военпрома к ВПК ... С. 388–389, 390.
³² Парамонов В. Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999. С. 41.
³³ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 11. Д. 221. Л. 52.
³⁴ Соколов А.К. От Военпрома к ВПК ... С. 277.
³⁵ Там же. С. 278–279.
³⁶ История создания и развития Оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы / под ред. А.А. Кольтюкова. Т. III. Ч. 2. М., 2011. С. 651–652.
³⁷ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 26. Д. 136. Л. 9.
³⁸ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: Проблемы становления и развития. М., 2006. С. 163–164.
³⁹ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 121.
⁴⁰ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 27. Д. 97. Л. 63–64.
⁴¹ Там же. Оп. 25. Д. 149. Л. 72.
⁴² Там же. Л. 13, 15, 16, 36–40, 72.
⁴³ Там же. Оп. 24. Д. 267. Л. 131–134.
⁴⁴ История создания и развития Оборонно-промышленного комплекса России и СССР ... Т. III. Ч. 2. С. 250.
⁴⁵ ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 268. Л. 6–8.
⁴⁶ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс ... С. 181.
⁴⁷ 1941 год: Страна в огне. Историко-документальное исследование / ред. А.А. Коваленя, В.А. Смолий, А.О. Чубарьян. Кн. 1. М., 2011. С. 58.
⁴⁸ Цит. по: Соколов А.К. От Военпрома к ВПК ... С. 495.

Библиография

- XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М; Л.: Госиздат, 1928. 1416 с.
1941 год: Страна в огне. Историко-документальное исследование / ред. А.А. Коваленя, В.А. Смолий, А.О. Чубарьян. Кн. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 715 с.
Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: Проблемы становления и развития. М.: ИРИ РАН, 2006. 702 с.
Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2012. 408 с.
История отечественного судостроения / под ред. И.Д. Спасского. Т. IV. СПб.: Судостроение, 1996. 560 с.
История создания и развития Оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963. Документы и материалы / под ред. А.А. Кольтюкова. Т. III. Ч. 2. М.: Терра, 2011. 944 с.
Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 1920 – середина 1930-х гг. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. 472 с.

- Мухин М.Ю.* Складывание системы органов мобилизационной подготовки промышленности в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург: ООО Универсальная типография «АльфаПринт», 2019. С. 415–420.
- Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921–1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. 2000. № 3. С. 3–15.
- Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы НЭПа: «гадкий утенок» «оборонки» // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 202–223.
- Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М.: Наука, 2006. 320 с.
- Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность легких сплавов в 1930-х – первой половине 1940-х годов // Труды ИРИ РАН. 2015. Вып. 13. С. 258–276.
- Парамонов В.* Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара: Самарский ун-т, 1999. 459 с.
- Реввоенсовет республики: Протоколы, 1920–1923. Сб. документов / отв. сост. В.М. Михалева. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 440 с.
- Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
- Соколов А.К.* От Военпрома к ВПК: Советская военная промышленность. 1917–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.

Меновая торговля и денежное обращение в лагерях для советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) по свидетельствам очевидцев

Аннотация. В статье предпринята попытка на основе текстов материалов личного происхождения (воспоминаний и дневников) выявить специфику форм обмена в различных типах лагерей для советских военнопленных в период Великой Отечественной войны (1941–1945). Выявленные и проанализированные свидетельства позволяют сделать вывод о том, что сохранившееся в лагерях на оккупированной территории СССР денежное обращение быстро вытеснялось меновой торговлей, а на территории Германии специальные лагерные боны так и не смогли с ней конкурировать. Основным видом лагерной валюты служили хлебная пайка и порция табака. Существование полулегальных лагерных рынков, основным товаром на которых выступали продовольствие и «курево», было тесно связано с «внешней торговлей». В нее были вовлечены лагерная охрана и местное население, охотно приобретавшие как казенное и личное имущество военнопленных, так и предметы кустарного ремесленного производства.

Ключевые слова: советские военнопленные, лагерные рынки, денежное обращение, меновая торговля, ремесленное производство.

История советской военной экономики и финансов периода 1941–1945 гг. в целом, а также применительно к деятельности отдельных наркоматов и ведомств отражена в научной и мемуарной литературе начиная с послевоенных лет и до сегодняшнего дня¹.

Но к сюжетам, посвященным фронтовой повседневности в интересующем нас аспекте, исследователи практически не обращались. В какой-то мере «историографическую пустоту» заполнила книга М. Кустова². Однако все, что касается «фронтовых денег», их обращения, отношения к ним военнослужащих, а также к месту, занимаемому в их думах, помыслах и проч., представляет несомненный исследовательский интерес. Изучение проблемы бытования денег, поступивших в распоряжение фронтовиков, способно воссоздать более полную и многомерную картину военной экономики.

Показательно, что в историографическом обзоре монографии Е.С. Сенявской, А.С. Сенявского, Л.В. Жуковой³ перечислены сюжеты, которые в последние годы исследуются применительно к периоду Великой Отечественной войны:

- феномен фронтовой дружбы;
- роль переписки в духовной жизни фронтовиков;
- семейные и любовные отношения в военное время;
- участие в войне женщин;
- вера и суеверия на войне;
- отношение к смерти и похороны товарищей;

* Николаев Михаил Георгиевич – главный эксперт Департамента по связям с общественностью Банка России, nmg@cbr.ru.

- специфика восприятия пространства и времени в период войны;
- отношение к награждениям;
- практики питания;
- отношение к вещам;
- жилищные условия в годы войны;
- досуговые практики на фронте;
- распространение слухов;
- формирование образа врага;
- повседневная жизнь партизан, остовцев, гражданского населения в тылу и на оккупированных территориях;
- различные аспекты военного детства и др.

Однако об отношении военнослужащих к денежному довольствию непосредственно в тексте монографии говорится в объеме, не превышающем одну страницу⁴.

В документальных сборниках и исследованиях, посвященных повседневной жизни в тылу, «денежной теме» уделено более пристальное внимание⁵. Обращаясь же к финансовой стороне фронтовой повседневности, представляется важным выделить одну из категорий военнослужащих, о которой вспоминают (если делают это вообще) в последнюю очередь. Это военнопленные. Напомним, что на 22 июня 1941 г. в Красной армии и Военно-морском флоте состояли по списку 4 826 907 военнослужащих, на довольствии в Наркомате обороны находились еще 74 945 военнослужащих и военных строителей, проходивших службу в формированиях гражданских ведомств⁶.

По данным известных еще с конца 1950-х гг. немецких источников, количество советских военнопленных (до 1 февраля 1945 г.) составляло 5 754 тыс. чел.

В.Н. Земсков (долгие годы занимавшийся статистическими исследованиями), суммировав сводки немецких воинских частей за 1941 г., добавил к этой цифре 450 тыс. чел., очевидно, погибших в период перемещения в лагерь. Прделав схожий анализ с данными за 1942 г., историк довел окончательную цифру до 6,2 млн чел. (без учета возможных незначительных прибавлений с февраля по апрель 1945 г. и данных по военнопленным в финском и румынском плену — 64 188 и 40–45 тыс. чел. соответственно)⁷. Таким образом, масштабы этого неизбежного следствия войны и связанных с ним микроэкономических процессов, ни в коей мере не позволяют их игнорировать.

Проблемами военного плена и судеб советских военнопленных в ходе и по окончании войны отечественная историография практически не занималась до середины 1990-х гг.⁸ Исключение, пожалуй, составляют работы М.И. Семиряги и Е.А. Бродского, долгое время изучавших историю внутрилагерного сопротивления и участия бывших военнопленных в боевых действиях против оккупантов в составе партизанских отрядов как на территории СССР, так и европейских стран. Эта тема не была оставлена и позднее⁹. По понятным причинам внимание отечественных исследователей было сосредоточено на концентрационных лагерях («лагерях смерти», «лагерях уничтожения»), лагеря же для советских военнопленных в качестве объекта изучения не фигурировали. Заметим, что эти лагеря и сегодня в массовом сознании неразличимы (хотя какая-то часть военнопленных, действительно, могла попасть и в концентрационные лагеря¹⁰).

Историографическая ситуация поменялась с началом горбачевской перестройки, но особенно — с середины 1990-х гг. Однако в работах историков в качестве важнейших были отражены проблемы, связанные с условиями содержания, нормами снабжения военнопленных. Затрагивающие формы обмена сюжеты специально не изучались. Единственным, кто посчитал нужным на них остановиться при описании лагерной жизни, стал израильский исследователь А. Шнеер¹¹. В указанный период, наряду с усилившимся потоком научных публикаций¹², произошло и заметное приращение источниковой базы, в том числе личного происхождения.

Ощущение «второсортности», навязанное сталинско-брежневской системой бывшим военнопленным, отнюдь не стимулировало их к написанию воспоминаний. Тем не менее, в годы хрущевской оттепели мемуары бывших узников начали публиковать. До середины 1990-х гг. мемуаристика и художественная литература оставались практически единственным источником, знакомившим отечественного читателя с темой военного плена¹³.

Особую категорию свидетельств составили воспоминания тех советских военнопленных, которые остались на Западе. Они появились, главным образом в эмигрантской периодике еще в годы «холодной войны». В период перестройки отдельные свидетельства стали доступны отечественному читателю¹⁴. Четыре таких повествования в рамках своей «Всероссийской мемуарной библиотеки» собрал и выпустил в серии «Наше недавнее» в 1987 г. в Париже А. Солженицын¹⁵, фрагмент написанных по его настоянию воспоминаний бывшего «власовца» Л. Самутина опубликовал в 1991 г. журнал «Родина»¹⁶.

В годы перестройки появились такие публикации, как дневники военнопленного майора Д.С. Цыганкова¹⁷, книга Н. Дашевского «Воспоминания без вести пропавшего»¹⁸ и др., но поток повествующей о плене мемуаристики, появившейся до середины 1990-х гг., нельзя назвать обильным¹⁹.

Историографическая конъюнктура поменялась к лучшему с выходом Указа Президента РФ от 24 января 1995 г. № 63 «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»²⁰.

Произошедшая окончательная реабилитация в отношении к военнопленным и возросший научный и общественный интерес к теме²¹ способствовали публикации (в некоторых случаях размещению в сети Интернет) как редких дневниковых текстов²², так и большого количества мемуарных повествований (иногда включавших другие тематические пласты)²³.

Несмотря на то, что корпус источников в настоящее время стал более представительным и разнообразным, мемуарная литература остается в его составе важной и значимой частью, особенно ценной для изучения внутрелагерной жизни и быта.

Опубликованные в последние десятилетия мемуары, как правило, лишены подробных комментариев — относительно времени и обстоятельств создания; мест хранения; биографий авторов; характеристик текста и проч.

Воспоминания создавались в разные годы: некоторые — еще в «советский период» (в различной степени подчинения устоявшимся канонам²⁴), другие

(большинство) — после ослабления или полного снятия цензурных запретов²⁵. «Доперестроенная» мемуарная литература применительно к интересующей нас теме имела характерные особенности. Встречавшиеся в изобилии описания голода, болезней и издевательств призваны были послужить оправданием перед сохранявшимися продолжительное время обвинениями в предпочтении фронтовым опасностям «легкой жизни» в плену («власовская» мемуаристика тоже не была лишена заинтересованности в убеждении читателя в тяжести условий плена). Мемуарист, рассказывая в догорбачевскую эпоху о плене (даже при обильном включении драматических сцен с описанием гибели от голода и болезней), вряд ли бы решился, например, поделиться с читателем таким впечатлением: после введения немецкими властями заработной платы (весьма мизерной) он смог попробовать в лагере не только пиво, но и морских моллюсков²⁶.

Впрочем, только одно упоминание о получаемой за труд «на благо Рейха» заработной плате выглядело весьма рискованным. Сообщая же о получаемой «зарплате», мемуаристы зачастую показывали свое пренебрежение к ней, обращали внимание на ее мизерность и затруднения в использовании.

Схожие мотивы зачастую заставляли преувеличивать стойкость и негибаемость советского человека, верность его коммунистическим идеалам и нравственным ценностям. Поэтому в мемуарных текстах проявления товарищеской взаимопомощи преобладали над картинами розни, конфликтов (в том числе и на национальной почве), воровства, доноительства, предательства, порожденных жесточайшей борьбой за выживание²⁷. А там, где царит дружеская поддержка и взаимопомощь, разве может иметь место внутрилагерная меновая торговля, покупка тех или иных услуг?²⁸ Все это, например, С.П. Сабуров относил к проявлениям «низменных инстинктов» в условиях потери «чувства коллектива». «На эти сцены торговли нельзя было смотреть без жалости, отвращения и гнева», — читаем в изданных в 1963 г. его воспоминаниях. Автор высказывает солагернику «желательность прекратить эту позорную торговлю, повлиять на людей, разбудить в них чувство собственного достоинства»²⁹.

Так, В.И. Бондарец вместе с наставником рисовали на заказ для конвоя и заключенных из иностранной части шталага VII А Моосбург и получали в качестве платы «хлеб, консервы, маргарин, табак и даже шоколад». В.И. Бондарец уверяет, что по примеру своего наставника, передававшего продукты в лазарет, оставлял и себе «ровно столько, сколько нужно было, чтобы не голодать»³⁰.

Прошедший немецкий плен писатель С.П. Злобин в романе «Пропавшие без вести» описывает эпизод, призванный уверить читателя в типичности случая внезапного пробуждения чувства товарищества и дружеской взаимопомощи в «кулаке», который продавал солагерникам имевшиеся у него запасы махорки. Этот военнопленный, получивший прозвище «Дукат» и ранее не раз отказывавшийся делиться своим богатством, после устроенной заключенными демонстрации по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и последующими репрессиями, пережив глубокое эмоциональное потрясение, решился раздать «свой» табак³¹.

«Экономическая» тема в мемуарах, тем не менее, в меньшей степени подвергнута «самоцензуре» и сознательным искажениям с целью самооправдания, чем изложение эпизодов пленения, коллаборации и проч.

Создававшаяся же в последние два десятилетия литература приходила к читателю без предварительного идеологического контроля, а ее авторы в изложении «опасных» и «щекотливых» сюжетов уже не испытывали какого-либо общественного давления.

Безусловно, разбросанные по мемуарным текстам описания, относящиеся к меновой торговле и денежным расчетам, фрагментарны, охватывают как разные временные периоды, так и разные лагеря, отличавшиеся по типологии: сборные пункты, базовые (шталаги), пересыльные (дулаги), офицерские (офлаги), штрафные и рабочие команды³². Ю. Апель, вспоминая о годах неволи, справедливо заметил: «Плен, как и сама жизнь, очень многообразен. Лагеря военнопленных сильно разнятся по своему назначению, режиму, обращению, кормежке и возможностям в них выжить»³³. Это обстоятельство ограничивает исследователя в формулировании каких-то крупных обобщающих выводов. Между тем свидетельства очевидцев позволяют выявить типичность некоторых явлений.

Отметим, что в период войны, в условиях товарного и прежде всего продовольственного дефицита, нормирования распределения, административного регулирования цен и т.д. произошла, как это неоднократно уже бывало в тех или иных масштабах, натурализация хозяйственной жизни, сопровождавшаяся понижением роли денег в качестве меры стоимости и средства расчетов, распространением меновой торговли. И чем тяжелее обстояло дело со снабжением жизненно важными товарами, тем явственнее это проявлялось, что и было повсеместно зафиксировано современниками³⁴. По понятным причинам большое количество подобных свидетельств, оставили ленинградцы³⁵. Эти явления обнаруживаются и в советском тылу, и на оккупированной немцами территории³⁶.

В прифронтовой полосе гражданское население при приближении наступающего противника понимало, что судьба денег весьма призрачна³⁷. Падение их роли, зафиксированное мемуаристами, наблюдалось и на фронте³⁸. «В окопах шла оживленная меновая торговля! — вспоминает поэт-фронтовик Б.А. Слуцкий. — Табак на сухари, порция водки на две порции сахара. Прокуратура тщетно боролась с меной»³⁹.

* * *

Общность многих явлений, характерных для фронта и тыла, не заслоняет и наличия известных особенностей. По понятным причинам лагеря для советских военнопленных оказались в положении, где сфера действия денежного обращения оказалась суженой до предела и где меновая торговля практически его полностью вытеснила. Специфический хозяйственный уклад, существовавший в лагерях (дефицит и нормированное распределение продовольствия, обмундирования и обуви и проч., ограниченность контактов за пределами лагерной территории), делал их «экономически родственными» с гораздо лучше исследованными гулаговскими исправительно-трудовыми лагерями. Общий

цивилизационный откат назад проявлялся и в возвращении к архаичным формам обмена.

Прежде всего, необходимо понимать специфику лагерного существования военнопленных. Согласно К. Штрайту, определившему общую численность советских военнопленных в 5,7 млн чел., количество погибших в немецком плену составило около 3,3 млн чел. (57,8%). Особенно высокая смертность пришлась на период осени–зимы 1941–1942 гг.: из 3 350 000 пленных до 1 февраля 1942 г. примерно 60% умерло или было уничтожено. В качестве главных причин высокой смертности назывались голод, условия транспортировки и размещения пленных⁴⁰.

Характеризуя сложившееся положение, вспомним встречающиеся (в том числе и в мемуарных текстах) свидетельства об отнюдь не единичных случаях каннибализма (точнее – трупоедства)⁴¹. Вполне оправданным можно признать сравнение голода и его последствий в немецких лагерях для советских военнопленных со схожими явлениями в блокадном Ленинграде, которое сделал А. Шнеер⁴².

На стадии этапирования пленных часто не кормили по несколько дней, иногда больше недели. «Со дня первого приема пищи – я начал ощущать голод, – вспоминал военврач Ф.И. Чумаков. – Чувство голода все возрастало и вскоре стало доминирующим»⁴³. Ф.Я. Черон, рассказывая о начальном этапе своего лагерного пути, свидетельствовал: «Во все последующие годы плена я наблюдал много раз, как люди звереют под тяжестью голода и теряют свой человеческий облик. Выжить любой ценой стало каждодневной задачей советского солдата в немецком плену. Каждый человек спасал свою жизнь. В первые месяцы, когда голод косил без разбору, наши пленные просто одичали. Были такие, что отнимали последнюю кроху хлеба у слабого, оправдываясь тем, что он все равно умрет не сегодня, так завтра»⁴⁴.

Решение германского руководства об использовании советских военнопленных в военной экономике Рейха после 31 октября 1941 г. заставило пересмотреть и нормы питания, что изменило продовольственную ситуацию к лучшему⁴⁵. Однако, отнюдь не для всех принятые меры оказались спасительными. Ф.И. Чумаков, обобщая свои наблюдения в период пребывания в лазарете лагеря 326 (VI-K) Зенне (земля Северный Рейн-Вестфалия) следующим образом формулирует свои выводы на этот счет: «Только работа в командах, т.е. получение улучшенного пайка, давала возможность военнопленному существовать, не умирая голодной смертью. Ведь голодная смерть – не обязательно результат полного голода. Она наступает и при недостаточности питания, только медленнее. При питании лишь общим лагерным пайком военнопленный, по моим наблюдениям, в среднем мог прожить около полугода. За этот срок надо было обязательно устроиться на работу. Если этого не происходило, – смерть становилась неизбежной. Нельзя было, следовательно, и долго болеть (долго лежать в лазарете): все больные лазарета получали общелагерный паек <...> В лагерях общего типа – рабочих лагерях никого специально не уничтожали. Военнопленных лечили, иногда хорошо лечили, о них “заботились” и в остальных отношениях. И тем не менее люди умирали и умирали, “как мухи”. Я всегда говорил и повторяю теперь: военнопленному неважно,

где и как он живет, как его одевают (учитывая мягкий климат Германии), как с ним обращаются. Это “мелочи жизни”. Ему важно одно: как его кормят»⁴⁶.

Итак, жесточайший голод и тяжелейшие условия размещения, при котором теплая и непромокаемая одежда становились жизненно важными, стали теми главными условиями, которые определяли лагерное существование советских военнопленных.

Необходимость выживания заставляла военнопленных объединяться в микроколлективы. Ю.А. Апель называл их «колхозами» (вслед за писателем С.П. Злобиным), считая оптимальной группу из трех человек: «Два — маловато, потому что одному тащить обессилевшего товарища очень трудно, а подчас и невозможно, вчетвером такая проблема решается проще всего, но такая группа уже менее мобильна, кроме того, может возникнуть четыре разных или по два одинаковых мнения, трудно приводимых к одному знаменателю. Немаловажно и такое соображение: если кому-то из колхоза повезло где-то “спикировать” и достать кусок жратвы, то делить на четверых — слишком мало каждому достается»⁴⁷.

Для русских, очевидно, наряду с национальными связями (легшими в основу самоорганизации военнопленных национальных меньшинств с целью выживания) имели значение земляческие. Вот картина, нарисованная Д.Б. Ломоносовым: «К пересыльному пункту (лагерю) приближается колонна солдат (пленных). Из колонны и из-за ограды лагеря звучат возгласы: “Рязанские (курские, ростовские и т.п.) есть?” И после того, как вновь прибывшие смешиваются со “старожилами”, идет активный поиск земляков. Земляки в этих условиях — почти родственники, они считают себя обязанными помогать друг другу в меру своих возможностей»⁴⁸.

В своих воспоминаниях И.К. Яковлев показал, как после попадания в плен в процессе этапирования стала распадаться группа военнопленных из одного с ним подразделения, первоначально державшихся вместе со своим командиром⁴⁹. Однако товарищеская взаимопомощь отнюдь не всегда помогала решить проблему выживания и в первую очередь — продовольственного обеспечения.

«Везде в плену, при всяких обстоятельствах обязательно есть торговля, — записывает 30 июня 1943 г. в своем дневнике майор Цыганков, находящийся в офлаге Хаммельбург. — Первые предметы этого “рынка” — хлеб и табак»⁵⁰. Ему вторит П. Астахов: «В лагерях существовал свой рынок — своеобразная “толкучка”, где торговали всем, что приносили с работы, или что скрывали в своих мешках “куркули” и приспособившиеся к этим условиям люди»⁵¹. Как о «чрезвычайно любопытном явлении» вспоминает о торговых сделках в одном из дулагов под Николаевым С. Серебряков: «Несмотря на всю оторванность от внешнего мира, от поголовной нехватки всего необходимого, здесь уже появилась “толкучка”, где что-то покупали и что-то меняли. Но это было только начало, а потом, в Николаеве, куда нас перебросили, она приняла довольно большие размеры»⁵². В мемуарах Ф.И. Чумакова читаем: «В Славуте (как, впрочем, до этого в Смеле, а после — в Германии) существовали специфические “базары”. Они в принципе ничем не отличались от “толкучих рынков”, которые получили большое распространение в прошлом, как, например,

знаменитый Сухаревский рынок в Москве. Специфика заключалась в отсутствии денег, т.е. торговля была исключительно меновой. В качестве валютных единиц использовались пайка (или буханка) хлеба и табак; последний, как минимум, в количестве, требующемся на одну “закурку”. Хлебом в буханках располагали только полицаи и работники пищеблока. Продавались и покупались предметы одежды и обуви, котелки, ножи, нитки и всевозможные другие предметы. На таких базарах я лично никогда ничего не продавал и не покупал, но не раз ходил смотреть для интереса⁵³.

Осенью 1941 г. И.Э. Акопов оказался в минском пересыльном лагере без котелка и ложки, и встретившийся ему сослуживец первым делом посоветовал купить их на базаре. Удивленный И.Э. Акопов узнал, что такой своеобразный базар действовал за дверью барака под лестницей. Среди продававшихся товаров он увидел рубашки, ботинки, табак «на закурку», пустой портсигар и даже книги классиков: Тургенева, Достоевского и среди других – что удивительно – «Краткий курс истории ВКП(б)»⁵⁴! Писатель К.Д. Воробьев в автобиографической повести «Это мы, господи», воспроизводя характерные диалоги в сценах лагерной торговли в Смоленском лагере военнопленных зимой 1941/42 г., предваряет их описанием: «По вечерам, когда пленные группами возвращались с работ, в самой большой секции, где были красноармейцы, открывался базар. Было там все – начиная с корки хлеба и кончая пуговицей, ножиком, ремнем, обрывком шпагата и ржавым гвоздем»⁵⁵.

Авторы приведенных фрагментов, конечно же, не отрицали, что сделки заключались и «на месте» – в бараках, лазаретах и проч. Это подтверждает В.Г. Иванов, вспоминая о лагере во Владимире-Волыньском: «Внутри зданий всегда шла бойкая торговля разными продуктами и вещами, продавались пайки хлеба за табак, белье, теплые вещи, сало, вареное мясо, сахар, масло, котелки, а врачи торговали разными порошками. Особенно ходовым лекарством были желудочные порошки, а потому часто на обложке порошка была надпись “желудочное”, а на самом деле там находился аспирин. Главным поставщиком табака был военнопленный Бардин. Он наладил связь с ассенизатором, польским гражданином, приезжавшим в лагерь на лошади. Скупал у пленных разные вещи и сдавал их этому гражданину за табак»⁵⁶. Д.Б. Ломоносов о пребывании в инвалидном лагере Хохенштайн писал: «По проходам весь день сновали любители торговли, предлагая нитки, подержанные лезвия для бритвы, иглы, пуговицы, ложки, что еще может быть в солдатском имуществе? Разменной монетой служили “закурки” (щепотки) табака или части хлебной пайки»⁵⁷.

В ряде случаев комендатура лагерей боролась с меной. «Базары пришлись фашистам не по душе, – уверял в 1960-е гг. С.А. Голубков, очевидно, не желая быть обвиненным в сочувствии “торгашеству”. – Время от времени комендант с полицейскими организовывали облавы и разгоняли такие базары». Однако незначительное количество полицейских «особой роли на базаре не играли и существенного вреда принести не могли»⁵⁸. Мотивы лагерной администрации понятны: на продукты обменивалось выданное обмундирование и обувь. К примеру, 7 августа 1948 г. во время допроса по месту жительства в РО МГБ И.Г. Окладников показал, как в сентябре 1942 г. был допрошен и избит комендантом лагеря из-за проданных за две пайки хлеба брюк⁵⁹.

В самые первые дни при попадании в плен еще встречались случаи бескорыстной помощи. Так, Д.Т. Чирову незнакомый военнослужащий (имени которого он так и не узнал) отдал лишнюю плащ-палатку. Этот дар с наступлением холодов, сопровождавшихся дождями, стал для Д.Т. Чирова спасительным. Но вскоре подобные акты милосердия стали редкостью. Осенью 1941 г. он так описал обстановку Бобруйского лагеря: «Люди с самого утра собирались толпами, в гуще которых бойко шел торговый обмен. Тут никто никому не сочувствовал и никто никому не подарил бы ненужную ему вещь, как подарил мне плащ-палатку Тот Человек. Тут вступили в права совсем иные отношения: каждый за себя и никто за всех»⁶⁰. И.К. Яковлев, попав в один из пересыльных лагерей в начальный период плена, с горечью констатировал: «Кончилась здесь солдатская солидарность, вступил в силу звериный инстинкт самосохранения»⁶¹. Когда в похожей ситуации в мае 1942 г. в одном из дулагов на Украине Ю.В. Владимиров совершил с однополчанином «товарищеский обмен», отдав свой свитер за пару запасных ботинок, то, попросив у него закурить, услышал: «Дружба дружбой, а табачок врозь». За «закрутку» было испрошено 30 руб.⁶²

Ходили ли в лагерях для красноармейцев советские деньги? Вот как ответил на этот вопрос Г.А. Хольный в интервью основателю интернет-проекта «ЯПОМНЮ» Артему Драбкину 8 февраля 2006 г.: «Были, но не активно. Единицей ценности была пайка хлеба. Было сначала 200 гр., потом 250, до 300»⁶³.

Деньги могли представлять из себя какую-то ценность и служить мерой стоимости в самый начальный период пребывания за колючей проволокой, пока они еще сохранялись в карманах военнослужащих, и пока сами лагеря находились на оккупированной территории СССР. В.Г. Иванов, попавший в плен в составе частей 261-й стрелковой дивизии, вспоминал, как в сентябре–октябре 1941 г., когда из лагеря в г. Кривой Рог отпускали военнопленных-украинцев, он снабдил в дорогу знакомого соллагерника деньгами в сумме 60 руб. Накануне начавшейся процедуры освобождения к лагерю прибывали посланцы, искавшие родственников. Они передавали за колючую проволоку продовольствие и табак, что породило бойкую торговлю. А деньги у военнослужащих имелись по той причине, что им в конце сентября, накануне попадания в плен, выплатили денежное довольствие, а командному составу – и подъемные⁶⁴.

Эти деньги, вырученные за продажу привезенного продовольствия, и перекочевывали за пределы лагеря, а внутри развилась карточная игра. Один из предприимчивых командиров организовал своеобразное лагерное казино и получал с каждого выигравшего 10%. Когда же в декабре командный состав решили отделить от основной массы военнопленных, проводя досмотры, то он успел вложить накопленный денежный капитал в 5 или 6 часов, которые спрятал, зашив их в полы шинели. При перемещении в лагерь в г. Владимир-Волынский в декабре 1941 г. В.Г. Иванов еще хранил у себя 300 руб., но при прохождении осмотра у врачей-соотечественников, предупрежденный о предстоящем обыске, дал себя уговорить и отдал на сохранение одному из них деньги и часы. Через какое-то довольно продолжительное время ему удалось этого врача встретить:

«— Вот вам ваши часы, — сказал он здороваясь.

— А деньги? — спросил его я.

— О возврате денег не может быть и речи, — ответил он. Я его поблагодарил, так как понимал, что он мог не возвратить мне и часы»⁶⁵.

Из этого диалога можно заключить, что деньги в лагере каким-то образом нашли применение, а аренда «банковской ячейки» оказывалась не бесплатной. По воспоминаниям Я. Шапиро, в лагерях встречались настоящие богачи: «В Саласпилсе — это были моряки, захваченные в плен на острове Даго. Они захватили войсковые кассы, и их вещевые мешки были полны денег»⁶⁶. В записной книжке писателя С.П. Злобина, которую он вел в Минском лагере военнопленных, сохранились такие заметки:

«— Воды! (Человек несет фляжку, набранную из водопроводного крана.)

— Три рубля.

(Пайка хлеба 100 граммов — 25 рублей, папиросы — 5 рублей.)».

В послевоенный период запись была снабжена авторским комментарием: «Оценка чего-либо на деньги относится только к самым первым дням плена, пока людям казалось, что на деньги что-то можно сделать. Позже была только мена»⁶⁷.

На оккупированной территории СССР, где советские денежные знаки продолжали обращаться наряду с «оккупационными марками»⁶⁸, они еще, как мы уже видели, могли иногда служить в лагерях расчетным средством. Чем теснее была связь с гражданским населением, тем, естественно, более значимую роль они играли на лагерном рынке. Один из попавших 23 сентября 1941 г. в плен военврач вспоминал о своем пребывании в лагере г. Бердичева: «Ознакомившись с здешними обитателями и с условиями жизни, мы узнали, что здесь есть возможность раздобыть кое-что и помимо баланды из проса. Дело в том, что многие из пленных ходили из лагеря на работы в город и кое-что приносили оттуда в лагерь, а в городе, оказывается, ходили советские деньги, хотя и в значительно уменьшенной ценности. Для меня это было очень приятным сюрпризом, так как у меня сохранилось при себе некоторое количество денег и я, следовательно, мог в лагере купить (конечно, из-под полы) такие вещи, как хлеб, табак, картофель. Конечно я сразу же воспользовался всеми этими благами и насытился даже больше, чем это было нужно, а кроме того, наученный горьким опытом, купил себе и большую консервную банку с ручкой наподобие котелка, с которой старался уже никогда не расставаться»⁶⁹.

В лагере советские деньги продолжали попадать с новыми партиями пленных. В воспоминаниях Тамурбека Давлетшина, изданных в Германии в 2005 г., приводятся цены на некоторые товары на лагерных рынках. На сборном пункте в Порхове в 1941 г.: пайка — 35 руб., порция баланды — 10 руб., махорка на одну закрутку — 3 руб., консервная банка под котелок — 10 руб. Свои часы он продал заведующему складом за 900 руб. Деньгами же распорядился следующим образом: «35 отдал за шинель, 100 — за пару чистого белья, 40 — за котелок. В шталаге г. Рига в том же году: талон на баланду — 7 руб., буханка хлеба — 60 руб. (в городе — 1 руб. 80 коп.), махорка на одну закрутку — рубль»⁷⁰.

И в других воспоминаниях упоминаются лагерные цены в рублях. В Винницком лагере осенью 1941 г. ложка супа стоила 10 руб.⁷¹, «закрутка» таба-

ка в одном из украинских дулагов в мае 1942 г., как мы помним, — 30 руб.⁷² И.Э. Акопов купил котелок и ложку в минском дулаге за 60 и 10 руб. при цене хлебной пайки в 34 руб.⁷³

О ценах в денежных знаках сообщалось и наряду с упоминаниями об обменных операциях. С.А. Голубков следующим образом описал лагерный рынок рославльского лагеря осенью 1941 г.: «Около главных барачков в лагере открылся своеобразный базар. Здесь можно было купить все, что угодно. Хлебная порция в 200 граммов — вот мерило стоимости. На деньги хлебная порция стоила 30, а потом доходила и до 100 тогдашних рублей. Но денег-то пленным негде было взять. Больше всего шел обмен, обычно про деньги и не вспоминали. На базаре “торговали” положительно всем. Хлеб, печенье, консервы, мясо, конфеты, гимнастерки, брюки, шинели, даже часы — все можно найти и купить здесь. Некоторые выносили сюда свою порцию баланды с “петушком” (костная мука, предназначенная курам, добавляемая в баланду и привозимая в бумажных мешках с изображением петуха. — М.Н.) и старались ее променять хотя бы на несколько немецких сигарет или на одну закруточку русского табачку. Кое-кто ухитрялся принести с работы из города даже водку, а то и бутылку самогонки. Находились “коммерсанты”, которые отправлялись в госпиталь торговать чистой водой. За глоток воды из фляги брали по 25—30 рублей. Правда, спекуляция водой в госпитале скоро была замечена, и <...> коммерсантов стали строго преследовать за такие дела сами пленные»⁷⁴.

Н.И. Обрынба описывает сцену в одном из барачков лагеря военнопленных Боровуха-2 в Полоцком районе в ноябре 1941 г.: «Здесь же идут торги. Один продает папиросу, хочет двадцать пять рублей. Другой вяжет ремни и уже выбрасывает котелок из окна, черпнув снега, залегает за подоконник, и сразу автоматная очередь разбивает недобитые стекла в окне, с потолка сыпется штукатурка. Но котелок в руках этого угрюмого парня весь облеплен пушистым снегом и пара ложек внутри. Тут же он меняет ложку снега, которая стоит двадцать пять рублей, на папиросу и облизывает весь снег с котелка. Все следят с завистью, не сводя глаз с человека с влагой»⁷⁵.

Если В.Г. Иванов, прибегая к посредничеству, сумел сохранить свои деньги, то в других случаях они могли быть отобраны и на ранней (долагерной) стадии. Так, попавший в плен под Сталинградом в августе 1942 г. Ф.И. Чумаков вспоминал о передаче колонны военнопленных хорватскими военнослужащими в распоряжение немецкого конвоя: «Немцы начали с того, что предложили всем пленным сесть в два ряда на расстоянии в 1,5—2 м друг от друга, вынуть все, что есть в карманах и вещевых мешках, и положить на землю перед собой. Фактически это был первый обыск. Однако в отношении его мотивов я ошибся. Думается, что, скорее всего, мы столкнулись с “самодеятельностью” конвоя, вознамерившегося отобрать все наши ценные вещи для собственного обогащения. Таким образом, я лишился карманных часов и денег». «Деньги, впрочем, — добавлял Ф.И. Чумаков, — в плену никакой ценности не представляли»⁷⁶. С.М. Фишер также сообщал о том, что при пленении перед посадкой в машину у него отобрали часы и портмоне с деньгами⁷⁷. При перемещении в Германию, советские деньги, очевидно, изымались уже в плановом порядке. По поводу обыска, предшествовавшего этапированию

в начале декабря 1943 г. из Славуты на Запад, Ф.И. Чумаков писал: «Отбирали и деньги. Деньги скрупулезно пересчитывали, и каждый пленный получал своеобразное удостоверение-расписку в том, что такая-то сумма сдана представителям Рейха. После войны, имея в виду, что она закончится победой Германии, деньги предполагалось сполна возвратить владельцам, что и удостоверялось печатью с немецким орлом. Хоть смейся, хоть плачь! Кто и как додумался до такого? Расписка у меня не сохранилась: был бы неплохой музейный экспонат»⁷⁸.

О похожей процедуре, но на более ранней стадии – при регистрации в офлаге во Владимире-Волынском – сообщает другой мемуарист. После того, как каждому выдали регистрационный номер в виде своеобразного жетона, который нужно было носить на груди, военнопленным предложили сдать все документы и ценности (деньги, часы и т.п.). Все изъятое записывалось в регистрационную карточку. Только после этого произвели основательный обыск, а затем – распределение по казармам⁷⁹.

Интересный случай приводит в своих воспоминаниях военнопленный Л. Мищенко. В концлагере Бухенвальд, куда попадали прощтрафившиеся военнопленные, он помог молодому украинскому пареньку написать в канцелярию на немецком языке жалобу на то, что в свое время у него отобрали деньги, но записали в учетную книгу меньшую сумму. Когда обоих вызвали в канцелярию, то жалобщика обвинили в клевете. И только после того как выяснилось, что изымались советские рубли, а запись производилась в пересчете на марки (причем указанная цифра была ровно в 10 меньше отображенной суммы), недоумение выяснилось⁸⁰.

Все вышеприведенные свидетельства об обращении денег заставляют с сомнением отнестись к сообщению М.И. Семиряги о существовавшей в некоторых лагерях практике стимулирования выдачи комиссаров путем денежных выплат военнопленным в размере 100 руб.⁸¹

Очевидно, редко, но могли за лагерную проволоку проникнуть и оккупационные марки. Н.И. Лоза, например, упомянул о случае, когда ему, выходящему на работы за пределы лагеря, в оставленный для сбора пожертвованный мешок местные жители вместе с продовольствием и запиской положили 400 марок⁸².

Альтернативами обращения к поиску необходимого на лагерном рынке служили только попрошайничество⁸³ или кража. Причем и в том, и в другом случае добытое использовалось не только для личного потребления, но и пускалось в продажу. В постсоветской мемуаристике о внутривылазном воровстве и даже бандитизме появилось немало свидетельств, причем, включая и такие, где авторы выступали отнюдь не в роли жертвы. Д.А. Небольсин признался, что в первые дни плена, после кражи пилоток у него и товарищей, они сами поступили таким же образом. Повинившись, мемуарист завершил пересказ эпизода сентенцией: «начиналась новая, совсем не знакомая лагерная жизнь: голодная, холодная, со своими жестокими законами»⁸⁴. Схожие переживания приводит и С. Серебряков, у которого в первые же минуты неволи на первичном сборном пункте кто-то из своих украл шинель: «Помимо плена, сейчас уже непосредственно начиналась борьба за жизнь»⁸⁵.

В воспоминаниях Д.Б. Ломоносова также встречается откровенное признание в краже еды у соседа по нарам⁸⁶. П.Н. Палий вспоминал, как, провозжая сильно ослабевшего товарища в полуобморочном состоянии в санчасть, обнаружил у него в противогазной сумке две пайки хлеба, и, не выдержав, взял их себе. При этом он оправдывал свой поступок: в противном случае хлеб стал бы добычей санитаров⁸⁷.

Л. Самутин описал бандитизм, распространившийся в сентябре 1941 г. в лагере г. Сувалки. Образовавшиеся шайки заманивали в свои землянки ослабевших людей, душили, трупы выбрасывали наружу, оттаскивали подальше, а добытую одежду через полицейских или через рабочие бригады выменивали за пределами лагеря на хлеб, сало и табак⁸⁸. Иногда добытое таким путем сбывалось и на внутрилагерном рынке. О процветании воровства в транзитном лагере г. Риза (Саксония) в сентябре 1941 г. вспоминал Ф.Я. Черон: «Ворованные вещи продавались за хлеб, баланду или окурки. В каждом лагере был своеобразный базар, и тут он образовался. Ворovali последнюю кроху хлеба и все, что можно было уворовать. С умирающего снимали все, что можно было снять. У него не было больше силы сопротивляться. Сильные побеждали. Ворованное шло на обмен <...> Так продолжалось во всех лагерях, но в рабочих командах все менялось. Там была своя дисциплина и свой суд»⁸⁹. К источникам поступления товаров на лагерный рынок мы еще вернемся...

Итак, довольно быстро в силу катастрофического положения с продовольствием, усугубленным отсутствием укрытия от наступивших осенью 1941 – зимой 1942 г. холодов, массовых заболеваний на фоне истощения, мериллом ценностей выступила хлебная пайка (табак, как мы уже убедились из выше цитированных текстов стоял на втором месте). Ее вес варьировался, но получал ее военнопленный не в «готовом» виде: хлебный «кирпич» («булка») давался на несколько человек. «Для голодных вопрос дележа – проблема первостепенной важности», – замечал Ф.И. Чумаков. Отнюдь не случайно сценам дележа и описанием его способов многие мемуаристы уделили внимание в своих текстах. «Как-то рядом с нами, – вспоминал Ф.И. Чумаков (речь идет о 2-й половине 1943 г.), – оказался пожилой фельдшер – человек маленького роста с черной бородой. Он дольше нас находился в Славуте и сильно страдал от голода. Все свое свободное время он посвящал размышлениям о бесконечно малом (бесконечно малых величинах) и о возможности или невозможности их дальнейшего деления. Он излагал мне суть своих мыслей и рассуждений, но я ничего не понимал <...> У этого фельдшера, как мне показалось, на почве хронического недоедания, развились психические нарушения. Он также все время “работал” над повышением точности своих весов с коромыслом из палочек и ниточек, предназначенных для взвешивания хлеба. В Славуте буханка хлеба ежедневно выдавалась на четверых, и ее самим приходилось разрезать на равные доли. Я располагал хорошим глазомером и до появления фельдшера хлеб с целью дележа не взвешивали. Я резал его на 4 части, казавшиеся равными. Поэтому было безразлично, которая из них достанется мне. Их разбирали остальные 3 человека из группы, а оставшаяся доля попадала ко мне. Когда фельдшер потребовал взвешивания паек, я внес контрпредложение. Я, с согласия других членов четверки, предложил ему первому выбирать из 4 порций

ту, которая покажется ему самой большой. Так нет же — взвешивать и все! Тогда мы поручили ему самому делить хлеб, и он подолгу возился, уравнивая на весах сначала половинки, а потом четвертинки разрезанной буханки. Думаю, что, скорее всего он не смог выжить»⁹⁰.

Подробное описание процесса дележки и устройства самодельных весов содержится в воспоминаниях бывшего военнопленного Е.Д. Белоусова: «В каждой восьмерке был старший. Он получал хлеб на восемь человек: булку утром, булку в обед и булку вечером. Старший приносил в конюшню хлеб. Булку клали на специальную тряпочку. Очень аккуратно разрезали на восемь кусочков. Все кусочки взвешивались. Почти каждая восьмерка имела свои самодельные весы. Весы делались так. В тонкую, деревянную пластинку, на равных расстояниях друг от друга, втыкались три обломка иголки. На иголки надевались, так называемые, “шинельные петли”, то есть, такие “закорючки” из твердой проволоки, за которые, при застегивании солдатской шинели, цепляются такие же твердые проволочные крючки. К петлям привязывались веревочки. За среднюю веревочку “весы” подвешивались или держались в руке. К крайним веревочкам привязывались деревянные колышки, которые втыкались во взвешиваемые кусочки. В середине булки кусочки были, как правило, равновесны, а горбушки, зачастую, приходилось подрезать.

После того, как кусочки были уравновешены и разложены на тряпочке, предстояло еще определить, кому какой кусочек отдать: кому горбушку, кому серединку. Существовало два метода! Упрощенный состоял в том, что каждому человеку присваивался номер — от 1 до 8. Одному надевали шапку на глаза, ставили спиной к хлебу. Другой, показывая пальцем на кусочек хлеба, спрашивал: “Кому?” Тот, что с шапкой на глазах, должен был назвать номер. К примеру, он говорил: “Четвертому”. Человек, с присвоенным ему номером 4, получал этот кусочек. Существовал и другой метод, он был в нашей восьмерке. Из дощечки вырезались 16 абсолютно одинаковых квадратиков, примерно 2 на 2 сантиметра. Получалось два комплекта по 8 штук. На них писались цифры от 1 до 8. Один комплект клали на кусочки: на каждый кусочек по цифре. Другой комплект опускали в глубокую шапку, трясли и давали каждому тянуть свой номер. Все это делалось потому, что очень мало давали хлеба, люди были голодны»⁹¹.

В мемуарах Л.А. Саутина, описавшего вместе с устройством весов первый из упомянутых способов распределения нарезанных паек, добавлена такая подробность: «крикуна» (того, кто наугад называл имена пайщиков) каждый день выбирали нового, «чтобы не возникла возможность коварного тайного сговора между ним и хлебрезом»⁹².

Похожее с Е.Д. Белоусовым описание встречаем в воспоминаниях Д.Б. Ломоносова: «Еще более ответственной операцией была дележка хлеба. Ею занимались по очереди, так как деливший, как бы он не старался, всегда наслушивался оскорблений и попреков. Для дележки хлеба был выработан особый церемониал. Под внимательным наблюдением всех двенадцати членов бригады, сопровождаемый хором советов очередной делящий, подстелив бумагу, в которую была завернута буханка, сначала отрезал обе горбушки и делил их на 12 частей. Затем разрезал на двенадцать равных частей буханку,

проверяя размеры кусков, взвешивая их на специальных самодельных весах. Эти весы представляли собой деревянное небольшое коромысло, в отверстие, проделанное в середине коромысла, вставлялась бечевка, на концах коромысла в отверстиях вставлены бечевки с привязанными к их концам кольшками. Делящий хлеб брал коромысло за петлю, вставленную в середину, накалывал на кольшек одну из паек, принимаемую за эталон и взвешивал поочередно все пайки. Довесками служили крошки, неизбежно появившиеся в процессе разрезания. Затем, пайки разыгрывались»⁹³. Л.Г. Мищенко пишет о том, что в одном из филиалов Бухенвальда русские лагерные весы («три палочки, три ниточки») получили распространение даже в рабочих командах из иностранных заключенных⁹⁴.

В отношении роли хлебной пайки как меры стоимости среди мемуаристов нет разногласий. «Самым ценным продуктом в лагере был хлеб. Он был основным мерилем купли-продажи, — пишет П. Астахов. — На базаре можно было купить армейские “шмотки”. Стоимость обмундирования зависела от внешнего вида. За гимнастерки и галифе платили одну-две буханки. Телогрейки и шинели стоили дороже, а потерявшее вид барахло стоило несколько паек»⁹⁵. Хлеб, табак и макуха (прессованный жмых подсолнечника) представляли и самый ценный лагерный товар. За них, вспоминал мемуарист, голодные могли снять с себя «последнюю рубашку или обувку». Это были товары «внутрилагерного обращения». Но продавались на лагерном рынке и «вольные продукты»: вареный картофель, лук, морковь, которые перепали военнопленным от местного населения. Сам он в летнюю пору продал шинель за две буханки, а свитер из верблюжьей шерсти — за одну буханку ржаного хлеба⁹⁶.

Многие мемуаристы писали о случаях, когда заядлый курильщик даже в условиях жесточайшего голода менял свою хлебную пайку на «курево», которое и служило, повторимся, второй по значимости лагерной валютой. «Табак в лагерях был “твердой валютой”, — писал А.А. Гулин. — Изголодавшиеся заядлые курильщики за щепотку табака отдавали несчастную пайку хлеба, не задумываясь о том, что эта пайка может спасти жизнь»⁹⁷. Похожим образом высказывается и Д.А. Небольсин: «Табак ценился на вес золота, за щепотку махорки отдавали последнюю пайку хлеба. Человек умирал, а напоследок, перед смертью, просил покурить»⁹⁸. В.И. Бондарец, упоминая о карточной игре в рабочей команде в Вольгасте (1942), писал: «За проигрыш рассчитывались махоркой, а ее ценили на вес золота»⁹⁹. Согласно В.С. Турову табак выполнял роль основной валюты в лагере Ламсдорф в 1943–1944 гг. «Больше всего ценился за крепость украинский самосад и французские сигареты, но только одного номера, кажется, десятого, — вспоминал автор. — Табак выменивался на работе у поляков за обмундирование: меняли гимнастерки, брюки, шинели, когда имели лишнее и в хорошем состоянии. Иногда удавалось стащить что-либо при работе на складе. Немцы в шутку называли это не кражей, а “русише роте кройц арбайтен” (работой “русского красного креста”)¹⁰⁰. Там где, военнопленным в рабочих командах выдавались сигареты, именно они, а не «закрутки» или пачки махорки (а также ее части) становились расчетной единицей.

Очевидно, что ценность табака как валюты возрастала там, где с продовольствием дело обстояло не так плохо. Могли сказаться и различные конь-

юнктурные факторы. Когда летом—осенью 1941 г. из лагерей стали отпускать лиц украинского происхождения, освобождавшиеся охотнее продавали свое обмундирование. Д. Левинский, оказавшийся в румынском плену в Яссах, вспоминал, как, готовясь к зиме, он и приятель решили «утеплиться», для чего стали копить «валюту», роль которой играли сигареты, проникавшие в лагерь извне. Но приобретали их «на толкучке», заметим, опять-таки за хлеб. В итоге они купили на двоих пару шинелей, солдатские обмотки, из которых были сшиты теплые майки под гимнастерку. А уж куртки-безрукавки они сработали себе сами из мешков — то ли из-под стекловолокна, то ли из-под цемента¹⁰¹. Конечно, румынский плен — не чета немецкому.

При определенных условиях высокой «ликвидностью» обладала и соль. Н.И. Лоза вспоминал, как, находясь в лагере под Херсоном в 1943 г., попал в рабочую команду: «В первый же день мне повезло. Разгружая на станции вагон с продуктами, я обнаружил в углу рассыпанную соль. Набралось ее почти полный котелок. Разделили добычу на четверых. Да кладовщик немец попался добрый: дал нам буханку хлеба. А вечером за три ложки соли я выменял у киргизов кусок конины, которую те достали при разгрузке разбомбленного эшелона»¹⁰².

Как вспоминал Ю.А. Апель, ценился также и чеснок как универсальное средство чуть ли не от всех болезней¹⁰³, а В.С. Тутов, попав в один из лагерей на территории Польши, неожиданно столкнулся с дефицитом курительной бумаги и, поскольку располагал несколькими немецкими газетами, оказался в положении «обеспеченного человека»¹⁰⁴.

Золото имело ценность только за пределами колючей проволоки. Например, у А.С. Малофеева встречается упоминание о том, как в лагере Саласпиле он помог товарищу обменять на хлеб у немецких солдат золотой зуб¹⁰⁵.

П.Н. Палий передал разговор с сокамерником, который боялся попасть в санчасть из-за стойких слухов о том, что медперсонал не выпускает оттуда живыми тех, кто имеет золотые коронки. Добыча делилась между ними и полицейскими, которые переправляли золото за проволоку и получали с воли все что угодно, даже водку¹⁰⁶. Один из персонажей документального повествования С.П. Злобина — узника шталага 304(IV Н) Цайтхайн — просвещает вновь прибывшего в лагерь обладателя золотых часов: «Твоим часам здесь цены нет. Знаешь сам — за золотую коронку на зубе и то человека губят. А тут три крышки!.. За такую штуку, куда хочешь, устройшься — на склад, в баню, на кухню». На высказанный отказ в желании продать последовало: «Ну, берегись! Узнают — зарежут или отравят!»¹⁰⁷.

В перечислении предметов, имеющих хождение на лагерном рынке, следует отметить один из самых востребованных. Учитывая жизненно важное значение продовольствия, помимо продуктов питания, одежды и обуви, особую ценность представляли емкости для получения баланды. «Главное, что у каждого пленного должно быть всегда наготове, — вспоминал Ю.А. Апель, — это котелок (миска, банка — все равно). У пленного без котелка шансов помереть от голода и его последствий было втрое больше, чем у его товарища, обладавшего этим сверхнеобходимым предметом». Автор, у которого однажды «увели» котелок, когда он находился в бессознательном состоянии, на собственном опыте познал цену тому, о чем говорил¹⁰⁸.

Н.И. Обрыньба при описании типичного внешнего вида советского военнопленного, доходя в перечислении деталей до прицепленного спереди у каждого котелка (собственный также был у него украден в одном из пересыльных лагерей), аттестовал его как «главное орудие и смысл существования»¹⁰⁹.

В.С. Тутов, составляя своеобразный «реестр личного вооружения пленного», включил в него пять самых необходимых предметов: ложку, котелок, нож, вещмешок и сумку от противогаза¹¹⁰. Впрочем, предметы здесь перечислены не в иерархическом порядке применительно к ценности в лагерном быту: без ложки обходились многие. «Ложка не котелок, — пояснял Ф.И. Чумаков, — без нее обходиться можно, хотя и очень неудобно»¹¹¹. Таким неудобством можно было пренебречь, если вспомнить, что при отсутствии котелка или консервной банки, некоторым военнопленным приходилось подставлять при получении баланды каски, пилотки, полы шинели или гимнастерки, а то и просто пригоршни¹¹².

Последние в списке предметы, конечно, играли важную роль, поскольку служили вместилищем для всего того, что можно было подобрать или украсть, находясь за пределами лагеря — и прежде всего из съестного. Так Н.И. Лоза вспоминал, как ему удалось в лагере под Херсоном в 1943 г. выменять мешок за пайку суррогатного хлеба в 280 гр.¹¹³

О типичном перечне выставяемого на продажу пишет И.А. Лугин, рассказывая о перемещении в шталаг XII-A Лимбург в январе 1943 г. и подтверждая невысокую котировку ложки как лагерной ценности: «В углу двора уже действовал базар. Ассортимент предлагаемых товаров был обычен: несколько консервных банок с проволочными ручками; две-три самодельных деревянных ложки — товар излишний: суп легко выпивался из котелка, как чай; нож, изготовленный из гвоздя; спичечная коробочка окурков и несколько тряпок для портянок. Все это менялось на что-либо съестное: кусок брюквы, несколько мелких картошин или кусочек хлеба. Впрочем, курс хлеба стоял очень высоко, и хлеб редко когда менялся, разве что на курево заядлыми курильщиками»¹¹⁴.

Итак, на рынок попадали не только продовольствие, казенное и личное имущество, но и предметы внутрилагерного кустарного производства. Об лагерных кудесниках мемуаристы вспоминают весьма охотно. А.А. Гулин в таких строках: «В каждом лагере находились умельцы, делающие из консервных банок с помощью камней и всяких железяк котелки, кружки и другое. Расплачивались с ними либо хлебом, либо куревом, которое в лагерях было дефицитом номер один»¹¹⁵. О кустарничестве, ориентированном на «экспорт», скажем далее...

Помимо «свободного рынка» существовали и случаи «неэквивалентного обмена». «Влиятельные», выполнявшие административные должности лагерники и полицаи принуждали некоторых военнопленных расставаться с приглянувшимися им вещами в обмен на продовольствие, угрожая в случае отказа забрать их силой. В подобных ситуациях степень свободы принятия решения со стороны продавца могла варьироваться. Ю.А. Апель вспоминал, как однажды двое охранников-калмыков ночью пришли в барак осматривать вновь прибывший этап на пути в Вознесенск Николаевской области, выискивая новое

обмундирование и предлагая за него еду. Автор, испытывая сильный голод, не выдержал и поменял выданный ему в криворожском лагере английский френч на булку хлеба, полфунта сала и три головки чеснока¹¹⁶.

Л. Самутин описал одного из наиболее ненавистных полицаев в Суwalkах. Самую большую опасность он представлял для тех, кто сохранил хоть какие-либо ценности: сапоги, ремни, гимнастерки, фуражки, часы — «все, что можно продать полякам, приезжающим в лагерь вывозить трупы» за табак, сало и водку. У этого полица был сеть шпионов, выслеживавшая «богатых». «Начинается выторговывание присмотренной вещи за горсть махорки, пайку хлеба, — написал Л. Самутин. — Если не удается — вымогательство под угрозой смерти»¹¹⁷.

«При виде хорошей одежды или обуви полицаи готовы были, как шакалы, наброситься на пленных и обобрать бедняг, зачастую находящихся уже на грани жизни и смерти, — вспоминал А.А. Гулин. — Особенно они охотились за сапогами, ботинками, часами (которые в то время имели единицы). Зная это, я свои абсолютно целые ботинки обмотал проволокой и придал им такой “товарный” вид, что самому на них смотреть было тошно». Какое-то время ему удавалось прятать свои карманные часы, но кто-то из соседей выдал его полицая, который уговаривал продать их, угрожая тем, что его коллеги возьмут задаром. Пришлось согласиться на «обмен», и в течение шести дней он получал по буханке хлеба¹¹⁸. Похожий случай в лагере на хуторе Ивановка на Украине зимой 1941/42 г. описал В. Решетников, вынужденный «обменять» свой свитер на хлеб у полицая, угрожавшего в случае отказа от «сделки» отобрать его силой, да еще донести в комендатуру о попытке, якобы, подготавливаемого пленным побега¹¹⁹.

О пребывании в лагере Бела Подляска летом 1941 г. у Ф.Я. Черона читаем: «Полицаи забирали у пленных, что им приглянулось, иногда без всякой платы, а иногда, дав кусок хлеба или миску похлебки. За нежелание отдать полицая вещь, которая ему понравилась, пленный получал удар палкой и вещь забиралась»¹²⁰. В Харьковской тюрьме осенью 1942 г. полицейские охотились за одеждой и обувью пленных, которые могли отобрать угрозой применения силы. Санитары, по воспоминаниям Ф.И. Чумакова, действовали похитрей, предлагая обмен с доплатой: хорошая обувь менялась на сильно поношенную. «Чаше такой обмен, — отмечал мемуарист, — производился на совершенно добровольных началах, так как в придачу к плохим ботинкам давалась еще буханка хлеба — целый клад для голодного военнопленного. А хлеб этот накануне был удержан (т.е. украден) из пайков тех же пленных или, в лучшем случае, его выдали на умерших, которых своевременно не зарегистрировали»¹²¹. Очевидно, в меньшей мере к вымогательству прибегали повара, которых И.Э. Акопов относил к «самой “богатой” прослойке среди лагерного населения». «Они были сыты, — пишет автор, — а некоторые наживались на обмене лишней баланды на ремни, кольца и другие мелкие вещи, если еще они сохранились у пленных»¹²².

Вещи умерших служили неиссякаемым источником поставок на лагерный рынок. «Наследство» часто составляло «законную» добычу похоронной команды или санитаров лагерного ревира¹²³. В. Иванов вспоминал о том, как санита-

ры не только пользовались оставшимися после умерших хлебными пайками, но и продавали вновь поступившим больным принадлежавшие покойным котелки. Причем, один и тот же котелок мог продаваться по четыре-пять раз.

Однажды санитар снял с больного (принятого за умершего) новые брюки и продал их. Когда же этот человек внезапно «ожил», поспешившему коммерсанту пришлось сказать, что он отдал брюки в стирку, и после принесли отнюдь не равноценную замену¹²⁴.

Случалось, что «наследство» делили и соседи по барaku или госпитальной койке, а часть выставляли «на продажу». Тот же Ф.И. Чумаков привел случай смерти одного из врачей в специально выделенном для них помещении. Оставшиеся после него вещи и деньги честно поделили между всеми, а часы обменяли на хлеб, который тут же съели¹²⁵. Н. Михайлов, с которым сосед по нарам ночью в предчувствии смерти делился воспоминаниями о родных и близких, утром был им обнаружен мертвым и раздетым до нижнего белья. Характерен для 1960-х гг. «извинительный» авторский комментарий: «Что делать! Была зима, и одежда нужна в лагере, кроме того ее можно было поменять на кусок хлеба. Каждый здесь по-своему спасал жизнь. Ему-то она теперь была не нужна»¹²⁶.

Продуктами расплачивались не только за товары, но и услуги, включая взятки за занятие должностей в лагерной службе. У Д.Т. Чирова можно прочитать, как каждому из членов бригады, работавшей осенью 1941 г. на кухонном дворе в лагере г. Ламсдорф, разрешили брать с собой 10 картофелин. Для того чтобы их сварить, однако, нужно было часть «заработка» отдать хозяевам костра, для которого они, трудясь в рабочих командах, собирали и проносили на территорию лагеря самое разное топливо¹²⁷. Похожий случай встречаем в автобиографической повести К.Д. Воробьева. Попав в январе 1943 г. в Шауляйский лагерь военнопленных, главный герой наблюдал следующую картину: «Около единственной железной печки всю ночь напролет стоит очередь. Пленные держат в руках две-три щепки, а в карманах две-три мерзлые картошки, добытые где-нибудь днем. Не имеющий дров входит в долю исполу, то есть половину имеющейся картошки отдает обладателю щепки и таким образом приобретает право на печку»¹²⁸.

П.Н. Палий, которому «повезло» попасть в бригаду, занимавшуюся погрузкой картофеля, предварительно был снабжен опытными советчиками двумя противогазными сумками и мешком. «Кредиторы» рассчитывали получить за одолженное свою долю. «Мы, “картофельники”, – написал мемуарист, – сделали лагерной “аристократией”. Все перед нами лебезили, заискивали, около каждого образовалась группа помощников, “нянь”, которые чистили одежду, смазывали жиром сапоги, стирали и сушили портянки, латали или зашивали порванные штаны, рубашки, рукавицы. Каждый был счастлив услужить “картофельщикам”. Расплатиться с «кредиторами» удалось очень быстро»¹²⁹.

С. Серебряков в транзитном лагере в Бериславе в 1941 г. за самокрутку купил право ночевать в помещении, а не под открытым небом¹³⁰.

Осенью 1941 г. И.Э. Акопов встретил в минском пересыльном лагере однополчанина, который рассказал, что купил право днем сидеть на единственной

среди нар койке, а ночью — спать под ней на цементном полу. На вопрос автора, на каком основании «хозяин» сдает ее в аренду, последовал ответ: «Он первый захватил! <...> Кто захватил, тот и властвует!». «Здесь все продается», — разъяснил он лагерные порядки новому прибывшему¹³¹.

Работавшие за пределами лагеря несли различные подношения старшим бараков и медперсоналу лагерных режиссуров в обмен на лояльность и возможность получить на время освобождение от работы. Порой услуги лагерных парикмахеров оплачивались продуктами или «куревом»¹³².

Торговля между советскими военнопленными иногда выходила за пределы лагерной зоны. Взаимовыгодные торговые связи устанавливались между военнопленными, занятыми на сельскохозяйственных работах, и службой шталагов, к которым они были прикреплены. Д. Т. Чиров, относящийся к числу первых, описал, как каждому из них удавалось раз в два-три месяца под различными предлогами побывать в шталаге (XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф) и завести знакомства среди врачей, сапожников и портных. В лагере работали обувная и пошивочная мастерские. У сапожников можно было купить, предварительно заказав, приличные ботинки и даже сапоги, а у портных, соответственно, одежду. «И многие из нас, — написал мемуарист, — именно в 43-м году сменили деревянные туфли, или голцпантофели, на русские сапоги или ботинки, а перекрашенные немецкие мундиры и штаны на свои, отечественные гимнастерки и брюки или же на французские бриджи и английские куртки из шерстяной диагонали. Рынок в шталаге действовал по принципу натурального обмена: мы несли туда съестное, а оттуда приносили одежду, обувь, часы, а с конца 43-го года и американские сигареты»¹³³.

«Внутренняя торговля» в лагерной экономике, как мы могли убедиться, была самым тесным образом связана с торговлей «внешней». Контакты с «волей» были налажены как через посредство охраны и полицейских, так и через рабочие команды, выводимые за пределы лагеря. Рассказывая о пребывании в лагере г. Кривого Рога в 1943 г., Ю. А. Апель вспоминал, что их барак с рабочими, выходящими за пределы колючей проволоки, «поддерживал чисто коммерческие отношения очень одностороннего плана». Последним передавали солдатское обмундирование для обмена у местного населения на продовольствие. Сам автор поменял свою шинель на полторы булки хлеба, полфунта сала и три головки чеснока. Чуть позже — в Вознесенском лагере — на хлеб и чеснок он обменял белье, а за солдатские ботинки получил две булки хлеба и в придачу — пару деревянных сабо (очевидно, посредник имел свой интерес в сделке)¹³⁴.

В. Г. Иванов в лагере во Владимире-Волынском в 1941 г. через посредника, имевшего связь с рабочей командой, удачно обменял часы-браслет, и в течение месяца получал с воли около 2 фунт. вареного мяса, 2 — сливочного масла, столько же — свиного сала и по полбутылки настойки на сосновых иглах в день¹³⁵. Весьма характерно, что в доперестроечной литературе можно обнаружить явно надуманное оправдание подобной торговли, в которой одной из сторон — гражданскому населению — блюстители «советской морали» могли предъявить упреки в недостаточном патриотизме, предпочтении личной выгоды бескорыстной помощи соотечественникам. Так, С. П. Злобин устами од-

ного из героев своего автобиографического романа по поводу обмена заметил: «Ведь гражданским не сладко, фашисты всех обобрали. Горожанам солдатская гимнастерка, штаны – все товар!»¹³⁶.

Продажа обмундирования местному населению имела место и на польской территории. Н.И. Лилеев, проходивший карантин в крепости польского г. Демблин в 1942 г., вспоминал, как удавалось выменивать у поляков вещи на махорку. За солдатскую шинель, например, по его утверждению, можно было получить, в лучшем случае, пачку махорки¹³⁷.

Помимо казенного и личного имущества военнопленных на «внешнеторговый рынок» поступала и продукция ремесленного производства, изготавливаемая из подручного материала. Она изначально была ориентирована на «экспорт». О сметке и высоком искусстве лагерных мастеровых сохранилось немало свидетельств. В этой связи, применительно к пребыванию в одной из рабочих команд шталага 326 (VI-K) Зенне Б.Н. Соколов, писал: «Те, кто стремятся выжить, борются за жизнь изо всех сил и находят к тому средства. Один из путей – это кустарные промыслы, которые, несмотря на все запреты, преграды и обыски, продолжают жить». Работы своего коллеги он описал в весьма восторженных тонах: «Говорят, что сапожник и художник это антиподы, а вот в Сергее они живут вместе. Каждая пара туфель, сделанная им, Бог знает, из какого хлама, это художественное произведение. По образцам, принесенным немцами, он вырезает каблучки для дамских туфелек. Лакирует их какой-то дрянью, сцарапанной с насосов в шахте и затем проваренной на кухне с какими-то специями. Чудесные воздушные помпоны цвета свежеснежного приготавливаются из размочаленных ниток, выщипанных из моих кальсон и потом отбеленных хлорной известью, добытой мною из ячеек нашего общего туалета. Все, что он изобретает, перечислить невозможно, но любую пару сшитых им туфелек можно выставлять в салоне дамской обуви чуть ли не в Париже. Немудрено, что среди немцев у него создалась большая и устойчивая клиентура». Про другого участника этой обувной артели он говорил: «Сашка в работе не участвует, но зато он коммерческий директор артели по снабжению и сбыту. Украсть в шахте любой нужный нам материал и пронести его буквально под носом коменданта могут немногие <...> Сашка ухитряется не только продавать туфли, но даже торговаться с покупателями». Сам автор занимал нижний пост в «цеховой» иерархии, выполняя самые простые и грубые работы. Помимо «обувщиков» в лагере существовали и другие артельные бригады, которые изготавливали портсигары, кольца, трубки, ножи и проч. «Покупатели находятся на все», – завершал свой рассказ автор¹³⁸.

А.И. Деревенец упоминал даже об украинском пареньке, который ножом из сплющенного гвоздя изготовил маленькую балалайку, но это был, конечно, не рыночный товар¹³⁹. Об обувном деле писал и Н. Обрыньба. Характерно, что мемуарист считал нужным оговориться, что подобные заработки имели уважительную причину – стремление «не умереть от истощения, болезней и эпидемий», посему «не считались зазорными среди пленных». Собранная в рабочей команде бригада сапожников включала в свой состав настоящих мастеров обувного дела, изготавливавших женские туфли. Сырьем служили доставаемые как в лагере, так и на воле кожаные бумажники, пояса, кошельки.

«Туфли, — отмечал автор, — ценились у немцев очень высоко <...> Пара туфель стоила до десяти буханок хлеба, хлеб делили на всех, кто участвовал в артели сапожников»¹⁴⁰. Здесь, очевидно, речь шла о «левом» заработке тех, кто состоял в лагерной службе: занимался пошивом и ремонтом одежды, починкой обуви и проч. «В лагере, да и в лазарете, — вспоминал Ф.И. Чумаков, — каждый старался промышлять чем мог. Работники обувной мастерской, например, производили кое-что для “внешнего рынка”. Художники занимались рисованием портретов как с натуры, так и с фотографий. Я неоднократно видел порнографическую продукцию наших художников, не лишённую таланта и остроумия, выполненную по немецким заказам. Немцы такие рисунки выгодно сбывали. Особенно преуспевали зубные техники, жившие по соседству с нами. Немцы в зубопротезировании весьма нуждались»¹⁴¹.

По сравнению с находившимися в шталагах «вольными кустарями», не занятыми на работах и имевшими больше свободного времени для поделок, условия в рабочих командах были несравненно более выгодными для лагерного ремесленничества в том отношении, что работа на производстве открывала доступ к сырью. А.И. Деревенец вспоминал: «На заводах творчество пленных приобрело почти массовый характер. И, конечно, здесь больше было возможностей для их работы. Все-таки завод. Здесь и палку подходящую можно было найти, и проволоку раздобыть. И вечерами, после работы в лагере делались из деревянного бруска птицы с крыльями и бабочки, махавшие крыльями, когда игрушку катили по земле. У немецких рабочих такие игрушки пользовались большим спросом <...> За свою игрушку пленный мог получить котелок картофельных очисток или кусок хлеба. Это был добавок к пленному пайку»¹⁴².

Какого размаха и организации иногда достигало артельное дело, можно получить представление из воспоминаний П.Н. Палия. С начала 1943 г. он оказался в системе НАР (Heeresanstalt Peenemünde) — «Военного учреждения в Пеенемюнде» в Померании, включавшего в себя большой комплекс военных лабораторий и испытательных станций и относившегося к шталагу 2-С. Вот что сообщил автор: «С первых же дней переезда в новый лагерь многие пленные, пользуясь широкими возможностями, предоставляемыми работой в мастерских, начали изготавливать различные безделушки, коробочки, шкатулки, игрушки и т.д. Все это делалось в рабочее время тайком от немецких мастеров, с использованием “казенного материала и инструментов”. Эта деятельность была незаконной и официально преследовалась, но потребителями и покупателями этих изделий были сами солдаты и те же мастера, и они принимали участие в “конспирации”. Чего только не делали наши мастера! Портсигары, шкатулки, покрытые тонкой резьбой или орнаментальными узорами из кусочков разноцветной соломы, статуэтки, фигурки, детские игрушки, модели аэропланов и автомобилей, калейдоскопы, шахматы, шашки <...> все сделано затейливо, интересно и с большим мастерством. Эпидемия кустарничества захватила все мастерские, включая чертежку, где особенно процветало искусство рисования портретов по фотографиям, приносимым заказчиками. Немцы охотно покупали эту подпольную продукцию и платили хлебом, сыром, сигаретами или табаком, печеньем или домашними продуктами вплоть до варенья. Началась настоящая война между официальными представителями

лагерной администрации и массой пленных. Пойманные на месте преступления или с поличным штрафовались потерей дневной зарплаты, и их изделия конфисковывались, но администрация войну проигрывала. Слишком хорошо платили немцы-заказчики, чтобы бояться наказания немцев-надсмотрщиков. И администрация сдалась! Был принят компромисс, устраивающий все три стороны, участвующие в конфликте: пленных мастеров-производителей, покупателей товара и администрацию лагеря. В одной комнате барака устроили мастерскую для работы в свободное время, т.е. после работы в мастерских и по воскресеньям, снабдили мастерскую необходимым инструментом и назначили начальника, майора Бедрицкого, ответственного за выдачу инструментов мастерам и за получение его перед закрытием мастерской. Пленные обязались не заниматься контрабандной работой во время рабочего дня и не красть материалов, а получать его из рук немца, заведующего данной мастерской, из обрезков или остатков, негодных для основных производственных целей. Все были удовлетворены. Это подсобное производство приняло такие масштабы, что Фетцер (“зондерфюрер”. – М.Н.) устроил специальную “лавочку” в немецком бараке, где приезжие посетители могли выбрать и приобрести понравившуюся вещь. Главной “валютой” были хлебные карточки и табачные изделия. Когда собиралось достаточное количество хлебных талонов, двое пленных в сопровождении солдата отправлялись в Вольгаст в пекарню и приносили с собой хлеб в мешках, который делился между продавцами в соответствии с ценами за каждую проданную вещь. Хлеб перестал быть редкостью в лагере, а на дорожках иногда можно было найти и недокурный бычок!»¹⁴³.

Более того, при посредстве руководства был организован «экспорт» продукции (игрушек) из рабочей команды в шталаг, и мастера стали получать в оплату продукты из посылок Красного Креста (как известно, за исключением советских военнопленных). Дело в том, что в распоряжении лагерной администрации был запас из таких посылок, конфискованных за какие-то провинности у заключенных из иностранной части лагеря. Так в распоряжение умельцев стали попадать американские сигареты, консервы, сушеные фрукты и даже шоколад¹⁴⁴!

Д.Б. Ломоносов, повествуя о периоде нахождения в шталаге I-A в Хохенштайне (в настоящее время – Ольштинек, Польша) зимой 1944 г., отмечал предприимчивость своих солагерников: «Появились мастера-умельцы. К ним относился и наш бригадир портной Иван Спиридонович. Его заказчиками были немцы из охраны лагеря, которые, в свою очередь, торговали с населением городка, оставляя себе комиссионные. Особым успехом пользовался профессиональный художник (он был не из нашего барака). Делая портреты по фотокарточкам, он очень хорошо зарабатывал на этом, получая за свою работу продуктами и хлебом¹⁴⁵. На продукты он выменял себе хорошую одежду, обувь, щеголял часами на обеих руках и карманными. Были в нашем бараке два плетельщика художественно оформленных корзин из цветных толстых шнуров. Ефрейтор, представлявший администрацию лагеря в нашем бараке, вместе с ними занимался плетением, он же реализовывал готовую продукцию и приобретал сырье – шерстяные шнуры. Из алюминиевых котелков изготавливались портсигары, на которых выцарапывались монограммы и рисунки.

Был мастер по изготовлению колец из серебряных монет». О последнем «ювелирном» виде промысла, получившего широкое распространение, сохранилось множество свидетельств¹⁴⁶. Д. Б. Ломоносов, который сам из интереса попросился в бесплатные помощники, описал даже технологические тонкости: «В монете в центре пробивалось отверстие. Монета насаживалась этим отверстием на металлический конусообразный стержень на его тонкий конец. Затем ее следовало, вращая, молоточком осторожно и равномерно обстучивать, продвигая к утолщенной части стержня. В конце концов, она превращалась в широкое кольцо, которое нужно было отшлифовать о шинельное сукно, посыпая золой»¹⁴⁷. Похожее описание с использованием более примитивных орудий — гвоздя и камня — оставил А. И. Деревенец¹⁴⁸.

О стандартном наборе ремесленной продукции, изготавливаемой в рабочей команде в зимний период, когда свободного времени из-за плохой погоды становилось больше, написал И. А. Лугин: тапочки из старой шинели, кольца, плетеные корзины. К этому списку добавлялась и услуга по починке часов¹⁴⁹. Автор, описывая обстановку 1943 г. в д. Ден (приблизительно 50 км от Бонна), сделал вывод: «Барак постепенно превращался в кустарную мастерскую, а по воскресеньям — в базар»¹⁵⁰. О шитье в Полтавском лагере (1943) из кусков резины тапочек, покупателями которых выступали в основном немецкие шофера, вспоминал С. М. Фишер. Тапочки, сшитые из куса украденного сиреневого бархата, ему однажды удалось сбить за буханку хлеба и пачку сигарет¹⁵¹.

Особой популярностью пользовались на «внешнем рынке» изготавливаемые в лагерях деревянные игрушки — изделия традиционного народного промысла. Помимо А. И. Деревенца в этом убеждают и свидетельства других мемуаристов. Находившийся в рабочей команде № 1650 штрафного лагеря г. Райне (Северный Рейн-Вестфалия) И. К. Яковлев вспоминал, как в период ухудшения продовольственного снабжения кто-то ради шутки смастерил физкультурника из деревянных планок, куска фанеры и ниток. Он при нажатии на нижние концы планок, в верхней части, на нитяной перекладине, делал свечу, крутился взад, вперед. Немецкая детвора быстро обнаружила игрушку, и вскоре ее обменяли на хлеб. Появились подражатели, увеличился и спрос. «За короткий срок, — отмечал мемуарист, — наш барак превратился в мастерскую игрушек. Каких только игрушек не мастерили мы. С каждым днем интересней, красивей! Этой работой занялась вся команда. Появились конструкторы — дизайнеры, краснодеревщики, художники. Работали конвейерным методом: один делает, например, из фанеры крыло самолета, второй — из чурки фюзеляж, третий — пропеллер и колеса, четвертый все это монтирует, а пятый — уже готовый самолет раскрашивает, рисует кресты и звезды. Самолет готов на любой вкус — советский, немецкий <...> Другие делают танки, третьи клюющих птичек, медведей-молотобойцев и многое другое. После ужина, до поздней ночи, вся команда готовила свой товар на продажу, за кусок хлеба». И в этом случае зрел неизбежный конфликт: на основном производстве пленные стали работать хуже, спать на ходу, в перерывах. Видя это, немецкий мастер нашел способ исправить положение, донеся местным властям о том, что пленные дурно влияют на немецких детей при помощи игрушек с просоветской идеологией: красные звезды, русские медведи, разбивающие молотками

цепи рабства и проч. Власти не замедлили отреагировать, и вскоре игрушечный «бизнес» заглох¹⁵².

Об изготовлении на продажу немцам детских деревянных игрушек в вечернее время вспоминал и Д.А. Небольсин, работавший на авиаремонтном заводе Бахмана в г. Рибниц-Дамгартен. При свете самодельных коптилок и свечей мастерили матрешек, курочек, «ванек-встанек». Из других изделий упомянуты зажигалки, кольца, брезентовые сапожки, тапочки, фуражки. Сырье брали из отходов производства, которое приходилось воровать. И в этом случае заинтересованные немецкие мастера, охранники смотрели на хищения сквозь пальцы, поскольку все делалось для них, по их заказам. Взамен от немцев пленные получали марки, хлеб, сигареты¹⁵³.

Частичное «возрождение» денежного обращения в лагерях советских военнопленных на территории Германии было связано с решением о введении платы специальными денежными бонами. Немецкие промышленники за использование труда советских военнопленных перечисляли определенную часть денежных средства в доход государства и лагерям, сами же узники первоначально никаких денежных выплат на руки не получали. Только после выхода приказа отдела по делам военнопленных Верховного командования вермахта от 19 сентября 1941 г. из получаемых лагерем денежных средств им стали выплачивать 20 пфеннигов за рабочий день. В сельском и лесном хозяйстве для польских и советских военнопленных в день выдавалось 0,54 рейхсмарки¹⁵⁴. На эти лагерные деньги через посредство администрации можно было покупать ряд товаров, включая продовольственные. Наряду с лагерными марками проникали за колючую проволоку и рейхсмарки. Лагерный рынок тут же отреагировал: купля-продажа на деньги стала практиковаться одновременно с меновой торговлей. Ю.А. Апель в период пребывания в штаблагере 1-А в г. Штаблаг (Восточная Пруссия) зафиксировал: «На площади между бараками и туалетом во второй половине дня собирался базар, на котором властвовал натуральный обмен, но в то же время шла и прямая купля-продажа на немецкие рейхсмарки и специальные “кригсгефангенгельд”. Последние шли по курсу: десять “пленных” марок за одну рейхсмарку. Объектами купли-продажи и обмена были предметы обмундирования, хлеб, баланда, вареная картошка, табак»¹⁵⁵. Как мы видим, ассортимент товаров, в основном оказывался прежним.

Большинство мемуаристов зафиксировали нововведение с денежными выплатами в 1943–1944 гг.¹⁵⁶ Ф.Я. Черон вспоминал о введении оплаты в Саксонии в 1943 г. (2 марки в неделю) и о слухах, что платить начали еще в 1942-м. В другие лагеря, якобы, привозили махорку, а в его лагерь через охрану (при условии согласия) можно было купить только карандаш, бумагу и книги. По наблюдениям мемуариста, выдаваемые марки «в большинстве случаев пропадали, потому что пленные не знали, что с ними делать»¹⁵⁷.

А.С. Малофеев летом 1943 г. получал в офицерской рабочей команде № 2595 на каменном карьере у ст. Лизинтен 5 марок «лагерных денег» в месяц, на которые, как он писал, ничего нельзя было купить. Деньги передавались французским военнопленным, покупавшим у себя в кантине сигареты и даже пиво¹⁵⁸. «В обиходе заключенных были лагерные марки — разноцветные разные по достоинству бумажки с красными треугольниками, — отмечал

В.И. Бондарец. — На марки один раз в месяц продавали сигареты из расчета одна штука на сутки. Как-то раз, придя с работы, мы были приятно поражены: продавали по пол-литра снятого голубоватого молока»¹⁵⁹.

И.А. Лугин упоминал о двух вариантах использования марок в рабочей команде на металлургическом заводе во Франкентале в 1942 г. — покупке третьесортного табака и игре в карты¹⁶⁰. В одной из сельхозкоманд удавалось через женщин-работниц приобрести за «марки» табак и газеты¹⁶¹. У Г.Н. Сатирова можно прочесть о вахмане в рабочей команде, который, имея в своем распоряжении ключ от кладовой, продавал пленным котелок сушеной капусты или кольраби за три марки. Автор, как и некоторые другие мемуаристы, склонен был принижать значение «пленных марок», уверяя, что на них невозможно было купить «и стакана сельтерской», а употреблялись они «лишь для игры в очко»¹⁶².

На особом положении находились военнопленные-специалисты, работавшие в системе «Военного Учреждения в Пеенемюнде» (НАР). Оно платило пленным, вспоминал П.Н. Палий (начало 1943 г.), по дифференцированным ставкам: максимальная составляла 1 марку в день, минимальная — 58 пфеннигов. Деньги выдавались раз в месяц. Реже — раз в две недели можно было их потратить в «кantine» на покупку галантерейных изделий, сигарет, игральные карты, писчебумажных принадлежностей, конфет и проч.¹⁶³

О дифференцированных выплатах военнопленным пишет и Г.Н. Сатиров, работавший на сверлильном станке в лагере Фестхалле в 1943 г. Им платили еженедельно по субботам — от 5 до 15 марок¹⁶⁴.

Ф.И. Чумаков относит введение заработной платы (2–3 марки) в лагере 326 (VI-K) Зенне на позднюю осень 1944 — зиму 1945 г. Автор считает ее величину соразмерной с теми деньгами, «которые получает у нас рядовой солдат, находящийся на действительной военной службе». Подтвердил он и необходимость покупки товаров через посредство администрации, а в их перечень включил морских моллюсков и пиво¹⁶⁵. О двух марках месячного вознаграждения упоминал и работавший в рабочей команде в крестьянском хозяйстве в Австрии Д.Т. Чиров¹⁶⁶. Н.И. Лилеев описал поразивший его эпизод с помидорами. Ему, работавшему в 1942 г. переводчиком в рабочей команде № 2006, относившейся к шталагу XII F г. Форбаха, поручили продать привезенные оттуда овощи. «Откуда у наших военнопленных были деньги, я не могу сообразить, но помидоры моментально раскупили», — отмечал мемуарист¹⁶⁷. О продаже еды за марки одним из военнослужащих упоминал Д.А. Небольсин¹⁶⁸.

В рабочих командах, как мы видим, с реализацией марок дело обстояло легче. В ноябре–декабре 1942 г. Д.С. Цыганков, находившийся в рабочей команде на аэродроме в г. Швайнфурте-на-Майне, получал 20 пфеннигов в день. За 1 марку выдавали по 3,5 20-граммовой пачки сербского табаку. В июле 1943 г. расценки не изменились, выплаты производились раз в неделю. Выдаваемых на работе трех папирос в день автору дневника не хватало, и свой денежный заработок он откладывал на «курево»¹⁶⁹.

По воспоминаниям Ю.А. Апеля, в период работы в одной из сельскохозяйственных команд (около г. Найденбург, Восточная Пруссия) процедура выдачи зарплаты происходила тоже раз в месяц и обставлена была весьма тор-

жественно. В воскресный день под надзором трех вахманов военнопленный поднимался в их комнату и расписывался в ведомости как за полученные на руки 2,5 марки, так и за такую же сумму, «перечисляемую на какой-то мифический счет». Купить через посредников удавалось табак и газеты¹⁷⁰. Похожая система отчислений действовала и для оstarбайтеров. Согласно П.М. Поляну, на имя каждого оstarбайтера в обязательном порядке открывались накопительные счета, на которые откладывалась основная часть заработка, о чем многие даже не подозревали. На вклады начислялись проценты. С накопительных счетов возможны были перечисления на родину, выплачивавшиеся в местной валюте. Переводными операциями занимались «Центральный экономический банк Украины» («Zentralwirtschaftsbank der Ukraine», Berlin), а в последние военные месяцы — «Банк немецкого труда» («Bank der deutschen Arbeit») ¹⁷¹.

Еще одна сфера хождения денег как советских, так и немецких лагерных бон, — это расчеты в карточной игре, о чем говорилось в ранее приведенной цитате из воспоминаний И.А. Лугина¹⁷². М.В. Яковенко, находясь на оккупированной советской территории, был поражен однажды увиденным карточным сражением, причем в банке, как он утверждал, было более 6000 руб.¹⁷³ С. Серебряков в начальные месяцы плена, находясь в лагере близ Николаева, выиграл в «очко» большую денежную сумму, на которую купил несколько сигарет. «Если пачка “Беломора” стоила тогда три рубля, — написал мемуарист, — то здесь три рубля стоила одна папироса»¹⁷⁴. В романе С.П. Злобина описана сцена игры в карты, где играющие (дело происходило на территории Германии в шталаге IV В/З Цайтхайн, 1943 г.) располагали крупными денежными суммами, причем купюры у них были «новенькие, словно только из банка»¹⁷⁵. Очевидно, это был единственный способ их использования.

Д.С. Цыганков в лагерьном госпитале в Эбельсбахе в мае–июне 1943 г. выиграл десятка три марок, которые израсходовал на «курево», и частично — на продукты¹⁷⁶. Д.А. Небольсин, к некоторым сообщения которого, правда, необходимо относиться с осторожностью, написал следующее. Якобы ему удалось выиграть в «очко» за ночь сто, двести и даже пятьсот марок¹⁷⁷. О совсем уж экзотической игре на деньги упоминал А.С. Хоняк. Ее породила ужасающая завшивленность. Игравшие брали пятачок и сажали в центр его каждый свою вошь. Чья быстрее сбежит, тот выиграл. Самых резвых выставляли на продажу. «Ходит такой, — вспоминал А.С. Хоняк, — “Беговая вошь! Кому беговую вошь!”». За нее дают 100–200 руб.¹⁷⁸

Наряду с работой на «внешний рынок» ремесленная продукция уходила в иностранные сегменты шталагов, которые были отделены друг от друга и русского блока. О своеобразной кооперации и «международной торговле», в которую была вовлечена охрана, свидетельствовал и Ю.А. Апель (шталаг 1-А г. Штаблаг, Восточная Пруссия): «Очень скоро выяснялось, что в блоке среди пленных существовало явное имущественное неравенство <...> Шакалы занимались мелким промыслом. Из всевозможных кусочков пластмасс, плексигласа и цветных металлов они мастерили мундштуки, трубки, портсигары, шкатулочки и даже ножички с наборными ручками. Сырье они получали напрямую у итальянцев, когда тех в пять часов пополудни гнали с работы на подземном

авиазаводе мимо наших ворот в итальянский блок. Тут, при некоторых вахманах, возникала возможность кратковременного контакта шакалов и посредников с итальянцами, приносящими с завода сырье для шакалов. За свое сырье итальянцы брали только жратву, ибо на том же пайке, что и у нас — русских, они весь день вкалывали на заводе. Сбыт готовой продукции шел по двум путям. Первый — в “Бельгию”, “Голландию”, “Францию” и “Польшу”. Вторым — за лагерный забор. И в первом, и во втором пути, как посредники, получавшие большие комиссионные, участвовали некоторые вахманы из охраны лагеря. Плата “из-за границы” шла в виде продуктов питания: хлеба, консервов, масла и пр., а из-за забора шли рейхсмарки».

Военнопленные англичане, французы, американцы, голландцы и другие «иностранцы» регулярно получали посылки не только от Международного Красного Креста (МКК), но и из дома. Им присылали масло, мясо, рыбу (консервированные), сыры, муку, всевозможные кексы, печенья, сгущенное и сухое молоко, сахар, а также сигареты, шерстяные свитера, пуловеры, носки и многое другое¹⁷⁹.

Большинство немцев из числа военнослужащих и гражданских лиц в условиях нормированного распределения были лишены тех деликатесов, которыми иногда располагал пленный. Это создавало почву для коррупции. Хорошие продукты и накопленные рейхсмарки позволяли их обладателям откупаться от отправки в транспортный блок. Как и в других случаях, у «имущей прослойки» была своя обслуга, за небольшую плату сторожили «богатства» хозяина¹⁸⁰.

Кроме налаженного ремесленного производства существовала практика нелегального проникновения в иностранные сегменты лагеря с целью выполнения различных работ у обеспеченных пленников за продовольствие¹⁸¹. Помимо продуктов, получаемых в посылках, иностранным военнопленным приходили и денежные переводы, которые выдавались в пересчете на лагерные боны. Их отоваривать «иностранцы» имели возможность в лагерном магазине, по свидетельству Д.Б. Ломоносова, как и рассчитываться сигаретами за поставляемую советскими военнопленными продукцию (портсигары, алюминиевые ложки, тапки, сшитые из обрезков шинелей и валенок)¹⁸².

Подробная картина, раскрывающая связь «международного рынка» с «внутренней торговлей» и вовлечением в нее местного населения, представлена в мемуарах Д.Т. Чирова. В 1943 г. в изолированную зону шталага XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф поместили пленных американцев, получавших по два-три раза в месяц посылки от МКК. Однако, несмотря на наличие высококалорийных продуктов, среди них, естественно, не было свежих, богатых витаминами овощей¹⁸³. И спрос породил предложение. Из сельскохозяйственных рабочих команд в шталаг с оказией стали поступать свежие морковь, лук и чеснок. Причем получаемые в обмен сигареты были настолько привлекательным товаром, что в торговых сделках опосредовано стали участвовать сельские хозяева, у которых работали советские военнопленные, избавляя последних от необходимости добывать овощи воровским способом. Поставляли нужные продукты и пленные из шталага — их иногда в горячую пору выводили на сельхозработы к близко живущим «бауэрам». И в этом случае, как во многих других, охрана проявляла снисходительность, получая взятки сигаретами.

Американская зона была отделена от остальных его блоков и секторов забором из двух рядов колючей проволоки, причем ряд от ряда находился на расстоянии чуть ли не трех метров, а перед каждым из них — еще и запретная полоса, тоже обозначенная колючей проволокой. Так что расстояние между желающими вступить в общение составляло не менее 12 м. Д.Т. Чиров привел любопытные подробности совершения коммерческих сделок: «Дело в том, что, говоря языком экономики, обмен товарами, какими располагали, с одной стороны, мы, а с другой — американцы, меньше всего походил на торговлю: торгующие друг с другом партнеры предварительно договариваются, вступив в непосредственный контакт друг с другом, о взаимоприемлемых ценах, а уж потом один платит деньги, другой отпускает на эти деньги товар. А наш обмен с американцами строился на небывалой и потому очень трогательной основе, которой служило взаимное великодушие. Кстати, я говорю наш, потому, что мы, советские военнопленные, были главными участниками этого обмена: понимая нашу абсолютную незащищенность международной конвенцией о военнопленных, французы, англичане, поляки и сербы добровольно уступали нам неписаное право первоочередности в его осуществлении.

Происходил обмен, как рассказывали мне наши ребята, постоянно пребывавшие в шталаге, так: перед закатом солнца со стороны нашей и американской зоны собирались у самой запретной полосы желающие вступить во взаимный контакт по обмену товарами, и дело обычно начиналось с того, что кто-то из наших перебрасывал на сторону американцев пакетик с двумя-тремя луковицами, головками чеснока или морковками, а минуто-другую спустя с американской стороны летел пакет с сигаретами, тушенкой, галетами, а иногда перебрасывали ботинки, куртки, рубашки, брюки.

Если кто-то из наших, поймав пакет с американской стороны, находил, что партнер расплатился с ним сверхщедро, — а чаще всего так и случалось, — он тут же бросал ему сдачу, чем американец бывал очень доволен, после чего стороны обменивались символическими рукопожатиями. Немцы этому обмену препятствий не чинили, потому что и сами от него кое-что имели»¹⁸⁴.

Мемуарист полагал, что со стороны американцев коммерция была сильно разбавлена благотворительностью и дружеским сочувствием. «Экспортные» американские товары сразу появились и на «внутрилагерном» рынке. Военнопленные из сельскохозяйственной рабочей команды, в которой трудился Д.Т. Чиров, за счет доставленных в шталаг в карманах и противогазных сумках продуктов, сумели «приодеться и приобрести». У этих людей появились американские ботинки, французские бриджи, советские гимнастерки и фуражки, английские куртки. Как писал автор, он обзавелся французскими бриджами и беретом, американскими ботинками, английской курткой, а также советской гимнастеркой и фуражкой. Все это было постепенно приобретено им на шталажном рынке¹⁸⁵.

Торговля с американцами-военнопленными могла происходить и во время пересечения рабочих команд, выезжавших на объекты за пределы лагеря¹⁸⁶. Любопытно, что в иностранной части лагеря существовали свои «толкучки». Конечно, ассортимент товаров был там совсем иной, учитывая содержание получаемых посылок. Бывший американский военнопленный Джо Морган

в своих воспоминаниях привел подробности о составе продуктовых посылок из различных стран.

В канадских посылках были масло, мясной рулет, чай или кофе, сахар, шоколад, изюм, бисквиты, соль. Новозеландский Красный Крест присылал сыр, ветчину, сгущенное молоко, шоколад, кофе, мед, джемы из дыни, лимона, яблок, грейпфрутов, апельсинов, зеленый горошек. Наибольшей популярностью, считал мемуарист, пользовалась английская посылка, в которую, кроме традиционной овсянки, входили порошки различных бульонов, яичный порошок, порошок для приготовления заварного крема и различных пудингов. Все эти изыски и обращались на существовавшем, как он уверял, в каждом лагере «черном рынке». Всеобщим же эквивалентом служили сигареты: так, за канадское сгущенное молоко и новозеландский шоколад их давали 40 шт., за масло, говяжий рулет и джем, канадский шоколад и сахар — 30–35, за сливы и изюм — 5–10 шт.¹⁸⁷

Служивший офицером охраны в известном офлаге в саксонском замке Кольдиц Р. Эггерс, описывая изобилие посылок Красного Креста, констатировал: входившие в их состав продукты представляли «восхитительный материал для взяток <...> У них, (пленных. — *М.Н.*) было больше пищи, чем требовалось, и именно ей они обычно и подкупали наших людей. Иногда они меняли еду на лакомства, шоколад или кофе на яйца или фрукты и так далее или даже алкоголь <...> Самым же лучшим для обмена оказывались тысячи сигарет, попадавшие им в руки. Имели они в своем распоряжении и кофе — роскошь, полностью исчезнувшая в Германии к концу 1942 года. Отсюда довольно легко понять успех, сопровождавший пленных на фронте взяточничества»¹⁸⁸. При продуктовом изобилии (дефицитом были рыба и свежие фрукты) могли иметь место такие операции, как обмен французскими военнопленными своего армейского печенья на сигареты в соотношении один к одному.

Помимо прочего, автор описал разнообразные ухищрения, с помощью которых спрятанные в посылках от различных организаций и родственников в лагерь проникали немецкие деньги. Правда, предназначались они не для торговых операций, а для подкупа охраны и использования после побега¹⁸⁹.

О том, что среди советских военнопленных встречались лица, обладавшие коммерческой жилкой и ставившие торговое дело на «широкую ногу», можно судить по воспоминаниям В.С. Тутова, многие рассказы которого, впрочем, имеют привкус хлестаковщины. Он не скупился на похвалы собственной предприимчивости и не стеснялся признаваться в совершении, мягко скажем, весьма сомнительных сделок¹⁹⁰. «Коммерсант» оперировал разными видами лагерной валюты, на польской территории — использовал злотые¹⁹¹.

Пример В.С. Тутова, очевидно, позволяет говорить о том, что наряду с «ремесленниками» существовала и прослойка своеобразных торговых посредников, которые даже при перемещениях из лагеря в лагерь, теряя связи, а иногда и нажитый «капитал», продолжали свои занятия на новом месте.

Различные виды валюты скапливались не только у лагерных торговцев и ремесленников, но и у медперсонала, который мог оказывать услуги как представителям охраны, так и местному населению. Интересную подробность приводит в своих мемуарах И.Э. Акопов, совершивший побег из Санокского лагеря

(Польша) в июле 1944 г. в составе группы медицинских работников. Когда белгцы еще находились в пределах оккупированной Западной Украины и попытались купить съестного за деньги, то местный крестьянин им отказал. «В наших карманах, — пишет автор, — были 800 польских злотых, 600 советских рублей и 13 немецких марок (что строжайше запрещалось хранить в плену!). Ни польские злотые, ни советские рубли он не захотел брать, а когда предложили немецкие марки, он громко засмеялся»¹⁹². Сделка состоялась только в обмен на немецкую опасную бритву «Золинген», за которую были получены буханка хлеба и 15 яиц. Таким образом, можно сказать, что в этом отдельном случае мы встречаемся с некой итоговой цифрой, зафиксировавшей сумму сбережений, которые имели несколько людей к моменту освобождения из неволи. Надо полагать, что все-таки подобные денежные накопления могли откладываться в карманах представителей привилегированных лагерных сословий.

Подводя итог обзору интересующих нас сюжетов в изложении очевидцев, можно сделать следующий вывод. В лагерях советских военнопленных при ограниченном сохранении денежной формы расчетов, в силу создавшихся условий содержания, стала быстро распространяться меновая торговля. Даже в лагерях для советских военнопленных на территории Германии после введения оплаты специальными лагерными бонами денежные знаки не стали основным средством расчетов. Роль главной внутрилагерной валюты выполняла хлебная пайка, а вспомогательной — «закрутка» табака (или сигарета).

Основными предметами купли-продажи на лагерном рынке выступали продовольствие, посуда, одежда, обувь, головные уборы, «курево», самодельные ножи и проч.

Во «внутреннюю» лагерную торговлю, тесно связанную с «внешней», были вовлечены лагерная охрана и местное население. Они выступали в роли торговых посредников или покупателей личного имущества военнопленных, а также изготовленных ими предметов кустарного производства. Ремесленничество, несмотря на дефицит сырья и инструментария, имело широкое распространение и могло приобретать относительно высокую форму организации. Торговые сделки советских военнопленных с иностранными военнопленными также осуществлялись не без участия лагерной охраны, в них вовлекался как контингент рабочих команд, приписанных к базовым лагерям, так и в некоторых случаях — местное население. Как нам представляется, при написании истории, связанной с судьбами советских военнопленных, следует учитывать все вышеописанные микроэкономические процессы. Их дальнейшее изучение будет способствовать воссозданию более полной картины финансово-экономической жизни страны периода Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1965; Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973; Жихарев В.П. Роль полевых учреждений Госбанка СССР в организации и регулировании денежного обращения в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1985; Барковский Н.Д.: 1) Банковская система в годы войны и в первые послево-

- енные годы // Вестник Банка России. 1995. № 17. С. 5–10; 2) Мемуары банкира: 1930–1990 гг. М., 1998; *Коречков Ю.В.* Полевые банки России. Ярославль, 1996; История Министерства финансов России: в 4 т. Т. 3: 1933–1985. М., 2002; Военные финансисты в Великой Отечественной войне. Вклад в победу. М., 2005; Центральный банк Российской Федерации. По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 5: Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы). М., 2008; История Банка России, 1860–2010: в 2 т. М., 2010; *Палевич В.С.* Полевые учреждения Государственного банка СССР на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник Банка России. 2015. № 41(1637). 8 мая; Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны: в 9 кн. М., 2020; и др.
- ² *Кустов Максим.* Цена Победы в рублях. М., 2011.
- ³ *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017. С. 18 (историография: С. 14–24; период Великой Отечественной войны: С. 277–342).
- ⁴ Там же. С. 288–289.
- ⁵ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2001; *Киселев А.С., Пономарев А.Н.* Быт военной Москвы. Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М., 2001; Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003; *Гордин А.А., Колесникова Н.В.* Военная «повседневность» глазами автозаводцев (дневники В.А. Лапшина и И.И. Пермского) // Общество и власть. Российская провинция: в 3 т. Т. 3: Июнь 1941–1953 г. М., 2005; *Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013; *Вострышев М.И.* Москва военная день за днем: Дневники жизни и смерти. 22 июня 1941 – 9 мая 1945. М., 2015; Москва Победная. 1941–1945: Архивные документы и материалы. М., 2015; и др.
- ⁶ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 139. За четыре года войны было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) еще 29 млн 574,9 тыс. чел.
- ⁷ *Земсков В.Н.* 1) «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22–32; 2) К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941–1945 гг.) // Военно-исторический архив. 2013. № 3(159). С. 55–73.
- ⁸ *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война. М., 1994. С. 147.
- ⁹ См.: *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970; *Бродский Е.А.* Забвению не подлежит. М., 1993; *Пережогин В.А.* Из окружения и плена – в партизаны // Отечественная история. 2000. № 3. С. 25–33; *Гринкевич Л.Д.* Советское партизанское движение: историография и проблемы // Трагедия войны. Фронт и плен (к 50-летию окончания Второй мировой войны). Сб. материалов. Минск, 1995. С. 12–21. В белорусской историографии первая статья, посвященная проблеме военного плена, появилась только в 1965 г., 1970–1980-е гг. приращения знаний не дали. См.: *Кузьменко В.И.* Проблема плена в белорусской советской историографии (1941–1991 гг.) // Трагедия войны ... С. 24–27.
- ¹⁰ Согласно Р. Отто и Р. Келлеру, вермахт передал в концлагеря СС более 100 тыс. советских военнопленных. См.: *Отто Р., Келлер Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. Труды Мемориала концлагеря Маутхаузен / пер. с нем. Т. 14. М., 2020. С. 15.
- ¹¹ *Шнеер Арон:* 1) Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. С. 222–223 (далее – *Шнеер Арон.* Плен ...); 2) Плен. Солдаты и офицеры Красной армии в немецком плену. М., 2022. С. 365–369.
- ¹² Незаконченное сражение маршала Жукова. О реабилитации советских военнопленных. 1954–1956 гг. // Исторический архив. 1995. № 3. С. 108–127; *Драгунов Г.П.* Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 123–132; *Семиряга М.И.* Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33; *Ерин М.Е.:* 1) Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 140–151; 2) Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005; *Носырева Л., Назарова Т.* «Пойдем на Голгофу, мой брат...». Финны в нашем плену: Наши в финском плену; Наши в нашем плену // Родина. 1995. № 12. С. 99–106; *Полян. П.М.:* 1) Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996; 2) Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на

- родине. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002 (далее — *Полян П.М. Жертвы двух диктатур...* 2002); *Шульга И.И.* Судьбы красноармейцев-немцев Поволжья в германском плену в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Мат-лы междунар. научн. конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 99–106; *Альбов В.Ю.* В плену и после плена: Судьбы советских военнопленных. 1940–1948 гг. // Исторический архив. 1999. № 6. С. 53–68; *Ильенков С.А., Мухин В.В., Полян П.М.* Трофейные немецкие картотеки как исторический источник // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 147–155; *Молодова И.Ю.* Проверочно-фильтровочные дела в госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49–56; *Смыкалин А.С.* Совместная российско-американская комиссия по делам военнопленных и лиц, пропавших без вести // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 133–136; *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 232–264; *Ерин М.Е.* Австрийские историки о судьбе советских военнопленных // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 157–161; *Полян П., Шнейер А.* Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы. М., 2006; *Штрайт К.* Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009; *Земсков В.Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016; *Арзамаскин Ю.Н.* Тайны советской репатриации. М., 2019; *Шнейер Арон.* Плен. Солдаты и офицеры Красной армии в немецком плену ..; и др.
- ¹³ *Голубков С.А.* В фашистском лагере смерти. Воспоминания бывшего военнопленного. 2-е изд. Смоленск, 1963; *Бондарев В.И.* Военнопленные (Записки капитана). М., 1960; *Вольнский Л.* Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1; *Сабуров С.П.* Всегда солдат / литературная записка Ю. Новикова. М., 1963; *Кобытев Е.С.* Хорольская яма. Красноярск, 1965 (переизд. с не вошедшими в первое издание фрагментами: Харьков, 1989); *Друян И.Л.* Клятву сдержали / лит. обработка А.А. Костюченко. Минск, 1975; *Сошников Н.* Если жить сначала: Записки военного провизора. М., 1983; и др.
- ¹⁴ Библиографические сведения см.: *Шатов М.В.*: 1) Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). Т. 1. Нью-Йорк, 1961; 2) Материалы и документы Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). Т. 2. Нью-Йорк, 1966; *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 412–433; Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. Т. 3. М., 2005. С. 190–206; Т. 4. Ч. 1. С. 376–377.
- ¹⁵ *Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение // *Лугин И.А.* Полглотка свободы. Paris, 1987; *Палий П.Н.* В немецком плену // *Ващенко Н.В.* Из жизни военнопленного. Paris, 1987.
- ¹⁶ *Самутин Л.* В норе // Родина. 1991. № 6–7. С. 96–100. Позже вышло полное издание: *Самутин Л.А.* Я был власовцем... СПб., 2002 (переизд.: СПб., 2013).
- ¹⁷ *Цыганков Д.С., Цыганков В.Д.* Отец. Дневник майора Красной Армии 7 октября 1941 г. — 12 сентября 1945 г. М., 2000.
- ¹⁸ *Дашевский Наум.* Воспоминания без вести пропавшего. М., 1990.
- ¹⁹ «В 80–90-е годы, — полагает М.Е. Ерин, — стало больше появляться воспоминаний бывших военнопленных, хотя следует признать, что в отечественной литературе их издано не так много». См.: *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии ... С. 24.
- ²⁰ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7453>.
- ²¹ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти ..; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур ... 1996; 2002; *Шнейер Арон.* Плен ..; *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии ..; *Штрайт К.* Они нам не товарищи ..; *Смыслов О.С.* Плен: жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2016 (2-е изд.: 2018); Ад-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «дугагов», вспоминают. М., 2017; и др.
- ²² Дневник военнопленного С. Воропаева, сохранившийся в фондах ЧГК в ГА РФ и Центрального Военно-медицинского музея С.-Петербурга, был опубликован П.М. Поляном (см.: Знамя. 1996. № 6. С. 156–176), а позже вместе с дневником А. Галибина был переиздан в кн.: «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян и Н. Поболь. М., 2006. С. 342–397; Письма мертвого человека. «Люди ходят как тени — кости обтянуты кожей, страшно смотреть...» [дневниковые записи И.А. Шарова]. URL: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/04/11/197637-pisma-mertvogo-cheloveka.html>.
- ²³ Три месяца в фашистской тюрьме (солдатские мемуары) / публ. Е.В. Старостина // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 71–88; *Твардовский И.Т.* Родина и Чужбина. Книга жиз-

ни. Смоленск, 1996 (о финском плене); *Дьяков Н.Ф.* Под чужим небом. Солдатские записки 1941–1944. М., 1998 (о финском плене); *Небольсин Д.А.* Дважды младший лейтенант. М., 1998; *Иванцов Д.И.* Во власти безумия: Воспоминания. Новозыбков, 2001; *Страздовский В.А.* Деяньство тысяч сто шестнадцать (Воспоминания о пережитом). М., 2001; *Султанбеков Ф.С.* «Мужество останется в веках...» (Воспоминания джалильца). Казань, 2001; *Соколов Б.Н.* В плену. СПб., 2000 (*Соколов Б.Н.* В плену и на Родине. 2-е изд. доп. СПб., 2004); *Ломоносов Д.Б.* Исповедь узника гитлеровских лагерей // Военно-исторический архив. 2002. № 10. С. 67–91; № 11. С. 65–101; *Ломоносов Д.Б.* Плен. URL: <http://lomonosov.livejournal.com/>; <http://ldb1.narod.ru/simple4.html>; «Русский человек и перед лицом смерти не пасует». Из воспоминаний военнопленного Г.Н. Сатирова // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 58–92; *Белоусов Е.Д.* Повесть военных лет // @ Журнал «Самиздат», 2004. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/belousov_ed/index.html; *Новобранец В.А.* Записки военного разведчика // Военно-исторический архив. 2004. № 4–12; 2005. № 1–3; *Решетников Василий.* Защитник своей Родины. Реальная история 20-летнего парня. 2-е изд. М., 2005; *Астахов Павел.* Зигзаги судьбы: Из жизни советского военнопленного и советского эзка. М., 2005; *Анвасер Софья.* Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички. М., 2005; *Гулин А.А.* И не комиссар, и не еврей ...: моя неволя / подг. текста Л. Николаевой // Новый Мир. 2005. № 7. С. 66–99; *Левинский Дмитрий.* Мы из сорок первого. М., 2005; *Обрынба Н.* Судьба ополченца. М., 2005; *Мищенко Лев.* Пока я помню... М., 2006; *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны. Записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев / сост. П. Полян, Н. Поболь. М., 2007. С. 13–252; *Терешенков Георгий.* «Вернуться на Родину». Записки беглеца из Норвегии и из власовской армии (1942–1956) // Там же. С. 367–290; *Тимохин Василий.* «И фашизм изнуряет меня...». Воспоминания и песни о плене // Там же. С. 253–264; *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену. М., 2007 (другое изд.: *Владимиров Ю.В.* В немецком плену. Записки выжившего. 1942–1945. М., 2010); *Яковлев И.К.* Война и Мир Ивана Яковлева. Ч. 1: Мой рок в войне. Ставрополь, 2020 (первоначально изданы в г. Королеве в 2007 г. тиражом 100 экз. и размещена в сети Интернет. URL: <http://warplen.chat.ru/>); *Акинфиев Г.В.* «Только Бог знает, как я выжил» // Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. 2-е изд. Пермь, 2008; *Ермаков М.* Гросслазарет в Славуте – лагерь смерти // Медицинский вестник. 2008. 8 мая. URL: <http://www.medvestnik.by/ru/regions/view/grosslazaret-v-slavute-lager-smerti-5609-2008>; *Апель Юрий.* Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М., 2009; *Чиров Д.Т.* Среди без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о Шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг. М., 2010; *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста. 22 июня 1941 г. – 22 апреля 1945 г. // Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М., 2010; *Малофеев А.С.* Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. – февраль 1945 г. // Беглецы из плена ..; *Григорьев Г.* Повороты судьбы и произвол. Воспоминания 1928–1972. Кн. 2. СПб., 2010 (о финском плене); *Ятруполо С.З.* Воспоминания о войне, 2010 (о румынском плене. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/yatrupolo_sz/index.html); *Вахромеев В.И.* Выжить и вернуться. Одиссея советского военнопленного. 1941–1945. М., 2011; *Киановский С.А.* Рядом со смертью (воспоминания военного врача). Киев, 2011; *Удоденко Н.П.* Исповедь // Новый мир. 2012. № 12. С. 34–88 (опубл.: URL: www.world-war.ru); *Ельницкий Л.А.* Три круга воспоминаний. Война и плен. М., 2012; *Яковенко Мстислав Владимирович.* Воспоминания времен Отечественной войны. URL: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>; *Лилеев Николай Иванович.* Не повезет – не выживешь // Электронный архив Научно-информационного центра «Фонд Иофе» (СПб.). URL: <http://arch.iofe.center/showObject/111259569>; *Иванов В.Г.* Воспоминания советского военнопленного 1941–1945. URL: <http://www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342>; *Aslanow A.* Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1987; *Dawletschin Tamurbek.* Von Kasan nach Bergen-Belsen. Erinnerungen eines sowjetischen Kriegsgefangenen. Göttingen, 2005 (Рец.: *Полян П.М.* Записки советского военнопленного, написанные коллаборационистом (Тамурбек Давлетшин. Из Казани в Берген-Бельзен. Воспоминания советского военнопленного) // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 347–350). Отдельно следует отметить упомянутые воспоминания Д. Чирова, опубликованные в 2003 г. Б. Штельцль-Маркс на немецком языке в Австрии, снабженные ее вступительной статьей с источниковедческим комментарием (перевод и послесловие П.М. Поляна).

²⁴ В текстах этого периода можно встретить характерные оправдания. Так, А. Малофеев, рассказывая об обстоятельствах своего пленения пишет о том, что хотя и «делал для борьбы с нем-

цами все, что мог», в плен не имел права сдаваться. «Изменник?» — задается автор риторическим вопросом и тут же поясняет: «А в 20 лет так хотелось жить, бороться». См.: *Малофеев А.С.* Воспоминания ... С. 229.

²⁵ Так, например, воспоминания Л. Ельницкого были написаны в 1960-х гг. и представляют одну из трех частей его мемуарного наследия, сохранившегося в семейном архиве. См.: *Ельницкий Л.А.* Три круга воспоминаний ... С. 4. Н.П. Михайлов, очевидно, также записал фрагмент своих воспоминаний после своей амнистии в 1957 г. Публикатор познакомился с ним в середине 1960-х гг. См.: Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 71. Воспоминания Б.Н. Соколова, изданные, к сожалению, без полноценного источниковедческого комментария, были написаны, очевидно, в середине 1970-х гг. См.: *Соколов Б.Н.* В плену ... С. 222. Ю. Апель работал над воспоминаниями в период 1985–1988 гг., не рассчитывая на их публикацию. Когда же в 1990-м его сын предложил рукопись одному из издательств, она была отвергнута по идеологическим причинам. См.: *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 5, 245, 252. В советский период написаны изданные в Киеве в 2011 г. воспоминания С. Кшановского. Н.И. Обрьньба начал работу над мемуарами в части, касающейся плена, в 1964 г. и продолжил в 1978–1991 гг. 1982-м г датируются воспоминания А.С. Малофеева. См.: *Малофеев А.С.* Воспоминания ... С. 9. В.И. Вахрамеев стал набрасывать фрагменты своих воспоминаний по совету жены, после поразившей его в конце 1970-х гг. тяжелой болезни. Разрозненные записи приводил в порядок сын, перепечатававший и вносящий в текст правку после сделанных мемуаристом замечаний. Подготовленный в 1990 г. и набранный на компьютере текст через несколько лет был дополнен новыми рассказами. К публикации был предложен только в 2010 г. См.: *Вахрамеев В.И.* Выжить и вернуться ... С. 7. Л.А. Самутин, не находя нужным скрывать свои антисоветские убеждения и не помышляя об издании мемуаров, трудился над ними в конце 1970-х — начале 1980-х гг. П. Астахов, переживший сталинские лагеря и позже задумывавшийся над записью своих воспоминаний, приступил к ним только во второй половине 1989 г., когда с августа в журнале «Новый мир» стали печататься главы солженицынского «Архипелага ГУЛАГа», и затем потоком хлынули публикации на тему репрессий. Автор закончил мемуары в 1998 г. См.: *Астахов Павел.* Зигзаги судьбы ... С. 2, 4. Воспоминания Г. Тершонкова были написаны тоже в период горбачевской «гласности» по инициативе главного редактора клинской газеты «Серп и молот» Е. Адюшкина. В феврале 1990 г. газета напечатала последнюю из 10 глав, каждая из которых писалась мемуаристом только после выхода предыдущей. См.: *Тершонков Георгий.* «Вернуться на Родину» ... С. 348–349. Мемуарный цикл Д. Чирова, над которым он работал восемь лет, был завершен в 1997 г., но над частью, повествующей о плене, автор трудился в 1991-м. См.: *Чиров Д.Т.* Среди без вести пропавших ... С. 91, 166. 76-летний В. Тутов, откликаясь на просьбу сына, в сжатый срок («на одном дыхании») положил на бумагу свои устные рассказы в 1992 г. См.: *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 47, 75, 95, 187. Воспоминания А. Деревенца, очевидно, можно датировать 1994–1997 гг. См.: *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны ... С. 5, 13. Мемуары Д. Левинского первоначально были изданы автором в количестве двух (!) экземпляров в 1996 г., а к читателю пришли массовым тиражом только в 2005 г. См.: *Левинский Дмитрий.* Мы из сорок первого ... С. 7. Мемуары А.А. Гулина датированы апрелем 1995 г. И.К. Яковлев взялся за описание своей жизни, будучи пенсионером, в период работы ночным сторожем в детском саду. Не позднее марта 2001 г. они (или, по крайней мере, их военная часть) были завершены. В марте 2006 г. Г.В. Акинфеев специально написал воспоминания — по просьбе архивистов для готовящегося документального сборника и прошли литературную обработку.

²⁶ *Чумаков Ф.И.* Мемуары. Ч. II: Война и плен. М., 1994 г. Машинопись. См.: Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 426. Д. 547.

²⁷ По этому поводу Ю. Апель писал: «Доводилось мне читать, что в лагерях военнопленных были и действовали группы сопротивления, группы помощи ослабевшим. В лагерях, в которых пришлось побывать мне, таких групп или не было вовсе, или они на меня не обращали внимания». См.: *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 64.

²⁸ У некоторых авторов, опубликовавшихся в хрущевский период все же встречаются описания лагерного базара с характерными оговорками. См.: *Голубков С.А.* В фашистском лагере смерти ... С. 167–168.

²⁹ *Сабуров С.П.* Всегда солдат / литературная запись Ю. Новикова. М., 1963. С. 36–37. Такая оценка, впрочем, не помешала автору воспользоваться лагерным рынком для приобретения гражданской одежды при планировании побега. См.: Там же. С. 54.

³⁰ *Бондарец В.И.* Военнопленные ... С. 118.

- ³¹ Злобин С.П. Пропавшие без вести. Кн. 1. М., 1964. С. 420, 424.
- ³² См.: Шнеер Арон. Плен ... С. 17–18.
- ³³ Апель Юрий. Доходяга ... С. 14.
- ³⁴ Из дневника Ученого секретаря Комиссии по изучению истории Москвы П.Н. Миллера // Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2001. С. 364; Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 499; Егорова Е.Г. Воспоминания об оккупации: Сталинград и Белая Калитва (1926–1946 гг.) // «Нам запретили белый свет...» ... С. 127; Веселовская Н.К. Записки выездного врача скорой помощи (1940–1953). 2-е изд. М., 2016. С. 105–107; Веселая Г.А. По бездорожью XX века: Семейные истории. М., 2017. С. 363–364, 375; Шабанова Н.Н. Воспоминания о себе, о времени, в котором жила. СПб., 2009. С. 125–126.
- ³⁵ См.: Яров С.В. Повседневная жизнь ... С. 49; Фрейденберг О.М. Осада человека / публ. К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 3. М., 1991. С. 14; Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 338; Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. // Блокадные дневники и документы. С. 241; Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 315; Блокадные дневники и документы. С. 239; Зимницкая Г.К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб., 2012. С. 53, 57–59, 65; и др.
- ³⁶ Этингоф Н.Б. Портреты сухой кистью. Иерусалим, 2000. URL: http://samlib.ru/e/etingof_n/portretysuhohkistjuju.shtml; Шабанова Н.Н. Воспоминания о себе, о времени, в котором жила. СПб., 2009. С. 125; Ковалевский А.А. «Нынче у нас передышка...». Фронтовой дневник // Нева, 1995. № 5. С. 63–108. URL: http://militera.lib.ru/db/kovalevsky_aa/02.html; Яворский А. Оккупация Таганрога – глазами малышки (Письмо в «Известия») // «Нам запретили белый свет...» ... С. 120; Саенко Николай. Таганрогский дневник ... // Там же. С. 30–31, 54; [Дневник Нины Герасимовой]. URL: <https://gordonua.com/specprojects/gerasimova.html>; [Хорошуннова И.А. Дневник киевлянки] // Художественно-публицистический альманах «Егупец». URL: <http://www.judaica.kiev.ua/old/Egurez.htm>; Ильинский П.Д. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К.М. Александров. СПб., 2011. С. 57–58; «Премирован коровой, водкой и табаком». Показания зондерфюрера Клауса Пельхау об обстоятельствах пленения командующего 2-й ударной армии 12 июля 1942 года / публ. В.С. Ещенко и К.М. Александрова / вступ. ст. и коммент. К.М. Александрова // Военно-исторический архив. 2012. № 9(153). С. 178; Осипова Л.Т. Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О.В. Будницкий. М., 2014. С. 94. Характеризуя экономический уклад на оккупированных территориях, Б.Н. Ковалев отмечает: «Самый широкий размах приобрел бартер: натуральный обмен продуктов и предметов первой необходимости». См.: Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 131. Отражают это явление как документальные источники (см.: Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003. С. 384–387), так и художественная литература (Солженицын Александр. Случай на станции Кочетовка // Солженицын Александр. Собрание сочинений в 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М., 2006. С. 165).
- ³⁷ Левинский Дмитрий. Мы из сорок первого ... С. 98; Малофеев А.С. Воспоминания ... С. 218.
- ³⁸ См.: Гельфанд В.Н. Дневники 1941–1946 // @ Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru). URL: http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/index.html; Комский Б.Г. Дневник 1943–1945 гг. // Архив еврейской истории. Т. 6. М., 2011. С. 30; Решетников Василий. Защитник своей Родины ... С. 47; Небольсин Д.А. Дважды младший лейтенант ... С. 73–74; Яковенко М.В. Воспоминания ... URL: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>.
- ³⁹ Слуцкий Б.А. О других и о себе. М., 2005. С. 16.
- ⁴⁰ Штрайт К. Они нам не товарищи ... С. 8, 143, 144.
- ⁴¹ См., напр.: Самутин Л. В норе ... С. 99–100; Черон Ф.Я. Немецкий плен ... С. 37; Соколов Б.Н. В плену ... С. 49; Воспоминания А.С. Хоняка. URL: <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khonyak-anatoliy-semenovich/23.07.2006>; Тутов В.С. Воспоминания танкиста ... С. 41; и др. Подробнее о голоде и случаях каннибализма см.: Шнеер Арон. Плен ... С. 188–199, 194–196.
- ⁴² Шнеер Арон. Плен ... С. 292.
- ⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 137.

- ⁴⁴ Черон Ф.Я. Немецкий плен ... С. 34. Ср. со строками С.П. Злобина: «Сто граммов – “пайка”. Из-за нее идут на воровство, убийство, предательство. Какой-нибудь полугруп неверной рукой, крадучись, забирается под голову лежащего в забытии умирающего соседа, как изощренный вор, вытягивает из вещевого мешка “пайку” хлеба толщиной в два пальца, неслышно сползает с койки, от слабости едва волоча опухшие ноги, тащится в бесконечно далекий, в конце коридора клочет <...> Здесь, в темном углу, над зловонным писсуаром, он поспешно дрожавшей костлявой рукой засунет в рот воровскую добычу и будет жевать ее <...> Фельдшера и санитары ради той же “пайки” держат умерших иногда почти сутки в палатах на общих койках <...> чтобы покойника не вычеркнули из списка на получение хлеба. См.: Злобин С.П. Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 428.
- ⁴⁵ Штрайт К. Они нам не товарищи ... С. 152, 201, 215.
- ⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 256–258.
- ⁴⁷ Апель Юрий. Доходята ... С. 51–52; Злобин С.П. Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 478, 544.
- ⁴⁸ Ломоносов Д.Б. Плен ... URL: <http://lomonosov.livejournal.com/>.<http://ldb1.narod.ru/simple4.html>; Левинский Дмитрий. Мы из сорок первого ... С. 113; Небольсин Д.А. Дважды младший лейтенант ... С. 87; Злобин С.П. Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 351–352.
- ⁴⁹ Яковлев И.К. Война и Мир ... С. 187.
- ⁵⁰ Цыганков Д.С., Цыганков В.Д. Отец ... С. 51.
- ⁵¹ Астахов Павел. Зигзаги судьбы ... С. 47.
- ⁵² Серебряков С. В плену у немцев // Новый журнал. 1984. № 155. С. 162.
- ⁵³ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 224. Заметим, что подобные рынки продолжали существовать и после освобождения на сборных пунктах советских военнопленных. А. Гулин назвал такой рынок в лагере Винер-Нойштадта (Австрия) «махаловкой». «Махаловка, – писал автор, – целыми днями гудела, как пчелиный рой, затихая только на ночь, там шли крупные торговые сделки, и за одну пуговицу от штанов можно было приобрести не меньшую “ценность”. Случалось, что какую-нибудь дрянь “махали” на стоящую вещь и наоборот». См.: Гулин А.А. И не комиссар, и не еврей ... С. 95.
- ⁵⁴ Акопов И.Э. Все так и было... (наброски воспоминаний). Ростов н/Д, 2003. URL: http://samlib.ru/a/akopov_w_a/memuar_akopov.shtml.
- ⁵⁵ Воробьев К.Д. Это мы, господи!.. // Воробьев К.Д. Убиты под Москвой; Это мы, господи!.. Повести. М., 1987. С. 91–92.
- ⁵⁶ Иванов В.Г. Воспоминания советского военнопленного 1941–1945 ... URL: [www.polk.ru / forum/ index. php?shontopic=342](http://www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342).
- ⁵⁷ Ломоносов Д.Б. Плен ... URL: <http://lomonosov.livejournal.com/>.<http://ldb1.narod.ru/simple4.html>.
- ⁵⁸ Голубков С.А. В фашистском лагере смерти ... С. 167–168.
- ⁵⁹ Война глазами военнопленных: Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. 2-е изд. Пермь, 2008. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=57>.
- ⁶⁰ Чиров Д.Т. Среди без вести пропавших ... С. 74. «В лагере во взаимоотношениях между пленными царил жесточайший эгоизм, – вспоминал В.С. Тутов. – Отношения эти складывались под влиянием страшной голодовки». См.: Тутов В.С. Воспоминания танкиста ... С. 55–56.
- ⁶¹ Яковлев И.К. Война и Мир ... С. 193.
- ⁶² Владимиров Ю.В. Как я был в немецком плену ... С. 160.
- ⁶³ Интервью Г.А. Хольного Артему Драбкину 8.09.2006. URL: <https://iremember.ru/memoirs/svyazisti/kholniy-georgiy-aleksandrovich/>.
- ⁶⁴ Работа по привлечению денежных средств военнослужащих во вклады в полевых учреждениях Госбанка в 1941 г. еще только налаживалась. Не были массовыми и операции по денежным аттестатам на семьи. См.: Коречков Ю.В. Полевые банки России ... С. 85, 104, 121–122.
- ⁶⁵ Иванов В.Г. Воспоминания советского военнопленного 1941–1945 ... URL: [www.polk.ru / forum/ index. php?shontopic=342](http://www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342).
- ⁶⁶ Шнейер Арон. Плен ... С. 222.
- ⁶⁷ Злобин Степан. В Минском лагере военнопленных. Из записных книжек 1941–1942 гг. // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2. М., 1966. С. 138, 157. В романе «Пропавшие без вести» у автора фигурирует, например, такой «обменный курс» (1943 г., Шталаг 304 (IV Н) Цайтхайн): хлебная пайка равна четырем «закруткам» махорки. См.: Злобин С.П. Пропавшие без вести ... Кн. 2. 1964. С. 173.
- ⁶⁸ На всей оккупированной территории платежным средством были объявлены билеты германских кредитных касс («Reichskreditkassenschein» – оккупационные марки). Советские руб-

- ли, наряду с выпущенными на Украине «карбованцами», объявлялись законным платежным средством. Официальный курс обмена между немецкой маркой и рублем был установлен 1:10.
- ⁶⁹ *Н.Н.Н.* На фронте 1941 года и в плену (воспоминания врача). Буэнос-Айрес, 1974. С. 58.
- ⁷⁰ Цит. по: *Полян П.М.* Записки советского военнопленного, написанные коллаборационистом / Тамурбек Давлетшин. Из Казани в Берген-Бельзен. Воспоминания советского военнопленного // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 347–350.
- ⁷¹ URL: <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khonyak-anatoliy-semenovich/23.07.2006>.
- ⁷² *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену ... С. 160.
- ⁷³ *Акопов И.Э.* Все так и было ... URL: http://samlib.ru/a/akopow_w_a/memuar_akopov.shtml.
- ⁷⁴ *Голубков С.А.* В фашистском лагере смерти ... С. 167–168.
- ⁷⁵ *Обрынба Н.* Судьба ополченца ... С. 67–68.
- ⁷⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 120.
- ⁷⁷ Цит. по: *Шнеер Арон.* Плен ... С. 168.
- ⁷⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 233.
- ⁷⁹ *Н.Н.Н.* На фронте 1941 года и в плену ... С. 59. В этой связи весьма сомнительным выглядит утверждение об уничтожении советских денег во время обыска перед помещением в лагерь 1 июля 1941 г., приведенное белорусским специалистом В.И. Ермоловичем, процитировавшим фрагмент докладной записки бывшего военнопленного Минских лагерей Е.Ю. Гапеева на имя секретаря ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдинова. См.: *Ермолович В.И.* Политика оккупационных властей в отношении советских военнопленных как источник пополнения партизанского движения // «Трагедия войны. Фронт и плен» (к 50-летию окончания Второй мировой войны). Сб. материалов. Минск, 1995. С. 64.
- ⁸⁰ *Мищенко Лев.* Пока я помню... М., 2006. С. 69.
- ⁸¹ *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 21.
- ⁸² «Восемь месяцев плена». Воспоминания бывшего военнопленного Шталага-326 Лоза Николая Ивановича [1960]. URL: <https://stalag326.livejournal.com/11390.html>.
- ⁸³ Этот способ, конечно, был рассчитан больше на помощь извне. Н.И. Лоза, описывая путь на работу из лагере под Херсоном в 1943 г., упоминал о том, как увидел расстеленные возле дороги шинели и висевшие на столбах сумки, оставляемые солагерниками. К вечеру при возвращении с работы их забирали уже наполненными хлебом, абрикосами, вареной рыбой и проч., приносимыми местными жителями. URL: <https://stalag326.livejournal.com/11390.html>. В.Г. Иванов вспоминает как в лагере г. Владимире-Вольнском работающие за зоной в населенных пунктах помещали записку с просьбой пожертвовать что-либо в пользу военнопленных. Собранное делилось, а излишки уходили на рынок. См.: *Иванов В.Г.* Воспоминания советского военнопленного 1941–1945 ... URL: www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342. Один из распространенных способов — оставление записок вне пределов лагеря с просьбой к подобранным о персональной помощи. См.: *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену ... С. 171. О сборе милостыни в украинском селе по разрешению конвоира, выведившего рабочую команду за пределы лагеря, вспоминает В. Решетников. См.: *Решетников Василий.* Защитник своей Родины ... С. 79–83.
- ⁸⁴ *Небольсин Д.А.* Дважды младший лейтенант ... С. 101.
- ⁸⁵ *Серебряков С.* В плену у немцев ... С. 150. Впрочем, мемуарист и сам позже прибрал к рукам чужой бушлат, о чем не посчитал нужным умолчать. См.: Там же. С. 160–161.
- ⁸⁶ *Ломоносов Д.Б.* Плен ... URL: <http://lomonosov.livejournal.com/.http://ldb1.narod.ru/simple4.html>.
- ⁸⁷ *Палий П.Н.* В немецком плену ... С. 120–121. О процветании воровства в рабочих командах см.: *Соколов Б.Н.* В плену ... С. 166. Красочный эпизод встречаем у К.Д. Воробьева: двое лагерников, получив хлеб на четверых, внезапно исчезают в толпе, оставив двух других без пайки. См.: *Воробьев К.Д.* Это мы, господи!.. С. 157.
- ⁸⁸ *Самутин Л.* В норе ... С. 99.
- ⁸⁹ *Черон Ф.Я.* Немецкий плен ... С. 45–46.
- ⁹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 231.
- ⁹¹ *Белоусов Е.Д.* Повесть военных лет ... URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/belousov_ed/index.html.
- ⁹² *Самутин Л.А.* Я был власовцем. М., 2002. URL: http://www.urantia-s.com/library/samutin/ya_byl_vlasovcem/full.
- ⁹³ *Ломоносов Д.Б.* Плен ... URL: <http://lomonosov.livejournal.com/.http://ldb1.narod.ru/simple4.html>. О пользовании самодельными весами и «раскрикивании» также см.: *Бондарец В.И.*

- Военнопленные ... С. 27–28; *Злобин С.П.* Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 698; *Лугин И.А.* Полглотка свободы ... С. 183; *Воробьев К.Д.* Это мы, господи!.. С. 74–76, 103; *Соколов Б.Н.* В плену ... С. 55–56; *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену ... С. 220; *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 101; *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 41; *Серебряков С.* В плену у немцев ... С. 163; *Сатилов Г.Н.* Райш. Машинопись. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 459. Д. 1. С. 45; «...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад». Из воспоминаний бывшего военнопленного Н.П. Ундольского (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 1. С. 112.
- ⁹⁴ *Мищенко Лев.* Пока я помню ... С. 73.
- ⁹⁵ *Астахов Павел.* Зигзаги судьбы ... С. 47.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ *Гулин А.А.* И не комиссар, и не еврей ... С. 76.
- ⁹⁸ *Небольсин Д.А.* Дважды младший лейтенант ... С. 119.
- ⁹⁹ *Бондарец В.И.* Военнопленные ... С. 68.
- ¹⁰⁰ *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 97–98.
- ¹⁰¹ *Левинский Дмитрий.* Мы из сорок первого ... С. 108.
- ¹⁰² «Восемь месяцев плена». Воспоминания бывшего военнопленного Шталага-326 Лоза Николая Ивановича URL: <https://stalag326.livejournal.com/11390.html>.
- ¹⁰³ *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 109.
- ¹⁰⁴ *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 55.
- ¹⁰⁵ *Малофеев А.С.* Воспоминания ... С. 244.
- ¹⁰⁶ *Палий П.Н.* В немецком плену ... С. 106. См. также воспоминания С.М. Фишера, приводимые А. Шнейером. См.: *Шнейер Арон.* Плен ... С. 222.
- ¹⁰⁷ *Злобин С.П.* Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 664–665; см.: Кн. 2. С. 209.
- ¹⁰⁸ *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 101, 107.
- ¹⁰⁹ *Обрыньба Н.* Судьба ополченца ... С. 57, 60.
- ¹¹⁰ *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 29–30.
- ¹¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 235.
- ¹¹² См., напр.: *Черон Ф.Я.* Немецкий плен ... С. 34. И.А. Лугин с товарищем, первоначально получившие баланду в пилотки, придумали сшить себе мешочки из прорезиненного материала от баллона азростата. См.: *Лугин И.А.* Полглотка свободы ... С. 173. Л. Вольнский мастерил себе посудную емкость из противогазной маски. См.: *Вольнский Л.* Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 4. С. 126.
- ¹¹³ См.: URL: <https://stalag326.livejournal.com/11390.html>. Распространенным было и пришивание вместительных карманов к внутренним полам шинели для проноса краденого в лагерь. По уверениям В.С. Тугова, в его карманах умещалось до 3–4 кг картофеля. См.: *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 106–107.
- ¹¹⁴ *Лугин И.А.* Полглотка свободы ... С. 184.
- ¹¹⁵ *Гулин А.А.* И не комиссар, и не еврей ... С. 76.
- ¹¹⁶ *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 87.
- ¹¹⁷ *Самутин Л.* В норе. С. 97.
- ¹¹⁸ *Гулин А.А.* И не комиссар, и не еврей ... С. 71.
- ¹¹⁹ *Решетников Василий.* Защитник своей Родины ... С. 63–64. Подобная практика хорошо известна по гулаговской мемуаристике, в которой описываются многочисленные случаи подобного «обмена» между уголовниками и осужденными за политические и бытовые статьи.
- ¹²⁰ *Черон Ф.Я.* Немецкий плен ... С. 39.
- ¹²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 163–164.
- ¹²² *Акопов И.Э.* Все так и было ... URL: http://samlib.ru/a/akopov_w_a/memuar_akopov.shtml.
- ¹²³ См., напр.: *Злобин С.П.* Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 537.
- ¹²⁴ *Иванов В.Г.* Воспоминания советского военнопленного 1941–1945 ... URL: www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342.
- ¹²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 171.
- ¹²⁶ Три месяца в фашистской тюрьме (солдатские мемуары) / публ. Е.В. Старостина // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 81–82.
- ¹²⁷ *Чиров Д.Т.* Среди без вести пропавших ... С. 102.
- ¹²⁸ *Воробьев К.Д.* Это мы, господи!.. С. 156.
- ¹²⁹ *Палий П.Н.* В немецком плену ... С. 107–108. Редкий случай оплаты услуги деньгами встречается в мемуарах предприимчивого Ю.В. Владимирова, который отдал солагернику 30 руб. за то, что он взялся выкинуть за пределы лагеря записку с просьбой о продовольственной по-

- мощи. Такие «жалостные» записки иногда подбирало местное население и оказывало «персональную» поддержку пленному. См.: *Владимиров Ю.В.* Как я был в немецком плену ... С. 171.
- ¹³⁰ *Серебряков С.* В плену у немцев ... С. 159.
- ¹³¹ *Акопов И.Э.* Все так и было ... URL: http://samlib.ru/a/akopov_w_a/memuar_akopov.shtml.
- ¹³² *Шнеер Арон.* Плен ... С. 222.
- ¹³³ *Чиров Д.Т.* Среди без вести пропавших ... С. 202–203.
- ¹³⁴ *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 63, 94. О Винницком лагере в начале 1944 г. автор также написал: «Все мало-мальски стоящие вещи можно было обменять у пленных из рабочих команд на хлеб, сало и чеснок. Чеснок в лагерях считался лучшим лекарством, чуть ли не от всех болезней». См.: Там же. С. 109.
- ¹³⁵ *Иванов В.Г.* Воспоминания советского военнопленного 1941–1945 ... URL: www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342.
- ¹³⁶ *Злобин С.П.* Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 512–513.
- ¹³⁷ *Лилеев Н.И.* Не повезет – не выживешь. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/111259569>.
- ¹³⁸ *Соколов Б.Н.* В плену ... С. 162–163.
- ¹³⁹ *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны ... С. 210.
- ¹⁴⁰ *Обрыньба Н.* Судьба ополченца ... С. 124–125.
- ¹⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 299.
- ¹⁴² *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны ... С. 210.
- ¹⁴³ *Палый П.Н.* В немецком плену ... С. 210–211.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 222.
- ¹⁴⁵ А.И. Деревенец сохранил память о лагерном художнике, выполнявшем в рабочей команде портреты по фотографиям. За сделанный портрет, на который уходило два-три вечера ему удавалось заработать кусок хлеба, и он слыл, по словам мемуариста, «богатым человеком и аристократом». См.: *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны ... С. 210–211. К приведенным свидетельствам необходимо добавить и мемуары дипломника Московского художественного института Н.И. Обрыньбы, подробно описавшего свою работу как индивидуальную, так и в составе артели.
- ¹⁴⁶ *Лугин И.А.* Полглотка свободы ... С. 211; *Небольсин Д.А.* Дважды младший лейтенант ... С. 215; *Соколов Б.Н.* В плену ... С. 162–163; *Шнеер Арон.* Плен ... С. 222–223; *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны ... С. 209–210; *Малофеев А.С.* Воспоминания ... С. 289; *Ельницкий Л.А.* Три круга воспоминаний ... С. 205; *Тутов В.С.* Воспоминания танкиста ... С. 106.
- ¹⁴⁷ *Ломоносов Д.Б.* Плен ... URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/lomonosov_db/index.html.
- ¹⁴⁸ *Деревенец Анатолий.* Сквозь две войны ... С. 209–210.
- ¹⁴⁹ См.: *Злобин С.П.* Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 657–658. Иногда починка часов, по воспоминаниям другого мемуариста, выглядела следующим образом. «Мастер», где-то добывший полстакана бензина опускал в них на ночь часы, отданные немцами в ремонт. Если наутро они вдруг заводились, он брал плату, если нет, то ссылался на трудность починки за неимением деталей. См.: *Обрыньба Н.* Судьба ополченца ... С. 124.
- ¹⁵⁰ *Лугин И.А.* Полглотка свободы ... С. 211.
- ¹⁵¹ *Шнеер Арон.* Плен ... С. 223.
- ¹⁵² *Яковлев И.К.* Война и Мир ... С. 286–289.
- ¹⁵³ *Небольсин Д.А.* Дважды младший лейтенант ... С. 215. См.: *Злобин С.П.* Пропавшие без вести ... Кн. 1. С. 478–479.
- ¹⁵⁴ *Штрайт К.* Они нам не товарищи ... С. 226, 422.
- ¹⁵⁵ *Апель Юрий.* Доходяга ... С. 157.
- ¹⁵⁶ О.С. Смыслов, не приводя никаких ссылок, утверждает, что лагерные деньги были отменены в 1943 г. См.: *Смыслов О.С.* Плен: жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2016. С. 141.
- ¹⁵⁷ *Черон Ф.Я.* Немецкий плен ... С. 74.
- ¹⁵⁸ *Малофеев А.С.* Воспоминания ... С. 254. О суррогатном, как он считает, черном низкоалкогольном пиве, привозимом на следующий день после субботней получки, упоминает трудившийся в рабочей команде на шахте Б.Н. Соколов. См.: *Соколов Б.Н.* В плену ... С. 179. Согласно А. Шнееру, который описал порядки в лагерях военнопленных стран – противников Германии, существовала специальная инструкция, в которой говорилось о том, что «ни один военнопленный не имеет права получать немецкие деньги. Свое содержание они получают в лагерных деньгах. Другим лицам запрещено получать лагерные деньги в виде оплаты, а также передавать их далее или обменивать. Торговый пункт, который законным образом получает эти деньги, может обменять их в кассе шталага на соответствующий эквивалент. Военно-

- пленным разрешается покупать записные книжки, тетради, спички, фитили для ламп». См.: Шнейер Арон. Плен ... С. 50.
- ¹⁵⁹ Бондарец В.И. Военнопленные ... С. 252–253.
- ¹⁶⁰ Лугин И.А. Полглотка свободы ... С. 181.
- ¹⁶¹ Апель Юрий. Доходяга ... С. 195.
- ¹⁶² Сатиоров Г.Н. Райш ... См.: ОПИ ГИМ. Ф. 459. Д. 1. С. 76–77, 104.
- ¹⁶³ Палий П.Н. В немецком плену ... С. 200.
- ¹⁶⁴ Сатиоров Г.Н. Райш ... С. 104.
- ¹⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 426. Д. 547. С. 301. Для сравнения приведем сведения из монографии Д.Д. Фролова. Согласно его данным, в период Советско-финляндской войны отечественным военным медикам, работавшим в лагерных лазаретах для советских военнопленных, по одной из январских 1940 г. инструкций полагалось выплачивать: младшему медицинскому персоналу 10 финских марок в день, а врачам 25–40 марок в день. Правда, сообщая об этом факте, автор оговаривает, что не располагает сведениями о том, были ли исполнены эти инструкции. См.: Фролов Д.Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки; СПб., 2009. С. 264–265.
- ¹⁶⁶ Чиров Д.Т. Среди без вести пропавших ... С. 165.
- ¹⁶⁷ Лилеев Н.И. Не повезет – не выживешь. URL: <http://arch.iofe.center/showObject/111259569>.
- ¹⁶⁸ Небольсин Д.А. Дважды младший лейтенант ... С. 203.
- ¹⁶⁹ Цыганков Д.С., Цыганков В.Д. Отец ... С. 41, 51.
- ¹⁷⁰ Апель Юрий. Доходяга ... С. 196, 162, 195.
- ¹⁷¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур ... 2002. С. 281–282.
- ¹⁷² О том, что в 1943–1944 гг. играли и на «хлеб, табак, продукты», упоминал В.С. Тутов (шталаг 318 VIII-F Ламсдорф). См.: Тутов В.С. Воспоминания танкиста ... С. 97. А.С. Малофеев писал об игре в «очко» на деньги и на хлеб в одном из офлагов в сентябре 1943 г. При этом хлебная порция в 125 г приравнивалась к 4 маркам. См.: Малофеев А.С. Воспоминания ... С. 258. О ставках в ¼ хлебной пайки в карточной игре (рабочая команда в Дармштадте летом 1942 г.) можно прочитать в воспоминаниях Г.Н. Сатиорова. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 459. Д. 1. С. 25.
- ¹⁷³ Яковенко М.В. Воспоминания ... URL: <https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>.
- ¹⁷⁴ Серебряков С. В плену у немцев ... С. 162.
- ¹⁷⁵ Злобин С.П. Пропавшие без вести ... Кн. 2. С. 141.
- ¹⁷⁶ Цыганков Д.С., Цыганков В.Д. Отец ... С. 47.
- ¹⁷⁷ Небольсин Д.А. Дважды младший лейтенант ... С. 202–205, 232.
- ¹⁷⁸ Хоняк Анатолий Семенович. URL: <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khonyak-anatoliy-semenovich/23.07.2006>. Подобные «игры на бегах» происходили и во фронтовых окопах. Подробности можно встретить в мемуарах А.И. Шумилина «Ванька-ротный». URL: http://volk59.narod.ru/v_tyakh_polka.html. В печатный экземпляр книги (2017) этот фрагмент не вошел.
- ¹⁷⁹ Не пройдем мимо довольно редкого случая. В.Г. Иванов получал посылки из Болгарии от сестры жены. См.: Иванов В.Г. Воспоминания советского военнопленного 1941–1945 ... URL: www.polk.ru/forum/index.php?shontopic=342.
- ¹⁸⁰ Апель Юрий. Доходяга ... С. 158–160.
- ¹⁸¹ Там же. С. 168–178.
- ¹⁸² Ломоносов Д.Б. Плен ... URL: <http://lomonosov.livejournal.com/>; <http://ldb1.narod.ru/simple4.html>.
- ¹⁸³ Чиров Д.Т. Среди без вести пропавших ... С. 249.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 250–252.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 252.
- ¹⁸⁶ Тутов В.С. Воспоминания танкиста ... С. 106.
- ¹⁸⁷ Шнейер Арон. Плен ... С. 33.
- ¹⁸⁸ Эггерс Р. Кольдци. Записки капитана охраны. 1940–1945. М., 2006. С. 101.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 17, 24, 31, 44, 58–59, 85, 87, 100.
- ¹⁹⁰ Тутов В.С. Воспоминания танкиста ... С. 58–64, 102–103.
- ¹⁹¹ Там же. С. 60, 102–103. О проникновении местной валюты в лагеря, расположенные на польской территории, упоминается и в мемуарах И.Э. Акопова. В одном из лазаретов старший фельдшер, в ведении которого находился бельевой склад, через немецкого охранника продавал белье местному населению, а на вырученные деньги покупал себе спиртное, а проверяющему немецкому начальству – торты. В другом случае автор описывает выход медперсонала

в город и кражу гуся одним из военнопленных-медиков. Когда его владелец пришел в лагерь с жалобой, врачи, осудив поступок своего товарища, решили немедленно собрать деньги в трехкратном размере (!) и возместить ущерб. См.: *Акопов И. Э.* Все так и было ... URL: http://samlib.ru/a/akorow_w_a/memuar_akorov.shtml.

¹⁹² См.: *Акопов И. Э.* Все так и было ...

Библиография

- Aslanow A.* Von der Wolga an die Ruhr. Begegnungen mit Deutschen in Krieg und Frieden. Köln, 1987. 174 s.
- Dawletschin Tamurbek.* Von Kasan nach Bergen-Belsen. Erinnerungen eines sowjetischen Kriegsgefangenen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 232 s.
- Ад-184. Советские военнопленные, бывшие узники вяземских «дулагов», вспоминают. М.: Алгоритм, 2017. 464 с.
- Акинфиев Г. В.* «Только Бог знает, как я выжил» // Война глазами военнопленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. 2-е изд. Пермь: Пермское кн. изд-во 2008. 751 с.
- Акопов И. Э.* Все так и было... (наброски воспоминаний). Ростов н/Д: Терра, 2003. 468 с.
- Альбов В. Ю.* В плену и после плена: Судьбы советских военнопленных. 1940–1948 гг. // Исторический архив. 1999. № 6. С. 53–68.
- Анвер Софья.* Кровоточит моя память. Из записок студентки-медички. М.: РОССПЭН, 2005. 203 с.
- Апель Юрий.* Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945). М.: РОССПЭН, 2009. 254 с.
- Астахов Павел.* Зигзаги судьбы: Из жизни советского военнопленного и советского эзка. М.: РОССПЭН, 2005. 462 с.
- Арзамаскин Ю. Н.* Тайны советской репатриации. М.: Вече, 2019. 349 с.
- Барковский Н. Д.* Банковская система в годы войны и в первые послевоенные годы // Вестник Банка России. 1995. № 17. С. 5–10.
- Барковский Н. Д.* Мемуары банкира: 1930–1990 гг. М.: Финансы и статистика, 1998. 206 с.
- Блокадный дневник учителя Винокурова А. И. // Блокадные дневники и документы. СПб.: Европейский Дом, 2004. С. 235–290.
- Бондарец В. И.* Военнопленные (Записки капитана). М.: Молодая гвардия, 1960. 288 с.
- Бродский Е. А.* Забвению не подлежит. М.: Мысль, 1993. 413 с.
- Вахрамеев В. И.* Выжить и вернуться. Одиссея советского военнопленного. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2011. 221 с.
- Веселая Г. А.* По бездорожью XX века: Семейные истории. М.: Минувшее, 2017. 647 с.
- Веселовская Н. К.* Записки выездного врача скорой помощи (1940–1953). 2-е изд. М.: АИРО-XXI, 2016. 183 с.
- Владимиров Ю. В.* Как я был в немецком плену. М.: Вече. 2007. 480 с. [перезид.: М.: Вече, 2016. 478 с.]
- Владимиров Ю. В.* В немецком плену. Записки выжившего. 1942–1945. М.: Центрполиграф, 2010. 414 с.
- Военные финансисты в Великой Отечественной войне. Вклад в победу. М.: [б.и], 2005. 414 с.
- Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. 192 с.
- Вольнский Л.* Сквозь ночь // Новый мир. 1963. № 1. С. 113–143.
- Воробьев К. Д.* Это мы, господи!.. // *Воробьев К. Д.* Убиты под Москвой; Это мы, господи!.. Повести. М.: Художественная литература, 1987. 159 с.
- Вострышев М. И.* Москва военная день за днем: Дневники жизни и смерти. 22 июня 1941–9 мая 1945. М.: Алгоритм, 2015. 273 с.
- Гельфанд В. Н.* Дневники 1941–1946. // @ Журнал «Самиздат» (zhurnal.lib.ru), 2004 (*Gelfand W.* Tagebuch 1941–1946. Baden-Baden: Battert Vlg. 2002).
- Голубков С. А.* В фашистском лагере смерти. Воспоминания бывшего военнопленного. 2-е изд. Смоленск, Кн. изд-во, 1963. 253 с.
- Гордин А. А., Колесникова Н. В.* Военная «повседневность» глазами автозаводцев (дневники В. А. Лапшина и И. И. Пермского) // Общество и власть. Российская провинция: в 3 т. Т. 3: Июнь 1941–1953 г. М., 2005. С. 750–912.

- Григорьев Г. Повороты судьбы и произвол. Воспоминания 1928–1972. Кн. 2. СПб.: Карелико, 2010. 691 с.
- Гринкевич Л.Д. Советское партизанское движение: историография и проблемы // Трагедия войны. Фронт и плен (к 50-летию окончания Второй мировой войны). Сб. материалов. Минск, 1995. С. 12–21.
- Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
- Гулин А.А. И не комиссар, и не еврей...: моя неволя / подг. текста Л. Николаевой // Новый Мир. 2005. № 7. С. 66–99.
- Дашевский Наум. Воспоминания без вести пропавшего. М.: Моск. рабочий, 1990. 219 с.
- Дембицкий Н.П. Судьба плененных // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 232–264.
- Деревенец Анатолий. Сквозь две войны. Записки солдата // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2007. С. 13–252.
- Дневник военнопленного Сергея Воропаева // Знамя. 1996. № 6. С. 156–176.
- Драгунов Г.П. Советские военнопленные, интернированные в Швейцарии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 123–132.
- Друян И.Л. Клятву сдержали / лит. обработка А.А. Костюченко. Минск: Беларусь, 1975. 205 с.
- Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Paris: УМКА-press, 1994. 443 с.
- Дьяков Н.Ф. Под чужим небом. Солдатские записки 1941–1944. М.: Панорама, 1998. 357 с.
- Егорова Е.Г. Воспоминания об оккупации: Сталинград и Белая Калитва (1926–1946 гг.) // «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян и Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2006. С. 123–154.
- Ельницкий Л.А. Три круга воспоминаний. Война и плен. М.: Аграф, 2012. 478 с.
- Ерин М.Е. Советские военнопленные в Германии в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 140–151.
- Ерин М.Е. Историография ФРГ о советских военнопленных в фашистской Германии // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 152–161.
- Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии. 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.
- Ерин М.Е. Австрийские историки о судьбе советских военнопленных // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 157–161.
- Ермолович В.И. Политика оккупационных властей в отношении советских военнопленных как источник пополнения партизанского движения // «Трагедия войны. Фронт и плен» (к 50-летию окончания Второй мировой войны). Сб. материалов. Минск, 1995. С. 63–65.
- Жихарев В.П. Роль полевых учреждений Госбанка СССР в организации и регулировании денежного обращения в годы Великой Отечественной войны. Ярославль: ЯВВФУ, 1985.
- Зверев А.Г. Записки министра. М.: Политиздат, 1973. 270 с.
- Земсков В.Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22–32.
- Земсков В.Н. К вопросу об общей численности советских военнопленных и масштабах их смертности (1941–1945 гг.) // Военно-исторический архив. 2013. № 3(159). С. 55–73.
- Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.: ИРИ РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 422 с.
- Зимницкая Г.К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб.: Остров, 2012. С. 22–105.
- Злобин С.П. Пропавшие без вести. Кн. 1–2. М.: Советский писатель, 1964. 744 с.; 592 с.
- Злобин Степан. В Минском лагере военнопленных. Из записных книжек 1941–1942 гг. // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 2. М.: Наука, 1966. С. 134–157.
- Иванцов Д.И. Во власти безумия: Воспоминания. Клинцы (Брянская обл.): Изд-во Клинцов. гор. тип., 2001. 160 с. [1-е изд.: Новозыбков: Изд-во Клинцов. гор. тип., 1980. 158 с.]
- Из дневника Ученого секретаря Комиссии по изучению истории Москвы П.Н. Миллера // Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М.: Изд-во Об-ния «Мосгорархив», 2001. 661 с.
- Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого // Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 1995. С. 475–505.

- Ильенков С.А., Мухин В.В., Полян П.М.* Трофейные немецкие картотеки как исторический источник // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 147–155.
- Ильинский П.Д.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К.М. Александров. СПб.: Скрипториум, 2011. 608 с.
- История Банка России, 1860–2010: в 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 679 с.
- История Министерства финансов России: в 4 т. Т. 3: 1933–1985. М.: ИНФРА-М, 2002. 349 с.
- Киселев А.С., Пономарев А.Н.* Быт военной Москвы. Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М.: РОССПЭН, 2001. 333 с.
- Князев Г.А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. 1218 с.
- Кобытев Е.С.* Хорольская яма. Красноярск: Кн. изд-во, 1965. 151 с. (переизд. с не вошедшими в 1-е первое изд. фрагментами: Харьков: Прапор, 1989. 201 с.).
- Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004. 483 с.
- Комский Б.Г.* Дневник 1943–1945 гг. // Архив еврейской истории. Т. 6. М.: РОССПЭН, 2011. 350 с.
- Коречков Ю.В.* Полевые банки России. Ярославль: МУБиНТ, 1996. 256 с.
- Кузьменко В.И.* Проблема плена в белорусской советской историографии (1941–1991 гг.) // Трагедия войны. Фронт и плен (к 50-летию окончания Второй мировой войны). Сб. материалов. Минск, 1995. С. 24–27.
- Кустов Максим.* Цена Победы в рублях. М.: Астрель; АСТ; Полиграфиздат, 2011. 318 с.
- Киановский С.А.* Рядом со смертью (воспоминания военного врача). Киев: [б.и.], 2011.
- Левинский Дмитрий.* Мы из сорок первого. М.: Новое изд-во, 2005. 342 с.
- Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб.: ИГ Ленинград, 2014. 640 с.
- Ломоносов Д.Б.* Исповедь узника гитлеровских лагерей // Военно-исторический архив. 2002. № 10. С. 67–91; № 11. С. 65–101.
- Малофеев А.С.* Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. – февраль 1945 г. // Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М.: РОССПЭН, 2010. С. 301.
- Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война. М.: Родник, 1994. 399 с.
- Мищенко Лев.* Пока я помню... М.: Возвращение, 2006. 141 с.
- «...Мое четырехлетнее невольное путешествие на запад». Из воспоминаний бывшего военнопленного Н.П. Ундольского (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 1. С. 97–123.
- Молодова И.Ю.* Проверочно-фильтровочные дела в госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 49–56.
- Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 1995. 743 с.
- Москва Победная. 1941–1945: Архивные документы и материалы. М.: ГБУ «ЦГА МОСКВЫ», 2015. 712 с.
- Москва прифронтовая. 1941–1942. Архивные документы и материалы. М.: Изд-во Об-ния «Мосгорархив», 2001. 661 с.
- «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян и Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2006. 414 с.
- Наркомат финансов СССР в годы Великой Отечественной войны: в 9 кн. М.: Изд-во «ИсиЛит», 2020.
- Небольсин Д.А.* Дважды младший лейтенант. М., 1998. 296 с.
- Незаконченное сражение маршала Жукова. О реабилитации советских военнопленных. 1954–1956 гг. // Исторический архив. 1995. № 3. С. 108–127.
- Н.Н.Н.* На фронте 1941 года и в плену (воспоминания врача). Буэнос-Айрес: [б.и.], 1974. 77 с.
- Новобранец В.А.* Записки военного разведчика // Военно-исторический архив. 2004. № 4–12; 2005. № 1–3.
- Новобранец В.А.* «Я предупреждал о войне Сталина»: Записки военного разведчика М.: Яуза; Эксмо, 2009. 480 с.
- Носырева Л., Назарова Т.* «Пойдем на Голгофу, мой брат...». Финны в нашем плену: Наши в финском плену; Наши в нашем плену // Родина. 1995. № 12. С. 99–106.
- Обрынба Н.* Судьба ополченца. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 604 с.
- Осипова Л.Т.* Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2014. 324 с.

- Отто Р., Келлер Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии. Труды Мемориала концлагеря Маутхаузен / пер. с нем. Т. 14. М.: Аспект Пресс, 2020. 400 с.
- Палевич В.С. Полевые учреждения Государственного банка СССР на фронтах Великой Отечественной войны // Вестник Банка России. 2015. № 41(1637). 8 мая. С. 3–18.
- Палий П.Н. В немецком плену // Ващенко Н.В. Из жизни военнопленного. Paris: YMKA-press, 1987. 276 с.
- Пережогин В.А. Из окружения и плена – в партизаны // Отечественная история. 2000. № 3. С. 25–33.
- Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.
- Полян П.М. Записки советского военнопленного, написанные коллаборационистом / Тамурбек Давлетшин. Из Казани в Берген-Бельзен. Воспоминания советского военнопленного // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 347–350.
- Полян П., Шнейер А. Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: Воспоминания и документы. М.: Новое изд-во, 2006. 574 с.
- «Премирован коровой, водкой и табаком». Показания зондерфюрера Клауса Пельхау об обстоятельствах пленения командующего 2-й ударной армии 12 июля 1942 года / публ. В.С. Ещенко и К.М. Александрова / вступ. ст. и коммент. К.М. Александрова // Военно-исторический архив. 2012. № 9(153). С. 173–183.
- Решетников Василий. Защитник своей Родины. Реальная история 20-летнего парня. 2-е изд. М.: Новости, 2005. 319 с.
- Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. Т. 3. М.: РОССПЭН, 2005. 640 с.; Т. 4. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 463 с.
- «Русский человек и перед лицом смерти не пасует». Из воспоминаний военнопленного Г.Н. Сатирова // Отечественные архивы. 2003. № 6. С. 58–92.
- Сабуров С.П. Всегда солдат / Литературная запись Ю. Новикова. М.: Воениздат, 1963. 144 с.
- Саенко Николай. Таганрогский дневник (2 октября 1941 г. – 1 сентября 1943 г.) // «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян и Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2006. С. 25–118.
- Самутин Л. В норе // Родина. 1991. № 6–7. С. 96–100.
- Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб.: Белое и Черное, 2002. 316 с. (перезд.: М.: Яуза-пресс, 2013).
- Семиряга М.И. Советские люди в европейском сопротивлении. М.: Наука, 1970. 351 с.
- Семиряга М.И. Судьба советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.
- Сенявская Е.С., Сенявский А.С., [Жукова Л.В.] Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.
- Серебряков С. В плену у немцев // Новый журнал. 1984. № 155. С. 147–167.
- Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и островцев / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН. 2007. 348 с.
- Слуцкий Б.А. О других и о себе. М.: Вагриус, 2005. 281 с.
- Смыкалин А.С. Совместная российско-американская комиссия по делам военнопленных и лиц, пропавших без вести // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 133–136.
- Смыслов О.С. Плен: жизнь и смерть в немецких лагерях. М.: Вече, 2016. 444 с. (2-е изд.: М.: Вече, 2018. 444 с.).
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.А. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 470 с.
- Соколов Б.Н. В плену. СПб.: Цитадель, 2000. 262 с. (Соколов Б.Н. В плену и на Родине. 2-е изд. доп. СПб.: Остров, 2004. 427 с.)
- Солженицын Александр. Случай на станции Кочетовка // Солженицын Александр. Собрание сочинений в 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. 672 с.
- Сошников Н. Если жить сначала: Записки воен. провизора. М., 1983. 192 с.
- Страздовский В.А. Десянсто тысяч сто шестнадцать (Воспоминания о пережитом). М.: Нар. память, 2001. 92 с.
- Султанбеков Ф.С. «Мужество останется в веках...» (Воспоминания джалильда). Казань: Матбугат йорты, 2001. 237 с.
- Твардовский И.Т. Родина и Чужбина. Книга жизни. Смоленск: Посох; Фирма «Русич», 1996. 350 с.

- Терешенков Георгий.* «Вернуться на Родину». Записки беглеца из Норвегии и из власовской армии (1942–1956) // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания советских военнопленных и остовцев / сост. П. Полян, Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2007. С. 267–290.
- Тимохин Василий.* «И фашизм изнуряет меня...». Воспоминания и песни о плене // Сквозь две войны, сквозь два архипелага... С. 253–264.
- Три месяца в фашистской тюрьме (солдатские мемуары) / публ. Е. В. Старостина // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 71–88.
- Тутов В.С.* Воспоминания танкиста. 22 июня 1941 г. – 22 апреля 1945 г. // Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста. М.: РОССПЭН, 2010. С. 11–187.
- Удоденко Н.П.* Исповедь // Новый мир. 2012. № 12. С. 34–88.
- Фрейденберг О.М.* Осада человека. Публикация К. Невельского // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 3. М.: Прогресс; Феникс, 1991. С. 7–44.
- Центральный банк Российской Федерации. По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 5: Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы). М.: ИнтерКрим-пресс, 2008. 105 с.
- Цыганков Д.С., Цыганков В.Д.* Отец. Дневник майора Красной армии 7 октября 1941 г. – 12 сентября 1945 г. М.: СИНТЕГ, 2000. 91 с.
- Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1965. 389 с.
- Черон Ф.Я.* Немецкий плен и советское освобождение // *Лугин И.А.* Поллотка свободы. Paris: УМКА-press, 1987. 295 с.
- Чиров Д.Т.* Среди без вести пропавших: Воспоминания советского военнопленного о Шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 365 с.
- Шабанова Н.Н.* Воспоминания о себе, о времени, в котором жила. СПб.: Алетейя, 2009. 247 с.
- Шатов М.В.* Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). Т. 1. Нью-Йорк: All-Slavic publ. house, 1961. 208 с.
- Шатов М.В.* Материалы и документы Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945). Т. 2. Нью-Йорк: Всеславян. изд-во, 1966. 176 с.
- Шнеер Арон.* Плен. Советские военнопленные в Германии 1941–1945. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. 619 с.
- Шнеер Арон.* Плен. Солдаты и офицеры Красной армии в немецком плену. М.: Пятый Рим, 2022. 608 с.
- Штрайт К.* Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. М.: Русская панорама, 2009. 479 с.
- Шульга И.И.* Судьбы красноармейцев – немцев Поволжья в германском плену в 1941–1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы междунар. научн. конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 99–106.
- Этингоф Н.Б.* Портреты сухой кистью. Иерусалим: Alphabet, 2000. 260 с.
- Яворский А.* Оккупация Таганрога – глазами мальчишки (Письмо в «Известия») // «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / сост. П. Полян и Н. Поболь. М.: РОССПЭН, 2006. С. 119–122.
- Яковлев И.К.* Война и Мир Ивана Яковлева. Ч. 1: Мой рок в войне. Ставрополь: ИП Дорофеев В.Ю., 2020. 376 с.
- Яров С.В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013. 310 с.

Экономика переходного периода

Пихоя Р.Г.*

Радикальные экономические реформы 1980-х гг. в СССР

Аннотация. В статье на достоверных и разнообразных источниках анализируются экономические реформы в СССР 1980-х гг. Делается вывод о закономерном характере крушения советского политического строя. Автор доказывает, что радикальные рыночные реформы в СССР начались уже в 1988 г. при правительстве Н.И. Рыжкова.

Ключевые слова: СССР, перестройка, экономические реформы, номенклатура, кооперативы.

В оценке реформ, происходивших в конце 80–90-х гг. XX в., есть, пожалуй, единственный вопрос, ответ на который одинаков для представителей всех направлений российской экономической науки и политологии. И сторонники радикальных реформ (условно – школы Е.Т. Гайдара – А.Б. Чубайса), и их противники в широком политическом спектре (от бывшего председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова до сегодняшнего помощника Президента РФ, академика С.Ю. Глазьева) одинаково отвечают на вопрос о времени начала приватизации и разрушения государственного сектора. Они единодушны в признании того, что приватизация датируется в основном 1992–1996 гг.

Аргументы сторонников этой точки зрения, основанной на легистском методе, просты и понятны. О начале приватизации было объявлено Законом РФ «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» от 3 июля 1991 г. и первой «Государственной программой приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» (утверждена постановлением Верховного Суда РФ от 11 июня 1992 г.). Это дает повод одним – гордиться итогами приватизации, изменившим экономическую природу страны, другим – обвинять ее инициаторов в разрушении экономики, «разграблении страны».

Позволю не согласиться ни с первыми, ни со вторыми. Изучение документов высших органов власти СССР – Политбюро ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, Совета министров СССР, материалов Госплана СССР – позволяют утверждать, что процесс разрушения советской экономики, частью которого стала приватизация, начался существенно раньше.

Сразу же определим точку отсчета: что такое социалистическая экономика? Обратимся к Конституции СССР 1977 г. В ней утверждалось, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности». Специально оговаривалось: «Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях». Исключительной собственностью государства были земля, ее недра, леса; в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве – основные средства производства; средства транспорта и свя-

* Пихоя Рудольф Германович – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, rudolfpikhoia@rambler.ru.

зи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства. В личной собственности граждан могли находиться предметы обихода, личного потребления и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Земельные участки передавались только в пользование для ведения подсобного хозяйства, но «имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества»¹.

Конституция допускала индивидуальную трудовую деятельность. Ст. 17 гласила: в СССР в соответствии с законом допускаются индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, сельского хозяйства, бытового обслуживания населения, основанная «исключительно на личном труде граждан и членов их семей»².

Руководство экономикой в СССР осуществлялось на основе государственных планов. Проблемы в этой экономической конструкции (замечу — строго идеологически ориентированной!) стали осознаваться высшим политическим руководством СССР уже в конце 1970-х гг.

Прежде всего, несмотря на шумные фанфары в честь успехов советской экономики, эхо которых доносится до сего дня, политические деятели, отвечавшие за состояние экономики Советского Союза, уже в конце 1970-х гг. увидели в этой сфере серьезные проблемы.

В Госплане СССР 12 февраля 1979 г. при обсуждении, казалось бы, рутинного вопроса — об использовании вторичных ресурсов — было установлено, что по данным Минсельхоза СССР ежегодные потери при уборке, транспортировке, хранении пропадают от 28 до 31 млн т зерна, 2,5 млн т овощей; не доходят до покупателя 25% картофеля, 2,5 млн т овощей, 300 тыс. т семян подсолнечника. Только для производства 30 млн т зерна было необходимо затратить 15 млн т удобрений, для производства которых требовалось мощность четырех заводов, общей стоимостью в 5–6 млрд руб.³ Чтобы оценить потери, происходившие в рамках советской плановой экономики, достаточно заметить, что на закупки продовольствия СССР тратил 510,0 т золота (это существенно превосходило его годовое производство в стране). Закупки зерна за валюту составляли, кстати, около 30 млн т ежегодно — практически столько, сколько терялось из-за бесхозяйственности.

11 декабря 1979 г. за подписями высокопоставленных чиновников (включая председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова и председателя Госкомитета по науке и технике академика В.А. Кириллина) в Совет министров СССР был подан секретный доклад — об экономическом положении страны и мерах по его оздоровлению⁴.

В документе отмечалось систематическое падение производительности труда: с 6,8% (VIII пятилетка, 1965–1970 гг.) до 3,8% (X, 1975–1980 гг.). Здесь же указывалось на низкое качество рабочей силы. Ручным, по преимуществу малоквалифицированным, трудом были заняты свыше 50 млн работников материального производства (50% их общего числа). Кроме призывов к изменению структуры промышленности, ускоренному развитию машиностроения

как локомотива экономики в докладе отмечались опасные тенденции в денежном обращении и угрозы инфляционных явлений: «Платежеспособный спрос населения не удовлетворяется. Трудно назвать такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью». Объем неудовлетворенного спроса оценивался от 25–30 до 70–90 млрд руб.⁵

Один из главных выводов, который следовал из доклада, заключался в том, что в государственном бюджете не хватает денег. Отсюда предложения — повысить в пять-шесть раз плату за излишки жилищной площади, сократить государственные субсидии на содержание жилья и перейти к его самоокупаемости, самостоятельному строительству. Впервые было заявлено о необходимости расширять кустарно-ремесленные промыслы, «отхожие» промыслы и небольшие ремесленные артели.

Доклад стал диагнозом экономического неблагополучия? В то время, когда цена на нефть (основу советского экспорта) достигла почти пика — до 40 долл. за баррель в ценах того времени⁶. Диагноз был поставлен, но лечения не последовало. Лекарство — отказ от уже сложившихся форм управления экономикой — казалось страшнее самой болезни. Поэтому последовали бесплодные обсуждения на заседаниях Политбюро и постановления, у которых, по сути, не было механизмов реализации⁷.

Острый товарный дефицит на товарном рынке стимулировал появление «черного рынка»⁸. Открыто работали «вещевые рынки», где торговали товарами из магазинов (но уже по другим ценам), «самопальными» джинсами, армянской обувью, неизвестно где и кем сшитой одеждой, заграничными товарами — от импортных курток и дубленок до пластинок. Эти рынки открыто работали с конца 1970-х гг. в Москве, у Рижского вокзала, под Свердловском — в Шувакише, а также в Вильнюсе, Тбилиси, Ташкенте...

Власть, хотя неоднократно и пыталась запретить такую торговлю, но была вынуждена с ней мириться. В арсенале государства был указ Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г., допускавший применение смертной казни за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах. Эта статья могла применяться к крупным «цеховикам»⁹, организаторам подпольного производства.

Бурный рост «черного рынка» и появление нелегальных больших денег у «цеховиков» закономерно привлекли в эту сферу преступников. Более того, начался качественно новый процесс срастания нелегального бизнеса с организованной преступностью. Летом 1979 г. между кавказскими «ворами в законе» и «цеховиками» в г. Кисловодске было заключено соглашение: предприниматели платят «ворам в законе» 20% с оборота их левой продукции, а те гарантируют им защиту от бандитов. Рэкет приобрел организованный характер, нелегальная экономика страны была поделена на сферы контроля организованных преступных групп¹⁰.

Необходимость совершенствования экономики и улучшения организации народного хозяйства явилась одной из главных задач нового генерального секретаря ЦК КПСС — Ю.В. Андропова. Одним из первых его решений было создание Экономического отдела в аппарате ЦК. Его руководителем стал Н.И. Рыжков, опытный управленец, бывший директор Уральского заво-

да тяжелого машиностроения в Свердловске, а позже поработавший первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения СССР и первым заместителем председателя Госплана СССР. По поручению Ю.В. Андропова при Н.И. Рыжкове сформировалась группа экономистов-практиков, куда вошли первый заместитель председателя Госплана СССР С.А. Ситарян (руководитель группы), начальник отдела финансов, себестоимости и цен Госплана СССР В.С. Павлов, ряд сотрудников Министерства финансов СССР.

«Работа нашей группы открыто не афишировалась, — вспоминал позже С.А. Ситарян. — Даже заместители председателя Госплана СССР не знали, над чем мы работали <...> Юрий Владимирович (Андропов. — Р.П.) считал, что существующая жесткая система планирования себя исчерпала <...> Чтобы начать глубокие, серьезные перемены в экономике, необходимо продемонстрировать чиновникам, что кооперация с ее относительной экономической свободой более выгодна по сравнению с государственными предприятиями. В подготовленном нами документе открыто не говорилось о том, что нужна частная собственность, но высказывалась идея наряду с государственной собственностью *начать развитие кооперативной собственности, что уже было серьезной попыткой размыть государственную собственность как единственную форму владения ресурсами в стране* (курсив Ситаряна. — Р.П.). И он (Андропов. — Р.П.) это тоже поддерживал»¹¹.

Правительство стремилось расширить производство товаров народного потребления, пытаясь решить одновременно социальную проблему — насыщения рынка, и экономическую — увеличения поступлений в бюджет. В 1983 г. Госплан СССР принял постановление «О ходе выполнения постановлений партии и правительства по увеличению производства товаров народного потребления, повышению их качества <...>»¹². К производству товаров культурно-бытового назначения подключили министерства оборонного комплекса страны¹³.

Была предпринята попытка расширить экономическую самостоятельность промышленных предприятий. 4 июля 1983 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление № 659 «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результат работы». В соответствии с этим документом ряд отраслей советской экономики с 1 января 1984 г. перешли на условия экономического эксперимента, включавшего сокращение плановых показателей и расширение прав предприятий в использовании фондов и денежных средств. Кроме того, 1 августа 1983 г. Совмин СССР постановлением № 1479 создал специальную комиссию по руководству этим экономическим экспериментом.

На основании материалов данного эксперимента планировалось в 1984 г. подготовить предложения по вопросу о более четком разграничении функций министерств, главков, промышленных, производственных объединений и предоставить в созданную в 1983 г. комиссию.

17 июня 1983 г. был принят Закон СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями», который несколько расширял права работавших на предприятиях через

механизмы заключения коллективных договоров с администрацией, в частности, при определении расценок и премирования.

Анализ документов Госплана (нервного узла советской экономики) позволяет сделать вывод, что к первой половине 1980-х гг. в СССР уже не было никакой командно-административной системы в управлении экономикой, функционировала скорее планово-распределительная, или распределительно-согласовательная система ее организации, при которой сталкивались интересы государства и ведомств, а за ведомствами — крупнейших предприятий-монополистов. Госплану же отводилась роль согласовательно-углаживающего посредника между субъектами экономической деятельности.

В условиях остро осознаваемой нехватки ресурсов, сокращения притока нефтяных денег в бюджет на первый план выходила задача поиска альтернативных вариантов в экономике. Практикам Госплана гораздо более реалистичным представлялся другой путь — подключения личного экономического интереса людей как субъектов экономической жизни страны.

Смерть Ю.В. Андропова и утверждение генсеком ЦК КПСС К.У. Черненко не изменили курса — начала экономических реформ. 23 февраля 1984 г. Госплан внес предложения в Совмин СССР «Об организации работы по дальнейшему совершенствованию управления экономикой». После долгих обсуждений в Политбюро, 6 марта 1984 г. была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по рассмотрению предложений о направлениях совершенствования управления, которая сыграет важнейшую роль в переменах в экономике СССР во второй половине 1980-х гг.

7 июня 1984 г. на заседании комиссии приняли решение о подготовке постановления Совета министров СССР «О дальнейшем развитии форм индивидуальной и коллективной деятельности граждан в сферах производства товаров народного потребления и оказания услуг населению». Так было положено начало разработки Закона «Об индивидуальной трудовой деятельности».

Проект закона разрабатывал Госплан СССР совместно с Советами министров РСФСР, Эстонской ССР и профильными союзными министерствами. В протоколе Госплана от 5 сентября 1984 г. отмечалось: «Учитывая ограниченные возможности выделения дополнительных государственных капиталовложений, трудовых и материальных ресурсов на развитие сферы производства товаров и услуг, на современном этапе все большее значение приобретает создание условий для развития в интересах народного хозяйства гибких форм индивидуальной и коллективной трудовой деятельности граждан»¹⁴.

Отмечу, что возродить индивидуальную трудовую деятельность в СССР, изведенную вместе с нэпом на рубеже 1920–1930-х гг., приходилось практически с нуля. По данным Госплана, в СССР насчитывалось всего 60 тыс. кустарей и ремесленников. В существовавшей тогда плановой экономике возникали бесчисленные проблемы в обеспечении будущих кустарей оборудованием, сырьем и материалами.

Предложения Госплана СССР были радикальными. В представленном проекте предприятиям и магазинам территориальных органов Госплана разрешалось продавать материалы, старое оборудование и инструменты, отходы и вторсырье, некондиционные товары предприятиям и организациям бытово-

го обслуживания, торговли и общественного питания, а также непосредственно гражданам по доверенности предприятий и организаций; люди, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, могли получать кредиты¹⁵.

Выручка за реализованные товары и услуги должны были оставаться у граждан в качестве средств на оплату труда и обеспечения дальнейшего развития предприятий. Руководителям последних разрешалось «в виде опыта, заключать с группами граждан, с числом работающих до 10 человек, на условиях полного хозрасчета, с использованием оборудования, инструмента, инвентаря и помещений, находящегося в личной собственности у граждан или взятых напрокат у производственных предприятий, заключивших договор»¹⁶.

25 февраля 1985 г. эти предложения были оформлены как постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем развитии форм индивидуальной и коллективной трудовой деятельности граждан в сферах производства товаров народного потребления и оказания услуг населению». Отмечу важное – разрешалось *продавать* (курсив мой. – Р.П.) промышленное оборудование – средства производства, т.е. исподволь пересматривалась норма Конституции. По сути, этим постановлением были легализованы новые процессы, размывающие социалистическую экономику. Более того, очевидность и неизбежность экономических преобразований, как и нараставшее недовольство населения изматывающим дефицитом, придавало этой проблеме политико-пропагандистскую составляющую, которой постарался в полной мере воспользоваться новый генеральный секретарь – М.С. Горбачев. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС он объявил об ускорении социально-экономического развития страны, использовал понятие «перестройка». Предшествующие десятилетия Горбачев хлестко определил как «застойные».

Вместе с тем новые руководители страны постарались «играть на двух досках». С одной стороны, они хотели сохранить традиции централизованного, командного стиля управления, который был продемонстрирован в короткий срок правления Ю.В. Андропова (он впервые употребил термин «ускорение» еще 22 ноября 1982 г. в докладе на Пленуме ЦК КПСС), с другой – продолжить реформирование экономической системы страны.

Первый путь был проще и понятнее для партийного и государственного аппарата. Он включал в себя «закручивание гаек» и меры по повышению исполнительской дисциплины, в том числе в государственном и партийном аппарате. Так же, как и при Ю.В. Андропове, с новой силой продолжились показательные процессы.

«Ускорение» стало своеобразной «визитной карточкой» первых двух лет деятельности нового генсека, на смену которой позже придут «перестройка» и «гласность». Как отмечал Н.И. Рыжков, разработка этой экономической программы «ускорения» была начата уже в 1983 г., сам же этот термин «родился» в связи с рассмотрением в ЦК предложений Госплана СССР о перспективах развития экономики страны до 2000 г. На XII пятилетку планировалось увеличить темпы роста национального дохода до 20–22%, промышленной продукции – на 21–24%, сельского хозяйства – вдвое. Всерьез ставилась задача: догнать в 2000 г. США по уровню промышленного производства¹⁷.

Экономическая концепция М.С. Горбачева на начальном этапе его деятельности была сформулирована им в докладе, произнесенном на состоявшемся 11–12 июня 1985 г. Всесоюзном совещании по проблемам научно-технического прогресса. Генеральный секретарь провозгласил концепцию хозяйственного механизма, включавшую форсирование НТП, реконструкцию отечественного машиностроения, производство новых машин и оборудования. Предстояло вдвое увеличить капиталовложения в машиностроение (ту часть промышленности, которая в большой степени была связана с нуждами обороны). Принцип преимущественного развития машиностроения как локомотива экономики СССР не нов – он был сформулирован еще в 1979 г. в известном «докладе Кириллина».

Концепция «ускорения» приобретала в ряде случаев мало обоснованный, пожалуй, даже авантюристический характер. Так, выступая в апреле 1986 г. в Тольятти, на крупнейшем советском заводе легковых автомобилей, М.С. Горбачев требовал достигнуть и превзойти уровень мирового автомобилестроения, что невольно заставляло вспомнить хрущевские планы «догнать и перегнать Америку».

Преемственность экономической политики Ю.В. Андропова и М.С. Горбачева на начальном этапе его деятельности (до 1987 г.) была весьма ощутима и в методах ее осуществления. Ю.В. Андропов рассматривал использование административных мер как способ ускорения развития экономики. Эту тенденцию «подхватила» и команда М.С. Горбачева. Своеобразие состояло в том, чтобы применить для гражданских секторов экономики методы управления, которые использовались в ВПК СССР.

Председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков вспоминал, что за образец органа управления в правительстве была взята Государственная комиссия по военно-промышленному комплексу, в которой были объединены все министерства и ведомства этого профиля. По образу и подобию Военно-промышленной комиссии появились специальные органы в структуре Совета министров – Бюро Совета министров по машиностроению, затем – по топливно-энергетическому и агропромышленному комплексам, химическому, социальному развитию¹⁸.

«Закручивались гайки» и по отношению к негосударственным элементам экономики. Г.Х. Попов призывал усилить борьбу с «нетрудовыми доходами»¹⁹, а 23 мая 1986 г. Верховный Совет СССР принял указ «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов». Согласно этому документу вводились административные взыскания за использование в личных, корыстных целях государственного имущества, за уклонение от подачи декларации о доходах от занятия кустарно-ремесленным промыслом и другой индивидуальной трудовой деятельности.

В решении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1986 г. указывалось на необходимость «сосредоточить внимание на вопросах правильного применения норм закона и формирования судебной практики при рассмотрении таких категорий дел, как занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности, самовольное использование транспортных средств, машин либо механизмов»²⁰. Нетрудно понять, что такое определение Верхов-

ного Суда создавало возможность для расширительно-карательных трактовок, создавая угрозу для любой индивидуальной трудовой деятельности.

Однако вариант административного реформирования стал проваливаться, ресурсы власти к середине 1980-х гг. ощутимо сокращались. Важным фактором, по сути, исключавшим возможность масштабных инвестиций в машиностроение, следовательно, предопределившим и невозможность выполнения программы ускорения, стало резкое падение мировых цен на нефть. Если в 1980 г. баррель сырой нефти стоил в ценах того времени от 35 до 40 долл., то в течение 1986 г. эта цена упала: в начале года — 27, а в конце — 10 долл.²¹

Отсюда неизбежным стало продолжение курса на применение экономических методов управления, сокращение бюджетного финансирования народного хозяйства, поиск внутренних источников инвестирования. В декабре 1985 г. Политбюро утвердило комиссию по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма при Госплане СССР во главе с заместителем председателя Госплана С.А. Ситаряном.

Председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков в октябре 1985 г. пригласил в аппарат правительства П.М. Кацуру, являвшегося ранее директором по экономике и планированию «АвтоВаза». На этом предприятии под руководством П.М. Кацуры был успешно осуществлен экономический эксперимент, основанный на трех «С» (самокупаемость, самофинансирование и самоуправление)²². Бывшего директора «АвтоВаза» назначили заведующим вновь сформированного Отдела по вопросам совершенствования управления народным хозяйством²³. В дальнейшем ему была отведена роль «правой руки» Н.И. Рыжкова в осуществлении экономической реформы.

1986 г. стал для правительства Н.И. Рыжкова временем интенсивной подготовки качественно новой нормативной базы, ставшей основой рыночных преобразований. Отмечу важнейшие. 9 ноября 1986 г. был принят Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», который отличался от прежнего постановления Совмина и ЦК КПСС гораздо большей определенностью. Уже в преамбуле закона отмечалось, что «индивидуальная трудовая деятельность в СССР используется для более полного удовлетворения общественных потребностей в товарах и услугах», что, в свою очередь, означало: государство рассматривает частное предпринимательство как законный элемент советской экономики. Гражданам разрешалось не только использовать собственный инвентарь и сырье, но и получать имущество, оборудование, помещения по договорам с предприятиями, закупать материалы, инструменты и иное имущество в государственной, кооперативной розничной торговой сети и на рынках, а также использовать необходимые им для этой деятельности природные ресурсы с соблюдением установленных правил. Стыдливая формулировка «о запрещении эксплуатации» сводилась на нет разрешением «нанимать работников»²⁴.

Однако главной экономической новостью стала разработка проекта Закона «О социалистическом предприятии (объединении)». 8 октября 1986 г. Президиум Совета министров СССР поручил министерствам и ведомствам подготовить предложения к проекту. Особый интерес среди поступивших предложений вызывают записки экономистов (Л.И. Абалкина, А.Г. Аган-

бегяна, Е.М. Примакова, О.Т. Богомолова, А.А. Никонова, Р.Г. Яновского, А.И. Вольского, В.А. Медведева), направленных М.С. Горбачеву в начале декабря 1986 г.²⁵ Прочитав некоторые из них. Академик Л.И. Абалкин: «Проект закона следует рассматривать не как изолированный акт, а как звено в системе мер по радикальной перестройке хозяйственного механизма»²⁶. Академик А.Г. Аганбегян: «Дополнить право предприятий правом продавать и сдавать в аренду неиспользуемые ресурсы предприятиям и населению (курсив Аганбегяна. — Р.П.); разрешать предприятию давать своим работникам кредит на жилье; право переводить на коллективный подряд отдельные группы работников, участков, цехов; разрешить предприятиям торговать друг с другом; все ревизии и проверки проводить не чаще 1 раза в год». Академик О.Т. Богомолов: «Установить единые нормы правового регулирования для кооперативов и промышленных предприятий»²⁷.

Сохранилась интереснейшая стенограмма постатейного обсуждения, чтения вслух проекта закона двумя членами Политбюро ЦК КПСС — председателем Совмина СССР Н.И. Рыжковым и секретарем ЦК КПСС Г.А. Алиевым 27–28 декабря 1986 г. Во время этой процедуры присутствовали руководители важнейших экономических ведомств страны, советники Н.И. Рыжкова — С.А. Ситарян и П.М. Кацура.

По ходу обсуждения время от времени возникали темы, не связанные напрямую с будущим законом, но касавшиеся состояния экономики страны. Председатель Госплана Н.В. Талызин жаловался: «Сейчас ряд областей имеет зерно, урожай очень высокий, они (областные власти) его держат, сдавать не хотят. И сколько зерна не собирай, в государстве зерна нет.

Рыжков. <...> А если мы будем, как говорят, продналог делать, что от этого изменится? Зерна добавится?».

Сам Н.И. Рыжков ссылаясь на председателя Совмина РСФСР В.И. Вороникова, который просил 4,5 млн т зерна. «Есть области, которые остались без зерна. Раньше силком брали от этих и передавали тем. Или ничего не давать, тогда они захиреют, или карточную систему ввести, или на закупки за рубежом перейти <...> А с мясом такая же картина. Раньше Российская Федерация имела резерв. Теперь резерва нет. И первые, кто попал в это дело — Совет Министров СССР. На нас брошена вся страна, те, где нет мяса»²⁸.

При обсуждении статей будущего закона и Н.И. Рыжков, и Г.А. Алиев были едины в одном — у государственного предприятия не должно было быть больше прав, чем у кооператива. Замечу, что о кооперативах в проекте закона не было сказано ни слова.

С 1 января 1987 г. многие министерства и ведомства СССР, крупнейшие объединения и предприятия получили право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций. В их структурах могли создаваться хозрасчетные внешнеторговые фирмы. Деятельность этих фирм регулировалась «Положением о хозрасчетной внешнеторговой организации (объединении) министерства, ведомства» и «Типовым положением о хозрасчетной внешнеторговой фирме научно-производственного, производственного объединения, предприятия, организации», принятыми Советом министров СССР 22 декабря 1986 г.

13 января были приняты постановление Совета министров СССР «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран – членов СЭВ», а также указ Президиума Верховного Совета СССР «О вопросах, связанных с созданием на территории СССР и деятельностью совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран».

Между тем шла подготовка проекта Закона «О социалистическом предприятии (объединении)». Впрочем, в ходе этой подготовки, уже к февралю 1987 г. слово «социалистическое» ушло из названия. Будущий закон стал именоваться «О государственном предприятии (объединении)». Для изучения предложений министерств и ведомств была создана рабочая группа под руководством Г.А. Алиева. Она собиралась раз в неделю, тон в ней задавал С.А. Ситарян, непосредственно координировавший работу по подготовке закона²⁹.

В начале мая проект поступил в Президиум Верховного Совета СССР. 5 мая 1987 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко дал указание направить проект в Президиумы Верховных Советов союзных республик и постоянные комиссии Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР³⁰.

В Совете национальностей и Совете Союза Верховного Совета СССР началось обсуждение проекта закона. Представил его главный докладчик – первый зампред Госплана, заместитель председателя Комиссии по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма С.А. Ситарян. Выступая перед депутатами, он заявил, что будущий закон – это исходный пункт всей экономической реформы в стране, что под него экономические ведомства уже подготовили подзаконные акты. Многозначительно прозвучало заявление С.А. Ситаряна, что вопрос о законе будет вынесен на ближайший Пленум ЦК КПСС³¹.

С.А. Ситаряну задавали вопросы. Председатель Совмина Украины спрашивал: в докладе речь шла о министерствах и ведомствах, но как быть с бюджетниками – учителями, врачами, пенсионерами, коммунальщиками? Как быть с людьми, которые по 20–30 лет стоят в очередях за получением государственного жилья? Отвечая, С.А. Ситарян, во-первых, заявил, что в социальной сфере идет ухудшение положения, но, с другой стороны, необходимо переводить непроизводственную сферу на хозрасчет. По мнению докладчика, жильем должны были заниматься местные органы.

Председатель Моссовета В.Т. Сайкин возражал: городское хозяйство убыточно, и перевод его на хозрасчет в 1988–1989 гг. только увеличит долги. С.А. Ситарян не очень убедительно ответил, что «убыточные предприятия будут финансироваться за счет центральных фондов и резервов министерств <...> Скажем, мы уголь тоже собираемся в 1989 г. перевести, а она (угольная отрасль. – Р.П.) вообще вся убыточная»³².

В итоге Закон «О государственном предприятии (объединении)» был принят. Что он предусматривал? Под густым соусом рассуждений о «достижении высшей цели общественного производства при социализме – наиболее полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей»

скрывались новые, радикальные изменения в экономической жизни страны. Первым изменением стала выборность директоров общим собранием или конференцией трудового коллектива. Это выводило директора из номенклатуры, из-под прямой зависимости от государственного и партийного аппарата. Директор становился гораздо более самостоятельным. Одновременно его наделяли правами, которых не было прежде.

Устанавливалось, что «предприятие действует на принципах полного хозяйственного расчета и самофинансирования». Невероятным для социалистической реальности СССР звучала норма закона, согласно которой «предприятие как самостоятельный товаропроизводитель может выступать на рынке ценных бумаг и выпускать для мобилизации дополнительных финансовых ресурсов акции, осуществлять целевые займы». Замечу, что к этому времени не существовало ни одного правового акта, устанавливавшего и регулировавшего рынок ценных бумаг.

Предприятие получило право «продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо взаймы здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности». То есть оно могло заниматься той деятельностью, которая была прежде уголовно наказуемой.

Предприятие получило право «использовать на собственные нужды, реализовывать другим предприятиям, организациям и населению или обменивать с другими предприятиями продукцию при условии выполнения договорных обязательств», приобретать «без лимитов (фондов) материальные ресурсы в соответствии со своими заказами на основе договоров, заключаемых с предприятиями и другими органами материально-технического снабжения или с изготовителями продукции».

Прежде подобная деятельность должна была быть квалифицирована как преступление, как пособничество деятельности «цеховиков». Предприятию разрешалось создавать собственную сеть реализации продукции «по прямым безлимитным заказам». Это тоже было прежде запрещено.

Закон вводил поистине революционную норму — фактическую отмену государственной монополии внешней торговли. Предприятиям было разрешено заниматься внешнеэкономической деятельностью «на основе валютной самокупаемости и самофинансирования», вести экспортно-импортные операции, «создавая при необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы или поручая ведение таких операций другим внешнеторговым организациям на договорной основе». Разрешалось иметь валютные счета, получать «кредит в иностранной валюте для создания и развития экспортных производств с условием погашения кредита за счет валютной выручки от экспорта продукции».

Но закон шел гораздо дальше. Он разрешал директорам образовывать на предприятиях структурные единицы, действующие на хозрасчетных началах: «Структурная единица может иметь отдельный баланс и счета в учреждениях банков»³³.

То, о чем и мечтать не могли «цеховики», свершилось в рамках принятого закона. Деятельность, за которую прежде судили, сажали в лагеря, а то и расстреливали, теперь разрешалась. Но возникал важный вопрос: оставалось ли

это предприятие государственным? Судя по заголовку закона — да. Если смотреть на его содержание, то предприятие принадлежало трудовому коллективу, но на практике значительно усиливалась роль его руководителей, имевших возможность уходить от государственного контроля. Предприятия и, соответственно, их директора, получили право заниматься внешнеэкономической деятельностью. 25 декабря 1986 г. на Политбюро было принято решение о порядке создания совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций, фирм и органов управления.

Этот закон давал возможность преобразовывать и министерства в государственные корпорации, получившие в собственность то имущество, которым они прежде управляли. Форма государственной корпорации оказывалась лишь начальной переходной формой к преобразованию в акционерное общество. Этим путем шли крупнейшие промышленные министерства страны. Первым стало Министерство газовой промышленности СССР. В.С. Черномырдин (в 1989 г. — министр газовой промышленности «Газпрома») вспоминал: «Вошли в правительство с предложением, чтобы нам дали возможность уйти из государственной министерской структуры и перейти напрямую — в хозяйственную. То есть — такую вот мощную министерскую структуру перевести на систему работы по “Закону о предприятии” (здесь и далее курсив мой. — Р.П.). А в СССР как раз приняли “Закон о предприятии”»³⁴.

Данный закон получил полную политическую поддержку на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК. М.С. Горбачев, призвал к необходимости радикальной реформы управления экономикой, что подразумевало ослабление централизованного планирования, необходимость реформы цен. Особо отметим, что М.С. Горбачев *поставил вопрос о распространении принципа хозрасчета и на союзные республики*³⁵.

Ответ поступил незамедлительно. 26 сентября 1987 г. в Тарту была опубликована статья четырех эстонских экономистов — С. Калласа, Т. Маде, Э. Сависаара и М. Гийтма, которые настаивали на введении республиканского хозрасчета, передаче республике всех союзных предприятий, переводе отношений с другими республиками на рыночные отношения и возможности выхода Эстонии из рублевой зоны³⁶.

Однако вернемся к ближайшим следствиям июньского Пленума ЦК. Согласно его решению, 30 июня на заседании Верховного Совета СССР было принято постановление «О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны», где отмечалось: «Ключевое значение в осуществлении предусмотренных преобразований имеет принятие Закона СССР о государственном предприятии (объединении)». Министерством, государственным комитетам и ведомствам предписывалось «решительно изменить формы и методы руководства объединениями, предприятиями и организациями, перейти от административных к преимущественно экономическим методам, обеспечить необходимые условия <...> для применения полного хозяйственного расчета, самофинансирования и самоуправления»³⁷.

В Политбюро ЦК КПСС была создана комиссия «О перестройке организационных структур центральных экономических органов, министерств и ведомств СССР» во главе с Н.И. Рыжковым, проработавшая с 1987 по 1989 г.

Сохранились многие сотни листов стенограмм детальнейших обсуждений экономических преобразований на уровне всех, без исключения, министерств, ведомств, союзных республик Советского Союза (эта тема заслуживает специального исследования). Закономерным этапом подобных перемен стало преобразование министерств и ведомств в государственные концерны, вроде «Газпрома».

Но экономические реформы второй половины 1980-х гг. не ограничились только внедрением Закона «О трудовом предприятии (объединении)». Параллельно с этим шла разработка Закона «О кооперации». С.А. Ситарян считал себя инициатором его принятия: «Я был руководителем комиссии по его разработке и доказывал его на Политбюро ЦК КПСС. К идее развития кооперации я пришел, когда мы готовили реформу 1965 г. Полностью сформулировать конкретные предположения по развитию кооперации я старался, когда мы в 1983 г. готовили предложения для Ю.В. Андропова. <...> Получилось так, что Закон о кооперации прошел в том варианте, какой мы представили»³⁸.

При всей важности роли С.А. Ситаряна напомним, что еще в 1984–1985 гг. были приняты постановления об индивидуальной трудовой деятельности, ставшие предтечей Закона «О кооперации». В ходе подготовки проекта закона были запрошены мнения министерств и ведомств. Особый интерес вызывает записка Комитета народного контроля «О результатах изучения положения с развитием кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности»³⁹. В ней сообщалось об удачных примерах деятельности кооперативов: в Вильнюсе почти все такси – три тысячи – кооперативные; во Владимире успешно работали кооперативные фотоателье, причем в два раза быстрее и лучше, чем государственные; в кооперативах, созданных в системе Главмосстроя, делали домики для садоводов, ремонтировали квартиры; кооператоры в Московской и Владимирской областях стали выращивать крупный рогатый скот.

Но дальше начинались проблемы. Удельный вес кооперации в экономике регионов был ничтожен. Так, он составил во Владимирской области (заметно выделявшейся уровнем развития кооперативного движения) всего 0,1%, в Московской – 0,02%, а в Москве – 0,05%.

Кооперативы, которые должны были, прежде всего, работать в системе непосредственного обеспечения людей, предпочитали взаимодействовать не с населением, а с госструктурами. Во Владимирской области удельный вес заказов населения составлял только 6%. Да и задача привлечения наличных средств и снижения «инфляционного навеса» не выполнялась – кооператоры уже работали по безналичному расчету.

Структура кооперативов не соответствовала первоначальным представлениям законодателей. Число кооператоров было много меньше количества работавших у них по найму людей. Во Владимирской области на одного кооператора приходилось девять работников. На трех кооператоров в Москве – 67 работников. Между этими двумя категориями работников была большая разница в заработной плате. Во Владимире в кооперативе «Полимер» его глава получал фантастическую по советским меркам зарплату – 12 тыс. руб. в месяц, его заместитель – 11,5 тыс., бухгалтер – по 3,5 тыс. В Загорске 11 членов швейного кооператива «Глория» получали в среднем по 1,2 тыс., а 29 ра-

бочих — в среднем по 250 руб. в месяц. Отмечу, что средняя зарплата рабочих и служащих в СССР в 1987 г. составляла 201 руб.⁴⁰

Кооператоров обвиняли в том, что они скупали большие партии дефицитных товаров, продукты питания, мясо и перепродавали их по высоким ценам⁴¹.

В свою очередь, министерства отчитывались (!) перед Совмином о том, как они помогали кооперативному движению. Министерство строительства в районах Урала и Западной Сибири информировало, что на подведомственных ему предприятиях действовали 135 кооперативов. Они занимались заготовкой щебня, производством стеновых панелей и шлакоблоков, которое было организовано на предприятиях в третью смену⁴². Похожая ситуация наблюдалась и в других министерствах.

На практике происходили сближение и слияние госпредприятий и кооперативов, точнее, той части государственных предприятий, которые их директора в соответствии с Законом «О трудовом предприятии (объединении) могли преобразовать в кооперативы. Нетрудно понять личную материальную заинтересованность руководителей предприятий в создании подобных кооперативов, как и очевидную опасность коррупционной составляющей. В то время, когда директор производственного объединения получал зарплату в 400 руб., заработки кооператоров были просто огромны.

14 марта 1988 г. вышел указ Президиума ВС СССР о налогообложении кооперативов. Значительно — до 10% — были подняты налоги. Это совпало с обсуждением проекта закона о кооперации. И возник новый социально-политический процесс — движение кооператоров. У них, настроенных категорически против нового указа, была поддержка прессы — «Литературная газета», «Известия». На круглом столе, организованном «Литературкой» 15 мая 1988 г., кооператоры не только потребовали отменить указ, но настояли и добились(!), чтобы их включили в комиссию Верховного Совета, которая будет рассматривать проект закона. 13 мая в Набережных Челнах прошла встреча кооператоров РСФСР, обсуждавших этот проект. Владимирские кооператоры на своем общем собрании, где присутствовали представители 178 кооперативов, не только осудили указ о налогообложении, но и добились встречи с представителями Минфина и областных финансовых органов и единогласно проголосовали против принятия этого документа.

Численность людей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью или работающих в кооперативах (не путать с колхозами!), стремительно росла: 1984 г. — 60 тыс., на 1 апреля 1988 г. — уже 369,4 тыс. чел.⁴³ В 1990 г. в кооперативах работали 3,1 млн, а в индивидуальном секторе экономики — 0,3 млн чел.⁴⁴ Это была деятельная, выходящая на политическую арену активная часть населения.

При обсуждении в комиссиях Верховного Совета выяснилось, что кооперативы, в значительной массе существовали при конторах Госснаба, облисполкомах, строили дороги, дома, занимались внешнеторговыми операциями. На этот раз обсуждение проекта закона в Верховном Совете шло очень бурно. В Кремль шли десятки и сотни писем «за» и «против» кооперативного движения. Одни писали и требовали наказать спекулянтов, обвиняли кооператоров в нехватке сырья, помещений, другие — сами кооператоры — настаивали на смягчении налогообложения⁴⁵.

Еще более жаркие споры развернулись на заседаниях комиссий Верховного Совета. 11 мая 1988 г. после доклада С.А. Ситаряна его «атаковали» представители аграрников. Колхозники отказывались принять норму проекта закона, по которому колхозы были обязаны участвовать в «добровольных государственных закупках». Эта «добровольность» вызвала протест. Председатель комиссии по агропромышленному комплексу Совета Союза А.Ф. Пономарев возражал С.А. Ситаряну:

«— А колхоз не захочет сеять.

— Ситарян: Сеять не будет — доходов не будет, жить не будет. Сейчас меняется все. Вы говорите, как привыкли. Сейчас надо иначе. Конечно, будет сложно, не просто.

— Пономарев: Технические культуры, если не заставить, они завтра не посеют ни одного гектара.

С места: Надо дать хорошую цену».

В.Ф. Попов, председатель колхоза «Россия» из Волгоградской области, депутат Верховного Совета СССР заявил, что колхозы вообще не должны поставлять свою продукцию по государственным поставкам, и обвинил составителей проекта, что они «любими путями хотят спрятать за какое-то слово этот план».

Х.Т. Вельди, заместитель председателя Совета министров Эстонии и министр сельского хозяйства этой республики предложил отказаться от понятия «колхоз», когда есть кооперативы⁴⁶.

В бурных спорах, разгоревшихся на Верховном Совете, обсуждали все, кроме ст. 5 Закона «О кооперации», согласно которой «Союзы (объединения) кооперативов имеют право создавать хозрасчетные отраслевые или территориальные кооперативные банки. <...> По договору с кооперативом или союзом (объединением), выпускающим ценные бумаги (акции), банк может взять на себя функции по осуществлению операций, связанных с их продажей, возвратом и выплатой доходов на эти ценные бумаги (акции)»⁴⁷.

Появление коммерческих банков стремительно изменило финансовую ситуацию в стране. Накануне перестройки в СССР было три банка — «Госбанк», «Стройбанк» и «Внешторгбанк». Затем банковская система была реформирована. Появилось шесть банков: «Госбанк СССР», «Внешэкономбанк», «Агропромбанк», «Промстройбанк», «Жилсоцбанк», «Сбербанк». Прежние банки не вели, по крайней мере, в самой стране, экономической деятельности, при которой сами деньги выступали бы как товар. Банки распределяли средства в соответствии с указанием государственных органов. У промышленных предприятий деньги были, но существовала другая сложность: в каждом советском учреждении они распределялись по статьям. Устанавливался лимит на фонд заработной платы, отдельно — на капитальный ремонт и строительство (с «лимитами подряда»), отдельно — на текущие ремонты, приобретение мебели, оборудования; существовали деньги «с валютным покрытием», с распределением по группам валют — от денег социалистических стран до твердых валют. Государственная банковская система и многочисленные проверяющие бдительно следили и жестоко пресекали не санкционированный перевод денег — с одной статьи на другую.

С появлением коммерческих банков все изменилось. Предприятия и преобразованные в концерны министерства получили возможность переводить свои деньги в коммерческие банки. Их число стремительно росло. Если на 1 января 1989 г. их было 41, на 1 июля 1989 г. — 143, в том числе 54 — кооперативных, то к середине 1991 г. их стало более 1,5 тыс.⁴⁸ Первым возник банк «Союз» из казахстанского Чимкента, 26 августа — ленинградский банк «Патент», третьим — «Московский кооперативный банк», четвертым — «Кредит-Москва». Под номером 12 — «Инкомбанк», 13 — «АвтоВАЗбанк», 16 — «Автобанк», 20 — банк «Аэрофлот», 25 — «Менатеп»⁴⁹. Все сколько-нибудь крупные предприятия и ведомства создавали свои банки.

Предприятия, финансировавшиеся из государственного бюджета, переводили часть средств в новые коммерческие банки. Оттуда они уже приходили «отмытыми» от финансовой классификации. Предприятия, занимаясь самым настоящим кредитованием коммерческих банков, в ту пору меньше всего заботились о получении с этих банков процентов по вкладам. Для них важно было сохранить средства и использовать их по своему усмотрению. Зато коммерческие банки, кредитующие нарождавшиеся кооперативные коммерческие структуры, уже требовали от заемщиков проценты по займам.

«Обналичка» — превращение безналичных денег в полновесные наличные — стала источником доходов для коммерческих банков. За «обналичку» коммерческие банки получали 10–12%, впрочем, по мере роста численности банков и конкуренции между ними эта прибыль сократилась до 2–3%. Позже источником доходов стали операции по покупке и продаже валюты.

Деньги превращались из средства расчета в товар. Показательна в этом смысле цена предоставляемых государственными банками кредитов. В 1990 г. они выдавались под 1%, в 1991 г. — до 15%. «Агропромбанк» довел кредиты до 20–24%, в том числе и по ранее взятым кредитам⁵⁰.

Создание коммерческих банков стало качественно новым явлением, отрицавшим старую, планово-распределительную финансовую систему. Одновременно с этим шло разрушение другой составляющей советской финансовой системы — ее централизма. Возникли республиканские банки в союзных республиках, позже — в автономиях, которые не без успеха пытались проводить политику, независимую от Центробанка СССР.

Был пересмотрен прежний Закон «О государственном предприятии (объединении)». Его сменил Закон «О предприятиях в СССР» (1990), который предоставлял больше прав собственникам предприятия (государству или коллективным собственникам). Втихую, без обсуждения в Верховном Совете СССР, постановлением Совета министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. было принято «Положение об акционерных обществах».

Все это имело свои социальные последствия. Прежняя номенклатурная вертикаль рушилась на глазах. Сам генсек ЦК КПСС М.С. Горбачев, возмущаясь неэффективностью деятельности партийного аппарата, призывал: «Разрушить эту номенклатуру! Развели бездельников, которые угождают только вышестоящим и совершенно глухи к людям»⁵¹. Реакция партийного аппарата на новации Горбачева была вполне адекватной. Его начали тихо ненавидеть, усматривая в деятельности генсека источник той нестабильности, которая была

основным завоеванием аппарата с хрущевско-брежневских времен. Должности в партийно-государственном аппарате утрачивали свою привлекательность. Место председателя совета директоров банка оказывалось и доходнее, и спокойнее поста секретаря райкома КПСС.

В процесс номенклатурного обогащения втягивались и высшие звенья государственного аппарата, хотя легально, по закону никакой приватизации в СССР не происходило. Эти процессы лишь изредка становились предметом обсуждения общественностью⁵². Но на практике при неразвитости советского законодательства владение и распоряжение *de facto* превращались в собственность. Для новых хозяев становилось важным закрепить фактическое владение как юридически оформленную собственность. Шло стремительное обогащение части новых собственников. Через кооперативы гнали за рубеж сырье — нефть, алюминий, алмазы, лес.

Люди из номенклатуры — хозяйственной, государственной, партийной — утратили зависимость от своего хозяина — аппарата ЦК. Прежняя идеология коммунизма, с ее отрицанием частной собственности, рухнула, погибала внутри своей цитадели — аппарата партии. Уход из номенклатуры перестал быть трагедией, как было раньше. Наоборот, должности — председателя совета банков, акционера завода, владельца издательства — оказались соблазнительнее работы заведующего отделом обкома.

Новая собственность манила. Она требовала правовой защиты. Нечаянным образом эти устремления совпали с желанием большинства граждан страны иметь свое, избавиться от диктата коммунистической власти. Исторический круг замкнулся. Политический строй, отрицавший собственность, рухнул. Среди его могильщиков оказался «новый класс» — номенклатура. Она благополучно превращалась в старый и хорошо известный класс — капиталистов. Поэтому и не нашлось защитников номенклатурных ценностей в августе 1991 г.

Примечания

- ¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Принята на внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М., 1977. С. 5–6.
- ² Там же. С. 7.
- ³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 67. Д. 2075. Л. 20–29.
- ⁴ Подробнее см.: Лихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 333. Отметим, что доклад В.А. Кириллина заслуживает специального исследования.
- ⁵ Там же.
- ⁶ URL: Neftegas.ru/analysis/view/526-mirovye-tseny-na-syruyu-neft-istoria-i-analiz.
- ⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июня 1981 г. № 752 «О мерах по увеличению производства товаров первой необходимости в 1981–1985 гг. и более полному удовлетворению спроса населения на эти товары»; постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 14 января 1982 г. № 29 «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке».
- ⁸ О проблеме дефицита в социалистической экономике см.: Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.
- ⁹ Цеховик — подпольный предприниматель в СССР, действовавший, как правило, в сфере производства товаров легкой промышленности. Эта деятельность предполагала приобретение

- «на черном рынке» сырья, оборудования и сложных механизмов сбыта. Согласно Уголовному кодексу РСФСР, такая деятельность подпадала под ст. 89–93.1 (преступления против государственной собственности) и каралась значительными сроками заключения, вплоть до расстрела.
- ¹⁰ *Раззаков Ф. И.* Бандиты семидесятых. 1970–1979. М., 2008. С. 482–483.
- ¹¹ *Ситарян С. А.* Уроки будущего. М., 2010. С. 71–73.
- ¹² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 4693. Л. 14–18.
- ¹³ Там же. Л. 101–102.
- ¹⁴ Там же. Д. 5507. Л. 152–153.
- ¹⁵ Там же. Л. 154–156.
- ¹⁶ Там же. Л. 158–160. Проект этого документа подготовили В. В. Сычев (первый заместитель председателя Госстандарта СССР), В. С. Павлов (начальник Отдела финансов, себестоимости и цен Госплана СССР), В. К. Сенчагов (заместитель начальника Отдела совершенствования планирования и экономического стимулирования Госплана СССР), В. И. Аникин (научный руководитель разработки прогнозов развития отраслей Военно-промышленного комплекса). Материалы к разработке Закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» см.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 14537, 14538. 14539, 19653.
- ¹⁷ *Воротников В. И.* А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 66–67.
- ¹⁸ *Рыжков Н. И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 115–116.
- ¹⁹ *Попов Г. Х.* Управление экономикой – экономические методы. М., 1985. С. 30.
- ²⁰ Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Постановление от 23 апреля 1985 г. № 4 «О применении судами Российской Федерации законодательства, регламентирующего назначение мер уголовного наказания». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2022).
- ²¹ *Hershey R. D.* Worrying Anew Over Oil Imports // The New York Times. 1989. 30 Dec.
- ²² Совет Министров СССР 28 января 1985 г. принял постановление № 97 «О дальнейшем развитии экономического эксперимента по расширению прав производственного объединения “АвтоВАЗ” министерства автомобильной промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению его ответственности за результаты работы».
- ²³ *Кацура П. М.* АвтоВаз и его время. Тольятти, 2012. С. 166–169.
- ²⁴ О кооперации в СССР: Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХІ (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // Свод законов СССР. Т. 5. М., 1988.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 148. Д. 19. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Л. 2–4.
- ²⁷ Там же. Л. 7–8.
- ²⁸ Там же. Л. 136–155.
- ²⁹ Там же. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 875. Л. 9–14.
- ³⁰ Там же. Л. 22.
- ³¹ Там же. Л. 56–83.
- ³² Там же. Л. 92.
- ³³ Закон СССР от 30.06.87 № 7284-ХІ о государственном предприятии (объединении). URL: www.normativ.contur.ru (дата обращения: 20.03.2022).
- ³⁴ Цит. по: *Пихоя Р. Г.* Как разваливалась социалистическая экономика в СССР (об одной из причин распада страны) // Социально-политические науки. 2016. Вып. 4. С. 14–22.
- ³⁵ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня. 1987 г. М., 1987.
- ³⁶ Подробнее см.: *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.
- ³⁷ Постановление Верховного Совета СССР от 30 июня 1987 г. № 7283-ХІ «О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны» // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 384.
- ³⁸ *Ситарян С. А.* Уроки будущего. С. 76–77.
- ³⁹ ГА РФ. Ф-7523. Оп. 145. Д. 888. Л. 7–12.
- ⁴⁰ Материалы делегату XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 151.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф-7523. Оп. 145. Д. 888. Л. 7–12.
- ⁴² Там же. Д. 888. Л. 1–3.
- ⁴³ Материалы делегату XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988. С. 96.
- ⁴⁴ Материалы делегату XVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 162.
- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 889.

⁴⁶ Там же. Д. 885. Л. 121–122, 136.

⁴⁷ См.: Закон СССР от 26.05.1988 N 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) «О кооперации в СССР».

⁴⁸ Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011. С. 231.

⁴⁹ Бергер М. Первые банки, или происхождение денег // Известия. 1995. 11 апреля. № 66.

⁵⁰ Кирсанов Р.Г. Перестройка ... С. 14.

⁵¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 541.

⁵² Едва ли не единственный случай обсуждения – в 1990 г. на III Внеочередном Съезде народных депутатов СССР – скандала, связанного с продажей через кооператив «Антей» дюжины новеньких танков. По мнению ряда депутатов, эту сделку курировал лично председатель Совмина СССР Н.И. Рыжков и его заместители.

Библиография

Hershey R.D. Worrying Anew Over Oil Imports // The New York Times. 30 Dec. 1989.

Бергер М. Первые банки, или происхождение денег // Известия. 1995. 11 апреля. № 66.

Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: Совет ветеранов книгоиздания; СИ-МАР, 1995. 473 с.

Каура П.М. АвтоВаз и его время. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2012. 203 с.

Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М.: В.В. Каширин, 2011. 198 с.

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Принята на внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М., 1977.

Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.

Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М.: Политиздат КПСС, 1990. С. 368.

Материалы делегату XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Изд-во ЦК КПСС «Правда», 1988. 272 с.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня. 1987 г. М.: Политиздат, 1987. 110 с.

О кооперации в СССР: Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI (ред. от 07.03.1991, с изм. от 15.04.1998) // Свод законов СССР. Т. 5. М.: Юрид. лит., 1988. 176 с.

Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост, 2011. 863 с.

Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991. М.: Изд-во РАГС, 1998. 734 с., табл.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.

Пихоя Р.Г. Как разваливалась социалистическая экономика в СССР (об одной из причин распада страны) // Социально-политические науки. 2016. Вып. 4. С. 14–22.

Попов Г.Х. Управление экономикой – экономические методы. М.: Экономика, 1985. 81 с.

Постановление Верховного Совета СССР от 30 июня 1987 г. № 7283-XI «О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны» // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26. Ст. 384.

Раззаков Ф.И. Бандиты семидесятых. 1970–1979. М.: Эксмо, 2008. 890 с.

Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М.: Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. 574 с.

Ситарян С.А. Уроки будущего. М.: Изд. дом «Экономическая газета», 2010. 560 с.

Начало радикальных экономических реформ в России. 1992–1993 гг.

Аннотация: Данная статья рассматривает небольшой, но важный период современной истории, который дал старт радикальным экономическим реформам в России. Переход к смешанной экономике рыночного типа предполагал глубокие качественные изменения в отношениях собственности, институциональных основах экономики и системе управления. Условия, в которых начинались реформы, были максимально неблагоприятными, что было обусловлено распадом СССР, разрывом хозяйственных связей, продовольственным и социальным кризисами. Экономические реформы требовали соответствующего законодательного обеспечения. Создание правовой базы проводимых реформ стало главной задачей Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Вместе с тем на первый, самый трудный период реформ президент запросил и получил от съезда полномочия для издания в течение года указов по вопросам банковской, биржевой, валютно-финансовой, инвестиционной и ряда других сфер деятельности. Особенностью экономических реформ в России стало то, что они проходили на фоне острого конфликта исполнительной и представительной ветвей власти. Необходимость экономических реформ никем не ставилась под сомнение, но драматизм противостояния заключался в нежелании договариваться и неумении найти политические решения, за что населению России пришлось заплатить высокую цену.

Ключевые слова: экономические реформы, Съезд народных депутатов, Верховный Совет, представительная власть, радикальные экономические реформы, либерализация цен, продовольственное обеспечение, девяностые, социальная политика, Е.Т. Гайдар, Б.Н. Ельцин.

В январе 1992 г. в России начались радикальные экономические реформы. Обстановка при этом была максимально неблагоприятная, обусловленная распадом СССР и разрывом хозяйственных связей, развалом системы управления, продовольственным и социальным кризисом, выводом войск из-за рубежа и их сокращением. С самого начала экономические реформы в России оказались в центре внимания ученых-экономистов не только отечественных, но и зарубежных. На протяжении 1990-х гг. в периодической печати развернулась острая полемика известных экономистов¹. «Монетаристы» и «немонетаристы» вели дискуссии на страницах журнала «Вопросы экономики». Необходимость реформ не подвергалась сомнению, но методы, программа, пути ее реализации стали предметом острых споров. Если проправительственно ориентированные экономисты или непосредственные архитекторы реформ (Е. Гайдар, Б. Федоров, Е. Ясин и др.) обосновывали свою программу как наиболее эффективный и короткий путь выхода из кризиса, их противники категорически с этим были не согласны. Другая школа экономистов — под руководством Л.И. Абалкина — настаивала, что рассуждения о безальтернативности курса «шоковой терапии» не имели под собой серьезных научных оснований. Попытка подхлестнуть ход экономической реформы с помощью стратегии «шоковой терапии» и соответствующих ей методов должна была

* Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, fa-m@yandex.ru.

обернуться глубочайшим экономическим и социально-политическим кризисами. «Шок» как метод реформирования при определенных условиях может дать положительные результаты в качестве разовой кратковременной меры. Превращение такого метода в длительный курс делало его бессмысленным и крайне разрушительным. Они настаивали на том, что сугубо монетаристская стратегия и тактика порочны в своей основе, неприемлемы для России и неизбежно ведут к разрушению ее экономического потенциала и усилению социальной напряженности в обществе².

Реформы 1990-х гг. породили большой пласт разнообразной, по большей части публицистической и мемуарной литературы. Первое десятилетие экономические реформы в 1990-х гг. оказались в центре внимания экономистов и политологов, а не историков. В начале 2000-х гг. в обсуждение проблем 1990-х гг. включились историки, и если сначала данный период находил отражение в основном на страницах учебников³, то по мере увеличения исторической дистанции интерес исследователей к различным аспектам развития России девяностых годов стал повышаться.

В трудах Г.И. Ханина и Р.Г. Пихои, А.К. Соколова, С.В. Журавлева⁴ отражены социально-экономические процессы 1980–1990 гг., в работе Р.Г. Кирсанова⁵ – анализ процесса реформирования советской банковской системы, а в статье О.В. Хлевнюка⁶ – кризис потребления на рубеже 1980–1990-х гг. во взаимосвязи с массовыми настроениями и социально-политическими установками российского населения.

Данный хронологический период обеспечен значительной источниковой базой. Особенно многочисленную группу источников составляет мемуарная литература, среди которой следует отметить воспоминания непосредственных проводников экономических реформ – Е. Гайдара и Б. Федорова⁷.

Уникальные мемуары участников реформы банковской системы 1980–1990-х гг. издал Н. Кротов⁸. Архивные фонды Съезда народных депутатов, Верховного Совета и правительства России содержат богатый материал, который только в последние годы стали вводить в научный оборот. Особое значение имеет внушительный статический материал и данные социологических опросов. Отдельную группу источников представляют законодательные акты и документы, связанные с их разработкой и изданием.

Правительство реформ и Верховный Совет

Переход к смешанной экономике рыночного типа предполагал глубокие качественные изменения не только в отношении собственности, институциональных основ экономики и системы управления, но и в характере функционирования производительных сил общества, воспроизводстве труда, капитала, общественного продукта, экономическом росте страны⁹.

План радикальных экономических реформ на 1992 г. включал: либерализацию цен; переход к жесткой финансовой и кредитной политике; введение новой налоговой системы; изменение во внешнеэкономической и валютной политике, самым ярким выражением которой стал свободный курс рубля¹⁰.

Осенью 1991 г. указом Президента РСФСР было сформировано правительство, которое возглавил Б.Н. Ельцин, первым заместителем главы правительства назначен государственный секретарь России Г.Э. Бурбулис, заместителями председателя правительства стали Е.Т. Гайдар, отвечавший за экономическую политику, и А.Н. Шохин, курировавший социальную политику¹¹.

Несмотря на свое определение как «правительство реформ» России, оно было по своему составу достаточно разнородным. Е. Гайдар выделял в ее структуре четыре группы¹². Первую из них составляли профессиональные экономисты из науки (Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Шохин, министр внешнеэкономических связей П. Авен, министр науки Б. Салтыков, министр экологии В.И. Данилов-Данильян, председатель Комитета по делам СНГ В. Машиц, министр сельского хозяйства В. Хлыстун, министр экономики А. Нечаев), вторую – члены бывшего правительства И.С. Силаева (министр связи В. Булгак, министр транспорта В. Ефимов, председатель «Росхлебопродукта» Л. Чешинский), третью – выходцы из бывших союзных министерств (министр торговли и материальных ресурсов, последний руководитель Госснаба С. Анисимов, министр путей сообщения Г. Фадеев, первый заместитель министра экономики и финансов, а затем министр финансов – В. Барчук). Наконец четвертая группа министров пришла из политики – ими стали бывшие депутаты Верховного Совета (Г. Бурбулис, Э. Памфилова, Н. Федоров). Несмотря на то, что у некоторых новых членов правительства не было ни малейшего опыта работы как членов бюрократического аппарата, им предстояло наладить взаимодействие и сплоченной командой провести сложнейшие в истории России преобразования.

Экономические реформы требовали соответствующего законодательного обеспечения. Создание правовой базы проводимых преобразований стало главной задачей Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Вместе с тем на первый – самый трудный период реформ президент запросил и получил от съезда полномочия для издания в течение года указов по вопросам банковской, биржевой, валютно-финансовой, инвестиционной и ряда других сфер деятельности. Если указ противоречил действовавшему тогда законодательству, Верховный Совет мог отменить его в течение семи дней. Если этого не происходило, указ вступал в силу. Таким образом, исполнительная власть на год вторгалась в поле деятельности законодательной, и возникало два источника законов: Съезд народных депутатов, Верховный Совет – основная законодательная власть и президент, имевший временные законодательные полномочия.

Осенью 1991 г. по инициативе президента возникли принципиально новые органы управления – Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур и Государственный комитет РСФСР по управлению государственным имуществом¹³.

С самого начала своей работы Съезд народных депутатов и Верховный Совет России разрабатывали программы экономических реформ, под которые создавались соответствующие структуры. Для координации деятельности всех органов государственной власти и проведения экономической реформы, а также разработки программ перехода к рыночным отношениям 22 июня

1990 г. Съезд народных депутатов РСФСР образовал Высший экономический совет (ВЭС) при Президиуме Верховного Совета (ВС) РСФСР. В составе ВС РСФСР были сформированы комитеты по вопросам: экономической реформы и собственности, промышленности и энергетики, социального развития села, аграрным и продовольствию. Ключевую роль в экономической политике Верховного Совета играла постоянная Комиссия Совета Республики по бюджету, планам, налогам и ценам под председательством бывшего председателя Госплана ТАССР Ю.М. Воронина¹⁴. Особенно ее роль возросла с началом радикальных реформ в 1992 г., о чем свидетельствует обвинение комиссии в попытке подменить собой Центробанк (ЦБ).

Отметим, что председатель ЦБ Г.Г. Матюхин был назначен по рекомендации Р. Хасбулатова и считался «его человеком». Летом 1992 г. Г. Матюхина заменил В. Герашенко, чья кандидатура также была утверждена при поддержке председателя Верховного Совета. Вероятно, это сыграло свою роль в последующем жестком противостоянии Центробанка, оказавшегося под влиянием Верховного Совета и Минфина, находившегося в структуре правительства. Борьба данных структур, часто выходила в публичное пространство. Минфин обвинял ЦБ в раскручивании инфляции, поддержке идеологии «красных хозяйственников» и неспособности выполнять собственные функции¹⁵.

Не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что председатель Верховного Совета Р. Хасбулатов позиционировал себя как опытный экономист, на что имел все основания, учитывая его докторскую степень по экономике. Неслучайно он 36-летнего Е. Гайдара считал выскочкой, «мальчиком в коротких штанишках». Первый же заместитель председателя правительства Г. Бурбулис, курирующий от исполнительной власти экономические реформы, и вовсе был философом, кандидатом философских наук, что позволяло профессору Р. Хасбулатову иронизировать над «всплывшими младшими сотрудниками».

Либерализация цен

В январе 1992 г. правительство России приступило к реализации своей программы реформ. Анализ, проведенный ведущими экономистами еще в начале 1991 г., показал, что лучшим выходом из ситуации являлась полная либерализация цен, представленная в виде снятия контроля за ценами со стороны правительства. Возражения против либерализации цен из опасений быстрого их роста были совершенно верными. Но какими в этих условиях оказались бы последствия отказа от либерализации, и что следовало дать взамен, было не ясно. Между тем тотальный товарный дефицит и переход к сплошной карточной системе стали очевидной реальностью. Именно поэтому либерализация цен виделась лучшим выходом, к каким бы последствиям она ни привела.

Напомним, что рост розничных цен начался в 1990 г. (еще до старта радикальных экономических реформ) как за счет централизованного их повышения, так и появления отдельных фрагментов их освобождения от административного утверждения. В начале 1990 г. вместо преysкурантных цен ввели

договорные цены на картофель, овощи, фрукты, а также соки, компоты и плодовоовощные консервы. В апреле 1991 г. были повышены преysкуранные цены на продукты питания и промышленные товары народного потребления, введены договорные цены на пользующиеся спросом модные изделия. В ноябре того же года к данному перечню добавили все импортные товары, высококачественные и дорогостоящие товары отечественного производства, деликатесные продовольственные товары, отечественные марочные вина и коньяки. В конце 1991 г. практически началась «стихийная» либерализация преysкуранных цен на товары народного потребления, т.е. до ее официального объявления (сводный индекс составил в октябре 1991 г. 103,9; в ноябре — 109,0; в декабре — 112,6%¹⁶). К началу общей либерализации цен в 1992 г. товары народного потребления в целом по России подорожали в сравнении со стабильными ценами, сложившимися к началу 1990 г., более чем в 2,7 раза.

По плану либерализации цен правительство отменило государственное регулирование цен в отношении основной части товаров народного потребления, сохранив контроль на главные продовольственные товары — хлеб, сахар, молочную продукцию и электроэнергию.

Принятые меры оказали позитивное влияние на российскую экономику. Во-первых, в значительной степени удалось решить проблему товарного дефицита. Цены значительно выросли, но рынок стал наполняться. Во-вторых, даже при высоких темпах инфляции рубль стал необходим предприятиям и населению. Он сам стал дефицитен, к чему всегда призывали прогрессивные экономисты-рыночники. В-третьих, предприятия стали работать по-настоящему самостоятельно, без госзаказов, фондов, разнарядок. В-четвертых, предприятия, столкнувшись с кризисом сбыта, стали искать заказы, чего в плановой экономике никогда не было. Началось движение к рынку потребителя¹⁷.

В то же время правительству не удалось добиться решения важнейшей среднесрочной задачи, стоявшей перед ним, — достижения макроэкономической стабилизации. В результате широкой либерализации цен в течение 1992 г. уровень потребительских цен на товары народного потребления в октябре превысил уровень цен к началу 1992 г. в 16,5 раза, а по отдельным товарам рост цен был в еще большем размере. И это при росте заработной платы рабочих и служащих в 7,7 раза.

В последние месяцы 1992 г. года доминирующее влияние на общую ценовую динамику оказали возросшие цены на зерно, энергоносители, тарифы на услуги транспорта, а также увеличение заработной платы при одновременном спаде производства. В целом при сравнении цен, действующих в 1992 г., со сложившимися к началу 1990 г., наблюдался их рост примерно в 45 раз¹⁸.

Проявившийся в 1990 г. кризис российской экономики получил в 1992 г. дополнительный импульс, который был обусловлен «шоковым» характером начального этапа экономических реформ в стране. При этом непоследовательность в реализации экономической политики правительства позволила кризисным тенденциям принять существенно большие, чем ожидалось, масштабы и длительность. Реформаторы в качестве основных причин неудач называли разрушенную многочисленными компромиссами с законодательной властью, субъектами Федерации, отраслями и отдельными предприя-

ями решительность в проведении ограничительной финансовой и денежно-кредитной политики; незавершенность процессов либерализации, особенно в сфере внутренней и внешней торговли; медленные темпы демонополизации и приватизации крупных промышленных предприятий.

Ключевыми проблемами для экономики России стали углубляющийся спад производства, стремительный рост цен и снижение жизненного уровня населения. В значительной мере эти процессы были обусловлены дезорганизацией производства и инвестиционной сферы, падением стимулов к трудовой деятельности, практикой монопольного ценообразования, ослаблением контроля за деятельностью предприятий государственного сектора. В сложившихся условиях правительство и Центральный банк оказались перед выбором: либо усугубить огромный неконтролируемый спад производства, либо поддержать госсектор кредитами ввиду неподготовленности организационно-финансового механизма акционирования и приватизации.

Острейшая нехватка оборотных средств, необходимых не только для расширенного, но и простого воспроизводства, неадекватное сокращение бюджетных расходов, в том числе и на социальные нужды, заставили российское правительство пойти на увеличение бюджетного дефицита, номинальных доходов населения и денежной массы в обращении. В противном случае, по оценке ЦБ России, спад производства и социальная напряженность неизбежно приобрели бы взрывной характер. Однако за это пришлось расплачиваться ускорением темпов инфляции. Ее уровень в 1992 г., определенный по индексу потребительских цен, в среднем составил 31,3% в месяц¹⁹.

Неуправляемый рост цен на первичное сырье и топливо, обусловленный их ориентацией на цены мирового рынка, помноженные на резко завышенный курс иностранной валюты, вызвал цепную реакцию роста цен на машины, химикаты, зерно, мясо, молоко, одежду и обувь. Разрыв хозяйственных связей стал следствием ориентации регионов, отраслей и предприятий на мировой рынок в условиях резко завышенного курса иностранной валюты. Платежеспособный спрос оказался несоразмерен с уровнем цен; производители, не будучи в состоянии ни реализовать товары, ни снизить цены, вынуждены были сворачивать производство.

Согласно плану правительства, либерализация цен, сопровождаемая отказом от дотаций, должна была отсеять наименее эффективные производства. Но в сложившихся условиях — заниженного курса рубля и практически неуправляемого экспорта — либерализация цен вела не к отсечению предприятий-маргиналов, а к невозможности работать целых отраслей экономики, жизненно необходимых для страны: сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, здравоохранения и др.

Критика правительства

Весной 1992 г. экономическая политика российского правительства подверглась беспрецедентной по напору и тону критике со стороны академического истеблишмента. В марте 1992 г. на страницах «Независимой газеты» с резкой кри-

тикой экономического курса правительства выступил Институт проблем рынка Российской академии наук. По мнению экспертов во главе с академиком Н. Петраковым, правительство, ориентируясь на советы иностранных экспертов, не учитывало специфику российской действительности и утратило контроль над экономическими процессами. Колоссальный рост цен не сопровождался ростом доходов, платежеспособный уровень оказался несоразмерен с уровнем цен. Ввоз капитала при заниженном курсе рубля превращался в скупку недвижимости иностранцами по бросовым ценам. Но даже в этих условиях иностранные фирмы избегали вкладывать капиталы в производство из-за политической нестабильности, коррупции и расстройств внутреннего рынка, крайне затруднявшего производственную деятельность.

Согласно выводу аналитиков Института проблем рынка РАН, экономический курс правительства выражался следующей формулой: свободный валютный курс, массивный вывоз сырья и топлива, обеспечивающий оплату импорта, доходы бюджета, платежи по кредитам, сокращение производства, стихийная перестройка экономики под диктовку мирового рынка. Правительственная программа приватизации, предусматривавшая распродажу за «деревянные» рубли государственных предприятий, расценивалась как программа экспроприации собственности.

В противоположность правительственной политике предлагалась принципиально иная формула экономической политики: твердый валютный курс, насыщение внутреннего рынка сырьем и топливом, демократическая приватизация, привлечение иностранного капитала в средства производства²⁰.

По мнению ученых, только в условиях достаточно сильного государственного регулирования можно было осуществить переход к рынку. Следует отметить предложенную программу «демократической приватизации», которая заключалась в безвозмездной передаче предприятий трудовым коллективам с последующим разделом между работниками капитала, равного стоимости производственных фондов. Это позволило бы, по мнению ученых, обеспечить политическую стабильность в ходе проведения реформ.

В то же время весьма сомнительным представлялось положение о том, что сырьевое изобилие и низкие цены привлекут в российское производство иностранный капитал, который в том числе позволил бы осуществить широкий импорт товаров. То есть в качестве основного средства стабилизации экономики определялся фактор, который никак нельзя было контролировать. Но при этом становилось абсолютно ясно, что иностранный капитал не пойдет в нестабилизированную экономику. О том, что надежды на помощь Запада были завышены, свидетельствует выступление в январе 1992 г. в Вашингтоне в Комитете по советско-американским отношениям официального советника российского правительства Дж. Сакса. Он сказал, что «шоковая терапия имеет шансы на успех, но лишь в том случае, если Запад предоставит значительную помощь, особенно для фонда стабилизации рубля. К сожалению, Запад вряд ли такую помощь мобилизует»²¹.

Для стабилизации экономики требовалось время, а курс рубля необходимо было держать с самого начала. Основной возможностью получения средств для решения текущих задач и увеличения товарного импорта являлся экспорт сырья и энергоносителей, но все это программа Петракова отвергала. Предла-

гаемая форма приватизации, когда для иностранного участника перспектива контрольного пакета становилась призрачной, также делало привлечение иностранного капитала нереалистичным.

Основным итогом первого периода реформы правительства Е. Гайдара стала массивная либерализация цен, что явилось важным шагом в создании рыночной экономики, смене одной экономической системы на другую. При этом не произошло того, чего боялись многие реформаторы, что удерживало их от рыночной реформы на протяжении нескольких лет, — массового социального взрыва. По мнению В. Котова, одним из труднейших барьеров на пути к рыночной экономике среди множества других являлся психологический, поведенческий барьер. Миллионы людей, все экономическое поведение которых десятилетиями было сориентировано на «окаменелые государственные формы хозяйствования», скрепя сердце и ругаясь, приспосабливались к рынку, меняли свое экономическое поведение²². С другой стороны, разве у них был выбор? «Спасение утопающих дело рук самих утопающих»: в потоке рынка граждане России в полной мере смогли оценить справедливость известной русской пословицы.

В борьбе с оппонентами главным козырем правительства являлась поддержка Международного валютного фонда (МВФ). В марте 1992 г. на переговорах с его руководством в Вашингтоне была достигнута договоренность об увеличении финансовой помощи России на 1992 г.: ее сумма составила 12 млрд долл. (вместо предлагавшихся на переговорах ранее в Москве 6 млрд долл.)²³. Это являлось прямым результатом одобрения правительством России Меморандума об экономической политике, предусматривавшего последовательное продолжение финансовой стабилизации. Под эту политику (под обеспечение внутренней конвертируемости рубля по фиксированному курсу) Россия должна была получить дополнительные 6 млрд. По всей видимости, на МВФ произвело впечатление одобрение правительством столь жесткой монетарной программы. В то же время оно могло решиться на осуществление предложенных меморандумом мер только при адекватной финансовой поддержке.

Авторы экономической реформы ссылались на международную экспертизу и поддержку экономистов как на путь, опробованный Мексикой, Польшей и другими странами. Критики правительственного курса утверждали, что в этом случае речь, скорее, идет о заимствованиях из трудов отдельных западных экспертов и их работ, посвященных советской экономике. Все они были изданы международными экономическими и финансовыми организациями — МВФ, международным банком и др.²⁴ Основные же идеи были почерпнуты у «Чикагской школы» экономистов, один из которых — Дж. Сакс стал официальным советником российского правительства.

Следует отметить справедливость критиков, утверждавших, что недопустимо механически переносить заимствованные практики на отечественную почву. Несмотря на то, что Польша прошла тот же путь, что Россия, ее опыт нельзя было принимать безоговорочно. В отличие от нашей страны, там имелось крепкое сельское хозяйство, способное накормить страну, но не существовало национальных проблем, которые нарастали в России. Кроме того, в начале реформ в Польше была прочная поддержка — правительства и «Солидарности».

Оппоненты «монетаристской позиции» правительства — школа реформаторов под руководством Л.И. Абалкина — настаивали, что разговоры о безальтернативности курса «шоковой терапии» не имеют под собой серьезных научных оснований. За такими рассуждениями «немонетаристы» усматривали попытку насильственно навязать обществу крайне идеологизированный курс преобразований, отказ от поисков общественного согласия. Упорное нежелание считаться с оценками и рекомендациями неправительственных аналитиков и ученых, неумение гибко реагировать на очевидные требования о необходимости внесения коррективов в избранный курс привели к тому, что экономика оказалась на грани краха.

На парламентских слушаниях о ходе экономической реформы 23 марта 1992 г. академики Н. Петраков, О. Богомолов, Г. Арбатов, глазной врач и предприниматель С. Федоров фактически потребовали отставки кабинета Е. Гайдара и внесения корректив в концепцию реформ. В свою очередь, Е. Гайдар такое поведение академиков объяснял тем, что ими «движет страстное и, может быть, не слишком благородное желание как можно скорее отмыться от грехов, связанных с неприятными последствиями экономической реформы».

В бурном потоке критики, который обрушился на правительство, президент решительно поддержал курс реформ. В апреле 1992 г. на шестом Съезде народных депутатов с докладом о ходе экономической реформы выступил Б.Н. Ельцин. Он «намекнул», что надеется, что существующий депутатский корпус сумеет развеять сомнения избирателей в своей дееспособности, в противном случае, у президента припасены варианты. Основное содержание экономической части доклада Ельцина было посвящено переходу от вынужденно жесткой денежно-кредитной рестрикции ко второму этапу преобразований: началу целенаправленной структурной и институциональной экономической реформы. Ельцин объявил об ослаблении налогового пресса и о целевых налоговых льготах. Для ликвидации платежного кризиса было принято решение о выделении в апреле 50 млрд дополнительных кредитных рублей и 7 млрд руб. — на инвестиции целевого назначения. Этот кредит, не согласованный с командой экономистов, стал уступкой давлению аграрной группы.

Главным в стратегии реформ становился поворот от полной либерализации цен к «ограничению свобод для затратной экономики». Из выступления можно было сделать вывод, что правительство готово существенно скорректировать свою политику. В то же время, по оценке специалистов, этот поворот оказался бы преждевременным, поскольку не достигли ни стабилизации рубля, ни равновесия бюджета. Такая тактическая мягкость правительства объяснялась подготовкой ко второму раунду либерализации — отпуску цен на энергоносители²⁵. Именно этот вопрос президент в своем докладе аккуратно «обошел». Грядущее повышение цен на нефть, газ и уголь могло спокойно ликвидировать все вынужденные и даже чрезмерные уступки в денежно-кредитной политике. Главным козырем Е. Гайдара против депутатов стала программа ожидаемой помощи Запада, «сравнимой по масштабам только с планом Маршалла».

На шестом Съезде была предпринята попытка лишить президента дополнительных полномочий. Выступая перед группой депутатов, вице-премьер

Е. Гайдар заявил, что если президент будет лишен своих полномочий, правительство подаст в отставку в полном составе²⁶. Соответствующее заявление об отставке, но без даты и времени было подготовлено и подписано членами правительства и представлено президенту. Он ознакомился с заявлением, но не подписал его.

Высший экономический Совет

29 июня и 8 июля 1992 г. Высший экономический Совет при Президиуме ВС РФ с участием Вольного экономического общества России и Ассоциации независимых ученых-экономистов провел круглый стол для обсуждения проблем, связанных с поисками наиболее приемлемых путей проведения экономических реформ в России²⁷. В работе круглого стола участвовали представители правительства РФ, народные депутаты России, представители промышленности и строительства, ученые-экономисты. Полагаю важным ввести в научный оборот сведения об этом неординарном обсуждении.

Участники круглого стола проанализировали ход реформы и хозяйственного развития страны в первой половине 1992 г. и обсудили проект «Программы углубления экономических реформ», внесенный правительством. Развернувшаяся в ходе круглого стола дискуссия сконцентрировалась на обсуждении следующих вопросов: оценка сложившейся экономической ситуации; общая оценка Программы углубления экономических реформ; финансовая и кредитно-денежная политика, налоги; аграрная реформа; структурная политика; приватизация; внешнеэкономическая деятельность; экономические отношения с бывшими республиками СССР; механизм хозяйственного управления; социальная политика.

Участники совещания отметили, что наряду с кризисами – инфляционным, платежеспособности, управления и структурным – негативным следствием реформ стал развал социальной сферы. Отсутствовали четко сформулированные и понятные обществу конечные цели реформы. Кредит доверия народа правительству имеет пределы, требовалась более реальная по срокам оценка возможностей стабилизации экономики. При этом важно учесть, что в условиях структурной перестройки народного хозяйства и ограниченности материальных, финансовых и других ресурсов этот процесс мог занять до 25–30 лет. Поэтому предлагаемые меры по экономической стабилизации нужно было осуществлять одновременно с мерами по социальной защите населения.

Проблема использования кредитных и прочих ресурсов зарубежных государств стала одной из наиболее дискуссионных – по ней не было единства взглядов. По мнению участников совещания, практика показала, что в условиях России рекомендации МВФ не давали положительного эффекта, и это вынуждало правительство непрерывно изменять ранее принятые решения²⁸.

Отдельного внимания заслуживали экономические отношения с бывшими республиками СССР. Участники круглого стола отмечали, что сложившийся к 1992 г. товарооборот с республиками бывшего Советского Союза был крайне невыгоден для России: скрытое дотирование республик за счет низких цен

на топливно-энергетические и сырьевые ресурсы, превышение экспорта над импортом (вывозились сырьевые ресурсы, ожидалась поставка сельскохозяйственных продуктов) являлись «скрытым кредитованием» государств СНГ. Фактическое разрушение межреспубликанских кооперационных связей ставило под угрозу работу промышленности РФ. Положение усугублялось недостаточной ответственностью хозяйствующих субъектов, не обеспечиваемой механизмами государственного регулирования межрегиональных отношений.

В этой связи предлагалось: осуществление мероприятий по либерализации внешнеторговой деятельности; налоговые льготы для банков, занимавшихся кредитованием и финансированием внешнеторговых операций; привлечение иностранных инвесторов для создания на территории России концессионных предприятий. Восстановление и укрепление хозяйственных связей со странами Восточной Европы, ранее входившими в СЭВ.

Обсуждение участниками круглого стола правительственной «Программы углубления экономических реформ» позволял сделать следующие выводы. В современных условиях практически было невозможно достичь полного единства взглядов на содержание программы преобразований экономики России. Вместе с тем существовало достаточно полное единство взглядов о роли экономических реформ и рыночных механизмов как важнейших средств достижения конечной цели — создания общества, гарантирующего материальное благосостояние и социальную защиту широких слоев населения.

Наиболее существенные разногласия между представителями различных политических сил были по ряду вопросов, связанных с характером и последовательностью проведения конкретных мероприятий. Они были направлены на стабилизацию производства, нормализацию денежного обращения, оздоровление финансовой системы, ликвидацию бюджетного дефицита, снижение уровня инфляции и выбор путей реализации мер, гарантирующих в итоге достижение поставленных целей с минимальными потерями в уровне жизни населения²⁹.

В целом анализ развития экономической и социально-политической ситуации приводил к однозначному заключению — о необходимости стратегического поворота в осуществлении российских реформ. Данные опросов свидетельствовали о том, что лишь около половины граждан РФ поддерживали реформы, но большинство даже прогрессивно настроенных россиян решительно выступали против их продолжения в первоначальном виде и настаивали на немедленном внесении существенных корректив.

Центробанк

Экономические реформы шли в ситуации острой политической борьбы и зачастую становились ее «заложницей». В эпицентре политического противостояния оказался и ЦБ России. В советской системе Госбанк традиционно рассматривался как одно из государственных учреждений, которое должно выполнять решения правительства вне зависимости от наличия или отсутствия денег. Такое же отношение первое время было к Центробанку России,

от которого обе ветви власти требовали все больше денег. Для выполнения данной задачи существовало только два варианта: дефицит денег или эмиссия с последующей инфляцией.

Для 1992 г. был характерен быстрый рост номинальных денежных доходов населения. За 10 месяцев они превысили по России 3,8 трлн руб. и возросли по сравнению с тем же периодом 1991 г. в 6,2 раза. Непрерывное повышение цен на товары и услуги сдерживало потребительский спрос у существенной части населения, которая вынуждена была накапливать деньги не только для покупки предметов длительного пользования, но и первой необходимости (верхней одежды, обуви). Одновременно происходила концентрация значительных сумм денег на руках у высокодоходных групп населения. В условиях нарастающей инфляции населению было невыгодно хранить сбережения в банках. В январе–октябре 1992 г. доля вкладов населения в объеме его доходов составила 4,1% (в 1991 г. – 9,7%)³⁰. Оседание наличности восполнялось эмиссией денег, которая за 10 месяцев 1992 г. превысила 1 трлн руб.

Первые признаки кризиса наличности появились в августе 1991 г. По мнению руководства Центробанка существовало несколько причин такого положения: 1) замедление расчетов; 2) непомерно высокое налогообложение, в то время как расчеты наличными позволяли избегать налогов; 3) рост взяточничества и коррупции, требовавших наличных денег; 4) подчиненность Гознака сначала Министерству финансов СССР, лишь затем Минфину России, вследствие чего Центробанк не мог своевременно планировать и контролировать выпуск денег печатным станком; 5) популистские меры президента, правительства, Верховного Совета, увеличение заработной платы, пенсий и других наличных выплат без согласования с ЦБ.

Анализ сложившейся ситуации был представлен Центробанком Б. Ельцину и И. Силаеву, но реакции не последовало. Тогда ЦБ под свою ответственность выпустил инструкцию, согласно которой выдача наличных, кроме зарплаты, ограничивалась определенной суммой. Объявлялось, что это временная мера, до передачи Гознака Центральному банку или закупки дополнительного оборудования для Гознака. Данная мера вызвала шквал критики ЦБ, который обвинили в кризисе наличности, а в прессе развернулась ожесточенная кампания против руководства банка.

В апреле 1992 г. на шестом Съезде народных депутатов глава Центробанка выступил с докладом, посвященным техническим проблемам в обеспечении наличной эмиссии. Он обвинил правительство в грабеже народа и пообещал обеспечить всех бумажными деньгами, если ЦБ передадут фабрику «Гознак». Идея немедленно была поддержана председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым. «Мы неоднократно принимали решения о согласовании работы банка с правительством, – заявил он. – Однако, наверно, мы были неправы, и пора Центральному банку проводить собственную политику, как это делается во всех цивилизованных странах»³¹.

Народные депутаты, Верховный Совет, Министерство финансов требовали выдачи предприятиям централизованных банковских кредитов, как минимум, на 1 трлн руб. Центробанк отказывался от кредитования, аргументируя тем, что 25–30% этой суммы будут обналичены, а это вызовет новую эмиссию

и повышение цен. Руководители регионов, промышленных предприятий, аграрного производства и других секторов экономики настаивали на увеличении финансовой поддержки государства и льготного кредитования, критиковали финансовую политику правительства. Учитывая дефицитный бюджет России, решить поставленные задачи мог только печатный станок.

В 1991–1992 г. происходил бесконтрольный рост банков, нанося ущерб всей финансовой системе. Коммерческие банки оказались в пучине рынка, не имея ни опыта, ни кадров. Огромное количество махинаций с кредитами, искусственных банкротств и заемщиков, злоупотреблений отталкивало банки от реальной экономики или просто приводило к банкротству.

Действия ЦБ находили все меньше понимания со стороны парламента, правительства и части коммерческих банков. 14 сентября 1991 г. в «Независимой газете» вышла статья М. Ходорковского «Бунт банкиров». Два дня спустя, 16 сентября, к президенту Б. Ельцину с просьбой «укрепить руководство Банка России компетентными и инициативными специалистами» обратились Ассоциация российских банков и московский банковский союз. В октябре начала работу комиссия Верховного Совета РФССР, созданная для расследования деятельности Центрального банка России за 1999–1991 гг.³²

Глава ЦБ Г. Матюхин оказался между двух огней. Накануне шестого Съезда народных депутатов в апреле 1992 г. «Российская газета» выпустила статью под названием «Банк хочет быть беспартийным», где отмечала: «Чем ближе съезд народных депутатов России, тем ожесточеннее кампания против Центрального банка Российской Федерации. Все понятно: насидевшиеся без зарплаты люди, коллективы, прочно обосновавшиеся “на карточке”, ждут объяснений. И объяснение для них подготовлено: вредная политика ЦБР. К каким мерам депутатов подталкивают – тоже ясно: вывести Центральный банк из-под парламента, поменять управляющего»³³.

Правительство хотело финансировать базовые отрасли не через банк, а непосредственно из бюджета. Верховный Совет принимал не согласованные с ЦБ программы социальных выплат, на выполнение которых требовалась дополнительная эмиссия, за которую в итоге приходилось отвечать Центробанку. Весной–летом 1992 г. деятельность комиссии Верховного Совета по бюджету, планам, налогам и ценам в отношении Центробанка настолько активизировалась, что ее стали обвинять в стремлении подменить ЦБ. Попытки Р. Хасбулатова вмешиваться в дела Банка привели к открытому конфликту с его председателем Г. Матюхиным. Дополнительным поводом для ярости председателя Верховного Совета стало повышение Центробанком ставки рефинансирования до 40%. Р. Хасбулатов лично потребовал оставить процентную ставку на прежнем уровне, но в условиях высокой инфляции ЦБ его проигнорировал. Народные депутаты, Верховный Совет, Министерство финансов требовали выдачи предприятиям централизованных банковских кредитов, как минимум, на 1 трлн руб. Центробанк по-прежнему отказывался от кредитования.

ЦБ ругали за безудержную кредитную и банковскую эмиссию и одновременно – за удушение положения коммерческих банков и всей промышленности из-за кредитных строгостей. Ему доставалось и за то, что он «под пар-

ламентом» и «под правительством», а одновременно и за то, что никому не подчиняется. От Центробанка требовали, чтобы он помогал правительству осуществлять реформы, помогал делать это и Верховному Совету и, наконец, чтобы имел самостоятельную хозяйственную политику в области макроэкономической стабилизации.

«Российская газета» писала, что государственный банк не может быть лучше государства, создавшего его, лучше экономики, с которой он связан. Действия ЦБ станут цивилизованными лишь с обретением цивилизованности субъектами экономического пространства, в том числе коммерческими банками³⁴.

«Независимая газета» обвинила Г. Матюхина в некомпетентности, «зажигает» коммерческих банков³⁵, «Куранты» писали об отсутствии менеджерских качеств и практической работы в банках³⁶.

В то же время в июньском номере «Куранты» написали, что основная причина травли Г. Матюхина со стороны коммерческих банков заключалась в том, что их «у нас насоздавали не только кооператоры, успевшие нахапать, но и прежние “очень важные персоны” из номенклатуры. Им всем одинаково противно еще одно решение Г. Матюхина – при использовании коммерческими банками кредитных ресурсов ЦБР без его согласия (при дебетовом сальдо на его корреспондентском счете) введена ставка аж 160% годовых»³⁷.

С началом реформ против главы ЦБ пошла массированная атака, Верховный Совет его регулярно «снял». Поддержать руководителя Банка России было некому. Формально он считался членом команды Р. Хасбулатова, в реальности не имел от Председателя Верховного Совета никакой поддержки. Как написали позже «Аргументы и факты»: «Сейчас Матюхин в своих мемуарах говорит, что он был на стороне Гайдара. Может быть это и так, но команда Гайдара знала, что это человек Хасбулатова. Кроме того, также было известно, что он выходец из КГБ»³⁸.

Одной из первых жертв политической борьбы стал первый руководитель Центробанка России Г. Матюхин, занимавший свою должность не более двух лет. Отставка главы ЦБ объяснялась комплексом причин. Это и слабые организаторские навыки, и отсутствие амбициозности, присущей В. Геращенко. Он не любил публичности, возможно, ему мешала профессиональная привычка «не светиться», не любил прессу, а в этот период четвертая власть стала важным инструментом политической борьбы. По мнению заместителя председателя подкомитета Верховного Совета по банкам В.В. Скрипченко, председателя Центробанка Г. Матюхина убрали по трем причинам. Первая: он не был членом команды коммунистов; вторая: не стал и членом команды «всплывших младших сотрудников», как их называл Р. Хасбулатов; третья: не устраивал Г. Бурбулиса и его команду, и как опору Р. Хасбулатова главу ЦБ убрали. Показательно, что за время его руководства банком, Б. Ельцин ни разу его не принял³⁹.

На шестом Съезде народных депутатов на прямой вопрос журналистов о способности главы Центробанка исполнить свои обязанности Ельцин ответил, что в бытность свою председателем Верховного Совета он имел с ним дело. У него к Г. Матюхину было много претензий. «Я не думаю, что он за это время избавился от своих недостатков»⁴⁰.

К юбилею российского банка (июнь 1992 г.) его главу сняли. По воспоминаниям заместителя председателя ЦБ В.П. Расказова, поздно вечером Г. Матюхина вызвали из Твери, где он проводил совещание. Р. Хасбулатов и Ю. Воронин потребовали у него написать заявление об освобождении по состоянию здоровья. Он не стал сопротивляться, сообщив в близком кругу, что если Р. Хасбулатов его сдал, то незачем оставаться⁴¹.

После отставки Г. Матюхина перед Р. Хасбулатовым встало две задачи. Первая — это найти нового председателя. От предложения назначить В. Герашенко сначала он категорически отказался, но, перебрав несколько кандидатур, остановились на бывшем главе Центробанка СССР. Следующая задача — сделать ЦБ подотчетным только Верховному Совету. Вполне естественно, что это не устраивало Е. Гайдара, но Р. Хасбулатов действовал решительно и победил.

В сентябре 1992 г. после длительного падения курс рубля остановился на отметке 210 руб. за долл. Центробанк снова подвергся обвинениям в провокационной игре на понижении национальной валюты. В ответ новый председатель ЦБ В. Герашенко заявил об исчерпании валютных резервов и необходимости отказа от единого курса рубля (по расчетам ЦБ, курс доллара был явно завышен и не должен был превышать 15–27 руб.), а также о планах введения его специального курса — на уровне 60 руб. за 1 долл.

Такая постановка вопроса, об отказе от единого курса рубля привела к резкому скачку курса на черном рынке, оживлению инфляционных ожиданий населения и обеспокоенности международных финансовых организаций, т.к. по соглашению российского правительства и МВФ, Россия обязалась поддерживать единый курс рубля. С целью выяснения позиции ЦБ по данному вопросу 3 сентября в Москву приехала делегация представителей МВФ. Представители G7 и международных финансовых организаций, приученные за несколько месяцев учитывать российскую специфику взаимоотношений парламента и правительства, теперь столкнулись с необходимостью понять и принять в корне противоречащие друг другу заявления правительства и Центробанка. «Независимая газета» отмечала: «Представляется маловероятным, что опытный политик павловской школы Виктор Герашенко не учитывает этот фактор»⁴². Обостряя отношения правительства Е. Гайдара с международными финансовыми организациями, ЦБ накануне Съезда народных депутатов фактически лишил правительство последнего его козыря в битве с народными депутатами — способности обеспечить помощь развитых стран мира ходу реформ.

Позиции Б. Ельцина и Р. Хасбулатова были озвучены 10 сентября в столице Чувашии Чебоксарах, где состоялось совещание российских глав администраций и Советов республик, краев и областей. В своем докладе Б. Ельцин недвусмысленно дал понять, что его не устраивает позиция Центробанка, которым манипулирует Верховный Совет. Президент предложил: либо полная независимость банка, либо переподчинение его исполнительной власти. По мнению Б. Ельцина, одной из причин «до невиданных размеров вздутого курса доллара» являлось поведение неадекватного Центрального банка⁴³. Е. Гайдар в своем докладе пообещал ужесточить кредитно-финансовую политику во избежание гибели рубля. Комментируя журналистам предложение президента РФ о переподчинении ЦБ правительству, вице-премьер объяснял, что это наи-

лучший вариант, т.к. необходим тесный контакт правительства и банка. Кроме того, это оградило бы Центробанк от политического давления.

22 сентября 1992 г. начала работу пятая сессия Верховного Совета. В повестке первого дня значился доклад президента, но он не приехал. Накануне «Независимая газета» выпустила статью под заголовком «Похоже, Ельцин окончательно расходится с парламентом...». Здесь отмечалось, что «парламент остается россиянам только тем и интересен, что на его поле идет битва против президента»⁴⁴. Почти две недели Б. Ельцин продолжал игнорировать заседания сессии Верховного Совета, предпочитая заниматься текущими делами. Наконец 6 октября он выступил перед депутатами. Среди общих заявлений, прозвучавших в докладе президента, обращало на себя внимание его признание в том, что «в экономической политике правительства оказалось слишком много макроэкономики», а «некоторые решения принимались бездушно». Речь Б. Ельцина отличалась жесткой критикой в адрес кабинета Е. Гайдара и его экономической стратегии. Доклад вызвал в кулуарах разговоры о том, что президент стремится постепенно увеличить политическую дистанцию между собственной программой и действиями правительства, чтобы спасти свой падающий рейтинг. На пресс-конференции, устроенной в перерыве заседания Б. Ельцин заявил: «Я не глава правительства, а глава государства!»⁴⁵. Тем самым он подтвердил высказанные подозрения.

В соответствии с решениями, принятыми Верховным Советом РФ в 1992 г., ЦБ РФ предоставил в тот год кредиты Министерству финансов России на общую сумму 1971,5 млрд руб., в том числе – на покрытие дефицита республиканского бюджета – 1167,5 млрд руб., включая кредиты на формирование материальных резервов, пополнение оборотных средств – 600,0 млрд руб., инвестиционные нужды, в том числе на финансирование геолого-разведочных работ – 127,0 млрд руб. и конверсионной программы – 77,0 млрд руб. Кроме того, в декабре 1992 г. для авансирования расходов республиканского бюджета Российской Федерации в январе 1993 г. было выдано кредитов на сумму 600,0 млрд руб.

Наряду с кредитами, предоставленными Банком России Министерству финансов в 1992 г., государственный долг как аккумулированная сумма дефицитов бюджетов и задолженности Министерства финансов РФ предыдущих лет к 1 января 1993 г. составил 996,38 млрд руб., в том числе принятые Россией от бывшего СССР 787,0 млрд руб.⁴⁶ Значительная часть принятого государственного долга относилось к Российской Федерации.

Денежно-кредитная политика Центрального банка РФ могла временно смягчать, но была не в состоянии полностью компенсировать длительное отрицательное воздействие государственного долга и бюджетного дефицита на динамику денежной массы, следовательно, на покупательную способность рубля.

Потребительский рынок

Конъюнктура потребительского рынка России носила сложный, во многом противоречивый характер. Сохранявшееся до 1991 г. существенное несоответствие товарного

предложения платежеспособному спросу населения привело к деформированному поведению покупателей на рынке, взрывам ажиотажного спроса, покупкам товаров в потребительский запас. В 1992 г. процесс торговли стал приобретать все более свободный характер, на рынок выходили в широком масштабе новые физические и юридические лица. За 10 месяцев розничный товарооборот составил 2,2 трлн руб. (в фактических ценах рост по сравнению с 10 месяцами 1991 г. в 6,6 раза, в товарной массе падение на 39%). При этом доля предприятий госторговли в розничном товарообороте сократилась с 75% (в январе–октябре 1991 г.) до 70%. Девятую часть всех приобретенных в 1992 г. товаров население купило у частных лиц. В январе–октябре 1992 г. ими было реализовано товаров примерно на 329 млрд руб.⁴⁷

Прошедший в 1992 г. рост розничных цен позволил несколько повысить макробалансированность потребительского рынка, наполнить магазины отдельными товарами. По данным Госкомстата России, в октябре 1992 г. практически повсеместно в свободной продаже были основные продукты питания: колбасные изделия, цельномолочная продукция, масло животное, яйца, макаронные изделия, крупа, хлеб. Однако в условиях сокращения производства продовольственных товаров достигнутая сбалансированность была неустойчива, поскольку из-за физиологических потребностей человека спрос на основные продукты оставался стабильным, даже несмотря на постоянный рост цен, и обеспечивался за счет структурных сдвигов в расходах населения. Напротив, спрос на многие непродовольственные товары по-прежнему снижался. Продукция многих предприятий, значительная часть которой предлагалась потребителям по явно завышенным ценам, не реализовывалась. Усугублялся распад хозяйственных связей, который уже привел к остановке ряда производств в России.

Наращивание выпуска товаров народного потребления сдерживалось также медленным освоением их производства на предприятиях тяжелой промышленности, трудностями в осуществлении конверсии оборонных предприятий, а также высоким уровнем монополизации производства, сосредоточением выпуска многих видов продукции на одном-двух предприятиях. Характерной особенностью 1992 г. являлось значительное снижение производства основных видов бытовой электротехники (магнитофонов, стиральных машин, радиоприемных устройств, телевизоров, холодильников и морозильников — на 14–26%), что было вызвано отсутствием в необходимом количестве комплектующих изделий, материалов, а также ограниченным сбытом продукции вследствие высоких цен на нее.

В легкой промышленности, занимающей особое место в наполнении потребительского рынка товарами, снижение объемов выпуска важнейших видов продукции началось в 1991 г., а по тканям — еще в 1990 г. В 1992-м спад увеличился и по сравнению с уровнем 1991 г. оценивался в 15–36%⁴⁸.

Естественной реакцией рыночного типа на трудности со сбытом, неготовностью предприятий к ведению производства в условиях конкуренции с потоком дешевых и более качественных импортных товаров являлась остановка предприятий. Выживали предприятия, которые могли переориентироваться на потребителя, перестроить систему хозяйственных связей для сдерживания себестоимости, сохраняли ядро трудового коллектива⁴⁹. В то же время отме-

чалась тенденция лучшего учета требований потребителя со стороны многих российских предприятий. Так, швейники уменьшали минимальные партии изделий в 10 раз, при этом чаще обновляли свой ассортимент.

При анализе совокупного спада в промышленности, проведенные Мин-экономики исследования показывали, что основными причинами спада являлись:

- снижение оборонного заказа и оборонных расходов государства более чем на 70%, в результате продукция оборонного комплекса уменьшилась более чем на 60%;
- сокращение государственной инвестиционной программы; уменьшение капитальных вложений в экономику страны дало около 15% абсолютно-го размера уменьшения промышленного производства⁵⁰.
- уменьшение поставок, ранее осуществляемых по заниженным ценам энергетических и других ресурсов в страны СНГ; на это приходилось около 10%;
- сокращение конечного платежеспособного спроса населения обусловило около 15% спада промышленного производства.

В то же время надо учитывать, что при использовании данных статистической отчетности, особенно в экономическом секторе, возникает проблема их достоверности. Если в советские годы официальная статистика завышала отчетные показатели, то для пореформенной России была характерна обратная тенденция. Отчетность по объемам промышленного производства, особенно по ВВП, занижалась как средство ухода экономических агентов от налогообложения.

Конверсия оборонных предприятий

Конверсия оборонных предприятий, на которую возлагались большие надежды для решения задач, связанных с наполнением потребительского рынка, осуществлялась с трудом. Военные заказы сократились, а реорганизация предприятий не осуществлялась. Еще в начале реформ среди российских экономистов господствовали преувеличенные представления о возможностях конверсии, которые основывались на выдающихся результатах конверсии на западе после Второй мировой войны. Но ошибочность механического сравнения заключалась в принципиальном отличии военной промышленности в экономике СССР и западных стран, а также их организации. В западных странах военное и гражданское производство в рамках крупных корпораций сочетались, позволяя использовать в гражданском секторе технологические достижения военного сектора. Военное производство на Западе возникло в ходе войны на основе перевода на военные рельсы гражданского производства, что затем позволило легко произвести обратный процесс⁵¹. В СССР ВПК представлял собой замкнутый комплекс, жестко отделенный от гражданской экономики. Гражданское производство в военных отраслях промышленности сосредоточивалось в специальных цехах, технически и кадрово хуже обеспеченных и работавших часто на отходах военного производства. В отличие от военных

изделий гражданские отечественные изделия несравнимо больше уступали по потребительским качествам зарубежным аналогам.

Немалую роль в провале конверсии сыграли как недостаточное финансирование, так и недостатки в управлении конверсией, ставшие результатом развала государственного экономического управления.

В начале 1992 г. правительство России строило оптимистичные планы в отношении результатов конверсии. Планировалось увеличение объема гражданской продукции на 6,5% по сравнению с 1991 г.⁵² Но реальность оказалась иной. В 1992 г. по сравнению с 1991-м военные заказы были сокращены на 68%. Такое «падение» предопределило беспрецедентный масштаб конверсии, обвальный характер свертывания военного производства, что отрицательно сказалось на научно-техническом, производственном и кадровом потенциале оборонных предприятий и организаций, а также на их социально-экономическом положении. В связи с резким сокращением финансирования гражданской и военной науки, конверсия крайне болезненно отразилась на научно-техническом потенциале оборонного комплекса, что привело к оттоку научных кадров, свертыванию перспективных разработок.

В июле 1993 г. состоялось совещание руководителей оборонных предприятий с участием представителей Верховного Совета РФ и Совета Министров — правительства РФ по вопросу «О ходе конверсии и сохранении передовых технологий на предприятиях оборонного комплекса Российской Федерации». Участники совещания раскритиковали сложившуюся ситуацию и вынесли резолюцию, в которой отметили, что конверсия военного производства в народном хозяйстве России не опирается на продуманную концепцию и остается практически не управляемой. По мнению руководителей оборонных предприятий, сложившееся положение во многом было предопределено отсутствием оборонной доктрины, долгосрочной программы вооружений, а также невыполнением положений законов РФ — «О конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации», «О поставках продукции и услуг для государственных нужд» и «Об обороне»⁵³.

Руководители отмечали, что в ход конверсии вторгаются посреднические, банковские и торговые структуры, цели и деятельность которых, как правило, не совпадают с целями и задачами конверсируемых производств. В своем большинстве хозяйственные законодательные акты как Совета Министров — правительства РФ, так и Верховного Совета РФ не обеспечивали полного решения многих актуальных вопросов конверсии. Участники совещания призывали внести соответствующие коррективы в принятые законодательные акты, а также ускорить разработку и принятие законов Российской Федерации «О государственном оборонном заказе», «О военно-техническом сотрудничестве», «Об интеллектуальной собственности», «О ядерном оружии» и др.

Проблема о форме собственности конверсионных предприятий и организаций являлась одной из самых сложных. Вопрос заключался в том, будут ли они государственными или могут приватизироваться? Представители оборонных предприятий просили президента страны принять указ, определяющий особенности приватизации в оборонном комплексе и меры государственного регулирования деятельности предприятий оборонных отраслей промышленности.

Забегая вперед, отметим, что конверсия потерпела неудачу во всех запланированных направлениях. Не произошло заметного переноса из ВПК в гражданскую экономику передовых технологий, потребительский рынок не наполнился высококачественными товарами. Провал можно объяснить не только завышенными ожиданиями, но и недостаточностью средств, что отмечает подавляющее большинство исследователей, а также некомпетентностью правительства, руководителей военных предприятий, общим развалом ВПК.

Топливо-энергетический комплекс

По сравнению с другими секторами экономики относительно благоприятно складывалась ситуация в топливо-энергетических отраслях. В условиях нарастания кризисных явлений в стране отраслям топливо-энергетического комплекса (ТЭК) в основном удалось сохранить свою работоспособность, без крупных сбоев пройти зимний максимум энергетических нагрузок, обеспечить в целом нефтепродуктами проведение весенних полевых работ и начать преобразования экономических отношений. Намечавшиеся в расчетных балансах объемы производства в основном были выполнены. Велась реорганизация управленческих структур и акционирование, разработка законодательных и нормативных актов, учитывавших особенности функционирования комплекса в рыночных условиях, включая работы по энергосбережению.

Вместе с тем и в отраслях ТЭК нарастали кризисные явления, связанные со спадом производства энергоресурсов, распадом инвестиционной деятельности и параличом в финансовой сфере⁵⁴.

С января 1992 по 25 января 1993 г. мировые цены на сырье возросли в целом на 10,1%, а на основные виды промышленных товаров – на 9,2%. Однако за этим ростом цен стояли различные тенденции в разных секторах добывающей промышленности. За указанный период цены на сельскохозяйственную продукцию на международном рынке значительно возросли: на продукты питания они увеличились примерно на 11%, а на сельскохозяйственную продукцию, являющуюся сырьем для промышленности (хлопок, джут и т.п.), – на 40,9%. Вместе с тем действовала и прямо противоположная тенденция – падение цен. С 1991 г. до 27 января 1994 г. цена на медь уменьшилась на 21,2%, свинец – на 30,3%, никель – на 30,5%. За тот же период цены на нефть упали на 30,7%.

Таким образом, международный рынок базовых товаров в 1992–1993 гг. раскололся на две части – цены на продукты питания и сельскохозяйственное сырье для промышленности росли, а цены на металл и энергию падали. Очевидно, что все перечисленные тенденции динамики цен на сырье отражались на экономической жизни России.

Страна располагала самыми богатыми ресурсами энергоносителей и металлов. В январе 1992 г. МВФ приняла программу, целью которой являлось увеличение экспорта этой продукции из России. Необходимым условием для резкого увеличения экспорта энергоносителей и металлов являлся быстрый спад производства, в результате чего высвобождалось сырье для экспорта.

Отметим, что для экономического развития страны главным показателем является переход из положения производителя и экспортера сырья в производителя и экспортера промышленной продукции. Это было доказано историческим опытом таких стран с передовой экономикой, как США, Германия, Япония, а также развивающихся азиатских государств – Кореи и Китая. В результате реформ правительства Е. Гайдара доля топливно-энергетического сектора в экономике увеличилась с 11,3% в 1991 г. до 25% в 1993-м. Одновременно с этим доля выпуска потребительских товаров, и без того недостаточно развитой отрасли, сократилась с 16 до 5% к III кварталу 1993 г.⁵⁵

Появление на международном рынке новых поставок металлов и энергоносителей в результате сокращения производства в России неизбежно привело к снижению цен на них. В 1993 г. РФ пришлось экспортировать на 9% больше природного газа, на 19% – сырой нефти и на 42% – очищенной нефти только для закупки за границей того же количества товаров, которое она импортировала раньше⁵⁶. Проводя экономическую политику, принятую в январе 1992 г., Россия попала в порочный круг. Энергоносителей и металлов производилось меньше, а экспорт их увеличивался. Это вело к резкому сокращению обеспеченности ими собственных отраслей промышленности и спаду производства. В то же время снижение цен на международном рынке, в значительной степени обусловленное ростом российского экспорта, означало, что при увеличении объема экспорта, доходы РФ уменьшались.

Из-за дефицита финансовых ресурсов резко сократились объемы инвестиций в создание новых мощностей по добыче топлива, его переработке и производству энергии. В результате происходил интенсивный распад специализированных строительных, буровых и геологоразведочных организаций, что приводило к невосполнимым потерям, подрывало основу для развития комплекса в будущем и в итоге создавало угрозу национальной безопасности РФ.

По данным Госкомстата России, общий объем промышленной продукции в сопоставимых ценах по Минтопэнерго в первом полугодии 1993 г. сократился по сравнению с январем–июнем 1992 года на 13,8% (в 1992 г. падение составляло 11,3%). В наибольшей степени сократилась добыча нефти с газовым конденсатом – на 28,3 млн т или на 13,9%. Добыча угля снизилась на 16,7 млн т (9,6%), производство электроэнергии – на 34,8 млрд кВт ч (7,9%). Стабильной оставалась работа газовой промышленности, но и здесь добыча газа снизилась в первом полугодии 1993 г. на 5,7 млрд м³ (1,8%).

Несмотря на колоссальный рост цен на энергоносители, предприятия отрасли испытывали чрезвычайные трудности. Основная из них – острый недостаток финансовых средств, вызванный неплатежами потребителей за поставленные им энергоресурсы. Просроченная дебиторская задолженность потребителей за январь–май 1992 г. возросла почти на 2 трлн руб. и составила на 1 июня 1992 г. более 3,7 трлн руб., что было равноценно объему промышленной продукции всего комплекса за 2,5 месяца.

Задолженность республик бывшего СССР за отгруженную им продукцию нефтепромышленного комплекса продолжала расти и на 1 июля 1992 г. составила 560 млрд руб.⁵⁷ В результате предприятия комплекса, фактически кредитуются на беспроцентной основе экономику России и стран СНГ, оказались

на грани остановки из-за отсутствия собственных средств и государственной поддержки.

С начала января 1992 г. правительство решило контролировать цены на нефть и другие энергоносители. Новая цена на нефть была установлена в 350 руб. за 1 т, что при действующем курсе доллара составляло около 3 долл. за 1 т и было в 50 раз ниже мировых цен. В результате такой диспропорции началась активная контрабанда нефти и нефтепродуктов за пределы СНГ. Это облегалось и тем, что у России не было никаких охраняемых границ. Коммерсанты из Прибалтики, Польши, Украины и других стран везли бензин канистрами или бочками. 18 мая 1992 г. президент Б. Ельцин подписал постановление о введении новых цен на нефть: 1800–2200 руб. за 1 т, что составляло около 18 долл. по текущему курсу. Это, безусловно, уменьшило число мелких спекулянтов. Но крупные спекулянты, гнавшие бензин автоцистернами по сельским дорогам в Эстонию и другими путями продолжили свой доходный бизнес. Из Украины в другие страны вывезли более 30% поставленного ей Россией жидкого топлива⁵⁸.

20 июля 1993 г. состоялось совещание представителей предприятий добывающих и перерабатывающих отраслей с участием руководства ВС РФ и Совета Министров – правительства РФ по вопросу «О мерах по стабилизации работы добывающих и перерабатывающих отраслей топливно-энергетического комплекса Российской Федерации»⁵⁹. В резолюции, которая была принята участниками совещания, отмечались проблемы, сложившиеся в данном секторе экономики: необеспеченность источниками финансирования тарифного соглашения в угольной промышленности, задержка бюджетных средств на дотации и централизованные капитальные вложения. Из-за отсутствия средств срывалось выполнение социальных программ, задерживалась выплата заработной платы, росла напряженность в трудовых коллективах. По мнению представителей предприятий добывающих и перерабатывающих отраслей, политика ценообразования и налогообложения носила явно выраженный фискальный характер и не способствовала стабилизации финансового состояния в отраслях ТЭК. Действующий финансово-хозяйственный механизм не создавал экономических стимулов к повышению эффективности труда и производства, рациональному использованию ресурсов. Провозглашенный приоритет топливно-энергетического комплекса на деле не реализовывался. Сохранение сложившихся тенденций грозило привести к параличу всей системы топливно- и энергообеспечения экономики России.

В связи с драматичностью складывающейся ситуации и в целях сохранения производственного потенциала ТЭК, обеспечения надежного снабжения топливом и энергией потребителей РФ в условиях продолжающегося кризиса платежно-расчетных отношений в стране и недостаточности бюджетного финансирования, Совещание обращалось к ВС, правительству и Центральному банку России с требованием незамедлительно принять практические меры к обеспечению приоритетного подхода к развитию отраслей ТЭК и государственной поддержке предприятий и организаций. Предлагалось президенту Б. Ельцину и ВС РФ принять исчерпывающие меры по наведению должного порядка во взаиморасчетах как внутри страны, так и со странами ближнего зарубежья.

Совещание считало необходимым изменить соотношение цен на сырье и продукты его переработки и другие виды промышленной продукции и предлагало:

- правительству пересмотреть ценовую политику для предотвращения полного развала промышленности и экономики страны;
- ВС РФ и Совету Министров – правительству РФ в первоочередном порядке в 1993 г. принять законодательные акты «О нефти и газе», «Об использовании атомной энергии», «О федеральной энергетической политике», «Об энергосбережении» и др.;
- Министерству финансов и Центральному банку России погасить в кратчайшие сроки задолженность за II квартал 1993 г. по дотациям угольной промышленности в сумме 55 млрд руб. и централизованным капитальным вложениям в сумме 40 млрд руб.; незамедлительно открыть финансирование угольной промышленности из бюджета в расчете 690 млрд руб. на III квартал, в том числе 230 млрд руб. на июль текущего года⁶⁰.

В 1993 г. структура экспорта России изменилась еще больше. Экспорт нефти в ближнее зарубежье составил 15% добычи нефти, а экспорт в дальнее зарубежье – почти 35% всей добычи нефти и производства нефтепродуктов в РФ. Такая политика приводила к тому, что для внутренних нужд страны оставалось не более 180 млн т нефти. Столь высокий уровень экспорта нефти при низких ценах на нее был безусловным расточительством. В 1993 г. наблюдалось последовательное падение цен на нефть: с 19 долл. за баррель в январе до 13,5 долл. в декабре. Другие экспортеры нефти рассчитывали, что в условиях резкого падения добычи нефти в России ее экспорт снизится, что позволило бы стабилизировать цены и довести их до 20–21 долл. Ожидания не оправдались, РФ снова дестабилизировала цены в ущерб себе и другим. В 1992–1993 гг. подобное происходило не по политическим причинам, а из-за общей анархии в торговле энергоносителями, а также вследствие искусственного диспаритета между покупательской способностью рубля и доллара, что делало для коммерсантов выгодным любой, даже демпинговый экспорт за доллары. Данное обстоятельство послужило причиной завышенного экспорта и других традиционных российских сырьевых ресурсов: газа, цветных металлов и др. Демпинговые выбросы десятков миллионов тонн нефти снижали мировые цены, стимулируя развитие западной экономики, но создавали острый дефицит нефтепродуктов в России, принося ущерб отечественной промышленности. Долги потребителей нефтяникам росли лавинообразно, достигая триллионов рублей. Для РФ лишение отечественных производителей дешевого жидкого топлива был экономическим самоубийством. Экспорт нефти по сверхдешевым ценам не мог компенсировать потерю собственного производства. Для выхода из кризиса России нужны были высокие цены на ее экспортное сырье и низкие цены на жидкое топливо для отечественных производителей.

В 1993 г. страна получила резко положительное сальдо внешней торговли – около 20 млрд долл.⁶¹ Но судя по большим трудностям с выплатой процентов по старым внешним долгам, миллиарды нефтедолларов не улучшили государственные финансы.

Главной причиной сползания российской экономики в кризис ученые называли резкое снижение производственного потенциала в результате дезорганизации единого народнохозяйственного механизма при распаде СССР на отдельные государства. В течение 1992–1993 гг. большинство предприятий и производств практически устранили последствия разделения рынков, адаптировавшись к новой инфраструктуре, реорганизовав производство с ориентацией на внутренний рынок. Однако их мощности, ориентированные на общесоюзного потребителя, с рыночной точки зрения перестали существовать как основной капитал. Примером могут служить республики Закавказья, являвшиеся монополистами в производстве ряда важнейших видов бесшовных нефтепроводных труб (Грузия) или пропиленгликоля для лакокрасочных работ (Азербайджан). Остановка подобных предприятий в результате военнополитических событий или принятие решения об их перепрофилировании на внутренние рынки вызвали сбои в работе российских смежников⁶².

Таким образом, структура основного капитала, сформированная ранее по отраслевому принципу, оказалась неэффективной, основные фонды резко снизили свою отдачу. Определенную роль в этом сыграла конверсия оборонных предприятий, выпуск гражданской продукции на которых в условиях ограниченных инвестиций был не в состоянии обеспечить уровень доходов, имевшийся при производстве военной техники и вооружений.

С октября 1992 г. в экономике стали формироваться внутренние механизмы, способствующие достижению относительной стабилизации. Произошла определенная адаптация производителей к динамике инфляционных процессов и складывающейся системе экономических связей. Но постоянно ужесточающаяся кредитно-денежная политика, ее непоследовательность нарушили наметившуюся к концу 1992 г. стабильность.

* * *

Весной 1992 г. усилилось давление на правительство и президента страны с целью усиления финансовой поддержки населения и предприятий. В результате с мая по август было принято около двух десятков законов РФ, указов президента и постановлений правительства, требующих дополнительного, по сравнению с проектом бюджета направляемого на социальные цели финансирования в сумме около 400 млрд руб.⁶³

В мае 1992 г. в Президиуме ВС с информацией о положении в бюджетной сфере выступил заместитель председателя правительства РФ А.Н. Шохин⁶⁴. Начиная с третьего квартала 1992 гг. правительство вводило единую систему оплаты труда для всех бюджетных отраслей. Начиная со II квартала 1992 г. правительством был принят ряд мер по социальной защите населения, позволивших частично компенсировать рост цен. Дважды увеличивался размер минимальной оплаты труда с одновременным повышением социальных выплат, были приняты меры к выплате единовременных компенсаций малообеспеченным категориям граждан (пенсионерам и семьям с детьми). Несколько раз повышались ставки и оклады работникам бюджетных организаций⁶⁵.

Решения, принятые на федеральном уровне, дополнялись мерами по социальной защите, осуществляемыми местными органами исполнительной

власти. Наряду с мерами материального характера (доплаты к пенсиям, пособиям, стипендиям) на местном уровне использовались различные формы социального обслуживания населения (организация бесплатного питания, надомное обслуживание престарелых и нетрудоспособных граждан, оказание натуральной помощи и т.п.). Однако эти меры, часто запоздалые, лишь частично смягчали обостряющиеся проблемы. В условиях либерализации цен и нарастающей инфляции, материальная помощь государства была каплей в море. Первоначально несколько смягчило шоковое повышение цен использование населением ранее накопленных товаров и сбережений. Однако к 1993 г. для значительной части населения этот источник временного поддержания уровня жизни был практически исчерпан.

Съезд против правительства. VII Съезд народных депутатов

1 декабря 1992 г. истекал срок дополнительных полномочий президента, а вместе с ним и полномочий правительства, сформированного на основе прерогатив, предоставленных Б. Ельцину. Данное положение определялось постановлениями от 1 ноября 1991 г. «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы», которые исключали любой механизм автоматического продления установленных полномочий. Осознав краткосрочность выданного кредита, президент начал искать другие способы решения проблемы. Один из них силовой – проведение референдума о реорганизации законодательной власти и закрепление чрезвычайных полномочий, другой – проведение конституционной реформы.

16 ноября 1992 г. в преддверии Съезда народных депутатов правительство одобрило три социально ориентированных документа: проект бюджетного послания на 1993 г., краткосрочную антикризисную программу и основные направления госпрограммы приватизации объектов федерального и муниципального имущества. Более половины расходной части бюджета правительство намеревалось направить на социальные программы (адресная защита различных категорий населения в условиях инфляции, финансовая поддержка образования, культуры, науки и т.д.) Частью антикризисной программы являлась финансовая поддержка предприятий в критических ситуациях, целевые федеральные программы. Львиная доля целевых программ адресовывалась подлежащим конверсии предприятиям⁶⁶. В последнюю предсъездовскую неделю Верховный Совет должен был рассмотреть данные проекты и принять по ним решения, что было непросто. При обсуждении бюджетного послания правительство предложило урезать на 11% отчисления в пенсионный фонд, направив разницу для целевого финансирования социальных программ. Кроме того, президент выразил недовольство чрезмерным, на его взгляд, увеличением бюджетных расходов на содержание ВС (более чем в три раза). В случае, если Верховный Совет отвергал пожелания исполнительной власти, дефицит бюджета увеличивался на 1 трлн руб. Найти альтернативные источники дохода для покрытия расходов не представлялось возможным.

Взаимоотношения, сложившееся между ВС и правительством накануне седьмого съезда напоминало боксерский ринг, где противники нещадно наносили удары друг другу. При этом град ударов сопровождался призывами к сотрудничеству и согласию с обеих сторон. Вице-премьер М. Полторанин заявил, что правительство уйдет в отставку лишь в обмен на роспуск ВС и его руководства⁶⁷.

Провал агрессивного сценария шестого съезда обернулся для председателя Верховного Совета длительной изоляцией. На протяжении многих месяцев общение Б. Ельцина и Р. Хасбулатова сводилось к протокольным рукопожатиям и редкому соседству в президиумах на торжественных мероприятиях⁶⁸. И только накануне седьмого съезда Р. Хасбулатову удалось добиться нескольких персональных аудиенций в Кремле. Перед отъездом в Сеул Б. Ельцина состоялась его закрытая встреча с Р. Хасбулатовым. Содержание разговора осталось тайной, но налицо была разительная перемена в настроениях парламента. То самое депутатское большинство, которое отвергало всякие попытки президента хотя бы отложить на три месяца съезд, теперь, по определению журналистов, демонстрировало намерение «придержать захлопывающуюся дверь». 137 голосами (против – 8) ВС одобрил текст обращения, в котором заявил, что «решительно настроен на сотрудничество с президентом и правительством, выражает готовность поддержать на съезде любые позитивные действия, направленные на дальнейшее развитие реформ и вывод экономики из кризисного состояния»⁶⁹.

За неделю до съезда «Независимая газета» опубликовала большое интервью с председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым, в котором он заверил, что разногласия с правительством «касаются лишь частных, деталей, но не сути, поскольку противников перехода к рынку в парламенте просто нет»⁷⁰.

Р. Хасбулатов напомнил, что пятый съезд пошел навстречу настойчивым просьбам президента и правительства и предоставил такие полномочия, которые не имеет ни один кабинет в мире: «Сколько раз руководители Верховного Совета и на съездах, и на сессиях убеждали депутатов, возмущенных явно ошибочными действиями исполнительной власти, не трогать правительство, проявить понимание сложностей и трудностей, с которыми оно сталкивается». Но стоило парламенту потребовать от правительства и отдельных министров отчета, жаловался Р. Хасбулатов, как поднялся невероятный шум о «консерватизме» и реакционности депутатов, угрозы распустить парламент и ввести прямое президентское правление. Эти угрозы, по мнению Р. Хасбулатова, исходили от «определенных лиц из президентского окружения», которые через «свою пятую колонну» в Верховном Совете пытались дезорганизовать его деятельность. Попытка введения президентского правления без санкции парламента будет расценена однозначно – как государственный переворот, адресовал Р. Хасбулатов свою угрозу «некоторым лицам из окружения президента».

26 ноября правительство представило в Верховный Совет свою программу оздоровления экономики. Программу не помогли провести сквозь депутатское собрание ни «утряска» ее текста с экономистами «Гражданского со-

юза», ни примирительный тон представившего ее и.о. премьера Гайдара. Как отмечала «Независимая газета»: «Гайдара встретили привычно — со сдержанной ненавистью»⁷¹. Но ВС не отверг правительственную программу, хотя недовольных было абсолютное большинство, а после выступления лидеров антиправительственного блока состояние зала приблизилось к истерическому. В сложившейся атмосфере Р. Хасбулатов принял решение перенести голосование на следующий день, чем серьезно помог правительству преодолеть парламентские дебаты с наименьшими потерями. За ночь страсти поутихли, и на следующий день Верховный Совет принял постановление «О программе неотложных мер по оздоровлению экономической ситуации». Но решающая битва была впереди.

Одним из центральных на седьмом съезде стал законопроект о «Совете министров». Были предложены новые поправки в Конституцию, согласно которым правительство подчинялось съезду, затем — ВС и лишь потом — президенту. Съезд должен был утверждать не только главу правительства, но и всех его заместителей и ключевых министров. Такая раскладка, когда исполнительная власть оказывалась под полным контролем законодательной, не устраивала президента. Но в ноябре Верховный Совет проигнорировал практически все его поправки к закону.

В своей борьбе против ВС президент решил опереться на съезд. Парадоксальность ситуации состояла в том, что он пытался взять в союзники съезд, который по проекту его новой Конституции подлежал упразднению. Но логика Б. Ельцина была понятна, он решил противопоставить Верховному Совету во главе с Р. Хасбулатовым тысячный форум народных депутатов, которыми председатель ВС не мог легко манипулировать. Именно съезду в своем выступлении на его открытии президент предложил поделить власть над правительством, и съезду предлагалось урезать полномочия Верховного Совета. Основным итогом работы седьмого съезда должно было стать принятие решения о введении стабилизационного периода.

С обзором положения в экономике и прочих областях российской жизни в конце первого дня съезда выступил председатель Верховного Совета. Ситуация, представленная Р. Хасбулатовым, была апокалиптической, а политика правительства — «безнравственной»⁷². Р. Хасбулатов предложил кабинету определиться: либо, приняв парламентскую парадигму «социально-ориентированного рынка и либерализма», переменить курс, либо открыто заявить о своей приверженности «неоклассическому либерализму», что, судя по выступлению, привело бы к отставке правительства. Но логического слова «отставка» спикер не произнес.

На следующий день с резкой критикой Р. Хасбулатова на съезде выступил Е. Гайдар. Противоборство властей вылилось в состязание ораторов-экономистов. Напомнив собравшимся, в каких стартовых условиях начало действовать нынешнее правительство, Е. Гайдар обрушился на Р. Хасбулатова и его «альтернативы»: либо «скандинавская», социально-ориентированная экономика, либо «американская послерузвельтовского периода» — классические либеральные рыночные модели. По мнению Е. Гайдара, выбор такой альтернативы не являлся главной задачей текущего периода, выбирать

подходящую модель общество, возможно, было бы готово через 3–5 лет. И в свою очередь усомнился в «социальной» ориентированности парламента: «Утверждается бюджет на 1992 г. ВС вносит в него 1 триллион 300 млн рублей. Это социально-ориентированный рынок?»⁷³. Это популизм, ведущий к хронической бедности и застойной слабой развитости. И далее: «Остатки пенсионного фонда переданы коммерческим структурам <...> Это социально ориентированный рынок?».

По мнению Гайдара, любое промедление со структурной перестройкой народного хозяйства являлось преступным. Сверхмилитаризированная, архаично структурированная экономика пыталась выкарабкаться. И реальная альтернатива — ее развитие или скатывание к латиноамериканскому варианту. В вопросе приватизации Е. Гайдр призвал не суетиться, но и «не потерять темпа». Для этого нужно было сильное правовое обеспечение — не допустить «прихватизации».

Речь Е. Гайдара произвела на депутатов сильное впечатление. По мнению прессы, Гайдар выиграл. В отличие от Р. Хасбулатова (заявил, что «Верховный Совет ясно видит свою долю ответственности и в глубоком спаде производства, и в росте безработицы, и в угасании научно-технического потенциала») он принял вину за перечисленные им самим просчеты (провал программы финансовой стабилизации, кризис неплатежей, сельское хозяйство и проч.) полностью на свое правительство⁷⁴.

Но, несмотря на то, что даже вечный оппонент Е. Гайдара, экономический эксперт «Гражданского союза» И. Дискин назвал этот доклад «блестящим», преломить настроение депутатов премьеру не удалось.

Седьмой съезд был важен и тем, что ему предстояло избрать премьера правительства. Назывались разные кандидатуры — от Ю. Скокова до Е. Гайдара. Несмотря на то, что блестящая предвыборная речь Е. Гайдара произвела сильное впечатление на парламентариев, не добрав 54 голоса, Е. Гайдар не был утвержден съездом на должность премьер-министра и остался исполняющим его обязанности.

10 декабря Б. Ельцин выступил на съезде с резким заявлением. Заключив, что «с таким съездом работать дальше стало невозможно», президент призвал покинуть своих сторонников заседание съезда. В острый конфликт законодательной и исполнительной власти вмешался председатель Конституционного суда, при посредничестве которого был выработан компромиссный документ «О стабилизации конституционного строя», одним из пунктов которого стала отставка Е. Гайдара. Новым премьер-министром был избран В.С. Черномырдин, в прошлом руководитель Министерства газовой промышленности, преобразованного в 1989 г. в газовый концерн «Газпром». Именно ему предстояло сформировать новое правительство и от того, каким оно будет, зависела дальнейшая судьба реформ.

Отставку Е. Гайдара и избрание В. Черномырдина Р. Хасбулатов воспринял как свою победу. И он уверенно заявил, что члены гайдаровской команды не только не будут помогать, но будут мешать премьеру⁷⁵. Заявление опрометчивое, во-первых, такая позиция означала отказ от реформ, во-вторых, он продемонстрировал, к какой политической группе может принадлежать В. Чер-

номырдин. Президент, спешно вернувшийся из Китая, провел консультации с В. Черномырдиным, в ходе которых напомнил о своих полномочиях и условиях назначения его премьером. Кроме того, президент оговорил сохранение четырех, кроме «силовых», министров гайдаровской команды

Несомненно, В. Черномырдин с первых шагов оправдал мнение о себе как о человеке «сильном и самостоятельном», который умело лавировал между Б. Ельциным, Р. Хасбулатовым и остатками команды реформ. Наконец, 23 декабря список постгайдаровского кабинета, путешествующий в течение недели в треугольнике «Б. Ельцин — В. Черномырдин — В. Шумейко», был положен на подпись президенту. Б. Ельцин выполнил обещание — максимально сохранить наследие ушедшего и.о. премьера, оставив А. Чубайса, А. Шохина, и др. Безоговорочно ушел в отставку П. Авен, но оставил кресло своему заместителю С. Глазьеву. Новое правительство представляло собой конгломерат разнородных личностей. Оно в меньшей степени состояло из людей Е. Гайдара (А. Чубайс, С. Васильев, Д. Васильев, П. Мсотовой, А. Вавилос, А. Нечаев), небольшой группы относительно молодых и демократически настроенных лиц (А. Шохин, С. Шахрай, В. Шумейко), по большей степени выходцев из советской бюрократической системы⁷⁶.

Тем не менее реформаторский потенциал нового правительства воспринимался скептически, слишком разными были премьер и оставленная ему команда. Верховный Совет тоже от такой расстановки ничего не выиграл. Главный выигрыш получил президент, особенно после вхождения в ВС одного из самых эффективных ельцинских советников Шохина — С. Шахрая. Добившись утверждения такого состава правительства, Б. Ельцин еще больше замкнул реформы на себе.

Бюджетная политика России в 1992–1993 гг.

Утверждение 14 декабря 1992 г. премьер-министром В. Черномырдина было первоначально истолковано как смена экономического курса, хотя состав правительства изменился мало. Первые действия — требование дополнительных кредитов ТЭК, принятие постановления о регулировании цен через рентабельность подтверждали это⁷⁷. В 1993 г. почти все официальные документы правительства, особенно программные, были направлены на финансовую стабилизацию и продолжение экономических реформ. Январь–февраль 1993 г. правительство В. Черномырдина потратило на анализ ситуации, перегруппировку сил. Начались регулярные заседания Комиссии по кредитной политике были приняты основные направления финансово-экономической политики 1993 г.

Осенью 1992 г. еще до отставки Е. Гайдара Министерство финансов подготовило проект бюджетной системы России на 1993 г. После принятия ряда налоговых постановлений и Закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законы РФ о налогах» от 22 декабря 1992 г. и обсуждений в ВС в начале января 1993 г. доходы консолидированного бюджета в проекте были скорректированы до 28%, а расходы — до 35% ВВП. Дефицит республикан-

ского бюджета был определен в 6% ВВП⁷⁸. Во время парламентских слушаний расходы в проекте были увеличены.

При отсутствии в начале 1993 г. утвержденного бюджета его исполнение осуществлялось согласно постановлению ВС РФ «О финансировании государственных расходов из бюджетов Российской Федерации в I квартале 1993 года и об организации работы над бюджетным посланием Президента РФ на 1993 год» от 25 декабря 1992 г., согласно которому ежемесячное финансирование программы и мероприятий могло осуществляться в размере одной трети объема, предусмотренного на эти цели в IV квартале 1992 г. Не предусмотренные в IV квартале расходы могли финансироваться только по решению ВС РФ. В результате в январе сложилось превышение доходов над расходами федерального бюджета на 0,7% ВВП⁷⁹. Однако затем было принято следующее постановление Верховного Совета РФ от 29 января 1993 г. – «О финансировании государственных расходов из республиканского бюджета Российской Федерации в первом квартале 1993 года». Согласно этому постановлению правительству было разрешено в первом квартале ежемесячное финансирование программ и мероприятий в размере одной двенадцатой объема ассигнований, предусмотренных проектом республиканского бюджета РФ, внесенным правительством в Верховный Совет. Это решение вызвало весной 1993 г. значительный рост расходов бюджета.

Нарастающая конфронтация между ВС и правительством, усиление противоречий между различными группами внутри правительства лишь в конце марта позволили парламенту во втором чтении принять Закон «О республиканском бюджете Российской Федерации в 1993 г.». Дефицит бюджета, согласно этому закону составил около 18% ВВП. Несмотря на противодействие Министерства финансов, он был подписан президентом в середине мая 1993 г.⁸⁰

Параллельно с подписанием в мае президентом закона о бюджете началась работа над его корректировкой, вызванная как малой реалистичностью прогноза на 1993 г., так и несогласием Министерства финансов во главе с Б. Федоровым с чрезвычайно высокими расходами, заложенными в проект.

В конце июня 1993 г. Министерство финансов представило на рассмотрение Верховного Совета доработанный проект республиканского бюджета, который предусматривал сокращение дефицита с 18% до примерно 10% ВВП. 28 июня 1993 г. уточненный бюджет на 1993 г. представил Президиуму А.П. Починок. Он напомнил, что страна живет без утвержденного бюджета, а работники бюджетных сфер по этой причине не получают зарплату. На 1 июля была назначена забастовка работников образования, которые отказывались принимать выпускные и вступительные экзамены.

Новый проект бюджета был доработан с учетом предложений и замечаний комитетов и комиссий ВС, но оставались болевые точки, требующие быстрого решения. Основная проблема бюджета заключалась в большом дефиците. Кроме того, в бюджет были включены доходы от налогов, которые еще не были утверждены Верховным Советом. Новые налоги предлагалось ввести для создания внебюджетного фонда поддержки сельскохозяйственного производства, угольной промышленности – 7% по типу НДС. Для реализации этого плана ВС должен был срочно принять соответствующий закон⁸¹. Следующая

мера пополнения бюджета заключалась в введении новых акцизов на уголь и газ. С одной стороны, это давало дополнительные доходы, с другой — означало увеличение цен. Еще одна, вынужденная, но необходимая мера заключалась в сокращении расходов бюджета, в том числе и на социальные нужды. Чтобы как-то компенсировать влияние введения новых налогов, правительство предлагало уменьшить отчисления в пенсионный фонд. Но данная мера также требовала специального закона.

В целом по проекту объем дохода увеличивался на 14,2, а расходов — на 20,7 трлн руб. С учетом всех принятых решений и частичного погашения доходов от иностранных кредитов на 3 трлн руб., набирался дефицит на 15 трлн руб.⁸²

После обсуждения Верховный Совет доработал проект Минфина, увеличив дефицит до 22,6% ВВП, и принял соответствующий Закон «Об уточнении показателей республиканского бюджета на 1993 год». Президент Б. Ельцин отказался подписать этот закон и вернул его для рассмотрения во втором чтении. 27 августа 1993 г. ВС повторно утвердил практически тот же вариант бюджета, приняв Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон “О республиканском бюджете Российской Федерации на 1993 год”». При этом размер дефицита был снижен до 22,1% ВВП.

В июле и августе в бюджетной ситуации усилились негативные тенденции. Причем изменения налоговых доходов были в значительной степени автономны от политики Министерства финансов России и связаны, главным образом, с такими факторами, как ускорение инфляции, рост дебиторской задолженности и недоимок по налогам летом 1993 г.

В тот период впервые с начала реформ проявилась тенденция на снижение налоговых поступлений в бюджетную систему, создавая предпосылки перехода бюджетного кризиса в новую фазу, характеризующуюся низкими доходами, не позволявшими поддерживать расходы.

Наращение политического противостояния

Одновременно правительство делало попытку наладить конструктивный диалог с оппозицией. Правительство приняло участие в совместном «Круглом столе», встречалось с фракциями Верховного Совета. С марта 1993 г. начался новый этап в отношениях правительства и ВС. Точкой отсчета можно считать известное заявление 20 марта президента, проведение апрельского референдума и ужесточение борьбы с Верховным Советом. В это время ЦБ под давлением правительства увеличил процентные ставки, Минфин получил право отмены импортных дотаций, впервые был утвержден квартальный лимит централизованного кредитования, начата либерализация цен на уголь.

Результаты апрельского референдума, показавшие поддержку курса экономических реформ, позволили подписать совместное заявление ЦБ и правительства об экономической политике, в котором устанавливались квартальные лимиты централизованного кредитования, принят Указ № 842 «О некоторых мерах по сдерживанию инфляции», объявивший мораторий на

увеличение расходов бюджетной системы, не обеспеченных соответствующим финансированием.

20 апреля 1993 г. с помощью решения Верховного Совета удалось прекратить предоставление технических кредитов странам СНГ, за что Министерство финансов боролось с начала 1993 г.⁸³ Началась стабилизация валютного курса.

Главной причиной инфляции в 1993 г. оставался гигантский дефицит государственного бюджета, финансируемый исключительно за счет эмиссии Центробанка. Весной 1993 г. ЦБ РФ разработал «Основные направления денежно-кредитного регулирования на 1993 год»⁸⁴, в котором, учитывая опыт прошедшего года и тенденции социально-экономического развития России, определил следующие направления работы: стабилизацию денежного обращения, нормализацию платежно-расчетных отношений и развитие банковской системы.

Подписание правительством и Центральным банком совместного заявления об экономической политике стало важнейшим событием этого периода и открыло дорогу получению первой части системного кредита МВФ в начале июля 1993 г., накануне саммита в Токио. Лимиты были выдержаны, бюджетный дефицит ограничен, и в этот период началось реальное снижение инфляции. В начале июня был выпущен принципиальный указ президента о неприятии во II полугодии новых расходных решений, отсрочке бюджетных выплат. Но указ не был выполнен.

Главное расхождение между позициями Верховного Совета и правительства, а также между консервативным крылом правительства и радикальным касалось соотношения приоритетности задачи финансовой стабилизации и необходимости поддержки отечественной промышленности, сельского хозяйства и других секторов экономики путем эмиссионного финансирования.

После встречи в верхах в начале июля 1993 г. в Токио начался этап «отката». Внутренние противоречия в правительстве усилились. По заявлению заместителя председателя правительства Б.Г. Федорова, «определенные силы в правительстве с участием ЦБ начали массированную атаку на стабилизационную финансовую политику». Атака заключалась в превышении установленных лимитов централизованного кредитования; принятие завышенных закупочных цен на зерно, разрушающих федеральный бюджет, неожиданное проведение ЦБ обмена денег и затем непрерывное давление в целях быстрого создания так называемой рублевой зоны.

В результате вновь подскочили показатели инфляции, особенно в августе из-за обмена денег. В августе стало ясно, что нарушаются кредитные лимиты III квартала (рост на 60% вместо 30%) даже с учетом использования 1,5 млрд долл., полученных от МВФ⁸⁵. Надежды на получение второй части системного кредита от МВФ исчезли.

В то же время, в докладе ИЭ РАН главным ответственным за растущую эмиссию и накачку народного хозяйства платежными средствами называлось Министерство финансов России. Эмиссия наличных денег возросла с 89 млрд руб. в 1991 г. до 1,5 трлн руб. в 1992 г. и 10,9 трлн руб. в 1993 г. Рост эмиссии, непрекращающаяся инфляция, периодически возникающий и уси-

ливающийся кризис платежей свидетельствовал об утрате контроля за состоянием денежного обращения в стране.

Потеря управляемости в экономике резко обесценивало разработку любых программ и мер по борьбе с кризисом и по стабилизации ситуации. Кризис управления во многом был следствием отказа государства от участия в регулировании экономики, что противоречило мировому опыту и практике стран с высокоэффективной рыночной экономикой. Отличительной чертой кризиса управления являлось то, что он разворачивался на фоне резкого увеличения численности аппарата управления, усиления бюрократизма в подготовке и принятии решений.

Согласно докладу ИЭ РАН провалу курса реформ в 1992–1993 гг. способствовала также позиция МВФ с его претензиями на универсальную применимость теоретических схем и опыта стабилизационных программ для стран третьего мира. По большому счету не последовало и обещанных кредитов, поддержка ведущих стран Запада оказалась чисто символической. «Уровень и сложность российских проблем оказались на порядок выше профессиональных возможностей и компетенции западных экспертов и советников», — делала вывод ученые⁸⁶.

Кризисные явления в системе государственного управления

Во всех программах перехода к рыночной экономике, которые выдвигались в конце 1980 – начале 1990 гг., основные ставки, так или иначе, делались на: радикальное изменение форм собственности; реформу ценообразования и налоговой системы; коренную перестройку финансово-кредитной сферы; создание конкурентной среды и проч. Но в тени оставался один из ключевых и решающих компонентов реформы – организация управления экономикой во всех звеньях, формирование четкой институциональной структуры⁸⁷.

Экономическая ситуация, сложившаяся в стране, характеризовалась структурным кризисом, практически полным разрушением инвестиционного комплекса и острым финансово-платежным кризисом. Положение усугублялось тем, что наряду с финансовым кризисом сложился и кризис управления. Старый механизм управления был разрушен, хотя отдельные его части еще сохранились и действовали на местах. Демократический механизм управления экономикой и рыночный механизм саморегулирования еще не были созданы. Критическое положение усугубляли недостаточно четкое разграничение прав и ответственности между различными органами и структурами исполнительной власти, ее центральными и местными органами, а также не доработанный механизм контроля за выполнением и результатами отдельных экономических мероприятий.

Макроэкономическое регулирование оказывалось отторгнутым от деятельности на микроэкономическом уровне. Наряду с другими кризисами Россия вошла в углубляющийся управленческий кризис. Профессор ИЭ РАН Б. Мильнер писал: «С каждым днем становится все яснее, что ни у представительных органов, ни у исполнительной власти нет концепции создания систе-

мы управления, адекватной рыночному механизму»⁸⁸. Объяснялось это целым рядом причин, в первую очередь иллюзией, что по мере либерализации экономики все образуется само собой. Решение всех задач эффективного хозяйствования связывалось только с акционированием и переходом в другую форму собственности. Таким образом, произошел переход в другую крайность, но в рамках старой концепции, когда однообразие делало бесполезным поиск рациональных форм и методов управления, создавал культ одной схемы и внедрял примитивизм в понимании и решении многосложных задач.

Практика перехода к рыночной экономике, базирующаяся на одновременном использовании различных форм собственности, свидетельствовала о повсеместном снижении уровня управляемости экономикой. Государственные структуры утратили реальные рычаги воздействия на протекавшие в экономике процессы. Несмотря на принимаемые многочисленные законы, постановления, программы, механизм управления не работал на всех уровнях.

В октябре 1992 г. в Верховный Совет РФ была направлена информационная записка генерального прокурора России В.Г. Степанкова «О состоянии законности в деятельности органов власти при проведении радикальной экономической реформы»⁸⁹.

Анализ данных прокурорского надзора показал, что за последние полтора года органами прокуратуры было выявлено и опротестовано почти 13 тыс. незаконных решений, постановлений, распоряжений и других актов, принятых краевыми, областными, районными, городскими, сельскими и поселковыми органами власти и управления. Для устранения связанных с реформой нарушений в их адрес были вынесены свыше 10 тыс. представлений, а по материалам прокуратуры более 1 тыс. должностных лиц привлечены к дисциплинарной, административной и материальной ответственности⁹⁰.

Самые многочисленные отступления от российского законодательства допускались районными, городскими, сельскими, поселковыми Советами и местной администрацией. Соображения хозяйственной целесообразности нередко ставились выше положений закона. В Республиках Башкортостан, Мордовия, Саха (Якутия), Астраханской, Кемеровской и Ростовской областях Советы и администрация незаконно вмешивались в хозяйственную деятельность предприятий, объединений и организаций, устанавливали ограничения и запреты.

В Бурятской, Чувашской, Калмыцкой, Коми республиках, Волгоградской, Кировской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Ульяновской областях местные органы власти принимали решения о запрещении вывоза промышленной и сельскохозяйственной продукции в другие регионы, игнорировали законодательство о едином экономическом пространстве и свободе торговли. Почти в каждом четвертом регионе были выявлены грубые нарушения законов о собственности, предприятиях и предпринимательской деятельности, приватизации. В одном только Краснодарском крае прокуратура была вынуждена опротестовать более сотни правовых актов, принятых в нарушение этих законов.

В Брянской, Волгоградской, Омской, Тамбовской, Челябинской, Ярославской областях местные органы самоуправления, выходя за пределы пре-

доставленных им полномочий, присваивали себе функции законодателей. Они вводили новые виды административной ответственности, повышали размеры штрафов, устанавливали непредусмотренные законом налоги, сборы и платежи. В ряде мест, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, нарушениям способствовали конфликты представительных органов власти и местной администрации по поводу разграничения компетенций. В результате первые возлагали на себя исполнительно-распорядительные функции, а администрация бралась за решение вопросов, отнесенных к полномочиям органов власти.

Отмечалось также неправомерное вмешательство местной власти в деятельность правоохранительных органов. По информации генерального прокурора, главы администраций отдельных районов и городов, другие ответственные лица органов власти и управления пытались командовать судьями, прибегали к администрированию и выдвигали требования по конкретным делам. К примеру, глава администрации Новоалександровского района Ставропольского края запретил председателю суда вызывать в качестве свидетеля главврача больницы, без показаний которого суд не имел возможности рассмотреть дело. А глава администрации Суворовского района Тульской области вообще отменил решение суда о взыскании по иску прокурора 1,04 млн руб. в пользу местной птицефабрики, распорядившись, чтобы банк вернул эти деньги в районный финансовый отдел⁹¹.

Генеральный прокурор обращал внимание на усиливающуюся коммерциализацию государственных органов. Во многих регионах они все чаще выступали в роли соучредителей коммерческих структур, создавая им привилегированное, а иногда монопольное положение. Подобные факты были вскрыты прокуратурой в Москве и Санкт-Петербурге, Ставропольском крае, Воронежской, Московской, Тюменской, Сахалинской и ряде других областей; установлены случаи прямого сращивания руководителей государственных органов с коммерческими структурами. После вмешательства прокуратуры более 70 должностных лиц освободили вторую должность в системах государственной власти, хозяйственных органах и политических партиях. Вместе с тем, по мнению генерального прокурора, «назрела необходимость в установлении уголовной ответственности за совершение должностными лицами государственных органов умышленных действий, направленных на создание выгодных условий деятельности отдельным хозяйствующим субъектам и искусственное ограничение ими конкуренции на товарных рынках.

Пренебрежение законом, попытки решать возникающие проблемы административно-насильственным способом наиболее негативно отражались на земельной реформе. В Ставропольском крае, Ростовской, Челябинской и других областях прокуроры установили факты получения земельных наделов должностными лицами органов власти и хозяйственными руководителями, которые продолжали занимать свои должности. Чтобы избежать огласки, они оформляли земельные участки на других членов семьи. С учетом состояния законности вопросы, связанные с исполнением законодательства о земле, собственности, предприятиях и предпринимательской деятельности, приватизации, были выделены прокуратурой в качестве главных надзорных приоритетов. В то же время, отмечал В.Г. Степанков, эффективность прокурорского

надзора и других органов контроля снижалась из-за того, что многие законы не имели четкого механизма реализации. Министерство юстиции, правительство, отдельные комитеты и комиссии Верховного Совета, которым в постановлениях о порядке введения в действие законов об экономической реформе поручалось разработать механизм их исполнения, неоправданно затягивали разработку или вообще не выполняли данные поручения⁹².

Главное противоречие сложившейся в начале 1990-х гг. системы управления состояло в том, что, с одной стороны, либерализация экономики объективно потребовала слома командно-административного центра, государственных функций, чуждых духу рыночного хозяйства. С другой стороны, обретение Россией государственности, превращение регионов в самостоятельные субъекты и необходимость радикального обновления экономики требовали твердой власти, проведения последовательной реформы управления.

Результатом управленческого кризиса стали снижение ответственности на всех уровнях, игнорирование прав, распад системы контроля, давление политических решений над экономическими, отсутствие обратной связи.

Итоги

Экономические реформы в России начались на фоне глубокого кризиса советской плановой экономики. Низкая эффективность, отсутствие действенных стимулов хозяйственной активности, крупные структурные диспропорции, планово-распределительная система обусловили нарастающее отставание от развитых индустриальных стран. Попытки частичной либерализации планово-распределительной системы при сохранении ее основ, принятые в 1987–1988 гг., лишь усугубили кризис, и к исходу 1991 г. экономика оказалась на грани катастрофы. Необходимы были решительные действия, чтобы не допустить сползания страны в экономический хаос и создать условия для возобновления экономического роста.

Последовательное осуществление реформ 1992–1993 гг. дало мощный стимул к трансформации экономики. Была демонтирована планово-распределительная система и достигнута достаточно высокая степень либерализации и открытости экономики. На долю негосударственных предприятий в I полугодии 1994 г. приходилось 58% ВВП против 52% в 1993 г.⁹³. В итоге двухлетнего проведения рыночных реформ в России сформировалась система финансовых институтов. Сложилась двухуровневая банковская система, действовали рынки: валютный и кредитный, ценных бумаг и государственных облигаций.

Проведение умеренно жесткой денежно-кредитной политики с середины 1993 г. обусловило постепенный выход производства на реальные спросовые ограничения как промежуточной, так и конечной продукции. Результатом явился значительный спад производства на фоне заметного замедления инфляции. Либерализация цен и переход к жесткой финансовой политике должны были вызвать сокращение спроса и следом за ним – производства. Первые ограничения спроса почувствовали отрасли, производящие продукты пита-

ния и другие потребительские товары. К тому же с начала января 1992 г. происходили задержки с выплатой зарплаты из-за кризиса наличности. В январе 1992 г. физический объем товарооборота упал на 40% по сравнению с декабрем 1991 г.⁹⁴ Характерно, что ограничение спроса в основном определялось не конечным потребителем (на рынке товары не появлялись в достаточном количестве), а торговлей, перерабатывающей промышленностью, которые диктовали свои условия сельским производителям.

В июле—августе 1992 г. ограничения спроса стали заметно сказываться на производстве в инвестиционных и сырьевых областях — спад производства при снижении роста оптовых цен. В III квартале выплавка стали составила 83% от соответствующего периода 1991 г., азотных и калийных удобрений — 80 и 83%, металлорежущих станков — 65% и проч. Но в ряде отраслей, например, в текстильной промышленности ключевым фактором спада стал дефицит сырья в связи с сокращением поставок из СНГ (хлопок) или других стран (шерсть). Это было, в свою очередь, связано со снижением добычи нефти и сокращением ресурсов для экспорта в пределах рублевой зоны, что не нашлось в прямой связи с политикой реформ.

В сложившейся ситуации 1992 г. сокращение инвестиций было естественным, т.к. инфляция и связанный с ней процесс изменения цен и издержек делали рискованными и невыгодными долгосрочные вложения. Здесь важно отметить, что критика Е. Гайдара касалась не ошибочности предпринятых им действий, а вызванных ими тяжелых последствий.

В то же время правительство допустило ряд серьезных просчетов. Прежде всего, следует отметить отсутствие серьезной промышленной политики, недостаточную поддержку развития производства в частном секторе и отсутствие эффективного контроля для государственного сектора. Правительство обвиняли в том, что оно в центр реформ поставило не перевод всех предприятий на рыночные правила хозяйствования, а мероприятия в финансовой сфере. Либерализацию цен оно толковало не как образование цен спросом потребителя, только как отказ правительства от назначения цен. Такая правительственная либерализация лишь перевела назначение цен от правительства к низовым управленческим структурам⁹⁵. Внешне меры правительства были радикальными, но оказались наукообразными и полностью оторванными от реальной действительности.

Внешнеэкономическая политика правительства Е. Гайдара с января 1992 г. оказалась весьма неудачной. Были созданы неблагоприятные условия для экспорта, затем произошли многочисленные изменения правил игры в сфере, где стабильность является одним из главных условий успеха, переход от либеральных подходов к чрезмерному государственному контролю, на почве которого начала процветать коррупция и иные злоупотребления. Рост цен вследствие либерализации оказался намного больше того, что прогнозировало правительство и наблюдалось в других странах. Е. Гайдар к числу наибольших неудач своей команды отнес срыв финансовой стабилизации.

По мнению ученого-экономиста Е. Ясина, одного из экспертов реформы, в условиях России финансовая стабилизация за короткий период была недостижима в силу того, что произошедший после либерализации цен переход от

подавленной инфляции к открытой, обнаружил ее не монетарный, а преимущественно институциональный и структурный характер. Масштаб неплатежей, скорость их нарастания – факторы институциональные, поведенческие. К срыву финансовой стабилизации привели неплатежи и давление промышленников, что нельзя считать неудачей правительства Е. Гайдара⁹⁶.

Ошибкой называют поспешное и рискованное введение налога на добавленную стоимость в момент, когда устойчивость доходов бюджета должна была быть одним из якорей реформы. Налоговая система в течение восьми месяцев не могла обеспечить сбор этого налога в суммах, близких к запланированным. Положение удалось улучшить только за счет взаимного зачета неплатежей и первоочередного использования кредитов для перечисления налогов, а также путем авансовых платежей.

Ключевым фактором, определяющим социальный климат в стране, являлось снижение уровня жизни населения при одновременном росте социальной дифференциации. Сильнейший удар испытало население вследствие обесценения его сбережений. Результатом реформ стало значительное падение уровня жизни и социальной защищенности большинства населения; нарастание преступности при сокращении возможностей защиты от нее; крайне болезненное крушение жизненных ценностей и идеалов старших поколений, идейный вакуум, нарастание этнических конфликтов, ряд внешнеполитических просчетов. Шоковое воздействие этих изменений усиливалось следующими обстоятельствами. Во-первых, указанные сдвиги происходили одновременно и были спрессованы в короткий период. Во-вторых, они осуществлялись без какой-либо психологической компенсации. В-третьих, государственная система не только неадекватно реагировала на многочисленные вызовы, но и была парализована из-за непрерывной конфронтации между представительной и исполнительной властью на всех уровнях.

Анализируя причины, обусловившие такое развитие событий, можно выделить три основных фактора. Первый, это управленческий кризис, вследствие которого государственные структуры утратили реальные рычаги воздействия на протекавшие в экономике процессы. С одной стороны, отсутствовало четкое разграничение прав и ответственности между федеральным центром и местными органами власти, с другой – между исполнительной властью в лице президента и правительства и законодательными органами в лице Съезда народных депутатов и его органов. Формирование рыночных хозяйствующих субъектов резко отставало от демонтажа административно-командной системы. Под структуру управления трансформировалась производственная структура, исключая конкуренцию. В процессе перехода к рыночной экономике предприятия должны были стать свободными, почувствовать жесткость бюджетного ограничения. Но всегда присутствовал риск разрушения сложившихся связей, спада производства.

Следующей причиной негативного развития реформ можно назвать революционный, а не эволюционный, более продолжительный переход к новой системе экономики. Успех реформе обеспечил бы плавный и эволюционный переход от одной системы к другой. Успешный опыт таких стран, как Венгрия и Китай, которые пошли эволюционным путем, подтверждают такой вывод.

С другой стороны, нельзя забывать, что в обеих странах был мощный аграрный сектор, на который они могли опираться, имея широкую поддержку крестьянства. В России второй половины 1980-х гг., где раскручивался жесткий продовольственный кризис, такой возможности уже не существовало. Эволюционный путь был возможен несколькими десятилетиями ранее.

Наконец, фактор распада СССР сыграл важную роль в развитии экономики. Филиалы многих крупных производственных объединений оказались расположенными на территории разных государств. На фоне нарушенных хозяйственных связей возникали стихийные и не всегда оправданные тенденции к репрофилированию предприятий. В результате утрачивался накопленный производственный и научно-технический потенциал. Это касалось оборонных и наукоемких отраслей, капиталоемких производств, разработки отдельных видов природных ресурсов, ряда инфраструктурных отраслей — энергетики, телекоммуникаций, транспорта⁹⁷.

Важную роль в финансово-экономической политике играло противостояние различных структур. Здесь можно выделить два аспекта.

Экономическое противостояние: Центральный банк и Минфин. Это противостояние разных структур, борьба которых часто выходила в публичное пространство. Минфин обвинял ЦБ в раскручивании инфляции, тот в свою очередь, обвинял его в некомпетентности. Противоречия внутри правительства. Оно не было однородным по своему составу. Здесь выделялись реформаторы — консерваторы или радикалы и консерваторы. Министр финансов Б. Федров отмечал, что правительство с самого начала было коалиционным, соединяя внутри себя людей с диаметрально противоположными взглядами, вызывая постоянные противоречия. Понятно, что добиться больших результатов в этой ситуации было сложно⁹⁸.

Политическое противостояние: президент/правительство — Верховный Совет/Съезд народных депутатов. Экономические реформы становились заложником политических амбиций высших органов власти и инструментом политической борьбы. Подрыв финансовой стабилизации происходил и из-за непрерывных невыполнимых обещаний представительной и исполнительной власти. ВС непрерывно принимал заведомо невыполнимые законы в погоне за популярностью в глазах избирателей. Так, законы о зерне, социальных гарантиях военнослужащим, помощи северянам не имели никаких предварительных расчетов, и их реализация в полном масштабе была бы катастрофой для страны⁹⁹.

Исполнительная власть не отставала от ВС. В 1993 г. были приняты сотни расходных решений, не предусмотренных в бюджете. Референдум и выборы, любая забастовка или угроза забастовки вызывали дополнительные расходные решения. Попытка заморозить цены на горючее перед референдумом, многочисленные подарки студентам, академикам, десятки постановлений о помощи регионам — все это делалось за счет эмиссии, подстегивало инфляцию

Необходимость экономических реформ никем не ставилась под сомнение, но драматизм противостояния законодательной и исполнительной власти заключался в нежелании договариваться и неумении найти политические решения. Населению России это обошлось очень дорого.

Примечания

- ¹ *Арбатов Г.* «Гайдаризм» — это реакция на свой собственный марксизм // *Независимая газета.* 1992. 13 марта. С. 4; *Ясин Е.* Судьба экономической реформы в России // *Вопросы экономики.* 1993. № 2. С. 123–130; *Абалкин Л.И.* К цели через кризис. Судьба экономической реформы. М., 1992; *Маевский В.* Становление смешанной экономики: макроэкономический аспект // *Вопросы экономики.* 1993. № 1. С. 92–99; *Куранов Г., Волков В.* Экономика России в первом полугодии 1994 г. // Там же. 1994. № 7. С. 74–84; *Маркова Н., Беденков А.* Социально-экономическое положение регионов России // Там же. 1995. № 3. С. 121–128; *Медведев Ж.* Нефть России: кризис или агония? // Там же. 1994. № 9. С. 62–69; *Росс Дж.* Российская экономика в тупике // Там же. 1994. № 3. С. 17–26; *Синельников-Мурылев С., Титов С., Анисимова Л.* Государственные финансы в 1993 году // Там же. 1994. № 5. С. 43–59; *Степанов Ю., Гришин А.* Проблемный анализ тенденций в экономике России переходного периода // Там же. 1994. № 4. С. 23–35.
- ² Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации (аналитический доклад) // *Вопросы экономики.* 1994. № 2. С. 126.
- ³ *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. Сер. Высшее образование. М., 2001.
- ⁴ *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск, 2008; Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск, 2010; *Пихоя Р.Г.:* 1) Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М., 2007; 2) О периодизации системного кризиса Советского Союза // *Российская история.* 2019. № 2. С. 3–29; *Пихоя Р.Г., Соколов А.К., Журавлев С.В.* История современной России. М., 2008.
- ⁵ *Кирсанов Р.* Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М., 2011.
- ⁶ *Хлевнюк О.В.* День новых цен. Кризис снабжения и российское общество на рубеже 1980–1990-х гг. // *Российская история.* 2019. № 2. С. 52–70.
- ⁷ *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1997; *Федоров Б.* 10 безумных лет: Почему в России не состоялись реформы. М., 1999.
- ⁸ *Кротов Н.:* 1) История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Спецбанки. Свидетельства очевидцев и документы. М., 2008.; 2) Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995). Свидетельства очевидцев. Документы: в 2 т. М., 2001.
- ⁹ *Маевский В.* Становление смешанной экономики ... С. 97.
- ¹⁰ *Ясин Е.* Судьба экономической реформы в России. С. 128.
- ¹¹ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть ... С. 357.
- ¹² *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 290.
- ¹³ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть ... С. 358.
- ¹⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 3. 21 июня. С. 65.
- ¹⁵ Российские финансы в 1993 г. (обзор Министерства финансов РФ, подготовленный под руководством Б.Г. Федорова) // *Вопросы экономики.* 1994. № 1. С. 13.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 903. Л. 124.
- ¹⁷ *Ясин Е.* Судьба экономической реформы в России. С. 130.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 903. Л. 124, 125.
- ¹⁹ Там же. Д. 1627. Л. 162 об.
- ²⁰ Правительство утратило контроль над экономическими процессами // *Независимая газета.* 1992. 6 марта. С. 4.
- ²¹ *Арбатов Г.* «Гайдаризм» — это реакция на свой собственный марксизм. С. 4.
- ²² *Кротов В.* Пути России к рынку: победа или поражение? // *Независимая газета.* 1992. 13 марта. С. 4.
- ²³ См.: Там же. 14 марта. С. 4.
- ²⁴ *Арбатов Г.* «Гайдаризм» — это реакция на свой собственный марксизм. С. 4.
- ²⁵ См.: *Независимая газета.* 1992. 8 апреля. С. 2.
- ²⁶ См.: Там же. 9 апреля. С. 1.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 903. Л. 85.
- ²⁸ Там же. Л. 86.

- ²⁹ Там же. Л. 94.
- ³⁰ Там же. Л. 126.
- ³¹ См.: Независимая газета. 1992. 8 апреля. С. 2.
- ³² *Кротов Н.* История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Первые коммерческие банки (1988–1991). Ч. 2. М., 2008. С. 130.
- ³³ См.: Банк хочет быть беспартийным // Российская газета. 1992. 1 апреля.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: Независимая газета. 1992. 17 марта.
- ³⁶ См.: Куранты. 1992. 8 мая.
- ³⁷ См.: Там же. 9 июня.
- ³⁸ См.: Аргументы и факты. 2000. 1 марта.
- ³⁹ *Кротов Н.* История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Кн. 1. С. 473.
- ⁴⁰ См.: Независимая газета. 1992. 8 апреля. С. 2.
- ⁴¹ *Кротов Н.* История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Кн. 1. С. 474.
- ⁴² *Степанова Е.* Рубль больше падать не пожелал // Независимая газета. 1992. 4 сентября. С. 2.
- ⁴³ *Кузнецова В.* Ельцин и Гайдар хотят отобрать у парламента Центральный банк // Независимая газета. 1992. 12 сентября. С. 1.
- ⁴⁴ См.: Независимая газета. 1992. 22 сентября. С. 1.
- ⁴⁵ Борис Ельцин: «Я знаю и чувствую, где опасная грань...» // Там же. 7 октября. С. 1.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1627. Л. 163 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 903. Л. 127.
- ⁴⁸ Там же. Л. 118.
- ⁴⁹ *Куранов Г., Волков В.* Экономика России в первом полугодии 1994 г. // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 75.
- ⁵⁰ Там же. С. 78.
- ⁵¹ *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 гг. Новосибирск, 2014. С. 510.
- ⁵² Там же. С. 513.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1647. Л. 83, 84.
- ⁵⁴ Там же. Д. 1656. Л. 27.
- ⁵⁵ *Росс Дж.* Российская экономика в тупике. С. 18, 19.
- ⁵⁶ Там же. С. 20.
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1656. Л. 28.
- ⁵⁸ *Медведев Ж.* Нефть России: кризис или агония? С. 68, 69.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1656. Л. 29.
- ⁶⁰ Там же. Л. 36.
- ⁶¹ *Медведев Ж.* Нефть России: кризис или агония? С. 67.
- ⁶² *Степанов Ю., Гришин А.* Проблемный анализ тенденций в экономике России переходного периода. С. 24.
- ⁶³ *Синельников С., Баткибеков С., Золотарева А.* Законодательные и политические аспекты бюджетной политики в постсоветской России. М., 1999; также см.: URL: <https://www.iep.ru/ru/> (дата обращения: 22.01.2022).
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 629. Л. 109.
- ⁶⁵ Там же. Д. 1619. Л. 133.
- ⁶⁶ См.: Независимая газета. 1992. 18 ноября. С. 1.
- ⁶⁷ Там же. 24 ноября. С. 5.
- ⁶⁸ *Пархоменко С.* Бартер как средство достижения политического компромисса // Независимая газета. 1992. 26 ноября. С. 2.
- ⁶⁹ См.: Там же. 1992. 21 ноября. С. 1.
- ⁷⁰ Р. Хасбулатов: «новой диктатуры страна не переживет» // Там же. 1992. 24 ноября. С. 5.
- ⁷¹ Политические маневры все усложняются // Там же. 27 ноября. С. 1.
- ⁷² Программная речь Ельцина перед депутатами достаточно ультимативная // Там же. 2 декабря. С. 1.
- ⁷³ Гайдар возвращает Хасбулатова с небес на землю и берет всю ответственность за ход реформ на свое правительство // Там же. 3 декабря. С. 1.
- ⁷⁴ Там же. С. 2.
- ⁷⁵ См.: Там же. 22 декабря. С. 1.
- ⁷⁶ *Федоров Б.* 10 безумных лет ... С. 88.

- ⁷⁷ Российские финансы в 1993 г. ... С. 8.
- ⁷⁸ См.: Синельников С., Баткибеков С., Золотарева А. Законодательные и политические аспекты бюджетной политики в постсоветской России. С. 22.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Синельников-Мурылев С., Титов С., Анисимова Л. Государственные финансы в 1993 году ... С. 44.
- ⁸¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1645. Л. 2.
- ⁸² Там же. Л. 5.
- ⁸³ Российские финансы в 1993 г. ... С. 8.
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1627. Л. 162.
- ⁸⁵ Российские финансы в 1993 г. ... С. 9.
- ⁸⁶ Социально-экономическая ситуация в России ... С. 130.
- ⁸⁷ Мильнер Б. Кризис управления // Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 79.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 903. Л. 95–98.
- ⁹⁰ Там же. Л. 95.
- ⁹¹ Там же. Л. 96.
- ⁹² Там же. Л. 97, 98.
- ⁹³ Куранов Г., Волков В. Экономика России в первом полугодии 1994 г. С. 75.
- ⁹⁴ Ясин Е. Судьба экономической реформы в России. С. 130.
- ⁹⁵ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 169. Л. 2.
- ⁹⁶ Ясин Е. Судьба экономической реформы в России. С. 132.
- ⁹⁷ Мильнер Б. Кризис управления. С. 85.
- ⁹⁸ Российские финансы в 1993 г. ... С. 12.
- ⁹⁹ Там же. С. 13.

Библиография

- Абалкин Л.И. К цели через кризис. Судьба экономической реформы. М.: Луч, 1992. 221 с.
- Арбатов Г. «Гайдаризм» – это реакция на свой собственный марксизм // Независимая газета. 1992. 13 марта. С. 1–4.
- Банк хочет быть беспартийным // Российская газета. 1992. 1 апреля. С. 1–2.
- Борис Ельцин: «Я знаю и чувствую, где опасная грань...» // Независимая газета. 1992. 7 октября. С. 1.
- Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 3. 21 июня. С. 65.
- Гайдар возвращает Хасбулатова с небес на землю и берет всю ответственность за ход реформ на свое правительство // Независимая газета. 1992. 3 декабря. С. 1.
- Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Евразия, 1997. 365 с.
- Курсанов Р. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М.: Каширин, 2011. 200 с.
- Космарский В., Малева Т. Социальная политика в России в контексте макроэкономической реформы // Вопросы экономики. 1995. № 9. С. 4–16.
- Кротов В. Пути России к рынку: победа или поражение? // Независимая газета. 1992. 13 марта. С. 4.
- Кротов Н. Архив русской финансово-банковской революции (1985–1995). Свидетельства очевидцев. Документы. Т 2. М.: Триада, 2001. 399 с.
- Кротов Н. История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Кн. 1: Спецбанки. Свидетельства очевидцев и документы. М.: Экономическая летопись, 2008. 630 с.
- Кротов Н. История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Кн. 2: Первые коммерческие банки (1988–1991). М.: Экономическая летопись, 2008. 630 с.
- Кузнецова В. Ельцин и Гайдар хотят отобрать у парламента Центральный банк // Независимая газета. 1992. 12 сентября. С. 1.
- Куранов Г., Волков В. Экономика России в первом полугодии 1994 г. // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 74–84.
- Маевский В. Становление смешанной экономики: макроэкономические аспекты // Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 92–99.

- Маркова Н., Беденков А.* Социально-экономическое положение регионов России // Вопросы экономики. 1995. № 3. С. 121–128.
- Медведев Ж.* Нефть России: кризис или агония? // Вопросы экономики. 1994. № 9. С. 62–69.
- Мильнер Б.* Кризис управления // Вопросы экономики. 1993. № 1. С. 79–91.
- Пархоменко С.* Бартер как средство достижения политического компромисса // Независимая газета. 1992. 26 ноября. С. 2.
- Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М.: Русь-Олимп, 2007. 554 с.
- Пихоя Р.Г.* О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 3–29.
- Пихоя Р.Г., Соколов А.К., Журавлев С.В.* История современной России. М.: Новый хронограф, 2008. 312 с.
- Политические маневры все усложняются // Независимая газета. 1992. 27 ноября. С. 1.
- Правительство утратило контроль над экономическими процессами // Независимая газета. 1992. 6 марта. С. 1–4.
- Программная речь Ельцина перед депутатами достаточно ультимативная // Независимая газета. 1992 г. 2 декабря. С. 1.
- Р. Хасбулатов: «новой диктатуры страна не переживет» // Независимая газета. 1992. 24 ноября. С. 1–5.
- Росс Дж.* Российская экономика в тупике // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 17–26.
- Российские финансы в 1993 г. (обзор Министерства финансов РФ, подготовленный под руководством Б.Г. Федорова) // Вопросы экономики. 1994. № 1. С. 4–85.
- Синельников-Мурылев С., Титов С., Анисимова Л.* Государственные финансы в 1993 году // Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 43–59.
- Синельников С., Баткибеков С., Золотарева А.* Законодательные и политические аспекты бюджетной политики в постсоветской России. М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1999. 155 с.
- Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. Сер. Высшее образование. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. 260 с.
- Социально-экономическая ситуация в России: итоги, проблемы, пути стабилизации (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1994. № 2. С. 126–160.
- Степанов Ю., Гришин А.* Проблемный анализ тенденций в экономике России переходного периода // Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 23–35.
- Степанова Е.* Рубль больше падать не пожелал // Независимая газета. 1992. 4 сентября. С. 1–2.
- Федоров Б.* 10 безумных лет: Почему в России не состоялись реформы. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. 253 с.
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 515 с.; Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск: НГТУ, 2010. 407 с.
- Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время. Российская экономика в 1992–1998 гг. Новосибирск: НГТУ, 2014. 711 с.
- Хасбулатов Р.И.* Великая Российская трагедия. Т. 1. М.: ТОО «СИМС», 1994. 415 с.; Т. 2. М.: ТОО «СИМС», 1994. 463 с.
- Хлевнюк О.В.* День новых цен. Кризис снабжения и российское общество на рубеже 1980–1990-х гг. // Российская история. 2019. № 2. С. 52–70.
- Ясин Е.* Судьба экономической реформы в России // Вопросы экономики. № 2. 1993. С. 123–130.

Бессолицын А.А.*

Формирование электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. (историография проблемы)

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы изучения истории отечественной инновационной отрасли – электротехнической промышленности. Акционерные электротехнические предприятия, выросшие из филиалов иностранных (в основном германских) компаний, получили развитие в России в период экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв. Автор отмечает, что начало формированию историографии названной проблемы было положено в начале XX в. на Всероссийских электротехнических съездах. Именно на этих съездах, помимо рассмотрения технических вопросов, напрямую связанных с отраслью, активно изучался европейский и североамериканский опыт развития электротехники, обсуждались задачи становления и развития всех уровней технического и инженерного образования и т.д. Выступления участников съездов (инженеров-электротехников, учредителей и директоров акционерных предприятий, преподавателей профильных учебных заведений и т.д.) публиковались в виде отдельных брошюр, статей в профильных изданиях. В этом смысле начальный этап изучения истории отрасли оказался самым результативным. На втором этапе, который охватывает советский период, эта тема рассматривалась, как правило, фрагментарно в контексте развития плана ГОЭЛРО. Отдельные публикации были посвящены в основном анализу влияния иностранных инвестиций на развитие отрасли, а также деятельности отдельных электротехнических компаний. Эта тенденция сохраняется и в постсоветский период. Однако в последнее время наметился интерес к изучению названной проблемы в контексте повышения качества человеческого капитала в условиях дореволюционной модернизации. Тем не менее это направление исследования находится еще на начальной стадии и требует дальнейшего развития.

Ключевые слова: электротехническая отрасль, историография, человеческий капитал, техническое и коммерческое образование, акционерные компании.

Введение

Отечественная электротехническая и энергетическая промышленность в пореформенный период не получила в России сколько-нибудь значительного развития, две трети электротехнической продукции импортировалась из Европы, в основном из Германии, Бельгии и Швеции. Первые отечественные акционерные предприятия в области применения электричества появились в России лишь в 1880–1890-х гг. Основными центрами электротехнической промышленности стали Петербург, Москва и Рига. Постепенно и в других крупных городах (Киев, Одесса, Саратов, Екатеринбург, Ярославль, Екатеринбург и др.) стали учреждать электротехнические компании, как правило с иностранным участием. Всего, по подсчетам В.С. Дякина, в 1899 г. в России существовали 10 электротехнических обществ с капиталом в 20,6 млн руб., из них русские капиталы (5,47 млн руб.) преобладали лишь в трех предприятиях: «Товарищество М.М. Подобедова», «Общество бывший Вейтхельт» и «Вольга»¹.

* Бессолицын Александр Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр экономической истории ИРИ РАН, A_Bessolitsyn@mail.ru.

Быстрое развитие отечественной электротехнической отрасли началось в условиях экономической модернизации на рубеже XIX–XX вв., что стимулирует интерес исследователей к этой теме. Целью статьи является анализ литературы по истории отечественной электротехнической промышленности за весь период ее существования. Историография проблемы включает три относительно самостоятельных исторических этапа и ведет начало с момента зарождения электротехнической отрасли в дореволюционной России.

Дореволюционная историография

Первыми исследователями, по сути, явились сами электротехники. В конце XIX – начале XX в. наиболее эффективными представительными организациями предпринимателей стали отраслевые съезды. Интересы данной отрасли отстаивали Всероссийские электротехнические съезды. Всего с 1899 по 1913 г. состоялось семь съездов, на которых обсуждались актуальные проблемы развития электроэнергетики, электротехники, фундаментальной науки, инженерно-технического образования и т.п. Материалы съездов (протоколы, доклады, сообщения) публиковались отдельными бюллетенями и сборниками трудов, а также освещались в профильных журналах. На этих съездах были заслушаны 636 докладов, посвященных различным проблемам электротехнической отрасли, из которых 145 докладов касались обсуждения общих вопросов развития электротехники².

В ходе работы съездов активно изучался не только иностранный опыт развития электротехники, но и предпринимались попытки проанализировать российские достижения в этой сфере. Уже на первом съезде, состоявшемся на рубеже 1899–1900 гг., был заслушан доклад профессора Петербургского электротехнического института А.А. Кракау «О современном состоянии электрохимической промышленности». В докладе анализировались состояние и перспективы развития отрасли, прежде всего, в Соединенных Штатах Северной Америки и ряде европейских стран. Тем не менее в заключение автор выразил надежду, что в будущем и в России «принцип взаимопомощи науки и техники делается общим лозунгом грядущего XX столетия»³. Практически это была первая публикация по данной тематике.

А.А. Кракау первым описал и состояние подготовки кадров для электротехнической отрасли, проанализировав автобиографии лиц, окончивших Санкт-Петербургский электротехнический институт в 1889–1904 гг.

Всего он выявил 299 таких выпускников, значительная часть которых трудилась в государственном секторе, занимая должности техника, инженера и даже заведующего или его заместителя в почтово-телеграфных округах, управлении городским телефоном, телеграфной службе на железной дороге, а также в качестве преподавателей в Электротехническом и Политехническом институтах. Лишь небольшая часть специалистов (около 7%) работала в таких электротехнических акционерных компаниях, как «Сименс и Гальске», «Л.М. Эрикссон и Ко», «Всеобщая компания электричества», «Акционерное общество “Вестингауз”» и др.⁴

Автобиографический сборник А.А. Кракау является, в какой-то мере, продолжением исследования, проведенного Е.П. Ковалевским. Это был специалист по народному образованию, проанализировавший образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов в конце XIX в.⁵ По сведениям, представленным Е.П. Ковалевским, из 1608 управленцев на русских фабриках (1073 русских и 535 иностранцев), имевших техническое образование, треть являлись иностранцами. Причем между самими иностранцами, заведующими русскими фабриками, процент техников был довольно значительным и составлял около половины (45,8%), и служили они в основном на фабриках, принадлежавших тоже иностранным подданным⁶.

В целом же потребность в техниках для промышленности на 1895 г. составляла примерно 60 тыс. чел.⁷ Эти цифры свидетельствовали о существенном дефиците управленческих кадров в отечественной промышленности, а также о перекосах в подготовке специалистов для новых развивающихся отраслей. Одной из них, безусловно, являлась электроэнергетика.

Данная проблема самым тесным образом увязывалась с постановкой технического образования различных уровней. Еще Д.И. Менделеев, рассуждая о развитии промышленности в России, отметил неизбежные трудности, которые возникали перед страной на этом пути. Прежде всего, он указал на «еще слабое, преимущественно литературно-чиновное образование», что «усложняет значительно начавшийся промышленный рост России»⁸. Проблема необходимости расширения и совершенствования инженерно-технического образования активно обсуждалась на электротехнических съездах, а также в профильных изданиях.

К концу XIX в., по мнению ректора Петербургского электротехнического института М.А. Шателена, электротехника в более или менее обширном виде преподавалась: в технологических институтах – Императора Николая I (Санкт-Петербург) и Харьковском; Императорском Московском техническом училище; Горном институте Императрицы Екатерины II; Институте инженеров Путей сообщения Императора Александра I; Московском Императорском инженерном училище, Институте гражданских инженеров Императора Николая I и Рижском политехническом институте, а также в военных и морских академиях и специальных школах. Таким образом, не считая военных училищ (кадры электротехников для армии), гражданских специалистов-электротехников готовили в стране всего восемь вузов.

М.А. Шателен проанализировал процесс технического и практического преподавания в Петербургском технологическом институте и ряде перечисленных выше учебных заведений, сравнил деятельность аналогичных специальных заведений Франции, Англии, Германии, Швейцарии и Бельгии, а также подробно описал устройство лабораторий, наиболее интересных приборов, машин и т.п. Уровень преподавания электротехники, а также наличие современного оборудования в этих учебных заведениях автор оценил достаточно высоко⁹. Все это позволило Шателену весьма оптимистично оценить качество подготовки специалистов, прежде всего, для электротехнической промышленности, которая носила инновационный характер в условиях модернизации экономики страны. Тем не менее, несмотря на высокий уровень подготовки

инженерно-технических кадров, их численность не соответствовала потребностям быстро развивавшейся промышленности.

Отметим, что задачи постановки специального образования активно обсуждались на Всероссийских электротехнических съездах. Уже на первом из них были заслушаны три специальных доклада — М.М. Курбанова («О новых типах низших электротехнических школ»), Б.Е. Соколовского («Об электротехнической школе Соколовского в Одессе») и О.А. Стадникова («О постановке преподавания электротехники в Иркутском промышленном училище»)¹⁰. В период работы второго съезда (1902–1903) проблема постановки технического образования рассматривалась в специальном VI отделе. На этом съезде данной проблеме были посвящены в общей сложности 11 докладов. Причем активно изучался соответствующий вопрос в Европе, в частности, в Германии и Франции¹¹.

В рамках работы пятого съезда (1908–1909) был заслушан совместный доклад И.В. Линде и Я.Ф. Каган-Шабшая «О постановке электротехнического образования», в котором были проанализированы успехи среднего образования в Западной Европе (прежде всего, в швейцарских и германских техникумах), а также перспективы развития низшего, среднего и высшего электротехнического образования в России¹².

В заключение авторы высказали пожелания о необходимости:

- 1) «Создать в Москве как центре русской промышленности высшую электротехническую школу (по типу Парижской);
- 2) Открыть несколько средних электротехнических школ в разных местах империи;
- 3) Детально разработать вопрос о предоставлении всем желающим низшего электротехнического образования»¹³.

Тему электротехнического образования продолжили обсуждать на шестом съезде (1910–1911), где был заслушан доклад И.В. Линде об учреждении «Общества Московских Высших Электротехнических курсов и его деятельности»¹⁴. На съезде также прослушали сообщение Я.Ф. Каган-Шабшая о «Значении и характере Московских Высших Электротехнических курсов»¹⁵.

На седьмом съезде (1912–1913) П.С. Осадчий представил «Краткий очерк преподавания в Электротехническом институте телеграфов, телефонов и электрической сигнализации»¹⁶.

Подводя итог исследованию этого сюжета в историографии, отметим, что в той или иной мере вопросы специального образования обсуждались на разных отраслевых съездах, но только Всероссийские электротехнические съезды рассматривали проблему подготовки кадров для электротехнической отрасли комплексно, имея в виду необходимость развития всех уровней этого типа образования — низшего, среднего и высшего.

Помимо постановки специального образования, на электротехнических съездах значительное внимание уделялось обсуждению широкого круга отраслевых проблем. Эти темы рассмотрены в докладах, с которыми выступали известные ученые-электротехники, преподаватели технических вузов, инженеры-электротехники, представители электротехнической промышленности и т.д. Ряд докладов представили И.А. Лебедев, М.А. Шателен, П.И. Ав-

цын, А.Г. Бессон, Э.Р. Ульман, К.К. Андерс, М.Я. Кульчицкий, И.В. Линде, Я.Ф. Каган-Шабшай и др.

Важно, что часть вышеперечисленных авторов были непосредственно связаны с электротехнической отраслью — являлись учредителями, акционерами, а также занимали различные должности в электротехнических компаниях.

Успехам развития электротехники, в том числе и в России, был посвящен доклад товарища председателя первого электротехнического съезда А.И. Смирнова, в котором он осветил перспективы развития электрического железнодорожного транспорта и городского трамвая. Если электрический железнодорожный транспорт на рубеже веков пока не получил сколько-нибудь существенного роста, то трамвайная сеть в Европе была уже достаточно развитой. На 1 сентября 1899 г. в Германии она составляла 2046,6 км, во Франции — 487,5; в Англии — 211; в Швейцарии — 200; в Италии — 147 км. Что же касается России, то в ней имелось порядка десяти трамвайных линий, построенных в разных городах¹⁷.

Большой отклик на съезде вызвал доклад Б.А. Эфрона «О влиянии действующего таможенного тарифа на развитие электротехнической промышленности в России», в котором было предложено ужесточить тарифную политику относительно экспорта из Европы генераторов, электродвигателей, трансформаторов и других принадлежностей электрического тока¹⁸. В выступлении инженера-электротехника А.А. Троицкого отмечалось: «Запретительными мерами мы можем, наоборот, затормозить развитие у нас электротехнической промышленности. Многие фабрикаты, изготавливаемые за границей, специально приспособлены для известных целей и производства, их у нас еще не имеется. Кроме того, многие из известных фабрикатов и дешевле и лучше»¹⁹. Поэтому, по его мнению: «Съезд не вправе был бы постановить употреблять только русские фабрикаты, т.к. таким образом, создавалось бы монопольное право для имеющих уже фирм, а кроме того, в России нет свободных капиталов, что видно из того, что акционерами почти всех крупных электротехнических предприятий у нас состоят германцы и бельгийцы»²⁰.

Единственно рациональной мерой к поднятию электротехнической промышленности А.А. Троицкий считал широкое развитие электротехнических школ. Однако его позицию как директора-распорядителя «Общества электрического освещения 1886 г.» в С.-Петербурге, учрежденного К.Ф. Сименсом, не разделяли другие делегаты съезда, представлявшие интересы нарождавшейся отечественной электротехнической промышленности, которые, в свою очередь, выступили с позиции импортозамещения иностранного электротехнического оборудования отечественным.

В частности, известный предприниматель, учредитель «Русского акционерного общества “Динамо”» Н.Н. Глебов заявил: «В последнее время за границей электротехническая промышленность перегнала нашу, отечественную. Ввиду этого у нас следует ее поддержать, а не высказывать мнение, что, так как все заграничное лучше, то нам надо отказаться от всего отечественного в электротехнической промышленности. Охранительные меры нам необходимы». Эту позицию поддержал и другой известный электротехник, полный товарищ и распорядитель торгового дома «П.И. Авцын и К^о» в Ростове-на-Дону, а так-

же председатель правления «Акционерного общества “Телефон”», П.И. Авцын: «За границей фабрикаты по большей части дешевле, чем у нас, но выгода от этого существует только для предпринимателей, а никак не для потребителей. Такое положение дела породило у нас существование массы посредников, для которых возникновение отечественной электротехнической промышленности и производства является невыгодным. Что касается до русских техников, то Городские Управления, сдавая свои концессии, начали в последнее время сами ставить условия, чтобы при эксплуатации двух третей служащих по количеству и по получаемому ими содержанию были русские, точно так же, как и главный доверенный»²¹.

Таким образом, уже на начальном этапе становления электротехнической отрасли звучали предложения выйти из ее зависимости от иностранных компаний за счет поддержки отечественных производителей.

Процесс русификации менеджмента акционерных компаний во многом был вызван и объективными обстоятельствами. Зачастую иностранные инвесторы испытывали реальные трудности в подборе персонала и не могли найти среди своих соотечественников руководящие кадры, способные адаптироваться в противоречивой российской бизнес-среде. Как писал К. Сименс, «Все иностранные (в том числе германские) филиалы фирм стремились заполучить к себе на работу русских сотрудников. Это было связано с тем, что к концу XIX века в России уже сложились хорошие технические школы, а молодые способные инженеры проходили стажировку за границей, прежде всего в Германии и Швейцарии»²².

Поэтому на рубеже XIX–XX вв. руководящие посты в иностранных компаниях или компаниях с иностранным участием начали все больше занимать выпускники отечественных технических учебных заведений. Такая тенденция особенно наглядно проявлялась в деятельности электротехнических компаний, получивших развитие в России в тот период, когда среди директоров-распорядителей и управляющих все чаще можно было встретить людей с техническим или инженерным образованием.

Отдельное направление в историографии темы связано с изучением опыта становления электротехнической отрасли в различных регионах страны. Развитию этой отрасли в Москве была посвящена брошюра инженера-электротехника, профессора, основателя Государственного электромашиностроительного института — Я.Ф. Каган-Шабшя. Автор издания дал краткие характеристики более чем 20 электротехническим фирмам, образованным в Москве. В их числе такие ведущие предприятия, как «Акционерное общество русских электротехнических заводов “Сименс и Гальске”» (Московское отделение), «Русское Электрическое общество “Вестингауз”», «Русское общество “Всеобщая Компания электричества”» (Московское отделение), а также небольшие электротехнические компании²³.

Некоторые подобные предприятия и компании практиковали выпуск посвященных результатам их деятельности брошюр²⁴. Эти издания носят скорее рекламный характер, но при этом содержат ряд важных сведений, включающих историю образования, состав предприятия, перечень и объем выпускаемой продукции, численность трудового коллектива и т.п.

Важным источником изучения истории становления электротехнической промышленности являются профильные издания, например, журнал «Электричество», который издавался с 1880 по 1917 г. на протяжении 37 лет. На его страницах давались регулярные отчеты о работе Всероссийских электротехнических съездов, а также о деятельности «Русского технического общества» (с 1874 г. — «Императорского Русского технического общества» — ИРТО). Уже в первом номере журнала его редколлегия поставила себе задачей «разработку различных вопросов, относящихся до электротехники, и распространение среди читающей публики необходимых и крайне интересных в настоящее время сведений, как по теории электричества, так и по применению его в науке и общезжитии».

Эту тематику также активно развивал другой профильный журнал — «Электротехник», который издавался в Петербурге с 1897 по 1906 г. и позиционировал себя как издание практической электротехники. Вопросы постановки технического и профессионального образования регулярно обсуждались на страницах журнала «Техническое образование», выпускавшегося Постоянной комиссией по техническому образованию при ИРТО с 1892 по 1917 г. (с 1908 г. — по техническому и коммерческому образованию). В этих периодических изданиях публиковались Е.П. Ковалевский, М.М. Курбанов, М.Я. Кульчицкий. С.С. Григорьев, В.А. Косинский, И. Максин, М.А. Шателен, П.Д. Войнаровский, А.А. Воронов. В.Е. Акимов, А.Н. Быков, А.И. Андреевский и многие другие ученые-электротехники, журналисты и практические работники.

Наконец, в дореволюционный период была предпринята попытка оценить роль иностранных (прежде всего, германских) капиталов для развития российской промышленности. Так, И.И. Левин, рассматривая основные отрасли отечественной промышленности (нефтяная, металлургическая, горная, текстильная и т.д.), в которые инвестировались германские капиталы, впервые ввел в качестве отдельной отрасли термин «городское производство», куда включил газ и электричество²⁵. Другой дореволюционный исследователь — В.С. Зив полагал, что немцы были «фактическими хозяевами российской энергетической промышленности»²⁶.

Отдельные вопросы, связанные с историей электрического освещения в Петербурге, правами потребителей электроэнергии и обязанностями предпринимателей в этой сфере, а также с тарифной политикой, рассмотрены в книге Н.А. Оппеля «В борьбе за свет»²⁷.

Особый интерес представляют воспоминания и мемуары современников внедрения электротехнических достижений в частную и общественную жизнь дореволюционной России. Например, в воспоминаниях известного земского и общественного деятеля — князя М.В. Голицына — описываются его впечатления об изменениях, происходивших в Москве в начале XX в. Город в конце 1912 г. представлялся автору после его длительного отсутствия уже иным: «...появились не только на больших улицах, но и в переулках многоэтажные дома со всеми удобствами — электричеством, водой, газом, лифтами и т.п.; по улицам ходили последние конки, замененные обширной сетью трамваев, горели электрические или усовершенствованные газовые фонари, было много телефонов»²⁸.

В целом в дореволюционной историографии, как справедливо отмечает Н.С. Симонов, нет работ, обобщающих опыт становления и развития электроэнергетики Российской империи²⁹. Однако весь комплекс дореволюционных публикаций позволяет сделать вывод о том, что отдельные вопросы развития электротехнической промышленности, особенно постановки электротехнического и инженерного образования в дореволюционной России, активно изучались современниками.

Советская историография

В советский период тема развития дореволюционной электротехнической промышленности не получила широкого освещения. По мнению Н.С. Симонова, проанализировавшего количественные показатели и качественный уровень электроэнергетики дореволюционной России, основное внимание уделялось изучению проблем электрификации и энергетической политики Советского государства, и здесь своеобразной точкой отчета являлось принятие плана ГОЭЛРО. Что же касается проблем дореволюционной электроэнергетики, то они, как правило, упоминались фрагментарно, в контексте историко-теоретического осмысления развития народного хозяйства России и отдельных отраслей в XX в.³⁰

Исключением стала монография М.О. Каменецкого. Автор показал работу некоторых электротехнических компаний, действовавших в дореволюционной России (прежде всего в Петербурге и Москве) в сфере централизованного электроснабжения³¹. Небольшой раздел монографии посвящен борьбе с «вторжением» иностранного (немецкого) капитала в Россию, в основном на примере «Общества электрического освещения 1886 г.»³².

На уровне отдельного предприятия эта тема рассмотрена в монографии В.Г. Гусаровой, в которой проанализирована деятельность «Акционерного общества “Вольта”», учрежденного в 1899 г. предпринимателями немецкого происхождения, — братьями Карлом и Христианом Лютерами. Первоначально фирма занималась выпуском электромоторов, генераторов и осветительных установок³³.

Всего до 1910 г. было выпущено продукции на сумму 1215 500 руб., а в 1913 г. — на 2 100 000 руб. Вместе с производством росло и число рабочих, количество которых к весне 1913 г. составило 760 чел., а к январю 1914 г. — возросло до 830 чел.³⁴

Более активно в советский период изучалась проблема привлечения иностранных капиталов в российскую дореволюционную промышленность, в том числе электротехническую отрасль. Ведущую роль в этом процессе играли германские капиталы. Наиболее подробно участие капиталов и бизнеса Германии в становлении и развитии российской электроиндустрии и электрического транспорта рассмотрено в уже упоминавшейся выше монографии В.С. Дякина. Автор на основе широкого круга источников, прежде всего архивных, подробно остановился на вопросе проникновения иностранного капитала в Россию и деятельности некоторых крупных акционерных обществ,

в частности «Общества электрического освещения 1886 г.», которое вплоть до начала Первой мировой войны оставалось дочерним предприятием «Сименса». Автор пришел к выводу, что основной приток германских капиталов был направлен именно в электроэнергетическую и собственно электротехническую промышленность, где монополии Германии захватили решающие позиции³⁵. Эти выводы подтверждает А.Г. Донгаров: «...в электротехническую промышленность России вкладывалось столько германского капитала, сколько она могла “переварить” с учетом экономической реальности внутреннего рынка»³⁶.

Рассуждая об интересах немецких инвесторов, которые были наиболее перспективны в конъюнктуре российских реалий до 1917 г., О.В. Ерохина также сделала вывод: основными отраслями для германских инвестиций в Российской империи были сферы электротехнической промышленности, машиностроение, а также химическая промышленность. Автор подчеркивает, что немцы в начале XX в. стали фактическими хозяевами российской электротехнической отрасли³⁷.

Важные сведения о роли иностранного капитала в экономической жизни страны и об изменениях в структуре промышленности в условиях развернувшейся в начале XX в. модернизации содержатся в монографии В.И. Бовыкина³⁸. Автор отмечает существенное изменение в структуре машиностроения в рассматриваемый период, когда электротехническое производство сделало значительный шаг вперед в своем развитии и всего за четыре года (1908–1912) возросло сразу на 400% – до 36,8 млн руб.³⁹.

Общие сведения об акционерных ассоциациях, а также представителей крупной буржуазии в различных отраслях производства, в том числе и электротехнической – о ее составе, источниках рекрутирования, уровне образования, опыте управления и занимаемых должностях и т.п. – содержатся в монографиях А.Н. Боханова⁴⁰.

Однако в книге Л.Е. Шепелева, подводящей итог многолетним исследованиям автора истории акционерных компаний в дореволюционной России, электротехнические компании как самостоятельная отрасль производства практически не выявлены⁴¹. При этом отметим, что в статистических справочниках в конце XIX в. уже появился специальный раздел: «Предприятия по устройству и содержанию публичных сооружений и недвижимых имуществ», где отдельной строкой представлены электротехнические предприятия⁴².

С 1912 по 1917 г. ежегодно издавался справочник «Акционерно-паевые предприятия России», в котором электротехнические предприятия выделены в самостоятельный раздел. Он включал следующие сведения: полное название предприятия, состав правления, основной и запасной капитал, размер дивидендов, состав предприятия и т.д.⁴³

Тем не менее, несмотря на то, что в целом дореволюционная электротехническая промышленность в советский период не стала предметом самостоятельного изучения, именно тогда исследователи сделали важный шаг как в привлечении опубликованных источников, так и в выявлении новых архивных материалов по истории становления и развития электротехнических предприятий.

Современные исследования

В постсоветский период интерес к теме развития дореволюционной промышленности, в частности к электроэнергетике, значительно возрос. Правовое регулирование электроэнергетики в последней четверти XIX – начале XX в. исследовали А.И. Грищенко и П.С. Зиноватый⁴⁴. Авторы проанализировали гражданское и промышленное законодательство в применении к электрическим предприятиям. В приложении к монографии включены выписки из уставов основных электротехнических акционерных обществ с указанием целей их учреждения, состояния основного капитала, количества акций, а также прав и обязанностей их владельцев.

Ряд проблем, связанных с анализом количественных и качественных показателей развития электроэнергетики дореволюционной России, рассмотрены в монографии Н.С. Симонова⁴⁵. Он попытался проанализировать начало развития электроэнергетики Российской империи и СССР не как социально-политическую проблему, а как проблему техноценоза⁴⁶.

В последнее время наметился также интерес исследователей к деятельности представителей высшего звена фабричной дореволюционной администрации (председателей правлений, управляющих, директоров отдельных фабрик и производств и т.п.), которые часто играли не менее значимую роль, чем владельцы, в организации стабильной работы производства и обеспечении социального мира на предприятии. Одной из первых работ в этой серии является издание «Наемные управляющие в России: опыт бизнес-элиты XIX–XX веков», где представлен ряд очерков об управляющих крупных российских акционерных предприятий⁴⁷.

Однако чаще всего эту проблему исследуют на микроуровне – на примере отдельных обществ, заводов и фабрик⁴⁸. При этом в литературе отмечается тот факт, что на сегодняшний день, по сути, нет массового фактического материала, который позволил бы дать адекватную реальности картину формирования высокопрофессионального управленческого персонала коммерческих фирм Российской империи⁴⁹.

Отметим, что практически отсутствуют научные работы, посвященные управленческому звену электротехнических предприятий. Эта тема в определенной мере получила освещение в публикациях автора данной статьи⁵⁰.

Пожалуй, наибольший интерес в отечественной экономической и исторической литературе вызывают история создания и весьма многообразная деятельность ведущей на российском рынке электротехнической компании «Сименс – Гальске». От строительства заводов по производству электротехнических товаров до проектов государственного масштаба – все это отражено в огромном количестве работ отечественных историков и экономистов. Особое внимание уделено развитию фирмы как акционерного общества.

Следует отметить работу М.Н. Барышникова «SIEMENS в России: “Общество электрического освещения 1886 г.”». На примере деятельности этого Общества (дочерней структуры «Сименса») автор рассматривает саму специфику функционирования иностранных фирм в контексте институциональных

ограничений. Он доказывает, что именно институциональное регулирование способствовало выработке оптимальной модели существования предприятия, позволяющей успешно реализовывать проекты как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе⁵¹. С позиции институциональных ограничений М.Н. Барышников описывает хозяйственную деятельность в России и другой иностранной электротехнической компании – «Акционерного общества “Л.М. Эрикссон и Ко”». Важнейшим результатом этого исследования выступает обобщенная характеристика фирмы как механизма, обеспечивавшего не только организационную, но и институциональную (неформальную и правовую) фиксацию, т.е. ограничение индивидуальных и групповых интересов⁵².

Т.В. Алексеев в работе «Фирма “Сименс и Гальске” и ее вклад в региональную диверсификацию промышленности средств связи России в годы Первой мировой войны» рассматривает довольно интересный сюжет, связанный с реализацией строительства телефонного завода в Нижнем Новгороде в годы войны. Как известно, она вызвала крайне негативную реакцию в российском обществе, что сопровождалось борьбой с «немецким следом» в промышленности. Тем не менее, несмотря на эту борьбу, фирма «Сименс и Гальске» все-таки сумела реализовать задуманный проект по созданию третьего крупного завода по производству средств связи, что естественно вызывает интерес, особенно на фоне неудач таких крупных игроков на рынке электротехники, как французское «Общество электромеханических заводов» К. Оланьона и А. Давидова, а также владельца кабельного завода в Петрограде А.Н. Петечева⁵³. В другой работе – «Возникновение промышленности средств связи в Санкт-Петербурге: условия, этапы, особенности» – Т.В. Алексеев пришел к выводу, что становление электротехнической промышленности в России в дореволюционный период создало фундамент для формирования впоследствии в Советской России мощной отрасли электротехнической промышленности, которой уже руководили не иностранные инвесторы, а непосредственно государство⁵⁴.

Тема государственного заказа по производству и применению телеграфа, прокладке телефонных связей для государственных нужд раскрыта в работе М.В. Илюшина, в которой он пытается проанализировать процесс внедрения телефонной связи в Российской империи в целях модернизации государственного управления. Автор достаточно подробно описывает историю попыток императорского кабинета модернизировать и усилить контроль за отдаленными территориями страны посредством внедрения инновационных технологий. Особо выделяются роль и успех по решению этого вопроса со стороны компании «Сименс и Гальске»⁵⁵.

В последнее время также активизировался интерес исследователей к проблеме человеческого капитала и его роли в дореволюционных и современных экономических процессах. Эта тема подробно рассмотрена в основном в экономической литературе⁵⁶.

Однако пока не получили сколько-нибудь серьезного освещения исторические практики решения данной проблемы, прежде всего через развитие специального (промышленного, технического, коммерческого) образования в условиях экономической модернизации в России в конце XIX – начале XX в.

Этот пробел в какой-то мере восполняют коллективная монография «Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития...»⁵⁷ и отдельные публикации автора статьи, посвященные роли отраслевых предпринимательских съездов в повышении качества человеческого капитала в акционерных компаниях на рубеже XIX–XX вв.

Именно эта форма объединения частного капитала в условиях перехода к экономической модернизации в России в рассматриваемый период стала основной, в том числе и в электротехнической отрасли — инновационной для того времени⁵⁸.

Заключение

Таким образом, изучение исторического опыта становления отечественной электротехнической промышленности прошло достаточно длинный путь. В целом в историографии данной проблемы можно выделить три относительно самостоятельных исторических периода.

Уже в начале XX в. предпринимались попытки проанализировать: основные тенденции формирования электротехнических акционерных компаний в России; роль иностранных капиталов в развитии этой отрасли; проблемы становления разных уровней образования, направленного на подготовку специалистов в электротехнической сфере и т.д. Несмотря на то, что в тот период не было обобщающих исследований по истории развития электроэнергетики, накопленный фактический материал позволил сформировать основу для дальнейшего осмысления темы.

В советской историографии основное внимание уделялось изучению проблем электрификации и энергетической политики государства, и здесь своеобразной точкой отчета являлось принятие плана ГОЭЛРО, поэтому тенденции развития дореволюционной электротехнической промышленности рассматривались фрагментарно и, как правило, в контексте успехов советской электротехнической отрасли. Тем не менее в рамках этого периода сделан важный шаг с точки зрения включения в научный оборот архивных источников, связанных, прежде всего с историей отдельных электротехнических предприятий.

В последнее время наметился интерес к изучению названной проблемы и на уровне отдельных акционерных электротехнических компаний, и в контексте повышения качества человеческого капитала в условиях экономической модернизации рубежа XIX–XX вв. Однако пока на этом пути исследователями сделаны только первые шаги.

Примечания

¹ Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. С. 36.

² Подсчитано по: Сотин Б.С., Давыдова Л.Г. Русские электротехнические съезды // Труды института истории естествознания и техники. Т. 26. М., 1959. С. 60–87.

- ³ Кракау А.А. О современном состоянии электрохимической промышленности // Доклад на Первом Всероссийском электротехническом съезде СПб., 1900. С. 15.
- ⁴ См.: Автобиографии окончивших курс в Электротехническом институте, 1889–1904 / сост. А.А. Кракау. СПб., 1908.
- ⁵ См.: Ковалевский Е.П. Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов. СПб., 1893.
- ⁶ Там же. С. 56.
- ⁷ Топтыгин М.А. Несколько мыслей о свеклосахарной промышленности и о необходимости расширения научно-технического образования в России. Киев, 1895. С. 3.
- ⁸ Гиндин И.Ф. Д.И. Менделеев о развитии промышленности в России // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 214.
- ⁹ Шателен М.А. Преподавание электротехники в высших учебных заведениях в России и за границей // Электричество. Издание VI Отдела Императорского Русского Технического Общества. СПб., 1898. № 2. С. 17–18.
- ¹⁰ Сотин Б.С., Давыдова Л.Г. Русские электротехнические съезды. С. 60.
- ¹¹ Там же. С. 67.
- ¹² Линде И.В., Каган-Шабшай Я.Ф. О постановке электротехнического образования // Труды Пятого Всероссийского электротехнического съезда в Москве. 1908–1909 гг. Вып. 4. СПб., 1910. С. 13–37.
- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ Линде И.В. Общество Московских Высших Электротехнических курсов и его деятельность // Труды Шестого Всероссийского электротехнического съезда в С.-Петербурге. 1910–1911 гг. Вып. 1. СПб., 1911. С. 110–112.
- ¹⁵ Каган-Шабшай Я.Ф. Значение и характер Московских Высших Электротехнических курсов // Труды Шестого Всероссийского электротехнического съезда ... Вып. 1. С. 113–114.
- ¹⁶ См.: Сотин Б.С., Давыдова Л.Г. Русские электротехнические съезды. С. 83.
- ¹⁷ Смирнов А.И. Успехи электротехники // Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда. 1899–1900. Т. 1. СПб., 1901. С. 137–139.
- ¹⁸ Эфрон Б.А. О влиянии действующего таможенного тарифа на развитие электротехнической промышленности в России // Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда ... Т. 2. СПб., 1901. С. 165–171.
- ¹⁹ См.: Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда ... Т. 2. С. 169.
- ²⁰ Там же. С. 169–170.
- ²¹ Там же. С. 170.
- ²² Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997. С. 125–126.
- ²³ Каган-Шабшай Я.Ф. Московская электротехническая промышленность. М., 1910. С. 1–35.
- ²⁴ См.: Русское электрическое общество Вестингауз: [История деятельности и выпускаемая продукция]. М., 1909; Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Исторический очерк. СПб., 1912; и др.
- ²⁵ Левин И.И. Германские капиталы в России. СПб., 1914. С. 33, 36–37.
- ²⁶ Зив В.С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1: Германские капиталы. Пг., 1915. С. 10.
- ²⁷ См.: Опель Н.А. «В борьбе за свет». СПб., 1912.
- ²⁸ Голицын М.В. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 432.
- ²⁹ Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016. С. 7.
- ³⁰ Там же. С. 10.
- ³¹ См.: Каменецкий М.О. Первые русские электростанции. М.; Л., 1951.
- ³² Там же. С. 41–44.
- ³³ Гусарова. В.Г. Завод Вольта. Таллинн, 1967. С. 9–10.
- ³⁴ Там же. С. 43–46.
- ³⁵ Дякин В.С. Германские капиталы в России ... С. 82.
- ³⁶ Донгаров А.Г. Иностраннный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 24.
- ³⁷ Ерохина О.В. Германский капитал в Российской экономике в конце XIX начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12(150). Сер. История. Вып. 31. С. 5–7.
- ³⁸ См.: Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.

- ³⁹ Там же. С. 81.
- ⁴⁰ См.: *Боханов А.Н.*: 1) Крупная буржуазия России (Конец XIX – 1914 г.). М., 1992; 2) Деловая элита России 1914 г. М., 1994.
- ⁴¹ См.: *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006.
- ⁴² См.: Статистика акционерного дела в России. Вып. первый. СПб., 1897.
- ⁴³ См.: Акционерно-паевые предприятия России: составлено по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под ред. В.В. Лаврова. Пг., 1917.
- ⁴⁴ *Грищенко А.И., Зиноватый П.С.* Энергетическое право России (Правовое регулирование электроэнергетики в 1885–1918 гг.). М., 2008.
- ⁴⁵ *Симонов Н.С.* Развитие электроэнергетики Российской империи ...
- ⁴⁶ Там же. С. 29.
- ⁴⁷ См.: Наемные управляющие в России: опыт бизнес-элиты XIX–XX веков / сост. Ю. Петров, Е. Савинова. М., 2007.
- ⁴⁸ См.: *Барышников М.Н.* SIEMENS в России: «Общество электрического освещения 1886 г.» // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. № 2. С. 119–138; *Шильникова И.В.*: 1) «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой А.Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М., 2006. С. 56–70; 2) Иностранцы специалисты на предприятиях России: условия найма в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10. № 2. С. 25–42; 3) О роли управляющих в трудовых конфликтах на промышленных предприятиях дореволюционной России: опыт микроанализа // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 70; и др.
- ⁴⁹ См.: *Поткина И.В.* Коммерческие фирмы и инженеры: некоторые аспекты формирования управленческого персонала в России на рубеже XIX–XX веков // Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития: монография / кол. авторов; рук. проекта И.Н. Шапкин. М., 2017. С. 179.
- ⁵⁰ См.: *Бессолицын А.А.*: 1) Менеджмент электротехнических компаний в России в условиях модернизации экономики на рубеже XIX–XX вв. // Экономическая история: Ежегодник. 2020. М., 2021. С. 58–81; 2) «Слияние и поглощение»: монополизация электротехнического рынка России в начале XX века // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 3. С. 209–226.
- ⁵¹ *Барышников М.Н.* SIEMENS в России ... С. 119–138.
- ⁵² *Барышников М.Н.* Русское акционерное общество «Л.М. Эриксон и К°» (создание и функционирование в начале XX века). Научные доклады. С.-Петербургский государственный университет: СПб., 2008. С. 1–19.
- ⁵³ *Алексеев Т.В.* Фирма «Сименс и Гальске» и ее вклад в региональную диверсификацию промышленности средств связи России в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 2. С. 104–110.
- ⁵⁴ *Алексеев Т.В.* Возникновение промышленности средств связи в Санкт-Петербурге: условия, этапы, особенности // Царскосельские чтения. Т. 1. Вып. XIV. СПб., 2010. С. 180–185.
- ⁵⁵ *Илошин М.В.* «Специальная телефония для нужд государственного управления в дореволюционное время» // Военно-исторический журнал. 2020. № 11. С. 12–19.
- ⁵⁶ См.: *Кафидов В.В.* Стимулирование потребности предпринимателей в развитии человеческого капитала. М., 2013; Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России. СПб., 2016; *Диденко Д.В.*: 1) Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015; 2) Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2020. М., 2021. С. 107–149; *Любимов И.Л.* От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту? // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 5–23.
- ⁵⁷ См.: Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития ...
- ⁵⁸ См.: *Бессолицын А.А.*: 1) Влияние отраслевых съездов предпринимателей на повышение качества человеческого капитала в России на рубеже XIX–XX вв. / Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М., 2017. С. 170–198; 2) Роль бизнеса в формировании человеческого капитала через развитие промышленного образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Экономическая история ... 2017. № 1(36). С. 77–91; 3) Всероссийские электротехнические съезды и проблема становления специального электротехнического образования в России в начале XX века // Журнал министерства народного просвещения – педагогический науч-

ный журнал. 2015. № 4(6). С. 224–238; 4) Промышленное образование в дореволюционной России: дискуссии о соотношении общеобразовательной и специальной подготовки // Журнал Министерства народного просвещения ... 2017. № 4(2). С. 105–117; 5) Кадры для модернизации. Дискуссии о подготовке специалистов для электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 3. С. 366–395; 6) С.Ю. Витте и становление промышленного образования в России // История политехнического образования в России: труды Всероссийской научно-образовательной конференции с международным участием, С.-Петербург, 28 февраля 2019 г. СПб., 2019. С. 6–15.

Библиография

- Автобиографии окончивших курс в Электротехническом институте, 1889–1904 / сост. А.А. Кракау. СПб.: [б.и.] 1908. 148 с.
- Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». Исторический очерк. СПб.: [б.и.] 1912. 15 с.
- Акционерно-паевые предприятия России: составлено по официальным данным Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов / под общ. ред. В.В. Лаврова. М., 1917. 613 с.
- Алексеев Т.В.* Возникновение промышленности средств связи в Санкт-Петербурге: условия, этапы особенности // Царскоесельские чтения. Т. 1. Вып. XIV. СПб.: [б.и.], 2010. С. 180–185.
- Алексеев Т.В.* Фирма «Сименс и Гальске» и ее вклад в региональную диверсификацию промышленности средств связи России в годы Первой мировой войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 4. № 2. СПб.: [б.и.], 2010. С. 104–110.
- Барышников М.Н.* SIEMENS в России: «Общество электрического освещения 1886 г.» // Российский журнал менеджмента. 2009. Т. 7. № 2. С. 119–138.
- Барышников М.Н.* Русское акционерное общество «Л.М. Эриксон и К°» (создание и функционирование в начале XX века). Научные доклады. С.-Петербургский государственный университет: СПб.: [б.и.], 2008. С. 1–19.
- Бессолицын А.А.* Влияние отраслевых съездов предпринимателей на повышение качества человеческого капитала в России на рубеже XIX–XX вв. / Экономическая история: Ежегодник. 2016/17. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 170–198.
- Бессолицын А.А.* Всероссийские электротехнические съезды и проблема становления специального электротехнического образования в России в начале XX века // Журнал министерства народного просвещения – педагогический научный журнал. 2015. № 4(6). С. 224–238.
- Бессолицын А.А.* Промышленное образование в дореволюционной России: дискуссии о соотношении общеобразовательной и специальной подготовки // Журнал Министерства народного просвещения – педагогический научный журнал. 2017. № 4(2). С. 105–117.
- Бессолицын А.А.* Роль бизнеса в формировании человеческого капитала через развитие промышленного образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Экономическая история. 2017. № 1(36). С. 77–91.
- Бессолицын А.А.* Кадры для модернизации. Дискуссии о подготовке специалистов для электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 3. С. 366–395.
- Бессолицын А.А.* С.Ю. Витте и становление промышленного образования в России // История политехнического образования в России: труды Всероссийской научно-образовательной конференции с международным участием, С.-Петербург, 28 февраля 2019 г. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 6–15.
- Бессолицын А.А.* Менеджмент электротехнических компаний в России в условиях модернизации экономики на рубеже XIX–XX вв. // Экономическая история: Ежегодник. 2020. М.: ИРИ РАН, 2021. С. 58–81.
- Бессолицын А.А.* «Слияние и поглощение»: монополизация электротехнического рынка России в начале XX века // Экономическая история. 2021. Т. 17. № 3. С. 209–226.
- Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 320 с.
- Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России (Конец XIX – 1914 г.). М.: Наука, 1992. 260 с.

- Боханов А. Н.* Деловая элита России 1914 г. М.: ИРИ РАН, 1994. 272 с.
- Гиндин И. Ф.* Д. И. Менделеев о развитии промышленности в России // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 210–215.
- Голицын М. В.* Мои воспоминания (1873–1917). М.: Русский мир, 2007. 768 с.
- Грищенко А. И., Зиноватый П. С.* Энергетическое право России (Правовое регулирование электроэнергетики в 1885–1918 гг.). М.: Изд-во «Юрист», 2008. 279 с.
- Гусарова В. Г.* Завод Вольта. Таллинн: Изд-во Ээсти раамат, 1967. 208 с.
- Диденко Д. В.* Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2020. М.: ИРИ РАН, 2021. С. 107–149.
- Диденко Д. В.* Интеллектуалоемкая экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб.: Аллетейя, 2015. 408 с.
- Дьяконова И. А.* Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М.: РОССПЭН, 1997. С. 120–152.
- Донгаров А. Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. 168 с.
- Дякин В. С.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л.: Наука, 1971. 287 с.
- Ерохина О. В.* Германский капитал в Российской экономике в конце XIX начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12(150). Сер. История. Вып. 31. С. 36–41.
- Зив В. С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1: Германские капиталы. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1915. 104 с.
- Илюшин М. В.* Специальная телефония для нужд государственного управления в дореволюционное время // Военно-исторический журнал. 2020. № 11. С. 12–19.
- Каган-Шабшай Я. Ф.* Московская электротехническая промышленность. М.: тип. «Печ. Дело» Ф. Я. Бурче, 1910. 35 с.
- Каган-Шабшай Я. Ф.* Значение и характер Московских Высших Электротехнических курсов // Труды Шестого Всероссийского электротехнического съезда в С.-Петербурге. 1910–1911 гг. Вып. 1. СПб.: [б.и.], 1911. С. 113–114.
- Каменецкий М. О.* Первые русские электростанции. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1951. 131 с.
- Кафидов В. В.* Стимулирование потребности предпринимателей в развитии человеческого капитала. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 190 с.
- Ковалевский Е. П.* Образовательный ценз руководителей русских фабрик и заводов. СПб.: ред. журн. «Техническое образование», 1893. 15 с.
- Кракау А. А.* О современном состоянии электрохимической промышленности // Доклад на Первом Всероссийском электротехническом съезде. СПб.: тип. П. В. Мартынова, 1900. 16 с.
- Левин И. И.* Германские капиталы в России. СПб.: тип. Ред. период. изд. М-ва ф-в, 1914. 85 с.
- Линде И. В.* Общество Московских Высших Электротехнических курсов и его деятельность // Труды Шестого Всероссийского электротехнического съезда в С.-Петербурге. 1910–1911 гг. Вып. 1. СПб.: [б.и.], 1911. С. 110–112.
- Линде И. В., Каган-Шабшай Я. Ф.* О постановке электротехнического образования // Труды Пятого Всероссийского электротехнического съезда в Москве. 1908–1909 гг. Вып. 4. СПб.: [б.и.], 1910. С. 13–37.
- Любимов И. Л.* От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту? // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 5–23.
- Наемные управляющие в России: опыт бизнес-элиты XIX–XX веков / сост. Ю. Петров, Е. Савинова. М.: УралСиб/Банк, 2007. 160 с.
- Опель Н. А.* «В борьбе за свет». СПб.: журн. «Город. Дело» и «Зем. Дело», 1912. 143 с.
- Поткина И. В.* Коммерческие фирмы и инженеры: некоторые аспекты формирования управленческого персонала в России на рубеже XIX–XX веков // Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития: монография / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2017. С. 162–184.
- Русское электрическое общество Вестингауз: [История деятельности и выпускаемая продукция]. М.: [б.и.], 1909. 226 с.
- Симонов Н. С.* Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 320 с.

- Смирнов А.И.* Успехи электротехники // Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда. 1899–1900. Т. 1. СПб.: [б.и.], 1901. С. 137–139.
- Сотин Б.С., Давыдова Л.Г.* Русские электротехнические съезды // Труды института истории естествознания и техники. Т. 26. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 60–87.
- Статистика акционерного дела в России. Вып. первый. СПб.: Изд. Н.Е. Пушкина, 1897. 300 с.
- Топтыгин М.А.* Несколько мыслей о свеклосахарной промышленности и о необходимости расширения научно-технического образования в России. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. 4 с.
- Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России. СПб.: Нестор-История, 2016. 264 с.
- Человеческий капитал: теория, исторический опыт и перспективы развития: монография / колл. авторов; рук. проекта И.Н. Шапкин. М.: РУСАЙНС, 2017. 282 с.
- Шателен М.А.* Преподавание электротехники в высших учебных заведениях в России и за границей // Электричество. Издание VI Отдела Императорского Русского Технического Общества. СПб.: [б.и.], 1898. № 2. С. 17–18.
- Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб.: Издат. Дом С.- Петерб. гос. ун-та, 2006. 604 с.
- Шильникова И.В.* «Как фабриками нужно управлять»: деятельность управляющего Ярославской Большой Мануфактурой А.Ф. Грязнова (1898–1917 гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М.: МГУ, 2006. С. 56–70.
- Шильникова И.В.* Иностранцы специалисты на предприятиях России: условия найма в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2009. Т. 10. № 2. С. 25–42.
- Шильникова И.В.* О роли управляющих в трудовых конфликтах на промышленных предприятиях дореволюционной России: опыт микроанализа // Уральский исторический вестник. 2010. № 4. С. 70–79.
- Эфрон Б.А.* О влиянии действующего таможенного тарифа на развитие электротехнической промышленности в России // Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда. 1899–1900. Т. 2. СПб.: [б.и.], 1901. С. 165–171.

Памяти Т.М. Китаниной

Предисловие

26 декабря 2020 г. ушла из жизни Таисия Михайловна Китанина, доктор исторических наук, профессор СПбГУ, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Т.М. Китанина — крупнейший и признанный в научном сообществе специалист по экономической истории России второй половины XVIII — начала XX в., автор 250 научных трудов, в том числе десяти монографий на указанную тему*.

Таисия Михайловна участвовала в работе Института российской истории РАН над главами 10 тома новой академической истории России, посвященными аграрной политике самодержавия и развитию сельского хозяйства страны в пореформенный период. Она подготовила рабочие варианты текстов — о финансовых операциях царского правительства в условиях предреформенного (порожденного результатами Крымской войны 1853–1856 гг.) кризиса банковской системы; о первых мероприятиях по преодолению этого кризиса; об этапах и источниках индустриализации; о роли министра финансов Н.Х. Бунге в выработке российской аграрной политики в пореформенный период; об основных показателях эволюции сельскохозяйственного производства в середине 1870-х — середине 1890-х гг.

Учитывая научную значимость концептуальных выводов и фактического материала, содержащихся в данных текстах, а также как дань памяти и уважения Таисии Михайловны Китаниной** — талантливого историка, авторитетного коллеги, подлинного исследователя, — редколлегия ежегодника «Экономическая история» приняла решение опубликовать их.

Директор ИРИ РАН, ответственный редактор Ю.А. Петров

* См. наиболее важные публ.: Китанина Т.М.: 1) Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969; 2) Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978; 3) Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917). Л., 1985; 4) Рабочие Петербурга 1800–1861. Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991; 5) Экономика и экономическая политика. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — середина 1916 г. СПб., 2003; 6) Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011; 7) Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика: Курс лекций. СПб., 2016; 8) Развитие концерна Путилова — Стахеева — Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы Первой мировой войны. СПб., 2017; 9) Проникновение крупного российского капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2019; и др.

** См.: Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Библиографический словарь. Саратов, 1989. С. 167; Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов, 2000. С. 232; Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России XX век: Библиографический словарь. Т. 1. Саратов, 2005. С. 423–424; Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России конца XIX — начала XXI века. Библиографический словарь. Т. 2. М., 2017. С. 21; Китанина Таисия Михайловна // Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Библиографический словарь / сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2004. С. 275; Китанина Т.М. // Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета 1834–2004. СПб., 2004. С. 356–359; Китанина Т.М. // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета: 1934–2004: Очерк истории / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 89; История, университет, историк: Сб. научных статей к юбилею Таисии Михайловны Китаниной. СПб., 2014; Вахромеева О.Б. Уроки жизнелюбия Таисии Михайловны Китаниной // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 6–8; Ваксер А.З. Дружба через всю жизнь // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 9–13; Вахромеева О.Б., Пянкевич В.Л. Таисия Михайловна Китанина — историк, ученый, педагог. СПб., 2017; и др.

К вопросу об аграрном секторе экономики России и индустриализации в пореформенный период

Александр II и подготовка крестьянской реформы 19 февраля 1861 г. (финансовые операции правительства в условиях предреформенного кризиса банковской системы)

Советская и постсоветская историография достигла значительных результатов в изучении одной из центральных проблем XIX столетия в истории России – великих реформ Александра II. В научный оборот введен огромный комплекс документальных материалов, позволивших раскрыть содержание, реализацию, экономические и социальные последствия реформ. Несомненная заслуга в этом принадлежит, прежде всего, представителям научной школы профессора Петра Андреевича Зайончковского.

В последние десятилетия заметно расширились территориальные рамки исследований о проведении реформы, несколько меняются наши представления о соотношении политических и общественных сил, задействованных в их осуществлении, возникают новые сюжетные линии и иные подходы к их осмыслению и интерпретации, наконец, вводятся в научный оборот свежие документальные источники, позволившие внести некоторые коррективы в устоявшиеся в научной среде взгляды.

Притом, представляется, научные изыскания последних лет не меняют принципиально основополагающую канву изложения предреформенных событий, но, безусловно, дополняют и обогащают ее. Именно с этой точки зрения автор настоящей публикации оценивает предложенную им статью.

Александр II вступил на престол 19 февраля 1855 г. Еще продолжалась Крымская война, стоившая стране немалых жертв и разрушений, приведшая Россию к потере европейского авторитета. В то время о дипломатических и военных успехах начала XIX в., когда Россия впервые за свою многовековую историю оказалась законодательницей европейской политики, можно было только вспоминать. В условиях европейской изоляции и политического напряжения внутри страны все более возрастало недовольство действиями верховной власти как в общественных, так и в около правительственных кругах.

Известны высказывания П.А. Валуева, занимавшего в то время пост губернатора Курляндии, о том, что озлобление против порядков до 1855 г. «беспредельное и всеобщее»¹. Академик А.Ф. Кони, тонкий и умный наблюдатель, заметил: «Севастопольский погром, блистательно подтвердив прекрасные свойства русского человека, выразившиеся <...> в его уменье умирать, доказал со-

* Публикацию подготовил Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, vikont37@yandex.ru.

вершенную непригодность общественного быта и военно-бюрократического строя для жизни этого человека»².

По-видимому, можно было легко избежать бесславную для России Крымскую военную кампанию, о чем свидетельствовали современники событий. В частности, в мемуарах князя В.П. Мещерского, внука Н.М. Карамзина, находим следующие строки: «Николай I с обычным фанатизмом верил трем вещам: своей военной силе, помощи австрийцев и пруссаков и правоте своего дела <...> Николай I верил еще одному: дружбе королевы английской Виктории к нему, и эта вера тоже сыграла свою роковую роль». И далее: «В ходе событий тогда было действительно что-то роковое; все шло по какой-то инерции <...> к роковой развязке, к войне, и к какой войне! — напомнившей 1812-й год, к войне для России страшной, но нигде, ни в каких гостиных, ни в каких умах — не чувствовалось и не слышалось иного настроения, как патриотическая готовность идти навстречу этой войне, не взирая ни на какие угрозы, не взирая на то, что <...> становясь на реальную и прозаически практическую почву, нетрудно было бы повернуть дело и затянуть его в сферу бесконечных дипломатических переговоров и найти почетный ему исход помимо войны <...>»³.

Одним из тяжелейших последствий Крымской войны стал глубокий финансовый кризис. По-видимому, именно кризис ускорил проведение буржуазных по своей природе великих реформ. К этому выводу в последние годы склоняется ряд исследователей. Вспомним, что в доперестроечное время большинство историков, изучавших период реформ, считало, что решающим стимулом к началу их реализации послужило крестьянское движение и революционная ситуация 1859–1862 гг. Однако, отечественные историки-аграрники убедительно доказали, что аграрное движение конца 50-х — начала 1860-х гг. носило сугубо локальный характер и не могло решительным образом повлиять на обращение правительства к реформам. Что касается революционной ситуации, то следует учесть, что в последние годы ряд историков ставит под сомнение само ее существование. Этот вопрос и ныне остается дискуссионным.

Первые шаги русского правительства по преодолению кризиса кредитно-банковской системы – результата Крымской войны 1853–1856 гг. Финансовые итоги реформы 1861 г.

Крестьянские реформы — это длительный и сложный процесс, неизбежно подверженный развитию, модернизации в менявшейся экономической и политической обстановке. Трансформация реформы 1861 г. действительно была неизбежна. Другое дело, что темпы модернизации крестьянского состояния и аграрных отношений, впрочем, как и аграрного строя в целом в России оказались замедленными. Каковы были тому причины? Прежде всего, тяжелейший кризис кредитно-банковской системы как следствие Крымской войны, не только определивший отказ правительства от наделения крестьян землей, но и чрезвычайную высоту выкупных платежей. И более того, оказавший негативное влияние на экономическое и тем более аграрное развитие страны в последующие десятилетия.

Русский крестьянин остался по-прежнему общинным землепользователем. По решению 46 дворянских земельных комитетов вся земля, в том числе крестьянская, как и прежде, юридически принадлежала помещикам. Напомню, что по условиям реформы лично свободный крестьянин в течение 9 ближайших лет не мог покинуть свой надел. Это положение предусматривало безусловное сохранение в сфере земледелия рабочей силы для обслуживания и крестьянского и помещичьего хозяйства. Но не только. В известной мере оно способствовало решению важной общегосударственной задачи — сохранению товарности экспортируемого за рубеж сельскохозяйственного продукта.

Между тем социальная дифференциация пореформенного крестьянства и соответственно пореформенного оброка была достаточно велика, особенно в столичных городах и губерниях. По данным Н. Полонской, к примеру, годовой оброк петербургского крестьянина в 1870-х гг. колебался от 7 руб. до 3 тыс. руб. Тысячные суммы оброка, естественно, мог платить крестьянин, владевший крупной недвижимой собственностью или транспортными средствами и нередко не заинтересованный в обработке своего наделного участка. В этих условиях крестьянская инициатива и предпринимательская активность были крайне затруднены, несмотря на то, что в целом реформа ускорила аграрное развитие и определила вступление России на новую, более высокую ступень экономики. Преодоление последствий кризиса кредитно-банковской системы стало для имперского правительства первоочередной задачей.

В итоге Крымской войны, писал И.Ф. Гиндин в своем известном труде «Государственный банк и экономическая политика царского правительства», финансовое положение страны резко ухудшилось, «внешний государственный долг возрос до 430 млн руб., задолженность дореформенным банкам — 525 млн руб., внутренний выпуск билетов казначейства — до 108 млн руб., и за счет огромной эмиссии бумажных денег было полностью расстроено денежное обращение»⁴. Хронический дефицит государственного бюджета (в течение нескольких довоенных десятилетий) и состояние платежного баланса призывали имперское правительство к коренному изменению финансовой политики. «Устойчивый «источник» покрытия дефицита путем систематического заимствования средств в казенных банках»⁵ уже не оправдывал себя.

Вновь обратимся к высказываниям И.Ф. Гиндина: «Одним из серьезнейших препятствий для быстрого экономического роста России в период капитализма являлся крайний недостаток капиталов в стране. Особенно остро этот вопрос стоял в 60–70-х гг. XIX в. <...> Напряженное состояние государственного бюджета являлось одной из главных причин, задерживавших на многие годы создание устойчивого денежного обращения — одной из важных общих мер экономической политики»⁶.

Советская историография, к сожалению, обошла вниманием финансовый кризис 1950–60-х гг. и его непосредственную связь с условиями крестьянской реформы 1861 г. В итоге мы знаем о кризисе финансово-кредитной системы 1860-х гг. крайне мало. Наши познания в этой области сводятся к тому, что государственный долг России — результат военной операции достиг колоссальной суммы по тем временам — 1 млрд руб., что дефицит бюджета возрос

в 6 раз с 52 до 307 млн руб.; что правительство, особенно Министерство финансов, было обеспокоено; что сам Александр II признавал положение в стране «страшным» и требовал от ведомств максимального сокращения расходов. В письме к брату великому князю Константину Николаевичу от 1 февраля 1857 г. он писал: «Всего более занимает нас финансовый вопрос, без которого, как ныне все убедились, невозможно дело решить», т.е. приступить к крестьянской реформе.

Следует вспомнить, что 1860-е годы были удивительным временем, временем тревог, надежд и ожиданий. Об общественной атмосфере 1860-х гг. замечательно писал выдающийся естествоиспытатель Климент Аркадьевич Тимирязев: «Поколение, для которого начало его сознательного существования совпало с тем, что принято называть шестидесятыми годами, было, без сомнения, счастливейшим из когда-либо народившихся на Руси. Весна его личной жизни совпала с тем дуновением общей весны, которое пронеслось из края в край страны, пробуждая от умственного окования и спячки, сковывавших ее более четверти столетия»⁷. О том же напомнил в своих «Записках» другой современник кн. Д.А. Оболенский: «Мы мечтали об освобождении крестьян, мы мечтали о лучшем устройстве судов, о возможности более гласного обсуждения общественных вопросов <...> И вот наступило время, где мечты наши осуществились. Нужно было России пройти через испытание Крымской войны, чтобы стряхнуть сон и взять из выработанного новым поколением людей то, что пригодно для блага государства»⁸.

В наше время мы с трудом представляем себе, какой необычайный подъем общественного настроения и общественной активности охватил всю мыслящую Россию в 1860-х гг., сколь велики были ожидания, и какому сильному влиянию и даже воздействию подвергались правительственные начинания. Общественное мнение, общий настрой на изменение существовавших порядков, несомненно, подталкивали правительство к решению кардинального вопроса – освобождению крестьян. Именно тогда академик Александр Федорович Кони писал: «Ледяной покров безмолвия и ложного благоденствия стал быстро таять»⁹. Альфред Рамбо, известный французский историк, один из авторов многотомной «Истории XIX века» сообщал о своих наблюдениях: «Казалось, что консервативная Россия минувшей эпохи исчезла с лица земли: всякий называл себя либералом. В стране проснулся дух гордых надежд и смелых инициатив <...> Тысячи голосов заговорили в газетах, журналах, книгах, в гостиных, на улицах. О чем прежде могли только думать, о том говорили теперь во всеуслышание <...>

В своем стремлении к реформам общественное мнение желало бы осуществить все их разом, но вскоре <...> увидели, что все вопросы тормозились вопросом об освобождении крестьян <...> Несвободного населения России насчитывалось тогда 47 миллионов 400 тысяч душ, из которых 20 миллионов было государственных крестьян, 4 миллиона 700 тыс. удельных, горнозаводских, фабричных и пр., 21 миллион помещичьих и 1 миллион 400 тысяч дворовых людей»¹⁰.

Характерное для этого периода, по словам В.В. Леонтовича «стремление к либеральному абсолютизму» выплеснулось на страницы публицистики.

Александр II не был либералом в отличие от своего брата и единомышленника великого князя Константина Николаевича (А.Ф. Кони считал, что великий князь «душою отдался преобразовательным стремлениям своего царствующего брата <...> словом и делом, советом и личным участием содействовал успешному переходу великодушных предположений в практическое осуществление») ¹¹. Профессор А.В. Манько в книге «Чтения об особах российского императорского дома» характеризовал личность Александра II, отметив «благородство характера, великодушные и спокойное мужество, умение владеть собой <...> культурность ума» ¹², наконец, способность к восприятию чужих мнений. Это были качества, позволившие императору вступить на новый внутривластный курс, предопределенный фактически всей изменившейся обстановкой, нужно было идти в ногу со временем. «Севастополь ударил по застоявшимся умам», писал В.О. Ключевский.

Вспомним, что еще в конце 1855 г. Александр II издает несколько указов, свидетельствующих о возможных переменах. 3 декабря ликвидируется Высший секретный цензурный (Бутурлинский), комитет, возвращаются некоторые права университетам, лишенным их после революций 1848 г., разрешена свободная выдача заграничных паспортов и т.д. В день коронации государя 26 августа 1856 г. объявляется амнистия политическим заключенным, в том числе оставшимся в живых декабристам, петрашевцам, участвовавшим в восстании полякам, и от полицейского надзора освобождается 9 тыс. человек. Не забыл Александр II и о крестьянстве: на три года был отменен рекрутский набор и списаны недоимки.

Справедливую оценку этим мерам дала, полагаю, Л.Г. Захарова: не всегда последовательные, носившие скорее эмпирический характер, они не были следствием «никакой общей программы», и, выходя за привычные, апробированные границы не вписывались, однако, в николаевскую политическую систему, а были «даже прямо противоположны ей» ¹³. Но это противоречило высказыванию Александра II в Государственном совете 19 февраля 1855 г., при вступлении на престол, где он торжественно провозгласил себя восприимчивым дел своих августейших предков и «незабвенного нашего родителя». «Александр II, — замечает далее Л.Г. Захарова, — встал на путь освободительных реформ не в силу своих убеждений, а как военный человек на троне, осознавший “уроки” Крымской войны, как император и самодержец, для которого превыше всего были престиж и величие державы» ¹⁴.

В 1992 г. Московский университет подготовил тематический сборник статей «Великие реформы в России, 1856–1874», в котором была помещена статья американского исследователя проф. Университета штата Айова Стивена Хока «Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России 1857–1861». С. Хок пишет следующее: «Недооцененной оказалась роль кризиса банковской системы, который стал бичом реформы. Именно он определил условия освобождения и ослабил, таким образом, последующее экономическое развитие страны» ¹⁵.

Это высказывание заслуживает глубокого внимания. Осуществление реформы в период тяжелейшего финансового кризиса не могло не отложить отпечатка на условия освобождения крестьян в целом и особенно выкупной опе-

рации и более того — на последующее поступательное движение российской экономики, прежде всего ее аграрного сектора.

«В 1859 г., — отметил С. Хок, — когда правительственные чиновники начали разработку законодательства по крестьянской реформе, они оказались перед лицом кризиса: растущий государственный долг, инфляция, отрицательный платежный баланс, неблагоприятный климат для внешних займов, невозможность восстановить обратимость рубля и, наконец, крах государственных кредитных учреждений. В этих условиях и готовилась реформа». И далее: «Банковский кризис сделал необходимой резкую перестановку в приоритетах финансовой политики правительства. Это не позволило ему субсидировать приобретение крестьянами земли в собственность, как было сделано в Пруссии и Австрии. Это на многие годы обременило крестьян высокими процентами на их выкупные долги, существенно увеличившими ежегодные выкупные платежи. Это оказалось на руку тем, кто стремился свести к минимуму размеры крестьянских земельных наделов. Это стало дополнительным аргументом в пользу того, что выкуп должен быть постепенным, а не единовременным и обязательным. Это сделало необходимым ограничить обращение кредитных бумаг, выпущенных для помещиков, в ущерб их держателей»¹⁶.

В конце 1858 г. при министре финансов А.М. Княжевиче составилась кружок молодых финансистов — приверженцев распространенной и модной в те годы теории экономического либерализма. «В основе идей этого направления экономической мысли лежало представление об экономическом развитии как естественном процессе, не нуждающемся в государственном вмешательстве. Упор делался на частный интерес, акционирование промышленности, торговли и банков, а также на привлечение иностранного капитала», — пишет исследователь И.Н. Левичева. К лету 1859 г. «образовался сложный клубок проблем: растущий государственный долг и необходимость перестройки его структуры, отрицательный платежный баланс, неблагоприятный климат для внешних займов, необходимость развития транспорта и подготовки крестьянской реформы», а «в начале 1859 г. российская банковская система оказалась на грани краха»¹⁷. Для борьбы с кризисными явлениями правительство Александра II приняло в 1858—1859 гг. комплекс финансовых мер, лишь частично рассмотренных и комментированных в отечественной литературе. Эти меры были разработаны специально созданными Банковской и Финансовой комиссиями, состоявшими из восьми членов каждая. В своем большинстве члены комиссий были активными сторонниками реформ. В их числе влиятельные финансисты, трезво оценивавшие экономическую обстановку в стране и возможные последствия финансового кризиса.

Любопытно наблюдение С. Хока относительно состава Комиссий: «Хотя этих людей историки часто называют просвещенными бюрократами, они имели узкий взгляд на вещи, рассматривая решение проблем, стоящих перед Россией, преимущественно через фискальные рамки. Они были захвачены идеей железных дорог и в не меньшей степени враждебны к помещичьей расточительности, которую они презирали. Все они выступали за налоговую реформу и упорно противостояли дефицитному бюджетному финансированию»¹⁸.

Кто же входил в состав Банковской и Финансовой Комиссий? Состав Комиссий оказался весьма показателен. Прежде всего следует назвать выдающегося деятеля крестьянской реформы Николая Алексеевича Милютина, занимавшего пост директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, брата Дмитрия Алексеевича Милютина и племянника Павла Дмитриевича Киселева — реформатора государственной деревни в царствование Николая I. Оценивая деятельность Н.А. Милютина, которого современники признавали «душой» реформы 1861 г., академик А.Ф. Кони писал: «За возможность быть полезным родине он, с виду сдержанный и спокойный, платил кровью своего сердца и соком своих нервов»¹⁹. А.К. Дживелегов, посвятивший в юбилейном издании 1911 г. специальную статью об общественно-государственной деятельности Н.А. Милютина в период подготовки крестьянской реформы, назвал его ярким представителем западного просвещенного абсолютизма, занявшим центральное место в «небольшой группе последовательных сторонников разумного освобождения» крестьян (в среде крепостнического большинства Милютин слыл красным и даже революционером)²⁰.

Мысль Милютина, «самого талантливого из бюрократов Александровского царствования» работала «в направлении от государства к крестьянам, а не наоборот. Поэтому он не находил ничего непоследовательного в том, что освобожденные от вотчинной опеки крестьяне попадали под такую же строгую опеку государственных властей»²¹.

Другим членом комиссий, имевшим репутацию высокопрофессионального финансиста, являлся Юлий Андреевич Гагемейстер. Последовательный сторонник отмены крепостного права, он писал в Записке 1856 г. «О финансах России»: «Отмена крепостного права есть для России вопрос жгучий, неотложный, требующий самого скорого разрешения. Промышленное и политическое развитие России обусловливается отчасти разрешением этого вопроса, в котором правительство, хотя бы из видов самосохранения, вынуждено будет сделать первый шаг»²². В 1858 г. Гагемейстер был назначен директором Кредитной канцелярии Министерства финансов, в следующем году вошел в группу представителей Редакционных комиссий и одновременно возглавил несколько комиссий при Министерстве финансов: комиссию для улучшения системы податей и сборов; комиссию об устройстве земских банков; комиссию о реорганизации государственных кредитных учреждений.

Ю.А. Гагемейстер являлся сторонником отмены подушной подати, считая ее ликвидацию «благодетельной» мерой; с удовлетворением приветствовал предпринятый Министерством имуществ перевод подати с души на землю и промыслы в 17 губерниях «западной полосы» России; высказывался за улучшение хозяйственного положения государственных селян, что невозможно, «пока не отменится общественное владение землями и правительство не наделит крестьян отдельными участками»²³.

В 1860 г. Гагемейстеру было присвоено высшее звание для гражданских чиновников того времени — статс-секретаря его величества, а позднее он занял пост сенатора.

Активную позицию в комиссиях, насколько известно, занимал Евгений Иванович Ламанский, возглавивший позднее основанный в 1860 г. Государственный банк.

Выпускник Александровского лицея, Ламанский в 1853 г. поступил на государственную службу в Министерство Финансов. В следующем году он опубликовал «Исторический очерк денежного обращения в России с 1650 по 1817 г.», выступив с идеей объединения казенных банков в единый центральный банк. Одновременно Е.И. Ламанский являлся членом императорского Русского географического общества, председателем которого был генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич. Русское географическое общество, как известно, на своих заседаниях исключительное внимание уделяло перспективам будущего пути развития России, что соответствовало запросу дня. В 1855 г. Ламанский возглавил секретариат Русского географического общества, в 1859 г. был назначен членом Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы 1861 г.

Дальнейшая служебная карьера Евгения Ивановича была связана с деятельностью «Комиссии, учрежденной по предметам начертания проекта о Земских банках, Особого банка для казенных вкладов и преобразованию Коммерческого банка». В 1867 г. после «увольнения с должности» Управляющего Государственным банком барона А.Л. Штиглица Ламанский занял его пост. Участие в кружке петрашевцев помешало дальнейшему карьерному продвижению Ламанского²⁴.

К работе в многочисленных финансовых комиссиях накануне реформы были привлечены и выдающиеся российские финансисты, возглавившие впоследствии финансовое ведомство – Михаил Христофорович Рейтерн (член Совета министра финансов, находившийся в родственных связях с выдающимся поэтом пушкинской эпохи Василием Андреевичем Жуковским) и Николай Христианович Бунге, «шестидесятник», профессор политической экономии, ректор Киевского Университета Святого Владимира.

Какие меры предприняли государственные финансовые комиссии для смягчения условий тяжелейшего финансового кризиса в преддверии крестьянской реформы?

Прежде всего комиссии пришли к выводу о необходимости долгосрочных актов, и в первую очередь выпуска бессрочных облигаций, что являлось одной из попыток «перестроить структуру банковского долга». Эта новация вызвала крайнее недовольство и обеспокоенность помещиков, стремившихся вернуть банковские вклады.

Комитет финансов, опираясь на выводы созданной в мае 1859 г. Комиссии по реформированию банковской и денежной системы, предложил «ликвидировать поземельные банки (Государственный заемный банк, сохраненные кассы и приказы общественного призрения), произвести конверсию долгов этих банков и преобразовать банковскую систему».

Следующим шагом стало создание правительственной комиссии для устройства земских банковских учреждений, первоочередной задачей которой была ликвидация казенных банков и, как указывалось в «Трудах» Комиссии, опубликованных в 1860 г., переход «к системе частных и совершенно само-

стоятельных земских банков в форме товарищества землевладельцев или же акционерных компаний или же, наконец, в какой-нибудь новой, приспособленной к местным потребностям, форме». Тогда же было принято решение преобразовать Государственный коммерческий банк в Государственный банк.

Как видим, законодательные постановления о реорганизации кредитно-банковской сети следовали одно за другим и привели накануне реформы к неожиданным и тяжелым для помещного дворянства последствиям.

16 апреля 1859 г. под вполне благовидным и, казалось, рациональным и своевременным предлогом было издано Высочайшее распоряжение о прекращении выдачи ссуд под залог населенных имений. Поскольку Высочайшее распоряжение (Указ) 16 апреля 1859 г. ни в одной из исследовательских работ о крестьянской реформе не фигурирует, включая труды, посвященные деятельности дореформенных банков, позволю себе дословно привести его содержание: «16 апреля 1859 г. Высочайшим распоряжением были приостановлены ссуды под залог помещичьих имений впредь до составления новых банковских правил о размере ссуд не по числу душ, а по количеству и стоимости земли».

Формально Указ означал запоздалое осуществление давно назревшей меры — переход к капиталистическому принципу оценки помещичьей земли при ее банковском залоге. Но в действительности его значение выходило далеко за рамки указанной в документе цели. Первое, на что следует обратить внимание, отказ от принятия банками в залог помещичьих имений означал сохранение столь необходимых в условиях кризиса финансовых средств в руках казны.

Во-вторых, Указ, несомненно, нанес сильнейший удар по владельцам поместий, ибо они лишились одного из важнейших каналов государственной финансовой поддержки привилегированного дворянского землевладения — фундамента политической власти дворянства.

Со времен Елизаветы Петровны сложились, а в царствование Екатерины II окончательно оформились, с нашей точки зрения, пять основных каналов прямой гарантированной государственной помощи дворянскому землевладению. Каковы были эти каналы поддержки?

1. Прежде всего следует назвать пожалование дворянству земель, населенных государственными крестьянами, т.е. юридически свободным сословием. Известно, что Петр I за более четверть века царствования передал в неволю 187 тыс. душ государственных (казенных) крестьян, Екатерина II за 34 года пребывания на троне — примерно 850 тыс. человек, тогда как Павел I за свое короткое (менее 5 лет) царствование пожаловал в частные руки около 550–600 тыс. душ государственных крестьян. Практика пожалования прекратилась (или почти прекратилась) при Александре I, объявившем при короновании в 1801 г., что отныне населенные земли в частные руки передаваться не будут.
2. Раздача или продажа по низким ценам ненаселенной казенной земли. По сведениям академика Н.М. Дружинина, только присоединение Крыма и Северной Таврии увеличило дворянское землевладение на 625 тыс. десятин ненаселенной земли.

3. Законодательная поддержка, в том числе указы о создании майоратов Екатерины II в 1774 г и Николая I в 1845 г. Эта форма землевладения, укрепившаяся в странах Западной Европы, не нашла широкого применения в России, где накануне отмены крепостного права насчитывалось только 20 крупных майоратов.
4. Финансовые «услуги» государства: создание в 1754 г. Дворянского заемного банка ипотечного кредита и преобразование его в 1786 г. в Государственный заемный банк в связи с расширением операций.
5. Почти полное освобождение поместного землевладения от налогов.

Квинтэссенцией поддержки дворянского привилегированного землевладения явилась, естественно, Жалованная грамота дворянству 1785 г.

С введением в действие нового правительственного постановления помещики лишались одного из важнейших источников государственного покровительства привилегированному землевладению.

Важно подчеркнуть еще одно значение Высочайшего распоряжения 16 апреля 1859 г. Оно было обнародовано неожиданно для землевладельцев и в тяжелое послевоенное время. Оно явилось, на наш взгляд, своего рода предупреждением владельцев поместий, все еще надевавшихся на сохранение прежних крепостнических устоев, о решительном настрое правительства, встающего на путь реформаторства.

Созданная по инициативе Министерства финансов правительственная комиссия 10 июля 1858 г., состоявшая из 14 человек – представителей кружка при Министерстве финансов имела целью разработку законодательства о восстановлении долгосрочного сельскохозяйственного кредита, т.е. именно она, видимо, должна была определить дальнейшую судьбу дворянского землевладения.

Исследователь истории Государственного банка И.Н. Левичева пишет: «В ходе работы этой Комиссии были приняты решения о консолидации вкладов упраздненных банков, которые объявлялись государственным долгом <...> В рамках подготовки консолидации вкладов было издано Положение о 5-процентных банковских билетах. Указ о выпуске этих билетов был издан 1 сентября 1859 г. Билеты выпускались для обмена на них вкладных билетов упразднявшихся казенных банков. Поскольку дореформенные банки выдавали ссуды, как правило, долгосрочные, а вклады в основном имели характер краткосрочный и до востребования, обмен вкладных билетов ликвидируемых казенных банков на новые 5-процентные банковские билеты позволял привести в соответствие условия востребования вкладов с условиями платежей со стороны заемщиков. Вновь выпускаемые 5-процентные банковские билеты должны были погашаться в течение 37 лет путем ежегодных тиражей <...> В течение первых двух месяцев завершилась ликвидация счетов Государственного заемного банка и Санкт-Петербургской сохранной казны. Все их дела и счета по операциям были переданы в Государственный банк»²⁵.

Подготовив поместное дворянство к мысли о неизбежности реформ и законодательно несколько смягчив возможные риски финансового кризиса, но, разумеется, не ликвидировав их вовсе, Александр II смог приступить к даль-

нейшей подготовке крестьянской реформы. Отныне перед ним стояли две неотложные задачи:

Первая — добиться, чтобы инициатива проведения буржуазных по своему содержанию реформ исходила из землевладельческой среды, а не от правительства. Это было необходимо, ибо он нуждался в законодательном обосновании действий в условиях конфронтации помещиков и неопределенности последствий реформы.

Вторая задача заключалась в том, чтобы приложить максимум усилий с целью сохранения механизма реализации реформ именно в компетенции правительства, иначе трудно было предугадать, насколько готовившийся в министерствах проект реформы будет урезан дворянским сообществом. Об этом Александру II напоминал великий князь Константин Николаевич, в одном из писем брату он писал: «Дай Бог, чтоб мы удержали все эти вопросы в наших руках и остались в голове движения».

В конечном итоге обе эти задачи были решены, но с необыкновенным трудом и превеликой потерей времени. После согласия поместного дворянства западных губерний на реформирование деревни А.И. Герцен, внимательно следивший за действиями императора, написал в «Колоколе»: «Ты победил, Галилелеянин!».

Отклики в дворянской среде на издание Указа 1859 г. были весьма показательны.

Обратимся к заметкам А.И. Кошелева, крупного либерального деятеля славянофильского толка, известного, в частности, следующим высказыванием о либеральном общественном движении: «Мы столько стоим за предоставленные людям свободы, сколько против того, чтобы люди у нас ее выхватили»²⁶.

В изданной в 1864 г. статье «О нашем денежном кризисе» А.И. Кошелев писал: «Нуждаться в деньгах, быть в крайности естественно человеку, у которого нет никаких капиталов, но прискорбно, крайне тяжело быть без гроша человеку, имеющему их в избытке; а между тем, в этом положении находятся теперь девять десятых из людей богатых. Сколько лиц, пользующихся общим доверием, нуждаются в деньгах и не могут их получить в ссуду потому только, что ссудные кассы все закрыты»²⁷.

Каковы же были финансовые итоги крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., кто выиграл в этой неравной борьбе за право называться свободным земельным собственником?

Профессор П.А. Зайончковский, многие годы возглавлявший научное направление по изучению крестьянской реформы, называл цифру финансового выигрыша государства — 700 млн руб., т.е. именно государство оказалось в положении финансового, так сказать, «победителя».

Какие изменения произошли в положении главных фигурантов крестьянской реформы?

По подсчетам отечественных историков-аграрников на одних земельных отрезках в результате реформы крестьяне потеряли не менее пяти миллионов десятин земли, оставаясь до выкупа, законодательно растянувшегося на 49 лет, «временнообязанными», со статусом «общинных землепользователей». На плечи крестьянства в условиях финансового кризиса легли тяжелой ношей

выкупные платежи и более того — все организационные и административные расходы, связанные с проведением реформы.

Царское правительство, пишет С. Хок, «не потратило ни копейки на проведение великой реформы по превращению более 20 млн бывших крепостных крестьян в собственников»²⁸. Близкую оценку реформаторской политике правительства Александра II по крестьянскому вопросу приводит Л.Г. Захарова: «Остается впечатление о приоритете имперских интересов в заботах царя-освободителя. Не “улучшение быта” бывших крепостных, как это официально провозглашалось, а дальнейшее расширение и усиление империи было целью политики Александра II. Иначе нельзя объяснить тот факт, что государство не вложило в крестьянскую реформу ни одного рубля, что при этом более 1/3 бюджета шло на военные расходы, что выкупная операция, разорительная для крестьян, была выгодна для государства»²⁹.

За 1861—1906 гг. правительство взыскало с бывших помещичьих крестьян свыше 1,6 млрд руб.!

Что же произошло с владельческим помещичьим хозяйством в результате реформы?

Согласно законодательству, при расчете с помещиками за переданную крестьянам наделную землю, оцененную в 1218 млн руб., государство обязывалось полностью компенсировать эту сумму. Однако помещики получили от правительства 902 млн руб., т.е. 316 млн были вычтены из оценочной суммы в пользу государства в качестве задолженности помещичьего землевладения земельным банкам и прочим государственным кредитным учреждениям. Но и оставшаяся сумма была выплачена помещикам не реальными «живыми» деньгами, а пятипроцентными банковскими билетами и выкупными свидетельствами, о которых речь шла выше, и которые котировались на бирже в то время значительно ниже их номинальной стоимости.

Обратимся к откликам современников событий. Вот что записал в «Воспоминаниях», вышедших «по горячим следам» в 1864 г. князь В.П. Мещерский: «Тогда начался разгар эпохи выкупных свидетельств <...> Это была своего рода историческая по интересу минута в жизни нашего большого света. Потом понято было всеми, насколько она была на деле печальная роковая эпоха в жизни нашего дворянства, — потом, когда помочь горю нельзя было, но тогда она была блестящая эта эпоха выкупных свидетельств. В каждую семью, в каждый дом сваливались с неба крупные тысячные суммы, в виде выкупных свидетельств, сначала котировавшихся на бирже очень низко, чуть-ли не на 18 проц. ниже номинальной стоимости, и вот эти-то выкупные продавались и превращались в капиталы, на которые одни бросились в заграничные поездки, а другие стали жить очень роскошно в Петербурге и в Москве. Замечательно было, что только меньшая часть тогда владельцев выкупных, ввиду низкой их цены, решила выждать повышения цен; большая же часть с изумительной легкостью бросилась их реализовать <...> На деле, после выкупной операции начался исторический процесс разорения дворянства, все это понимали»³⁰.

Действительно, реформа привела к падению экономического потенциала великорусского центра — главного оплота дворянского землевладения.

Советские экономисты начала 1920-х гг. отмечали, что в самом экономическом содержании реформы 1861 г. заключались положения, тормозившие дальнейшее развитие крестьянского законодательства (см. работы Б.Д. Бруцкуса и др.). Лишь двадцать лет спустя, при министре финансов Н.Х. Бунге, правительство вынуждено было пойти на изменение ряда законодательных статей «Положения» о реформе. Это было связано с общим пересмотром государственной аграрной политики, обусловленным становлением ведущих аграрных отраслей на капиталистические рельсы (развитие промышленного мукомолья, элеваторной системы, сахарного, табачного производства, винокуренного промысла и других)³¹.

Буржуазная индустриализация и ее влияние на положение сельского хозяйства и пореформенного русского крестьянства

Падение крепостного права и вступление России в эпоху капитализма вновь с небывалой остротой возродили старый, казалось бы, давно забытый спор, происходивший между западниками и славянофилами, о пути дальнейшего развития страны. На рубеже 1860-х гг. в правительственных, деловых и общественно-научных кругах все настойчивее утверждалась мысль о необходимости осуществления буржуазной индустриализации, артериями которой признавались железные дороги. Позднее идея о необходимости перехода экономики России на промышленные рельсы окрепла, приобретая новых сторонников. Несомненно, тяжелейший финансовый кризис способствовал ее утверждению.

В общественной среде отчетливо обозначилось два противодействующих течения – защитников и противников индустриализации. Движение сторонников индустриализации активно возглавлял Дмитрий Иванович Менделеев, противников – Лев Николаевич Толстой. В каждой из своих многочисленных опубликованных работ, затрагивавших промышленное развитие страны, Менделеев призывал к возрождению промышленности, считая, что процветание сельского хозяйства и благополучие крестьянства возможны только в результате становления промышленности на капиталистические рельсы. Толстой, напротив, избегал публичных высказываний, передавая свои мысли и соображения через сеть близких ему по взглядам корреспондентов, среди которых заметно выделялся Сыромятников. Споры разгорались и стали приобретать характер нетерпимости.

Первым руку примирения протянул Лев Николаевич, направив своего сына Сергея Львовича на квартиру Менделеева в Петербургский университет с приглашением посетить Ясную Поляну и найти пути к сближению. Однако получил категорический отказ. Оценивая огромный авторитет и влияние Л.Н. Толстого, аргументировавшего свой взгляд на будущее страны подавляющим большинством крестьянского населения (по разным данным в то время – от 92 до 96%), Менделеев писал: «Толстой зовет нас к сохе». Два гения так и не сумели найти общего языка. Затянувшийся спор разрешило правительство, провозгласив в самом начале 1870-х гг.

индустриализацию приоритетным направлением экономического развития государства.

В последней трети XIX века кардинально менялась международная экономическая конъюнктура. Страны Западной Европы, Соединенные Штаты и наиболее развитые государства южноамериканского континента вступили в период второй промышленно-технической революции. Изменения межгосударственных, в том числе торгово-таможенных отношений не могли не отразиться на положении России, тысячами нитей связанной с зарубежной экономикой, что ускорило движение страны по капиталистическому пути. Темпы промышленного развития России на рубеже веков были скорректированы проводимой имперским правительством политикой индустриализации, прошедшей три этапа: конец 1870–1880-е гг., конец 1880-х – 1890-е гг. и 1900-е – 1914 гг. Последний этап, прерванный Первой мировой войной, не позволил России завершить индустриализацию. Переход к политике буржуазной индустриализации означал, что начиная с последней трети XIX века задачи ускоренного промышленного развития стали приоритетными в правительственном экономическом курсе. Нельзя не признать, что позитивные изменения в экономике происходили на фоне активной законотворческой деятельности правительства, прежде всего Министерства финансов, проводившего политику совершенствования законодательных, начал предпринимательской деятельности. Эта политика предусматривала расширение предпринимательских возможностей за счет отмены отдельных сословных ограничений, ослабления строгих юридических требований по отношению к торгово-промышленному учредительству и их упорядочению или либерализации отдельных законодательных норм, относящихся к хозяйственному праву.

При всем том неизменным оставалось вмешательство государства в экономические процессы. Хотя порою оно приобретало характер косвенных регулирующих мер, затрагивавших в первую очередь казенное производство. Но не только. Коммерческие формы поддержки оказывались нуждавшимся предприятиям и банкам частного сектора путем выдачи так называемых «неуставных ссуд» (не предусмотренных Уставом) из Государственного банка, расширения практики железнодорожных и прочих государственных заказов, и ряда других неординарных мер.

Что же такое буржуазная индустриализация, и на каком экономическом этапе развития страны она реально осуществима?

Буржуазная индустриализация – это создание высоко-координированных наиболее капиталоемких отраслей производства, выделенных К. Марксом еще в «Капитале» в качестве предприятий группы «А», т.е. это металлургия, металлообработка, горно- и рудодобывающая промышленность, нефте- и угледобыча, судо- и авиастроение, это военная промышленность и производство строительных материалов. Артериями индустриализации общепризнаны железные дороги. Следовательно, индустриализация становится возможна лишь тогда, когда господствующими в экономике становятся крупнокапиталистические формы производства – фабрики и заводы (в мануфактурную стадию промышленности буржуазная индустриализация нереальна).

Индустриализация была подготовлена в России промышленным переворотом, хронологические рамки которого в ходе длительной и острой дискуссии определены большинством исследователей-специалистов (П.Г. Рындзюнским, А.С. Нифонтовым, Т.К. Пажитновой, А.М. Соловьевой и др.) как 1860-е – начало 1880-х гг., т.е. первые пореформенные десятилетия (но отнюдь не годы промышленного подъема – 1830–1840-е, как утверждали ранее последователи академика С.Г. Струмилина). Противоречия в оценке хронологических рамок промышленного переворота отразили степень изученности проблемы и уровень развития историографии в целом. В наше время общепризнано, что промышленный переворот как революционное действие непременно сопровождался процессом окончательного оформления классов уже капиталистического общества. В условиях господства крепостного права, негативно влиявших на условия труда, движения в этом направлении быть не могло. Косвенным доказательством пореформенного завершения промышленного переворота явилось запоздалое включение России в общеэкономический процесс – не ранее 1870–1880-х гг., о чем свидетельствует слабая степень влияния в России мировых экономических кризисов. Однако в отраслях отечественной промышленности, не знавших мануфактурной стадии развития, а возникших сразу в виде фабрик и заводов с использованием вольнонаемного труда (хлопчатобумажное производство, отдельные виды машиностроения, химической продукции и др.), промышленный переворот начался еще в предреформенные годы. Итогом его стали качественные преобразования в эволюции экономики, носившие всеобъемлющий характер и внесшие ряд революционных изменений в технический базис производства. За десятилетия промышленного переворота вследствие модернизации предприятий ведущих отраслей почти втрое увеличился рост продукции, но ее объем все еще не мог удовлетворить возросшие потребности народного хозяйства.

Кардинальные изменения в промышленности привели к ускоренному вытеснению ручного труда, к стремительному становлению машинной индустрии, что особо следует подчеркнуть, не соответствующей по своим темпам европейским «нормам». Следствием этого явились глубокие социальные сдвиги и окончательное формирование классов уже капиталистического общества – пролетариата и буржуазии. Завершающий этап промышленного переворота означал победу капиталистического производства в российской экономике и частично совпал по времени с первым этапом индустриализации. Промышленный переворот приблизил страну к уровню западноевропейских стран, одновременно усилив ее зависимость от мировой капиталистической системы. Решающий стимул к дальнейшему развитию капиталистического производства был дан политикой буржуазной индустриализации.

Что стимулировало переход российского правительства к политике индустриализации, что подвигло его к осуществлению курса ускоренных экономических преобразований?

Нельзя не признать, что сам политический режим страны, казалось бы, являлся препятствием на пути ее капиталистического развития. И вместе с тем, свидетельствуют исследователи, «при всей противоречивости и непо-

следовательности экономической политики царского правительства способствовало капиталистическому развитию стало главным ее направлением» (И.Ф. Гиндин).

Основной мотив перехода к политике индустриализации заключался в стремлении правящих кругов добиться конкурентоспособности страны в окружении развитых капиталистических стран Европы. Того требовало решение задач внутренней политики и осуществление военно-стратегических целей. Осознание необходимости соответствовать «духу времени» отличало деятельность выдающихся отечественных реформаторов XIX столетия — от М.М. Сперанского до Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте. М.М. Сперанский заметил: «Никакое правительство с духом времени несообразное, против все мощного его действия устоять не может». Позднее, в 1892 г., эту же мысль в классической формулировке высказал Ф. Энгельс: «Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете, только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием».

Вторым, столь же важным побудительным обстоятельством явилось стремление властных структур сохранить поместное землевладение, ибо само существование полукрепостнических помещичьих латифундий оказалось возможным в новых условиях лишь при перестройке их на капиталистический лад.

Вот как оценивают цели правительственной политики индустриализации исследователи экономической истории России:

1. Правительственный курс «был рассчитан не только на ускорение экономического развития страны, но и на дальнейшее сохранение крепостнических пережитков» (И.Ф. Гиндин).
2. «Промышленная модернизация России осуществлялась царским правительством ради достижения главной цели — поддержания государственного статуса страны при условии сохранения политического режима (самодержавия) и его классовой опоры — поместного дворянства <...> Идея заключалась в том, чтобы замедлить и смягчить капиталистическое перерождение деревни и дать дворянству возможность приспособиться к новым условиям <...> Решая задачу промышленного развития страны, царское правительство стремилось не только ускорить его, но и направить (в желаемом направлении), в условиях сохранения и в экономической, и в политической сферах жизни страны множества пережитков крепостничества, задерживавших органическое развитие экономики на капиталистической основе» (Л.Е. Шепелев).

Индустриализация сопровождалась становлением крупного машинного производства и созданием наиболее капиталоемких отраслей. Ускоренными темпами развивалась энергетическая база страны, повышалась производительность труда, модифицировалась система его применения.

А что же сельское хозяйство? Что происходило с крестьянством, освобожденным от крепостнических пут? За два ближайших десятилетия, т.е. до 1880-х гг. в отношении крестьянства имперское законодательство буксовало,

не было принято ни одного серьезного экономического акта в пользу облегчения выкупных платежей или изменения правовых условий освобождения. Все внимание правительства было сосредоточено на развитии железнодорожного строительства и тяжелых отраслей промышленности. Вспомним персональный состав межведомственных комиссий 1860-х годов и взгляды их участников.

Этапы индустриализации

Буржуазная индустриализация, которую нередко в литературе ряд авторов называет виттевской, поскольку Сергей Юльевич Витте являлся не только убежденным сторонником, но начиная с конца 1880-х гг. активным проводником индустриализации, прошла три этапа и была оборвана Первой мировой войной.

Первый и второй этапы индустриализации, охватившие период с конца 1870-х по 1900 г., характеризовались стремительным процессом оформления отраслевой структуры промышленности, преобладанием машинного производства, ростом энерговооруженности предприятий. По объему выпуска продукции на первых двух местах находились текстильная и пищевая промышленность. Примечательно, что только с 1880-х гг. стали ощущаться признаки капиталистической перестройки сельского хозяйства: рост производства сахарной, маслобойной, табачной, спиртоводочной отраслей, промышленного мукомолья. Но происходило это экстенсивным путем, не за счет интенсификации производства или государственных вливаний в зерновое хозяйство, а в основном за счет возросших масштабов производства сельскохозяйственных продуктов страны, стремившейся к захвату новых аграрных рубежей. До выдвижения на пост министра финансов Н.Х. Бунге (1881–1886) никаких существенных изменений в положении пореформенного крестьянства не произошло.

К 1897 г. доля продукции текстильных и пищевых предприятий достигла 56% объема всего промышленного производства страны. Третье место по объему производства (но не по стоимости) заняли горнозаводская, металлургическая отрасли (их квота составила 25%) и машиностроение (5%).

К концу XIX в. окончательно оформились региональная структура промышленности и ее базисные отрасли – топливная и горно-металлургическая. Возрос удельный вес тяжелой индустрии, стоимость средств производства (предприятия группы «А») составила около 40% общей стоимости промышленной продукции. Наряду со старыми ведущими индустриальными центрами, такими как Петербург, Центральный промышленный район, Прибалтика, Польша, Урал, возникли новые перспективные, построенные на иностранные капиталы с учетом последних достижений техники, – Донбасс и Баку.

В период промышленного подъема 1890–1900 гг. стоимость промышленного производства возросла вдвое – с 1,5 до 3 млрд руб. К началу века (1900 г.) добыча каменного угля увеличилась в 2,7 раза, достигнув 995 млн пудов (2/3 выхода угля уже дал Донбасс): добыча нефти – в 2,6 раза, т.е. до 632 млн пудов;

выплавка чугуна — в три с лишним раза, составив 177 млн пудов, машиностроение возросло примерно в четыре раза (стоимость его составила 209 млн руб.). Российская «квота» в мировом металлургическом производстве к 1900 г. увеличилась до 7,3%.

В этот период наблюдался большой приток капиталов в акционерное учредительство: в абсолютных цифрах на 1899 г. он составил 1,7 млрд руб. Происходила концентрация рабочих на промышленных предприятиях, 45,2% из них были заняты в крупном производстве, т.е. на предприятиях, насчитывавших более 500 рабочих.

Источники финансирования индустриализации

Индустриализация финансировалась за счет нескольких источников, как внешних, в том числе «золотых» займов (ссудного капитала), так и внутренних. За 1892–1900 гг. в Россию было привлечено из-за границы около 3 млрд золотом, увеличился и внешний долг страны. Доходы за те же годы возросли на 40%, расходы — на 60% и более.

Финансирование промышленности происходило за счет: крупных иностранных инвестиций в промышленность (производительного капитала): доля иностранного капитала поднялась с 17% в 1888 г. до 27% к 1900 г. Вклад иностранного капитала в акционерные общества на грани веков достиг 911 млн руб. протекционистских таможенных повышений, вылившихся во введение в 1891 г. протекционного (защитного) тарифа, резко поднявшего таможенные пошлины на промышленный импорт в Россию; роста хлебного экспорта — до 500–600 млн пудов ежегодно к исходу XIX века — одного из основных источников доходной части государственного бюджета; внутренних мер, усиливших влияние государства, в том числе некоммерческого финансирования частных промышленных предприятий и банков из ресурсов Государственного банка, т.е. финансовой помощи за счет государственных средств в период промышленных кризисов: развития системы государственных заказов, особенно на военное и железнодорожное оборудование, щедро раздаваемых правительством, с установлением цен на него, превышавших цены на зарубежные заказы; роста косвенных налогов за период 1881–1897 гг. с 327,7 млн руб. до 648,8 млн руб., павших преимущественно на свободное крестьянское население, и прямого административного вмешательства в экономику и в предпринимательскую деятельность; введения С.Ю. Витте в 1898 г. промыслового налога, результатом которого стало упорядочение торгово-промышленного обложения, дифференцированного в соответствии с распределением на разряды стационарных торгово-промышленных предприятий и розничной торговли (работ о реформе в отечественной историографии нет). Промысловый налог сменил архаичное патентное обложение промышленности и торговли.

Возникает закономерный вопрос: какова была роль сельского хозяйства в финансировании индустриализации, задело ли ускоренное промышленное развитие экономические интересы аграрного сектора?

Безусловно, но как? Реально предположить, что важнейшими, но не единственными показателями для соотношения экономических возможностей эволюции промышленного и аграрного секторов могут являться, во-первых, уровень налогообложения отраслей, и, во-вторых, финансовый вклад в их развитие со стороны государства.

В экономической литературе 1920-х гг. приводятся поразительные данные, которыми оперируют и некоторые современные исследователи, например, профессор И.М. Бобович в своем учебном пособии «Экономическая история России 1861–1914 г. Санкт-Петербург. 1997»: в 1880-е гг. налогообложение дохода с реализации единицы сельскохозяйственной продукции составляло 17–18 денежных единиц (руб., коп.), что в 3–4 раза превышало налогообложение дохода с реализации единицы промышленной продукции – от 3 до 6 денежных единиц (без учета низкого в России налога с основного капитала промышленных предприятий – 0,15% по «Промысловому положению» 1898 г.).

Примерно теми же цифрами оперирует Н.Д. Кондратьев в докладе на заседании Президиума Госплана СССР 4 июля 1925 г. «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». Согласно его словам, имела место «конфискация значительных средств крестьянского населения» в виде налогообложения в среднем до 17,6% «условно – чистого дохода крестьянского хозяйства». Тому способствовала и высокая арендная плата. Даже учитывая время составления доклада, нельзя не обратить внимания на высокий уровень налогового обложения деревни в конце XIX в.

Уточнений требует и второй фактор – вклад государственных средств в развитие аграрных отраслей, значительно уступавший аналогичным показателям западноевропейских стран. Данные о государственной финансовой поддержке сельского хозяйства приводит П.А. Столыпин, называя этот фактор «сельскохозяйственной помощью населению». По его сведениям, затраты государства из расчета на одну десятину посева в Венгрии и Норвегии составляли 2 руб., в Пруссии – 1 руб. 33 коп., в Бельгии – 1 руб., в Европейской России (на 1909 г.) – всего лишь 9 коп.!

Многочисленные и разнообразные финансовые источники, упомянутые в документах и исследовательской литературе, свидетельствуют о том, что имперское правительство было крайне заинтересовано в сборе средств для финансирования индустриализации как приоритетного направления экономического развития, но вовсе не означают, что именно эти источники сыграли решающую роль (все для фронта). Индустриализация финансировалась за счет двух видов основных накоплений: «виттевских» займов и роста косвенных налогов с городского населения, и свободного пореформенного крестьянства.

Мы представляем себе, что взяла у сельского хозяйства и крестьянства индустриализация, но что она дала аграрному сектору? Оказалось, многое. Происходило своего рода перераспределение вливания финансов. Уже упоминалось, что артериями индустриализации признавались железные дороги. Еще на первом этапе, в 1870–1880 гг. протяженность железнодорожной сети достигла около 23 тыс. км, стала создаваться железнодорожная промышленность. Рельсы отечественного производства почти вытеснили импортные, русский подвижной состав (паровозы и вагоны) дали $\frac{3}{4}$ нужного количества,

изменился грузооборот — $\frac{4}{5}$ грузов было перевезено железными дорогами. Грузевые и водные перевозки теряли прежнее значение.

Что это означало для сельского хозяйства? Ускоренное создание единого капиталистического рынка для промышленности и товарного сельского хозяйства: возникновение условий для районирования сельскохозяйственной территории и отдельных аграрных отраслей, появление определенных ориентиров для ценообразования на рынках и стоимости перевозок сельскохозяйственных грузов.

Источники и литература

- Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
Бобович И.М. Экономическая история России 1861—1914 гг.: Учеб. пос. СПб., 1997.
Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. — 1908 г. М., 1884.
Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М., 1997.
История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. VI. М., 1968.
История экономики. Ч. 1. От древности до Второй мировой войны: Учеб. пос. Самара, 1998.
Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.
Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. М.; Л., 1928.
Шепелев Л.Е. Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны // Исторические записки. 1963. Т. 73.

Министр финансов Н.Х. Бунге и пореформенное крестьянство

Николай Христианович Бунге был, несомненно, выдающимся министром финансов (1881—1886), преданным идее освобождения крестьян. Чтобы оценить его взгляды на эволюцию российского пореформенного крестьянства достаточно напомнить, что он считался «шестидесятником» и оставался верен своим убеждениям до конца дней. Бунге был известным экономистом, профессором, ректором университета Святого Владимира в Киеве. В период подготовки крестьянской реформы 1861 г. он был включен правительством в состав членов «Редакционных комиссий для составления общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» и, без преувеличений, на протяжении всей жизни оставался верен идеалам и решениям этих комиссий, отвергнутым в значительной мере правительством. Как видный деятель либерального движения 1850—1860 гг. Бунге входил в состав нескольких комиссий, в том числе по преобразованию кредитной системы, по разработке Университетского устава 1861 г.

Когда мысленно прослеживаешь жизненный и деловой путь Н.Х. Бунге, невольно убеждаешься в том, что, будучи человеком долга, он считал своей обязанностью облегчить положение крестьянства и, когда такая возможность стала реальностью спустя 20 с лишним лет, он воспользовался ею, выполнив свой долг и в какой-то мере оправдав решения Редакционных комиссий, осуществленные с двадцатилетним опозданием.

Напомню, что Редакционные комиссии были созданы в марте 1859 г. и приняли ряд радикальных для своего времени решений. Комиссии были

учреждены по инициативе двух замечательных деятелей периода реформ — Николая Алексеевича Милютина и Петра Петровича Семенова Тянь-Шанского, под председательством Якова Ивановича Ростовцева, известного по делу декабристов. По первоначальному замыслу, предполагалось, что Комиссия общих положений будет состоять из чиновников министерств и ведомств. Комиссия местных положений из экспертов — членов губернских комитетов, представителей Министерства внутренних дел и Государственных имуществ и отчасти из помещиков. Для пользы дела решено было сократить число участников и создать лишь одну Комиссию, сохранившую старое название и состоявшую из четырех отделений: административного, юридического, финансового и хозяйственного. Столь действенного и результативного общественно-научного органа ни до реформ, ни после Россия не знала.

Что же представляли собой Редакционные комиссии, и каковы были их особенности? В силу каких причин их разумные и вполне реальные предложения реализованы были лишь в 80-х годах XIX в.?

Прежде всего, следует отметить, что Редакционные комиссии были в значительной степени независимы в своих решениях, т.е. они подчинялись не министерствам, не ведомствам, а напрямую — исключительно государю.

Второе, их удивительный состав. В подавляющем большинстве это были единомышленники, выпускники С.-Петербургского университета, люди молодые (от 35 до 40 лет), служившие в министерствах, издательствах, редакциях. Профессор И.М. Бобович, впервые обратившая внимание на состав комиссий, назвала его «молодой интеллектуальной элитой петербургской либеральной бюрократии». В комиссии приняли участие Н.А. Милютин, Я.А. Соловьев, А.П. Заблоцкий-Десятовский, В.А. Черкасский, Ю.Ф. Самарин, Е.И. Ламанский, П.П. Семенов и др. В состав комиссий входили и представители консервативных, если не сказать больше, кругов, но они были в явном меньшинстве — П.П. Шувалов, Ф.И. Паскевич-Ереванский.

Следующим отличием этого органа была гласность. Решения комиссий принимались после дискуссий и одобрения специалистов, ознакомившихся с их содержанием. Эти решения подвергались обсуждению вследствие опубликования. В силу своего состава и преданности делу Редакционные комиссии далеко шагнули вперед, опередив на десятилетия мнения многих современников излагаемых событий. Каковы были основные решения Редакционных комиссий о землеустройстве пореформенного крестьянства? Комиссии высказались за полную отмену крепостного права, т.е. за освобождение с землей, включая усадьбу и надел, размер которого не указывался, и за обязательный выкуп земли в собственность крестьянина. На заседаниях комиссий обсуждались вопросы о подушной подати, о круговой поруке и др. Сложно решался вопрос о сохранении общины. После долгих споров и разногласий члены комиссий пришли к выводу, что общину следует оставить вследствие ее уравнительности и защитных свойств. (Выше упоминалось, что большинство представителей комиссий являлись выпускниками С.-Петербургского университета, нет сомнений, что часть из них слушала лекции Д.И. Менделеева — сторонника сохранения общины.)

Большой научной заслугой Редакционных комиссий стало составление и публикация свода данных о помещичьих имениях, так называемых «Описаний». Этот шеститомный труд был опубликован в качестве «Приложения к трудам Редакционных Комиссий» и, по признанию исследователей, является «ценнейшим источником по истории помещичьего хозяйства предреформенного времени». Наконец, нельзя не отметить, что проект реформы 1861 г. был разработан Редакционными комиссиями в предельно короткие сроки. Окончательный проект должен был пройти через три ступени обсуждения: совместное рассмотрение с 46-ю дворянскими комитетами, через Главный комитет и Государственный совет. И каждая инстанция сочла своим долгом урезать проект. Лишь спустя два десятка лет часть решений была реанимирована и воплощена в жизнь.

Заняв пост министра финансов в 1881 г., Н.Х. Бунге издает долгожданный указ об обязательности выкупа и о сокращении выкупных платежей в самом конце года (28 декабря) – податная реформа. Обязательность выкупа вводится с 1 января 1883 г. Что касается снижения выкупных платежей, то предусматриваются две градации: 1) общее снижение для большинства крестьянских дворов в целом на 27% годового оклада, т.е. на 12 млн руб. в год. Как пишут отечественные исследователи – «для бывших помещичьих крестьян они понижались на 1 рубль с каждого душевого надела, в целом для этой основной группы сельского населения на 8,5 млн руб.» (И.М. Бобович и др.) Были снижены выкупные платежи и для категорий государственных и удельных крестьян, однако этих сумм было далеко недостаточно для выкупа надела; 2) Специальное снижение для крестьянских дворов, пришедших в упадок и запустение. По данным историков-аграрников северных губерний, в Олонецкой губернии снижение выкупных платежей составило около 90%, т.е. там реформа стояла без движения.

В статье об отмене круговой поруки, опубликованной в 1969 г. в «Исторических записках», М.С. Симонова пишет: «Бунге – крупный представитель буржуазной тенденции («прусского типа») в экономической и аграрной политике – рассматривал отмену подушной подати как часть широкого и далеко идущего буржуазного преобразования всей налоговой системы самодержавия. Конечной целью податной реформы должна была быть ликвидация деления сословий на податные и неподатные. Однако осуществление своей программы Бунге рассматривал как дело весьма отдаленного будущего. Буржуазный принцип прогрессивно-подоходного обложения оставался недостижимым идеалом для российской финансовой системы. Более чем 30 лет спустя после “великой реформы” Бунге так и не смог отказаться от выкупных платежей крестьян как основы крепостнической податной политики». Это наблюдение абсолютно верно. Факты свидетельствуют, что в своей практической деятельности за границы реализации решений Редакционных комиссий Бунге не перешагнул.

В ноябре 1905 г. был издан указ о снижении с 1 января 1906 г. выкупных платежей вдвое, а с 1 января 1907 г. они были отменены. По подсчетам исследователей-аграрников, «уже в 1906 г. внесенные крестьянами выкупные платежи исчислялись в 1 570 млн руб., что почти вдвое превысило изначально

определенную сумму выкупа в 867 млн руб. (и втрое – рыночную оценку земель перед отменой крепостного права).

В 1899 г. и в 1903 г. в два этапа по инициативе С. Ю. Витте был ликвидирован еще один отживший крепостнический институт – круговая порука. М.С. Симонова, уделившая круговой поруке много сил и исследовательского внимания, в одной из своих работ писала: «Круговая порука была тягчайшим пережитком крепостного права в России и имела сугубо фискальный характер. В конце XIX в. круговая порука была одним из атрибутов дворянско-крепостнического курса аграрной политики самодержавия. Круговая порука и телесные наказания были одними из самых ярких выражений гражданского неравноправия крестьянства <...> круговая порука была дополнительным фактором, подрывавшим экономическое благосостояние всего крестьянства. Поскольку она являлась частью фискальной политики самодержавия, эксплуатировавшего все крестьянство как податное сословие».

Согласно закону 23 июня 1899 г. круговая порука была ликвидирована по уплате выкупных платежей, государственного поземельного налога и земских сборов для 18 млн крестьян. В то же время для 48% крестьян, владевших землей на общинном праве, она была сохранена, но ненадолго. В 1902 г. началось обсуждение вопроса о ликвидации круговой поруки в масштабе страны, тогда-то и выяснилось, что защитников у этого отжившего института много и не только в среде помещиков, но и государственных деятелей, считавших, что ликвидация подорвет основы общественного строя и всей государственной политики в отношении крестьянства. В марте 1903 г. круговая порука была отменена. Советские исследователи признавали, что отмена вошла в число уступок крестьянству, зафиксированных Манифестом 26 февраля 1903 г. (вместе с отменой телесных наказаний).

Следующей значительной уступкой крестьянству, связанной с изменившейся политической обстановкой в стране, стала ликвидация в 1886 г. архи-устаревшего, основного феодального налога, введенного еще Петром I – подушной подати. Трудно себе представить, что этот феодально-крепостнический налог, действовавший с 1724 г., сумел дожить до времен С.Ю. Витте и индустриализации. Эта подать, взимавшаяся не с имущества, а с личности человека, считалась тяжелой, она «составляла около 70% всей поступавшей в бюджет суммы прямых налогов». Подушная подать была заменена в 1886 г. для Европейской России поземельным налогом, несколько облегченным и действовавшим до 1917 г. Поземельный налог распространялся и на помещичье хозяйство. Это было новшеством. В Сибири подушная подать была отменена только в 1899 г.

Между тем к началу 1890-х гг. российское сельское хозяйство добилось значительных успехов, связанных с освоением новых земельных территорий, специализацией и районированием сельскохозяйственного производства, появлением агротехнологии и сельскохозяйственных машин, расширением применения удобрений, ростом урожайности и валовых сборов. Важную роль сыграли развитие кредита и повышение производительности труда. Но для того, чтобы закрепить и развить эти достижения аграрного сектора, необ-

ходимо было преодолеть последствия мирового аграрного кризиса перепроизводства продуктов, охватившего в середине 1870-х гг. европейские страны и ряд штатов Североамериканской республики.

Источники и литература

- Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998.
Бобович И.М. Экономическая история России 1861–1914 г. СПб., 1997.
Симонова М.С. Отмена круговой поруки в России. Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории восточной Европы (Ленинград, 1968 г.). М., 1968.
Симонова М.С. Отмена круговой поруки // Исторические записки. Вып. 83. М., 1969.
История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. VI. М., 1968.

Основные показатели эволюции пореформенного сельскохозяйственного производства, середина 1870-х гг. – середина 1890-х гг.

Развитие капиталистического сельского хозяйства и складывание единого рынка неизбежно оказывали воздействие на формирование интенсивных форм торгового земледелия, на районирование сельскохозяйственного производства. Многопольные севообороты постепенно вытеснили традиционное трехполье, расширился фронт мелиоративных работ, возводились ирригационные системы, в отдельных местностях наблюдалось широкое внедрение дренажа. На основе механизации и применения наемного труда увеличилось производство сельскохозяйственной продукции, резче обозначилась его специализация, возросли посевные площади, занятые высокоурожайными зерновыми и техническими культурами.

В то же время неоднородность, неравномерность развития капиталистических форм в стране, связанная с крестьянским малоземельем, чересполосицей, элементами натурального хозяйства и прочими остаточными явлениями, исключительное разнообразие аграрных отношений определили специфику сельскохозяйственного районирования и пестроту земледельческих систем. Капиталистическая эволюция сельского хозяйства на свободных от дворянского землевладения и крепостнических пережитков окраинных землях обусловила сравнительно быстрое развитие в этих районах торгового монокультурного земледелия. Напротив того, черноземный центр, западные и юго-западные губернии, являвшиеся оплотом дворянского землевладения, медленно и чрезвычайно болезненно включались в общий экономический процесс. Широкие возможности колонизации окраин, обилие доступных обработке плодородных земель задерживали развитие капитализма на великорусской территории и временно отсрочивали разрешение экономических противоречий. Однако замедление темпов эволюции капитализма в центральных районах лишь подготавливало почву для его более стремительного роста в будущем.

К началу нового столетия (1896–1900 гг.) площадь под посевами зерновых в европейской части страны достигла 64,1 млн десятин, в канун Первой мировой войны (1909–1913 гг.) – 72 млн десятин. Статистические исследова-

ния подтверждают общеизвестный факт, что на протяжении пореформенных десятилетий центр производства зерновых культур все отчетливее перемещался в районы степного юга, заволжских степей, Предкавказья, Западной Сибири. Другой, не менее характерный фактор изменений в аграрной сфере – перемены структуры посевных площадей в 50 губерниях Европейской России за полувековой период свидетельствует, что проникновение капитализма не только способствовало специализации районов, но и заметно меняло характер земледелия, терявшего свойственные ему прежде натурально-потребительские черты. Площади, занятые под посевами технических культур возросли почти вдвое, под посевами овоще-бахчевых и картофеля – более чем в 1,7 раза, под посевами кормовых культур – в 13 раз. В производстве зерновых значительно возросла доля так называемых товарных культур – пшеницы и ячменя, что подтверждало вывод о предпринимательском характере земледелия.

Расширение посевных площадей привело к заметному увеличению валовых сборов зерна, особенно возросших в последнее предвоенное десятилетие: в 1906–1910 гг. валовой сбор зерна составил 3,21 млрд пуд. в 1913 г. – 4,26 млрд пуд. При этом структура валовых сборов основных зерновых культур лишней раз подтвердила наблюдение о росте производства именно торгово-экспортных культур. Показательно и увеличение товарных фондов зерна, свидетельствующих, что с развитием торгового земледелия и с проникновением капитализма в сферу аграрных отношений производство зерна, отчуждаемого в продажу, возрастало быстрее, чем общее производство хлебов. На основании наиболее достоверных данных железнодорожных и водных перевозок, в 1896–1900 гг. фонд товарного хлеба составлял 919 млн пуд., в 1911–1913 гг. – 1317 млн пуд.

В 1880–1890-х гг. более 70% всех зерновых посевов приходилось на крестьянские наделные земли. Как справедливо заметил А.С. Нифонтов в монографии «Зерновое производство России во второй половине XIX века»: «от темпов и направления их развития сильно зависели результаты земледельческого производства всей страны». И, тем не менее, сборы зерновых с наделных земель не обеспечивали собственным хлебом 64,3% крестьянских семей в черноземной полосе и около 82% – в нечерноземной. Расширение посевных площадей крестьянских хозяйств имело место далеко не везде. Чаще всего оно наблюдалось в районах, где «производственные возможности наделного землепользования к тому времени еще не были исчерпаны». К концу века значение наделных земель несколько упало. Однако с учетом вне наделного землепользования удельный вес крестьянских хозяйств в общероссийских урожаях достигал 85%. (поразительные цифры!). Эти цифры свидетельствовали и о том, сколько быстро снижался экономический потенциал помещичьих латифундий.

К началу XX века заметно усилилась социальная дифференциация деревни, запашки зажиточного крестьянства приобретали все большую роль в производстве товарного зерна, отличавшегося высокой товарностью, примерно 34%. То же следует сказать и о помещичьих имениях, построенных на капиталистических началах. В силу развитой материально-технической базы, довольно высокого агротехнического уровня обработки земли и уро-

жайность, и товарность здесь были выше, чем на крестьянских землях. В 1913 г. 600 млн пуд. зерна, т.е. лишь 12% производилось в помещичьих латифундиях, но товарность помещичьего хлеба выражалась в 47% валового сбора. Середняцкие и бедняцкие крестьянские хозяйства производили не менее половины валового сбора зерна, однако товарность его была исключительно низкой – 14,7%.

Общеизвестный факт малой эффективности крестьянского земледельческого производства подтверждался многочисленными свидетельствами. Малоземелье, сохранение примитивных агрономических приемов и архаичных орудий труда, ежегодные посевы хлеба по хлебу, крайнее истощение почвы не способствовали прогрессу крестьянского хозяйства, обрекая массы земледельческого населения на трудную борьбу за сохранение экономической самостоятельности.

Урожай зерновых культур в России были низкими. По урожайности Россия далеко уступала европейским странам. В 1913 г. урожай пшеницы с десятины земли в Бельгии составил 168 пуд., в Германии – 157, в Австрии – 89, в России – только 55 пуд. В течение двух предвоенных десятилетий наблюдался более или менее стабильный рост урожаев овса и ячменя. Что касается пшеницы и ржи, то урожайность показывала постоянные сбои. Между тем высокая урожайность являлась гарантией благополучия крестьянских хозяйств. Расчеты академика С.Г. Струмилина, дополненные А.М. Анфимовым, об изменении элементов стоимости производства хлебов с одной десятины посева за период с конца 1880-х гг. до 1914 г. показали, что, несмотря на известные усовершенствования в технико-экономической организации земледелия, в ряде хозяйств все еще преобладал малопродуктивный ручной труд, «живая человеческая рабочая сила, стоимость которой была главным элементом авансированного капитала». Капитальные затраты на единицу площади возросли за три десятка лет всего лишь на 6,2%, прибавочный продукт увеличился в денежном выражении на 8,2%.

Статистические источники скупо и очень приблизительно раскрывают картину развития оборотов внутреннего рынка. По имеющимся данным можно судить, что в 1898 г., т.е. на грани веков обороты всей русской товарной торговли оценивались в 4,442 млн руб. Следует заметить, что для развития товарного земледелия в целом и для экономики прежде всего крестьянских хозяйств внутренний рынок имел первостепенное значение. На внутреннем рынке реализовывалось в 1,5 раза больше зерновых продуктов, нежели на внешнем. Он был устойчивее в силу постоянного роста потребности в продуктах первой необходимости сельского и городского населения и несмотря на падение покупательной способности его беднейших слоев. Но форсированный экспорт нарушал динамику развития внутреннего рынка, содействовал искусственному повышению цен и как следствие сокращению торговых операций, особенно в период неурожайных лет.

Несколько полнее сведения о масштабах экспортных операциях. Для России сельскохозяйственный вывоз имел первостепенное значение, ибо именно он обеспечивал активный торговый баланс. Встав на путь индустриального развития, страна крайне нуждалась в ввозе машин и прочего промышленно-

го оборудования. Компенсировать затраты по промышленному импорту мог только хлебный экспорт. С другой стороны, только хлебный экспорт обеспечивал выплату процентов по внешним займам империи и другим формам кредитной задолженности иностранному капиталу. Напряженный платежный баланс страны, развивавшей собственную индустрию за счет иностранных инвестиций, должен был компенсироваться активным сальдо по внешнеторговым операциям. Активный торговый баланс создавал устойчивость валютного курса, что в свою очередь являлось гарантией для привлечения в экономику России иностранного капитала. В одной из хранящихся в архивных фондах записок, адресованных министру финансов в 1895 г. находим следующие строки: Россия «призвана и приспособлена» покрывать все возрастающую потребность в хлебе, ибо со «своею высокою заработною платою ни Северная Америка, ни Аргентинская республика, ни Австралия не в состоянии будут долго бороться с русским производством».

Сопоставление данных о потреблении хлеба на душу населения в России с аналогичными данными западноевропейских государств свидетельствовало о низкой потребительской «норме», закрепившей за Россией одно из последних мест в ряду европейских государств (данные П. Лохтина, 1901 г.).

Чистый остаток хлеба на душу населения (в пудах); США — 66,9; Дания — 50,0; Канада — 47,0; Аргентина — 33,8; Франция — 30,2; Германия — 24,2; Россия — 22,4.

Не случайно известный исследователь международной торговли М.П. Федоров отметил в одной из своих работ (1889 г.): «Соединенные Штаты вывозят 8% всего хлебного сбора. Вывоз России составляет 11,6%, т.е. Россия напрягает свою вывозную способность значительно больше Америки».

Источники и литература

- Опыт исчисления народного дохода в 50 губ. Европейской России в 1900–1913 гг. / под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918. С. 28; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 11. М., 1956. С. 70, 79, 139.
- Карнаухова Е.С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951. С. 79.
- Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 238, 239, 280, 306.
- Бейлькин Х.Ю.* Падение цен и состояние хлебной торговли Белоруссии в годы аграрного кризиса конца XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972. С. 260.
- Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России. М., 1966. С. 46–49.
- Яцунский В.К.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 55.
- Струмилин С.Г.* Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. 1926. № 2. Февраль. С. 351; *Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 174–175.
- Федоров М.П.* Обзор международной хлебной торговли. СПб., 1889. С. 8, 9.
- Егиазарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 60.
- Арзумян А.А.* Аграрный кризис 80–90 годов в России // *Арзумян А.А.* Экономические проблемы общественного развития. М., 1968. С. 93.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы 1801–1917. М., 1994. С. 161.
- ² *Кони А.Ф.* Великая княгиня Елена Павловна // Великая реформа 19 февраля 1861–1911. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. V. М., 1911. С. 22–23.
- ³ *Князь Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Ч. 1: 1850–1865 гг. СПб., 1897. С. 18, 21.
- ⁴ *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. С. 27.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 20–21.
- ⁷ *Тимирязев К.А.* Развитие естествознания в России в эпоху шестидесятых годов // *Тимирязев К.А.* Сочинения. Т. VIII. М., 1939. С. 139.
- ⁸ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 290.
- ⁹ *Кони А.Ф.* Великая княгиня Елена Павловна. С. 37.
- ¹⁰ *Рамбо А.* Живописная история древней и новой России. М., 1994. С. 413. Приведенные А. Рамбо данные о численности крепостных в России близки к подсчетам известного советского историка В.А. Федорова, сделанным на основании 10-й ревизии 1858 г. Подсчеты Федорова опубликованы в 1966 г. См.: *Федоров В.А.* Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. 1: Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. М., 1966. С. 19.
- ¹¹ *Кони А.Ф.* Великий князь Константин Николаевич // Великая реформа 19 февраля 1861–1911 ... Т. V. С. 36.
- ¹² См.: *Манько А.В.* Чтения об особах российского императорского дома. М., 1994.
- ¹³ *Захарова Л.Г.* Александр II. С. 177.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России: [Сборник] / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 91.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Левичева И.Н.* Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII в. – начало XX в. М., 2004. С. 80–81.
- ¹⁸ *Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция ... С. 95.
- ¹⁹ *Кони А.Ф.* Великая княгиня Елена Павловна. Т. V. С. 30.
- ²⁰ *Дживелегов А.К.* Николай Алексеевич Милютин // Великая реформа 19 февраля 1861–1911 ... Т. V. С. 69.
- ²¹ Там же. С. 76, 86.
- ²² *Гагемейстер Ю.А.* «О финансах России» и о необходимых мерах по их упрочению», начало 1856 г. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 34.
- ²³ Там же. С. 16–17.
- ²⁴ *Левичева И.Н.* Ламанский Евгений Иванович. Управляющий Государственным банком в 1867–1881 годах // Из истории государственной кредитной системы России. С. 96–100.
- ²⁵ *Левичева И.Н.* Становление и развитие Государственного банка ... С. 84, 85, 92.
- ²⁶ *Кошелев А.* О нашем денежном кризисе. М., 1864. С. 6–7.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Хок С.* Банковский кредит, крестьянская реформа и выкупная операция ... С. 98.
- ²⁹ *Захарова Л.Г.* Александр II. С. 187.
- ³⁰ *Князь Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Ч. 1. С. 432–433.
- ³¹ См.: *Китанина Т.М.* О периодизации аграрного развития России в пореформенные десятилетия XIX в. в связи с правительственным законодательством // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России: Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сент. 2011. Псков, 2012. С. 19–26.

Библиография

- Анфимов А.М.* Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 208 с.
- Арзуманян А.А.* Аграрный кризис 80–90 годов в России // *Арзуманян А.А.* Экономические проблемы общественного развития. М.: Наука, 1968. С. 19–186.
- Бейлькин Х.Ю.* Падение цен и состояние хлебной торговли Белоруссии в годы аграрного кризиса конца XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972. С. 255–263.
- Бобович И.М.* Экономическая история России 1861–1914 гг.: Учеб. пос. СПб.: [б.и.], 1997. 104 с.
- Бовыкин В.И.* Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. М.: Наука, 1984. 287 с.
- Ваксер А.З.* Дружба через всю жизнь // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 9–13.
- Вахромеева О.Б.* Уроки жизнелюбия Таисии Михайловны Китаниной // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 6–8.
- Вахромеева О.Б., Пянкевич В.Л.* Таисия Михайловна Китанина – историк, ученый, педагог. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 3–5.
- Гагемейстер Ю.А.* «О финансах России» и о необходимых мерах по их упрочению», начало 1856 г. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб.: Лики России, 1999. С. 256–290.
- Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960. 414 с.
- Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1997. 622 с.
- Дживелегов А.К.* Николай Алексеевич Милютин // Великая реформа 19 февраля 1861–1911: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. V. С. 68–87.
- Егизарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 192 с.
- Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб.: Нестор–история, 2005. 502 с.
- Захарова Л.Г.* Александр II // Российские самодержцы 1801–1917. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 159–214.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. VI. М.: Наука, 1968. 856 с.
- История, университет, историк: Сб. научных статей к юбилею Таисии Михайловны Китаниной. СПб.: Ин-т истории С.-Петербургского государственного ун-та, 2014. 193 с.
- История экономики. Ч. 1: От древности до Второй мировой войны: Учеб. пос. Самара: Самарская гос. экон. акад., 1998. 319 с.
- Карнаухова Е.С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 216 с.
- Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1969. 180 с.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. 287 с.
- Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1985. 384 с.
- Китанина Т.М.* Рабочие Петербурга 1800–1861. Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1991. 297 с.
- Китанина Т.М.* Экономика и экономическая политика. Ч. I: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 144 с.
- Китанина Т.М.* Развитие концерна Путилова – Стахеева – Батолина и трансформация его финансово-промышленной стратегии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 718 с.

- Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.
- Китанина Т.М. О периодизации аграрного развития России в пореформенные десятилетия XIX в. в связи с правительственным законодательством // Проблемы аграрной истории Северо-Запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России: Труды межрегиональной научной конференции 20–22 сент. 2011. Псков: Печатный двор «Стерх», 2012. С. 19–26.
- Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика: Курс лекций. СПб.: Гуманитарная академия СПб., 2016. 352 с.
- Китанина Т.М. Проникновение крупного российского капитала в экономику Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Гуманитарная академия СПб., 2019. 224 с.
- Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь. Саратов: Изд-во «Летопись», 1998. С. 167.
- Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории. Саратов: Изд. центр Саратов. гос. соц.-экон. ун-та «Летопись», 2000. С. 232.
- Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России XX век: Биобиблиографический словарь. Т. 1. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2005. С. 423–424.
- Китанина Т.М. // Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века. Библиографический словарь. Т. 2. М.: Собрание, 2017. С. 91.
- Китанина Таисия Михайловна // Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Биобиблиографический словарь / сост. Г.А. Тишкин. СПб.: С.-Петербургский государственный ун-т, 2005. С. 275.
- Китанина Т.М. // Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета 1834–2004. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 356–359.
- Китанина Т.М. // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории / отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 89.
- Князь Мецкерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 1: 1850–1865 гг. СПб.: Типография князя В.П. Мецкерского, 1897. 454 с.
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 413 с.
- Кони А.Ф. Великая княгиня Елена Павловна // Великая реформа 19 февраля 1861–1911: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. V. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 14–34.
- Кони А.Ф. Великий князь Константин Николаевич // Великая реформа 19 февраля 1861–1911: русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. V. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 34–51.
- Коселев А. О нашем денежном кризисе. М.: тип. Бахметева, 1864. 54 с.
- Левичева И.Н. Ламанский Евгений Иванович. Управляющий Государственным банком в 1867–1881 годах // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII в. – начало XX в. М.: Технологии, центр «Тушино» при ЦБ РФ, 2004. С. 96–100.
- Левичева И.Н. Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России ... С. 80–85.
- Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1956. 643 с.
- Манько А.В. Чтения об особах российского императорского дома. М.: Просвещение, 1994. 171 с.
- Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1974. 318 с.
- Опыт исчисления народного дохода в 50 губ. Европейской России в 1900–1913 гг. / под ред. С.Н. Прокоповича. М.: [б.и.], 1918. 86 с.
- Сысью Александр II Константиновичу 1 февраля 1857 г. // Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя константина Николаевича. 1857–1861 г. М.: ТЕРРА, 1994. С. 291–293.
- Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М.: Изд-во «Современник», 1994. 448 с.
- Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Изд-во Рус.-балт. информ. центр «Блиц», 1995. 415 с.
- Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России. М.: Наука, 1966. 261 с.

- Симонова М.С.* Отмена круговой поруки в России. Тезисы докладов и сообщений десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, 1968 г.). М.: [б.и.], 1968. С. 120–123.
- Симонова М.С.* Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т. 83. М.: Акад. наук СССР, 1969. С. 159–195.
- Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 398 с.
- Струмилин С.Г.* Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. 1926. № 2. Февраль. С. 341–359.
- Струмилин С.Г.* Очерки советской экономики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1928. 355 с.
- Тимирязев К.А.* Развитие естествознания в России в эпоху шестидесятых годов // *Тимирязев К.А.* Сочинения. Т. VIII. М.: Сельхозгиз, 1939. С. 137–177.
- Федоров М.П.* Обзор международной хлебной торговли. СПб.: тип. М-ва вн. дел, 1889. 361 с.
- Федоров В.А.* Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Вып. 1: Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 100 с.
- Хок С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России: [Сборник] / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 90–105.
- Шепелев Л.Е.* Акционерные коммерческие банки в годы первой мировой войны // Исторические записки. 1963. Т. 73. С. 156–193.
- Яцунский В.К.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 года // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 44–64.

SUMMARY

Galina N. Ulianova

«Cloth for Kyakhta, the army and internal trade»: the history of the cloth mill 'The Babkin Brothers' in Kupavna, Moscow province. 1803–1900s

Summary. This article focuses on the issue of the centenary history of the biggest cloth mill 'The Babkin Brothers' in the village of Kupavna, Moscow Province. It investigates the issues of the supply of uniform cloth by orders of the Ministry of Defense and trade with China through Kyakhta. Employing the microhistorical method and drawing on various archival and published sources as industry and trade statistics inventories, merchants' registers (since 1805 to 1910), industrial and trade exhibitions surveys, diaries and memoirs, this article analyses a business activity of Babkins merchant family. The essay chronologically covered a long period within the Russia industrialization from the beginning of the nineteenth century until the beginning of the twentieth century.

Keywords: Entrepreneurship, Merchants, Industry, Trade, Textile Factories, Imperial Russia, Moscow, Kyakhta

Inga V. Maslova

Ivan Stakheev – representative of the pre-revolutionary business elite of the Russian Empire

Summary. The article examines the process of forming the business elite in the Russian Empire in the period 1900–1917. On the example of entrepreneurial activity of the Elabuga merchant Ivan Ivanovich Stakheev. Leaving the family trading house and embarking on the path of individual entrepreneurship, I. Stakheev enters into partnership with Prokopy Batolin, a native of a peasant environment, but a person endowed with a brilliant entrepreneurial talent. Young entrepreneurs join the process of monopolization in Russia, establish the partnership «I. Stakheev and C°» and actively penetrate the stock market of the country. To attract capital, the Stakheev group is establishing a partnership with the head of the Russian-Asian Bank Alexei Putilov, the result of which is the formation of the Putilov – Stakheev – Batolin concern.

By 1918, the concern had seized a leading position in the leading industries, trade and transport in Russia and entered foreign markets.

Keywords: Entrepreneurship, Putilov – Stakheev – Batolin concern, «I. Stakheev and C°», Ivan Stakheev, Russian-Asian Bank

Dmitriy A. Prokhorov

Commercial advertising of Karaites industrial enterprise in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)

Summary. The article examines the role of the Karaites to the development of the industry of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Marketing campaigns and advertising products have become one of the components of the commercial success of enterprises of various specializations. Karaites made a significant contribution to the development of the economic life of Russia in general and the Taurida province in particular. The main activities of the Karaites were industries associated with the production of a wide range of household and food products, tobacco growing and industrial production of tobacco products. Large enterprises of this profile operated in the cities of the Taurida province, as well as in Moscow, St. Petersburg, Kharkov, Odessa and other cities of the empire. Thanks to the high quality, thoughtful marketing and col-

orful, informative advertising, the products of the factories, which were in charge of the Karaites, enjoyed well-deserved popularity among various segments of the population. In addition to a wide representation in the food and industrial sector, many Karaites developed a balneological resort direction, in many ways being its pioneers in Russia.

Keywords: Crimea, Karaites, Advertising, Marketing, Economics, Industry

Evgeniy G. Neklyudov

Regional Mining Administration in Russia institutional dynamics of the 19th – early 20th centuries

Summary. Based on the analysis of legislation, office documentation, periodicals and scientific literature, the history of the regional component of mining administration in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. The novelty of the study lies in the fact that this story is viewed in the context of two major reforms of the organizational foundations of the domestic mining industry, which helps in interpreting the changes that have taken place over a period of more than a century. It was established that one of them, carried out in the first half of the century, led to the creation of a mining department within the Ministry of Finance. It consisted of three levels, the main of which was the regional one, represented by three institutions that oversaw the development of industry in the largest metallurgical regions of the empire – the Urals, Zamoskovye and Olonetsk. Each of them had its own specifics in the structure and nature of coordination with the provincial government, in addition to their specialized duties, performing social, police and judicial functions. The mining department of that time was a «complete system of a separate administration», which fully corresponded to the social structure and the protoindustrial level of industrial development with its characteristic underdeveloped entrepreneurship. Another reform that stretched out from the 1860s until the beginning of the 20th century, led to the strengthening of the role of the mining department, which covered almost the entire territory of the empire (excluding Finland and partly Central Asia) with its regional authorities – eight mining departments and mining supervision structures. At the same time, regional bodies were unified in composition and specialized in their profile responsibilities, without overlapping with the functions of other departments. The renewed mining department corresponded to the new – early industrial – level of industrial development with dynamically developing entrepreneurship and was organically integrated into the system of public administration.

Keywords: Russia, XIX – early XX centuries, Mining industry, Mining department, Mining reform, Regional institutions

Pavel S. Grebenyuk

Gold mining and gold resources of Russia and the USSR in the first half of the XX century

Summary. The article analyzes publications and archive materials pertaining to on gold mining and gold resources in the context of the Russian and Soviet gold industry's development in the first half of the XX century, and demonstrates the significance of gold as a factor of the state policy. The author highlighted the stages of development of the gold industry: the period 1901–1913 characterized by an annual increase in gold mining, the development of mechanization, an increase in the production of ore gold; during the First World War in 1914–1917 followed by a decrease in gold production, and in the conditions of the Civil War of 1918–1922 there was a sharp drop in gold mining. The period of 1923–1930 saw the provision of exclusive benefits to gold industry enterprises, and private capital was allowed; period 1931–1945 associated with the existence of ordinary and extraordinary sector, expressed in the activities of the two major organizations – «Glavzo-

loto)/«Glavspetsmet» and «Dalstroy»; in 1946–1953, the entire gold industry of the country was functioning under the jurisdiction of the Soviet Interior Ministry on the basis of labor mobilization of convicts. Industrial output of chemically pure gold stood at 682,5 tonnes in 1901–1917, 29.5 tonnes in 1918–1922, about 200 tonnes in 1923–1930, 1,049 tonnes in 1931–1940, and around 1,200 tonnes in 1941–1950. In 1931–1950 gold was mostly produced by two entities: «Glavzoloto»/«Glavspetsmet» and «Dalstroy» mined 2,029.4 tonnes, including 1,116.2 tonnes (approximately 55%) produced by «Glavzoloto», and 913.2 tonnes (roughly 45%) by «Dalstroy». Gold was one of the few commodities, which was always in demand on the global market and used in case of national emergencies and crises for adjusting the foreign trade deficit, guaranteeing foreign loans, and procuring goods which the Soviet Union was either unable to make or could not afford the cost of their production. The development of the Soviet gold industry did not derive from loss and revenue estimates; it was a decision made by the national administration in the late 1920s – early 1930s on the basis of memory of the economic embargo of the Civil War, the experience of the Great Depression, and the belief in the absolute significance of gold for the functioning of Western economies.

Keywords: Gold, The gold industry, Soviet gold mining, Gold export, Gold reserves, Russian Empire, The USSR, «Glavzoloto», «Dalstroy», The Soviet Interior Ministry

Yuriy P. Golitsyn

Financial and economic problems of Russian–Ukrainian relations in the summer of 1918

Summary. The article discusses the issues that were discussed at the Russian-Ukrainian negotiations held in Kiev in the summer and autumn of 1918 in accordance with the obligations set out in the Brest-Litovsk Peace Treaty on March 3, 1918 between Soviet Russia and Germany, Austria-Hungary, Turkey and Bulgaria. An attempt is made to show options for dividing the financial system of the Russian Empire, including cash, bank assets, railways, public debt and state property, between two independent states with different socio-political and economic systems. The article also describes the difficulties of negotiations on establishing a bilateral mutually beneficial trade exchange between the RSFSR and the Ukrainian state due to strict control by Germany.

Keywords: Soviet Russia, Ukrainian state, Brest-Litovsk Peace Treaty, Russian-Ukrainian negotiations, Monetary system, Currency, Public debt, Banks, Railways, State property, Commodity exchange

Mikhail S. Sudovikov

Economic projects and proposals of merchants of Vyatka province of the second half of the XVIII–XIX centuries: trade, banks, taxes

Summary. The article discusses economic projects and proposals developed by representatives of one of the regional groups of the merchant class of Russia in the second half of the XVIII–XIX centuries – the merchants of Vyatka province and implemented in full or in part with close cooperation between government and business. The author analyzes the instructions of the provincial merchants to the Laid Commission of Catherine II, which contained specific proposals for reforming the economic situation of this segment of the population, which, in turn, testified to the increasing role of merchants and industrialists in the economic life of the country and the growth of their self-awareness. The article notes that the large capitals of the representatives of the business world of the north-east of European Russia were formed mainly on the basis of wholesale trade in agricultural products through the Arkhangelsk port. The professional occupations of the merchant of the 1st guild, Xenophon Alekseevich Anfilatov (1761–1820), whose business activity

flourished during the reign of Alexander I, are investigated. He responded to the challenges of his era – the incessant Napoleonic wars, the establishment of the continental blockade of England, the occupation of Holland by Bonaparte, etc. – with bold proposals for organizing trade with new economic partners on another continent – in North America. The steps of K.A. Anfilatov related to the opening of one of the first public city banks in Russia with the aim of financial support of the business community of the Russian province are also reflected. The article deals with the proposals of merchants Yakov Alekseevich Prozorov (1816–1881) and Alexander Nazarovich Kuznetsov (1831–1895) regarding the arrangement of roads for the transportation of goods to Arkhangelsk, which sounded on the pages of the “Proceedings of the Imperial Free Economic Society” in the era of the great reforms of Alexander II. The article highlights the activities of merchant Konstantin Ignatievich Klepikov (1821–1907), who in 1862 advocated the imposition of an excise tax on “phosphorus incendiary matches”. The author states that during the period under study, the merchants gradually went beyond the class interests; they did not shy away from solving complex economic issues and saw benefits in setting up new businesses not only to increase their own capital, but also to increase the economic well-being of the business community and the state as a whole. Merchants demonstrated a propensity for dialogue with the authorities and the ability to find rational approaches to solving existing problems.

Keywords: Merchants, Laid Commission of Catherine II, Vyatka province, Arkhangelsk port, trade, City public banks, K.A. Anfilatov, Ya.A. Prozorov, A.N. Kuznetsov, K.I. Klepikov

Zhang Guangxiang

Russia at the crossroad: discussions about the directions of the agricultural policy at the end of XIX – beginning of XX centuries

Summary. After the defeat in the Crimean War, Russia gradually set the course for the development of industry. However, the serious problems of land relations, especially the problem of the «impoverishment of the nobility» of the center, forced the state to make a choice between industry and agriculture. At the end of XIX – beginning of XX century in Russia there was a heated discussion about agrarian policy between the landowners, the Ministry of Finance, the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of State Property (Ministry of Agriculture and State Property since 1894). The measures taken by the Ministry of Finance to support agriculture (organization of agricultural credit, etc.) did not give the proper result, which revealed the weakness of the mechanism of action and decision-making by the autocracy. No matter how the ruling elite argued, looking at the problem through the eyes of peasants and landowners, the nobility and peasantry were cut off from government policy.

Keywords: Agriculture, Agricultural policy, Agricultural credit at the end of XIX – beginning of XX century

Gennadii E. Kornilov

Ural village and war: agrarian development

Summary. The history of agriculture and the collective farm peasantry during the Great Patriotic War has an extensive historiography. However, some problems require deep and comprehensive research, especially in connection with the appearance of articles on the practical collapse of the collective farm system, its inefficiency and inability to provide food to the population. The purpose of the article is to analyze agricultural production and the forms of its organization in the Urals, to identify the features of their development in war conditions. The article was prepared on the basis of annual reports of the main producers and suppliers of agricultural products during the war years (collective farms, state farms, machine and tractor stations, subsidiary plots of industrial enterprises, personal farms of citizens). The features of agricultural development in the rear region, changes in the structure of the rural economy of the region, the ratio of forms of organization of agricultural

production are revealed. The author proves that the industrial Urals during the war years turned into one of the important food bases of the belligerent country. The rural economy of the region withstood the harsh conditions of the war, but was significantly weakened.

Keywords: Agrarian economy, The Ural village, The Great Patriotic War, Collective farms, State farms, Machine-tractor stations, Agriculture, Animal husbandry, Procurement of agricultural products

Olga M. Verbitskaja

The medical sphere in the 1990s and the health of the villagers

Summary. The results of agrarian reform of the 1990s are analyzed in the context of its impact on health of the rural population; the reduction of the rural network of medical institutions, the deterioration of the technical equipment. Conclusion: the sharp deterioration of the state medical institutions and the aggravation of the personnel problem in them is the result of insufficient funding. The other side of problem is the state of health and mortality of rural residents. The main trends are studied, their significant increase relative to previous period is proved; common are special features in the urban and rural population are highlighted. The structure of morbidity is largely the same, there are noticeable differences in the causes of mortality. The destructive role of high alcoholization of the village, especially of men of working age, is emphasized; which made their average life expectancy noticeably shorter than that of rural women. In general, during the peaceful period of 1990s, the numerous human losses of the village are largely explained by the costs of the agrarian policy of the state, which in these years has significantly weakened the performance of its functions, including monitoring the implementation of citizens rights for medical care.

Keywords: Agrarian reform, Rural medical facilities, Technical equipment, State funding, Health status, Morbidity and mortality rate, «Social» diseases, Occupational injuries, Alcoholism level, Average life expectancy

Mikhail Yu. Mukhin

Preparation of Soviet industry for war in the interwar period (Military production and mobilization preparation of civilian industry)

Summary. The article examines the main aspects of preparing the industry of the Soviet Union for functioning in wartime, carried out in 1921–1941. Particular attention is paid to the issues of interaction between defense and civilian industries. On the basis of the materials studied, the author comes to the conclusion that, although the tasks set for the Soviet industry were not fully solved, nevertheless, measures for mobilization preparation played a huge role in significantly increasing the defense capability of the USSR, which, ultimately, predetermined the victory of the USSR in the Great Patriotic War.

Keywords: Mobilization preparation, Industrialization, Defense industry, History of Stalinism, History of economics, Interbellum, Great Patriotic War, Tank industry, Aircraft industry, Metallurgy

Mikhail G. Nikolaev

Barter trade and currency circulation in the Soviet POW camps according to the eyewitness accounts

Summary. The article attempts to identify specific barter forms typical of different POW camps during the Great Patriotic War (1941–1945). The analysis is based on memoirs and diaries.

Evidence under analysis carry inference that currency circulation in camps on the occupied territories of the USSR was quickly displaced by barter trade, and the special camp bonds used on the German territory were not able to compete against it. The basic form of the camp currency was a bread portion and a tobacco portion. Semi-legal camp markets, with food and tobacco as main currencies, were closely linked to «foreign trade» in which camp guards and local population were involved. The guards willingly bought prisoners belongings – personal ones as well as those provided by camps – and handicraft items.

Keywords: Soviet POW, Camp markets, Currency circulation, Barter trade, Handicraft production

Rudolf G. Pikhov

Radical economic reforms of the 1980s in the USSR

Summary. The article analyzes economic reforms in the USSR in the 1980s on reliable and diverse sources. The conclusion is made about the natural nature of the collapse of the Soviet political system. The author proves that radical market reforms in the USSR began already in 1988 under the government of N.I. Ryzhkov.

Keywords: The USSR, Perestroika, Economic reforms, Nomenclature, Cooperatives

Fatima V. Malkhozova

The beginning of radical economic reforms in Russia. 1992–1993

Summary. This article explores a small but important period in modern history, the beginning of radical economic reforms in Russia. The market economy required qualitative changes in property relations, the institutional foundations of the economy and the management system. The conditions under which the reforms began were the most unfavorable, which was due to the collapse of the USSR, the food and social crisis. Economic reforms required appropriate legislative support. The creation of a legal framework for reforms became the main task of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of Russia. At the same time, during the first most difficult period of reforms, the president requested and received from the congress the right to issue decrees on economic issues throughout the year.

Economic reforms in Russia took place against the backdrop of an acute conflict between the executive and representative branches of government. The need for economic reforms was not questioned by anyone, but the drama of the confrontation lay in the unwillingness to negotiate and the inability to find political solutions, for which the population of Russia had to pay a high price.

Keywords: Economic reforms, Congress of People's Deputies, Supreme Council, Representative power, Radical economic reforms, Price liberalization, Food security, Nineties, Social policy, Gaidar, Yeltsin

Alexander A. Bessolitsyn

Formation of electric and technical industry in Russia at the edge of XIX–XX centuries (historiography of the problem)

Summary. The article contains the analysis of the major steps of the research of the history of Russian electric and technical industry. Joint stock electric and technical companies emerged from the branches of foreign (mainly German) companies were developing in Russia during the period of economic modernization at the edge of XIX–XX centuries. The author points out that the

formation of historiography of the problem began at All-Russian electric and technical congresses at the beginning of the XX century. On these congresses, apart from discussion of technical issues directly associated with the industry, European and North-American experience of the electric and technical development was actively studied, tasks related to the development of all levels of technical and engineering education were discussed, etc. The presentations of the congresses' participants (electric and technical engineers, founders, directors of joint stock companies, tutors of industrial high schools, etc.) were published as separate brochures, articles in industrial publications. In this regard, the early stage of the industry research was the most productive one. At the second stage of the research of electric and technics, which lasted during the whole soviet period, this topic was considered mostly in fragments, in terms of GOELRO plan development. Certain publications were devoted mostly to the analysis of the influence of foreign investments to the development of the industry as well as activity of certain electric and technical companies. This tendency continues to be in place during post-soviet period. However, recently the research of this problem became to be of a more interest in the context of increasing the quality of human capital during the pre-revolutionary modernization. At the sametime, this direction of research is still at the early stage and should be further developed.

Keywords: Electric and technical industry, Historiography, Human capital, Technical and commercial education, Joint stock companies

Содержание

Предисловие	3
История предпринимательства в России	
<i>Ульянова Г. Н.</i> «Сукно для Кяхты, армии и внутренней торговли»: история фабрики братьев Бабкиных в Купавне Московской губернии. 1803–1900-е гг.	9
<i>Маслова И. В.</i> Иван Стахеев – представитель предреволюционной бизнес-элиты Российской империи	28
<i>Прохоров Д. А.</i> Предпринимательская деятельность караимов и коммерческая реклама их предприятий в Российской империи в XIX – начале XX в.	41
История горнодобывающей промышленности России	
<i>Неклюдов Е. Г.</i> Региональное горное управление в России: институциональная динамика XIX – начала XX в.	89
<i>Гребенюк П. С.</i> Золотопромышленность и золотые ресурсы России и СССР в первой половине XX в.	130
История финансов и банков	
<i>Голицын Ю. П.</i> Финансово-экономические проблемы российско-украинских отношений летом 1918 года	171
<i>Судовиков М. С.</i> Экономические проекты и предложения купечества Вятской губернии второй половины XVIII–XIX в.: торговля, банки, налоги	199
Аграрная история	
<i>Чжан Гуансян.</i> Россия на перепутье: дискуссии о направлениях аграрной политики в конце XIX – начале XX в.	217
<i>Корнилов Г. Е.</i> Уральское село и война: аграрное развитие	257
<i>Вербицкая О. М.</i> Медицинская сфера в 1990-е гг. и здоровье жителей российского села	270
Экономика войны	
<i>Мухин М. Ю.</i> Подготовка советской промышленности к войне в межвоенный период (Военные производства и мобилизационная подготовка гражданской индустрии)	299
<i>Николаев М. Г.</i> Меновая торговля и денежное обращение в лагерях для советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) по свидетельствам очевидцев	323
Экономика переходного периода	
<i>Пихоя Р. Г.</i> Радикальные экономические реформы 1980-х гг. в СССР	371
<i>Малхозова Ф. В.</i> Начало радикальных экономических реформ в России. 1992–1993 гг. ...	390
Историография	
<i>Бессолицын А. А.</i> Формирование электротехнической отрасли в России на рубеже XIX–XX вв. (историография проблемы)	435
Памяти Т. М. Китаниной	
<i>Петров Ю. А.</i> Предисловие	455
<i>Китанина Т. М.</i> К вопросу об аграрном секторе экономики России и индустриализации в пореформенный период	456
Summary	487

Contents

Editorial notes	3
BUSINESS HISTORY IN RUSSIA	
<i>Galina N. Ulianova.</i> «Cloth for Kyakhta, the army and internal trade»: the history of the cloth mill ‘The Babkin Brothers’ in Kupavna, Moscow province. 1803–1900s	9
<i>Inga V. Maslova.</i> Ivan Stakheev – representative of the pre-revolutionary business elite of the Russian Empire	28
<i>Dmitriy A. Prokhorov.</i> Commercial advertising of Karaites industrial enterprise in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)	41
THE HISTORY OF MINING INDUSTRY OF RUSSIA	
<i>Evgeniy G. Neklyudov.</i> Regional Mining Administration in Russia: institutional dynamics of the 19th – early 20th centuries	28
<i>Pavel S. Grebenyuk.</i> Gold mining and gold resources of Russia and the USSR in the first half of the XX century	130
THE HISTORY OF FINANCE AND BANKING	
<i>Yury P. Golitsyn.</i> Finance and economic problems of Russia-Ukrainian negotiations in 1918	171
<i>Mikhail S. Sudovikov.</i> Economic projects and proposals of merchants of Vyatka province of the second half of the XVIII – XIX centuries: trade, banks, taxes	189
THE AGRICULTURAL HISTORY	
<i>Zhang Guangxiang.</i> Russia at the crossroad: discussions about the directions of the agricultural policy at the end of XIX – beginning of XX centuries	199
<i>Gennadii E. Kornilov.</i> Ural village and war: agrarian development	257
<i>Olga M. Verbitskaya.</i> Medical sphere in 1990-s and the health of people in Russian countryside	270
THE ECONOMY OF WAR	
<i>Mikhail Yu. Mukhin.</i> Preparation of the soviet industry to the war during the period between the wars (Military industries and mobilization of civil industry)	299
<i>Mikhail G. Nikolaev.</i> Barter trade and currency circulation in the Soviet POW camps according to the eyewitness accounts	323
ECONOMY OF TRANSITIONAL PERIOD	
<i>Rudolf G. Pikhoia.</i> Radical economic reforms of the 1980s in the USSR	371
<i>Fatima V. Malkhozova.</i> Fight for economic reform in Russia. 1992–1993	390
HISTORIOGRAPHY	
<i>Alexander A. Bessolitsyn.</i> Formation of electric and technical industry in Russia at the edge of XIX–XX centuries (historiography of the problem)	435
TO THE MEMORY OF T.M. KITANINA	
<i>Yuriy A. Petrov.</i> Editorial notes	455
<i>Kitanina T.M.</i> On the issue of the agricultural sector of Russian economy and industrialization during the post-reform period	456
Summary.....	487

Научное издание

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ**

Ежегодник. 2021

*Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: Е. В. Добычина
Макет и оформление: Л. В. Лобанова

Подписано к печати 09.06.2022
Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31. Уч.-изд. л. 36,65.
Тираж 300 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
